

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
НАЦИСТОВ
И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ МИРНОГО
НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**БЕЗ СРОКА
ДАВНОСТИ**

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

**БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ:
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
НАЦИСТОВ
И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ МИРНОГО
НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

**РЕСПУБЛИКА
КАРЕЛИЯ**

Москва
2020

СЕРИЯ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ»

Редакционная коллегия серии:

Е. И. Пивовар, *доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН;*
Б. Н. Ковалев, *доктор исторических наук, профессор;*
Е. Ф. Кринко, *доктор исторических наук, профессор;*
А. Л. Бормотов, *кандидат технических наук;*
В. Г. Кузьмин, *кандидат исторических наук;*
Е. П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент,*
Почетный архивист России;
М. А. Пономарева, *кандидат исторических наук, доцент;*
Е. М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Ответственные редакторы серии:

Е. П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент,*
Почетный архивист России;
Е. М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Настоящее издание представляет часть серийной публикации и включает архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающие факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Каждый том посвящен одной из оккупированных в годы войны территорий РСФСР.

Редакционная коллегия:

С. Г. Веригин, *доктор исторических наук;*
А. Н. Лесонен, А. Н. Морозов, Е. В. Усачева

Ответственный составитель:

Е. В. Усачева

Составители:

Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева,

О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова

Автор научной статьи:

С. Г. Веригин, *доктор исторических наук*

Авторы археографического предисловия:

Е. В. Рахматуллаева, Е. В. Усачева

Автор указателей:

Е. В. Усачева

Б39 **Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны.** Республика Карелия : Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Е. В. Усачева; сост. Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева, О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова. – М. : Фонд «Связь Эпох» : Издательство «Кучково поле», 2020. – 408 с. : ил.

ISBN 978-5-907171-26-8

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

СОДЕРЖАНИЕ

Без срока давности: преступления финских оккупантов и их пособников против мирного населения Карелии	19
Археографическое предисловие	56

Раздел 1. Организация финского оккупационного режима. Преступления против мирного населения на оккупированной территории Карелии 67

1. Обращение фельдмаршала Маннергейма к населению Карелии в связи с установлением оккупационного режима на территории, занятой финскими войсками.	69
2. Предписание командира 3-го пехотного корпуса финской армии генерал-майора Сииласвуо о выяснении личности гражданских лиц, задержанных на занятой территории, и проведении допроса.	70
3. Из отчета Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. — о составе населения оккупированной территории по округам и населенным пунктам.	71
4. Из отчета Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. — о снабжении продовольствием населения оккупированной территории.	72
5. Из приказа по Военному управлению Восточной Карелии о выдаче населению разрешения на проживание	73
6. Распоряжение Военного управления Восточной Карелии Олонекскому окружному начальнику о раздельном расселении жителей карельской и русской национальностей.	74
7. Положение Военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях	74
8. Из обращения военнослужащего финской армии, учителя школы в Верхней Видлице М. Канту к Видлицкому областному начальнику Я. Валанне по поводу жалоб населения Олонекского района на жестокое обращение финских военнослужащих	79
9. «Материалы по делу Ю. Хаккарайнена».	81
10. «Предостережение»	82
11. Справка о расценках на лесные, сплавные и сельскохозяйственные работы Олонекского окружного штаба Военного управления Восточной Карелии	84
12. Из протокола допроса военнопленного Э. Импонена, начальника Военного управления Восточной Карелии в деревне Пахомова Гора Калевальского района — об организации оккупационного режима	85

13.	Из заявления М. И. Акимовой в Чрезвычайную государственную комиссию о проживании в оккупированном городе Петрозаводске	88
14.	Из заявления З. А. Арбузовой в Чрезвычайную государственную комиссию о содержании в заключении	89
15.	Из протокола допроса Е. Н. Власовой о ее нахождении в Космозерской тюрьме, в концлагерях Киндасово и Колвасозеро	91
16.	Из воспоминаний Ю. И. Кононова о жизни в оккупированном городе Петрозаводске и в Матросах.	95
17.	Заявление заведующего Ламбасручейской начальной школой А. А. Никитина в Чрезвычайную государственную комиссию о проживании на оккупированной территории Заонежского района	97
18.	Из протокола допроса М. О. Паананен о ее нахождении в Колвасозерском лагере	100
19.	Из протокола допроса М. Н. Партанен о ее нахождении в Колвасозерском концлагере и Киндасовской тюрьме	105
20.	Из протоколов допросов Н. Н. Петракова о проживании в оккупированном городе Петрозаводске и пребывании в концлагере № 2	108
21.	Из воспоминаний Н. А. Стригиной о жизни в оккупации в деревне Космозеро.	110
22.	Из протокола допроса Ф. П. Фокина о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	112
23.	Из протокола допроса П. Ф. Якимца о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и о положении населения в оккупированном городе	114
24.	Из статьи Н. Шитова «В белофинском плену. По рассказам партизан» об оккупационном режиме на захваченной территории.	115
25.	Из статьи Н. Шитова «Не забудем, не простим» о расстрелах мирного населения КФССР.	117
26.	Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу о ходе выполнения директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 г. по Карело-Финской партийной организации — об оккупационном режиме, установленном в Шелтозерском и Заонежском районах КФССР	118
27.	Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова и заведующего организационно-инструкторским отделом И. В. Власова, направленной заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу о положении на оккупированной территории КФССР — об оккупационном режиме, установленном на территории города Петрозаводска	122
28.	Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова и заведующего организационно-инструкторским отделом И. В. Власова заведующему отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу «О работе ЦК КП(б)	

	КФССР на оккупированной территории республики за время с 15 июня по 15 августа 1942 г.» — об оккупационном режиме, установленном в Сегозерском и Заонежском районах КФССР	127
29.	Из докладной записки об экономическом и политическом состоянии Финляндии и оккупированной территории Карело-Финской ССР по состоянию на 10 октября 1942 г., направленной представителем Центрального штаба партизанского движения членом Военного совета Карельского фронта С. Я. Вершининым начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко — о положении населения в Кестеньгском и Шелтозерском районах.	129
30.	Из «Справки о злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР».	130
31.	Из «Информационной записки о некоторых фактах злодеяний белофинских оккупантов над советскими гражданами и о разрушениях народного хозяйства на оккупированной территории КФССР (по материалам подпольных парткомсомольских групп ЦК КП(б) в Шелтозерском, Ведлозерском и Олонецком районах)», направленной заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власовым секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову	133
32.	Из «Справки о злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР (по данным НКГБ КФССР)»	138
33.	Радиограмма руководителя Шелтозерской подпольной группы Д. Е. Тучина об избиении учеников Бережно-Шелтозерской школы	140
34.	Из «Докладной записки о положении на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР на 1 июня 1944 г. (составленной по материалам подпольных партийно-комсомольских организаций КФССР)», направленной секретарем ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприяновым и заведующим организационно-инструкторским отделом И. В. Власовым заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу.	141
35.	Из информационной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) Н. И. Кукелева первому секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову и заведующему сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б) КФССР Айдыняну о положении в Заонежском районе, освобожденном от оккупации.	145
36.	Протокол допроса обвиняемого Н. И. Павлова, бывшего переводчика отдела надзора Главной ставки финской армии в Заонежском районе.	148
37.	Из докладной записки инструктора организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б) КФССР Серышева в ЦК КП(б) КФССР «О ходе работ по восстановлению органов власти и хозяйства в Заонежском районе КФССР, освобожденном Красной армией от немецко-финских захватчиков».	150
38.	Справка о наличии концлагерей на территории КФССР в период оккупации	152

39.	Из докладной записки инструктора организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б) КФССР Кудрявцева заведующему организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власову «О состоянии организационной, партийно-массовой работы и восстановления народного хозяйства по Заонежскому району»	154
40.	Из акта Кондопожской районной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Кондопожского района.	156
41.	Из докладной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) КФССР Н. И. Кукелева заведующему организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власову о положении в Заонежском районе, освобожденном от оккупации.	158
42.	Из «Справки о финских чиновниках-оккупантах, чинивших зверства над населением КФССР», составленной на основе показаний Н. И. Павлова, бывшего переводчика отдела надзора Главной ставки финской армии в Заонежском районе.	159
43.	Из докладной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) Н. И. Кукелева и председателя исполкома Заонежского райсовета В. Ф. Ругачева секретарю ЦК КП(б) Г. Н. Куприянову и председателю СНК КФССР П. С. Прокконену о состоянии Заонежского района после освобождения от оккупации.	166
44.	«Список советских граждан Карело-Финской ССР, расстрелянных финско-фашистскими захватчиками» по Кондопожскому району КФССР	168
45.	«Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-финскими захватчиками и их сообщниками по Кондопожскому и Медвежьегорскому районам Карело-Финской ССР».	168
46.	«Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-финскими преступниками и их сообщниками по Петровскому, Сегозерскому, Лоухскому и Олонецкому районам Карело-Финской ССР»	169
47.	Сведения о количестве жертв из числа военнопленных, мирных жителей и угнанных в Финляндию по КФССР	170
48.	Из «Сводного отчета о причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками ущербе гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Карело-Финской ССР».	171
Раздел 2. Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод		175
49.	Из заявления П. И. Андриановой в Чрезвычайную государственную комиссию об организации медицинской помощи в концлагерях города Петрозаводска.	177
50.	Из заявления Богдановой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	179

51.	Протоколы допросов К. И. Богдановича о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	181
52.	Протокол допроса И. А. Борисова о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска.	183
53.	Из протоколов допросов А. С. Бороздова о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	184
54.	Из протокола допроса В. В. Гагариной о нахождении в Киндасовском концлагере.	187
55.	Из протокола допроса А. А. Галашевой о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	188
56.	Из протокола допроса В. А. Демидовича о расстрелах и избиениях пленных в концлагере № 8.	189
57.	Заявление З. Ф. Демченко в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Лососинном	190
58.	Из воспоминаний Н. И. Денисевича о нахождении в концлагере № 8 Олонецкого района	191
59.	Из протокола допроса Е. М. Дмитричевой о нахождении в петрозаводском лагере № 6	199
60.	Из протокола допроса Е. П. Егорова о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	199
61.	Из протокола допроса Е. П. Егорова, заключенного концлагеря № 2 города Петрозаводска.	200
62.	Из протокола допроса А. И. Егоровой о нахождении в тюрьме в деревне Киндасово	204
63.	Из воспоминаний Л. Г. Егоровой (Перхиной) о нахождении в оккупации в Заонежском и Кондопожском районах	204
64.	Из заявления А. А. Ильина, заведующего больницей концлагеря № 6 города Петрозаводска, в Чрезвычайную государственную комиссию.	205
65.	Протокол допроса Н. П. Козыревой о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	207
66.	Заявление Н. Р. Комковой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска.	209
67.	Заявление И. Е. Коновалова и И. Е. Громова в Чрезвычайную государственную комиссию об организации концлагеря № 5 в городе Петрозаводске и нахождении в нем в годы оккупации	211
68.	Заявление З. А. Королевой и К. М. Субботиной в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска и организации в лагере медицинской помощи.	213
69.	Заявление М. Ф. Крыловой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	218
70.	Заявление А. Л. Кувылдина в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 4 города Петрозаводска и на лесозаготовках в Кутижме	219
71.	Протокол допроса А. П. Левкина о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска.	220

72.	Заявление А. И. Малюткиной в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании на оккупированной территории Заонежского района и в концлагере № 6 города Петрозаводска	222
73.	Из воспоминаний Л. П. Макеевой о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска.	224
74.	Воспоминания В. Михайлова о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска и о режиме содержания в концлагерях.	225
75.	Протокол допроса А. Ф. Неслухова о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска.	228
76.	Из протокола допроса П. С. Остроумова о нахождении в концлагерях № 1 и 6 города Петрозаводска	229
77.	Заявление В. А. Парфенова в Чрезвычайную государственную комиссию о работе фельдшером в концлагерях города Петрозаводска.	230
78.	Заявление В. А. Парфенова в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в петрозаводских концлагерях № 2 и 4	231
79.	Из протокола допроса А. П. Пашковой о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	233
80.	Из воспоминаний Ф. В. Петлицкого о нахождении в концлагере № 8 Олонецкого района	234
81.	Из протокола допроса Е. Н. Петровой о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоке.	236
82.	Из протокола допроса А. И. Печуриной о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоцком лагере	239
83.	Из протокола допроса П. Г. Пирожкиной о пребывании в концлагере № 2 города Петрозаводска.	239
84.	Протокол допроса Т. В. Поповой о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска.	240
85.	Из протокола допроса М. П. Птицына о его нахождении в концлагере города Петрозаводска.	241
86.	Воспоминания В. Н. Пядиной (Прохоровой) о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	242
87.	Заявление Н. Редниковой в Чрезвычайную государственную комиссию о фактах избиений узников концлагерей города Петрозаводска и Кутижмы.	243
88.	Из протокола допроса А. А. Рогачевой-Луканичевой о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска и на лесозаготовках	245
89.	Заявление И. И. Русанова в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в оккупации	246
90.	Протокол допроса Д. В. Савиной о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	251
91.	Из протокола допроса М. П. Савина о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	251
92.	Из воспоминаний А. В. Семеновской о пребывании в концлагере № 5 города Петрозаводска.	252
93.	Из протокола допроса А. М. Сидоркова о пребывании в Кутижемском лагере.	254
94.	Из протокола допроса А. А. Симонова о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска.	255

95.	Из воспоминаний Л. Н. Спиридоновой (Максимовой) о нахождении в концлагерях № 1 и 3 города Петрозаводска	256
96.	Из заявления Н. А. Старцева в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании в концлагере № 6 города Петрозаводска	257
97.	Воспоминания А. О. Тарасовой о пребывании в концлагерях в Олонце и Колвасозере	259
98.	Из протокола допроса Е. В. Тарасовой о нахождении в тюрьме в деревне Киндасово.	261
99.	Заявление И. М. Тришина в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска	262
100.	Заявление учительницы В. В. Феопентовой в Чрезвычайную государственную комиссию об оккупационном режиме в городе Петрозаводске и работе школы в концлагере	263
101.	Из протокола допроса М. И. Цыбанова о его нахождении в лагерях.	267
102.	Статья «Белофинская инквизиция в Петрозаводске»	268
103.	Результаты обследования кладбища по Соломенскому шоссе города Петрозаводска.	271
104.	Из акта эксгумации трупов при вскрытии захоронений военнопленных и заключенных петрозаводских концлагерей – о захоронениях на кладбище Пески	272
105.	Из справки о работе Петрозаводского горкома КП(б) в июле 1944 г. об оккупационном режиме в городе	278
106.	Из докладной записки секретаря Петрозаводского городского комитета КП(б) КФССР Н. А. Дильденкина первому секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову «О хозяйничаньи финско-фашистских захватчиков в городе Петрозаводске»	279
107.	Из «Спецзаписки о зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 – июнь 1944 г.)», составленной наркомом государственной безопасности КФССР А. М. Кузнецовым	282
108.	Из «Акта о зверствах финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района КФССР»	285
109.	Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения, располагавшийся в годы оккупации на улице Фабричной (ныне улица Перттунена) в городе Петрозаводске. Фотография	292
110.	Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в районе улиц Пробной и Болотной (ныне улица Ригачина) в городе Петрозаводске. Фотография	293
111.	Концентрационный (переселенческий) лагерь № 5 в городе Петрозаводске. Репродукция	294
112.	Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске. Фотография	294
113.	Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске. Фотография	295
114.	Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске. Фотография	295
115.	Концентрационный (переселенческий) лагерь № 2 для гражданского населения в городе Петрозаводске. Фотография	296

116.	Концентрационный лагерь в Киндасово. Пряжинский район КФССР	296
117.	Учетная карточка на семью Бабушкиных, содержащуюся в концентрационном (переселенческом) лагере № 3 в городе Петрозаводске	297
118.	Учетная карточка Е. Ф. Бладыко, заключенной концентрационного лагеря № 8 (Олонецкий район)	297
119.	Учетная карточка Е. А. Бибиковой, заключенной концентрационного лагеря № 8 (Олонецкий район)	298

Раздел 3. Преступления против детства .....

120.	Из воспоминаний Л. Агейко о пребывании в петрозаводском концлагере	301
121.	Из воспоминаний М. Н. Багровой о жизни в оккупации в Заонежском районе	301
122.	Воспоминания В. Гавриловой (Бугай) о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	302
123.	Из заявления М. М. и П. И. Демехиных в Чрезвычайную государственную комиссию о тяжелом положении детей в концлагерях города Петрозаводска.	303
124.	Заявление П. Т. Паурова в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в Вилговском лагере.	304
125.	Заявление уроженцев деревни Пегрема Заонежского района О. и П. Политовых в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении на оккупированной территории Заонежского района.	305
126.	Из воспоминаний бывшей узницы петрозаводских концлагерей В. А. Семко о жизни в оккупированном городе Петрозаводске.	310
127.	Из воспоминаний Н. М. Скиндер о проживании на территории оккупированного Заонежского района.	313
128.	Воспоминания Р. Филипповой (Рузовой) о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	313
129.	За колючей проволокой концентрационного (переселенческого) лагеря города Петрозаводска. Фотография	315
130.	В концентрационном (переселенческом) лагере № 5 города Петрозаводска. Репродукция	316
131.	Дети, в период оккупации находившиеся в концентрационном (переселенческом) лагере города Петрозаводска. Фотография	317
132.	Советские дети, освобожденные из концентрационного (переселенческого) лагеря города Петрозаводска. Фотография	318

Раздел 4. Угон на принудительные работы. ....

133.	Заявление А. В. Воронцовой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска.	321
134.	Заявление М. М. Егорьевой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагерях города Петрозаводска и Кутижмы	322

135.	Из протокола допроса В. В. Калугиной о ее нахождении в трудовых лагерях № 8010 и 8047 Медвежьегорского района	325
136.	Из протокола допроса А. Е. Кароля о его нахождении в Святнаволоцком лагере	327
137.	Из протокола допроса Л. Н. Косовой о ее нахождении в трудовых лагерях.	328
138.	Из протокола допроса А. А. Костиной о ее нахождении в Медвежьегорском лагере	328
139.	Заявление Ф. И. Кулешова в Пряжинскую Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Пряжинского района	329
140.	Из протокола допроса В. И. Куревинной о ее нахождении в трудовом лагере.	331
141.	Из заявления Н. В. Кюршевой в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании на лесозаготовках в Кутижме.	331
142.	Из протокола допроса З. П. Лариной о ее нахождении в трудовых лагерях.	334
143.	Из протокола допроса А. Н. Лебедева о его нахождении в трудовых лагерях.	334
144.	Из протокола допроса Н. Г. Лебедева о его нахождении в Святнаволоцком лагере.	335
145.	Из протокола допроса А. В. Леонтьева о его нахождении в трудовых лагерях в деревнях Чебино и Юстозеро.	336
146.	Из заявления К. Е. Лукиной в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении на лесозаготовках в поселке Орзегга	337
147.	Из протокола допроса В. Я. Малой о ее нахождении в трудовых лагерях.	338
148.	Из воспоминаний В. П. Минкина о пребывании в трудовом лагере в деревне Вегорукса Заонежского района	339
149.	Из протокола допроса А. П. Могилевой о ее нахождении в трудовых лагерях в деревнях Пергуба и Семчегора	341
150.	Из протокола допроса П. П. Мосиенко о его нахождении в лагере в деревне Святнаволоцк.	345
151.	Из протокола допроса М. П. Павловой о ее нахождении в трудовых лагерях.	345
152.	Из протокола допроса Ф. И. Павловой о ее нахождении в лагере	346
153.	Из протокола допроса А. П. Пахомовой о ее нахождении в трудовых лагерях.	346
154.	Из протокола допроса М. И. Пахомовой о ее нахождении в трудовых лагерях города Кондопоги и № 9839	347
155.	Из протокола допроса И. К. Перцова о его нахождении в Святнаволоцком лагере	348

156.	Из протокола допроса А. Г. Петрова о пребывании в Святнаволоцком лагере	348
157.	Из протокола допроса Е. Ф. Петровой о нахождении в Святнаволоцком лагере	351
158.	Из протокола допроса Е. А. Петровой о ее нахождении в трудовых лагерях № 8010 и 9839 и в Святнаволоцком лагере	352
159.	Из протокола допроса Я. П. Петрова о его нахождении в концлагеря № 2 города Петрозаводска и в Кутижме.	355
160.	Из протокола допроса Т. П. Петрушиной о ее нахождении в трудовых лагерях.	355
161.	Из протокола допроса А. П. Пичугиной о пребывании в трудовом лагере № 9838 и в Святнаволоцком лагере	356
162.	Из протокола допроса И. А. Плешачева о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоке.	357
163.	Из протокола допроса Н. И. Подгорского о его нахождении в Святнаволоцком лагере.	357
164.	Из протокола допроса А. С. Подгорной о ее нахождении в трудовых лагерях.	358
165.	Из протокола допроса А. В. Политовой о ее нахождении в трудовом лагере № 9838.	360
166.	Из протокола допроса А. И. Поляковой о ее нахождении в трудовых лагерях № 9604, 8010, 9839	361
167.	Из протокола допроса Е. И. Поляковой о ее нахождении в трудовом лагере.	362
168.	Из протокола допроса М. М. Помазовой о ее нахождении в трудовых лагерях.	362
169.	Из протокола допроса А. И. Пономаревой о ее нахождении в трудовых лагерях.	363
170.	Из протокола допроса М. И. Пономаревой о ее нахождении в трудовых лагерях в деревнях Медвежья Гора и Юстозеро.	363
171.	Из протокола допроса К. С. Прошковой о ее нахождении в трудовом лагере № 9838.	364
172.	Из протокола допроса Г. Л. Пушко о его нахождении в Святнаволоцком лагере.	365
173.	Из протокола допроса А. И. Пушковой о ее нахождении в Святнаволоцком лагере.	365
174.	Из протокола допроса Е. Ф. Пьяных о ее нахождении в Святнаволоцком лагере.	366
175.	Из протокола допроса А. Е. Пяттоевой о ее нахождении в трудовом лагере около деревни Чебино.	366
176.	Из протокола допроса В. А. Репиной о ее работе на лесозаготовках	367
177.	Из протокола допроса А. И. Рогендиной о ее нахождении в трудовых лагерях.	368
178.	Из протокола допроса П. А. Родионовой о ее работе на лесозаготовках.	368
179.	Из протокола допроса В. Г. Савиновой о ее нахождении в трудовых лагерях № 8061, 9838.	369

180.	Из протокола допроса А. В. Сахарова о его нахождении в концлагерях.	369
181.	Из протокола допроса Т. С. Темневой о ее нахождении в трудовом лагере № 1.	371
182.	Из протокола допроса П. П. Терпугова о его нахождении в трудовых лагерях в городе Кондопоге, № 8010, 9838.	371
183.	Из протокола допроса М. Н. Ульяновой о ее нахождении в трудовых лагерях.	372
184.	Из протокола допроса Е. М. Федосеевой о ее нахождении в трудовых лагерях.	372
185.	Из протокола допроса К. А. Фепоновой о ее нахождении в трудовых лагерях.	374
186.	Из протокола допроса В. И. Шлыковой о ее нахождении в трудовых лагерях.	375
187.	Из протокола допроса М. П. Яковлевой о ее нахождении в трудовых лагерях.	375
188.	Из протокола допроса В. Д. Яровициной о нахождении в трудовых лагерях и в Святнаволоцком лагере	376

Приложение. 377

Перечень мест принудительного содержания гражданского населения, созданных в период Великой Отечественной войны на территории КФССР	379
Список сокращений	383
Именной указатель	385
Географический указатель	397

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ: ПРЕСТУПЛЕНИЯ ФИНСКИХ ОККУПАНТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛИИ

Проблема оккупационной политики финской администрации на захваченной территории Советской Карелии в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии война 1941–1944 гг. называется «война-продолжение»), преступлений финского режима против мирного гражданского населения до настоящего времени является важной и актуальной как с научной, так и с политической точки зрения.

Ее освещение началось еще в военный период 1941–1944 гг., когда Финляндия, выступила против СССР на стороне нацистской Германии. В один год – 1944-й – в Финляндии и СССР вышли книги на финском языке – Вели Мерикоски «Финское военное руководство в Восточной Карелии в 1941–1944 гг.» и Отто Вилле Куусинена «Финляндия без маски»¹. Оба издания ставили цель представить определенное мнение о Финляндии на международной политической арене.

Профессор В. Мерикоски, являвшийся в период военных действий сотрудником Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), попытался доказать отсутствие фактов нарушения Финляндией международных норм обращения с гражданским населением, акцентируя внимание на лояльном отношении финского оккупационного режима к родственному (финно-угорскому) населению, при этом тяжелое положение русского (не национального) населения явно отошло на второй план. Мерикоски основной упор сделал на тезисе о том, что Финляндия вела в 1941–1944 гг. против СССР отдельную войну от Германии («война-продолжение»), а потому финский оккупационный режим в Карелии нельзя отождествлять с немецко-нацистским режимом, установленным в других оккупированных регионах СССР. Этот тезис лег в основу концепции финляндской историографии о финском оккупационном режиме в Карелии, которая господствовала вплоть до середины 1980-х гг.

Противоположную позицию по этому вопросу занимал видный деятель международного коммунистического и рабочего движения Отто Вилле Куусинен, который после поражения революции в Финляндии в 1918 г. эмигрировал в Советскую Россию. В 1920–1930-е гг. Куусинен работал в Коминтерне. В период Великой Отечественной войны он занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР. В книге «Финляндия без маски» Куусинен, опираясь на широко известные факты, показал, что Финляндия являлась верной союзницей нацистской Германии и вела захватническую войну против СССР. В этой книге он привел многочисленные примеры преступлений финского оккупационного режима против мирных граждан, оказавшихся в зоне оккупации финских войск на территории Советской Карелии.

В послевоенный период вплоть до конца 1980-х гг. и в финляндской, и в советской историографии тема финского оккупационного режима на территории Советской Ка-

релии в 1941–1944 гг. и особенно преступлений финнов против мирного гражданского населения не считалась важной и актуальной для научных исследований. Это было вызвано, прежде всего, тем, что на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенного СССР и Финляндией 1948 г., между двумя странами сложились прочные, добрососедские отношения. В 1950–1980-е гг. в советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что в период холодной войны советско-финляндские отношения являются хорошим примером взаимодействия стран с различным социально-общественным строем. Обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы советско-финляндской истории, к которым несомненно относилась и проблема финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг.

На слабом изучении данной проблемы в 1950–1980-е гг. сказывалась и узость источниковой базы. Правда, на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания в СССР были опубликованы сборники документов Государственной чрезвычайной комиссии по преступлениям финско-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.² Однако по выше указанным политическим причинам эти документы оказались не востребованы. Сказалось также и то обстоятельство, что финские военные преступники не проходили по Нюрнбергскому трибуналу – международному процессу над бывшими руководителями нацистской Германии в 1945–1946 гг., а по договоренности между правительствами СССР и Финляндии судебные процессы над финскими военными преступниками были отнесены к финляндскому правосудию.

Но и в 1950–1980-е гг. и в СССР, и в Финляндии выходили немногочисленные исследования, которые затрагивали проблему финского оккупационного режима в Советской Карелии в 1941–1944 гг. В финляндской историографии следует выделить публикацию в 1982 г. докторской диссертации Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии³ при финском оккупационном режиме 1941–1944»⁴. Следует подчеркнуть, что Лайне освещает финский оккупационный режим в Карелии в 1941–1944 гг. не только как последовательность конкретных действий и мероприятий ВУВК, но и как результат осуществления на оккупированной территории Восточной Карелии идеи Великой Финляндии, сформировавшейся в Финляндии еще в начале XX в.

Лайне отмечает, что в основу финской оккупационной политики был положен принцип разделения местного населения на национальное (финно-угорское) и не национальное (русское и другое не финно-угорское население). Этнически родственных финнам жителей Восточной Карелии (карел, вепсов, ингерманландцев, советских финнов) пытались воспитать достойными гражданами Великой Финляндии, их включали в политическую и хозяйственную деятельность, для них создавалась медицинская система, организовывалось школьное образование и др. Русское и другое не финно-угорское население изолировалось в концлагеря с целью последующего выселения за границы Великой Финляндии⁵. Лайне был одним из первых финских исследователей, кто затронул тему финских концлагерей для мирного гражданского населения. К недостаткам данной работы следует отнести то, что в силу сложившихся тогда обстоятельств автор не смог привлечь к исследованию документы из советских архивов.

В 1970-е гг. проблемой оккупационной политики Финляндии на территории оккупированной Восточной Карелии в 1941–1944 гг. стал заниматься военный историк, бывший подполковник финской армии Хельге Сеппяля. Во время войны Финляндии против СССР 1941–1944 гг. он был солдатом оккупационных войск в Петрозаводске, охранял заключенных, отправленных на принудительные работы на Онежский завод.

Возможно, его собственный опыт оккупации оказал влияние на объективное освещение финской оккупационной политики в Карелии в 1941–1944 гг.

Уже в начале 1970-х гг. в своих трудах он сформулировать суть оккупационной политики Финляндии в Восточной Карелии в 1941–1944 гг. как реализацию экспансионистского по своей природе проекта создания Великой Финляндии⁶. В отличие от многих других финских военных историков Сеппяля работал с российскими документальными материалами, а также опрашивал малолетних узников финских концлагерей в Петрозаводске. В 1980-е гг. он опубликовал две взаимосвязанные работы – «Финляндия как агрессор» и «Финляндия как оккупант»⁷, последняя была переведена на русский язык и опубликована в журнале «Север» в 1995 г.⁸ В этих и других своих работах о финской оккупации Карелии Сеппяля стремился в комплексе показать политические, идеологические и экономические цели финской администрации на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.

В советской историографии 1950–1980-х гг., так же как и в финляндской, тема финского оккупационного режима не нашла широкого освещения. Так, в вышедшем в 1964 г. фундаментальном историческом труде «Очерки истории Карелии» (т. 2), который охватывает период истории края от Октябрьской революции 1917 г. до середины 1960-х гг., финскому оккупационному режиму в Карелии в 1941–1944 г. отведено всего три страницы⁹.

В качестве исключения можно привести только монографию карельского историка К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны», вышедшую в Петрозаводске в издательстве «Карелия» в 1983 г.¹⁰ Несмотря на некоторую узость источниковой базы (не все архивные документы были доступны автору в тот период) и неизбежность учета идеологических ограничений 1970-х – середины 1980-х гг., данная книга остается единственным комплексным исследованием истории Карелии в годы Великой Отечественной войны в советский период и представляет несомненную ценность и для современных исследователей. В книге выделен раздел об оккупационной политике ВУВК на оккупированной территории республики в 1941–1944 гг., большое внимание уделяется описанию финских концлагерей, созданных как для гражданского населения, так и для военнопленных.

В 1950–1980-е гг. в Карелии была фактически закрыта и тема малолетних узников финских концлагерей, проживавших в это время как на территории республики, так и за ее пределами.

Период перестройки и гласности в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. снял идеологические ограничения на исследование ранее «закрытых» проблем, открыл доступ исследователей к прежде секретным документам советских государственных и ведомственных архивов. Появилась возможность по-новому взглянуть на военные события на Севере в период Второй мировой войны, в том числе и на оккупационную политику Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг.

В Республике Карелии в конце 1980-х – 1990-е гг. были открыты целые пласты новых архивных источников, которые позволили приступить к освещению многих неизвестных ранее или закрытых по идеологическим причинам страниц военной истории. Причем, говоря об этих материалах, следует подчеркнуть, что речь шла не о новых поступлениях документов в архивы Карелии, а об источниках, которые длительное время были на секретном хранении и в данный период стали открыты для исследователей. В это же время возрос интерес и к проблеме финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг.

Важное значение для исследователей имели введенные в научный оборот финские трофейные материалы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Карелия (НАРК). Это, прежде всего, документы Военного управления Восточной

Карелии (ВУВК)¹¹, созданного в июле 1941 г. приказом Маннергейма для организации и руководства всей жизнью в районах Карелии, оккупированных финскими войсками. Состав документов разнообразен: отчеты управления об административной, хозяйственной, религиозной и другой деятельности; отчеты финских окружных штабов, созданных в связи с разделением оккупированной территории Карелии на три округа — Олонецкий, Масельгский и Беломорский; различные приказы, инструкции, переписка финских военных властей и др. Данные материалы позволяют воссоздать различные аспекты жизни оккупированной зоны Карелии в 1941–1944 гг. и свидетельствуют о том, что Финляндия намеревалась основательно осваивать захваченные советские территории. Значительная часть документов посвящена описанию финских концлагерей на оккупированной территории Карелии.

Большая часть такого рода архивных документов была опубликована в 1990-е — начале 2000-х гг. в целом ряде сборников. Среди них, прежде всего, необходимо отметить документальный сборник «По обе стороны Карельского фронта»¹², который ввел в научный оборот 368 документов из архивов России и Финляндии, проливавших свет на основные события на Карельском фронте в 1941–1944 гг. Составители сборника провели значительную работу по выявлению, систематизации и комментированию документальных материалов, углубляющих наши представления о причинах и характере войны между СССР и Финляндией, о ходе боевых операций на разных этапах военного противостояния, о состоянии экономики и жизни населения обоих государств. Отдельный раздел сборника отражает оккупационный режим финских властей на временно захваченной территории Карелии, содержанием которого явилось разделение жителей оккупированных районов на две категории: «национальное» население (карелы, финны и вепсы) и «не национальное» (русские). «Национальное» население рассматривалось как население будущей Великой Финляндии и имело определенные привилегии, а «не национальное» — находилось в тяжелых материально-бытовых условиях, половина (около 25 тыс. человек) содержалась в концлагерях¹³.

Существенным приращением знаний по истории войны в Карелии явилась публикация сборника «Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956 гг.»¹⁴. В нем представлен 61 информационный материал спецорганов разных уровней (от центральных до местных) в виде отчетов, докладных записок, сводок, справок, позволяющих при научно-критическом анализе получить более полное представление о реальном положении дел на местах — в городах и селах, на предприятиях и стройках Карелии в период Великой Отечественной войны. В сборнике приведены интересные сведения о деятельности советских диверсионно-разведывательных групп в тылу противника, в том числе их данные о финском оккупационном режиме на оккупированной территории Карелии¹⁵.

Важнейшими источниками по исследованию финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг. стали воспоминания бывших малолетних узников финских концлагерей. Оказавшись в экстремальных условиях финской оккупации, они вынуждены были терпеть все муки, выпавшие на долю взрослого населения. Об этой трагической странице истории Карелии впервые было рассказано в сборнике воспоминаний бывших малолетних узников финских концлагерей «Судьба»¹⁶, изданном в 1999 г.

Публикации воспоминаний бывших малолетних узников финских концлагерей были продолжены в сборнике «Плененное детство: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников», книге В. С. Лукьянова «Трагическое Заонежье», мемуарах Н. И. Денискевича «В финском концлагере: Воспоминания и размышления», вышедших в начале XXI в.¹⁷ Эти воспоминания повествуют о пережитых страданиях детей,

их бесправном полугодном существовании, моральном унижении и физических истязаниях. Тысячи детей не дожили до Победы, а оставшиеся в живых, как пишет одна из бывших малолетних узниц Т. В. Шляхтенкова, на всю жизнь сохранили в душе «страх перед колючей проволокой»¹⁸.

Несомненный интерес для исследователей финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг. представляет 3-й выпуск сборника научных статей и источников «Финская оккупация Карелии (1941–1944)», вышедший в 2007 г. под редакцией А. В. Голубева и А. Ю. Осипова¹⁹. В этом издании представлены воспоминания как родственных финнам народов (финно-угорских), так и «не националов» (русских и других не финно-угорских народов), мемуары тех, кто свободно проживал на оккупированной территории Карелии, пользовался привилегиями финского оккупационного режима и потенциально являлся будущим гражданином Великой Финляндии, и тех, кто в это время выживал в концентрационных или трудовых лагерях.

Расширение источниковой базы по теме финского оккупационного режима в Карелии в 1990-е — начале 2000-х гг., снятие жесткой государственной цензуры и идеологических ограничений способствовали появлению монографий и статей карельских историков, рассматривавших различные стороны финского оккупационного режима, в том числе и его преступления против мирного гражданского населения²⁰.

Значительное расширение тематики исследований по истории Карелии периода Второй мировой войны в период перестройки и в постперестроечный период (1990-е — начало 2000-х), включая проблему финского оккупационного режима в Карелии, активизировали научные исследования по данной теме и в соседней Финляндии. Многие из трудов финляндских историков были переведены на русский язык и переизданы в России.

Среди финляндских исследований следует выделить монографию Юкки Куломаа «Янислинна. Годы финской оккупации Петрозаводска, 1941–1944», вышедшую в 1989 г. и посвященную всестороннему изучению финского оккупационного режима в столице Карелии — городе Петрозаводске, переименованном финнами в военный период в Янислинна («Крепость на Онего»)²¹. В 2006 г. в Петрозаводске книга Ю. Куломаа была переведена на русский язык и переиздана Военно-историческим обществом Республики Карелия²². В этой книге содержится обширная информация о концентрационных и переселенческих лагерях в Петрозаводске, о деятельности оккупационной администрации в сфере использования узников в качестве рабочей силы, дается анализ санитарного состояния, заболеваемости и причин смертности в петрозаводских концлагерях.

Различные стороны финского оккупационного режима нашли свое отражение в работах А. Лайне, Э. Пиэтола, Т. Вихавайнена, Н. Лаппалайнена и др.²³ Особое место в финляндской литературе занимает работа Марьи-Леены Миккола «Потерянное детство: в плену у финских оккупантов в 1941–44 гг.»²⁴. В ней представлены 16 свидетельств жителей Карелии, которые детьми содержались в финских концлагерях. Бывшие малолетние узники рассказали в книге о страданиях и унижениях, через которые прошли дети в финской оккупации.

К сожалению, приходится констатировать и тот факт, что в финляндской историографии оккупационной политики в Карелии до сих пор не прекращаются попытки «обелить» финский оккупационный режим, стереть память о жертвах среди мирных граждан в концлагерях на оккупированной территории Карелии. В качестве примера можно назвать книгу Гуннара Розена «Финны в Восточной Карелии: сотрудничество между Военной администрацией и Финским Красным Крестом», поставившего одной из главных целей своей работы задачу избавиться от травмы, нанесенной финскому

народу искаженным представлением о характере «концентрационных лагерей» (автор берет их в кавычки) и оккупации Восточной Карелии²⁵.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной российской и финляндской историографии сложилась вполне определенная картина оккупационной политики Финляндии на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. Однако многие ее стороны, в первую очередь преступления финского режима против мирных граждан, требуют дальнейшего исследования и взвешенной историко-юридической оценки.

* * *

В 2019 г. в Российской Федерации был начат масштабный проект по публикации серии сборников архивных документов «Без срока давности». Каждый том серии посвящен конкретному региону, на территории которого в годы оккупации периода Великой Отечественной войны нацисты и их пособники совершали массовые акции геноцида в отношении мирного населения. В период войны Финляндия – союзница нацистской Германии – выступила против СССР на Севере, захватила значительную часть территории Карело-Финской ССР и установила почти на три года жестокий оккупационный режим.

Настоящий том посвящен оккупационной политике Финляндии на оккупированной территории Советской Карелии, преступлениям финского оккупационного режима против мирных граждан. В процессе его подготовки составители поставили задачу расширить источниковую базу проблемы, понимая, что значительная часть архивных документов находится в ведомственных архивах Республики Карелии.

Национальный архив Республики Карелия (НАРК) сделал официальный запрос в адрес Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (УФСБ России по РК) и получил положительный ответ. В середине апреля 2020 г. более четырех тысяч сканов рассекреченных архивных документов, посвященных оккупационной политике Финляндии на территории оккупированной в 1941–1944 гг. Карелии, были переданы из ведомственного архива в НАРК. Часть из них вошла в настоящий том. Во вступительной статье даются ссылки на конкретные документы, включенные в круглые скобки.

Широкий комплекс архивных источников представлен различными формами архивных документов: протоколы допросов узников концлагерей для гражданских лиц и допросов узников трудовых лагерей; протоколы допросов советских военнопленных, бежавших из финских концлагерей или переданных по обмену после окончания военных действий; справки, сводки, докладные записки 4-го отдела НКВД КФССР «О положении на временно оккупированных районах КФССР и мероприятиях финского командования»; отчеты резидентуры 4-го отдела НКВД «О положении на оккупированной финнами территории КФССР»; протоколы допросов финских военнопленных; показания свидетелей по преступлениям финских оккупантов на временно оккупированной территории Карелии и др.

Рассекреченные архивные документы значительно расширяют наши знания об оккупационной политике Финляндии на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. Они убедительно показывают, что суть этой политики состояла в создании чистого в этническом отношении государства – Великой Финляндии, которая бы включила в себя и территорию Восточной (Российской) Карелии. Представители финно-угорского населения республики (карелы, вепсы, ингерманландцы, финны) должны

были стать гражданами этого государства, а русское население было изолировано и заключено в концлагеря с целью дальнейшего выселения за пределы Великой Финляндии на территории, оккупированные нацистской Германией. Архивные источники показывают, что финские оккупанты строго следили за этнической чистотой и беспощадно карали за попытки ее нарушения.

Документы свидетельствуют о высокой смертности среди русского и другого не финно-угорского населения в концлагерях и трудовых лагерях из-за голода, каторжной работы, болезней и эпидемий. Архивные источники содержат многочисленные факты избиений и истязаний охранниками заключенных концлагерей, в большинстве своем русских, включая женщин, стариков и детей, которых считали людьми второго сорта. В них упоминаются фамилии не только высшего и среднего звена руководства военной администрации – ВУВК, но и начальников и комендантов концлагерей и трудовых лагерей, надзирателей, охранников, всех тех, кто осуществлял преступную политику по отношению к мирному населению. В рассекреченных документах мы находим фамилии заключенных, погибших в концлагерях, а также тех, кто пережил этот страшный период и дал свидетельские показания о преступлениях, которые уверенно можно отнести к преступлениям без срока давности.

Современная историко-юридическая оценка преступлений финского оккупационного режима на оккупированной территории Карелии в период Великой Отечественной войны требует восстановления и описания целостной картины финской оккупационной политики на территории Советской Карелии в 1941–1944 гг., оценки этого явления в послевоенный период в обеих странах – СССР (с 1991 г. – в России) и Финляндии.

* * *

После советско-финляндской (зимней) войны 1939–1940 гг. руководство Финляндии пошло на сближение с нацистской Германией, так как стали ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении 1940 – весны 1941 г. проходили немецко-финляндские совещания. Финляндия на этих переговорах стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. К северу от нее ответственность за состояние фронта должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом у правящих кругов Финляндии возрос интерес и к Восточной Карелии. Они надеялись в будущей войне не только вернуть утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г. земли Финляндии, но и значительно расширить территорию за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелов, вепсов, ингерманландцев и др.) в число финляндских жителей, осуществить то, что не удалось сделать Финляндии на рубеже 1920-х гг.

Еще до начала войны против СССР в апреле 1941 г. президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам – членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии²⁶.

И несколько таких исследований было выполнено. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Карельского академического общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточ-

ной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии²⁷.

Предвоенные планы финских военных расходились относительно границ территории, которую следовало бы присоединить. Генерал Аксель Айро заявил о необходимости возврата к «естественным» или «историческим» границам Финляндии (Ладога – Свирь – Онежское озеро – Белое море). А его оппонент генерал Эрик Хейнрих считал их слишком «южными»²⁸. Однако сам факт необходимости «освобождения» Восточной Карелии и вхождения ее в состав будущей Великой Финляндии сомнений не вызывал.

Финляндский правительственный орган газета «Uusi Suomi» заявляла, что «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета «Karjala» писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря»²⁹.

Агрессивные намерения финляндских правящих кругов нашли отражение в приказе главнокомандующего финской армией К. Г. Маннергейма от 10 июля 1941 г. о том, что он не вложит свой меч в ножны до тех пор, пока не будет освобождена Восточная Карелия. Этот приказ являлся копией распоряжения самого же Маннергейма от 1918 г. и восходил к давней идее объединения соплеменников – финнов и карел – под эгидой Великой Финляндии³⁰.

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, военные действия развернулись по всему восточному фронту. В тот же день немецкие самолеты нанесли удар по Советскому Союзу с территории Финляндии.

На севере СССР военные действия начались 29 июня 1941 г. переходом в наступление немецкой армии «Норвегия» (позже армия «Лапландия», а с середины июля 1942 г. – 20-я горная армия). Противник наносил главный удар по Мурманску, а также вел наступательные бои на севере Карелии (на кестеньгском и кандалакшском направлениях).

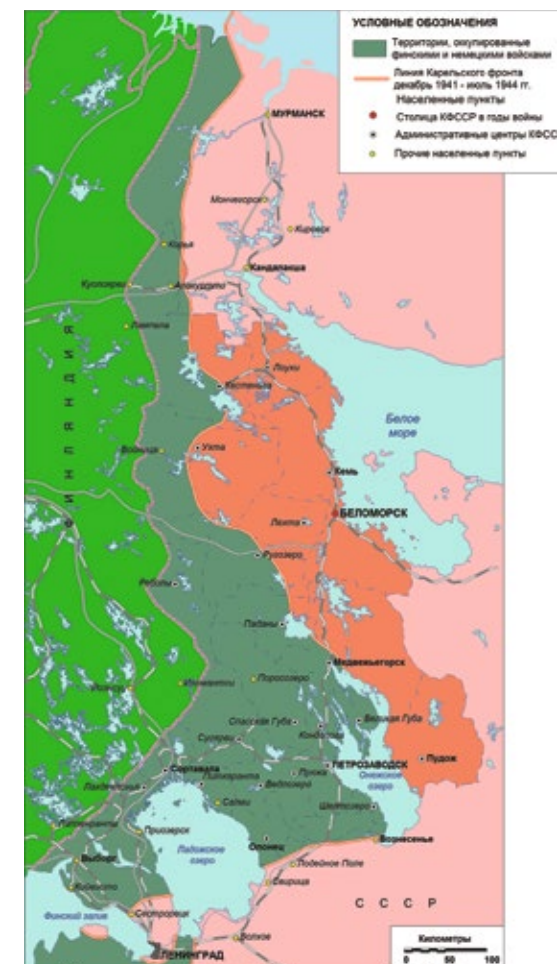
В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. финские войска вторглись на территорию СССР в приграничных районах Карелии и на Карельском перешейке. Финским и германским войскам противостояли войска Северного, а с августа 1941 г. – Карельского фронта

К началу декабря 1941 г. немецкие и финские войска были остановлены на рубеже от южного участка Беломоро-Балтийского канала до станции Масельская и западнее Кировской железной дороги по линии Ругозеро – Ухта – Кестеньга – Алакертти – Мурманск. Эта линия советско-финляндско-германского фронта оставалась практически неизменной до июня 1944 г.

***

К концу 1941 г. две трети всей территории Карело-Финской СССР, экономически наиболее развитой, включая столицу – город Петрозаводск, оказалось оккупировано финскими и немецкими войсками (на севере Карелии). Финская оккупация продолжалась длительный период – с осени 1941 и до конца июня 1944 г.

Линия Карельского фронта (декабрь 1941 – июнь 1944)³¹

***

На декабрь 1941 г., по переписи, проведенной финскими оккупационными властями, численность гражданского населения, проживающего на оккупированной территории Советской Карелии, составляла 86 119 человек, в том числе «национального населения» (финно-угорского) – 35 919 человек, «не национального населения» (русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорскому населению) – 50 200 человек³².

Политика финского оккупационного режима на оккупированной территории Советской Карелии предполагала различные подходы к местным жителям в зависимости от их происхождения. Родственные финнам в этническом отношении карелы, вепсы, ингерманландцы, советские финны должны были остаться на своей территории и стать будущими гражданами чистого в расовом отношении финно-угорского государства – Великой Финляндии. Этнически не родственные финнам местные жители, основную массу которых составляли русские, рассматривались как мигранты,

их надо было помещать в концлагеря с последующим выселением за пределы Карелии в другие регионы, захваченные союзницей Финляндии — нацистской Германией.

Главкомандующий финской армией Маннергейм 8 июля 1941 г. за день до перехода в наступление финских войск — Карельской армии в направлении севернее Ладожского озера издал приказ № 132, 4-й пункт которого гласил: «Русское население задержать и отправлять в концлагеря»³³. Еще была не захвачена основная территория Советской Карелии, а участь русского населения уже была решена.

Главные идеи плана включения Карелии в состав Великой Финляндии нашли свое воплощение в осуществлении политики Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), созданного по приказу главкомандующего финской армией Маннергейма от 15 июля 1941 г., на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. Начальником управления был назначен подполковник (позднее полковник) Вяйне Котилайнен, который до войны занимал должность исполнительного директора фирмы АО «Энсо-Гутцайт». В тот же день Котилайнен выпустил обращение к гражданам захваченных районов Советской Карелии, в котором объявил, что принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени ее жители обязаны выполнять требования финских военных властей. В перечне требований (из восьми пунктов) местным жителям запрещалось иметь любое оружие и радиоаппаратуру, находиться на улице ночью (с 9 часов вечера до 6 часов утра), присваивать или портить оставшееся государственное (колхозное) имущество, хранить или распространять политические книги. Гражданскому населению предлагалось продолжить свою обычную работу и предоставить опись имущества, а оставшимся советским солдатам немедленно сдаться в плен. За нарушение данных требований грозили разного рода наказания вплоть до смертной казни³⁴.

Штаб управления сначала находился в городе Миккели, затем до конца 1942 г. в городе Йюэнсуу (Финляндия), а позднее, с 15 марта 1943 г., — в Петрозаводске. Территория, подчиненная управлению, была разделена на три округа: Олонецкий (начальник — полковник Урхо-Кейто Сихвонен, месторасположение — село Видлица), Масельгский (начальник — подполковник Вейко Вяйсенен, временное расположение — село Реболы) и Беломорский (начальник — подполковник Вилье-Вейко Палохеймо, временное расположение — Куусамо)³⁵.

* * *

Структура округов ВУВК была изменена в 1942 г.: был упразднен Масельгский округ — два его района переданы в Беломорский округ и три района — в Олонецкий округ. В августе 1943 г. штабы ВУВК и Олонецкого округа были объединены³⁶.

Каждый из округов делился на районы, а они в свою очередь на более мелкие административные единицы — участки во главе с комендантом. Комендант руководил всей административной, военной и хозяйственной жизнью участка. В наиболее крупных деревнях были уполномоченные Военного управления и их помощники — старосты, как правило, из представителей местного населения³⁷. В отдельную административную единицу был выделен город Петрозаводск, главой Военного управления города стал капитан Миика Симойоки, который непосредственно подчинялся ВУВК.

Аппарат управления был весьма мощным. К концу 1941 г. в нем работало 2917 сотрудников. Управление имело отделы: командный, противовоздушной обороны, административный, полицейский, надзора за населением, экономический, просвещения, финансово-контрольный, врачебно-санитарный и комендантский.

Все руководящие должности, как в центральном аппарате Военного управления Восточной Карелии, так и в районных администрациях, занимались, как правило, финнами — офицерами и чиновниками, прибывшими в оккупированные районы Советской Карелии из Финляндии.

Начальниками районов в основном назначались люди, имевшие юридическое образование, прежде всего ленсманы, а местными начальниками часто — полицейские констебли. В списке, составленном в июле 1941 г., значились кандидаты на административные должности даже в городах Кемь и Беломорск, которые финны так и не смогли захватить в период военных действий 1941–1944 гг.

Финляндский исследователь Ю. Куломаа отмечает, что местный колорит Военному управлению придавала совещательная комиссия, в составе 12 членов при начальнике ВУВК, составленная из бежавших после революции и Гражданской войны из Восточной (Российской) Карелии в Финляндию политически благонадежных карелов. Задача комиссии заключалась в оказании помощи при выработке принципиально важных решений. Никакими полномочиями для самостоятельного принятия решений этот орган, существовавший отдельно от других структур штаба ВУВК, не обладал. На рассмотрение комиссии поступало очень мало вопросов, и ее деятельность не оказала существенного влияния на ход событий³⁸.

В документах карельских ведомственных архивов эта структура называется Советом при ВУВК, при этом подчеркивается, что в его состав вошли карелы, ушедшие из Восточной Карелии в Финляндию в начале 1920-х гг., в большинстве своем участники так называемых племенных войн. Председателем совета стал Пробус (Прокопий) Рахикайнен, уроженец деревни Юшкозеро Калевальского района, организатор восстания в 1921 г. в Ухтинском районе, член президиума Карельского академического общества с 1927 г. Членами совета являлись: Василий Кейняс, уроженец села Реболы Ребольского района Карелии, участник «каравантюры», председатель правления «Восточно-Карельского комитета»; Микко Карвонен, уроженец села Кестеньга Кестеньгского района Карелии, участник «каравантюры», член президиума «Центрального Союза карельских клубов» (Керхо); Ласси Кунтиярви (Кундозеров), уроженец села Олонга Кестеньгского района, организатор восстания в 1921 г. в Кестеньгском районе, секретарь «Центрального Союза карельских клубов» (Керхо); Пауль Ипатти (Игнатьев), уроженец Ребольского района, участник «каравантюры», член правления «Союза племенных воинов»; Нийло Кирикки (Кириков), уроженец Ругозерского района, участник «каравантюры», член «Союза племенных воинов» и др.³⁹

На низовую административную работу — на должности поселковых комендантов и сельских старост — финские оккупационные власти подбирали лиц из местного населения. Большинство из тех, кто соглашался на такое сотрудничество, были недовольны существовавшим до войны советским режимом или пострадали от него (коллективизация, борьба с церковью, политика террора во второй половине 1930-х гг. и др.), некоторые участвовали в открытой борьбе против советской власти в период гражданской войны в Карелии и эмигрировали в Финляндию в начале 1920-х гг. Однако были также и те, кто шел на сотрудничество с оккупационными властями, спасая свою жизнь и жизнь своих родных и близких.

Первый начальник ВУВК подполковник (впоследствии полковник) Вяйне Котилайнен занимал эту должность до июня 1942 г., после него начальником ВУВК был назначен полковник (впоследствии генерал-майор) Йохан Виктор Араюри. В августе 1943 г. Араюри вернулся на должность начальника полиции Хельсинки, которую он занимал до войны. Его место в августе 1943 г. занял бывший начальник Олонецкого округа подполковник (впоследствии полковник) Олли Палохеймо, который пробыл в этой должности до ликвидации ВУВК⁴⁰.

ВУВК, исходя из утвержденных основ национальной политики по разделению местного населения на привилегированное национальное (финно-угорское) и «чуждое» не национальное (русское и других национальностей), с первых дней оккупации начало создавать концентрационные лагеря и другие места принудительного содержания, прежде всего для русского населения.

Анализ оккупационной политики финского режима показывает, что по многим параметрам финские власти на оккупированной территории Карелии установили оккупационный режим значительно более жестокий, чем тот, который установила нацистская Германия на оккупированной части СССР. Сложно найти оккупированную территорию Советского Союза, где бы противник создал такое большое количество мест принудительного содержания, как в Карелии, с населением чуть более 86 тыс. человек, оставшимся на захваченной финскими войсками территории. Исходя из развития военной обстановки и поставленных задач по формированию чистой в расовом отношении Великой Финляндии, финские власти на оккупированной территории Карелии создали свыше 100 различных мест принудительного содержания: концентрационных лагерей для гражданского населения – 14; трудовых лагерей и аналогичных им трудовых подразделений – 34; лагерей и рот для советских военнопленных – 42; тюрем – 9; колоний – 1. При этом концентрационные и трудовые лагеря имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной Карелии.

Оставшаяся часть русского населения помещалась в специально определенные места принудительного содержания – деревни и села, которые мало чем отличались от концлагерей: в них население было изолировано от окружающих, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, было вынуждено работать на оккупантов.

Составленная финляндским бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 г. в концлагерях на оккупированной территории Карелии находилось около 20 тыс. человек, в подавляющем большинстве русских. Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 г. (около 24 тыс. человек), или около 27% от всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 г. численность заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев оккупации численность колебалась между 15 тыс. и 18 тыс. человек, или составляла около 20% от всего попавшего в оккупацию населения⁴¹.

Для русского населения Карелии, а также жителей Вологодской и Ленинградской областей, переселенных финнами на оккупированную территорию Советской Карелии в начальный период войны, было создано 14 концентрационных лагерей: 6 концлагерей в городе Петрозаводске, а также в деревнях Видлица, Святнаволок, Паулу, Колвасозеро, Коропа, Лужма; в селе Киндасово и поселке Ильинском.

Крупнейшим центром сосредоточения концентрационных лагерей стал Петрозаводск. Через две недели после захвата столицы Карелии штаб 7-го армейского корпуса финской армии издал приказ о создании в городе концентрационного лагеря на 10 тыс. человек. Поначалу лагерь, поделенный затем на четыре, располагался на южной окраине города: на Кукковке – лагерь № 1, на «Северной точке» – лагерь № 2, в районе лыжной фабрики – лагерь № 3 и на Голиковке – лагерь № 4. Поскольку «мест» оказалось

недостаточно, в ноябре организовали еще два лагеря в северо-западной части города: в «Красной деревне» – лагерь № 5 и на Перевалочной бирже – лагерь № 6⁴².

Карта концлагерей в оккупированном Петрозаводске⁴³

Финляндский исследователь Ю. Куломаа, объясняя причины того, почему Петрозаводск стал центром финских лагерей, пишет: «Выбор Петрозаводска в качестве места изоляции населения объяснялся несколькими факторами практического свойства. Город находился достаточно далеко от линии фронта, и здесь было проще организовать размещение людей и их охрану. Снабженческие перевозки можно было осуществить по железной дороге, “ведь здесь они (заключенные концлагерей. – примеч. науч. ред. Ю. М. Килина) были готовы к отправке за границу (т.е. за пределы границы Великой Финляндии, в Россию, на территорию к югу от реки Свирь. – примеч. Ю. М. Килина), когда ситуация достигнет такой стадии, что от них можно будет избавиться”, как отмечал в ноябре [1941 г.] начальник отдела по делам населения штаба ВУВК. Кроме того, русское население представляло собой практическую ценность в качестве рабочей силы, что, как свидетельствуют формулировки приказов об организации лагерей, также принималось в расчет с самого начала»⁴⁴.

Советский историк К. А. Морозов на основе анализа секретного отчета ВУВК о состоянии дел за декабрь 1941 г. отмечает, что на территории Олонецкого округа было создано семь концлагерей, из них три находились в ведении армейских корпусов, четыре подчинялись окружному управлению. Всего же на территории Восточной Карелии для гражданского населения было создано 14 концлагерей, в которых содержались русские женщины, старики и дети. Исключительно жестокий режим был установлен в так называемых лагерях спецназначения в Кутижме, Киндасове, Вилге, Видлице, Колвасозере, Святнаволоке, Лососинном. За ключей проволокой оказалась примерно треть населения оккупированной части Карелии⁴⁵.

Ю. Куломаа в своей работе «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944» вынужден был признать, что представителей «национального» населения изолировали в концентрационных и переселенческих лагерях в очень небольших количествах в сравнении с «не националами» (русскими), так, например, в апреле 1942 г. русские

составляли 96% всех изолированных. «Националов» насчитывалось в общей сложности лишь 621 человек, большинство из которых были карелами, признанными в результате проверок обрусевшими в языковом отношении. Впоследствии они были освобождены⁴⁶.

Только спустя полгода после организации концлагерей в мае 1942 г. ВУВК утвердило регламент о концентрационных лагерях, в котором говорилось: «1. В концлагерях содержатся: а) лица, относящиеся к не национальному населению, проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно; б) политически неблагонадежные лица, относящиеся к национальному и не национальному населению; в) в особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно. Лица, названные в пунктах а) и б), должны содержаться в разных лагерях или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря...»⁴⁷ Контакты заключенных с гражданскими лицами были запрещены. Как показали события, большинство людей попадало в лагерь по пункту «а», т. е. как лица, не относящиеся к родственным финнам народам.

В ноябре 1943 г., когда произошел перелом в ходе войны, по утвержденному главнокомандующим представлению начальника ВУВК было изменено название тех концентрационных лагерей, в которых помещалось население районов, входивших в зону военных действий. Вместо «концентрационных» их стали называть «переселенческими», а «концентрационными» остались только лагеря в поселках Колвасозеро и Киндасово. Там содержалось неблагонадежное, с точки зрения оккупационных властей, гражданское население: в Колвасозеро — выходцы из родственных финнам национальностей, а в Киндасово — представители других национальностей⁴⁸. Однако принципиальной разницы между концентрационными и переселенческими лагерями не было.

Это признают и сами финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В качестве своего рода косметического нововведения в ноябре 1943 г. стали использовать термин “переселенческий лагерь”, который, как полагали, больше соответствовал сложившимся обстоятельствам. После этого концентрационными лагерями стали называться только места изоляции политически неблагонадежных лиц. В действительности проведение этого мероприятия, очевидно, вызывалось внешнеполитическими причинами и усилившейся пропагандой (имеется в виду советская пропаганда. — С. В.), направленной против оккупации. Никаких реорганизаций за этим не последовало»⁴⁹.

Анализ архивных документов, многочисленные показания узников позволяют восстановить картину финских концлагерей для гражданского населения, оказавшегося в оккупированной Карелии. Территория всех концлагерей густо обносилась колючей проволокой в несколько рядов. На углах выстраивались наблюдательные вышки, на которых круглые сутки стояли вооруженные финские солдаты. Кроме этого, вдоль колючей проволоки ходили патрули, а у входа — часовой, вооруженный автоматом. Охране запрещалось вести беспричинные разговоры и вступать в какие-либо отношения с лагерниками. Выход из лагеря запрещался под угрозой расстрела⁵⁰.

Внутренняя организация петрозаводских лагерей строилась следующим образом. Комендантом лагеря назначались старшие домов, которые должны были следить за порядком в домах и квартирах и ежедневно докладывать коменданту о происшествиях. В 7 часов утра бригады заключенных отправлялись на работу. Рабочий день длился с 8 до 16 часов с 20–30-минутным перерывом на обед. По возвращении с работ заключенные могли привлекаться к коллективным внутрилагерным работам. После 20 часов передвижение по лагерю прекращалось. Применялись телесные наказания, особенно часто за самовольный выход за пределы лагеря⁵¹.

Условия проживания заключенных в петрозаводских концлагерях были исключительно тяжелыми. Финляндский исследователь Ю. Куломаа так описывает эту ситуа-

цию: «Концлагеря были размещены в рабочих кварталах на окраинах города, где находились крупные (бревенчатые) строения... В лучших из них были квартиры из одной комнаты и кухни, худшие представляли из себя низкие бараки, где по обе стороны темного центрального коридора находились убогие комнаты с плитой... Согласно декабрьскому рапорту (1941 г.) все строения, по крайней мере в лагере № 5, требовали ремонта... В двадцатиметровой комнате часто размещались трое взрослых и четверо детей, что означало менее трех квадратных метров на человека»⁵². Согласно советским источникам, условия проживания в концлагерях были намного хуже, чем об этом написал финский автор. «Заключенное в концлагере население было размещено настолько скученно, что в одной комнате 15–20 кв. метров находилось от 20 до 25 человек, т. е. на одного человека приходился один квадратный метр жилплощади. В результате такой скученности и создания невыносимых нечеловеческих условий жизни в концлагерях быстро распространялись различные заразные болезни (дизентерия, сыпной тиф, цинга и т. д.)»⁵³.

Показания заключенных, находившихся в концлагерях, также свидетельствуют о тяжелых условиях проживания. Людей насильно загоняли в бараки по несколько семей в одну комнату. При этом заставляли выносить личные вещи, отнимали одеяла, часы, чемоданы, продукты питания⁵⁴. У сгоняемых в лагерь славян отбирали имущество, скот и отдавали «освобожденным братьям по крови». Население содержалось в антисанитарных условиях. Люди спали на полу без всякой подстилки. Медицинская помощь не оказывалась⁵⁵.

В воспоминаниях заключенной Е. В. Лахиной, содержавшейся в концлагере № 5 города Петрозаводска, говорится о жутких жилищно-бытовых условиях заключенных этого лагеря: «В помещениях в 15–20 кв. м проживало от 6 до 7 семей. Бани и прачечной в лагере не было... Мыла совершенно не выдавали. Среди заключенных наблюдалась массовая вшивость. Нечеловеческие условия жизни в лагере повлекли за собой развитие эпидемий — цинги, дизентерии, сыпного тифа»⁵⁶. Такие же тяжелые условия проживания существовали и в концлагере № 6. Заключенный этого лагеря М. П. Савин показал: «Жилищно-бытовые условия для граждан были исключительно плохие: бараки были все переполнены, бани и прачечной не было, мыла не выдавали, и в результате этого царил массовая вшивость» (см. док. № 91).

Не лучше были условия и в концлагерях в районах республики. В письме Булдаковой, находившейся в концлагере в поселке Ильинском, отмечалось: «Лагерь располагался на территории лесозавода, был обнесен двумя рядами колючей проволоки и охранялся часовыми. Разместили нас в бараках. В каждой комнате стоял стол, сколоченный из досок, возле него две скамейки, в углу у дверей плита, у стены — голые нары. Финны проверяли наличие людей в бараках и ночью»⁵⁷.

Финское руководство с самого начала войны имело планы экономического использования не национального населения. На оккупированной финнами территории Советской Карелии была введена всеобщая трудовая обязанность для лиц от 15 до 60 лет. Труд заключенных применялся как внутри лагерей, так и за их пределами на разных предприятиях Петрозаводска: на Онегзаводе, хлебозаводе, по восстановлению электростанции, многие из них трудились по очистке улиц и разборке старых деревянных домов. Часть заключенных петрозаводских концлагерей отправляли на лесоразработки и сельскохозяйственные работы в близлежащие районы⁵⁸.

Первоначально регламентации труда заключенных не существовало и все семь дней в неделю были рабочими. Оплата труда в 1941–1942 гг. не предусматривалась. Позднее стали платить от 3 до 7 финских марок в день, затем еще больше — до 20 марок⁵⁹.

В рассказе ленинградца К. И. Богданова, 1915 г. рождения, бывшего узника петрозаводского концлагеря № 2, подчеркивается: «Рабочий день в лагере длился с 6 часов утра до 8 часов вечера. Причем вечерняя работа, производившаяся в зоне лагеря, носила чисто издевательский характер. Людей заставляли производить совершенно бессмысленную работу: перетаскивать с места на место тяжелые камни, переносить с места на место изгородь и т.п. Бесцельность этой работы была настолько очевидна, что люди шли на ее выполнение с ужасом»⁶⁰.

Еженедельный выходной день был введен в лагерях только с конца марта 1942 г. С мая 1942 г. рабочий день заключенных ограничивался 8 часами. К концу оккупации к труду привлекалось от четверти до трети общего количества заключенных⁶¹. Эффективность труда заключенных была низкой, что обуславливалось голодом и болезнями людей. Широко применялись наказания — избиения заключенных за невыполнение норм выработки, за неправильную укладку дров в поленицы, недостаточную тщательность к чинам охраны.

Т. В. Попова (концлагерь № 2 Петрозаводска), знавшая финский язык и поэтому определенная в штаб писарем, пишет: «Люди ходили отечные, умирали. Сопровождать покойника родственникам запрещалось. Высокий процент смертности являлся результатом не только полуголодного существования, но и непосильной работы. Финны заставляли работать всех — детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков, больных. Комендант концлагеря № 2 лейтенант Саловаара не гнушался лично избивать маленьких детей»⁶².

На оккупированной финнами территории Советской Карелии существовала дискриминация не национального населения не только в местах проживания, но также в продовольственном обеспечении и в оплате труда. Особенно тяжелым было положение с продовольственным обеспечением весной — летом 1942 г., когда запасы урожая 1941 г. практически закончились. В апреле 1942 г., например, всем группам населения хлеба выдавалось по 165 г в день. В 1942–1943 гг. выдавали на 1 человека в день 300 г хлеба из муки с древесной примесью и 50 г гнилой колбасы на 3 дня⁶³. Бывший заключенный концлагеря № 5 города Петрозаводска А. П. Коломенский на допросе 16 июля 1944 г. показал: «Фашистские мерзавцы совершили бесчисленное число преступлений, из которых особенно страшное — создание в железнодорожном поселке лагеря смерти для советских мирных граждан. Этот концентрационный лагерь значился под номером 5. Я в нем содержался с 1 декабря 1941 года по 28 июня 1944 года. Кормили скудной пищей из отбросов и в недостаточном количестве. На день выдавали по 300 г муки с древесной примесью, 50 г тухлой колбасы на три дня и все»⁶⁴.

Для заключенных концлагерей определялось два вида продовольственных норм: А — для неработающих и В — для работающих. Установленные нормы продовольственных пайков являлись теоретическими, поскольку не имелось возможности обеспечить их соответствующим количеством продуктов. С сентября 1943 г. заключенные получали по 200–300 г хлеба, состоящего на 50 % из несъедобных примесей, иногда давали по 50 г порченной колбасы или кусочек заплесневелого сыра на 3 дня, изредка 50 г конины. В поисках пищи люди весной из-под снега извлекали убитых зимой и осенью кошек и собак и ели их мясо с червями, охотились за крысами, лягушками, били из рогаток ворон. Некоторым удавалось воровать из ясель финских лошадей картофельную шелуху, но за это жестоко избивали⁶⁵.

Во всех без исключения воспоминаниях бывших узников финских концлагерей говорится о том, что они вели голодное существование. Голод гнал людей за колючую проволоку, их не могли удержать ни наказание, ни страх смерти. Обычно за пределы лагеря посылали детей, потому что им легче было проскочить мимо охраны. Малолет-

няя узница петрозаводского концлагеря В. А. Семко вспоминает: «Весной 1942 г. весь лагерь переболел цингой, а дети — корью. Свирепствовала дизентерия... Ежедневно умирало 10–15 человек. Кормили очень плохо. Выдавали немного хлеба с какой-то примесью и граммов 50 гнилой колбасы на 3 дня. Есть постоянно хотелось...»⁶⁶

О том, что заключенные в период оккупации в концлагеря мирные жители голодали, свидетельствуют показания и самих финнов. Так, пленный финский солдат 13-й роты 20-й пехотной бригады Тойво Арвид Лайне рассказывал: «В первых числах июня 1944 г. я был в Петрозаводске. На станции Петрозаводск я видел лагерь для советских детей. В лагере помещались дети от 5 до 15 лет. На детей было жутко смотреть. Это были маленькие живые скелеты, одетые в невообразимое тряпье. Дети были так измучены, что даже разучились плакать и на все смотрели безразличными глазами»⁶⁷. И все это происходило в 1944 г., тогда как официальные финские источники заявляли об улучшении продовольственной ситуации с ноября 1943 г.

Нехватка продовольствия, тяжелая изнурительная работа, массовые эпидемические заболевания резко ухудшали состояние заключенных. Во всех концлагерях была исключительно высокая смертность: по воспоминаниям бывших узников финских концлагерей, ежедневно умирали десятки людей, трупы которых свозились на кладбище по два-три раза в неделю. Вот что рассказали об этом очевидцы. Упомянутый выше А. П. Коломенский, в обязанность которого входило вывозить трупы из концлагеря № 5, сообщил: «Работая возчиком, я вывозил из лагеря умерших на кладбище “Пески”, расположенное в 5 км от г. Петрозаводска. По моим записям в мае 1942 г. умерло 170 чел., в июне — 171, в июле — 104, в августе — 152. Всего с мая по 31 декабря 1942 г. умерло в нашем лагере 1014 человек...»⁶⁸ Уровень естественной смертности в финских концлагерях в 1942 г. был даже большим, чем в немецко-фашистских (13,75 против 10%)⁶⁹. Смертность свободных жителей Карелии в 1942 г. составила 2,6 %, жителей в Финляндии — 1,31 %. К концу оккупации положение удалось стабилизировать. Уровень смертности в 1944 г. составил 1,38%⁷⁰.

Высокая смертность была характерна для всех без исключения концлагерей Петрозаводска. Бывший заключенный концлагеря № 2 Е. П. Егоров показал: «На работу выгоняли обессиленных и разутых людей под охраной. Население данного лагеря было обречено на голодное вымирание. На сутки выдавалось 250 грамм хлеба. С населением обращались как со скотом. Запрягали его в упряжки и возили тяжести. Ежедневно часть лиц подвергалась избиению. В лагере, пожалуй, нет ни одного человека, который бы не испытывал на себе резиновую дубинку. Детей белофинны тоже не миловали и избивали как взрослых. От побоев, голода и изнурительного труда в неделю умирало до 20 человек, которых хоронили по средам и воскресеньям» (см. док. № 60).

Трагическая картина смертности в концлагерях отражена и в воспоминаниях малолетних узников. Бывшая заключенная петрозаводского концлагеря № 6 Е. М. Дмитричева на допросе 17 июля 1944 г. заявила: «Население лагеря в 1942 г. сильно вымерло. Финны покойников вывозили два раза в неделю, каждый день в лагере умирало до 10 человек»⁷¹. Бывшая заключенная концлагеря № 5 Л. П. Макеева свидетельствует: «В условиях голода, холода, без медикаментов люди вымирали целыми семьями. Не обошло это горе и нас. Один за другим умерли бабушка и дедушка. Организм мамы тоже ослаб, и она заболела куриной слепотой и малокровием. Мои маленькие сестрички Галя и Нина, не получая даже материнского молока, тоже умерли. Мы с мамой остались вдвоем»⁷². Бывший заключенный этого же концлагеря Михайлов вспоминал: «В первоначальный период лагерной жизни люди вымирали целыми семьями. Только за один первый год число узников в лагере № 5 сократилось на одну четверть. Если в 1941 году в этом лагере насчитывалось до 8000 человек, то к сере-

дине 1942 года было уже 6000 человек. За три года — наполовину. Ежедневно в каждом из лагерей в день умирало до 20–25 узников. Особенно высокая смертность была в Кутижемском лесном лагере. В каждом лагере работала похоронная команда. Трупы складывались в сараях и отвозились на кладбище “Пески”. В каждую траншею укладывалось до 40 трупов. Грудные дети умирали один за другим. Голод косил детей в первую очередь»⁷³.

В специальной записке «О зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 г. — июнь 1944 г.)» об этом кладбище сказано следующее: «Ярким подтверждением гнусных преступлений немецко-финских захватчиков стало кладбище “Пески”, которое заключенное в концлагерях население называло “Седьмым лагерем, лагерем смерти”. Это огромная площадь сплошных огромных могил, покрытых тысячами крестов, а под каждым крестом похоронено от 3 до 5 человек, где стоит сейчас трупный запах. Трудно найти семью в бывших концлагерях, у которой кто-либо из родных не умер. Этот тяжелый черный отпечаток, наложенный немецко-финскими захватчиками, никогда не изгладится из памяти советских людей, которые пережили этот страшный кошмар средневековья»⁷⁴.

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях для гражданского населения. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась»⁷⁵. Финляндский исследователь Гуннар Розен считает, что в петрозаводских лагерях в 1942 г. умерло 3017 человек, что составило около 15%, а во всех лагерях до конца 1942 г. умерло 3516 человек, в основном это были старики и дети⁷⁶. Ю. Куломаа приводит свои цифры умерших в петрозаводских концлагерях в 1941–1944 гг. в книге «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944»: «Согласно докладу, составленному после войны по поручению Союзной контрольной комиссии, в лагерях г. Яанислинна (Петрозаводска. — С. В.) умерли 4003 человека, из которых 3467 человек — в 1942 г. В 1943 г. смертность в лагерях составила 442–458 человек и в период с января по июнь 1944 г. — в общей сложности 73 человека»⁷⁷.

В материалах Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений финских оккупантов называется цифра свыше 7 тыс. погибших за годы оккупации лишь в петрозаводских концлагерях⁷⁸. Этой проблемой занимался карельский историк К. А. Морозов. По его данным, в результате тяжелого принудительного труда, плохого питания, голода, эпидемий, расстрелов погибло свыше 14 тыс. советских людей, или пятая часть оставшихся на оккупированной территории. Но в эту цифру входят не только погибшие и умершие в лагерях, но и на всей захваченной территории Восточной Карелии⁷⁹.

В этой связи стоит согласиться с мнением финского военного историка Х. Сеппяля, который пишет: «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно. Об именах умерших в концлагерях, датах их рождения и причинах смерти нет никаких упоминаний. Некоторые из умерших занесены в списки дважды, другие не записаны вовсе. Из списков невозможно получить сведения о количестве умерших. Сведения 1942 года еще как-то читаемы. Но сведения следующего года совершенно запутаны. Списки являются подтверждением того, насколько безразлично относились финны к заключенным»⁸⁰.

Однако до сих пор большинство финских исследователей отстаивают цифру в 4 тыс. погибших мирных граждан, ссылаясь при этом на списки умерших в оккупированном Петрозаводске, которые несколько лет назад были переданы в Национальный архив Республики Карелия. Но, во-первых, это данные охватывают только период с февраля 1942 по июнь 1944 г., а люди умирали и ранее — во второй половине 1941 г.; во-вторых, сами списки умерших велись крайне небрежно, мы видим много перечеркнутых фамилий или вписанных дважды. Следует признать, что для оккупантов погибшие русские люди не являлись существенным вопросом. Мы до сих пор не знаем точной цифры — сколько мирного гражданского населения погибло в концлагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. То же самое касается и количества военнопленных, погибших в концлагерях на территории Карелии. На мой взгляд, надо продолжать совместные с финскими историками исследования в российских и финляндских архивах, чтобы установить истину в этом вопросе.

Архивные документы показывают, что существовала дискриминация населения, попавшего под финскую оккупацию, не только в распределении продовольствия, но и в оплате труда. В начальный период войны оплата труда заключенных вообще не предусматривалась. В декабре 1941 г. штаб ВУВК все же принял решение об оплате труда заключенных, чтобы поднять его эффективность. Находившиеся в лагерях стали получать 30% от зарплаты коренного национального населения, но не более 9 финских марок в день для мужчин и 7 марок для женщин. Свободное население получало за работу 20–30 марок в день. Заключенным были недоступны необходимые продукты питания как в торговой сети, так и на черном рынке. Устранение дискриминации некоренного населения в оплате труда произошло лишь во второй половине 1943 г. В декабре 1943 г. зарплата заключенным повысилась, ее размер определялся на основе выполнения норм. Из суммы, начисленной за выполненную норму, высчитывалось 70% на оплату расходов на содержание⁸¹. В сводке 4-го отдела НКВД КФССР «О злодеяниях немецко-финских фашистских захватчиков в период Отечественной войны» от 18 мая 1943 г. говорится, что за одну и ту же работу русским платят вдвое меньше, чем карелам, финнам, вепсам⁸².

В многочисленных архивных документах, во многих воспоминаниях узников финских концлагерей отмечается тяжелая санитарно-эпидемическая ситуация, существовавшая в концлагерях. Медицинская помощь заключенным практически не оказывалась, лекарств было мало. А. А. Ильин, переведенный в марте 1942 г. в концлагерь № 1 заведующим больницей, рассказывал, что из всех постельных принадлежностей в лагерьной больнице были лишь бумажные матрацы, бумажные подушки и рваные грязные одеяла, которые больные приносили с собой. Наволочки и простыни отсутствовали. Завшивленность была огромная, так что к больному было страшно подойти — это была сплошная вошь. Питание больных поначалу не отличалось от питания других заключенных, но со временем для них стали выделять немного молока. Лишь после приезда комиссии (имеется в виду комиссия Красного Креста в 1943 г.) с проверкой положение с лекарствами и питанием больных несколько улучшилось. Появились финские врачи, говорящие по-русски, хотя отношение к русскому медперсоналу оставляло желать лучшего⁸³.

Об этой проблеме более подробно говорит Ю. Куломаа в своем исследовании «Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944»: «Судя по показаниям людей, занимавших руководящие должности в лагере № 1, ситуация с медицинским обслуживанием поначалу была очень тяжелой. Главный врач Восточной Карелии Вале в апреле 1942 г. также оценивал ситуацию как неудовлетворительную, поскольку в лагерях, отсутствовало даже самое простое оборудование... Уже зимой 1941–1942 гг. во всех лагерях были

открыты поликлиники и дополнительные больницы. Импульсом для дальнейшего развития медицинского обслуживания в концлагерях стали случаи сыпного тифа, выявленные в лагерях военнопленных, расположенных в Южной Карелии. Распространение этой опасной болезни среди гражданского населения и большого по численности гарнизона Яанислинны могло привести к серьезным последствиям. По этой причине лагеря попали под более пристальный контроль финских специалистов, и в апреле 1942 г. врача Олонецкого округа с двумя другими военными врачами назначили ответственными за состояние здравоохранения в них. Кроме того, врачу примыкавших к городу территорий, должность которого учредили в июне 1942 г., вменили в обязанность вникать в вопросы ухода за больными и общей гигиены лагерей»⁸⁴.

Тяжелая ситуация с медицинским обслуживанием была и в других петрозаводских концлагерях. Фельдшер концлагеря № 4 Парфенов в заявлении в Чрезвычайную государственную комиссию писал: «До появления сыпного тифа русское население лагерей было сильно истощено голодом, охвачено почти 100% цингой, я, работая фельдшером, знаю, как наши советские люди умирали десятками от голода и цинги. Помощь оказать было нечем, медикаментов не было. Из всего населения лагерей (около 18–20 тыс.) за период с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г. умерло, я считаю, около 6–7 тысяч. Гробы из лагеря вывозились десятками и сваливались на кладбище в заранее приготовленные ямы друг на друга. В 1942 г. в лагере № 4, где я в то время был назначен в амбулаторию в качестве фельдшера, среди детского населения свирепствовала корь, на неоднократные мои просьбы и заявления начальство лагеря не принимало никаких мер. Комендант лагеря в то время был некто финн Кеконен. В октябре–ноябре 1942 г. в лагерь № 5 было завезено старое, грязное финское белье и роздано населению взамен ранее отобранного хорошего. Через некоторое время после этого в лагере стали появляться заболевания с кожными сыпями. Сначала никто не обратил серьезного внимания, заболевания были единичными. Затем заболевания приняли массовый характер, была отправлена кровь от больных на исследование в лабораторию и установлен сыпной тиф...» (см. док. № 77).

Ситуация с болезнями и эпидемиями ярко описана в заявлении заключенных концлагеря № 5 И. Е. Коновалова и И. Е. Громова: «От плохих условий жизни, грязи, плохого питания, т.к. мука подмешивалась опилками и имелись в ней черви, мясо и колбаса были тоже с червями, в январе 1942 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, 8 месяцев лагерь был на карантине. 8 месяцев ни один человек, живущий в лагере № 5, не выходил из пределов колючей проволоки. За время тифа вымерло 72 человека. За время существования лагеря с ноября 1941 года по июнь 1944 года в лагере вымерло около 3000 человек, и в основном по причине голода и непосильных условий труда» (см. док. № 67).

Ю. Куломаа отмечает, что весной 1942 г. стали проводиться массовые прививки населения. Не считая детей младшего возраста, от брюшного тифа стремились привить всех — как свободное население, так и заключенных концлагерей. Кроме того, части жителей были сделаны прививки от оспы, а медицинскому персоналу и прививки от сыпного тифа. Затем детям стали делать прививки от дифтерии и туберкулеза. Прививочные мероприятия продолжались и в 1944 г.⁸⁵ Но все эти мероприятия слабо улучшали ситуацию полуголодного населения концлагерей.

Архивные документы свидетельствуют, что некоторые финские врачи в концлагерях и трудовых лагерях вместо оказания медицинской помощи заключенным истязали и избивали их. Бежавший из петрозаводского концлагеря № 2 учитель Павел Филиппович Якимец 20 мая 1942 г. сообщил: «Содержащийся в лагере Бриткин вместе с дру-

гими был направлен на лесозаготовки на ст. Кутижма, там он заболел и пошел к врачу за помощью, но вместо помощи этот врач избил Бриткина. Больной был направлен обратно в концлагерь, где через неделю умер. Тем же врачом до потери сознания был избит Иванов Иван» (см. док. № 30).

Подобный пример привел в своих показаниях бывший заключенный лагеря № 2 Е. П. Егоров: «В апреле м[еся]це 1942 г. Наумов Лаврентий Иванович пошел в больницу за получением медицинской помощи, так как был больной. Вместо помощи от финского солдата Пауля и начальника лагеря железной тростью получил столько побоев, что Наумов сошел с ума» (см. док. № 30).

О финском враче-садисте рассказала бывшая заключенная концлагеря № 2 и трудового лагеря в поселке Кутижма М. М. Егорьева: «Так, например, врач Колыхмайнен избил не одного ребенка. Чтобы рабочему оказать помощь, он набьет его палкой и говорит, у меня первое лекарство — это палка. Из некоторых случаев помню один явный случай. Владимир Коневалов, который болел брюшным тифом, и после болезни сделалось помешательство. Врач Колыхмайнен заставлял его работать, но не смог работать Владимир, и он бил его, не считая, куда только ни попадет. Идя по коридору, он стучал Владимира головой об стенки и снова направлял работать. Эдаких случаев было очень много» (см. док. № 134).

В архивных документах, посвященных финскому оккупационному режиму в Карелии в 1941–1944 гг., содержится обширный материал об истязаниях оккупантами мирных граждан — узников концлагерей. Так, в конце июля 1944 г. бывшая заключенная петрозаводского концлагеря № 3 Парфенова в беседе с агитатором по теме «О зверствах немецко-финских захватчиков» сказала: «Хлеба первые два года выдавали мало... умирало в лагере ежедневно по 80–100 человек. Украдкой выходили за колючую проволоку собирать по помойкам мерзлую гнилую картошку и капусту. Если кто был замечен, избивали до полусмерти» (см. док. № 105).

В лагерях устраивали «показательные» порки. Л. М. Яманина (Фомина) вспоминает: «Однажды нас всех согнали к воротам штаба, чтобы мы смотрели, как будут наказывать нашу маму. Она ушла за проволоку, чтобы достать для нас, голодных, какой-нибудь еды. Она лежала на телеге, а рядом стояли дети, на глазах у которых ей устроили порку резиновой плеткой»⁸⁶. В рассказе А. Ярицына отмечается: «Из дома, что сейчас стоит на ул. Олонецкой в Петрозаводске, время от времени доносились страшные крики. Там истязали и пытали людей. Туда доставляли виновных в нарушении лагерного режима или тех, кого охранникам хотелось считать таковыми. Такому избиению мог подвергнуться каждый, ибо никто не мог предвидеть, к чему придерется надзиратель. В доме через дорогу жил начальник лагеря. Он любил музыку. Когда крики истязаемых уж очень досаждали ему, он включал радиоприемник и сразу уносился мыслями в аккуратный особнячок в родной Суоми»⁸⁷.

Исключительно жестокие истязания и пытки заключенных применялись в тюрьмах. Е. В. Тарасова на допросе показала: «В Киндасовской тюрьме над заключенными издевались, били за каждый проступок, например, во время полевых работ истощенные заключенные брали что-либо из овощей, их подвергали избиениям до бессознания, так были избиты заключенные Гагарин, Фокин, Жданов, женщины Егорова и Артемьева. Редко можно найти человека, которого бы не били из тех, кто побывал в Киндасовской тюрьме. Начальниками тюрьмы были капитан Тойвонен и капитан Юлстало, по приказаниям и распоряжениям которых производились все расправы, пытки и издевательства над советскими гражданами, заключенными в тюрьму» (см. док. № 98).

Пытки и истязания мирных граждан происходили не только в концлагерях и тюрьмах, но и применялись против свободно проживающего населения. В документах Чрез-

вычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков на территории Кондопожского района указано: «Со времен оккупации г. Кондопога и Кондопожского района в октябре 1941 г. финские фашисты в целях внедрения своего режима создали по району ряд комендатур, которые под руководством районного штаба, возглавлявшегося капитаном Салокангас, применяли по отношению к оккупированному населению зверские методы обращения: избиение, различные издевательства, пытки, истязания и убийства. Финские оккупанты и их пособники в своих зверствах не считались ни с полом, ни с возрастом людей и подвергали самым жестким избиениям женщин, стариков и детей. В г. Кондопога рабочего Сондальской биржи Вахрушина по распоряжению финского капитана Литонена неизвестно за что били и истязали так, что он на другой день умер. Лукина Мишу, 11 лет, зверски избили за то, что он, будучи голодным, просил милостыню. Алюхину Люцию, Пахомова Сергея, 10 лет, Илемсельгский комендант Лилия избил за то, что они, будучи голодными, просили у финских солдат хлеба, и бил он детей резиновой плеткой до потери сознания» (см. док. № 40).

Анализ многочисленных архивных документов позволяет утверждать, что оккупанты создали в концлагерях и других местах принудительного содержания продуманную систему насилия над заключенными. Это подтверждается показаниями бывших заключенных. Так, бывшая узница концлагеря № 6 Е. М. Дмитричева на допросе отметила: «Фактов избиения и надругательств со стороны финнов по отношению к русскому пленному населению было очень много и избиение финнами советских граждан вошло в систему»⁸⁸.

В архивных источниках, воспоминаниях бывших заключенных называются конкретные фамилии тех, кто применял пытки и истязания по отношению к заключенным.

Заключенный концлагеря № 2 К. И. Богданович на допросе 18 июля 1944 г. рассказал: «Этот режим издевательства и истребления советских людей был введен палачом в роли коменданта лагеря, офицером финской армии лейтенантом Тимо Саловаара и его заместителем сержантом Вейкко Линдхольмом. Саловаара лично избивал советских людей за малейшие проступки, виновные избивались до полусмерти. Каждому финскому солдату из охраны лагеря разрешалось избивать людей по его усмотрению. Этим же Саловаара была организована “будка”, т.е. карцер, представляющий из себя холодное, неотапливаемое помещение, куда зимой проникал снег, и люди по “приговору” Саловаара заточались в этот карцер на срок от 3 до 60 дней» (см. док. № 51).

Заключенная тюрьмы в селе Киндасово А. И. Егорова на допросе 19 июля 1944 г. назвала фамилии истязателей: «Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы дер. Киндасово. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными методами издевательства отличался начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержанты Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму» (см. док. № 62).

О финском садисте Сеппеля на допросе рассказала бывшая заключенная концлагеря № 6 А. А. Рогачева-Луканичева: «В 1942 г. в Песках начальник охраны пленных Сеппеля выстрелом из пистолета убил мальчика Петю и убил только за то, что последний от невыносимого голода вынужден был зайти в палатку финских солдат просить кусок хлеба» (см. док. № 88). О зверствах охранника этого же лагеря рассказала его бывшая заключенная Д. В. Савина: «В 1943 г. фашистский палач Тойвала из охраны лагеря избивал моего сына Захарьева Сергея Яковлевича и только за то, что его жена без пропуска ходила в город за покупкой хлеба. От сильных побоев мой сын лишился частично слуха и несколько дней болел, не мог двинуться с места. Тот же

палач Тойвала избил подростка, сына Савельевой Татьяны — Евгения, за то, что тот измучался на работе и сел отдыхать. Избиение мужчин и подростков было массовым явлением» (см. док. № 90).

Среди охранников петрозаводского концлагеря № 6 зверским отношением к заключенным отличался сержант финской армии Вейкко Ламберг. Бывший заключенный этого лагеря Николай Николаевич Калкасов на допросе 7 июля 1944 г. рассказал: «Ламберг избивал меня трижды. Первый раз в феврале 1943 г. избил ударами плетки, я получил 25 ударов, а после избиения меня поместили на 4 суток в будку... Второй раз в марте 1943 г. Ламберг избил меня кулаками по лицу. После избиения меня на 5 суток посадили в будку. Третий раз в октябре 1943 г. за нарушение порядка в колонне сержант Ламберг вместе с переводчиком Бабалюком Петром Герасимовичем избил меня до потери сознания. Кроме перечисленных мной выше избиений меня также избивали еще несколько раз, но всех случаев не помню, так как они относились к 1941 и 1942 годам»⁸⁹.

В специальной записке «О зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 г. — июнь 1944 г.)» приведены многочисленные сведения бывших заключенных концлагерей Петрозаводска, в которых называются финские оккупанты, несущие прямую ответственность за убийства, истязания, пытки, надругательства над мирными советскими гражданами: начальники ВУВК подполковник (позднее полковник) Вяйне Котилайнен и полковник (позднее генерал-майор) Йохан Виктор Араюри; командир Восточно-Карельских переселенческих концлагерей полковник финской армии Рольф Шильд; военный комендант города Петрозаводска капитан финской армии Лаурикайнен; заместитель коменданта города лейтенант Эломаа; начальники петрозаводских концлагерей: лейтенант Саловаара, майор Куурема, лейтенант Каллио, лейтенант Пентти Толонен, лейтенант Юсси Нуотто, лейтенант Вейкко Ламберг; их помощники — сержант Аройла, сержант Сеппеля и др. Охранники и конвоиры концлагерей: Паули Милонен, Пиронен и др.⁹⁰

В июне 1944 г. органами военной контрразведки был арестован Н. И. Павлов, сотрудник финской контрразведки, переводчик в Заонежском районе республики. В своих показаниях он назвал десятки фамилий оккупантов, принимавших непосредственное участие в истязаниях и пытках мирных граждан на территории этого района: начальники отдела надзора в Заонежье капитаны Весисенахо и Холло, лейтенант Песала; начальники взводов военной полиции лейтенант Ряме и младший лейтенант Туоминен; начальник трофейной роты капитан Вуорио, старшина кавалерийской бригады Меласниemi, работник штаба лейтенант Риска, коменданты деревень Заонежского района Хуури, Миеттинен, Ракканен, Хаависто, Фасти, Лааксонен, Райкко, Куккола, Култалахти, Кильстрем, следователь Майниemi, сыщик Исотало и др.⁹¹

По сведениям бывшего заключенного концлагеря в селе Киндасово Николая Ефимовича Таболина, начальник этого концлагеря Вигало регулярно избивал заключенных, истязал даже за то, что они без разрешения нарвали травы для питания⁹². Уроженка села Чебино Заонежского района Татьяна Степановна Темнева, работавшая уборщицей в трудовом лагере этого села, заявила: «Я видела, как финн Хеймо неоднократно избивал лагерников. Однажды он ударил по спине колом три раза одного парня, который от ударов упал, его отвезли в больницу, где он умер»⁹³.

В истязаниях и пытках мирных граждан принимали участие не только финские оккупанты, но и коллаборационисты из местного населения. Печальной славой пользовался комендант петрозаводского концлагеря № 2 Александр Микс. Бежавший из этого концлагеря учитель Павел Филиппович Якимец сообщил: «Я был свидетелем част-

ных избиений со стороны Александра Микса. Однажды он избил возчика резиновой плеткой до потери сознания, после чего этот возчик стал сумасшедшим»⁹⁴. Не уступал Миксу в зверствах и переводчик этого лагеря Василий Пастухов, часто избивавший заключенных⁹⁵.

Когда в июле 1942 г. Микс умер от алкогольного запоя, лагерники радовались и заявляли: «Одной собакой меньше стало». Но пришедший на его место новый комендант по имени Сашка не уступал предшественнику в зверском отношении к заключенным. За малейшую провинность избивал резиновой палкой всех, включая женщин и подростков⁹⁶.

В многочисленных показаниях бывших заключенных петрозаводских концлагерей часто называются фамилии врачей: концлагеря № 3 Богомаленского и концлагеря № 5 Люботынского, фельдшера концлагеря № 2 Квасникова и др., которые отличались особым садизмом, постоянно участвовали в избиении лагерников⁹⁷.

Еще одна мрачная страница финской оккупации Карелии – это трагедия детей и подростков, попавших в концентрационные и трудовые лагеря. Многочисленные архивные документы, показания тех, кто пережил финскую оккупацию, показывают, что больше всего от оккупантов страдали именно дети, которых не щадили финские охранники. За малейшие проступки их избивали резиновыми плетками, и это явление носило массовый характер. В каждом лагере была должность палача, в обязанности которого входило наказание заключенных по приказу коменданта. Были случаи избиения и даже расстрела детей, выходивших из зоны лагеря, чтобы выпросить кусочек хлеба⁹⁸.

Леонид Новиков (концлагерь № 5 города Петрозаводска) вспоминает: «Ребята моего возраста стали проникать за проволоку, чтобы раздобыть что-нибудь из еды. Опасно это было. Надзиратели за это били резиновыми плетками, а часовые стреляли без предупреждения. Меня однажды ранили в ногу, когда я пролезал под проволоку. Рана долго не заживала»⁹⁹. И. Анисковичу было двадцать лет, когда его в сентябре 1941 г. заключили в один из лагерей в поселке Ильинском вместе с отцом-инвалидом и шестью сестрами. В своих воспоминаниях он пишет: «Если ты только подходил близко к изгороди, тебе стреляли в ноги. Если кто-то пытался убежать, в него стреляли. Раз один из мальчиков попытался. Его расстреляли и оставили висеть вниз головой на изгороди для устрашения других. Однажды, когда пятеро юношей пытались убежать, финны вырезали ножами на их спинах звезды. Только один из них остался в живых»¹⁰⁰.

Документы Чрезвычайной государственной комиссии содержат многочисленные факты издевательств над детьми. «Из желания помочь плачущим сестренкам и братишкам от голода и убивающейся от горя матери Саша Демехин 12 лет вместе с другими ребятами Ваней Коноваловым и Леней Кутоевым потихоньку уходили из концлагеря № 5 в город Петрозаводск, где в столовых находили работающих на кухне советских людей и выпрашивали остатки каши или кусочки хлеба от стола финнов и приносили домой. В октябре 1942 года 22-го числа Саша вместе с ребятами ушел в город, когда они возвращались домой в лагерь, для того, чтобы не быть замеченными, они проползли под колючую проволоку, финны их заметили и подняли в детей стрельбу. Ребята с криком о спасении бегали около колючей проволоки. Палачам удалось пристрелить одного смельчака, решившегося выйти за проволоку, тяжело ранив, прострелив правое легкое мальчику Саше Демехину, остальные ребята были на 5 суток закрыты в холодную будку. Увидев, что мальчик ранен и стонет, финские гады отправили его в больницу, но было уже поздно. В больнице перед смертью Саша матери рассказал, что выпрошенные им для бра-

тишек и сестренек галеты находятся в кармане. В страшных мучениях в ту же ночь Саша скончался» (см. док. № 123).

О трагедии детей в петрозаводских концлагерях рассказал в своей работе «Финские оккупанты...» бывший узник Г. И. Григоров: «Не считаясь с двойной колючей проволокой, с усиленной охраной, забывая о всех террористических мероприятиях финских властей, дети разных возрастов убегали за город, чтобы у кухонь, казарм выпросить себе крохи хлеба или немного каши. Но горе тому ребенку, которого либо заметил патруль, либо его захватила в городе полиция и привела обратно в лагерь. Тогда расправа с ребенком короткая. Заметив ребенка за пределами проволоки, патруль, согласно внутреннему распорядку лагеря, стреляет без предупреждения и ребенок валится ничком на землю. Самый трагический случай, мне помнится, разыгрался у проволоки 5-го лагеря: ребенок 9 лет подошел к проволоке, патруль выстрелил в него и попал ему в живот, и ребенок, обливаясь кровью и корчась в судорогах, умирал. Тогда с плачем к умирающему брату подошла его маленькая сестричка, и озверелый патруль снова выстрелил и убил второго ребенка»¹⁰¹.

И далее автор констатирует: «Патруль, убивший детей, либо вовсе не был наказан, либо отделался каким-то легким штрафом, так как строго выполнил свой долг, предписанный ему законом о концентрационных лагерях оккупированной Карелии»¹⁰².

Бывший заключенный концлагеря № 2 Парфенов в своих свидетельских показаниях рассказал об истязаниях детей в этом лагере: «В мае 1942 г. поступил новый комендант лагеря Салисмаа. Он на площади среди лагеря устроил показательное избиение детей за уход из лагеря просить милостыню. Были дети от 8 до 12 лет, около 10 человек. Два солдата бросали ребенка на землю, и он собственноручно избивал их плеткой. Одну девочку лет 9 избил до потери сознания, а девушку Спинову Анну, за то, что зашла в магазин купить спичек, избил так, что она лечила раны от побоев 2 месяца» (см. док. № 106).

Насмешкой над заключенными, включая детей, были «упражнения» финских «цирюльников». Л. Трошева (Ольпова) из концлагеря № 5 пишет: «...нас, детей, стригли своеобразно: машинкой прогоняли полосу от лба до затылка, а остальную часть оставляли». Она вспоминает и о медицинских манипуляциях по сбору крови у заключенных, в том числе и у детей: «Помню комнату, где на столе было много стеклянных сосудов с кровью. До сих пор перед глазами стоит человек в белом халате, который вонзил мне в грудь, чуть ниже ключицы, иглу. И так повторялось несколько раз. Эти процедуры у меня каждый раз заканчивались потерей сознания. Я и теперь не могу без содрогания видеть медицинские шприцы»¹⁰³.

Документы свидетельствуют о вседозволенности финских оккупантов по отношению к детям. Они могли без всяких причин стрелять в детей. Так, свидетель Федор Иванович Гюбиев показывал: «29 февраля 1943 года мои дети Гюбиева Наталья, 1934 года рождения и сын Гюбиев Егор, 1933 года рожд[ения] в 9 час. утра пошли в школу, когда от дома по дороге отошли 300 метров, финский часовой лагеря № 6 открыл по детям огонь из винтовки, из двух выстрелов обоих детей убил наповал. Было много случаев, когда дети, выйдя из лагеря собрать ягод, по ним часовые открывали без всякого предупреждения стрельбу из винтовок. Были случаи ранения детей» (см. док. № 107).

Житель деревни Лучкина Гора рассказал: «В июле 1942 г. в д. Лучкина Гора приехал пьяный военный комендант, который якобы потерял карманные часы. Заподозрив в краже 10-летнего мальчика, сына украинца, военный комендант приказал солдатам избить мальчик розгами. Избитый был унесен домой в бессознательном состоянии» (см. док. № 30).

Жестокость финского оккупационного режима выражалась не только в создании условий, не совместимых с жизнью (необеспечение продовольствием и медицинской помощью, истязания и пытки, установление каторжного режима работы и др.), но и в моральном унижении русского и других не финно-угорских народов.

Андрей Михайлович Черняев, заключенный лагеря в поселке Уницы, на допросе показал: «Финские солдаты над людьми издевались, избивали резиновыми палками, особенно русских. И не только за не выполнение норм, а вообще иногда пьяные избивали ни в чем невинных граждан»¹⁰⁴. Н. М. Скиндер, проживавшая на территории оккупированного финнами Заонежского района, вспоминала: «Это были самые страшные годы моей семьи и моего детства. <...> [Финны] Ходили с автоматами, кричали, смеялись над нами, бросая, как собакам, объедки со своего стола. <...> В их глазах ничего человеческого не было. Они радовались, что мы их боимся, радовались нашей беспомощности, нашим слезам и худющим фигурам»¹⁰⁵.

Бывшая заключенная концлагеря № 6 Е. М. Дмитричева на допросе отметила: «Мой отец — Дмитричев Михаил Федорович умер от голода, а мне как его дочери финны не разрешили даже похоронить его. Знаю, что он зарыт в Песках на кладбище, где похоронены тысячи советских граждан»¹⁰⁶.

Бывшая заключенная концлагеря № 2 Наталья Петровна Козырева на допросе 17 июля 1944 г. рассказала: «Режим в лагере был установлен очень суровый. После 7-ми вечера воспрещалось даже ходить из комнаты в комнату. Виновных в нарушении этого приказа подвергали телесным наказаниям. Так, за то, что я однажды дольше 7-ми часов задержалась у знакомой, комендант лагеря избил меня до синяков резиновой плеткой с привязанной на конце гайкой. Подобные случаи были нередким явлением, таким образом белофинские правители пытались сделать свободлюбивых советских людей бесправными забитыми скотами»¹⁰⁷.

В руки Чрезвычайной государственной комиссии попало письмо бывшего студента университета в Хельсинки, рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который писал следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказывавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»¹⁰⁸

Архивные документы периода финской оккупации Карелии в 1941–1944 гг. содержат огромный материал об еще одной негативной черте финского оккупационного режима — это отношение к русским женщинам. Их не только нещадно эксплуатировали, подвергали пыткам и истязаниями, но и морально унижали.

Типичную историю пребывания в оккупации рассказала местная жительница Перевозчикова после освобождения Карелии от оккупации. Являясь заключенной петрозаводского концлагеря № 3, Перевозчикова из-за голода взяла у финнов два сухаря. За это она получила 125 ударов палкой, после чего ее отправили в тюрьму в деревню Киндасово. Далее Перевозчикова свидетельствует: «Я перекатывала огромные булыжники для мостовых, и когда я хотела передохнуть, то меня били плетками. Выгоняли на работу зимой в резиновых рваных галошах, и я не смела сказать ни слова, так как была напугана плетками. Финские солдаты заставляли меня бегать и скакать через большие камни, чтобы согреться. Всем женщинам остригли длинные косы. Когда женщины задерживались на лишние минуты в бане, чтобы смыть грязь, накопленную за недели в грязных, вонючих и сырых бараках, тогда финские солдаты обливали нас крутым кипятком, после чего на теле долго оставались волдыри. Из бригады в 50 женщин в живых осталось только три»¹⁰⁹.

Бывшая заключенная концлагеря № 2 Екатерина Николаевна Петрова на допросе рассказала: «Зимой 1942 г. в лагере № 2 Таисия Богданова вышла из лагеря в поисках хлеба. Финны узнали об этом и постригли всех женщин наголо» (см. док. № 79).

Наряду с издевательствами со стороны финских оккупантов, женщины подвергались и сексуальному насилию. Часто оккупанты использовали их для удовлетворения своих потребностей. Бывшая заключенная концлагеря № 2 А. П. Пашкова на допросе 10 июля 1944 г. рассказала о своем нахождении в этом лагере: «За период моего нахождения в лагере № 2 финский лейтенант Саловаара все время бил людей и вызывал на ночлег себе женщин» (см. док. № 79).

В «Докладной записке о положении на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР на 1 июля 1944 г.» отмечалось: «Солдаты и офицеры финской армии глумятся над советскими женщинами и девушками. Финны ночью врываются в дом и пристают к женщинам. Так, зимой 1943 г. пьяный солдат ворвался в дом к жительнице деревни Залесье Зиновьевой Александре Ивановне, только с помощью подоспевших соседей удалось его выставить. В той же деревне в дом крестьянки Четвериковой вечером осенью 1943 г. ворвались 3 солдата и изнасиловали ее. Особенно бесчинствуют солдаты бригады генерала Лагуса, стоявшие зимой 1943–44 г. в Петрозаводске. Очевидцы рассказывают, что пьяные солдаты толпами ходят по городу, насилюют женщин и, надругавшись над ними, выстригают им машинкой волосы крест-накрест» (см. док. № 34).

Факты насилия финских оккупантов над женщинами привел на допросе бывший переводчик отдела надзора Главной квартиры финской армии в Заонежском районе Н. И. Павлов: «Из фактов изнасилования местных женщин и девушек помню следующее: В начале 1944 года в местном штабе д. Корытово была изнасилована работницами штаба Лууконен и Райеки, секретный сотрудник отдела надзора, житель дер. Корытово Лушина Анастасия¹¹⁰. В том же году из д. Вигово была вызвана в местный штаб д. Великая губа местная девушка по имени Клава, которая была изнасилована мл. лейтенантом Ригверг (не точно). В 1943 г. в Толвуйском с/с, деревни не знаю, была изнасилована пятнадцатилетняя девушка сержантом финской армии, фамилии не знаю. Подобных случаев было много и припомнить все я не могу» (см. док. № 36).

По сообщению жительницы Петрозаводска Марии Александровны Соболевой, финские оккупанты в оккупированном Петрозаводске около вокзала открыли публичный дом, в который насильственно загоняли девушек из местного населения¹¹¹.

Заключенный концлагеря в поселке Вилга Александр Федорович Воронцов в своих показаниях привел многочисленные факты издевательства в этом лагере над девушками и женщинами: «У нас на Вилге изнасилование девушек и женщин было обычным явлением. Покупали девушку или женщину за полбуханки хлеба, картофеля, за рваную рубаху или ботинки. Когда Картовцеву изнасиловали и принесли ей после этого полбуханки хлеба, она бросилась на нары и зарыдала. Как-то привезли на Вилгу 120 девушек и женщин из других лагерей, выстроили, осмотрели, ощупали, и после этого переводчик Жуков заявил, что привезен хороший товар. Скоро мы убедились, что многие девушки и женщины превратились в товар для финских белобандитов»¹¹².

Многочисленные факты насилия оккупантов над женщинами приводятся и в допросах финских военнослужащих, попавших в плен на Карельском фронте в 1941–1944 гг. Так, военнопленный Эйно Хауринен на допросе 19 апреля 1942 г. рассказал о преступных действиях оккупантов на территории северных районов республики: «В оккупированной части Калевальского района группа финских солдат изнасиловала карельскую женщину Паулу Микколя»¹¹³.

Рассекреченные архивные источники, посвященные финскому оккупационному режиму в Карелии в 1941–1944 гг., говорят о том, что помимо концлагерей для гражданского населения на оккупированной территории Карелии и в приграничных с ней районах Финляндии была создана сеть лагерей для советских военнопленных. К кон-

цу 1941 г. их насчитывалось уже 18, а всего за 1941–1944 гг. было создано 35 финских лагерей и рот для советских военнопленных.

Тема концлагерей военнопленных не входит в цели и задачи данного сборника, посвященного преступлениям против мирного гражданского населения, и требует отдельных публикаций. Отметим только, что из-за плохого питания и тяжелой каторжной работы смертность в финских концлагерях для советских военнопленных была чрезвычайно высокая. Этот факт признают и сами финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В общей сложности за время оккупации в Яанислинне (Петрозаводске. — С. В.) умер примерно каждый двадцатый из свободно проживавших жителей и примерно каждый пятый из находившихся в лагерях. Следует упомянуть, что в финляндских лагерях для военнопленных смертность в период с 1941 по 1944 гг. поднялась еще выше, составив почти треть от общего числа военнопленных»¹⁴. Обращение с военнопленными в финских лагерях было суровое: обессиливших расстреливали при конвоировании или на месте работы, за попытку к бегству полагался расстрел перед строем или удары палкой, за малейшие проступки наказывали, причем исполнение телесных наказаний чаще всего возлагалось на старшин и полицейских из числа военнопленных¹⁵. Перед российскими историками до сих пор стоит задача установить точное количество советских военнопленных, погибших в финских концлагерях на оккупированной территории Карелии. Опубликованные данные финляндских исследователей требуют несомненных уточнений.

Кроме того, на оккупированной территории Карелии финским оккупационным режимом было организовано 34 трудовых лагеря и аналогичных им трудовых подразделений. Такая многочисленная сеть трудовых лагерей в Карелии объясняется, прежде всего, теми целями, которые были поставлены финскими властями в период войны: осуществить вывоз лесных и сельскохозяйственных богатств республики в Финляндию; обеспечить безопасность собственных войск, что выражалось в привлечении заключенных концентрационных и трудовых лагерей, местного населения для строительства оборонительных сооружений; обеспечить экономическую безопасность Финляндии и финской армии, для чего заключенных лагерей и местное население привлекали для строительства дорог; обеспечить военные и хозяйственные объекты дешевой рабочей силой.

В трудовые лагеря (роты, команды) направляли людей не финно-угорских национальностей (прежде всего русских), как правило насильственно, для производства определенных видов работ (дорожных, сельскохозяйственных и т.д.). Кроме того, начиная с 1942 г. финские военные власти начали выпускать заключенных из концлагерей Петрозаводска и направлять их на работу в трудовые лагеря Кондопожского, Прионежского, Пряжинского районов; заключенные олонечких концлагерей направлялись на работы в Прионежский и Пряжинский районы.

Трудовые лагеря отличались от концлагерей рядом признаков: во-первых, они не имели постоянного места дислокации и в военный период переводились из одного места в другое по мере выполнения работ; во-вторых, трудовые лагеря не являлись местами постоянного пребывания населения; в-третьих, в трудовые лагеря направлялось как национальное, так и не национальное население, а также свободные жители и заключенные концлагерей. Отсутствие постоянного места дислокации создает сложности для определения точного места нахождения трудовых лагерей. Больше всего трудовых лагерей было создано в Медвежьегорском районе — 25, в Олонецком районе — 16, в Петрозаводске — 13, в Кондопожском и Заонежском районах — по 11, в Прионежском районе — 10. Кроме того, финские оккупационные власти создали на оккупированной территории 9 тюрем и 1 колонию для малолетних.

В трудовые лагеря и аналогичные трудовые подразделения направлялись лица, как правило, трудоспособного возраста (15 лет и старше). Тем не менее, судя по архивным документам и воспоминаниям очевидцев, в трудовых лагерях имели место факты привлечения к работе детей и более младшего возраста. Кроме того, в трудовые лагеря могли направляться граждане вместе с несовершеннолетними детьми, которые не привлекались к труду, однако проживали вместе с родителями.

В трудовых лагерях, так же как и в концентрационных, был установлен жестокий административный режим: запрет покидать территорию лагеря, строгий распорядок дня, штрафы и физические наказания за нарушение режима, наличие постоянной охраны, как на территории лагеря, так и по месту выполнения работ; плохие бытовые условия и продовольственное обеспечение.

В. П. Пессонен (Блинова) вспоминает: «Меня, 15-летнюю девчонку, в конце октября 1941 г. направили на дорожные ремонтные работы. Концлагерь в Медвежьегорском районе размещался в 8 км от деревни Малая Медвежья. Лагерь был обнесен колючей проволокой, и на 4 вышках дежурили охранники с автоматами. В лагере нас было человек 300 или даже больше. Все молодые — девчонки и женщины. Нас заставляли работать на самых тяжелых операциях в лесу и на дорожном строительстве. Мы валили деревья, корчевали пни, стелили лежневку через болота, возили песок на дорогу. Колонну сопровождали охранники с автоматами. Спали на барачных нарах. Места были пронумерованы с обозначением наших фамилий. Стелили под себя на ночь ту одежду, которая была на нас. Кормили плохо: суп варили из гороха или бобов с ветками, а кашу — из зерна, едва раздробленного пополам. После возвращения с работы выдавали пайковые галеты. Но паек был такой скудный, что даже не замечали, как его проглатывали»¹⁶.

В трудовых лагерях истязания заключенных были таким же обычным явлением, как и в концлагерях. П. Т. Кауров, высланный в трудовой лагерь лесопункта Вилга, рассказывает: «Я не буду рассказывать о всех избиениях, о пытках заключенных, а приведу два примера, которые навсегда останутся в памяти — это зверское убийство 2-х ребят, полудетей, которое было продемонстрировано бандитами на глазах всего населения лагеря лесопункта Вилга. Мальчик — Петр Пелипенко (из 2 лагеря гор. Петрозаводска), лет 15–16, задумал повидаться с родными и ушел в город, где и был пойман и привезен в Вилгу. Построив всех заключенных в шеренги, мальчика вывели перед строем, и офицер-лейтенант начальник лесопункта Арви Мальмиваара после соответствующей речи о недопустимости побегов собственноручно набросился на мальчика и начал его избивать. После избиения схватил за горло и душил до тех пор, пока Петр не потерял сознание и упал на землю. Тогда офицер-убийца приказал конвоиру солдату застрелить мальчика на глазах у всех, солдат дважды выстрелил из винтовки. Второе убийство было учинено над 16–17-летним Петром Пустоваловым, который, не перенося бесчеловеческих условий жизни, из лесопункта сбежал, но финскими солдатами был возвращен обратно. Избитого до полусмерти подростка провели на площадь перед народом, сбили с ног и после этого одним выстрелом в голову убили его» (см. док. № 106).

Не менее тяжелые условия существовали в трудовом лагере поселка Кутижма. Бывший заключенный этого лагеря Сидорков Александр Макарьевич рассказал: «К моменту моего приезда в Кутижемский лагерь в нем насчитывалось около 500 мужчин, привезенных из петрозаводских лагерей. Для советского человека был установлен строгий режим и созданы нечеловеческие условия, которые выражались в плохом питании, непосильном труде и зверском обращении администрации и конвоиров. За пять месяцев из 500 человек советских граждан в этом лагере осталось 220–230 человек.

Остальные 270–280 человек были расстреляны; иные умерли голодной смертью или от жестоких телесных истязаний, и только незначительная часть была вывезена обратно в Петрозаводск. Ну и там от голодного пайка и жестокого режима значительная часть их умерла. За время моего пребывания в Кутижемском лагере я видел ежедневно похороны от 3-х до 12 человек советских граждан, умерших голодной смертью или от избиений. Замученных и убитых советских людей хоронили в одном месте — в 150 метрах от лагеря» (см. док. № 108).

Часть не национального населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг., которое не попало в концентрационные или трудовые лагеря, оказалась в местах принудительного содержания. Под этим термином имеются в виду те территории, куда неродственные финнам народы были выселены оккупационными властями и где они отбывали трудовую повинность. Как правило, это были те населенные пункты в сельской местности, которые находились в глубине от линии фронта.

Ряд местностей компактного проживания не национального населения финские официальные власти называли термином «особые территории», как например, Заонежье¹¹⁷. Режим содержания на «особых территориях» и в местах принудительного заключения мало чем отличался от пребывания в финских концлагерях: жесткий контроль со стороны финских властей, ограничения в передвижении, невыносимая уплотненность жилищ, практическое отсутствие лекарств и медикаментов, постоянное недоодевание, обязательное привлечение к труду, низкие заработки, физические наказания за малейшие провинности и др.

Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания людей, переживших финскую оккупацию, прежде всего жителей Заонежья. Так, Антонина Александровна Кочанова, 1929 г. рождения, во время войны с семьей оказавшаяся в деревне Патрово Заонежского района, вспоминает: «Мы как раз приехали в Патровщину, мне было двенадцать лет, сестричке было четырнадцать лет, и ее взяли в лагерь. И она уехала в лагерь в Великую Губу, строили они там дорогу. А меня с мамой посылали в лес пилить деревья с корня, там мы складировали дрова в костры, какая-то нам была норма, я даже не знаю, мама знает... Нам давали норму на месяц. Мука была, то ли финская, то ли что, как пыльца, и не знаю даже, сколько грамм нам давали, очень как-то мало. И мы полмесяца солому ели, ели зелень на улице, дрова пилили — ели мелкие опилки, хлеб уже не пекли. Я голодала, опухла... Жили мы неважно, плохо жили. Хотя и проволоки колючей не было, все время у нас дежурили финны, в лес за ягодами не разрешали ходить, думали, что мы там в какую-то связь с партизанами вступим. Кстати, у нас партизан не было на Патровщине»¹¹⁸. Другая заонежанка, пережившая оккупацию в деревне Падмозеро, Клавдия Ивановна Осипова, 1935 г. рождения рассказывает: «У нас был комендантский час. Около деревень колючей проволоки не было, потому что каждую деревеньку не окутаешь колючей проволокой. Это был не лагерь, просто туда мы были насильственно эвакуированы из своих домов. Но после четырех был комендантский час, чтобы никто из деревни никуда не выходил»¹¹⁹.

Финский оккупационный режим использовал труд заключенных концентрационных и трудовых лагерей в своих экономических целях не только на оккупированной территории Карелии, но и по примеру нацистов осуществлял насильственное переселение жителей, особенно молодежи, на работу в Финляндию. Об этом свидетельствуют многие архивные документы и воспоминания очевидцев событий. Так, из Вокнаволоцкого сельсовета Калевальского района финны увезли группу молодежи численностью в 14 человек для работы в помещичьих хозяйствах в район города Куопио. В августе месяце 1943 г. финны отправили на работу в Финляндию большую группу молодежи

Сегозерского района. Среди них — жители села Паданы Анна Тишкина, Анастасия Лебедева, Анастасия Громова, Татьяна Осипова, Наталья Денисова и др.

Некоторые изменения в жестокой оккупационной политике финнов по отношению к мирному гражданскому населению на территории оккупированной Карелии начинают происходить только после двух лет оккупации. СССР в начале осени 1943 г. обратил внимание мировой общественности на оккупационную политику Финляндии, сравнивая ее с захватнической политикой Германии. К этому времени и военная ситуация в Европе радикальным образом изменилась в худшую сторону для финнов и их союзников — немцев. Дурная слава о немецких концентрационных лагерях заставила Финляндию пойти на замену названия «концентрационные лагеря» на «лагеря интернирования»¹²⁰. Со сменой названия условия в лагерях коренным образом не изменились. Вместе с тем волна международного возмущения все же вызывала некоторые изменения в лучшую сторону.

Бывшие малолетние узники петрозаводских концлагерей вспоминают о появлении в конце 1943 г. представителей Международного Красного Креста. Г. Вавилина, узница одного из петрозаводских концлагерей, в своих мемуарах пишет: «Однажды я услышала незнакомую для меня фразу: Красный Крест приехал! После этого события жизнь наша в лагере несколько улучшилась»¹²¹. «Лучиком надежды для многих из нас стало появление Красного Креста», — подтверждает Л. Яшанина (Фомина)¹²². Таким образом, «улучшение» положения русского населения в концлагерях с 1943 г. было связано не столько с желанием финских властей изменить национальную политику на оккупированной территории, сколько с гуманной миссией Международного Красного Креста. Благодаря деятельности этой организации многим узникам петрозаводских концлагерей удалось выжить.

Проблема финских концлагерей в финляндской историографии до сих пор является дискуссионной. Некоторые финляндские исследователи считают, что ставить знак равенства между финскими и немецкими концлагерями неверно. Конечной целью германских концлагерей являлось уничтожение людей на непосильных работах, в ходе медицинских экспериментов либо в газовых камерах. Задача финских концлагерей была принципиально иной — изоляция и последующее выселение некоренного населения — не националов, и это не предполагало истребление заключенных¹²³.

По мнению известного финляндского историка А. Лайне, «финские концлагеря нельзя сравнивать с концлагерями в Германии. Более точное их название “лагеря для перемещенных лиц”»¹²⁴. Этой же точки зрения придерживаются большинство финляндских исследователей. Одновременно А. Лайне считает, что в широком смысле слова финские лагеря можно охарактеризовать как лагеря для интернированного русского населения, где содержались «не националы» до их предстоящего выселения из Восточной Карелии¹²⁵. Однако термин «лагеря для интернированных» так и не вошел в научный оборот.

С этим утверждением трудно согласиться тем, кто пережил 2,5 страшных года в концлагерях, кто потерял и оплакивает до сих пор безвинно погибших от унижения, голода, болезней своих родных, близких и знакомых. По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый сложный период войны Финляндии против СССР (в 1941–1942 гг.) финский режим на территории оккупированной Советской Карелии ничем не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия финских концлагерей были таковы, что русские люди уничтожались без предварительно поставленной задачи.

В настоящий период люди с общей недетской судьбой объединены в общественную организацию «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских конц-

лагерей» (КСБМУ), которая осуществляет неформальную заботу о них, оказывает материальную и моральную поддержку. Одной из своих задач КСБМУ считает сохранение на долгие времена памяти о далеком огненном детстве за колючей проволокой его членов, ныне уже достигших пенсионного возраста. Острота пережитого в военные годы сохраняется в сердцах убежденных сединой людей. Сборники воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей — это не тускнеющие документы военного времени. Люди, чье детство омрачено воспоминаниями о войне, имеют право на память, и сами они не подлежат забвению поколений.

В целом, анализ архивных и других документальных материалов позволяет утверждать, что практически все не национальное (русское) население во время оккупации Советской (Восточной) Карелии финскими войсками в 1941–1944 гг. находилось либо в концлагерях (переселенческих) лагерях, либо в трудовых лагерях, либо в местах принудительного содержания. Эти места принудительного содержания мало, чем отличались от концлагерей: в них население было изолировано от окружающих, ограничено в передвижении, находилось под строгим контролем охраны, вынуждено было работать на оккупантов.

* * *

Преступления против мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. не обезличены. Многочисленные документы, в том числе рассекреченные совсем недавно из фондов ведомственных архивов Карелии, свидетельские показания узников финских концлагерей называют конкретных исполнителей преступной политики финского оккупационного режима — руководство ВУВК, начальников, комендантов, охранников и надзирателей концентрационных и трудовых лагерей Петрозаводска и оккупированных районов республики. Однако многие из них так и не понесли наказания после выхода Финляндии из Второй мировой войны.

Финляндия вышла из войны на основе «Соглашения о перемирии между СССР и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны», подписанного 19 сентября 1944 г.¹²⁶ На основе 22-й статьи этого соглашения была создана Союзная контрольная комиссия (СКК), которая до заключения мира с Финляндией приняла на себя регулирование и контроль исполнения условий перемирия. Возглавил СКК генерал-полковник А. А. Жданов.

13-я статья «Соглашения о перемирии...» гласила: «Финляндия обязуется сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними»¹²⁷. На основе этой статьи А. А. Жданов передал 19 октября 1944 г. премьер-министру Финляндии У. Кастрену список из 61 фамилии людей, подлежащих аресту как виновные в совершении военных преступлений. Почти все они служили в ВУВК или оккупационных войсках.

Х. Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант» пишет: «Из лиц, перечисленных в списке, кроме военных комендантов, 34 человека были на службе в штабе Военного управления, в основном в концлагерях, и шесть человек — в лагерях военнопленных. По списку с октября 1944 года по декабрь 1947 года финскими властями было задержано 45 человек, из которых 30 были освобождены за отсутствием вины, 14 наказаны незначительными сроками лишения свободы за конкретные уголовные преступления (вскоре освобождены) и один — штрафом. Остальные так и не были разысканы, при этом финские власти ссылались на “неясность” списка, а советская сторона не настаивала на его уточнении, хотя имела для этого все возможности. В частности, бывшие

военные коменданты В. Котилайнен и Й. Араюри после войны уехали из Финляндии. Их имена также были в списке, их обвиняли в неравном распределении продуктов (что привело к смерти от голода и болезней многих заключенных концлагерей) и использовании детского труда. После их возвращения в Финляндию в 1948 и 1949 годах с них обоих были сняты обвинения. На основании финских документов оба они обвинялись в нацизме, но в конце 40-х годов финские юристы сняли с них это обвинение. По мнению доктора права Ханну Рауткаллио, никакого состава преступления в сущности не было: “Правду в отношении к гражданскому населению надо искать между крайностями. Там, конечно, были отклонения, но комиссия Куприянова в своем рапорте объявила преступным почти все, что делали финны”¹²⁸.

Ю. Куломаа также отмечает, что финские военные преступники не понесли наказания за свои преступления, совершенные на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.: «По распоряжению Союзной контрольной комиссии дело в отношении задержанных людей затянулось надолго, так как обвинительный материал со стороны СССР был получен только в начале 1947 г. С согласия комиссии большую часть обвиняемых лиц, включая обоих служащих штаба Петрозаводского района, после этого освободили без суда. Трех, служащих в городских концлагерях, следующим летом приговорили к наказанию в виде лишения свободы, однако за время долгого предварительного содержания сроки заключения успели закончиться. Дело о сбежавшем в Швецию начальнике лагеря № 2 было принято к рассмотрению только в начале 1949 г., но, по-видимому, так и не было доведено до конца»¹²⁹.

Таким образом, большинство финских оккупантов, виновных за преступления против мирного гражданского населения на территории Карелии в 1941–1944 гг., так и не понесли наказания.

Анализ большого комплекса архивных документов, в том числе недавно рассекреченных и введенных в научный оборот, а также многочисленные свидетельства узников финских концлагерей и трудовых лагерей, других мест принудительного содержания показывает, что финский оккупационный режим на территории оккупированной Советской Карелии в 1941–1944 гг., реализуя идею создания чистого в этническом отношении государства — Великой Финляндии, проводил расистскую политику разделения местного населения по национальному принципу на привилегированное (финно-угорское) и непривилегированное (русское и другое не финно-угорское). Финно-угры считались гражданами будущей Великой Финляндии и имели большие привилегии в продовольственном обеспечении, оплате труда, для них создавалась специальная образовательная и социальная системы.

Русское население помещалось в концлагеря, трудовые лагеря, тюрьмы, другие места принудительного содержания. Голодное существование, тяжелая каторжная работа, болезни и эпидемии, постоянные издевательства и истязания со стороны охраны приводили к высокой смертности среди русского и другого не финно-угорского населения, люди погибали без применения к ним оружия. Все это свидетельствует, по существу, о проявлении сознательного геноцида по отношению к мирному гражданскому населению. Преступления финского режима по своему характеру относятся к категории «преступлений против человечности» — это преступления без срока давности.

д. и. н. С. Г. Веригин

¹ Merikoski V. Suomalainen sotilashallinto Itä-Karjalassa 1941–1944. Helsinki, 1944;

Kuusinen O. V. Suomi ilan naamoioita. M., 1944.

² Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944; О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1945; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сборник документов и материалов. Л., 1945.

³ Восточной Карелией в Финляндии считается территория, определенная Тартуским мирным договором 1920 г. между Финляндией и Советской Россией к востоку от Финляндии: по реке Свирь, побережьям Онежского озера и Белого моря. Это примерно в границах нынешней Республики Карелии.

⁴ Laine F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982.

⁵ Ibid. S. 484–490.

⁶ Seppälä H. Itsenäisen Suomen ruoluspolitiikka ja strategia. Porvo; Helsinki, 1974.

⁷ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941. Porvo, 1984; *Id.* Suomi miehittäjänä 1941–1944. Helsinki, 1989.

⁸ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.

⁹ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 367–369.

¹⁰ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983.

¹¹ НАРК. Ф. 804, 805 (Военное управление Восточной Карелии).

¹² По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

¹³ Там же. С. 515–516.

¹⁴ Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1941–1956. Петрозаводск, 1999.

¹⁵ Там же. С. 62–64, 80, 81, 85, 86 и др.

¹⁶ Судьба: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Петрозаводск, 1999.

¹⁷ Плененное детство: Сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; Лукьянов В. С. Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004; Денискевич Н. И. В финском концлагере: Воспоминания и размышления. Минск, 2007. Вып. 5.

¹⁸ Судьба. С. 5.

¹⁹ Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Петрозаводск, 2007. Вып. 3: Финская оккупация Карелии (1941–1944).

²⁰ См.: Макуров В. Г. О новых материалах по истории Карелии периода Второй мировой войны // Вопросы истории Европейского Севера: (Проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX в.): Сборник научных статей. Петрозаводск, 1995. С. 91–98; Шляхтенкова Т. В., Веригин С. Г. Концлагеря в системе оккупационной политики Финляндии в Карелии 1941–1944 гг. // Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 2001. С. 37–56; Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII–XX в.). Петрозаводск, 2005. С. 142–151; Юсупова Л. Н. Великая Отечественная война в Карелии в историко-антропологическом измерении: феномен военного детства // Человек и война: страницы военной истории России: Сборник научных статей. Петрозаводск, 2005. С. 24–33; Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73–76; Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим // Отечественная история. 2006. № 4. С. 70, 76–81; Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009; и др.

²¹ Kulomaa J. Äänislinna: Petroskoin suomalaismiehityksen vuodet 1941–1944. Helsinki, 1989.

²² Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006.

²³ Lappalainen N. Äänisen rannoilla. Porvo, 1989; Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии // Север. 1990. № 12. С. 91–127; Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне // Карелия, Заполярье и Финляндия во Второй мировой войне. Петрозаводск, 1994. С. 42; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии (1941–1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: (проблемы социальной экономики и политики, 60-е гг. XIX–XX в.). С. 99–106; Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000.

²⁴ Mikkola V.-L. Menetetty lapsuus suomalaismiehittäjien vankeudessa 1941–44. Helsinki, 2004.

²⁵ Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa: sotilashallinnon ja Suomen Punaisen Ristin yhteistoiminta 1941–1944. Helsinki, 1998. S. 10.

²⁶ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 98–99.

²⁷ Цит. по: Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 42.

²⁸ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. S. 75–76.

²⁹ Цит. по: Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 75.

³⁰ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. S. 60.

³¹ Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 375.

³² Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. S. 106.

³³ Цит. по: Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 53.

³⁴ По обе стороны Карельского фронта. С. 72–73.

³⁵ Справка НКВД КФССР «О положении во временно оккупированных районах КФССР и мероприятиях белофинского командования» // АУФСБ России по РК. Ф. 6. Лит. дело № 12. Т. 1. Л. 27, 27 об.; Ф. КРО. Оп. 1. Д. 81. Л. 13–14.

³⁶ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. S. 73.

³⁷ Из оперативной сводки разведотдела штаба Карельского фронта от 4 июня 1942 года //

АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 77–78; НАРК. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 212. Л. 11.

³⁸ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 44.

³⁹ Справка НКВД КФССР от 3 июля 1943 г. «О злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР» // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8291. Л. 6–7; Ф. 6. Лит. дело № 12. Т. 3. Л. 116, 116 об.; Вестник приказов ВУВК № 1 // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8289. Л. 85.

⁴⁰ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 53.

⁴¹ Невалайнен П. Карелия после 1917 года // История карельского народа. Петрозаводск, 1988. С. 288; Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 101; Он же. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии... С. 100–101; Сеннеля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 г. // Север. 1995. № 4–5. С. 103.

⁴² Петрозаводск и петрозаводчане в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2005. С. 54.

⁴³ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 260.

⁴⁴ Там же. С. 55.

⁴⁵ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 127–147.

⁴⁶ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 70.

⁴⁷ По обе стороны Карельского фронта. С. 242–246.

⁴⁸ Там же. С. 412–414.

⁴⁹ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 58.

⁵⁰ Справка 4-го отдела НКВД КФССР «О положении на оккупированной территории» // НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1169. Л. 31; АУФСБ России по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 81. Л. 72; Лит. дело № 11. Ч. 2. Л. 284.

⁵¹ Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 59.

⁵² Куломаа Ю. Город на Онего // Набат Северо-Запада. 1991. № 19–20. С. 4–5.

⁵³ Спец. записка о зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 г. – июнь 1944 г.) // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 68–69; НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1126. Л. 27; Ф. 5425. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

⁵⁴ Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков... Петрозаводск, 1945. С. 300.

⁵⁵ О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. С. 40–43.

⁵⁶ Показания заключенной концлагеря № 5 Е. В. Лахиной // Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». С. 8.

⁵⁷ Судьба. С. 35.

⁵⁸ Сводка № 2 4-го отдела НКВД КФССР «О положении в г. Петрозаводске и прилегающих к нему населенных пунктах, временно оккупированных противником» // АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 4. Л. 135; Ф. КРО. Оп. 1. Д. 81. Л. 42.

⁵⁹ Трофейные материалы ВУВК // НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1126. Л. 26.

⁶⁰ О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. С. 103.

⁶¹ Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 258.

⁶² Показания заключенной концлагеря № 2 Т. В. Поповой // Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков... Л., 1945. С. 68.

⁶³ Протоколы допроса гражданских лиц о финских злодеяниях // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 37.

⁶⁴ Из протокола допроса заключенного концлагеря № 6 А. П. Коломенского // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 19.

⁶⁵ Судьба. С. 17, 40.

⁶⁶ Из протокола допроса В. А. Семко // НАРК. Ф. 116. Оп. 1. Д. 277. Л. 4.

⁶⁷ Из протокола допроса Тойво Лайне // Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». С. 6.

⁶⁸ Из протокола допроса А. П. Коломенского // Там же. С. 9.

⁶⁹ Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 122.

⁷⁰ Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 247.

⁷¹ Из протокола допроса Е. М. Дмитричевой // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 45.

⁷² Плененное детство. С. 20–22.

⁷³ Там же. С. 34–38.

⁷⁴ Из показаний заключенного концлагеря № 5 И. А. Борисова // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 71–72.

⁷⁵ Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.

⁷⁶ Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. S. 127.

⁷⁷ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 75.

⁷⁸ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». С. 9.

⁷⁹ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 80.

⁸⁰ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 113.

⁸¹ Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 254, 257.

⁸² Сводка 4-го отдела НКВД КФССР «О злодеяниях немецко-финских захватчиков в период Отечественной войны» // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8291. Л. 12.

⁸³ Из заявления А. А. Ильина, заведующего больницей петрозаводского концлагеря № 6, в Чрезвычайную государственную комиссию // НАРК. Ф. 1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 67.

⁸⁴ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 116–117.

⁸⁵ Там же. С. 116–117.

⁸⁶ Судьба. С. 39.

⁸⁷ Там же. С. 25.

⁸⁸ Из протокола допроса Е. М. Дмитричевой // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 45–46.

⁸⁹ Из протокола допроса Н. Н. Калкасова // Там же. Л. 25.

⁹⁰ АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 71–76.

⁹¹ Из «Справки о финских чиновниках-оккупантах, чинивших зверства над населением КФССР», составленной на основе показаний Н. И. Павлова, бывшего переводчика отдела

надзора Главной квартиры финской армии в Заонежском районе // АУФСБ России по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 155. Л. 69–80.

⁹² Протокол допроса Таболина Н. Е. // АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 1. Л. 207.

⁹³ Протокол допроса Темновой Т. С. // Там же. Л. 211–212.

⁹⁴ Справка «О гор. Петрозаводске Карело-Финской ССР, временно оккупированном белофиннами в период Великой Отечественной войны СССР» // АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 2. Л. 508.

⁹⁵ АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 1. Л. 10.

⁹⁶ Из «Справки о гор. Петрозаводске Карело-Финской ССР, временно оккупированном белофиннами в период Великой Отечественной войны СССР» // Там же. Л. 259 об.

⁹⁷ Протоколы допросов гражданских лиц о финских злодеяниях // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 6, 14.

⁹⁸ Судьба. С. 32.

⁹⁹ Там же. С. 40.

¹⁰⁰ Северный курьер. 1993. 30 декабря.

¹⁰¹ Выдержка из работы бывшего узника финских концлагерей Г. И. Григорова «Финские оккупанты...» // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 1–2.

¹⁰² Там же. Л. 2.

¹⁰³ Судьба. С. 59.

¹⁰⁴ Из протокола допроса Черняева Андрея Михайловича // АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 1. Л. 267.

¹⁰⁵ Скиндрер Н. М. Мои детские воспоминания [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2019. С. 3–4. URL: http://rkna.ru/images/Konkursy/2019/Semeinyi_archive/15.pdf

¹⁰⁶ Из протокола допроса Е. М. Дмитричевой // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 45–46.

¹⁰⁷ Из протокола допроса Н. П. Козыревой // Там же. Л. 53.

¹⁰⁸ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». С. 9.

¹⁰⁹ В лагерях Петрозаводска // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8291. Л. 42.

¹¹⁰ В других показаниях Н. И. Павлов Анастасию Лушину называет старостой деревни Корытово (АУФСБ России по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 155. Л. 69–80).

¹¹¹ Справка «О гор. Петрозаводске Карело-Финской ССР, временно оккупированном белофиннами в период Великой Отечественной войны СССР» // АУФСБ России по РК. Лит. дело № 11. Ч. 1. Л. 207; ФТДМ № 8291. Л. 9.

¹¹² Из показаний бывшего заключенного А. Ф. Воронцова // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 3–10.

¹¹³ Справка НКВД КФССР от 3 июля 1943 г. «О злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР» // АУФСБ России по РК. ФТДМ № 8291. Л. 9.

¹¹⁴ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 76.

¹¹⁵ Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию начала Великой отечественной войны. Петрозаводск, 2001. С. 52, 53.

¹¹⁶ Судьба. С. 34.

¹¹⁷ Rosen G. Suomalaisina Itä-Karjalassa. S. 182.

¹¹⁸ Устная история в Карелии. С. 127.

¹¹⁹ Там же. С. 139.

¹²⁰ Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во Второй мировой войне. С. 43.

¹²¹ Судьба. С. 18.

¹²² Там же. С. 40.

¹²³ Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике... С. 60.

¹²⁴

¹²⁵ Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. S. 125.

¹²⁶ URL: <http://heninen.net/sopimus/1944.htm>.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5.

¹²⁹ Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. С. 239.

Региональный том серии сборников архивных документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» включает в себя документы, рассматривающие данный аспект оккупационной политики финских властей относительно мирного населения на захваченной территории Карело-Финской ССР. Концлагеря для советских военнопленных и преступления против военнослужащих не являются предметом рассмотрения в данном сборнике. Опубликованные документы также представляют интерес для изучения событий Великой Отечественной войны на территории Карелии, поскольку содержат не только информацию о фактах преступлений против мирного населения, но и сведения об эвакуации, о положении населения и организации оккупационного режима, о событиях, связанных с деятельностью партизанских и подпольных групп, и т. д.

Перед архивистами была поставлена задача произвести отбор материалов, в которых отражены факты притеснений и убийств мирных жителей, принудительного труда, создания невыносимых для жизни условий. В силу специфики организации оккупационного режима на захваченной территории Карелии некоторые рубрики из предлагаемых для сборников всех регионов (например, «Карательные операции, направленные на централизованное уничтожение мирного населения», «Уничтожение душевнобольных и иных категорий населения, находящихся в больницах и других лечебных учреждениях») не могут быть представлены в сборнике, касающемся истории КФССР. Соответственно, документы по данным темам отсутствуют (не обнаружены). Комплексное системное изучение фондов, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия, а также иных полученных в рамках проекта материалов позволило выявить документы, отражающие следующие направления, обозначенные предложенным рубрикатом: «Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод», «Угон на принудительные работы» и «Преступления против детства». Кроме того, имеющиеся в распоряжении составителей документы определили в структуре сборника разделы, имеющие региональную специфику: «Организация финского оккупационного режима. Преступления против мирных жителей на оккупированной территории Карелии» и «Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод».

Выявление документов для публикации проводилось по широкому кругу источников, прежде всего архивных. В сборник вошло 188 документов (включая иллюстрации), датированные в основном 1941–1944 гг., периодом оккупации КФССР и освобождения территории от финских и немецких войск. Воспоминания бывших узников лагерей записывались в 1990–2000-е гг., но датированы по дате события (периодом Великой Отечественной войны). Два документа, обозначенные самими авторами как

«воспоминания» о пребывании в лагерях, были созданы в 1946 и 1948 гг., один документ датирован 1945 г.

Основная часть материалов выявлена в фондах Государственного бюджетного учреждения Республики Карелия «Национальный архив Республики Карелия» и Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Карелия. В апреле 2020 г. УФСБ России по Республике Карелия передало Национальному архиву Республики Карелия для использования в рамках проекта «Без срока давности» сканированные копии рассекреченных документов из своих фондов (10 единиц хранения). В сжатые сроки была проведена работа по отбору из состава полученных материалов документов, необходимых для публикации. В итоге в сборник вошли 84 документа из фондов УФСБ России по Республике Карелия. В большинстве своем они содержатся в делах «Протоколы допроса граждан о финских злодеяниях» (№ 8292), «Дело с протоколами допросов свидетелей по злодеянию финских оккупантов» (№ 8999), «Копии справок, переданных в Республиканскую Чрезвычайную комиссию по расследованию зверств и злодеяний немецко-финских захватчиков на временно оккупированной территории КФССР» (№ 8291), «Дело с протоколами допросов свидетелей по злодеяниям финских оккупантов» (№ 8298), «Протоколы допроса советских граждан, содержащихся в период 2-й мировой войны в лагере с. Колвасозеро Ругозерского района» (№ 8300), «Петрозаводск, временно оккупированный финскими войсками» (ЛТД № 11). Основная часть отобранного – протоколы допросов бывших узников финских концентрационных и трудовых лагерей, составленные в основном после освобождения территории республики от оккупации. Допросы, копии протоколов которых поступили в рамках проекта, преимущественно проводились в Святнаволоцком лагере № 7 в июле 1944 г. и среди узников бывшего Колвасозерского лагеря в октябре 1944 г. (также в их числе встречаются лица, находившиеся в Лужме). Протоколы формировались по определенному шаблону согласно бланку документа. Первый блок вопросов касался личности допрашиваемого: имя, дата и место рождения, место жительства, род занятий, состав семьи, социальное положение и происхождение, паспортные данные, образование, партийность, национальность, факты репрессий, служба в армии, награды, сведения об общественно-политической деятельности, участие в «бандах, контрреволюционных организациях и восстаниях». Данная биографическая информация в сокращенном виде изложена в именном указателе. Следующий блок вопросов касался пребывания допрашиваемого в лагерях. Как правило, задавались стандартные основные вопросы: «Как вы попали в лагерь», «Что вы делали в лагере», «Есть ли знакомые в лагере», «Что вам известно о злодеяниях противника». Иногда спектр вопросов расширялся, и сотрудника, проводящего допрос, интересовали также следующие темы: «Кто занимался избиением», «В каких лагерях вы находились», «В качестве кого вы работали в лагере», «Как к вам относились в лагере», «Расскажите об условиях в лагере» и т. п. Протоколы подписывали допрашиваемый и сотрудник, проводивший допрос. Из данных документов следует, что в лагере в основном направлялось «не национальное» население (за исключением Колвасозерского концлагеря для «националов»). У большинства допрашиваемых в графе «национальность» указано «русский». Значительная часть бывших узников поступила в лагерь из Заонежья и с захваченной финнами территории Ленинградской области. Кроме того, многие узники являлись уроженцами других регионов СССР, однако приехали в Карелию еще до войны и оказались тут в оккупации. Встречаются допросы лиц, перед войной отбывавших срок заключения и освобожденных из мест заключения накануне захвата территории. Часть граждан оказалась в оккупации, находясь на оборонных работах. Из протоколов следует, что узники, как правило, за период 1941–1944 гг. перемещались из одного лагеря в другой: случаи, когда заключенный

весь период пребывал в одном лагере, нечасты. Особенно это было характерно для трудовых лагерей, в большом количестве возникших на оккупированной территории Карелии под различными названиями и номерами. Сюда направлялись трудоспособные граждане от 15 лет (часто это были молодые люди и женщины с детьми), которые строили дороги, обжигали уголь, заготавливали дрова, выращивали овощи, выполняли иные работы, получая заработную плату. В трудовые лагеря могли переводиться на работу и заключенные концлагерей города Петрозаводска. Трудовые лагеря не всегда имели определенное место дислокации (например, лагерники, занимавшиеся строительством дорог, могли перемещаться по пути ведения работ). Режим содержания в подобных трудовых лагерях описывается очевидцами событий как очень тяжелый. Узники говорят об избиениях, недостаточном питании (особенно в первые годы существования лагерей), запрете покидать зону лагеря, жесткой дисциплине труда. Некоторые женщины констатировали, что избивали в основном мужчин и молодых ребят, но женщин не трогали, хотя строго требовали соблюдать дисциплину. Упоминаются случаи избиений, в результате которых заключенные умирали. Другие узники, наоборот, на вопрос об известных им фактах злодеяний отвечали отрицательно. Из протоколов следует, что в середине июня 1944 г. в Святнаволоцкий лагерь переводили заключенных различных трудовых лагерей, находившихся неподалеку, при этом население там проживало, но уже не использовалось на работах. В связи с этим многие узники данного лагеря рассказывают о режиме содержания в иных местах заключения, хотя на момент допроса считались «приписанными» к Святнаволоцкому лагерю. Заключенные концлагеря для неблагонадежных в Колвасозере, преимущественно «националы», рассказывают о причинах их помещения в данный лагерь (высказывание недовольства политикой финских властей, проявление просоветских настроений и т. д.). Некоторые из них также какое-то время находились в Киндасовской и Космозерской тюрьмах, о чем упоминается в протоколах допросов.

Часть протоколов касается узников концлагерей Петрозаводска, которые описывают режим нахождения в них как очень тяжелый. Голод, болезни, непосильный для голодных людей труд, скученность в жилищах, избиения за попытки выйти из лагеря, высокая смертность — эти факты приводятся в каждом документе.

Некоторые протоколы допросов, опубликованные в сборнике, были составлены еще в 1942 г., в период ведения боевых действий (П. Ф. Якимец, А. С. Бороздов, Н. Н. Петраков, Е. П. Егоров, Ф. П. Фокин). Эти граждане, оказавшись в 1941 г. в оккупированном Петрозаводске, совершили побег и перешли на советскую территорию. Их показания представляют большой интерес для изучения вопроса оккупационной политики финских властей в столице Карелии, поскольку очень подробно освещают различные стороны жизни населения в начальный период оккупации. Эти показания объемны и в сборнике представлены выборочно (опущены фрагменты, не имеющие непосредственного отношения к теме публикации).

Несколько протоколов допросов, представленных в сборнике, были также переданы УФСБ России по Республике Карелия в 2010 г. для публикации в сборнике документов Национального архива Республики Карелия «Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни 1944–1945 гг.». Данные документы имеют ссылку на более раннюю публикацию.

В числе переданных Управлением ФСБ России по Республике Карелия копий документов имеются также спецзаписки о положении на оккупированной территории, датированные 1942 г., и дело с заголовком «Материалы показаний Павлова Николая Ивановича» (КРО. Оп. 1. Д. 155). В период с декабря 1941 по июнь 1944 г. Н. И. Павлов являлся переводчиком, сотрудником финской контрразведки на территории Заонеж-

ского района КФССР. 26 июня 1944 г. добровольно сдался в плен. В результате его показаний было выявлено и разоблачено несколько десятков изменников родины и агентов финских контрразведывательных органов. Два документа из дела Н. И. Павлова, представленные в сборнике, содержат информацию о случаях убийств, изнасилований и притеснений жителей Заонежья. Сам допрашиваемый указывал в своих показаниях, что «случаев беспощадных расправ и убийств над местными жителями было много в зоне расположения финских гарнизонов на побережье Онежского озера». Н. И. Павлов называл имена многих финских военнослужащих, чиновников, которые были внесены в «Справку о финских чиновниках-оккупантах, чинивших зверства над населением КФССР». В отличие от показаний узников лагерей, которые зачастую недостаточно корректно указывали финские фамилии, Н. И. Павлов обозначает их более правильно.

Публикуемые документы Национального архива Республики Карелия выявлены в результате полистного просмотра дел порядка 30 фондов архива, в сборник вошли документы девяти из них (обозначены в перечне использованных источников).

Документы партийных органов являются ценным источником информации по истории Великой Отечественной войны, и, в частности, именно в них отложились материалы об оккупационном режиме на захваченной территории КФССР. В фонде Центрального комитета КП(б) КФССР (Ф. П-8), высшего партийного органа республики, обнаружены сведения о расположении концлагерей на территории КФССР, «Справки о злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР», составленные 2 июля и 13 ноября 1943 г., протоколы допросов бывших узников об условиях содержания в лагерях, докладные записки о положении в районах, освобожденных от оккупации, информационная записка о фактах злодеяний противника относительно мирного населения, составленная в ноябре 1943 г. по материалам подпольных групп. Кроме того, здесь отложились переводы документов, полученных на захваченной территории, которые касались организации оккупационного режима (обращение фельдмаршала Маннергейма к населению Карелии в связи с установлением оккупационного режима на территории, занимаемой финскими войсками, от 8 июля 1941 г., предписание о выяснении личности гражданских лиц, задержанных на занятой территории, и проведении допроса, сведения о расценках за работу для населения). Данные документы представлены в переводе, сделанном еще в период Великой Отечественной войны.

При изучении фонда Петрозаводского горкома КПСС (Ф. П-1230) также были выявлены многочисленные документы по теме сборника. Именно в этом фонде обнаружен подлинник акта комиссии с участием судебно-медицинских экспертов с результатами обследования захоронений советских военнопленных и гражданских лиц в районе Петрозаводска, в том числе на кладбище «Пески», где в период оккупации производились массовые захоронения умерших узников петрозаводских концлагерей. В результате эксгумации, состоявшейся в июле 1944 г., экспертами был сделан вывод о том, что причиной смерти «в огромном большинстве случаев являлось истощение». В этом же фонде отложилось значительное число подлинников (и отчасти копий) заявлений граждан в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба (в сборнике название комиссии дается сокращенно — Чрезвычайная государственная комиссия). В своих заявлениях жители Карелии рассказывают о жизни на оккупированной территории, о нахождении в концентрационных и трудовых лагерях, о фактах убийств и притеснений мирного населения. В фонде П-1230 обнаружена также «Спец. записка о зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации», составленная наркомом госбезопасно-

сти КФССР А. М. Кузнецовым в июле 1944 г. на основе свидетельских показаний бывших заключенных. Также в фонде отложились материалы обследования кладбища в местечке «Пески», которое в июле 1944 г. провел редактор газеты «Ленинское знамя». В документе приводятся данные о количестве имеющихся на могилах крестов и тексты надписей на них.

Документы фонда «Подпольные партийные комитеты КП(б) КФССР» (Ф. П-2730), прежде всего, представлены докладными записками о положении в различных районах оккупированной Карелии за 1942 и 1944 гг. Подпольные организации, созданные в соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. на временно занятых врагом территориях города Петрозаводска, Заонежского, Олонецкого, Прионежского, Сегозерского и Шелтозерского районов, вели разведывательную работу и сообщали в ЦК КП(б) республики данные о действиях оккупантов. Об этом свидетельствуют опубликованные в сборнике докладные записки, содержащие информацию о режиме на захваченной территории, о притеснениях местного населения, а также радиограмма руководителя подпольной группы об избиении учащихся Бережно-Шелтозерской школы. В основном докладные записки имеют значительный объем и отчасти дублируют информацию, поэтому при публикации приводятся с изъятиями.

Из документов, хранящихся в фонде Штаба партизанского движения на Карельском фронте (Ф. П-213), в сборнике представлена докладная записка в Центральный штаб партизанского движения о положении на оккупированной территории Кестеньгского и Шелтозерского районов Карело-Финской ССР (1942 г.).

В Национальном архиве Республики Карелия находятся на хранении трофейные документы, использованные при подготовке публикации. На освобожденной от оккупации территории КФССР сразу же начался сбор оставленных противником документов. В 1945 г. архивный отдел НКВД КФССР насчитывал 67 единиц «финских документальных материалов», а также печатные материалы. Очевидно, что из этих документов и были сформированы фонды, на сегодняшний день хранящиеся в НА РК: документы Военного правления (управления) Восточной Карелии (Ф. Р-804), штаба Военного правления (управления) Восточной Карелии (Ф. Р-805) и некоторых других фондов. Документы трофейных фондов изначально находились на секретном хранении и после проведения процедуры рассекречивания в 1991–1992 гг. стали доступны исследователям. Все документы на финском языке, за исключением незначительного количества отдельных документов и дел, содержащих переводы (были сделаны в 1945 г. на наиболее информативные материалы с точки зрения освещения политики финских властей на захваченной территории КФССР). В сборник вошли документы, имеющие перевод и касающиеся организации оккупационного режима (статистические данные о количестве населения на территории «Восточной Карелии» по различным населенным пунктам и округам, документы, свидетельствующие о нормах снабжения населения, о фактах притеснения местного населения со стороны финских военнослужащих). Некоторые трофейные материалы, полученные еще в период Великой Отечественной войны, отложились в составе других фондов (например, в фонде П-8).

В опись фонда штаба Военного правления (управления) Восточной Карелии включены микрофильмы, полученные карельскими архивистами в 1995 г. из Военного архива Финляндии (в настоящее время не существует, фонды включены в состав фондов Национального архива Финляндии). Объем предоставленных материалов – 33136 кадров. Данные микрофильмы содержат копии документов отдела учета населения: именные и посемейные карточки заключенных концентрационных (переселенческих) лагерей № 1–8 города Петрозаводска, Олонецкого района, мест заключения, располагавшихся в Киндасово, Колвасозере, Кестеньге, Видлице, Святнаволоке, списки родив-

шихся, умерших в лагерях, освобожденных лиц и т. д. Картотеки велись на финском языке. Примеры указанных карточек представлены в сборнике в качестве иллюстраций. Картотеки велись в различной форме, наиболее информативные из них – учетные посемейные карточки, составленные в 1943–1944 гг. В них содержится более подробная информация о составе семьи, годе и месте рождения, дате прибытия в лагерь, образовании, национальности, родном языке, профессии, дате и месте заключения брака, имеются отметки о направлении «в командировки», например на лесозаготовки, и т. д.

Оккупация и военные действия на территории Карелии нанесли огромный ущерб населению и экономике республики. Учет преступлений и причиненного оккупационными войсками ущерба были возложены на республиканскую комиссию, созданную на основании постановления СНК СССР № 299 от 16 марта 1943 г. для оказания содействия Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям (Ф. Р-792). Постановлением ЦК КП(б) и СНК КФССР № 561 от 8 августа 1944 г. были образованы городские и районные комиссии, материалы которых также отложились в фонде Р-792. В документах фонда имеются сведения о количестве жертв среди мирного населения по различным районам Карелии, представленные в сборнике. Однако следует отметить, что основная часть заявлений граждан в Чрезвычайную государственную комиссию отложилась не в фонде самой комиссии, где преимущественно представлены документы, касающиеся учета нанесенного ущерба, а в фонде Петрозаводского горкома КПСС (Ф. П-1230). Некоторые из материалов Чрезвычайной государственной комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия в подлинниках и копиях, еще в 1945 г. были опубликованы в книге «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Сведения о публикации в данном издании указаны в легенде документа.

В сборник включена большая группа источников личного происхождения, поскольку для выяснения объективной картины режима содержания в лагерях необходимо услышать тех, кто там находился и может рассказать об этом как очевидец событий. Практически во всех воспоминаниях бывших узников говорится о голоде, болезнях, высокой смертности, жестоких наказаниях. Воспоминания малолетних узников петрозаводских концлагерей Ю. И. Кононова, А. В. Семеновой, В. А. Семко были написаны в начале 1990-х гг. и отправлены авторами в газету «Ленинская правда» («Северный курьер»), редакция которой передала их на хранение в архив. Документы вошли в состав Коллекции документов по истории Великой Отечественной войны (Ф. Р-116). Воспоминания, написанные через определенный временной период после окончания войны, отражают многие эпизоды и детали, которые отсутствуют в официальных документах военного периода.

Существовавший в 1949–1960 гг. Институт истории партии при Карельском обкоме КПСС – филиал Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС также собирал коллекцию документов, включающих переписку с участниками Великой Отечественной войны, воспоминания узников концлагерей. В числе этих документов – воспоминания А. О. Тарасовой о нахождении в концлагерях Олонца и Колвасозера и В. П. Минкина о пребывании в трудовом лагере, записанные после окончания Великой Отечественной войны в 1946 и 1948 гг. сотрудниками Карельского филиала Академии наук СССР и отложившиеся в копиях в фонде института (Ф. П-5425).

Значительное число воспоминаний бывших узников карельских лагерей было опубликовано в последние десятилетия, в том числе в электронном виде. В сборник включены материалы из книги «Плененное детство: Сборник воспоминаний бывших

малолетних узников», изданной в Петрозаводске Карельским союзом бывших малолетних узников (составители И. А. Костин, К. А. Нюппиева) в 2005 г. Воспоминания о нахождении в концлагере № 8 Олонецкого района содержатся в книге Н. И. Денисевича «В финском концлагере. Воспоминания и размышления», изданной в Минске в 2007 г. Для публикации в сборнике были использованы также материалы, поступившие в Национальный архив Республики Карелия в рамках организованных архивом конкурсов «Семейный архив» и «Юный архивист». Данные воспоминания опубликованы на сайте архива в соответствующих разделах сайта.

В сборник включены материалы периодической печати военного времени. Так, в республиканской газете «Ленинское знамя», являвшейся органом ЦК и Петрозаводского горкома КП(б) КФССР и Верховного совета КФССР, публиковались статьи о преступлениях против советских граждан, совершавшихся на оккупированной территории Карелии.

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся фотодокументы периода Великой Отечественной войны. Имеющиеся фотографии, на которых сразу после освобождения Карелии были запечатлены лагеря для населения в Петрозаводске и Киндасово, а также групповые снимки узников лагерей представлены в сборнике. В основном авторами съемки являлись известные фотожурналисты Г. А. Анкудинов и Г. З. Санько. Авторство некоторых снимков не установлено. Широко известная фотография детей петрозаводского концлагеря за колючей проволокой, сделанная Галиной Захаровной Санько, фотокорреспондентом журнала «Фронтальная иллюстрация» сразу после освобождения Петрозаводска, хранится в Национальном архиве Республики Карелия с авторским штампом фотографа.

Несколько документов, по мнению составителей, необходимые для публикации в сборнике, но отсутствующие в фондах Национального архива Республики Карелия, были опубликованы со ссылкой на сборник документов «По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы» (Петрозаводск, 1995). Данные документы, характеризующие вопросы организации жизни населения на захваченной территории по принципу разделения на «национальное» и «не национальное», создания и функционирования концентрационных лагерей, хранятся в Национальном архиве Финляндии (на момент подготовки сборника документов «По обе стороны Карельского фронта» — в Военном архиве Финляндии). В ходе подготовки сборника в 1995 г. был произведен перевод документов на русский язык, однако при публикации не были указаны их архивные шифры.

Все документы, отобранные для сборника, распределены по четырем разделам, два из которых предложены общим для всех регионов рубрикатором. Зачастую в одних и тех же документах отражаются различные стороны оккупационного режима, что делает несколько условным отнесение к той или иной рубрике. Например, допрашиваемый сначала находился в концлагере, затем был переведен в трудовой лагерь и рассказывает как о сильном голоде и высокой смертности в концлагере, так и о режиме содержания в трудовом лагере. В таком случае при выборе рубрики преобладающая тема определила наименование раздела.

Самым большим по количеству документов стал раздел «Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод». Сюда вошли, прежде всего, документы о пребывании граждан в концентрационных лагерях (с осени 1943 г. переименованных в переселенческие). Протоколы допросов узников, бежавших с оккупированной территории еще в период ведения военных действий, а также освобожденных летом 1944 г., воспоминания бывших заключенных, заявления в Чрезвычайную государственную комиссию свидетельствуют о голоде, непосильной работе, избиениях, плохом медицинском об-

служивании, эпидемических заболеваний, царивших в концлагерях. Все это приводило к высокой смертности лагерников, причем точное количество умерших в документах оккупационных властей не зафиксировано (имеющиеся регистры умерших имеют погрешности). В данный раздел сборника включены документы, в которых отражена информация о состоянии кладбища в местечке «Пески», где хоронили узников петрозаводских концлагерей, а также «Спец. записка о зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 г. — июнь 1944 г.)», составленная наркомом госбезопасности КФССР А. М. Кузнецовым 11 июля 1944 г., в которой дается общая картина функционирования лагерей в столице Карелии с описанием места их нахождения и количества узников (очевидно, приблизительного).

Вторым по количеству включенных документов является раздел «Угон на принудительные работы», в который вошли материалы о направлении граждан в различные трудовые лагеря, об условиях жизни и работы в них. В данном разделе находят воспоминания бывших заключенных, заявления в Чрезвычайную государственную комиссию и протоколы допросов, в которых рассказывается о тяжелой работе, недостаточном питании, особенно в начальный период существования лагерей, о нехватке одежды и обуви, болезнях, избиениях охранников за невыполнение норм выработки, за выход из лагеря в поисках еды и прочие нарушения. Большинство граждан, прошедших через трудовые лагеря, неоднократно перемещались из одного лагеря в другой, и в некоторых случаях они упоминают о режиме содержания не во всех, а только в определенном лагере, что отражено в археографической заголовке документа. Например, многие перемещались в Святнаволоцкий лагерь только накануне освобождения, и несмотря на то что их считали узниками Святнаволоцкого лагеря, в действительности они упоминают в своих показаниях о пребывании в тех лагерях, где они находились в предыдущий период.

Раздел «Преступления против детства» оказался самым небольшим по количеству документов. Здесь находятся заявления в Чрезвычайную государственную комиссию и воспоминания бывших малолетних узников лагерей о нахождении в концлагерях и на оккупированной территории Заонежского района. В одном из заявлений (П. Т. Паурова) в Чрезвычайную государственную комиссию говорится о расстреле в Вилговском трудовом лагере двух подростков за попытку побега. Воспоминания записаны уже в 1990–2000-е гг. и опубликованы в сборниках документов или на сайте Национального архива Республики Карелия. Бывшие малолетние узники рассказывают о своей тяжелой жизни в оккупации, о смерти родственников и знакомых, о постоянном голоде, который они испытывали, об избиениях детей в концлагерях.

Раздел «Организация финского оккупационного режима. Преступления против мирного населения на оккупированной территории Карелии» сложился исходя из региональной специфики и соответствующего ему состава документов. К разделу отнесены разноплановые документы, дающие в целом представление об установленном на захваченной территории КФССР оккупационном режиме. Докладные записки о положении в различных районах (Олонецком, Кестеньгском, Паданском, Заонежском, в городе Петрозаводске) и в целом во всей зоне оккупации, направленные в ЦК КП(б) КФССР и ЦК ВКП(б), сводки по агентурной обстановке содержат информацию об избиениях и фактах расстрелов гражданского населения, реквизициях продовольствия и личного имущества, сельхозинвентаря, выселении жителей из своих деревень и из своих домов в пределах деревни. Освещаются вопросы, связанные с выдачей паспортов населению, организацией их труда, передачей в аренду земли, распределением продовольствия и т. д. К этому же разделу отнесены документы оккупационных властей по вопросам

функционирования концлагерей, снабжения населения продовольствием, введения трудовой повинности, распорядительные документы о раздельном проживании национального и не национального населения, статистические данные о количестве жителей на захваченной территории. Интерес представляют и материалы следствия, проводившего самими оккупационными властями относительно обнаруженных ими нарушений и преступлений военнослужащих (по поводу жалоб граждан на обращение с ними – избиений, удержаний зарплаты, а также пьянства, краж). Документы, созданные в рамках деятельности Чрезвычайной государственной комиссии, характеризуют общую картину происшедших событий – указывается количество погибшего населения, приводится перечень лагерей с указанием числа узников, содержатся данные о фактах насилия над мирными жителями. О преступлениях оккупационных властей, в том числе о расстрелах граждан в декабре 1941 г. в Медвежьегорском районе, говорится на страницах газеты «Ленинское знамя». К этому же разделу отнесены некоторые протоколы допросов лиц, находившихся на оккупированной территории, и заявления в Чрезвычайную государственную комиссию, в которых дается общая характеристика оккупационного режима. В данный раздел включены также протоколы допросов Н. И. Павлова, бывшего переводчика отдела надзора, который подробно перечисляет лиц, совершавших на захваченной территории преступления против мирного населения.

Документы внутри разделов систематизированы различным образом исходя из их состава и содержания. В разделах «Угон на принудительные работы» и «Преступления против детства» заявления, протоколы допросов, воспоминания расставлены в алфавитном порядке по фамилиям заявителей (допрашиваемых лиц, авторов воспоминаний). В блоке материалов «Жизнь в оккупации: эксплуатация, лишения и голод» документы сформированы в основном по такому же принципу, однако содержат также несколько документов, не имеющих персонализированного характера и размещенных в конце раздела по хронологии. Раздел «Организация финского оккупационного режима. Преступления против мирного населения на оккупированной территории Карелии» сформирован по хронологическому принципу.

Археографическая обработка документов осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) с учетом изменений в области археографического описания на современном этапе. Каждый документ снабжен археографическим заголовком, содержащим сведения об авторе, адресате, кратком содержании, дате документа. Легенда (контрольно-справочные сведения) дает информацию о месте хранения документа с указанием на его подлинность и способ воспроизведения, содержит ссылки на предшествующие публикации. В некоторых документах оставлен собственный заголовок документа, заключенный в кавычки. При отборе документов в случае наличия подлинника и копии предпочтение отдавалось подлинникам. Основная часть документов публикуется впервые. В случае если документ был опубликован ранее, информация о предыдущей публикации указывается в легенде. Значительная часть документов публикуется в извлечении, что оговаривается предлогом «из» в заголовке, а изъятый текст отмечен отточием в квадратных скобках. В тех протоколах допросов, которые имеют определенный формуляр, изъятый текст приводится без отточия, поскольку публикуемый текст соответствует отдельному блоку формуляра (текст показаний). Информация из блока с биографическими данными допрашиваемого использовалась при составлении именованного указателя. Содержание опущенных фрагментов не оговаривается в текстуальных примечаниях. Сведения, содержащиеся в них, избыточны, не имеют прямого отношения к теме публикации или же содержат дублирующую информацию. Правильные географические наименования, корректирующие названия, упоминаемые в тексте с искажением, даются в подстрочном примечании.

Документы датированы по дате составления, подписания, в некоторых случаях (ряд воспоминаний) – по дате события, газетные статьи – по дате публикации. При невозможности определить точную дату создания документа она может указываться приблизительно с оговоркой «не ранее», «не позднее».

Текст передан по современным правилам орфографии и пунктуации, при необходимости сохранены особенности написания, оговоренные в подстрочном примечании («Так в документе»). Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова, не предполагающие двоякого толкования, заключены в квадратные скобки. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения (явные опечатки, опiski) исправлены без оговорок. Подчеркивания документа сохранены.

Разбивка на абзацы документов сохранена, верстка осуществлена в соответствии с современными нормами и подчинена принципу единообразия для упрощения восприятия текста документов.

Сборник снабжен именованным и географическим указателями, списком сокращений, списком использованных источников, приложением («Перечень мест принудительного содержания гражданского населения, созданных в годы Великой Отечественной войны на территории КФССР»). При подготовке сборника и географического указателя к нему использовались списки населенных пунктов Карелии, составленные по материалам переписей 1926 и 1933 гг. (изданы в Петрозаводске в 1928 и 1935 гг.), которые можно считать достаточно надежными официальными источниками сведений об административно-территориальном устройстве республики. При необходимости также использовались списки населенных мест Карелии за последующие годы и иные справочные материалы. В географическом указателе имеются сведения о наименованиях, используемых финскими оккупационными властями относительно захваченной территории, которые не во всех случаях идентичны официальному русскому варианту названий. Например, Шуньга может означать не только населенный пункт в Заонежском районе, но и весь район полностью, Ухта – не одноименное село, а в целом захваченную территорию в районе села Ухты района Калевалы (Калевальского района). В связи с этим при описании географических наименований, встречающихся в документах финских оккупационных властей, оставлены варианты написания, упоминаемые в документах, с пояснениями в скобках.

В качестве приложения к основной части сборника предлагается «Перечень мест принудительного содержания гражданского населения, созданных в годы Великой Отечественной войны на территории КФССР». Данный перечень был составлен по результатам работы действовавшей в 2006–2007 гг. по распоряжению главы Республики Карелия специальной рабочей группы, образованной для содействия решению вопроса об отнесении отдельных территорий Республики Карелии, оккупированных войсками противника в период Великой Отечественной войны, к местам принудительного содержания граждан, оказавшихся там по независимым от них причинам. Члены группы изучили поступившие в их распоряжение архивные и иные материалы (в том числе собранные при посещении Военного архива Финляндии двумя членами группы), поэтому перечень мест принудительного содержания гражданского населения можно считать достаточно полным, хотя не исключена возможность выявления иных мест принудительного содержания (например, небольших отделений трудовых лагерей). Автор археографического предисловия, начальник отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Карелия Е. В. Усачева, являясь составителем перечня, опубликованного впервые по результатам деятельности комиссии в 2007 г., сочла возможным внести незначительную уточняющую правку в данный документ при публикации в сборнике, а также изъять из первоначального варианта пере-

числение финских строительных батальонов, рот, участков оборонительных укреплений (в них могло направляться также некоторое количество гражданских лиц, однако они не являлись преобладающей рабочей силой в таких подразделениях). Исключена и некоторая дополнительная информация к перечню, не имеющая отношения к теме данного сборника. Перечень в первоначальной версии был опубликован в прессе, на Официальном интернет-портале Республики Карелия и в монографии С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний» (Петрозаводск, 2009).

Составителями сборника документов «Без срока давности» являются сотрудники Национального архива Республики Карелия Татьяна Алексеевна Варухина, Лидия Сергеевна Котович, Елена Вячеславовна Рахматуллаева, Ольга Игоревна Суржко, Елена Витальевна Усачева, Наталья Владимировна Федотова. Именной и географический указатели составлены Е. В. Усачевой, археографическое предисловие – Е. В. Усачевой при содействии Е. В. Рахматуллаевой.

Национальный архив Республики Карелия выражает также благодарность студентам Петрозаводского государственного университета группы № 11201, направление бакалавриата «История» (профиль «История. История России») и группы № 423, направление бакалавриата «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки: история и обществознание)» за помощь в выявлении опубликованных воспоминаний бывших узников лагерей и в наборе текстов. Данную работу студенты осуществили в рамках архивной практики под руководством Валентины Владимировны Волоховой, кандидата исторических наук, доцента кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета.

Коллектив составителей благодарит директора Национального архива Республики Карелия Александра Николаевича Морозова и заместителя директора по основной деятельности Ирину Геннадьевну Петухову за организационное содействие проекту, главного инженера отдела информационных архивных технологий архива Александра Эдуардовича Тимофеева за оперативную техническую поддержку электронной версии рукописи, сотрудников отдела обеспечения сохранности документов за своевременное предоставление материалов.

РАЗДЕЛ 1

ОРГАНИЗАЦИЯ
ФИНСКОГО
ОККУПАЦИОННОГО
РЕЖИМА.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МИРНОГО
НАСЕЛЕНИЯ НА
ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ
КАРЕЛИИ

1. **Обращение фельдмаршала Маннергейма к населению Карелии в связи с установлением оккупационного режима на территории, занятой финскими войсками***

8 июля 1941 г.

1. Население, находящееся на территории, занятой финскими войсками, должно беспрекословно выполнять все распоряжения финских военных властей. Всякое невыполнение данных распоряжений или действия, направленные на ущерб финской армии или же в помощь ее врагам, будут наказываться согласно финским военным законам.

2. Население занятых местностей обязано при требовании военных властей давать необходимые сведения о себе, о членах своей семьи и о месте жительства.

3. Оружие, огневые припасы, взрывчатые вещества и оставленное неприятелем военное снаряжение, находящиеся в руках населения, должно быть немедленно сдано властям или доведено о них до сведения последних.

4. Те, кто будут давать неприятелю сведения о финских войсках и соединениях и об их передвижении, а также обо всем, что может помочь неприятелю, равно как и те, кто будут добывать, или пытаться добывать подобные сведения, — будут наказаны, как шпионы. Также подлежат строгому наказанию те, кто будут скрывать у себя неприятельских солдат или помогать последним.

5. Лицо, находящееся на занятой финскими властями территории, не принадлежащее к армии противника и не носящее военной формы, пытающееся с оружием в руках сопротивляться финским войскам или наносить им ущерб, будет рассматриваться, в случае задержания, не как военнопленный, а как преступник, заслуживающий высшей меры наказания.

6. Всякое уничтожение имущества, продовольствия, скота, сена, повреждение и поджог построек и леса, независимо от того, принадлежат ли последние государственной или частной собственности — строго воспрещается.

7. Население занятой территории обязано оставаться на своих местах и добросовестно заботиться об обработке полей и об уходе за своим скотом. Передвижение с одного места жительства на другое без разрешения военных властей — запрещено. В случае распоряжения военных властей о новом месте жительства население обязано переселиться на указанное ему место и оставаться на нем.

8. Жители занятых местностей, так же, как и финские граждане, подлежат трудовой повинности. По распоряжению властей они обязаны выполнять сельскохозяйственные и полевые работы, на которые будут назначены, и данные им задания выполнять усердно и добросовестно.

9. Судебная власть на занятой территории принадлежит военно-полевым судам финской армии. Все преступления, совершенные жителями занятой территории, будут рассматриваться вышеуказанными судами, которые будут судить преступников по всей строгости финских военных законов.

Главнокомандующий финской армией фельдмаршал

Маннергейм

По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 68–69. Документ из фондов Военного архива Финляндии (ныне Национальный архив Финляндии).

* Обращение распространялось также на карельском языке.

2. Предписание командира 3-го пехотного корпуса финской армии генерал-майора Сииласвуо о выяснении личности гражданских лиц, задержанных на занятой территории, и проведении допроса

24 июля 1941 г.

Секретно

Немедленному задержанию на занятой территории подлежат следующие руководящие коммунистические элементы и служащие, а именно:

- а) руководящие работники и служащие НКВД (ГПУ);
- б) все зарегистрированные члены компартии и Коминтерна;
- в) политические (коммунистические) руководители промышленных предприятий, объединений и организаций;
- г) руководители комсомола (коммунистического союза молодежи);
- д) комиссары Красной армии;
- е) руководители газет;
- ж) все члены милиции;

Вышеупомянутых, предназначенных к задержанию, считать политическими пленными, коменданты должны направить их в ближайшее место сбора военнопленных или прямо в организованные места для военнопленных, где немедленно части предварительного расследования [должны] приступить к допросам, после которого решается вопрос об освобождении задержанных или продолжении задержания с последующим предъявлением обвинения.

Из вышеупомянутых задержанных допрашиваются также и такие, которые обвиняются по общим законам Финляндии. Других нужно отделить и привлекать к ответственности в обычном порядке. Те задержанные, которые не подлежат наказанию, но по своей прошлой деятельности, ее характеру и образу мысли могут, будучи на свободе, продолжать политическую агитацию или установить связь с противником, подлежат до времени задержанию в лагерях. Те задержанные, которые менее опасны, могут быть освобождены после допроса. Они направляются в определенные места, где определяются под надзор и охрану. Отделом наблюдения совместно с комендантами деревень нужно допрашивать местных жителей и исследовать найденные документы у задержанных, чтобы заранее достать соответствующие данные от людей и затем через правительственные органы направить эти данные всем комендантам, следователям для того, чтобы можно было задержать человека, подлежащего задержанию. Когда человек будет пойман и предварительный допрос снят, его необходимо направить в пункт военнопленных и об этом сообщить правительственным органам для следствия. Если согласно данных указаний в какой-нибудь местности задержаны мужчины, которые в Советском Союзе считаются военнообязанными, которые найдены в этой местности или после туда прибыли, то нужно срочно расследовать [этот факт] и при расследовании поступать [по отношению к ним] также, как и к гражданскому населению.

Командир армейского корпуса генерал-майор
Начальник правит[ельственного] отдела капитан

Сииласвуо
Карло [К]айтера

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 287. Л. 43. Машинопись. Пер. с фин. яз., современный оригиналу.

3. Из отчета Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. – о составе населения оккупированной территории по округам и населенным пунктам

31 декабря 1941 г.*

	Всего	Национ[ального] насел[ения]	Чужого населения
Аанислинна**	4847	2834	2013
Олонец	9948	9681	267
Аунуксенранта ^{3*}	6437	6372	65
Сямозеро	3977	3958	19
Пряжа	356	344	12
Мунозеро	722	575	147
Кондопога	3093	1888	1205
Шуньга	22036	–	22036
Прионежье	4960	1390	3570
Шелтозеро	4423	4141	282
Верхн[ая] Свирь	около 860	387	около 473
Вознесеенье	1948	1635	313
Нижн[ая] Свирь	эвакуирована		
концентрационные лагеря	20005	210	19795
Олонецкий округ	83612	33415	50197
Ругозеро	19	19	–
Поросозеро	219	218	1
Паданы	1515	1513	2
Сельск[ая] м[естность] Медгора	138	138	–
Масельгский округ	1891	1888	3
Кестеньга	82	82	–
Ухта	534	534	–
Округ Беломорья	616	616	–
Район Военного [у]правления, всего	86119	35919	50200

П[одлинник] п[одписал] командир Военного управления
Вост[очной] Кар[елии] полковник
Нач[альник] штаба подполковник

В. А. Котилайнен
Эйно Куусела

НА РК. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 1/1 а. Л. 2 б. Машинопись. Пер. с фин. яз., современный оригиналу.

Опубл.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С 156.

* Дата составления отчета.

** Петрозаводск.

^{3*} Прионежский район.

4. Из отчета Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. — о снабжении продовольствием населения оккупированной территории

31 декабря 1941 г.
Секретно

[...] Перепись населения.

Перепись закончилась по всей оккупированной территории, кроме Кондопожского и Шуньгского р[ай]онов. Число переписанных книг начато, и из отдельных деревень получены выписки для статистики. [...]

Отдел обеспечения.

Интендантское управление.

а) Пайки возобновились в декабре 15.12.41. Пайки войск 1942 г. по калорийности (3048 кал[орий]) слабее существенных пайков. Паек достаточный.

В начале месяца изменились также пайки военнопленных, повысился паек «А» (общий) по калорийности до 2038 кал[орий] и «Б» (работающим) до 2588 кал[орий]. Пайки оказались достаточными там, где удалось полностью использовать их.

Снабжение происходило нормально. Контингент военного управления Вост[очной] Кар[елии] составлял к концу года:

Штатный контингент оборонных сил	— 81.
Резервисты и военнообязанные	— 2128.
Медиц[инские] сестры и лоттасвярд[ов]цы* и др. сравнимые с ними	— 328.
Трудообязанные	— 99.
Гражданские должности	— 560.
[Итого]	— 3196.
Военнопленные и [пленные] из концентр[ационных] лаг[ерей]	— 22 381.
Лошадей	— 1314 [...]

Народное обеспечение и отдел доставок.

а) обеспечение гражданского населения

К концу декабря гражданское население на обеспечении военного управления было около 45 000 карел[ов] и около 23 000 русских. Продуктовые карточки распределены на 36 000 чел[овек]. Нормированного снабжения не было организовано в р[ай]оне, оккупированном в декабре, Шуньги и Медгоры.

Обеспечение гражданского населения в концентрационных лагерях происходило на основе изданных указаний о снабжении военнопленных.

б) Величина пайков.

Карельское население, не работающее, имело право получить по карточке следующие продукты:

Муки	7,5 кг в декабре.
Сахар	1 кг в декабре.
Маргарин	150 г в декабре.
Картофеля	15 кг в декабре.

Мясо на 15 марок всего, в ноябре — декабре, русское население имело право получить такое же кол[ичест]во, только хлеба на 1,5 кг меньше.

Работающие карелы и русские получили добавочный паек 4,5 кг муки и 350 г маргарина в декабре и мясо на 15 марок в ноябре — декабре и мясо на 15 марок в ноябре — декабре.

Через школьные столовые и медицинский персонал удалось организовать также детям такие добавочные порции. Например: жиры, необходимые для физического развития детей. [...]

Командир Военного управления Вост[очной] Кар[елии]
полковник
Начальник штаба подполковник

В. А. Котилайнен
Э. Куусела

НА РК. Ф. Р-805. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 7, 10. Пер. с фин. яз., современный оригиналу. Опул. (с небольшими стилистическими изменениями в переводе): По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 154–175.

5. Из приказа по Военному управлению Восточной Карелии о выдаче населению разрешения на проживание

15 февраля 1942 г.

§ 1. Разрешение на проживание

Распоряжения, данные Военным управлением Восточной Карелии в § 7 бюллетеня № 2, о выдаче разрешений на проживание дополняются следующим образом:

Если кто-то из супругов относится к финскому или родственному финнам населению, то вся семья считается родственной финнам и всем членам этой семьи выдаются зеленые разрешения на проживание. Когда на этом основании гражданин получает разрешение другого цвета, чем его национальность предусматривает, то в документе в графе, указывающей национальность, делается разъясняющая запись: например, русскому, относящемуся к карельской семье и получившему зеленое разрешение на проживание, в графе о национальности записывается: «русский, относится к карельской семье» или «русская, замужем за карелом».

В других неясных случаях также в документе в графе о национальности делается отметка, из которой видно, на каком основании гражданину выдано, например, зеленое разрешение на проживание. [...]

§ 3. Хлебные карточки

На основании § 1 отметим, что вопрос о национальности при выдаче хлебных карточек разрешает цвет документа. Таким образом, хлебную карточку привилегированной группы получает каждый, кто имеет зеленое разрешение на проживание, независимо от того, какие дополнительные записи внесены в графу о национальности.

Командир Военного управления Восточной Карелии полковник* В. А. Котилайнен
Начальник штаба подполковник Э. Куусела

По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 192–193. Документ из фондов Военного архива Финляндии (ныне Национальный архив Финляндии).

* В сборнике документов переведено как «подполковник».

6. Распоряжение Военного управления Восточной Карелии Олонецкому окружному начальнику о раздельном расселении жителей карельской и русской национальностей

16 марта 1942 г.

Начальник административного отдела штаба ВУВК* в своем отчете о командировке в Олонецкий округ 19.02–25.02. обратил внимание на то, что в районе Важин-Заозерье, Кокино, Важины, Усланка – и в районе «города» Свирь, т. е. немного южнее так называемой карельской линии проживают около 700–800 гражданских лиц, которые по распоряжению районного начальника и по инициативе находящейся здесь дивизии для получения необходимой рабочей силы частично оставлены неэвакуированными на этой территории и частично переселены сюда из других мест. Из этих жителей, которые еще не зарегистрированы, около половины карелов (часть из них обрусела), и они, во всяком случае в Важинах и Усланке, проживают в меньшинстве среди русских. И поскольку нежелательно, чтобы большая группа карелов, в основном женщин и детей, находилась в окружении русских и оставалась вне проводимой ВУВК работы по финизации населения, предлагаю окружному начальнику приступить к возможным в данном случае мероприятиям, чтобы совместно с соответствующей дивизией отделить от русских карельское население на указанной территории и переселить его, например, в более северные деревни Важинского района, где бы оно попало под начало районного начальника.

По поручению: начальник штаба подполковник
Начальник адм[инистративного] отдела капитан

Э. Куусела
И. Хеломаа

По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 198–199. Пер. с фин. яз. Документ из фондов Военного архива Финляндии (ныне Национальный архив Финляндии).

* Военное управление Восточной Карелии (ВУВК).

7. Положение Военного управления Восточной Карелии о концентрационных лагерях

31 мая 1942 г.

Секретно

I. Общее

1. В концлагерях Военного [у]правления содержатся:
  - а) лица, относящиеся к ненациональному населению и проживающие в тех районах, где их пребывание во время военных действий нежелательно;
  - б) политически неблагонадежные лица, относящиеся к национальному и ненациональному населению;
  - в) в особых случаях и другие лица, пребывание которых на свободе нежелательно. Лица, названные в п. а) и б), должны содержаться в разных лагерях или в отдельно находящихся отделениях одного лагеря.
2. Приказ о создании концлагеря отдает командир Военного управления. Концлагеря подчиняются окружному начальнику.

3. Приказ о помещении лиц в концлагеря отдают командир Военного управления и окружной начальник. Приказ об освобождении или перемещении из одного лагеря в другой политически неблагонадежных лиц отдает командир Военного управления, а остальных – окружной начальник. Если речь идет о большой группе лиц, то окружной начальник должен принимаемые меры согласовать с командиром Военного управления. У соответствующих органов надзора есть право отправлять в лагеря политически неблагонадежных лиц. О прибытии таких лиц в лагерь необходимо немедленно сообщить окружному начальнику, если отправителем был не подотдел надзора штаба Военного управления Восточной Карелии.

Использованием рабочей силы вне лагеря распоряжается окружной начальник. Работой политически неблагонадежных за пределами лагеря распоряжается командир Военного управления.

4. Начальников концлагерей и лагерей для политически неблагонадежных назначает командир Военного управления. Начальников других лагерей назначает окружной начальник.

5. О делах, касающихся помещения в лагерь, освобождения оттуда или перемещения заключенных, докладывает окружному начальнику административный подотдел окружного штаба. О других делах, касающихся лагерей, докладывает окружному начальнику начальник лагерей. Если в округе нет начальника лагерей, то все доклады, касающиеся лагерей, идут через административный отдел.

II. Правила поведения в лагерях

6. Начальник лагеря назначает старосту помещения из живущих там и, если необходимо, его помощников. Староста и его помощники отвечают за то, чтобы все живущие в помещении выполняли настоящие правила.

7. Находящиеся в лагере должны соблюдать порядок и чистоту. Они должны убирать свои комнаты и по очереди общие коридоры и туалеты.

8. Лагерники должны быть прилежны, честны и добросовестны в работе и делах.

9. С 21 час[а] и до 6 час[ов] все свободные от службы лагерники должны находиться в помещении.

10. Беседы на государственные и военные темы в лагере запрещены. В больших группах разговоры вообще запрещены без разрешения начальника лагеря.

11. Находящимся в лагере нельзя без разрешения общаться с посторонними лицами. Попрошайничать, а также получать табак, продукты и одежду от других лиц, кроме тех, кто обязан раздавать это по служебным обязанностям, запрещается.

12. Каждый лагерник обязан сразу же сообщать начальнику охраны о человеке, который без разрешения зашел на территорию лагеря или в помещение лагерника. Каждый лагерник обязан сообщать начальству о тех, кто ведет разговоры на запрещенные темы или разжигают недовольство.

13. Лагерникам строго запрещается иметь спиртные напитки, агитационную литературу, оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества.

14. Адресованные начальнику или другим официальным лицам лагеря прошения доставляет староста помещения.

15. Почтовые отправления из лагеря или в лагерь осуществляются через контору лагеря.

16. Правила, указанные в п. п. 6–15, должны быть вывешены в подходящем месте лагеря.

III. Положение и обязанности начальства и охраны

17. Начальник лагерей, который подчиняется окружному начальнику, является [лицом] вышестоящим и имеющим право давать распоряжения руководителю и другим работникам лагеря.

Начальник лагерей отвечает за устройство и обслуживание лагерей, следит за условиями в лагерях и за выполнением настоящих правил. Для устранения замеченных недостатков он применяет необходимые действия по отношению к подчиненным или обращается к окружному начальнику с представлением о необходимых мерах. Особое внимание начальник лагерей совместно с медицинским отделом окружного штаба должен обращать на улучшение гигиенических условий жизни в лагерях.

18. Начальник лагеря является главным для работников лагеря. Он отвечает за соблюдение настоящих правил, дисциплины и порядка, а также общую организованность и безопасность в местности.

19. Недисциплинированность и попытки к бегству нужно жестоко пресекать, в случае надобности даже силой оружия. Обнаруженные преступления необходимо расследовать, и виновных наказывать.

20. Отношение к находящимся в концлагере должно быть человеческим и справедливым.

Личное имущество заключенных, иметь которое не запрещается, нельзя забирать и трогать без разрешения начальника лагеря. За конфискованное у лагерников имущество им выдается квитанция.

21. Если помещенный в концлагерь подозревается в шпионаже или участии в военных действиях на стороне противника (и гражданские, и военные лица), то его следует немедленно изолировать и сразу же сообщить об этом соответствующему органу надзора.

22. Продолжительность рабочего дня в лагере определяется начальником лагеря.

23. Начальник лагеря должен следить за тем, чтобы работа выполнялась старательно, и чтобы лагерники по возможности попадали на работу, соответствующую их трудоспособности и профессии.

24. Строго запрещается говорить о делах лагеря посторонним лицам. Окружной начальник, начальник лагерей и руководитель лагеря имеют право давать такие сведения военным официальным лицам, не принадлежащим Военному управлению, если это необходимо для обслуживания и устройства лагерей.

25. Военнослужащие могут посещать лагерь с разрешения начальника лагеря. Гражданские лица [получают возможность посещения] лагерей с разрешения окружного начальника и начальника лагерей, а иностранцы – с разрешения командира Военного управления.

26. Заявившие о болезни лагерники должны иметь возможность днем обратиться к медицинскому работнику лагеря.

Начальник лагеря обязан строго следить за тем, чтобы заболевшие заразной болезнью или подозреваемые в этом лагерники были немедленно изолированы медицинским работником, и чтобы об этом было сразу сообщено в медицинский отдел окружного штаба.

27. Начальник лагеря отвечает за организацию эффективной и целесообразной охраны лагеря.

28. Начальник охраны следит за тем, чтобы все охранники безукоризненно выполняли доверенную им службу. Он обязан удостовериться, что каждый караульный знает общие задачи охраны и особенности его караульного поста.

29. Начальник охраны и все караульные обязаны знать правила лагеря и бдительно следить за выполнением этих правил.

30. Проживание охраны вместе с охраняемыми запрещено.

31. Охране запрещается вести беспричинные разговоры и вступать в другие отношения с лагерниками.

32. Вооружение охраны должно быть организовано в соответствии с местом караульного поста. Обычно на вооружении – винтовка со штыком.

33. Окружной начальник определяет численность охраны, утверждает порядок и дает подробные инструкции по охране лагеря.

34. В лагере должен быть журнал, где проверяющее должностное лицо делает отметки.

35. Порядок надзора в лагере описан отдельно.

IV. Поддержание дисциплины

36. Начальник лагерей и начальник лагеря имеют право наказывать лагерников, виновных в нарушении режима, в дисциплинарном порядке таким образом, как сказано далее.

Если за совершенный поступок недостаточно дисциплинарного наказания, то о нем сообщается окружному начальнику, который возбуждает судебное дело.

37. В качестве дисциплинарного взыскания для лагерников можно применять:

1) лишение лагерника доверенной ему специальной работы;

2) выполнение лагерником обязательной работы вне очереди максимум 8 раз подряд;

3) помещение лагерника под арест в светлую комнату максимум на 30 суток, а в темную – максимум на 8 суток; когда проступки суммируются – 45 суток в светлую комнату и 12 суток в темную комнату.

Когда есть необходимость, можно в первой части п. 3 указанные наказания ужесточить уменьшением питания или применением жесткой постели, или обоими сразу.

Если указанные выше наказания неэффективны по отношению к какому-нибудь лагернику, или если лагерника нельзя обуздать другим способом, или если этого неизбежно требует сохранение дисциплины и порядка в концлагере, начальник лагерей или начальник лагеря может назначить вместо дисциплинарного взыскания, или вдобавок к нему, наказание лагернику – избивание розгами, максимум 25 ударов.

38. Прежде чем лагернику назначить наказание, следует убедиться в виновности наказуемого. Если есть необходимость, нужно провести расследование.

39. Назначенное лагернику наказание должно быть справедливым в соответствии с совершенным преступлением.

Выбирая вид и меру наказания, следует брать во внимание, кроме самого преступления, также условия, в которых оно совершалось, и прежнее поведение виновного.

40. Назначенное лагернику дисциплинарное наказание, если нет особых препятствий, должно быть сразу приведено в исполнение. Обращение лагерника с жалобами не должно задерживать исполнение наказания.

Если имеется обоснованное предположение, что наказание может подвергнуть опасности здоровье лагерника, то предварительно требуется заключение врача.

41. В лагере должен вестись журнал наказаний. В журнале для наказуемого заводится страница, где отмечается его фамилия и год рождения, характер и время совершения преступления, вид и мера наказания, а также время, когда наказание назначено и когда приведено в исполнение.

В этом журнале также отмечаются наказания, назначенные лагернику судом. Если лагерник перемещается из одного лагеря в другой, выписка из журнала, касающаяся его наказаний, пересылается в соответствующий лагерь.

V. Карточка личных карточек в концлагере

42. На всех лагерников заводят личные карточки (форма № 4 штаба ВУВК*)

43. Личные карточки заполняются в двух экземплярах, из которых основной хранится в конторе лагеря, а второй экземпляр посылается в окружной штаб.

44. Основные экземпляры находятся в конторе лагеря в особой картотеке, где расположены в алфавитном порядке по фамилиям; карточки нельзя оттуда изымать.

45. Карточки освобожденных, перемещенных или сбежавших, а также умерших лагерников группируются отдельно.

46. Личные карточки имеют порядковый номер, в них тщательно и подробно заносятся сведения, отмеченные в форме. Если в личную карточку внесены дети, то перед именами делается отметка об их поле («М» — мальчик, «Д» — девочка).

47. Записи в карточках можно исправлять и изменять, но запись нельзя удалять или стирать, чтобы оставалось понятно, с какой целью внесены изменения.

48. Если лагерник переводится из одного лагеря в другой, то об этом делается отметка в карточке в день его отправки. Заполненная таким образом карточка отправляется в соответствующий лагерь, где делается отметка о дне его прибытия. Если не все, записанные в одной карточке, переводятся одновременно, то как выписка из личной карточки, заполняется карточка на перемещаемых вместе. На оставшихся заполняется новая основная карточка, второй экземпляр которой отправляется в окружной штаб вместе с извещением о сделанном перемещении. Старая карточка помещается в группу, где содержатся карточки выбывших.

49. О совершаемом между лагерями перемещении оба лагеря, как отправляющий, так и принимающий, сообщают в окружной штаб, извещая о дне отправки и прибытия заключенных. О перемещении людей делается отметка в карточке окружного штаба. Если перемещение совершается в лагерь, расположенный в другом округе, то окружной штаб, из лагеря которого переводится человек, пересылает второй экземпляр личной карточки переводимого с отметкой о переводе в тот окружной штаб, в чьем подчинении находится принимаемый лагерь.

50. Карточка лагерника, находящегося на временной работе, в больнице или в другом месте за пределами лагеря, но не в другом лагере, остается в картотеке с отметкой в графе «примечания» о месте его нахождения.

51. Если лагерник сбежал или исчез из лагеря, то об этом делается отметка в его личной карточке внизу в особом пункте. Если такого человека берут обратно в тот же лагерь, то о возвращении делается соответствующая отметка. Если такой лагерник помещается в другой лагерь, то с ним поступают так, как указано в п. п. 48 и 49.

52. Если лагерник освобождается, то об этом делается отметка в основной карточке. Об освобождении сообщается также в местную администрацию для регистрации.

53. Родившийся в лагере ребенок записывается в карточку отца; если его нет в лагере, то в карточку матери.

54. Если лагерник умер, то в карточке отмечается дата его смерти и причина смерти.

55. Об отметках, указанных в п. п. 51–54 сообщается в окружной штаб для того, чтобы эти отметки были внесены во второй экземпляр личных карточек.

56. Сообщения о совершенных в лагере крещениях хранятся [в] специально для этого заведенных папках.

57. Если лагернику сделана прививка против оспы, в карточке делается отметка, из которой виден год прививки.

Выше приведенное положение утверждаем для выполнения:

Командир Военного управления полковник

Начальник штаба подполковник

Заверяю: начальник административного отдела капитан

В. А. Котилайнен

Э. Куусела

И. Хелломаа

По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 242–246. Пер. с фин. яз. Документ из фондов Военного архива Финляндии (ныне Национальный архив Финляндии).

* Военное управление Восточной Карелии.

8. Из обращения военнотружущего финской армии, учителя школы в Верхней Видлице М. Канту* к Видлицкому областному начальнику Я. Валанне по поводу жалоб населения Олонекского района на жестокое обращение финских военнотружущих

12 апреля 1943 г.

Так как по указаниям, данным мне отделом образования Военного управления Восточной Карелии, мне приходилось очень часто на самых разнообразных просветительных собраниях говорить населению о том, как они теперь освобождены от большевистских извергов и как хорошо им будет жить теперь при хозяйничании финнов в Восточной Карелии, то я считаю своим долгом изложить вам жалобы, поступившие мне от этого населения, надеясь, что недочеты будут ликвидированы.

1. По сельскому хозяйству. Строгими мерами принуждения, угрозами и др. население выгоняется на выполнение сельскохозяйственной компании, а хлеб гниет на складах. Населению выдается теперь по карточкам молотая из недоброкачественной пшеницы мука (сообщают об этом рабочие, производившие уборку хлеба, и один из конвоиров концлагеря Симанниэми**).

Если сельскохозяйственный рабочий не работал 21 день в месяц на сельхозработах, то у него задерживают значительную часть его заработка. Объясняют это тем, что мол русские поступали также.

О руководителях посевных работ: мл[адший] сержант Нифантьев составляет ведомости на заработную плату по своему усмотрению, вызывает после свидетелей из деревни, выплачивает только часть заработной платы, задерживая остальную сумму себе. Причем он летом заставлял школьников работать на полях бесплатно (сообщают об этом школьники и гр[аждане] Екатерина Демидова, Ева Яковлева и Андрей Фомин).

Сержант Лаури Луома-Куутти обходится всегда с рабочими грубо, ругая их, ломая замки, и в пьяном виде пробирается в квартиры жильцов в поисках пива. Он постоянно пьянствует, заказывает напитки и платит за них, по всей вероятности, государственным хлебом, ибо по показаниям рабочих хлеб исчезает со складов непонятным образом. Он сам приступил к изготовлению солода и мочил 5 больших корзин зерна горячей водой. Зерно испортилось и в течение 3 недель гнило в бане. За все это время люди не могли мыться в своей бане. Испорченный таким образом хлеб он выдал потом хозяевам для скота.

Осенью он молот для своих нужд 2 мешка ржи и 2 мешка пшеницы, а несколько недель спустя заставил мельника молот еще дополнительно хлеб.

По его вине испортился хлеб на всех складах, ибо, пьянствуя все время, он не мог следить за ходом работ (об этом доложили школьники Наталья Быкова, Иван Федотов, Мария Жалкуева и др.).

Сержант Риккола удерживает систематически заработную плату рабочих.

2. Концлагерь Симанниэми. По рассказам заключенных женщин, в лагере избивались сильно женщины, которые не соглашались на половую связь с пьяными финскими начальниками (один такой случай произошел ночью, а другой днем). Сообщает об этом Василий Константинов и как доказательство у меня хранится письмо заключенной женщины.

По распоряжению начальства лагеря в деревне Симанниэми разбирают дома и амбары на дрова.

В лагере избивались мужчины-карелы, которых сержант Мустонен направлял туда для отбывания наказания (сообщили: Николай Демидов и ряд других карел[ов], имена которых мне неизвестны)

3. Сержант Мустонен – начальник лесозаготовительного пункта в Верхней Видлице – заплатил в прошлую зиму Паше Федотовой на 200 марок меньше, чем ей полагалось по ведомости (сообщил Иван Федотов). Также в прошлую зиму он лягал, избил кнутом и ремнем Василия Павлова до такой степени, что тот болел два дня от побоев. Пострадавший не смел подать и жалобу в штаб, ибо Мустонен сказал ему, что там он встретит точно такое же обращение, а после он сам еще прибавит (по этой причине никто из пострадавших не смел жаловаться). [...]

Сержант Мустонен ударил по уху Николая Николаева, когда тот пришел к нему, чтобы проситься в отпуск домой. Николаев заявил Мустонену, что он не имеет право его бить. Тогда Мустонен позвонил в концентрационный лагерь. Оттуда пришли за Николаевым. В лагере Николаева избивали розгами и сняли волосы. После этого Мустонен за всю зиму не отпустил Николаева ни разу домой. На его просьбы Мустонен отвечал с насмешкой, что пойдешь, когда волосы вырастут.

Мустонен направлял в концлагерь много других граждан, где они избивались. Поскольку мне известно, ни в одном из данных случаев вопрос о наказании не разрешался официально.

Мустонен ударил по уху Андрея Никитина за то, что тот сидел в шапке и не снял ее при входе Мустонена (свидетель Татьяна Ахпоева). Граждане избиваются и подвергаются наказаниям очень часто, и пострадавшие думают, что у финнов это так и принято. [...]

Военнослужащий

Микко Канту

НА РК. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 84. Л. 49–58. Копия. Машинопись. Пер. с фин. яз. (сделан в 1945 г.)

* Фамилия в документе иногда указана как Конту. В июне – июле 1943 г. проводилось расследование обстоятельств, изложенных в жалобе. Информации о результатах расследования в деле нет.
** Симанниэми (Симон-Наволоок, Симан-Наволоок, Верхняя Видлица) – деревня Видлицкого сельсовета Олонецкого района.

9. «Материалы по делу Ю. Хаккарайнена»*

Не ранее 6 июня 1943 г.

18 мая 1943 года на станции Петрозаводск был конфискован пакет с папиросами, принадлежащий начальнику народного обеспечения [деревни] Суны Кондопожского района. На допросах по данному делу выяснилось, что Хаккарайнен достал этот табак (на сумму 3600 марок) незаконным путем, отбирая у местных жителей табачные карточки. Об этом рассказали на допросах лесорубы Таисия Павловна Титова и Анна Селиверстовна Остава, которым Хаккарайнен не выдал хлебных карточек, пока они не стали давать ему табачных карточек. Допрашиваемая Анастасия Константиновна Амелькина рассказала, что когда она отказалась отдать свою табачную карточку Хаккарайнену, тот закричал на нее: «Закрой рот, а то я посажу тебя в будку** и там получишь розги». К работницам Парасковье Березиной, Парасковье Амелькиной, Ольге Истоминой и др. Хаккарайнен приходил на квартиру собирать табачные карточки.

Помощники продавца карелки Лиза Тубина и Паула Ферапонтובה рассказывали о том, что Хаккарайнен приходил в магазин в пьяном виде и требовал продукты. Если ему в этом отказывали, он забирал их сам и уносил с собой. Однажды Хаккарайнен явился на квартиру Паулы Ферапонтовой и потребовал, чтобы она сварила ему кофе. Когда девушка попросила выйти его из квартиры, пьяный Хаккарайнен заявил, что он «Министр Вако» и его надо слушаться. Иногда Хаккарайнен сам становился за прилавок продавать населению паек. При этом он выдавал продукты как попало. Весной продавщица магазина установила, что у нее недостаток в магазине – 20 кг масла. Она заявила об этом Хаккарайнену. Тот заставил Лизу Тубину и Паулу Ферапонтову добавить в масло соль. Девушки положили в 50 кг бочку масла 3 кг соли, а в 150 кг – 9 кг соли

Работница Марфа Григорьевна Фокина рассказала на допросе следующее. 6 июня 1943 года, в воскресный день, Хаккарайнен пришел к ней на квартиру выпивший, неся сахар и масло и заявил ей, что если она согласится ложиться с ним спать, то он отдаст ей и масло, и сахар. Когда допрашиваемая отказалась, рассердившийся Хаккарайнен выбросил сахар на пол, а масло положил в чугунок на горячие угли в кухне.

Установочные данные на Хаккарайнена:

Юрье Август Хаккарайнен, род[ился] 8.2.1901 г. в гор. Куопио в семье умерших уже Августа Хаккарайнена и Клары Тенхунен. Прописан и проживает в г. Куопио, ул. Пюрикату, 21. Женат на Хилье Росси. Имеет двоих детей, один из которых несовершеннолетний. Окончил 5/8^{3*} классов лицея, религиозную школу и кооперативное училище. Служит с января прошлого года начальником народного обеспечения в Суне Кондопожского района, получая 4540 марок в месяц. По своим словам, ранее не судим.

НА РК. Ф. Р-804. Оп. 1. Д. 84. Л. 4–5. Машинопись. Подлинник. Пер. с фин. яз. (сделан 3 февраля 1945 г.)

* Собственное название документа. Документ находится в фонде Военного управления Восточной Карелии, очевидно, дело Хаккарайнена рассматривалось финскими военными властями после обнаружения его преступления. Информации о результатах рассмотрения в документе нет.

** Имеется в виду карцер.

3* Имеется в виду, пять из восьми классов лицея.

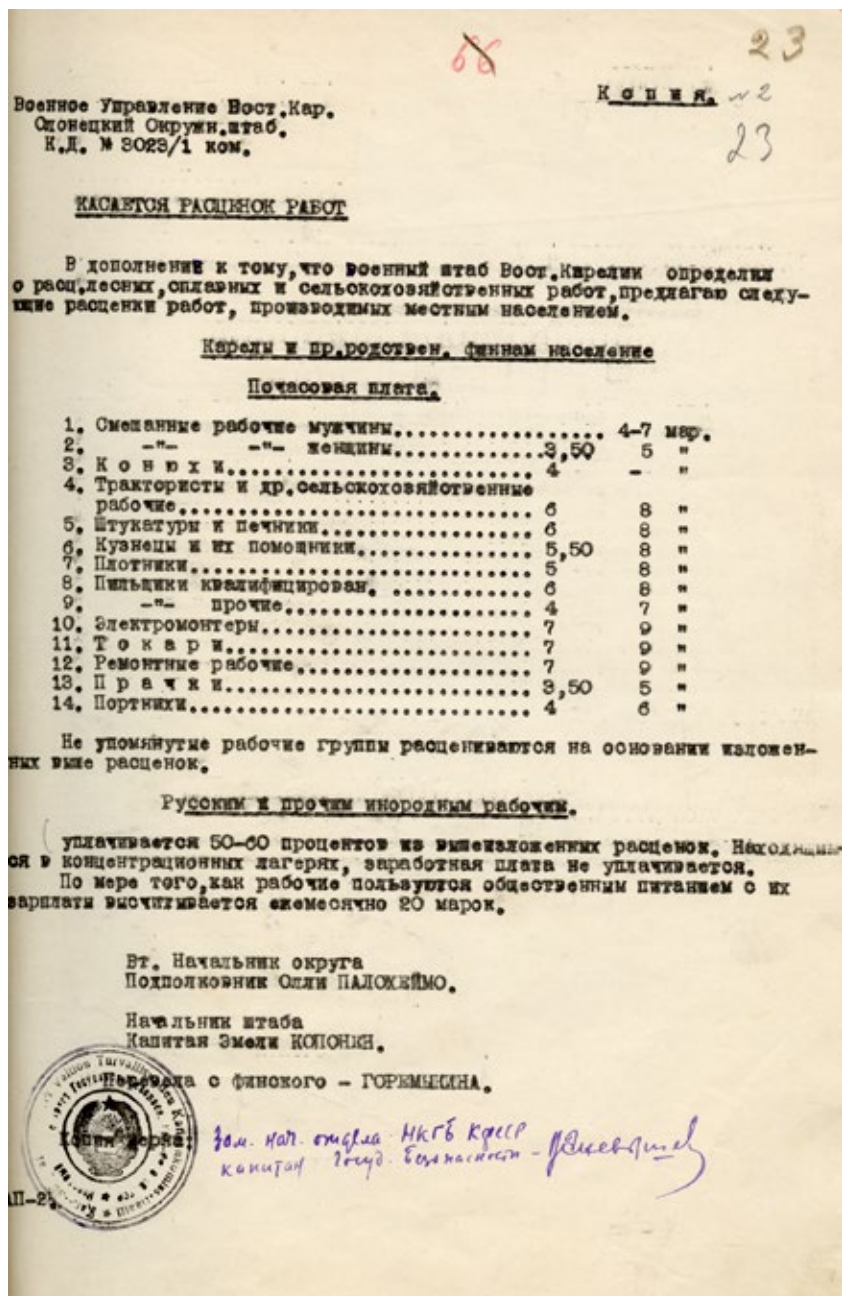

11. Справка о расценках на лесные, сплавные и сельскохозяйственные работы Олонецкого окружного штаба Военного управления Восточной Карелии

Не позднее 2 июля 1943 г.

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 23. Копия. Машинопись. Пер. с фин. яз., современный оригинал.

12. Из протокола допроса военнопленного Э. Импонена*, начальника Военного управления Восточной Карелии в деревне Пахомова Гора Калевальского района – об организации оккупационного режима

12 ноября 1943 г.

[...] *Вопрос:* Чем Вы занимались, будучи местным начальником Военного управления Восточной Карелии в д. Пахкомаваара??

Ответ: Я, как местный начальник Военного управления Восточной Карелии в д. Пахкомаваара являлся представителем финских военных и гражданских властей на оккупированной территории финскими войсками. Я работал среди гражданского населения на оккупированной территории. После оккупации финскими войсками д. Пахкомаваара, там осталось довольно много колхозного имущества и скота. После назначения в феврале 1942 г. меня местным начальником в д. Пахкомаваара я принял все колхозное хозяйство от командира полевой службы мл[адшего] сержанта Каллио.

До моего приезда колхозным имуществом распоряжалась полевая охрана. Мною было принято около 3000 кг ржи, 2000 кг ячменя, 2500 кг картофеля, 4 лошади, около 10 коров, 1 бык и сельскохозяйственный инвентарь. Еще до моего приезда колхозная земля был роздана гражданскому населению – кто сколько хотел. Население много земли не брало, поэтому часть колхозной земли осталась, которая была передана мне для организации ее обработки. Силами солдат полевой охраны и гражданского населения я обрабатывал эту землю. Население работало за деньги от 5 до 6,5 марок за час в летнее время. Зимой платили 4-5 марок за час. Кроме этого, в функции моей работы входило обеспечение населения семенами, тягловой силой и сельскохозяйственными орудиями. Семена я выдавал населению взаимобразно с условием, что осенью они вернут мне на 10% больше, чем брали. Лошади, коровы были отданы на бесплатное пользование населению. Только в январе м[есяца] 1943 г. поступило указание продать оставшийся колхозный скот населению. Так и было сделано мною. Лошадей продавали от 3500-7000 марок, коров от 1400-3000 марок.

Я, как местный начальник, обязан был оказать содействие населению в получении денежного пособия от государства, особенно тем, которые плохо жили. Давал населению указания о режиме проживания на территории деревни. За нарушение режима проживания на территории д. Пахкомаваара я имел право наказывать нарушителей вплоть до 7 суток ареста. Кроме того, о[бо] всех нарушениях я должен был сообщить коменданту штаба участка. Арестантского помещения у меня не было и никого из населения я не наказывал.

По всем вопросам гражданское население обращалось ко мне. Вопросы, которые я самостоятельно не мог разрешить, разрешались в окружном штабе Военного управления Восточной Карелии.

Вопрос: Скажите какую Вы имели связь с полицией, как реагировали на известные факты недовольства населения к финским властям и какие Вы выполняли задания?

Ответ: Никакой связи служебного характера с полицией я не имел. Будучи местным начальником в д. Пахкомаваара полицейские фельдфебель Аласаари, сержант Рауман и Ниемеля несколько раз останавливались у меня, но наши встречи были чисто бытового характера. Они у меня питались и изредка ночевали. Никаких заданий от них не получал. Фактов недовольства со стороны населения я не замечал. Настроение у населения, сколько я это замечал, было не плохое, за исключением тех, у которых родные остались на территории СССР, они скучают о своих. Расстрелов и фактов издевательства над населением на оккупированной территории я не знаю.

Вопрос: Кто из населения сотрудничает с финской полицией и работает на финнов?

Ответ: О том, кто из населения сотрудничает с финской полицией и активно помогает и работает на финнов, я не знаю.

Вопрос: Кто из населения настроен против финнов и кого подозревают в связи с партизанами?

Ответ: Из населения настроенных против финнов я никого не знаю. О том, что они могут быть связаны с партизанами, подозревают всех. О том, как следят за ним, смогу сказать следующее: в зимнее время сделана лыжня кругом деревни, по которой ходят патрули – солдаты полевой охраны ежедневно один раз в день. В летнее время населению запрещается куда-либо уходить из расположения деревни без охраны финских солдат, никаких проверок и облав по домам не производилось.

Вопрос: Сколько было всего гражданского населения в д. Пахкомаваара?

Ответ: Всего гражданского населения в д. Пахкомаваара вместе с д. Каменное озеро было 82 чел[овека] из них мужчин 10 чел[овек], женщин 27, остальные дети. [...]

Вопрос: Вы сказали, что работали среди гражданского населения по обеспечению и по сельскохозяйственным вопросам. Скажите, кто проводил воспитательную работу среди населения и работу по выявлению недовольства к финскому правительству?

Ответ: Вся воспитательная работа гражданского населения возлагалась на офицеров просвещения пастора-лейтенанта Муйлу. Пастор лейтенант Муйлу примерно один раз в м[есяц] приезжал из д. Вокнаволок в д. Пахкомаваара и проводил, т. е. читал молитву гражданскому населению. Кто занимался вопросами по выявлению недовольных среди гражданского населения мне неизвестно. Этим делом я не занимался. Из разговора в апреле м[есяце] 1942 г. солдата противоздушной роты Хювялусма мне известно, что в д. Пахкомаваара среди гражданского населения проводят работу полицейские из Вокнаволока. Хювялусма мне рассказал, что он получил задание от полиции следить за гражданским населением и сообщать в полицию о[бо] всех замеченных фактах недовольства населения финскими властями, а также их намерениях и о разговорах антигосударственного характера. [...]

Вопрос: Назовите фамилии лиц, которых арестовала полиция и за что их арестовали?

Ответ: Мне известно, что полиция арестовала следующих лиц:

1. Лесонен Ольга из д. Кивиярви^{3*} Ухтинского района, быв[шая] учительница. Была арестована за связь с партизанами в октябре м[есяце] [19]41 г., окончила курсы по переподготовке учителей народных школ, а в ноябре 1942 г. приехала в д. Вокнаволок, работала в столовой поваром. В июне м[есяце] с. г. снова задержана, находится в лагере гражданского населения в Реболах.

2. Малыгина Анна из д. Кивиярви, с осени 1941 г. до декабря 1942 г. находилась в лагере гражданского населения в Реболах. В настоящее время работает в столовой в д. Вуокиниemi^{4*}.

3. Перттунен Ольга из д. Кивиярви, арестована в октябре м[есяце] 41 г., в настоящее время находится в лагере гражданского населения в Реболах.

4. Лесонен Ольга из дер. Кивиярви. Арестована за связь с партизанами, осенью 1941 г из лагеря в м[естности] Реболы прибыла в д. Вуокиниemi в начале 1943 года.

5. Жена Лесонена Ипата из д. Кивиярви, арестована в октябре 1942 г. за то, что ее муж вместе с партизанами перешел на сторону СССР. В начале 1943 г. из лагеря в м[естности] Реболы приехала в д. Вуокиниemi.

6. Пертунен Алексей из д. Латваярви^{5*}, арестован за самовольное хождение на озеро рыбу ловить. Находился в лагере Пихтоярви.

7. Лесонен Василий из Латваярви, арестован 1941 г. за самовольный уход на озеро рыбу ловить, в конце 1942 г. прибыл в д. Вокнаволок. [...]

Вопрос: Расскажите о режиме проживания гражданского населения на оккупированной территории.

Ответ: Сразу после оккупации какой-либо деревни финскими войсками сотрудниками Военного управления Восточной Карелии были составлены списки гражданского населения данной деревни. Кроме общего списка населения заполняли так называемую «Подворную книжку». В «Подворной книге» имеются следующие графы: название дома, фамилия и имя домовладельца, кто в данном доме жил раньше до прихода финнов, кто живет в настоящее время, где находятся все члены семьи, имеет ли домовладелец или кто-либо из членов семьи родственников в Финляндии или в СССР и кто из домовладельцев или членов семьи состоит в коммунистической партии или в комсомоле. Военными властями назначается из гражданского населения староста деревни. В деревнях на оккупированной территории с 9 часов вечера всякое движение прекращается и строго запрещается. В 6 часов утра подъем. Населению без охраны финских солдат разрешается ходить только в расположении деревни. Темное время она должна быть хорошо замаскирована. Проведение каких-либо увеселительных мероприятий: танцы и пр. категорически запрещается. В случае появления незнакомых лиц в деревне гражданское население по приказу немедленно должно сообщить об этом военным властям. За нарушение установленного режима местный начальник имеет право наложить дисциплинированное взыскание нарушителю до 7 суток ареста.

Вопрос: Какие необходимо иметь документы для проживания на оккупированной территории, кто выдает эти документы и как производится их проверка?

Ответ: Для проживания на оккупированной территории требуются следующие документы:

1. Разрешение на право проживания Олекселулупа, которую выдает командир участка Военного управления: Олекселулупа имеет светло-зеленые картонные карточки размером 8 x 10 см с надписью Олекселулупа. Внутри корочек вставлен один лист белой бумаги с вопросами, фамилия, имя, профессия, год и место рождения, адрес места жительства, национальность, образование, фамилия и имя родителей, приметы и особые приметы, текущий номер и на какой срок выдан. Олекселулупа выдается с фотокарточкой и заверяется подписью с приложением печати командира участка Военного управления. Олекселулупа напечатана типографским способом, ответы на вопросы заполняются от руки.

2. Рабочая карточка – Тюекортти, напечатанная типографским способом на толстой белой бумаге размером примерно 7 x 10 см и содержит следующие вопросы: фамилия и имя, специальность, год и место рождения, номер Олекселулупа, адрес места жительства, место работы, категория трудоспособности и собственноручная подпись владельца. Рабочую карточку заверяет подписью и приложением печати местный начальник Военного управления Восточной Карелии.

3. Разрешение на право передвижения – Кулкулупа. Бланки Кулкулупа печатаются на машинке, на тонкой бумаге, размером 14 x 20 см, содержат следующие вопросы: фамилия, имя, из какой деревни, куда следует, по какому делу, на какой срок выдан. Кулкулупа выдает командир полевой охраны и заверяет подписью и приложением печати. Разрешение на выезд из оккупированной территории в Финляндию выдает Военное управление Восточной Карелии. Лица, желающие поехать в Финляндию, должны для получения разрешения написать письменное заявление.

Всякое движение населения из одной деревни в другую без охраны финских солдат строго воспрещается. По прибытии гражданских лиц из одной деревни в другую,

необходимо явиться к командиру полевой охраны или местному командиру Военного управления для соответствующей отметки и проверки документов. Во время движения по дорогам документы не проверяются. В конце декабря 1942 г. или в начале января 1943 г. я и начальник полевой охраны д. Пахкомаваара лейтенант Сипиля произвели всеобщую проверку документов населения в д. Кивиярви и Пахкомаваара.

Во время проверки мы обходили все дома и проверяли у всех разрешения на право проживания, одновременно взяли на учет всех жителей этих деревень. После этого всеобщей проверки документов не производилось.

Вопрос: Какую норму продуктов питания на месяц получает гражданское население на оккупированной территории?

Ответ: Гражданское население на оккупированной территории на м[есяц] получает:

1. Муки 5–10 кг.
2. Мяса 150–200 г.
3. Сахару – куращие 250 г, не куращие 500 г.
4. Масло 300–600 г.
5. Кофе суррогат 250 г.
6. Картофельной муки.
7. Мармеладу продавали без карточек.
8. Мыла хоз[яйственного] давали на месяц 100 г. [...]

Опросил: пом[ощник] о[пер]уполн[омоченного] 2-го отдела УПР контрразведки «Смерш» Карельск[ого] фронта лейтенант *Катала*

Архив УФСБ России по РК. Лит. Д. 11. Л. 539–542 об. Подлинник. Машинопись.

* Импонен Эйно, 1911 г. рождения, уроженец Лапландской губернии. До призыва в армию работал в своем хозяйстве. В армию призван 26 сентября 1941 г., комиссией признан негодным к строевой службе в фронтовых условиях и направлен в распоряжение Военного управления Восточной Карелии, назначен начальником ВУВК в деревне Пахомова Гора. Попал в плен в 1943 г.

** Пахомова Гора (Каменозеро) – деревня Каменозерского сельсовета района Калевалы (Калевальского района).

3* Деревня Каменное Озеро (ныне не существует).

4* Деревня Вокнаволок.

5* Деревня Ладвозеро.

13. Из заявления М. И. Акимовой в Чрезвычайную государственную комиссию о проживании в оккупированном городе Петрозаводске

[Июль] 1944 г.

Я, гражданка Акимова Мария И., проживающая [в] г. Петрозаводск, Заводская ул., дом 28а, кв. 1, попала в плен [к] белофиннам 13 ноября 1941 г. В плен попала на барже, в Заонежском р[айо]не, в д. Типиницы. Мы 3 суток сидели и ждали буксира, чтобы нам уехать. Но белофинны ворвались на 2 часа раньше, и захватили нас, уехать нам дальше не удалось. Потом мы жили там 5 суток, без всякой нормы, потом нас стали направлять, которых куда, меня привезли в Петрозаводск. Я получила паек за семь суток 1,5 кг ржаной муки, после того мне стали давать норму 200 г р[жаной] муки на день, и я нигде не работала 4 месяца, я очень болела и не могла работать, ну не-

смотря ни на какие боли мне приходилось ходить 1 совхоз – 2 совхоз* за капустным листом, снег был по пояс, приходилось лопатами разрывать снег и собирать мороженые листочки. Соберешь мешок, положишь на саночки и везешь, чтобы можно сварить и кушать, и пекла лепешки, за этими листьями нас ходило тысячи человек, также приходилось ходить и по помойкам, где только могли отыскать какую помойку. По помойкам ходить еще не разрешали, ругались «сатана русса». При таких условиях, я никогда не думала, что я все переживу и встречу своих родных и буду опять жить по-старому. Ну спасибо нашей доблестной Красной армии, она нас освободила от гнета фашистов.

В больницу приходилось ходить мне очень часто, ну конечно врач тов. Нестерова мне всегда оказывала помощь. Припоминаю, идя по улице, видит**, гонят на работу наших военнопленных, которые такие тощие, что от ветра падают, и просят, гражданочка, не знаете ли где собаки или кошки, хотя какой-нибудь, принесите нам в лагерь. Лагерь был по Урицкой ул. Об этом фашисты знали. И они на каждом столбе повесили объявление, чтобы каждый, имеющий кошку или собаку, не выпускал на улицу, а легко ли было слышать такие разговоры наших военнопленных. Я потом пошла работать в швейную мастерскую, чинили рваную одежду для белофиннов, ну там мне долго работать не удалось. Меня оттуда уволили и направили работать на рыб[ный] завод, за город, будет 3 км. Там работа была очень тяжелая, и мне опять приходилось часто ходить в больницу. Норма мне была 2 кг р[жаной] муки, 200 г сахару, 250 г масла, 200 г мяса. Это был наш месячный паек. Там я работала 5 месяцев, потом меня оттуда уволили и направили работать в Томицы. Там я работала на финской кухне, мыла посуду. [...]

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 160–165 об. Подлинник. Рукопись.

* Так в документе.

** Так в документе. Следует читать: вижу.

14. Из заявления З. А. Арбузовой* в Чрезвычайную государственную комиссию о содержании в заключении

[Июль] 1944 г.

Я родилась в 1897 г. в г. Петрозаводске. [...] В плен к финнам я попала в Петрозаводске в 1941 г. [...] Работала я при финнах в парикмахерской, против Гостиного двора, в качестве прачки. Парикмахером у нас работала финка по имени Импи. В 1942 г. она получила разрешение на несколько дней съездить в Финляндию к родным. Накануне ее поездки вечером пропала вся дневная выручка в 400 марок. Парикмахерша заявила в полицию. Вскоре явился полицейский и требовал, чтобы я отдала деньги, так как финка заявила, что деньги украла я.

Как доказать свою правоту, я не знала. Я просила обыскать меня и уверяла, что не брала денег. Меня увели в полицию. На допросах всячески издевались, оскорбляли, переводчик два раза ударил по уху. Называли воровкой. Никакие уверения мои в том, что я не виновата, не действовали, мне не верили.

После допроса меня провели в тюрьму, где я пробыла 13 дней – с 30 июня по 13 июля 1942 г.

Через 4 дня меня снова вызвали на допрос, называли сволочью, и после того, как я не созналась, начали били резиновыми плетками, пока я не потеряла сознания, по-

сле порки меня на 2 часа бросили в холодную комнату и потом увели обратно в тюрьму. Так продолжалось 3 раза: приводили, пороли, бросали в холодную комнату. Когда меня повели в 3 раз, меня женщины научили меня** кричать сильнее во время порки, так как это может подействовать на их нервы. Я так и сделала, от боли стала кричать. Тогда финн, который порол, выхватил резиновую дубинку и 4 раза ударил меня по спине. [...] Во время 3 допроса меня начальник полиции ударил по лицу линейкой. Потом после допросов меня сфотографировали 3 раза, прямо и два профиля, сняли отпечатки пальцев и отпустили домой.

Деньги, наверное, украла сама Импи, а мне пришлось поплатиться 13-дневным пребыванием в тюрьме и выдержать 3 порки, а сколько унижений, не передать. [...]

Со мной в камере находилась старушка лет 70, Тиккоева Наталья, которая подозревалась в поджоге. Бабушка мне рассказывала, что она жила в деревне Монсельга^{3*} или Тавойгора Кондопожского района Карело-Финской ССР. В июне месяце в деревне появился партизан, а ночью в той же части деревни, где расположились немцы, вспыхнул пожар. Все, кто жил в деревне, выскочили на пожар, были заподозрены в поджоге и находились в тюрьме, в том числе старик и старуха Тиккоевы.

Бабушку уводили на допрос, она возвращалась, еле-еле держась на ногах. Над ней издевались в полиции и пороли. Однажды я видела у нее оторвана прядь седых волос на лбу, где запеклась кровь. Она мне сказала, что финны на допросе таскали за волосы и оторвали их. Старушка Тиккоева не выдержала все испытания и издевательств финских злодеев и умерла. Тиккоевой было до этого объявлено решение – заключение в тюрьму на 6 лет ее и ее старика [...].

В тюрьме находились муж и жена из той же деревни, откуда была бабушка Тиккоева, – Хроболовы, их тоже подозревали в поджоге. Хроболова Анна была еще до заключения в тюрьму больна психически, временами она начинала без причины смеяться и разговаривать, как ребенок. Попав в тюрьму, Хроболова, испытывая все «прелести» финского допроса, вовсе заболела. Когда после допросов Хроболова приходила в тюрьму, она лежала по несколько дней в углу, едва поворачиваясь с боку на бок. [...]

Когда я уходила из тюрьмы, больная Хроболова осталась там.

Арбузова Зинаида Алексеевна

НА РК Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 66–67 об. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград, 1945. С. 119–120.

* Арбузова Зинаида Алексеевна, жительница города Петрозаводска.

** Повтор слова, так в документе.

^{3*} Скорее всего, имеется в виду Мянсельга (Мянсьельга).

15. Из протокола допроса Е. Н. Власовой* о ее нахождении в Космозерской тюрьме, в концлагерях Киндасово и Колвасозеро

7 октября 1944 г.

21

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. Октябрь мес. 7 дня. Я Мед. кабинетом милиции должность, наименование органа, фамилия
Арбузова допросил в качестве _____

1. Фамилия Власова
2. Имя и отчество: Евгения Николаевна
3. Дата рождения 1920 года
4. Место рождения Карело-Финская ССР Заволжский р-н
дер. Бундильки
5. Место жительства КФССР Заволжский р-н дер. Бундильки
6. Нац. и гражд. (подданство) Русский
7. Паспорт б/д Заповядываема Томский Орловский
когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки
Орловский паспорт номер Орловский при советской
8. Род занятий Телеграфистка Челюскинцев Средняя школа
место службы и должность
уграноводежда
9. Социальное происхождение из крестьян бедняков
род занятий родителей и их имущественное положение
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции _____
  - б) после революции до 1944 года уграноводежда
11. Состав семьи Отец Власов Николай Тимофеевич, мать Власова
близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий
Матроне Семеновна, сестры Власова Мария Николаевна
проживают в Заволжском районе дер. Бундильки
сестра Власова Иван Николаевич проживает в семье
сестры Луции Ревилькиной в дер. Власов Павел

Вопрос: Где, когда и каким путем вы попали в плен?

Ответ: Эвакуироваться из-за нехватки транспорта и неблагоприятных климатических условий не смогли. 12 ноября 1941 г. наша местность была оккупирована. По прибытии финских местных властей была мобилизована для работы в местный штаб в качестве переводчика, поработала две недели. Я от этой работы отказалась и была посажена в будку при местном штабе, просидев 20 минут, я снова согласилась работать переводчиком и работала до 30 января 1942 г. после чего была арестована по доносу Ульяновой Парасковьи и Перхиной Валентины о том, что я являлась коммунисткой и сообщала местным жителям о действиях партизан, и за агитацию против финской власти увезли на допрос в районный штаб в Велик[ую] Губ[у]. Там я сидела 2 дня, после чего мне удалось оправдаться и работала снова переводчицей в районном штабе Велик[ой] Губ[ы] до 2 ноября 1942 г.

2 ноября 1942 г. я совместно со своим братом Власовым Иваном была арестована за связь с политическими арестованными (партизан Пичугин, староста деревни Нестеров) вдобавок к прежним обвинениям. Была увезена в политическую тюрьму д. Косозеро Заонежского района для проведения следствия. Просидев 4 месяца с половиной 18 марта 1943 г., была отправлена в Киндасовский лагерь строгого режима до окончания войны. 20 мая 1943 г. была переведена в Колвасозерский лагерь, где находилась до освобождения нас Красной армией. Будучи в лагерях, выполняла разные черные работы.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях со стороны финских властей?

Ответ: Будучи в Косозерской тюрьме, одновременно в ней находился партизан, точно не знаю, но как будто Исаков из Заонежского района, на допросах финнами был избит до потери человеческого вида. Он сам себе отрубил топором кисть левой руки, после принятых мер лечения со стороны финнов, Исаков подвергался вторичным допросам и избиениям, после чего умер. Моего отца за опоздание на работу на 10 минут переводчик местного штаба, карел, фамилии не помню, избивал ремнем. Будучи в Косозерской тюрьме [знаю], [что] избивали пожилую женщину за то, что была утеряна корова со скотного двора.

Среди начальства лагеря Колвасозеро пользовались доверием и привилегиями Тимофеев Степан, который следил за лагерниками и доносил о тех, кто занимался политикой, возбуждал недовольство среди лагерников и об этом доносил в штаб, кто разговаривал с часовыми, после чего со стороны лагеря менялись отношения к этим людям. Тимофеев добровольно уехал в Финляндию. Тарасова Дора, будучи партизанкой-радиостройкой попала в плен, выдала все тайны, за что она [была] освобождена и направлена на какие-то курсы, по-моему, на курсы шпионов. В период пленения Тарасова побывала, по ее словам, в 14 лагерях военнопленного и гражданского населения, и после окончания курсов она работала в лагерях, эвакуированных из Карелии в Финляндию. В настоящее время Тарасова находится в Финляндии.

Вопрос: Что можно дополнить по заданным вам вопросам?

Ответ: Больше дополнить ничего не могу, протокол мне зачитан, с моих слов записано правильно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8300. Л. 21–22. Подлинник. Рукопись.

* Власова Екатерина Николаевна, 1920 г. рождения, уроженка деревни Типиницы Заонежского района, русская. Перед войной работала учительницей Типиницкой неполной средней школы.

16. Из воспоминаний Ю. И. Кононова* о жизни в оккупированном городе Петрозаводске и в Матросах

Сентябрь 1941 – июнь 1944 г.**

[...] Я, конечно, постараюсь восстановить кое-какие события тех лет, ибо мне тогда было 9 лет. Как всем известно, в тот период железнодорожники находились на брони, и в армию их не призывали, а был приказ наркома «пропустить все поезда, которые эвакуировались с городов». В то время мы жили на ст[анции] Погра Лен[инградской] обл[асти], ныне Подпорожье Лен[инградской] обл[асти]. Железнодорожники того отделения, то есть Лодейнопольского, пропустили все поезда и [должны были эвакуироваться] последним составом, который был специально подан и собирал по станциям всех, кто остался не эвакуирован. Отец мой, Кононов Игнатий Яковлевич работал в то время бригадиром пути. Начальником того эшелона я не знаю кто был, но запомнил, что у него было несколько кубиков на петлицах, а в то время я еще в них не разбирался. С собой было указано, что больше 16 кг на человека не брать. И вот от Лод[ейного] Поля до Погры люди были уже загружены в теплушки, как раньше называли двухосные вагоны. Связавшись со станцией Свирью, Погра получила на отправку эшелона разрешение. Но, подъехав к сталь-мосту^{3*} через Свирь, налетели самолеты и начали бомбить. Помню, что был приказ «Всем из вагона». Разрыв бомб, свист осколков, очередные выстрелы из пулеметов – все смешалось с диким воплем женщин и младенцев (у некоторых были еще на руках). К счастью, пути не были разрушены, когда улетели самолеты. Погрузившись обратно в теплушки, состав осадил обратно в Погру. Через некоторое время связь со Свирью была восстановлена, и снова дали разрешение на отправку. И опять повторилось то, что в первый раз. Осадив состав снова в Погру, нач[альник] эшелона отдал такой приказ, чтобы все уходило в лес. Мол недели через две-три наши придут, и мы сможем вернуться обратно на свои места. Время было сентябрьское. Ушли в лес км за 10–15. Сначала были построены шалаши, но потом стали рыть землянки. Мимо гражданского лагеря в лесу проходили военные при всей военной выкладке, которые также оказались в окружении, но, отдохнув и перекусив у костра, они уходили в неизвестность. Таким образом мы прожили в лесу около м[еся]ца. Конечно, за это время взрослые уходили ночами на промысел (ведь нужно было чем-то питаться). Финны, обнаружив гражданское население в лесу, в один из дней подогнали лимузин[ы] (шоссейная дорога проходила в каком-то направлении), всех погрузили лесных обитателей и привезли в д. Усланку, где тоже прожили недели 2–3 в разных домах, в основном по 4–5 семей в каждом доме.

В один из прекрасных дней с Усланки вывезли и погрузили в железнодорожный состав, и под конвоем привезли в г. Петрозаводск на ст[анцию] Голиковка. На станции объявили, чтобы все шли за проводником, который повел в назначенное место, которое потом называлось лагерем на Петушках. Конечно, все в быстром темпе пошли занимать квартиру и сарайки. У нас в семье было трое ребятишек: сестра, я и брат, и отец с матерью не могли так быстро спешить вслед за всеми. Понемногу мы стали отставать от общей массы, и отец решил отдохнуть у того дома, где до войны на ул. Калинина было онегзаводское общежитие (это я потом узнал). В этом доме оказалась одна старушка, которая очень обрадовалась, что кто-то из людей пришел [...]. Под вечер отец сходил к тому месту, куда вел всех сопровождающий, он обратил внимание на то, что вокруг тех бараков были выкопаны ямы для столбов, а когда утром проснулись, то все бараки были оцеплены ключей проволокой и по углам построены вышки. Таким образом появился лагерь в Петрозаводске на Петушках, по-моему он назывался первым [...].

Конечно, та старушка кое-что подсказала отцу, как встать на учет и получить норму для существования. Как известно, электростанция была при отступлении взорвана, то необходимо, нужно было ее восстановить, поэтому требовалась рабочая сила, и он был зачислен в бригаду разнорабочим. Так постепенно стали обживать город Петрозаводск [...].

Кое-какая часть города жила вне лагерной обстановки. Кстати, кто случайно из вепсов и карелов были попавшие в те зоны, то их выдворяли на свободу, и норма им давалась больше, чем русским, украинцам, белорусам и др. Для них были организованы школы и бесплатное медицинское обслуживание. Словом, 1/3 города пустовала, и с жильем было свободно.

Административный центр был на площади Ленина. Мы, пацаны, в дневное время передвигались по городу свободно и в основном ходили по кухням, где кормили солдат и офицеров, а когда заканчивался обед или ужин, то остатки давали нам. Всюду были вывешены объявления: за нарушение комендантского часа или военного режима в городе каралось расстрелом или еще каким наказанием [...].

Помню зимой ночью 1943 г. постучались в дверь [...]. В ту ночь выпал мелкий снежок, а когда отец утром пошел на работу, то за косяком над дверью заметил бумажку, то есть боевой листок партизан, в котором говорилось, что под Сталинградом взято много пленных и боевой техники и т. д. Это сообщение разнеслось по всему городу. Всполошилась полиция, были подозреваемые, но улики никаких. Шли толки, что на аэросанях были из-за Онежского озера партизаны, но следы запорошил снежок.

Но после этого события всех, кто не находился в лагерных зонах (имею в виду русских, украинцев, белорусов и др.), стали направлять на лесоразработки и нас отправили в Матросы. Всем вепсам и карелам уравнивали норму питания, но их из города на лесоразработки не отправляли. [...]

Одним словом, до освобождения Петрозаводска и Матросов находились на лесозаготовках в Матросах, куда и были направлены многие. Там пришлось помогать отцу и матери, ибо для взрослых были установлены нормы. Зимой с 1943 г. на 1944 г. заготавливали древесину, вывозили к реке Шуе конной тягой. Летом 1944 г. освободили Петрозаводск. [...]

НА РК. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 256. Л. 5–11. Подлинник. Рукопись.

Опубл. с изъятием: Петрозаводск. 300 лет истории: документы и материалы: В 3 кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2001. С. 279–280.

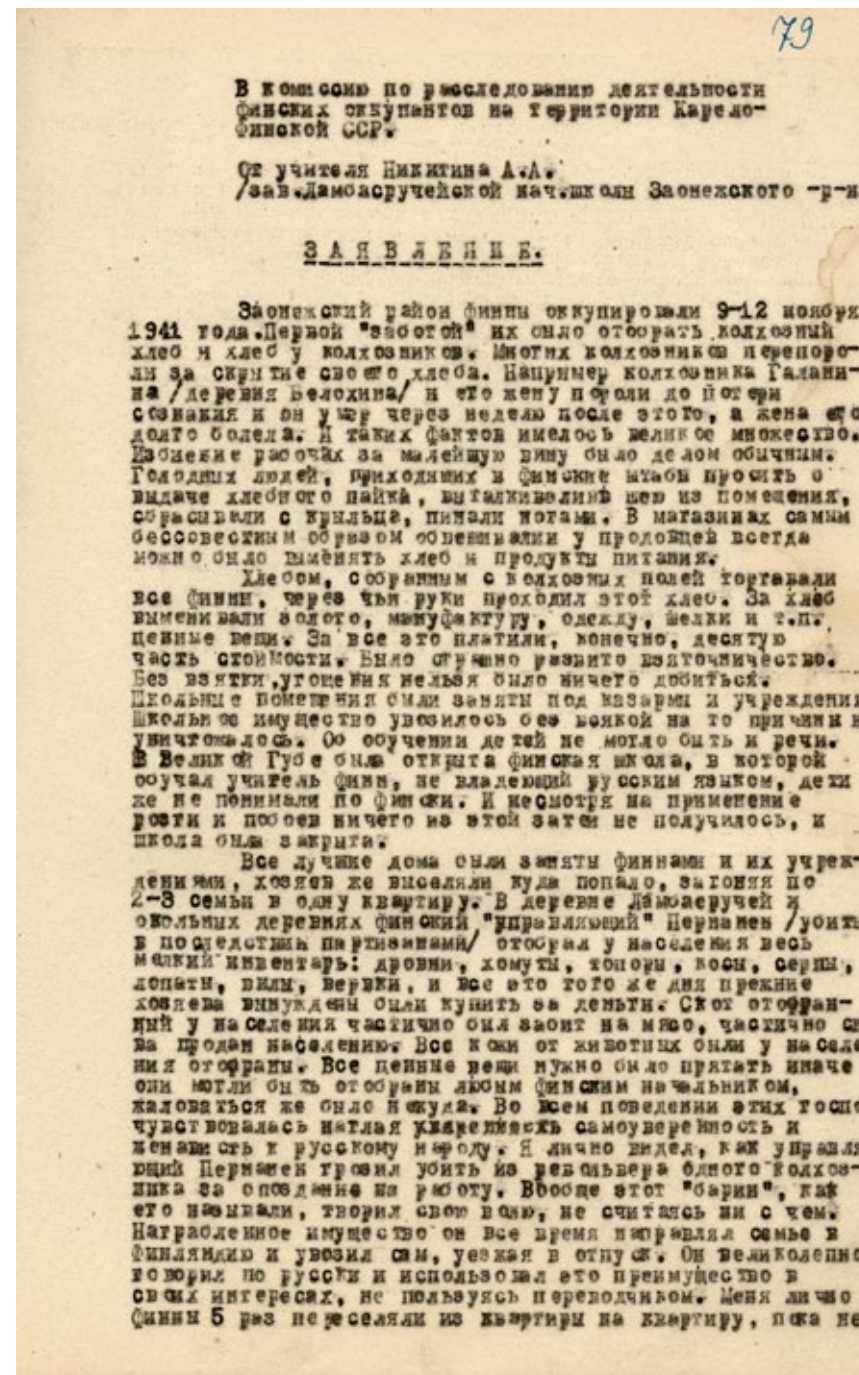
* Воспоминания написаны жителем города Петрозаводска Юрием Игнатьевичем Кононовым в 1990 г. и направлены автором в редакцию газеты «Ленинская правда». С согласия автора воспоминания были переданы на хранение в НА РК.

** Дата событий.

*** Так в документе. Имеется в виду однопутный железнодорожный мост на перегоне Подпорожье – Свирь, построен в 1916 г.

17. Заявление заведующего Ламбасручейской начальной школой А. А. Никитина в Чрезвычайную государственную комиссию о проживании на оккупированной территории Заонежского района

18 июля 1944 г.

затянул с семьей в барачную комнату в 15 кв.метров площади. По доносу старосты Коновалова П.И. меня вызвал на допрос полицейский офицер, совместно с двумя полицейскими избили и сбросили по лестнице со второго этажа.

Два года жизни в Ламбасручье я работал на тяжелых черных работах, главным образом на заготовке дров, такой же работой занимались и другие учителя, не желавшие работать в контакте с финнами и только были отдельные случаи, когда учителя работали в канцеляриях писарями. Вообще же русская советская интеллигенция была унижена и вела жалкое существование.

Все, что здесь описано является какой то ничтожной частью того физического и нравственного издевательства, которому подверглось русское население на территории Карело-Финской республики, временно оказавшейся под властью фашистско-финских захватчиков и палачей. Несомненно, что таких сообщений соберется тысячи и перед комиссией встанет мрачная картина этих страшных лет для русского народа, случайно попавших в лапы фашистских оккупантов.

/ А.Никитин/.

18 июля 1944 г года.

Заонежский район финны оккупировали 9-12 ноября 1941 года. Первой «заботой» их было отобрать колхозный хлеб и хлеб у колхозников. Многих колхозников перепороли за скрытие своего хлеба. Например, колхозника Галанина (деревня Белохино) и его жену пороли до потери сознания, и он умер через неделю после этого, а жена его долго болела. И таких фактов имелось великое множество. Избиение рабочих за малейшую вину было делом обычным. Голодных людей, приходивших в финские штабы просить о выдаче хлебного пайка, вытаскивали за шею из помещения, сбрасывали с крыльца, пинали ногами. В магазинах самым бессовестным способом обвешивали, у продавцов всегда можно было выменять хлеб и продукты питания.

Хлебом, собранным с колхозных полей, торговали все финны, через чьи руки проходил этот хлеб. За хлеб выменивали золото, мануфактуру, одежду, шелка и т. п., ценные вещи. За все это платили, конечно, десятую часть стоимости. Было страшно развито взяточничество. Без взятки, угощения нельзя было ничего добиться.

Школьные помещения были заняты под казармы и учреждения. Школьное имущество увозилось без всякой на то причины и уничтожалось. Об обучении детей не могло идти и речи. В Великой Губе была открыта финская школа, в которой обучал учитель финн, не владеющий русским языком, дети же не понимали по-фински. И несмотря на применение розги и побоев ничего из этой затеи не получилось, и школа была закрыта.

Все лучшие дома были заняты финнами и их учреждениями, хозяева же выселялись куда попало, загоняя по 2-3 семьи в одну квартиру. В деревне Ламбасручей и окольных деревнях финский «управляющий» Пернанен (убитый впоследствии партизанами) отобрал у населения весь мелкий инвентарь: дровни, хомуты, топоры, косы, серпы, лопаты и вилы, веревки, и все это [не позднее] того же дня прежние хозяева вынуждены были купить за деньги. Скот, отобранный у населения, частично был забит на мясо, частично снова продан населению. Все кожи от животных были у населения отобраны. Все ценные вещи нужно было прятать, иначе они могли быть отобраны любым финским начальником, жаловаться же было некуда. Во всем поведении этих господ чувствовалась наглая самоуверенность и ненависть к русскому народу. Я лично видел, как управляющий Пернанен грозил убить из револьвера одного колхозника за опоздание на работу. Вообще этот «барин», как его называли, творил свою волю, не считаясь ни с чем. Награбленное имущество он все время направлял семье в Финляндию и увозил сам, уезжая в отпуск. Он великолепно говорил по-русски и использовал это преимущество в своих интересах, не пользуясь переводчиком. Меня лично финны 5 раз переселяли из квартиры в квартиру, пока не загнали с семьей в барачную комнату в 15 м² площади. По доносу старосты Коновалова П. И. меня вызвал на допрос полицейский офицер, совместно с двумя полицейскими избили и сбросили по лестнице со второго этажа.

Два года жизни в Ламбасручье я работал на тяжелых черных работах, главным образом на заготовке дров, такой же работой занимались и другие учителя, не желавшие работать в контакте с финнами, и только были отдельные случаи, когда учителя работали в канцелярии писарями. Вообще же русская советская интеллигенция была унижена и вела жалкое существование.

Все, что здесь написано является какой-то ничтожной частью того физического и нравственного издевательства, которому подвергалось русское население на территории Карело-Финской республики, временно оказавшейся под властью фашистско-финских захватчиков и палачей. Несомненно, что таких сообщений соберется тысячи и перед комиссией встанет мрачная картина этих страшных лет для русского народа, случайно попавшего в лапы финских оккупантов.

А. Никитин

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 79-80. Копия. Машинопись.

18. Из протокола допроса М. О. Паананен*
о ее нахождении в Колвасозерском лагере

7 октября 1944 г.

№ 620
НКВД СССР 129

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. 7 октября мес. 7 дня Я. М. Паананен именем
Ольга допросна в качестве _____
должности, звания, органа, фамилии

- Фамилия Паананен
- Имя и отчество Марта Осиповна
- Дата рождения 1923 года
- Место рождения Карело-Финская ССР Куединский р-н
дер Коккасали
- Местожительство Карело-Финская ССР Куединский р-н дер Тимтеинен
- Нац. и гражд. (подданство) Финляндия
- Паспорт Бюро Союзного НКВД в 1939 г. выдан в семье
вогда и какому органом выдан, номер, датиров. и место хранения
Ров. район Рыболовского района с. Оривеинен паспорт
суд. деп. Оривеинен при вступлении в паспорт № 1942 года
- Род занятий Секретарь район. в раск. на пенсии Р.О.Н.
число службы и должность
- Социальное происхождение из рабочих
род занятий родителей и их имущественное положение
- Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - до революции _____
  - после революции Учитель
- Состав семьи мать Паананен Мария Тимофеевна
близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий
младший сын Оскар Марко Юрьевич Куединский
в 1941 году в плен СССР.

Зак. 2046

Показания обвиняемого (свидетеля) Паананен Марта Осиповна 129
7 октября 1944 г.

Вопрос: Где, когда и при каких обстоятельствах
ты пошла в плен в Финляндию.

Ответ: В августе 1944 года в дер Тимтеинен своего родного
района колхоз им. Векерова все население и
остатки оставшихся от эвакуации для уборки
урожая который предполагали до 5/11 1944 года
из дер Тимтеинен эвакуировали
нас в дер Куединский после чего проводили
против врага для не успевших эвакуи-
роваться в плен захватили, арестовали в плен.
То приходу арестован в плен нас нас обра-
дано, что мы не попали в плен, но не успели
мы уйти в плен, так как в плен попали
в дер Тимтеинен. Утром в 8 часов я пошла
в село Видицы за продуктами для себя
и для семьи. Я шла в плен, но не успела
идти в плен, так как в плен попали
хорошо арестовали в плен.
Через два дня я работала в плен на работу
в колхозе в колхозе уборщиков, работавших
после ухода отсюда в плен, но я не успела
я одна не успела отсюда свой плен, последняя
работавшая в плен, последняя и кто то из плен
об этом сообщит, забег, забегавшая в плен, я
и была в плен, забегавшая, но забегавшая из плен
я и забегавшая в дер Тимтеинен, забегавшая
не работавшая до 16/10 1944 года.
16/10 1944 года меня убили в плен, забегавшая
Меня забегавшая на забегавшая в плен, забегавшая
за 10/10 1944 года забегавшая забегавшая
за забегавшая забегавшая забегавшая
В.В. забегавшая забегавшая забегавшая
и забегавшая в плен, забегавшая забегавшая
То забегавшая в плен, забегавшая забегавшая
в плен, забегавшая забегавшая забегавшая
плен, забегавшая забегавшая забегавшая
1/2 забегавшая забегавшая забегавшая
работавшая Подпись

Вопрос: Где, когда и при каких обстоятельствах вы попали в плен к финнам?

Ответ: В августе 1941 г. в д. Гиттойла Олонецкого района, колхоз им. Егорова, всю молодежь и одиночек оставили от эвакуации для уборки урожая, которую произв[ели] до 5.09.1941 г.

5.09.1941 г. из д. Гиттойла эвакуировались в д. Куйтежу того же района, прожив два дня, не успели дальше эвакуироваться и были захвачены финнами в плен. По приказу финских властей нам было объявлено, что можно ехать по своим местам прежнего жительства, и я вернулась в дер. Гиттойла. Прожив 10 дней, я поехала в село Видлицы за получением продуктов для себя, где меня спросили, не желаю ли я остаться на работу, так как я владею хорошо финским языком.

Через два дня я решила идти на работу в магазин в качестве уборщицы, проработала 1 месяц, меня оттуда уволили из-за того, что я одной женщине отдала свой паек, последняя рассказала другим женщинам, и кто-то из них об этом сообщил завед[ующему] магазина, которым я и была уволена с работы, по увольнению из магазина я возвратилась в д. Гиттойла, нигде не работала до 16.12.1941 г.

16.12.1941 года меня увезли в Финляндию, местечко Миеслахти, на учительские курсы, где я находилась до 10.05.1942 г. Оттуда была исключена за организацию памяти смерти В. И. Ленина**, после этого вели допросы и увезли в концлагерь Колвасозеро.

По прибытии в лагерь Колвасозеро работала в столовой, где питались финны, в качестве повара, после чего работала в столовой лагеря 1½ месяца, остальное время ходила на уличные работы.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях со стороны финских властей.

Ответ: Будучи в лагере Киндасово^{3*}, администрация лагеря издевалась над пленным гражданским населением. Весной 1943 г. еще было много снега, босиком гоняли на работу, а кто не выходил, тех избивали. Убивали граждан за то, что выходили для поиска себе пищи. В деревне, ее не помню, Ведлозерского р[айо]на отправляли на лесозаготовки Васильева Ивана Степановича, последний сказал, что сапоги в ремонте, и по ремонту^{4*} их он выйдет на лесозаготовки, за это его избили до бессознания, а впоследствии [он] направлен был в больницу в Петрозаводск, где через четыре дня умер.

Проживая в лагере Колвасозеро, я, Гагарина Надежда Петровна, Демоева Елизавета Петровна, Никутьева Ирина Федоровна договорились совершить побег в СССР, но бывшая партизанка Тарасова Дора, имея [свою тайную] цель, предложила нам убежать, на что мы ей дали согласие. Одни мы собирались уйти летом, но Тарасова нам предложила уйти в марте, и сама об этом сообщила начальнику лагеря, в результате чего 15/III-43 г. нас всех арестовали и посадили в будку дер. Тикши близ Ругозера. В лагере Колвасозеро пособничеством финской администрации занималась Кеттунен Хельми Андреевна, уроженка Финляндии, проживала в Сегозерском районе с. Паданы, в настоящее время находится в Финляндии.

Вопрос: Что за причина побудила вас уничтожить комсомольский [билет]?

Ответ: В райкоме комсомола говорили, что в тех случаях, когда нет возможности сохранить комсомольский билет и они могут попасть в руки противника, в тех случаях лучше уничтожить их самим, что нами и было сделано при вступлении финнов.

Вопрос: Что еще желаете дополнить?

Ответ: Дополнить больше ничего не могу, протокол мне зачитан, с моих слов записано правильно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8300. Л. 122–124. Подлинник. Рукопись.

* Паананен Марта Осиповна, 1923 г. рождения, уроженка деревни Коккосалми Кестеньгского района, карелка. Перед войной работала в деревне Гиттойла Олонецкого района.

** Имеется в виду памятное мероприятие в честь В. И. Ленина.

3* Так в документе, возможно, имеется в виду Колвасозеро.

4* Следует читать: когда отремонтируют сапоги.

19. Из протокола допроса М. Н. Партанен* о ее нахождении в Колвасозерском концлагере и Киндасовской тюрьме

7 октября 1944 г.

Вопрос: Где, когда и при каким путем вы попали в плен к финнам?

Ответ: Из Олонецкого района село Тулокса я со своей мамой и сестрой 21.07.1941 г. эвакуировалась в тот же район, сельсовет Обжанский, где я работала в колхозе, а сестра в Каррыбе до 4.09.1941 г. 5.09.1941 г. нам объявили, что нужно эвакуироваться и пообещали машину, прождав машину в 11 часов дня мы уже были окружены финнами. Пробыв в Обже 5 дней в плену, нас перевезли в Ильинский сельсовет. Я работала на пилке дров, а сестра на стирке белья для финнов, проработали до мая м[еся]ца 1942 г., были перевезены на родину в Тулокский сельсовет д. Рабала. До октября 1942 г. работала опять на пилке дров.

В сентябре 1942 г. военнопленный, бежавший из Финляндии, зашел к нам покушать и узнать дорогу. Я его накормила и рассказала дорогу, за что я была арестована финнами и посадили [меня] вместе с матерью в будку, просидев в будке 8 суток, по болезни матери мы были освобождены.

В январе 1943 г. меня судили за то, что я дала хлеба и рассказала дорогу бежавшему военнопленному и не сказала об этом финским властям, за что мне было дано 2½ месяца тюремного заключения и посадили в тюрьму Кинас-Вара^{**}. По истечении срока наказания мне предложили дать подписку о том, что при появлении всех подозрительных лиц сообщать об этом финским властям. Имея братьев на советском фронте, я от дачи такой подписки отказалась и сказала, что изменять родине не буду, за что вместо родины меня направили 18.05.1943 г. в лагерь Колвасозеро. Прожив в Колвасозерском лагере до июня 1944 г., после чего весь лагерь был переведен в д. Лужма, где и проживаю по настоящее время. Находясь в лагере Колвасозеро, работала на полевых работах и в столовой лагеря в качестве повара, где питались лагерники.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях со стороны финнов?

Ответ: Меня лично финны не били, но будучи в тюрьме, они очень избивали мужчин и при уходе финнов из д. Лужма одним финским сержантом был избит Патракеев Иван, больше о злодеяниях со стороны финнов сказать ничего не могу. [...]

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8300. Л. 127–128 об. Подлинник. Рукопись.

* Партанен Мария Николаевна, 1919 г. рождения, уроженка деревни Рабала Олонецкого района, карелка. Перед войной работала в колхозе «Красная Тулокса».

** Деревня Киндасово.

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРСОА

К ДЕЛУ № _____

194 г. Октябрь мес 7 дня Я Мед. 11-й отдел НКВД
Музыков допросил в качестве

1. Фамилия Турталаев
2. Имя и отчество Мария Николаевна
3. Дата рождения 1919 года
4. Место рождения Карелия-Финляндия ССР Олонецкий р-н дер Рабано
5. Место жительства КарССР Олонецкий р-н дер Рабано
6. Нац. и гражд. (подданство) Карелия

7. Паспорт Олонецкого НКВД № 61938, издан в Карелии в Олонецком
Олонецком паспортном пункте в 1943 г. Карелия при аресте

8. Род занятий Красная Армия "неизвестно"
место службы и должность

9. Социальное происхождение Рабано
род занятий родителей и их имущественное положение

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
- а) до революции _____
  - б) после революции Рабочий

11. Состав семьи Турталаев Евгений Николаевич, сестра
близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий
Турталаев Евгений Николаевич, проживающий в Олонецком
районе дер Рабано Карелия; Турталаев Николай Нико
лаевич и Федор Николаевич в Красной армии
с начала войны связи с ними не имели

Лист 2046а

1948
Показания обвиняемого (свидетеля) Турталаев Мария Николаевна
7 Октября 1944 г.

Вопрос: Где, когда и какими путями вы попали в плен в Финляндию.

Ответ: Из Олонецкого района сел Туркела я с своей
матерью и сестрой 21/10 1941 года эвакуировались
в тот же район селовоен Виталавай езд и работая
на в лесхозе, сестра в Карелию до 4/12 1941 года
5/12 1941 года нам объявили что нужно эвакуироваться
и поехали машиной, проехав машину в
11 часов дня на пути были окружены финляндцами.
Тройка в составе 5 человек в плену нас перевезли в лесной
склад селовоен и работавшая на складе сестра
на старке была для финнов проработала до
мая 1942 года 3 раза перевезли на поезде
в Туркелский селовоен дер Рабано. По сентябрю 1942
работала склади на складе сров.
В сентябре 1942 года военкомский батальон из
Финляндии захватил нас похитив и уезжая
дорогу я его захватили и раскладывая дорогу за
мной я была арестована финляндцами и поехали
в лесной с лагеря в Вудну, проехав в финск
8 суток на лесной лагеря мы были освобождены.
В сентябре 1943 года меня судили за то что я
дала пищу и раскладывая дорогу финляндцам во время
пленения и не сообщила об этом финляндцам в плену
за что мне было дано 3 месяца тюрьмы за
молчание и посадили в тюрьму Рабано-Вара.
То молчание было наказанием, мне предложили сделать
подпись в том, что при заключении всех подруги
знали, что собирались бежать и в тот
момент подписать отрывались от нас в лесной
подпись, меня допрашивали 18/10 1943 года в лагере
Работе озеро. Провел в лагере озерном лагере
до ноября 1944 года носил всю вещь лагеря был
перевезен в дер Путьява, еще и ухаживала за
матерью в плену. Наказание в лагере Работе озер
работала на полевой работе и в лесной склади.

Лист 2046б

20. Из протоколов допросов Н. Н. Петракова* о проживании в оккупированном городе Петрозаводске и пребывании в концлагере № 2

17 января 1942 г.

[...] *Вопрос:* Когда и при каких обстоятельствах вы попали в плен к противнику?

Ответ: 4 сентября 1941 года наш л[есо]завод эвакуировался в Шарью. Я вместе со своей семьей доехал до Вытегры на барже, оттуда по распоряжению директора Фукалова был направлен обратно в Соломенное для произведения расчетов с оставшимися там рабочими. Побыв в Соломенном и в Пудоже, куда я ездил за деньгами в связи с тем, что банк эвакуировался в Пудоже, до 24 сентября я погрузился на баржу, которая следовала с остатками оборудования завода в Вытегру. На этой же барже было погружено около 1000 человек, эвакуированных из Петрозаводска. 25 сентября 1941 г. в 12 ч. ночи баржа вышла из Петрозаводска. Утром 26 сентября в связи со штормом нашу баржу оторвало от буксира и выбросило на берег около маяка «Брусно» Шелтозерского района.

28 сентября подошли финны и всем находящимся на барже предложили выйти на берег со всеми вещами и следовать в д. Вехручей. Выгрузка происходила примерно 3 дня. Всех выгруженных привезли в д. Вехручей, а оттуда постепенно, часть на автомашинах, часть своим ходом, отправили в Петрозаводск. Я прибыл в Петрозаводск 8 октября 1941 г. на автомашине без конвоя. Нам предложили явиться к коменданту города. Последний нас не принял и предложил явиться 9 октября, я и еще несколько человек явились к коменданту, последний всем дал направление к месту жительства, т. е. кто куда хотел. Мне разрешили поехать в Соломенное, т. к. там имею свой дом.

В Соломенном я проживал до 20 октября. Примерно через 3–4 дня ходил в Петрозаводск получать хлебный паек — сухари и сахар, который давали в комендантской по справкам бесплатно. Давали примерно 200 г галет и несколько кусков сахару — без веса.

20 октября я и вообще все мужское население в возрасте от 17 до 50 лет было водворено в лагерь (в домах быв[шей] Северной точки**). В лагере я находился до 10 декабря 1941 г. Всех находящихся в лагере мужчин выводили на работу по очистке города и заготовке дров — сначала без конвоя, а потом под конвоем. Я лично, как инвалид (нет руки), на работу не ходил. Каждому находящемуся в лагере выдавали по 150 г муки на день и по несколько кусков сахару.

11 декабря 1941 г. по фиктивной справке, выданной мне рабочим Онегзавода Егоровым о том, что у меня советский паспорт сдан на прописку, получил финский паспорт на свое имя.

Вопрос: Каким образом Вам удалось уйти из плена?

Ответ: Мысль о побеге из плена у меня возникала с первых дней пленения, но не решался пройти линию фронта. Как только замерзло Онежское озеро, я решил осуществить свое намерение. Под предлогом похорон матери я получил разрешение выйти из лагеря на сутки и, воспользовавшись этим, 10 декабря ушел к себе в Соломенное, где стал вести подготовку к побегу, т. е. выяснил, что берег Онежского озера не охраняется, подыскал себе лыжи, проверил, замерзло ли озеро, заготовил на 2–3 дня продукты и 26 декабря в 1 час ночи вышел через Онежское озеро — взял курс на Шалу. Шел 2 суток. Пришел в устье Шалы 29 декабря ночью. Когда пришел в деревню, встретил сторожа, спросил у него, где воинские части, и явился в часть. Из устья Шалы меня с конвоем направили в Песчаное, где был допрошен капитаном погранвойск, фамилию хорошо не помню, кажется, Чернигов. Оттуда был направлен в Челмужи, где и передан

в НКВД. После 5-кратных допросов работниками РО НКВД меня направили в Римское, где выдали документ и освободили.

Вопрос: Проживая на территории, занятой противником, и в момент нахождения в лагере, Вы подвергались допросами и личному обыску?

Ответ: Нет, не подвергался. Ни меня, ни других граждан СССР, находившихся вместе со мной на барже и в лагере, никто не допрашивал и не обыскивал.

Вопрос: Какова судьба остальных гр[ажд]ан, попавших в плен к противнику вместе с Вами?

Ответ: 19 сентября 1941 г. финские военные власти издали приказ о явке к военному коменданту всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. 20 и 21 сентября по городу Петрозаводску были произведены облавы, и все мужское население этого возраста, находившееся в городе, было выдворено в лагерь. Женское население города и все остальное население окружающих деревень проживало свободно. Было ограничено лишь время передвижения по городу [разрешено] с 6 час[ов] утра до 8 час[ов] вечера.

Вопрос: Какой режим был установлен для гр[ажд]ан, находившихся в лагере?

Ответ: Все граждане, попавшие в лагерь, были переписаны, но последующей проверки не было. Сам лагерь через 2 дня был обнесен колючей проволокой, а в воротах поставлена охрана. Время подъема и отхода ко сну установлено не было. Всех могущих работать выводили на работу сначала без конвоя, а потом уже под конвоем. Возвращались с работы в 4 часа дня. Кормили плохо, выдавая 150 г муки на день. Горячей пищи не было, кипяток грели сами. Были случаи, когда кто-либо отказывался от работы, тех охрана избивала. Кто персонально подвергался избиениям я сказать не могу, т. к. фамилий их я не знаю.

Вопрос: При побеге из плена вас кто-либо задерживал?

Ответ: Нет, мне удалось уйти незамеченным.

Вопрос: О своем намерении бежать вы кому-либо говорили?

Ответ: Об этом я говорил только рабочему Онегзавода Егорову, с которым познакомился в лагере и был в хороших отношениях. Он мне на это ничего не сказал, но сам, имея 48 лет от роду, бежать не решился, хотя семья у него эвакуирована в гор. Рыбинск. Больше я о своем намерении никому не говорил, т. к. боялся, что об этом узнают финские власти и мне не удастся бежать. [...]

20 января 1942 г.

[...] *Вопрос:* Расскажите, когда, где и как вы перешли линию фронта и попали в пос. Шальского лесозавода?

Ответ: 26 декабря в 1 час ночи я вышел из своего дома, находящегося в поселке Соломенное, Онежская наб., 13. С собою взял 10 сухарей, 2 кг хлеба, белую простынь и одежду (брюки, полуботинки, женские платья и прочее), всего груз у меня был килограмм 10. Вышел на лед в Петрозаводскую губу, завернулся в белую простынь и на лыжах пошел в полукилометре от берега по направлению к Ивановским островам. Ночью обогнул Ивановские острова, примерно в 1 км я взял курс на восток. Днем мне стал виден Клименецкий маяк, по которому я и держал направление. На следующую ночь я прошел Клименецкий маяк примерно километров в 5. [...]

Мне как инвалиду выдавали норму продуктов бесплатно, т. е. за 20 дней декабря месяца я получил муки 4,1 кг, сахару 1 кг, спичек 4 кор[обки], соли 0,5 кг (маргарин 150 г за деньги).

Стоимость муки 5,5 марок за кг, маргарин 40 марок кг, стоимость других продуктов мне неизвестна.

Населению разрешено передвигаться и ходить по улицам с 6 ч. утра до 8 ч. вечера. Из Соломенного в Петрозаводск население ходит свободно без пропусков.

20 и 21 октября 1941 г. финскими властями был издан указ и одновременно произведена облава, в результате которой все гражданское мужское население от 17 до 50 лет было заключено в специальные лагеря. Лагеря были организованы в домах лыжной фабрики, Северной точки, на ул. Калинина в больших домах, на Кукковке и по Вытегорскому шоссе. Каждый лагерь обнесен колючей проволокой, заключенные в лагере носят на рукаве красную повязку. Трудоспособные используются на различных работах. В лагере № 2, что располагается в домах Северной точки, жили одиночные мужчины из Петрозаводска, в других лагерях жили люди исключительно семейные с районов Вознесенья и Свири.

Население призывного возраста в п. Соломенное и в Заонежском районе было оставлено на свободе. В лагеря заключались только русские, финны и карелы оставались на свободе.

Согласно распоряжению финских военных властей, все русское население г. Петрозаводска было переселено в Зарецкий район. Финны и карелы были размещены по другую сторону реки.

Финнам и карелам выдают паспорта иного цвета, нежели русским. Увеличивается норма выдачи продуктов питания.

Русское население к финским властям относится враждебно.

Город Петрозаводск переименован, по-фински наз[ывается] Янислинна, что в переводе означает «Онежский замок». Улицы имеют прежнее название.

По словам жителей, памятники Ленину и Кирову сняты и увезены в г. Хельсинки.

В Онежском заводе работает Онежская мастерская.

В поселении Логморучей, около Соломенного, финнами организован лагерь военнопленных. Допрос окончен в 17 часов 20.1.42 г. Показания с моих слов записаны правильно и мне прочитаны.

Архив УФСБ России по РК. ЛТД № 11. Л. 23, 24–28. Копия. Машинопись.

* Петраков Николай Николаевич, 1902 г. рождения, уроженец Винницкого района Ленинградской области, русский. Участник Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., в результате ранения потерял руку. Перед войной проживал в поселке Соломенное, работал на Соломенском лесозаводе № 3 счетоводом.

** Северная Точка – поселок при судостроительном заводе в Петрозаводске.

21. Из воспоминаний Н. А. Стригиной* о жизни в оккупации в деревне Космозеро

1941–1944 гг.**

[...] Перед отправкой папы на фронт он успел отправить семью на барже в Заонежье к своим родителям. До войны у нас умерла мама, осталось трое детей, сначала нас воспитывала бабушка, а потом папа привел в дом молодую жену. И поэтому младшая моя сестра Нина перед войной была сдана в Дом малютки, ей был 1 год и 7 месяцев. После войны мы ее искали, но нам сказали, что баржа, с которой эвакуировался Дом малютки, была потоплена. Город бомбили, многие баржи с людьми утонули, а нам повезло. Так мы приехали на папину родину в село Космозеро. Мы поселились в старом доме папы. Вслед за нами эвакуировалась из Кондопоги семья его брата Михаила Григорьевича. Мне было 10 лет. [...] Я приехала в летнем сарафане, бабушка сшила накидку, в ней и ходила. Зимой, когда на озере Космозеро встал лед, его перешли лыжники в белых маскхалатах с автоматами. Это была финская разведка. Затем в деревню пришла

финская часть, расположился штаб. Жителей, чьи дома понравились, финны выгнали из родных домов. В огромном доме бабушки Ульяны и дедушки Фили Горшковых, маминых крестных, жил генерал, располагались связисты, у крыльца стоял часовой. Нас тоже выселили из дома, на окраину села, в пустой холодный дом. А в нашем большом доме разместились финские казармы. Кто-то донес, что мы семья красноармейцев, и нас потом переселяли из дома в дом 5 раз. В деревне Артово, в доме, где мы жили, размещалось 5 семей. В этой деревне было много финнов. В доме родственников папиной сестры, Федотовых, сделали гараж: дом был 2-этажный, финны выпилили низ, оставили балки и сделали внизу гараж. Финны мостили дорогу, а мы, дети, собирали камни, все руки были перебиты из-за тяжелой работы. Тетя взяла меня с собой, потому что финны давали похлебку. Мачеха работала на конюшне, ухаживала за лошадьми. Тетя, Мария Петровна Федотова, работала на строительстве дороги. Однажды она принесла за свою работу немного жира. Как-то раз она гнала по дороге племенных лошадей, откуда-то их пригнали финны. В это время навстречу шла финская машина, поднималась в гору, водитель не справился с управлением, ударил одну лошадь машиной, а других придавил к дому у дороги. Мать за это посадили в «холодную», так называли тюрьму. Вся деревня плакала, думали, что ее расстреляют. Но выяснили, что она не виновата, и ее отпустили. После гибели лошадей мать принесла в миске их кровь, было немного муки, напекли лепешки. Детям было запрещено гулять на улице, но все-таки мы ходили в лес летом за грибами, за хворостом с дедушкой, собирали гнилую мороженую картошку. Бабушка из картофельных очистков пекла черные лепешки, жили впроголодь. Несколько раз в деревню ночью приходили партизаны. Днем всех финны сгоняли на площадь, пугали, если кто-то был связан с ними, сажали в «холодную»; потом эти люди исчезали, наверное, их расстреляли. Однажды привезли убитых финнов, всех жителей собрали и под дулом пистолета допрашивали: «Рушкая швинья, говори, где партизаны». Все очень боялись. Карелам и финнам, коренным жителям, жилось легче, им были даны карточки, по которым получали паек. В нашем доме была большая кладовка. Как-то раз я заглянула туда и увидела огромное количество швейных машин, награбленных у местного населения. Их было много, стояли на полках до самого потолка машинки фирмы «Зингер». Я проговорила об этом в деревне, мне сказали: «Никому об этом не говори. У нас в доме стоят велосипеды». А потом все пропало, значит, увезли. Все, что можно, финны увезли в первые годы войны. Сразу были угнаны коровы, забраны у местных жителей, и с колхозного двора. У местных жителей отобрали весь картофель. Все наше Заонежье было разделено на участки. Как-то раз нас выселили в избу и чуть не сожгли, бросили горящий матрас, думали, что мы сгорим. Бабушка вытащила нас на снег. У женщин отобрали золотые украшения, один финн хвастал награбленными кольцами. Директора школы убили, говорили, что за связь с партизанами. Его не разрешили похоронить, один старик хотел это сделать, но его расстреляли. Затем всех стариков и старух собрали, в концлагерь их не повезли, расстреляли на болоте. Финны ушли в 1944 году. [...]

Чечендаева Н., Гришкина Е. Узницы Заонежья (воспоминания Стригиной Н. А.). [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Юный архивист» 2018 г.).

* Стригина (Гуляева) Надежда Алексеевна, 1930 г. рождения, уроженка села Космозеро Заонежского района, в 1933 г. семья переехала в город Петрозаводск.

** Дата событий.

22. Из протокола допроса Ф. П. Фокина* о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

27 мая 1942 г.

Вопрос: Расскажите о жизни местного населения, находящегося в концлагере № 2

Ответ: Концлагерь № 2 размещен в бывших домах Северной Точки, в лагере находится всего населения (считая стариков и детей) около 1500 человек. Лагерь обнесен колючей проволокой, днем охраняется двумя постами: у ворот и на горе за проволочным ограждением. В ночное время внутри лагеря патрулируют 2–3 человека. Охрана лагеря состоит исключительно из финнов, численностью около 15 человек. Охрана меняется примерно один раз в месяц большей частью, а иногда только частично. По разговорам бывшего переводчика Денисова Петра Григорьевича и многих лагерников, охрана лагерей прибывает с фронта на отдых и после смены опять направляется на фронт. Начальство концлагеря состоит из начальника лагеря, заместителя начальника, коменданта из среды лагерников и из переводчика. Начальником лагеря является финн (фамилия его мне неизвестна), примерно 30 лет, заместитель начальника также финн (фамилии его я не знаю). Комендантом из среды лагерников является Пим Валентин, переводчик тоже из среды лагерников Пастухов Василий. Кроме того, из лагерников назначаются старшие домов и старшие квартир, которые следят за порядком в домах и квартирах, ежедневно докладывают начальнику лагеря о всех происшествиях и нарушениях внутрилагерного режима. [...]

В концлагере следующий распорядок дня: подъема нет, но все рабочие должны быть к 7 часам утра у ворот по бригадам, работа начинается в 8 часов утра, обеденный перерыв около пол часа, но не везде. Работа кончается в 16 часов, после 18 часов не разрешается никакое движение из квартиры в квартиру, отбоя так же, как и подъема, нет. Лагерники работают по разным предприятиям, как например: на Онегзаводе, слюдяной фабрике, по обслуживанию военной полиции и военнослужащих, на электростанции. Часть лагерников работает по разбору деревянных домов, старых – на дрова, хорошие на дома увозят вглубь Финляндии, работают на хлебозаводе и на разных работах. Лагерники работают под конвоем, после работы конвой сдает их охране концлагеря. В лагере и на работе введена палочная дисциплина, за малейшие провинности избивают или заключают в карцер, где в первые 2–3 дня даже не дают хлеба, после этого дают по 300 грамм хлеба и воды. За малейшие антифинские проявления и высказывания предадут суду военного трибунала.

Для лагерников выдают по 300 г хлеба и 2 кусочка сахару в сутки, причем норма выдается на двое суток сразу. Работающие в городе получают дополнительно на два дня около 150 г муки и кусочек сахару. Кипяток лагерники варят сами после работы или утром до работы.

По квартирам раздают по одной газете «Северное слово», которая выходит один раз в неделю. Другая литература никакая не издается, а чтение советской литературы преследуется. В газете «Северное слово» печатаются информационные сообщения о ходе войны и статьи антисоветского характера. Для лагерников открыта церковь в помещении клуба Северной Точки, посещение церкви было добровольное. Другой агитационной работы никакой не ведется среди лагерников, культурные мероприятия также не проводятся.

Большинство лагерников настроено лояльно к советской власти, это видно из разговоров между собой и из того, что лагерники плохо относятся к поручаемой работе. Довольно часто бывают отказы от работы единичного характера и антифинские высказывания.

Кроме концлагеря № 2 в Петрозаводске еще имеется 5 концлагерей, в которых имеется населения около 20 тысяч.

1) Концлагерь № 1 – на Кукковке.

2) Концлагерь № 3 – в бывших домах лыжной фабрики и общежития Пединститута, всего в лагере около 6 тысяч человек.

3) Концлагерь № 4 – в бывших домах Онегзавода, в конце улицы Калинина.

4) Концлагерь № 5 – за линией железной дороги в железнодорожном городке.

5) Концлагерь № 6 – на Перевалочной бирже.

Режим во всех концлагерях одинаковый.

Вопрос: Расскажите о жизни местного населения, проживающего свободно в городе Петрозаводске?

Ответ: Местного населения, проживающего свободно, в городе около тысячи человек, в большинстве состоящего из финнов, карелов и вепсов, часть есть русских, но только женщин, детей. Мужского населения до 17 лет и старше 52 лет.

В городе открыто две школы: одна на шоссе 1-го Мая напротив немецкого кладбища, бывшая школа № 6, и другая на Зареке, около домов Онегзавода (улицы точно не помню). Учеба в школах проводится на финском языке, учатся в них только финны, карелы и вепсы. Ученикам преподают следующие предметы: главный предмет закон Божий, арифметика, финский язык (других предметов не знаю). В бывшем здании государственного Драматического театра открыт кинотеатр, фильмы демонстрируются на финском языке, но только бытового характера. Открыта больница в Зарецком районе, других лечебных заведений в городе не имеется. Открыто 4–5 магазинов. Один на вокзале в помещении бывшей аптеки, два на проспекте Ленина около Кареллеса в бывшем продуктовом магазине и на углу улицы Комсомольской и проспекта Ленина, один на Зареке около колхозного рынка. В продаже имеется посуда, с перебоями бывают спички, конфеты и сахарин, по карточкам выдают хлеб и сахар. В бывшем помещении сберегательной кассы на площади 25 Октября открыта почта. Памятники Ленина и Кирова отвезены в бывшее помещение государственного университета, также собрана вся литература по городу. Памятник Петра Первого оставлен на прежнем месте. Радиостанции в городе нет, нет также телеграфа.

Хождение по городу разрешается с 6 часов утра до 18 часов зимой, а летом до 21 часа. Патрули проверяют паспорта у населения, если обнаруживают мужчин в возрасте с 17 до 52 лет с русскими паспортами (красные книжечки), то задерживают и направляют в концлагерь. Патрули также следят за светомаскировкой и виновных в нарушении ее привлекают к ответственности. Никакой агитационной работы среди населения не ведется. Заработную плату финнам, карелам и вепсам платят вдвое дороже, чем русским за ту же работу.

В городе охраняются только помещения штабов и склады. При выезде из города организованы посты проверки документов и пропусков на дорогах. Допрос прерван в 00 часов 50 минут. Показания с моих слов записаны верно и мною лично прочитаны.

Архив УФСБ России по РК. ЛТД № 11. Л. 112–113 об. Подлинник. Машинопись.

* Фокин Федор Петрович, 1912 г. рождения, уроженец деревни Бесовец Виданского сельсовета Прионежского района КФССР. Член ВКП(б), перед войной работал председателем Виданского сельпо. Совершил побег из концлагеря № 2 города Петрозаводска.

23. Из протокола допроса П. Ф. Якимца* о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и о положении населения в оккупированном городе

8 мая 1942 г.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы оставались на территории, временно занятой противником?

Ответ: До 25 сентября 1941 г. я в г. Петрозаводске работал по спецзаданию, делал ящики для мин, 25 сентября 1941 г. граждан, проживающих в Петрозаводске, погрузили в баржу для эвакуации на Вознесенье, в том числе и меня, напротив Шелтозера баржа наша оторвалась от парохода, нас прибило к берегу и 28 сентября 1941 г. всех находившихся в барже финны забрали в плен.

Вопрос: Когда вас взяли в плен, вы финскими властями арестовывались или нет?

Ответ: Я финскими властями никогда не арестовывался, на допросах никогда не бывал.

Вопрос: В каком лагере вы находились, назовите населенный пункт.

Ответ: Я находился во втором лагере поселок Северная Точка с 20 октября 1941 г. по 28 апреля 1942 г. [...]

Вопрос: Какой установлен режим в лагере?

Ответ: В лагере, в котором я находился, было установлено: в 6 часов подъем, в 7 час[ов] приступают к работе, в 11 час[ов] перерыв до 12.15, с 12.15 час[ов] до 16 час[ов] – рабочее время, с 16 час[ов] кончают работать. С 19 час[ов] прекращают всякое хождение, даже не разрешают заходить из комнаты в комнату. Питание выдается в двое суток один раз, на двое суток дают муки ржаной 700 г и соли и больше ничего не дают. [...]

Вопрос: Частая ли бывает смертность среди пленных?

Ответ: Да, смертность бывает частая.

Вопрос: Оказывается ли какая медицинская помощь пленным?

Ответ: Медицинская помощь пленным не оказывается. [...]

Вопрос: Какой политический режим установлен финнами?

Ответ: Какой политический режим установлен финнами я не знаю, но знаю, что ходить по городу разрешено только до 18 часов, после 18 часов ходьба по городу запрещена, иногда днем в городе проверяют документы, где необходимо предъявить им пропуск или финский паспорт, тогда можно пройти, а если не предъявишь, забирают в полицию.

Вопрос: Какая финскими властями проводится среди населения пропаганда и агитация?

Ответ: Я знаю, что в городе работает театр, кинотеатр и две церкви, но бывает ли там что, не знаю. В лагере среди пленных привозят один раз в неделю газету «Северное слово» и два раза в лагере был священник, где проводил религиозные беседы.

Вопрос: Отношение населения к проводимой пропаганде и агитации финнами?

Ответ: Находящееся население относится к финской пропаганде отрицательно, не верят, что пишется в газетах и всегда высмеивают финскую ложь, высмеивают не только русские, но их собственные рабочие финны.

Вопрос: Какие последнее время издавались приказы финнами и вывешивались в городе?

Ответ: Я видел только один приказ, в котором говорилось о правилах поведения населения во время воздушной тревоги [...].

Вопрос: По каким справкам и какими органами выдаются документы?

Ответ: Первое время документы выдавали безо всяких справок, сейчас же финские паспорта выдаются по советским паспортам. Все документы выдает полиция.

Вопрос: В каких пунктах происходит проверка документов и какие документы необходимы для беспрепятственного прохода?

Ответ: Постоянно проверяют документы на всех дорогах, идущих от города, приблизительно от города до 3 км, при проверке необходим форменный пропуск с полицейской печатью.

Вопрос: Какие нужны документы и где можно получить пропуск?

Ответ: Пропуска выдаются в комендатуре по финским паспортам, за получением пропуска нужно являться лично самому и находить причину, зачем и куда едешь.

Вопрос: Как относится финская армия к местному населению?

Ответ: Как финская армия относится к населению, я не знаю, к пленным отношение очень плохое, в нашем лагере приблизительно 70% избитых. Избивают за мельчайшее преступление.

Вопрос: Восстанавливается ли коммунальное хозяйство города?

Ответ: Коммунальное хозяйство города не восстанавливают, а разрушают, много деревянных домов разломали, памятники вывезли, мебель часть вывозят в Финляндию, а часть свозят в отдельные дома, металлом весь вывозится.

Вопрос: Как население снабжается продуктами питания?

Ответ: Нерегулярно населению выдают муки ржаной 9 кг на одного человека в месяц, дают сахар и мясо, но по сколько – не знаю.

Вопрос: Какое настроение у населения и как отзываются о Советском Союзе?

Ответ: Население с нетерпением ждет их освобождения из финского ига, приводят ряд фактов бывшей своей свободной жизни. В лагере ежедневно только и слышишь, как бы поскорее пришла Красная армия [...].

Архив УФСБ России по РК. ЛТД № 11. Л. 96–100 об. Подлинник. Машинопись.

* Якимец Павел Филиппович, 1909 г. рождения, уроженец деревни Власовка Власовского сельсовета Полтавской области. Перед войной работал преподавателем Петрозаводской профтехшколы. Бежал из концлагеря 28 апреля 1942 г.

24. Из статьи Н. Шитова «В белофинском плену. По рассказам партизан» об оккупационном режиме на захваченной территории

24 июня 1942 г.

Беспримерные злодеяния чинят маннергеймовские бандиты над советским населением временно оккупированных районов Карело-Финской ССР. Вот что рассказывают партизаны о жизни наших братьев и сестер, попавших в плен к белофиннам.

– Наша группа, – рассказывает командир партизанской группы тов. З. – побывала в двух деревнях.

[...] Колхозников белофинны почти поголовно мобилизовали на заготовку дров и на воинские перевозки. Население заставляют работать от темна до темна – по 14 часов в сутки.

Население нескольких сельсоветов насильно согнано с родных мест. Люди, потерявшие кров, имущество, бедствуют.

Белофинские мерзавцы расстреляли юношу Кириллина, больных советских бойцов, Бычкова и двух его товарищей. А после расстрела три дня не выдавали трупы родным и знакомым для погребения.

[...] Много рассказал о жизни своих односельчан недавно вернувшийся из белофинского тыла партизан К. Он видел опустошенные и разграбленные деревни, покинутые жителями, невспаханные и незасеянные поля, изможденных непосильным трудом советских людей, пухнувших с голоду детей, женщин и стариков.

Весь личный скот колхозников белофинны забрали у населения еще зимой.

Хлеб у населения белофинские захватчики забрали в первые дни своего прихода. Оставшийся колхозный хлеб растащили старосты, которым финны санкционировали этот грабеж. Людей, попытавшихся спрятать хлеб, белофинны выпороли.

Крестьяне во многих деревнях толкут ржаную солому и делают из нее хлеб. Хлеб этот колет во рту и совершенно не переваривается. Дети, когда его едят, плачут.

С осени остался невыкопанный в колхозе картофель. Колхозники пробовали его рыть для личного пользования, но белофинские наймиты-старосты и полицейские им не разрешили. Те же, кто не посчитался с полицейскими запретами и пошел рыть свой собственный колхозный картофель, были задержаны полицейскими и жестоко избиты.

Так, колхозницу Анну Максимовну Б. полицейский задержал на картофельном поле с нарытым картофелем и долго бил пряжкой ремня по голове и по спине. В паспорта всех пойманных на огороде с картофелем полицейские писали: «вор».

Нет предела зверствам и насилиям белофиннов над советскими людьми. Почти всех женщин и мужчин с пятнадцатилетнего возраста, оставшихся в деревнях У. и С., фашисты перепороли и загнали в концентрационный лагерь. Здесь их заставили строить шоссейную дорогу через лес и заготавливать дрова. В лагерях рабочий день длится по 12 и более часов.

Отдыха для людей не существует.

Избивают полицейские за всякий малейший пустяк, за каждое высказанное против захватчиков слово. Так, например, Ульяна К. в разговоре с дочкой старосты Ньюрой К. сказала, что господство финнов недолговечно. К. рассказала о разговоре с Ульяной своему отцу, тот донес в штаб комендатуры. Оттуда в деревню приехал полицейский. Он избил Ульяну К. и бросил ее в подвал. В подвале сидело еще 6 женщин, они были также избиты и загнаны сюда, — кто за протест против белофиннов, кто за рытье колхозной картошки.

Оккупанты открыто грабят местное население. Солдаты ходят по домам в роли «покупателей» мехов, часов, пальто, костюмов. Кто не знает проделок таких «покупателей» и доверчиво покажет свои часы, пальто или костюм, тот немедленно их лишится: белофинны забирают вещи и уносят их.

Белофинские изверги издеваются над национальной культурой народа. В деревне В. колхозный клуб они превратили в конюшню, библиотеку разорили, книги и мебель сожгли. [...]

Н. Шитов

НА РК. Ленинское Знамя. 1942. № 148 (24 июня). С. 2.

25. Из статьи Н. Шитова «Не забудем, не простим» о расстрелах мирного населения КФССР

11 января 1942 г.

[...] 6 декабря 1941 года в одном из поселков района М. белофинны выгнали на улицу все мирное население. Вначале они льстили советским гражданам, прикидывались чрезвычайно добрыми людьми, угощали мужчин папиросами, стараясь у них выведать, где и какие находятся части Красной армии. Но неизменно получали один и тот же ответ: «Мы ничего не знаем». Взбешенные упорством советских патриотов, белофинские звери схватили диспетчера Медвежьегорской пристани Лобуса Василия Иосифовича, слесаря механических мастерских м[естности] Пиндуши Вержбитского Ивана Викентьевича, рабочих лесозавода Пиндушской судовой Божена Ивана и других, вытащили у них деньги, документы, карманные часы, сорвали теплую одежду, валенки и тут же на окраине поселка, на глазах жен и детей, расстреляли.

О кровавых бандитских расправах над гражданами Карело-Финской республики красноречиво говорит нам следующий документ, составленный пострадавшими советскими людьми. Мы его приводим полностью.

АКТ

8 декабря 1941 года в 11 часов в бараки, расположенные между г. Повенец и деревней Габсельга, ворвались белофинны. В это время в нашем бараке находилось около 30 человек, в том числе 4 красноармейца. Красноармейцев и 16 человек местных жителей финны разули и вывели из барака. Не прошло и 15 минут, как мы услышали несколько залпов. Мы поняли, что финны расстреляли нам близких людей. Немедленно бросились в лес, откуда были слышны звуки выстрелов. Здесь лежала груда еще не остывших трупов. Среди них лежал Третьяк Петр, Колбасовский, Гром Ф., мой сын — Бобкун — и многие другие близкие нам и родные.

Граждане поселка:

Бобкун, Скрыт

Шюцкоровцы* вполне заслужили славу двуногих собак. Они стреляют в женщин, с расчетливостью профессиональных убийц и погромщиков, расстреливают мирных жителей. Антонина Яковлевна Погожилская жила в г. Медвежьегорске, откуда поехала в начале декабря 1941 г. в г. Повенец к брату. В это время Повенец захватили белофинны.

— Вместе с частями Красной армии, — рассказывает Погожилская — мы отходили по дороге. На короткое время зашли в барак. Внезапно нас окружили белофинны. Они начали издеваться над нами. Поселок в это время безудержно грабили обнаглевшие изверги. Один из находившихся в нашей комнате попытался открыть дверь. Тогда финны начали стрельбу. Стрельба велась в незащищенных женщин. Когда мы вышли, мужчин отделили от нас, направив по дороге, нас же отпустили обратно. Через некоторое время мы пошли узнать, где находятся близкие нам люди. Дорогой мы натолкнулись на груду тел. Перед нами лежали изуродованные наши мужья и братья. Белофинские звери расстреляли 8 мирных жителей и 4 красноармейцев. [...]

Н. Шитов

НА РК. Ленинское Знамя. 1942. № 9 (11 января). С. 2.

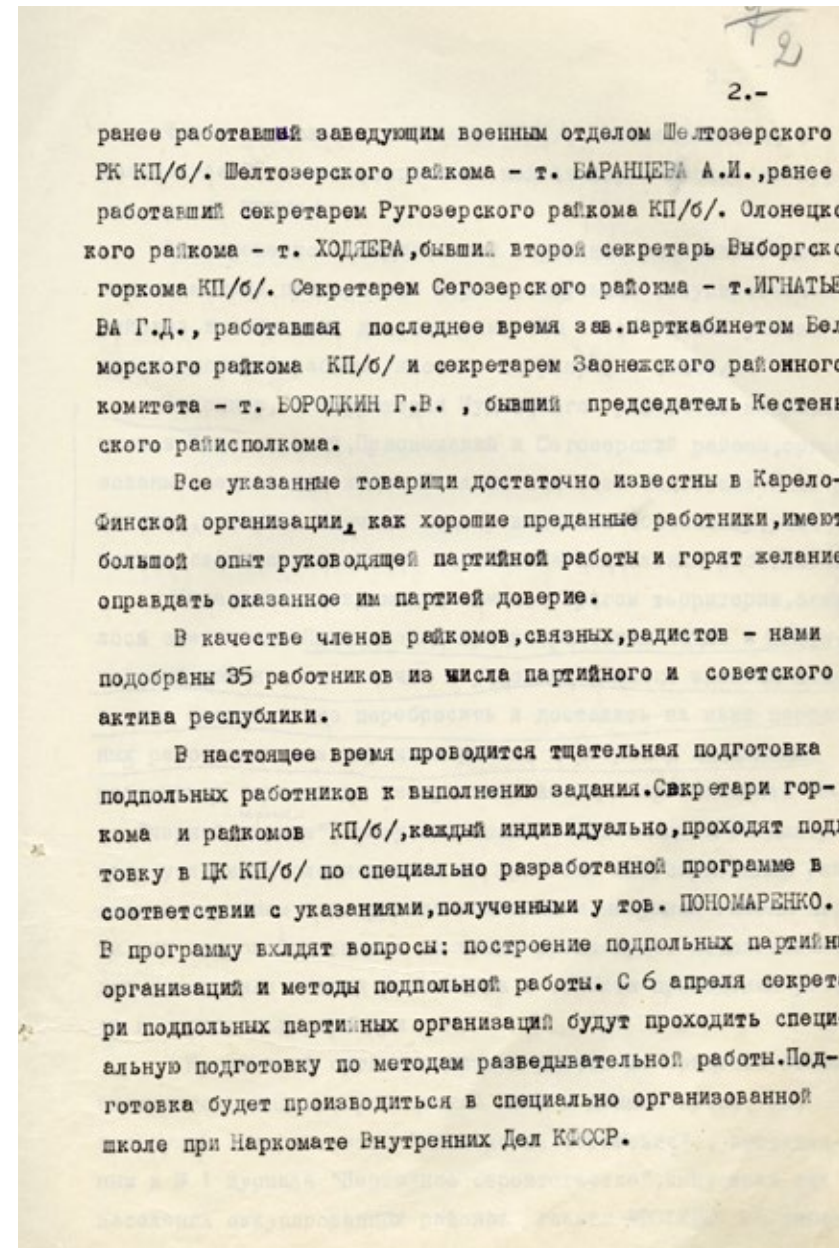
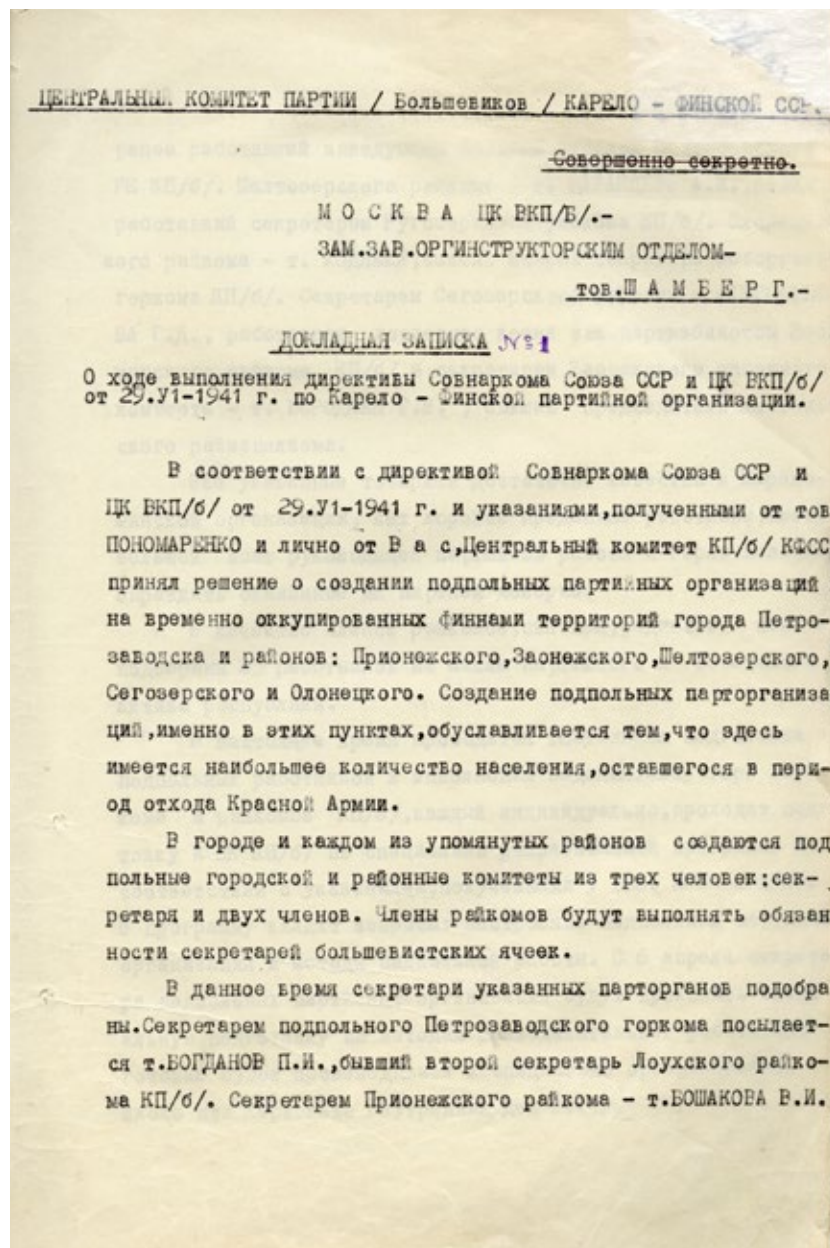
* Шюцкор — добровольная военизированная организация Финляндии. Создана в 1918 г. во время гражданской войны в Финляндии, известна как финская белая гвардия. В 1940–1944 гг. в составе Вооруженных сил Финляндии.

26. Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР
Г. Н. Куприянова заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу
о ходе выполнения директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б)
от 29.06.1941 г. по Карело-Финской партийной организации —
об оккупационном режиме, установленном в Шелтозерском
и Заонежском районах КФССР

г. Беломорск

4 апреля 1942 г.
Совершенно секретно

7.- 7

Учителя бьют учеников по лицу и ушам. В районе открыты церкви богослужение происходит в воскресные дни.

Работу по созданию большевистского подполья на территории, временно занятой противником, проводят - первый секретарь ЦК КП/б/ и заведующий организационно-инструкторским отделом.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП /б/ К-Ф. ССР.
(Г. КУПРИЛНОВ.)

" 4 " апреля 1942 г.
№ 30/20
г. Беломорск.

печатано 2 экз.
адресату.
в дело.

Куприлов

В соответствии с директивой Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП(б) от 29 VI-1941 г. и указаниями, полученными от тов. Пономаренко и лично от Вас, Центральный комитет КП(б) КФССР принял решение о создании подпольных партийных организаций на временно оккупированной финнами территории города Петрозаводска и районов: Прионежского, Заонежского, Шелтозерского, Сегозерского и Олонецкого. Создание подпольных парторганизаций, именно в этих пунктах обуславливается тем, что здесь имеется наибольшее количество населения, оставшегося в период отхода Красной армии [...].

Одновременно с подготовкой партийных работников для подполья нами приняты меры по изучению оккупированных районов для создания там необходимых условий для подпольной работы (явочные квартиры и связи) [...].

Сообщаем Вам некоторые данные, полученные нами в результате организованных кратковременных ходок на территорию, временно занятую противником.

По Заонежскому району.

Все население взято на специальный учет. Всем выданы финские паспорта. Хлеб и скот, находящийся в индивидуальном пользовании, отобран. Населению выдается до 200 г овса на человека в день. В районе введена трудовая повинность, и все население от 15 до 60 лет работает на лесозаготовках. Всеми вопросами по управлению занимается так называемый «гражданский штаб», состоящий из полиции. Во всех деревнях назначены старосты, которые подчинены полиции. Часть старост - бывшие председатели колхозов. Старосты выдают наряды на работы. Все деревни периодически патрулируются белофиннами. Ездить и ходить по деревням разрешено до 5 часов вечера. Недавно на части территории района действовала партизанская бригада. После ухода бригады все население прибрежных сельсоветов, где действовали партизаны, финнами эвакуировано частью в Петрозаводск, частью в другие места. Очищена 10-15-километровая зона по берегу Онежского озера.

В ряде сельсоветов по побережью озера расположились финские заставы пограничной стражи. Среди населения финны ведут агитацию о том, что немцы взяли Москву, что в Москве нет Сталина, Ленинград окружен, что в нем большая смертность, что граница между Финляндией и СССР будет проходить по Онежскому озеру, что большевикам не удастся вернуть Петрозаводск, Медвежьегорск и Заонежье.

В деревнях Кижы и Конда открыты церкви. Настроение населения по отношению к финнам отрицательное: школы и кино в районе закрыты. При занятии района финны обещали населению хорошо организовать торговлю промтоварами и продуктами. Однако вместо этого за 4 месяца пребывания в районе они не открыли ни одного магазина [...].

По Шелтозерскому району.

Все подходы к району заминированы, по озеру в километре от берега проложены контрольные лыжни, расположенные в два ряда на расстоянии полутора метров. Через каждые 20-30 минут по лыжне патрулируют стражники группами до 10 человек. Патрули ходят с разных сторон по лыжням навстречу друг с другом. На территории района управляют назначенные финнами старосты из местного населения [...]. Старосты получают от финских властей за свою работу по 1200 финских марок в месяц и, кроме того, наживаются за счет населения, недоплачивая ему за работы. Населению выданы паспорта, сделанные из тонкого синего картона, состоящего из одной обложки, внутри которой приклеивается фотокарточка, в большинстве случаев изъятая из советских паспортов. Население между деревнями передвигается по паспортам, для поездки в другие районы и в Петрозаводск требуется специальный пропуск.

В районе открыт только один магазин в селе Шелтозеро, который торгует спичками, ножами и пуговицами. Население используется [на работах] по подготовке к весенним сельскохозяйственным работам, по заготовке и вывозке дров и на оборонных

работах. За малейшие провинности население наказывается розгами. Такому наказанию подвергся Курганов Ефим Николаевич. В школах ученики также подвергаются телесным наказаниям. Учителя бьют учеников по лицу и ушам. В районе открыты церкви, богослужение происходит в воскресные дни. [...]

Секретарь ЦК КП(б) КФССР

Куприянов

НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3-7. Отпуск*. Машинопись.

* Отпуск — копия, которая остается в учреждении взамен исходящего документа.

27. **Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова и заведующего организационно-инструкторским отделом И. В. Власова, направленной заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу о положении на оккупированной территории КФССР — об оккупационном режиме, установленном на территории города Петрозаводска**

17 апреля 1942 г.

Совершенно секретно

При отходе из Петрозаводска частей Красной армии в городе осталось около тысячи человек не эвакуированного населения. После оккупации финские власти произвели частичное заселение города за счет завоза населения из Заонежского, Шелтозерского и Прионежского оккупированных районов Карело-Финской ССР и Подпорожского и других районов Ленинградской области. Карелам и финнам разрешается свободное проживание в городе там, где они хотят. Для проживания русских отведена территория Зарецкого района, где они должны поселяться в обязательном порядке. Значительное количество русского населения, которое эвакуировано финнами из побережья Онежского озера, заключены в концентрационные лагеря. В городе имеется три концентрационных лагеря. В каждом лагере находится от 3 до 5 тысяч заключенных, а всего в лагере имеется до 12 тысяч человек. Трудо-способные лица, находившиеся в лагерях, используются на различных работах под строгим контролем и носят на рукаве красную нашивку шириной около пяти сантиметров. В городе живут финны, приехавшие из Финляндии, они работают в различных государственных учреждениях и на Онежском заводе. [...] На предприятиях главным образом работают карелы и финны. Русским поступление на работу чрезвычайно затруднено.

После оккупации города Петрозаводска в период с 1 по 20 октября 1941 г. в городе наблюдалось полное безвластие. Некоторые лица занимались грабежом имущества, оставшегося в жилых домах, и сосредоточили у себя значительные запасы одежды и продовольствия. Это категория лиц хорошо обеспечена и недовольство финскими властями не выражает. Гражданскому населению продовольствие выдается по карточкам. Карелы и финны получают на человека 400–500 г муки в день и 1 кг сахара в месяц. Русским выдается 300 г хлеба в день, соль, одна коробка спичек на 10 дней и полкуски мыла на месяц. Продовольственные карточки выдаются на неделю. В городе работает несколько магазинов, в которых продаются различные товары широкого профиля. Введено строгое нормирование. Базары и рынки

не работают. На товары в магазинах установлены следующие цены: мука — 5 марок за килограмм, сахар — 22 марки, соль — 2 марки, песок сахарный — 21 марка, мясо конина — 15 марок, перочинный нож — 10 марок, ножи бритвенные 10 штук — 5 марок, спички коробка — 1 марка. На все товары цены выше довоенных примерно на 5–6 раз. Все магазины принадлежат частной компании «Вако», прибывшей из Финляндии.

В городе много полицейских участков. Полиция наблюдает за порядком в городе. Гражданская полиция носит на левом рукаве белый круг с черным государственным гербом. Военная полиция — белый треугольник с надписью «военная полиция». На военную полицию возложены функции наблюдения за населением. Под особо строгим наблюдением находится все русское население. Полицейские штабы в городе расположены по улице Фридриха Энгельса, 25 в доме Верховного совета КФССР. В городе имеется почта, но корреспонденция от гражданского населения не принимается. Выезд из города и въезд в город воспрещен. [...]

Свободное хождение по городу русским запрещено. Русские могут ходить только на территории Зарецкого района по месту проживания до 18 часов вечера. Появление русских в других районах карается арестом. Карелам и финнам разрешено беспрепятственное передвижение по всей территории города. [...]

Для сбора советских денег в лагерях пущена в продажу мука по 400 руб. за килограмм и махорка по 400 руб. за осьмушку. Для русского населения издается газета «Северное слово», которая распространяется среди заключенных в лагерях и частью среди городского населения. Свободных квартир в городе много. Много зданий вообще не заселены. Надзор за населенными зданиями отсутствует. Периодически полиция производит проверку документов у проживающих в домах. Стекла в зданиях выбиты, двери разбиты. Все вещи из частных квартир разграблены. Плата за квартиры не взимается.

Секретарь ЦК КП(б) КФССР

Зав[едующий] орг[анизационно-]инструкторским отделом

Г. Куприянов

И. Власов

НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 3. Л. 8-11. Отпуск. Машинопись.

15
8

№ 22 с.с.

17 апреля 2

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Лично тов. ШАМБЕРГ.

ПОДПИСАННАЯ ЗАПИСКА № 2

по территории Карело-Финской ССР, оккупированной белофиннами.

Город Петрозаводск.

При отходе из Петрозаводска частей Красной Армии в городе осталось около тысячи человек незавакуированного населения. После оккупации финские власти произвели частичное заселение города за счет завоза населения из Заонежского, Шелтозерского и Прионежского оккупированных районов Карело-Финской ССР и Подпорожского и других районов Ленинградской области. Карелам и финнам разрешается свободное проживание в городе, там, где они хотят. Для проживания русских отведена территория Заречного района, где они должны поселиться в обязательном порядке. Значительное количество русского населения, которое эвакуировано финнами из побережья Онежского озера заключены в концентрационные лагеря. В городе имеется три концентрационных лагеря. В каждом лагере находится от 3 до 5 тысяч заключенных, а всего в лагерях имеется до 12 тысяч человек. Трудо-способные лица, находящиеся в лагерях используются на раз-

142
9

личных работах под строгим контролем и носят на рукаве красную нашивку шириной около пяти сантиметров. В городе живут финны, приехавшие из Финляндии, они работают в различных государственных учреждениях и на Онежском заводе. В городе много девушек и женщин, состоящих в организации "Лотти". Они носят нарукавник - полицейский знак и используются для работы в полицейских штабах и различных учреждениях. Из промышленных предприятий в городе частично восстановлены и приступили к работе Слюдяная фабрика, на которой работают финны и карелы, Онежский завод, где производится ремонт артиллерийских орудий и бронемашин и допущены к работам только финны. Авторемонтный завод, на котором ремонтируются автомашины и орудия. Действует бензозаправочная база, находящаяся около авторемонтного завода. Введена в действие железная дорога Петрозаводск-Суоярви, Петрозаводск-Медвежьегорск. Имеется автопарк, в котором насчитывается 50 грузовых и легковых автомашин. На предприятиях, главным образом работают карелы и финны. Русским поступление на работы чрезвычайно затруднено.

После оккупации города Петрозаводска в период с 1 по 20-е октября 1941 года в городе наблюдалось полное безвластие. Некоторые лица занимались грабежом имущества, оставшегося в жилых домах и сосредоточили у себя значительные запасы одежды и продовольствия. Эта категория лиц хорошо обеспечена и недовольства финскими властями не выражает. Гражданскому населению продовольствие выдается по карточкам. Карелы и финны получают на человека 400-500 грамм муки в день и один килограмм сахара в месяц. Русским выдается 300 грамм хлеба на день, соль, одна коробка спичек на 10 дней и полкуса мыла на месяц. Продовольственные карточки выдаются на неделю. В городе работают несколько магазинов, в которых продаются различные товары широкого потребления. Введено строгое нормирование. Базары и рынки

20
15

работу послано 420 комсомольцев. В распоряжение штаба Карельского фронта 95 комсомольцев. Среди посланных 98 парашютистов, 210 лыжников, 48 радистов. Все комсомольцы выполняют боевые задания по разведке неприятельского тыла. Группа комсомольцев в Олонецком районе взорвала мост, повредила линии связи, принесла ценные сведения о расположении противника в этом районе.

Другая группа комсомольцев в составе до 5 человек уничтожила 10 белофинских солдат, взорвала две подводы с боеприпасами и собрала сведения разведывательного характера.

При отходе частей Красной Армии в поселке Соломенное были оставлены 5 комсомольцев. При помощи радиации и краткосрочных ходов в настоящее время с этими товарищами установлена связь и даются задания по созданию комсомольских организаций. Ряд комсомольцев удачно осели в районах и устроились на работы в финские государственные учреждения, а в Шелтозерском районе комсомолка работает в финском штабе машинисткой. Через этих комсомольцев также ведется разведка неприятельского тыла. Для ведения работы в комсомольском подполье ЦК ЛКСМ имеет три радиации, из которых одна уже доставлена и работает в Петрозаводске, другие две предполагается установить в Прионежском и Олонецком районах КФССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(б) КФССР: *Г. Куприянов*
(Г. Куприянов)

ЗАВ. ОРГАНИЗАЦИОННО-ИНСТРУКТОРСКИМ ОТДЕЛОМ:
(И. Власов) *И. Власов*

Отпечатано 2 экземпляра.
1-ий - адресату.
2-ой - в дело.

28. Из докладной записки секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова и заведующего организационно-инструкторским отделом И. В. Власова заведующему отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу «О работе ЦК КП(б) КФССР на оккупированной территории республики за время с 15 июня по 15 августа 1942 г.» — об оккупационном режиме, установленном в Сегозерском и Заонежском районах КФССР

21 августа 1942 г.
Совершенно секретно

[...] С целью разведки оккупированной территории и подготовки явочных квартир в течении истекших двух месяцев нами посланы и сейчас находятся на территории противника связные ЦК КП(б) в городе Петрозаводске [...] в Шелтозерском районе [...] в Олонецком районе [...] и в Сегозерском районе [...].

Установлено, что в районном центре Сегозерского района в селе Паданы проживает до 800 человек населения, кроме того, до 600 человек проживает в близлежащих деревнях. Население состоит главным образом из карел, оставшихся не эвакуированными в период отхода частей РККА. Русское население и финское, преимущественно из активистов, финские власти вывезли вглубь Финляндии и судьба их неизвестна. В деревнях управляют военные коменданты. С карельским населением финны ведут политику заигрывания. Это выражается в том, что карельскому населению выдают продукты по нормам муки 250 г в день на человека, маргарину в месяц 600 г, сахара килограмм и иногда конфеты, в то время как финские солдаты, находящиеся в Паданах, очень истощены, получают в день 6 штук черных галет и водяную похлебку, на что выражают свое недовольство и говорят населению, что в Финляндии голод, а карельское население откармливают. Это особая политика к карелам и финнам, оставшимся не эвакуированными. Продукты карельскому населению выдаются без денег по ведомости. Финские коменданты говорят: «Когда будете работать, то за продукты уплатите».

Во всем районе имеется только один магазин, в котором выдаются указанные продукты. Все колхозы ликвидированы, скот частично роздан в личное пользование карелам, частично забит финнами. Здоровые колхозные лошади взяты в армию, а остальные также отданы в личное пользование. На территории района весной произведены очень незначительные посевы, так как посевного материала финны не давали, а у населения зерна не было. Колхозные семенные фонды реквизированы и выдаются населению в счет установленных хлебных норм. Осимую колхозную рожь финны собираются убрать для Финляндии. Население призвано на труд повинность на дорожные работы, сплавы, пилку дров, молку муки и т. д.

Местному карельскому населению выданы финские паспорта зеленого цвета, продовольственные и промтоварные карточки. Все эти документы нами получены и сейчас используются для работы на оккупированной территории. Формально населению разрешено передвижение до 21 часа, но за соблюдением этого порядка власти не следят. Население ходит до 10 и 11 вечера. После оккупации финскими властями были составлены списки оставшегося населения, проверка этих списков ни разу со времени их составления не производилась. Обходов по квартирам не практикуется. Вообще коменданты за порядком и тем более за появлением новых лиц не следят, поэтому оседание в районе парторботников вполне возможно.

Для передвижения между деревнями требуется пропуск коменданта. Получить этот пропуск довольно легко. Достаточно заявить коменданту о желании пойти в со-

седнюю деревню, и пропуск выдается. Пропуск печатается на пишущей машинке и подписывается комендантом. [...]

В Заонежском районе имеется до 15 тысяч не эвакуированного населения, главным образом русского [...]. Установлено, что к русскому населению, проживающему в районе, отношение финских властей совсем иное, чем карельскому и финскому населению, проживающему в Сегозерском районе. Все население с побережья Онежского озера насильно выселено вглубь района, причем значительная часть направляется [в] концентрационные лагеря Петрозаводска. Имущество от населения конфисковано, а скот забит на мясо вплоть до курицы. Колхозы ликвидированы.

Население весной было призвано на сельхозработы. Сеяли яровую пшеницу и ячмень. Руководил посевными работами финский агроном, который издевательски заявил, что из произведенных посевов населению ничего не достанется, все пойдет в Финляндию, заставлял работать не менее 10 часов и за малейшее пререкание собственноручно избивал. Случаи избияния имеют массовый характер. Избивает комендант Ронгонен при эвакуации населения из д. Гарницы. Ронгонен избил пенсионера Северикова Филиппа Петровича за то, что тот без разрешения хотел вернуться в свой дом в дер. Лонгасы, так как ему не было места на подводе эвакуированных. Ронгонен догнал его и ударил палкой несколько раз. Продовольствие выдается только работающему населению по 350 г хлеба и пол-литра молока. В Великой Губе местному населению по несколько дней не выдавались продовольственные нормы вовсе. В мае у магазина наблюдался голодный бунт, отстоявшим в очереди женщинам объявили, что хлеба нет. Женщины кричали: «Взяли власть так и кормите». Продавец вышел из магазина и сказал, что на днях прибудет 40 тонн муки, сахарный песок, всем выдадим, а сейчас пока нет. Очередь не расходилась, тогда была вызвана полиция, которая разогнала очередь.

В приказе от 25/1-1942 г., развешенном на домах старост, говорится:

«1. Населению предлагается в 24 часа сдать все огнестрельное оружие. В случае обнаружения несданного оружия виновные будут расстреляны на месте.

2. Населению разрешается передвигаться с 7 часов утра до 20 часов вечера, всякие сборы в квартирах у соседей воспрещаются, за нарушение расстрел».

Население финскими властями недовольно и с нетерпением ждет прихода советской власти и Красной армии.

Колхозница Максимова говорит: «Скоро ли кончится война, когда придут наши. Население ждет освобождения от финского гнета с нетерпением. В деревнях по-русски разговаривать бояться. Жителей в деревне мало и те друг друга опасаются, чувствуется какая-то тяжесть от этой власти».

Старуха-жительница деревни [Габ]-Наволоок говорит нашему связисту: «У меня четыре сына в Красной армии. Вестей никаких нет. Финны, проклятые идола, разорили мой дом. Разбили стекла, вырубили пол, все разграбили, вся деревня разрушена, народ голодает».

С населением финны обращаются как с пленными.

Еще труднее приходится населению, находящемуся в лагерях в Петрозаводске. Побывавший в лагере житель Заонежского района Ларионов Василий Григорьевич, вызванный в деревню Вертилово для работы на фарватере, рассказал, что в лагерях работоспособному дают только 350 г хлеба и больше ничего. Режим очень строгий, выходящих самовольно за пределы лагеря бьют чем попало. Среди лагерников большая смертность. [...]

Секретарь ЦК КП(б) КФССР

Г. Куприянов

Зав[едующий] оргинструкторским отделом ЦК КП(б)
Карело-Финской ССР

И. Власов

НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 3. Л. 34–36, 38, 39. Отпуск. Машинопись.

* Вероятно, имеется в виду деревня Гарницы.

29. **Из докладной записки об экономическом и политическом состоянии Финляндии и оккупированной территории Карело-Финской ССР по состоянию на 10 октября 1942 г., направленной представителем Центрального штаба партизанского движения членом Военного совета Карельского фронта С. Я. Вершининым начальнику Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко – о положении населения в Кестеньгском и Шелтозерском районах**

г. Беломорск

14 октября 1942 г.

Совершенно секретно

[...] С первых дней оккупации Кестеньгского р[айо]на в дер. Топозеро было несколько оставшихся семей, но в лето 1942 г. финны насильно все население вывезли вглубь Финляндии.

В дер. Кушеванда существует строгий режим, если местный житель появится на улице после 20 часов без специального пропуска, подлежит расстрелу. Спецпропусков, как правило, населению не выдают.

За малейшие преступления местное население подвергается телесному наказанию. Так, например, 13-летний мальчик Трофимов Павел был избит розгами за то, что не мог своевременно уступить дорогу коменданту гарнизона.

За оказание какой-либо помощи партизанам местное население по приказу финского командования подлежит смертной казни через повешение.

При захвате территории Кестеньгского р[айо]на белофинны колхозы распустили, весь скот, как общественный, так и находящийся в личном пользовании колхозников, а также и другое колхозное имущество конфисковали и увезли в Финляндию.

Впоследствии несколько коров было передано в пользование колхозников из числа больших и негодных для финнов, и то на кабальных условиях.

Вся тягловая сила также финнами от населения отобрана. Вследствие чего полевые работы 1942 г. население было вынуждено проводить своими собственными силами без лошадей. В силу этого урожай был слишком низок и хлеб, который получен, отобран полностью финскими властями.

Населению выдается по норме 7,5 кг муки на человека или в среднем по 250 г в день, причем качество муки выдается плохое. [...]

Положение в Шелтозерском районе.

[...] Оставшееся местное население получает по карточкам 200 г хлеба в день и 700 г сахара в месяц на человека, больше никаких продуктов не выдается. Рыба, которую вылавливает местное население, полностью отбирается для нужд финской армии.

Некоторые женщины из местного населения сожительствоуют с финнами. [...]

Финское командование зверски издевается над местным населением. Например: в июле месяце 1942 г. в д. Лучкина Гора приехал военный комендант, который будучи

в нетрезвом виде утерять часы. Подозрение в краже часов выпало на 6-летнего мальчика, который был вблизи коменданта. Мальчик был избит розгами, после чего в бессознательном состоянии унесен родственниками домой. [...]

[...] Из-за боязни появления в районе партизан и связи с местным населением финны даже не выпускают без контроля никого из деревни. [...]

Представитель Центрального штаба партизанского движения,
член Военного совета Карельского фронта комбриг
Начальник 2-го отдела, батальонный комиссар

*С. Вершинин
Столяров*

НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 174. Л. 28–29. Подлинник. Машинопись.

30. Из «Справки о злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР»

г. Беломорск

2 июля 1943 г.

Немецко-финские фашистские власти и военное командование с первых дней временной оккупации части территории Карело-Финской ССР проводят открытую бандитскую политику рабского подчинения оставшихся и захваченных мирных советских граждан. Документальные материалы – приказы, распоряжения, инструкции и многочисленные свидетельские показания, добытые за время войны, подтверждают преднамеренность действий финских правящих кругов по заранее разработанным ими планам.

В своем, опубликованном на карельском языке, «Обращении к карельскому населению» палач Маннергейм прямо объявляет всех жителей занятой территории КФСР оседлыми рабами, которые не имеют никаких прав и обязаны только работать на сельскохозяйственных, дорожных и других работах. [...]

Директива Маннергейма неуклонно выполняется командованием Военного управления Восточной Карелии во главе с подполковником Котилайнен[ом].

Белофинские захватчики в г. Петрозаводске и других населенных пунктах весь режим и политику рабства своим острием направили против русских мирных жителей. [...] Так, все оставшиеся на занятой территории русские, кроме предателей Родины, сразу же были загнаны в специально созданные лагеря на окраинах города и содержались там под вооруженной охраной. Таких невольников только в петрозаводских лагерях собрано свыше 20 000.

В отличие от финнов, карел и вепсов, каждому русскому человеку приказано носить на левом рукаве красную повязку. [...]

Содержащимся в лагере никакого заработка не выплачивается. [...]

В приказе № 1 командующий Военного управления Восточной Карелии предписывает: «Изъять из употребления название “колхоз” и “совхоз”, заменив их первыми словами – “общее хозяйство”, второй – “государственное хозяйство». Колхозы и совхозы переданы в частные руки, а сами колхозники белофинскими оккупантами превращены в их рабов. Приказом № 2 в разделе 7 по Военному управлению Восточной Карелии определен порядок выдачи «прав пребывания», т. е. удостоверения личности. Указано, что эти документы выдаются: «...Всем лицам, достигшим 15-летнего возраста, кроме относящихся к оборонным силам Финляндии». «Финнам, карелам и вепсам выдаются “права пребывания” зеленого цвета, а русским – красного». Эти права позволяют населению проживать только в одной определенной деревне или группе деревень временно или же строго указанный срок.

Бесправные, привязанные к одному месту советские мирные люди вынуждены владеть жалкое существование, заниматься все время каторжным трудом. [...]

Белофинское командование своими директивами комендантам на временно занятой территории прямо предлагает всеми способами и средствами разыскивать оставшихся мирных граждан. [...] В секретном письме № 116 штаба 3-й армии дан перечень граждан, подлежащих обязательному задержанию, тщательной проверке и привлечению к ответственности.

Сообщениями очевидцев из г. Петрозаводска и др. населенных пунктов, захваченных противником, а также лиц, бежавших из фашистского плена, подтверждено наличие специальных лагерей, созданных оккупантами для мирного русского населения.

Об этом подробно рассказала жительница г. Петрозаводска гр[аждан]ка С. «Почти все русское население оккупированных районов республики заключено в концентрационные лагеря. Белофинны собрали женщин с маленькими детьми, стариков и старух и поместили их в домах, специально отведенных на окраине города и обнесенных колючей проволокой. Это дома смерти. Во всех лагерях голод и тиф уносят много человеческих жизней». И далее «Только в Петрозаводске имеется 6 концлагерей, в которых заключено свыше 20 000 человек.

Концлагерь № 1, расположен на Куковке.

[Концлагерь] № 2, [расположен] в б[ывших] домах Северной Точки.

[Концлагерь] № 3, [расположен] в б[ывших] домах лыжной ф[абри]ки.

[Концлагерь] № 4, [расположен] в б[ывших] домах Онегзавода.

[Концлагерь] № 5, [расположен] в жел[езно]дор[ожном] Городке.

[Концлагерь] № 6, [расположен] на Перевалочной бирже.

Администрация лагеря состоит из начальника лагеря, его заместителя и переводчика. В лагерях и на работе введены телесные наказания».

Бежавший из концлагеря № 2 г. Петрозаводска учитель Якимец Павел Филиппович 20 мая 1942 г. сообщил: «Я был очевидцем частых избиений людей в лагере, как со стороны коменданта Валентина Микс, так и других белофиннов. Например: Андреев Михаил Иванович был избит пьяным комендантом без всякой причины, Соловьев Петр был избит стрелком охраны Паули за то, что Соловьев ввиду болезни не вышел на работу, а обратился в больницу. Один возчик (его фамилии я не знаю) был избит Миксом резиновой плеткой до потери сознания, после чего возчик стал сумасшедшим. В январе 1943 г. были задержаны якобы при попытке к бегству 3 заключенных, которые были избиты до смерти. В карцер заключают даже детей 7–8 лет за то, что они голодные и оборванные ходят в городе и просят хлеба. Содержащийся в лагере Бриткин вместе с другими был направлен на лесозаготовки на ст[анцию] Кутижма, там он заболел и пошел к врачу за помощью, но вместо помощи этот врач избил Бриткина. Больной был направлен обратно в концлагерь, где через неделю умер. Тем же врачом до потери сознания был избит Иванов Иван».

Бежавший в мае 1942 г. из того же лагеря Егоров Егор Петрович рассказал: «В лагере введена палочная дисциплина, за малейшие нарушения режима лагеря заключенных избивают тросточками и резиновыми дубинками. Приведу пример: 19 апреля 1942 года избивали возчика Наумова Лаврентия Ивановича трижды, якобы за то, что не привез спирт для начальника лагеря. Его избивали до потери сознания, после чего через три дня направили в больницу. В тот же вечер избили Козырева Василия Андреевича и Харитонову Петра Филипповича по неизвестным причинам».

В концлагерь заключали при малейшем подозрении. По этому поводу колхозница дер. Устьрека* Б. 20 сентября 1942 г. сказала: «До белофинских властей дошел слух, что якобы семья Бабушкиных принимала у себя партизан и снабжала их продуктами.

В действительности такого не было, но все же семью Бабушкина в 3-дневный срок выслали в Кондопогу и позднее заключили в концлагерь». [...]

В Шелтозерском районе за сочувствие к партизанам был расстрелян колхозник д. Другая Река Кочергин Алексей, вся его семья заключена в концлагерь. [...]

В г. Петрозаводске за нищенство был наказан 25 ударами розг вепс, рабочий печник Курганов Василий Николаевич. [...]

В июле 1942 г. был избит розгами до потери сознания 10-летний мальчик, сын рабочего, украинца из д. Лучкина Гора Шелтозерского района. По этому вопросу житель д. Лучкина Гора — Л. 8 августа 1942 г. рассказал: «В июле 1942 г. в д. Лучкина Гора приехал пьяный военный комендант, который якобы утерять карманные часы. Заподозрив в краже 10-летнего мальчика, сына украинца, военный комендант приказал солдатам избить мальчик розгами. Избитый был унесен домой в бессознательном состоянии». [...]

Колхозница с. Яндомозеро Заонежского района 30 августа 1942 г. сказала: «По доносу старосты Сонникова Ивана, бывшего председателя Яндомозерского сельсовета, полицией был арестован председатель Великогубского сельсовета Редькин Федор Андреевич, 1909 г. р., член ВКП(б). Его задержали и заключили в Космозерскую тюрьму, где он сидел трое суток без еды. На четвертые сутки без суда и следствия Редькин был расстрелян лично начальником полиции, который особенно зверски относится к населению». [...]

Житель д. Вертилово Заонежского района С. 20 июня 1942 г. рассказал: «Комендант Заонежского округа Ронгонен известен своим зверским обращением с населением. Во время эвакуации населения из д. Гарницы, он избил пенсионера Северикова Филиппа Петровича только за то, что тот хотел вернуться в свой дом в д. Лонгасы, т. к. ему не было места на подводе, отвозящей эвакуированных. Ронгонен догнал его на лошади и ударил несколько раз палкой».

Финские разбойники, как и их хозяева гитлеровцы, широко практикуют увод советского населения на каторжные работы в Финляндию. Особенно за последнее время участились случаи отправки русского населения из концлагерей в глубокий тыл в Финляндию. За год оккупации из одного села Паданы Сегозерского р[айо]на были отправлены в рабство к белофиннам 23 девушки. Последнюю группу финны отправили в августе 1942 г. Все увезенные в Финляндию девушки проданы финским кулакам. [...]

Белофинские грабители всю колхозную собственность, сельскохозяйственный инвентарь, скот, хлеб и др. объявили военными трофеями. Так в приказе Военного управления Восточной Карелии, подписанном Котилайнен[ом], говорится: «Захваченную чужую собственность — сельхозмашины, инвентарь и др. имущество, а также домашний скот, следует учесть и объявить трофеями. Если упомянутые выше трофеи частями не учтены, то сбор и учет их производят центральные сборочные пункты или должностные лица Н-ского управления».

Вступив в карельские села, белофинны повсеместно начали безудержный грабеж населения. В приказе по управлению районом Шуньга говорится: «Населению объявить, что с военным положением у местного населения реквизируется зерно и фураж, которые они получили при распределении колхозных доходов. Местному населению оставить запас зерна только на три месяца. Все излишки зерна и фуража сдаются местному начальнику».

Белофинны путем повальных обысков отбирают у местного населения продукты питания и теплые носильные вещи. [...]

В личное пользование населения отведены небольшие, самые неудобные клочки земли. Дополнительно же землю можно брать только в аренду. За клочок земли, полученный во временное пользование, колхозник должен отработать самую настоящую барщину или как сказано в договоре: «Обязуется выполнить работы по указанию Военного управления».

Сроки пользования землей в договорах не оговорены и в любой момент освоенный крестьянином участок может быть изъят. Чтобы получить свою лошадь для обработки небольшого участка приусадебной земли, колхозник должен платить финским властям за это 4 марки в час. Население голодает, и чтобы как-нибудь прокормиться, в хлеб прибавляется древесная кора и мох. [...]

Зам[еститель] народного комиссара
гос[ударственной] безопасности КФССР

А. Кузнецов

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 17–19. Подлинник. Машинопись.

* Правильно: Усть-Река.

31. Из «Информационной записки о некоторых фактах злодеяний белофинских оккупантов над советскими гражданами и о разрушениях народного хозяйства на оккупированной противником территории КФССР (по материалам подпольных парткомсомольских групп ЦК КП(б) в Шелтозерском, Ведлозерском и Олонецком районах)», направленной заведующим организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власовым секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову

12 ноября 1943 г.

Совершенно секретно

[...] Зимой 1942 г. в дер. Палалахта Ведлозерского района зверски замучена и убита советская девушка карелка тов. Гумбарова Анна, член ВЛКСМ, бывшая мед[ицинская] сестра Палалахтинской больницы. Финны, заподозрив Гумбарову в помощи партизанам, арестовали ее, долгое время жестоко избивали, морили голодом и, не добившись ничего, посадили на 20 дней в мертвецкую. Когда и это не подействовало, вывели на кладбище, согнали туда все население деревни, заставили Гумбарову вырыть себе могилу и на глазах у населения расстреляли. Перед расстрелом советская патриотка заявила своим мучителям: «Вы от меня ничего не добьетесь, убейте меня, на мое место придут другие. Прощай Родина. Я умираю честно».

Для выявления лиц, лояльно настроенных к советской власти, финны практикуют самую наглую провокацию.

Осенью 1942 г. в деревню Яндомозеро Заонежского района в дом к мельнику вошли несколько полицейских, переодетых под советских партизан. «Партизаны» стали расспрашивать мельника о финских гарнизонах, населенных пунктах и т. д. Когда советский человек, не подозревая, что к нему пришли провокаторы, рассказал им все, что знал — полицейские тут же схватили его, избили до потери сознания, заперли в мельницу и сожгли живым.

В деревне Кушеванда Калевальского* района за малейшую провинность население подвергалось телесным наказаниям: подросток 13 лет Трофимов Павел был избит комендантом за то, что не успел своевременно уступить ему дорогу. Собственный хлеб отобран. Население голодает, получая только 250 г хлеба в день. В хлеб подмешивается кора березы, листья, травы.

В селе Шокша Шелтозерского района финны арестовали местного жителя, колхозника Бошакова Ивана — отца секретаря подпольного Петрозаводского ГК КП(б). Бошакова долгое время избивали, морили голодом, а затем убили. Там же в районе без всякого суда расстреляли жителей Медведева Сергея и Севастьянова Федора, якобы за сочувствие партизанам.

В своих издевательствах над населением финские оккупанты не щадят даже детей. В Ведлозерском и Шелтозерском районах в каждой школе на стенах классных комнат висят специальные плетки для порки учащихся. В Ведлозерской школе такой плеткой были избиты ученики Исаков Василий и Тупицын Константин. В Шелтозерской школе финский учитель избил до потери сознания ученика Лебедева из деревни Розмега. В деревне Кинерма Ведлозерского района финский учитель в воскресные дни специально ходит по деревне и избивает подростков. В деревне Низово Шелтозерского района все 25 школьников были избиты розгами, били до потери сознания. Избивает сам директор школы, который заставляет каждого ученика представлять для своего избия розги.

Особенно дикие издевательства над советскими гражданами творятся в концентрационных лагерях, так в лагерях г. Петрозаводска полицейские систематически устраивают пьяные оргии, во время которых всячески глумятся над заключенными, стреляют в помещениях из винтовок, автоматов, избивают ни в чем не повинных людей, не выдают им в зимнее время теплой одежды, не отапливают жилых помещений. В последние дни в концлагерях стал применяться новый метод наказания, когда заключенных избивают до потери сознания, а затем раздевают догола, обертывают пропитанной солью простыней и оставляют в таком положении по несколько часов. [...]

Проводя оборонное строительство на Олонецком перешейке, финны организовали там несколько лагерей, куда согнали все трудоспособное население с Ведлозерского, Олонецкого и других районов. В этих лагерях также творится произвол и издевательства над населением. В лагерях, находящихся около деревни Обжа, Сона, Саригора, для ни в чем не повинных людей, мобилизованных на оборонные работы, создан тюремный режим. Начальник лагеря лейтенант Хормио ходит с плеткой и за малейшую провинность самолично избивает рабочих. Так, за якобы неправильное получение махорки летом 1943 г. Хормио до потери сознания избил рабочих Маккоева и Гаврилова Михаила. Лагерников здесь держат на голодном пайке. Кроме 200 г хлеба утром и черной ржаной баланды вечером ничего не дают. На почве голода на оборонных работах ежедневно умирают по 3–4 человека.

Белофинские захватчики разгромили все колхозы Шелтозерского, Ведлозерского и Олонецкого районов: весь скот и тягловую силу колхозов конфисковали, отобрали личный скот и от колхозников. Последним разрешается покупать скот по повышенным ценам по 4000–5000 марок за голову при зарплатке 7–8 марок в день. Финны сожгли Ведлозерскую МТС, деревню Юргелицы^{*}. Со всех 20 тракторов сняли магниты, колеса и другие части, а трактора бросили в поле. В Ведлозерском районе сожжены все избы-читальни, районная библиотека, книжные фонды Юргелицкой, Панильской, Кинелахтинской, Щеккильской и других библиотек. Также разрушена Ведлозерская районная больница, а все медикаменты и имущество ее переданы в финский госпиталь.

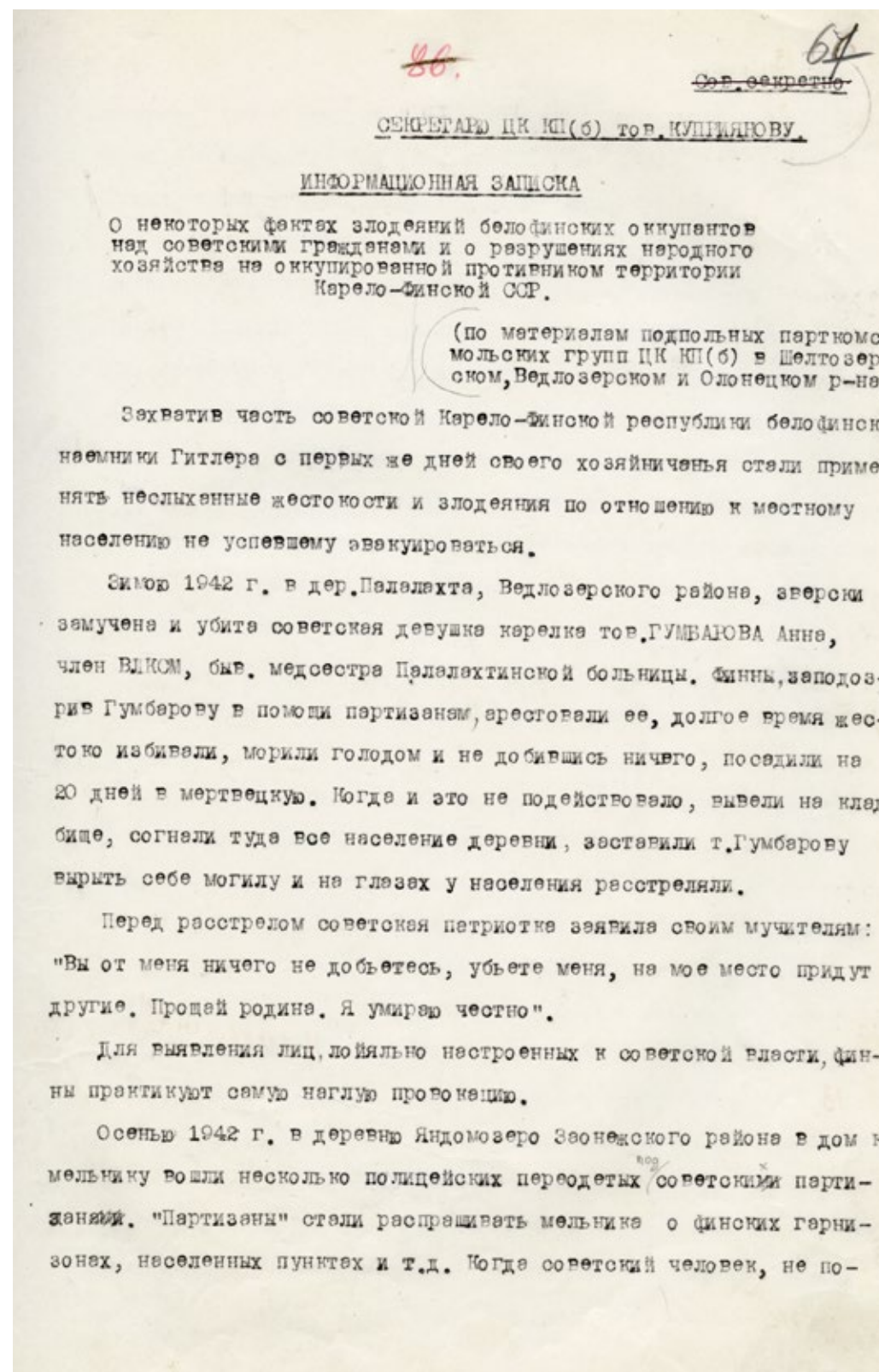
Зав[едующий] оргинструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР

И. Власов

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 67–69. Подлинник. Машинопись.

* Должно быть: Кестеньгского района.

** Вероятно, деревня Юргелицы Нялмозерского сельсовета Ведлозерского района.

22

9

4.

Проводя оборонное строительство на Олонецком перешейке финны организовали там несколько лагерей, куда согнали все трудоспособное население с Ведлозерского, Олонецкого и других районов. В этих лагерях также творится произвол и издевательства над населением. В лагерях находящихся около деревни Обже, Соле, Сори Горе для ни в чем неповинных людей, мобилизованных на оборонные работы создан тюремный режим. Начальник лагеря лейтенант Хормио ходит с плеткой и за малейшую провинность самолично избивает рабочих. Так, за якобы неправильное получение мехорки летом 1943 г. Хормио до потери сознания избил рабочих МАКИДЕВА и ГАВРИЛОВА Михаила. Лагерников здесь держат на голодном пайке. Кроме 200 граммов хлеба утром и черной ржаной беланды вечером ничего не дают. На почве голода на оборонных работах ежедневно умирают по 3-4 человека.

Велофинские захватчики разгромили все колхозы Шелтозерского, Ведлозерского и Олонецкого районов: весь скот и тягловую силу колхозов конфисковали, отобрали личный скот и от колхозников. Последним разрешается купить скот по повышенным ценам по 4000-5000 марок за голову при зарботке 7-8 марок в день. Финны сожгли Ведлозерскую МТС, деревню Юргелицы. Со всех 20 тракторов сняли магнето, колеса и другие части, а трактора бросили в поле. В Ведлозерском районе сожжены все избы-читальни, районная библиотека, книжные фонды Юргелицкой, Пенильской, Канелехтинской, Шеккельской и других библиотек. Также разрушена Ведлозерская районная больница, а все медикаменты и имущество ее переданы в финский госпиталь.

Зав. Оргинструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР: *А. Ушаев* (И. Власов)
12/х₂ 1943.

25

68
2.

дозревая что к нему пришли провокаторы, рассказал им все что знал - полицейские тут же схватили его, избили до потери сознания, заперли в мельницу и сожгли живым.

В деревне Кушеванда Калевальского района за малейшую провинность население подвергается телесным наказаниям: подросток 13 лет ТРОФИМОВ Павел был избит комендантом за то, что не успел своевременно уступить ему дорогу. Собственный хлеб у населения отобран. Население голодает, получая только 250 грамм хлеба в день. В хлеб подмешивается кора березы, листья, трава.

В селе Шокша Шелтозерского района финны арестовали местного жителя колхозника БОШАКОВА Квена - отца секретаря подпольного Петрозаводского ГК КП(б). Бошакова долгое время избивали, морили голодом, а затем убили.

Там же в районе без всякого суда расстреляли жителей МЕДВЕДЕВА Сергея и СЕВАСТЬЯНОВА Федора, якобы за сочувствие партизанам.

В своих издевательствах над населением финские оккупанты не щадят даже детей. В Ведлозерском и Шелтозерском районах в каждой школе на стенах классных комнат висят специальные плетки для порки учащихся. В Ведлозерской школе такой плеткой были избиты ученики ИСАЮВ Василий и ТУШИЦЫН Константин. В Шелтозерской школе финский учитель избил до потери сознания ученика ЛЕБЕДЕВА из деревни Розмега. В деревне Кинерма Ведлозерского района финский учитель в воскресные дни специально ходит по деревне и избивает подростков. В деревне Низово Шелтозерского района все 25 школьников были избиты розгами, били до потери сознания. Избивает сам директор школы, который заставлял каждого ученика представлять для своего избивания розги.

32. Из «Справки о злодеяниях и зверствах немецко-финских фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР (по данным НКГБ КФССР)»

г. Беломорск

13 ноября 1943 г.

Опубликованию не подлежит

Вассалы гитлеровской фашистской клики – белофинские оккупанты на временно занятой ими территории КФССР продолжают насаждение пресловутого «нового порядка», выраженного в насилии, грабежах и бандитском произволе над мирным населением.

Данные очевидцев и многочисленные документы, добытые НКГБ КФССР в разное время текущего года, подтверждают это целым рядом фактов.

Оставшийся в Заонежском районе 17-летний Мугачев Павел Иванович, ур[оженец] с. Шокша, вепс, мобилизованный белофиннами для работы переводчиком при их полицейском участке, сообщил нашему разведчику У., что белофинны в животном страхе за свою шкуру на чужой земле как огня боятся красных партизан и всех тех, кто им сочувствует. [...]

Так, после разгрома нашими партизанами зимой с. г. штаба полицейского участка в дер. Липовицы в Заонежье все население этой и близрасположенных других деревень Сибово, Устьяндомы выселили в тыл и спешно закрыли лесопункт Пески.

На глазах выселяемых расстреляли двух местных жителей: Ржанского Василия Ивановича с сыном Александром, заподозренных в сочувствии к советским партизанам.

О своей службе в фашистской неволе Мугачев смог лишь подтвердить факт рабского существования: «Меня насильно заставили работать переводчиком. На первый взгляд эта обязанность кажется сносной, но условия для работы зверские – от начальства полицейского участка лейтенанта Коверо Ивана и его помощника Пухакка Августа получаю одно мордобитие. Вот вчера 30 мая 1943 г. за неправильный перевод меня ударили по голове».

Житель д. Высокая Нива Типиницкого сельсовета Заонежского района Кочанов Степан Иванович, выселенный в д. Леликозеро с семьей в составе жены и троих детей, сообщил нашему разведчику У. о невыносимой жизни при белофиннах: «Живем мы очень плохо. Мне выдали по 300 г хлеба, детям по 200 и больше ничего нет. Поэтому хлеб печем наполовину с соломой. Работаю на лесозаготовках в д. Ламбасручей. За 12–14 часов [в] день платят мне 250 марок в месяц, на которые нельзя выкупить одну хлебную норму. [...]

Невыносимые условия, созданные погромщиками, подтверждаются еще и таким фактом, со слов лесоруба Кочанова и переводчика Мугачева: «Сейчас (в начале июня с. г.) к д. Великая Губа* подошли две баржи, предназначенные белофиннами для выселения в тыл Заонежья 2500 чел[овек]. Это – жители, у которых не хватило денег погасить долги за хлеб. Всех таких должников и направляют по лагерям». «Все рабочие мало общаются друг с другом и боятся разговаривать открыто, опасаясь предателей. Особой ненавистью белофиннов окружена молодежь, за которой установлена постоянная слежка. Вся молодежь сосредоточена на тяжелых лесных работах». [...]

Очевидец других фактов зверства белофиннов Сергин Николай Степанович, лесоруб, житель д. Мунозеро сообщает: «Военные власти белофиннов сразу по прибытии в Заонежье стали проводить аресты, грабеж, массовые избиения, обыски советских людей. Повсеместно забирали последние крохи хлеба. За припрятанные продукты виновных били палками и поролы плетью до полусмерти, вызывали в комендатуру

и там еще издевались. В трех сельсоветах Кажемском, Деригузовском и Космозерском установили норму 100 г на человека в день, а выдача этой нормы фактически производилась на 10–15 дней в месяц. Остальное время жили кто как мог. [...] Для наказания рабочих финны построили карцер (именуемый ими будкой) в подвале дома, куда и помещали людей за малейшую провинность. Поводов для арестов было очень много. Например, для работы в лесу не хватало пил и топоров, увязочных веревок и др. инвентаря. Стоило только оборвать старую веревку, как виновник этого подвергался избиению и аресту. Недостающие инструменты были взяты у населения путем грабежа. В д. Красная Сельга у жителей финны отобрали всю посуду, мебель, железо, тес и доски. Заработок уплачивали ничтожный, в результате многие из рабочих оказались должны по 100–150 марок в месяц. Многие не стали выходить на работу или стали работать плохо, за что их садили** в будку на 2 и 6 часов после работы.

Работающие в лесу все время находились под вооруженной охраной. Каждый финн имел винтовку и применял ее по своему усмотрению. [...]

В распоряжении НКГБ КФССР имеются документальные материальные данные, изъятые специальной группой «Мстителю» 18 октября 1943 г. в д. Ламбасручей Заонежского района во время разгрома штаба белофинских оккупантов, возглавляемого Александром Пернанен[ом]. [...] Пернанен угодливо стремился выжать из населения все соки, обирая его, исправно отправляя награбленное в Финляндию. Каждое мероприятие он проводил своими распоряжениями на имя старост деревень своего участка: «Всем владельцам коров и прочего мелкого скота не позднее 15 июня 1942 г. передать свой скот общине» (под общиной понимается помещичье хозяйство).[...]

На основании распоряжения земельного отдела предлагалось старосте д. Ламбасручей провести заготовку ивовой коры из расчета по 10 кг на человека – всего 1640 кг по 4 пени за 1 кг сухой коры. [...]

Кабальный труд при белофиннах стал уделом и малых, и стариков. В приказе районного начальника Заонежского полуострова, переданном Пернанен[ом] во все деревни, предлагалось: «Каждому трудообязанному, а также детям старше 10 лет заготовить сено самое малое по 2 тонны и сдать его до конца июля 1500 кг и остаток 500 кг в течение августа» [...]

Верхом жульничества, возведенного в государственный принцип белофиннов, может служить подлое мероприятие, проведенное Пернанен[ом] 11.10.43 г. Вначале он приказал под угрозой конфискации доставить и сдать бесплатно на сборный пункт весь имеющийся с[ельскохозяйственный] инвентарь, а потом распродал его тут же за деньги. [...]

В деревнях по воскресеньем устраивают публичные порки. [...]

Начальник следств[енного] отдела НКГБ КФССР
капитан гос[ударственной] безопасности

Гневшиев

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 63–65 об. Подлинник. Машинопись.

* Здесь и далее правильно: село Великая Губа.

** Следует читать: сажали.

33. Радиogramма руководителя Шелтозерской подпольной группы Д. Е. Тучина* об избииении учеников Бережно-Шелтозерской школы

26 апреля 1944 г.

РАДИОБЛОКНОТ

Радиogramма № 6 число гр. 50 26

Адрес ~~передачи (кому)~~ TRA 24
приема (от кого)

Л И Н И Я   О Т Р Ы В А

Радиogramма № 6 рация ZAT

Получена на рацию _____ час. _____ мин.
Отправлена в штаб 26/IV. ЧМ

Адрес ~~передачи (кому)~~ TRA
приема (от кого)

Принято ~~передачу~~ час. 12 мин. 20
Число групп 50

Передан _____
принят _____

ЦК Власову.
Бережно-шелтозерской школе вчера
избил палкой семьдесят четыре ученика
начальник школы лейтенант Хеймо
Хейкки без всякой причины некоторые
были без сознания

Дмитрий

ЦК Власову

[В] Бережно-Шелтозерской школе вчера избил палкой семьдесят четыре ученика начальной школы лейтенант Хеймо Хейкки без всякой причины. Некоторые были без сознания.

Дмитрий

НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 1/282. Л. 10. Подлинник. Бланк радиоблокнота.

* Тучин Дмитрий Егорович (1913–1945), уроженец Шелтозерской волости, в годы оккупации, являясь старостой деревни Горное Шелтозеро, вел активную подпольную деятельность, руководил Шелтозерской подпольной группой.

34. Из «Докладной записки о положении на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР на 1 июня 1944 г. (составленной по материалам подпольных партийно-комсомольских организаций КФСР)», направленной секретарем ЦК КП(б) КФСР Г. Н. Куприяновым и заведующим организационно-инструкторским отделом И. В. Власовым заместителю заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М. А. Шамбергу

г. Беломорск

15 июня 1944 г.

Совершенно секретно

Из 30 районов и городов Карело-Финской ССР белофинские разбойники в союзе с гитлеровской Германией оккупировали 24. В том числе города Петрозаводск, Выборг, Кексгольм, Сортавала, районы: Петровский, Пряжинский, Кондопожский, Олонецкий, Выборгский, Кексгольмский, Сортавальский, Яскинский, Суоярвский, Питкярантский, Ведлозерский, Сегозерский, М[едвежьег]орский (последние четыре оккупированы частично).

Оборудование большинства предприятий, имущество колхозников, подвижной состав Кировской ж[елезной] д[ороги] были вовремя вывезены вглубь страны и в тыловые районы республики.

Основная масса населения 566 тысяч человек была организовано и заблаговременно эвакуирована в Челябинскую, Кировскую и другие области.

На территории, оккупированной противником, осталось 28 155 человек, которые не смогли своевременно выехать вследствие того, что оказались отрезанными на дорогах финскими войсками [...].

Вся полнота власти на оккупированной территории сосредоточена в руках Временного управления Восточной Карелией, которое имеет и законодательные и исполнительные функции. Штаб этого Управления первоначально помещался в городе Йюэнсуу (Финляндия), а в настоящее время переведен в г. Петрозаводск. Во главе штаба поставлен бывший губернатор города Хельсинки генерал-майор Араюри. Его помощником являются подполковники Густав Нордстрем и Эйно Куусала*.

В административном отношении территория, временно занятая финнами, разделена на 4 округа, а последние в свою очередь разделены на районы. Таким образом на оккупированной территории имеются следующие округа: 1. Онежский округ с центром в г. Петрозаводск. 2. Олонецкий округ с центром в с. Олонец 3. Масельг-

ский округ с центром в с. Реболы. 4. Северный округ с центром в местечке Куу-само. [...].

На всей захваченной территории финны установили свирепый режим, рассчитанный, в сочетании с политикой заигрывания, на воспитание у местного населения чувства почтения к «новой власти», недоверия и вражды к русским. Все местные жители временно оккупированных районов получили взамен советских новые финские паспорта, которые в 1943 г. были обменены. Новые паспорта имеют два цвета: голубой для карелов, финнов и вепсов и розовый для русских. Паспорта выдаются всем без исключения лицам, достигшим 15-летнего возраста. Для того, чтобы получить паспорт, необходимо явиться к местному коменданту и, предъявив ему старый паспорт, указать место жительства и место работы. О получении паспорта один из местных жителей рассказывает следующее: «В деревне Паннила приехали полицейские руководители из штаба и объявили, что скоро начнется выдача паспортов и хлебных карточек. Они поместились в школе и стали вызывать к себе местных жителей целыми семьями. 21 сентября и меня вызвали в комиссию. Я пришел в школу. В маленькой комнате за 2 столами сидело 6 человек полицейских чиновников, двое из них были женщины. Меня спросили год рождения, фамилию, имя и отчество, а также измерили мой рост, определили цвет глаз и волос. У всех людей, приходивших в комиссию, финны отбирали советские паспорта, но я решил советский паспорт им не отдавать и на всякий случай уменьшил себе год рождения, чтобы на следующий год не быть забранным в финскую армию. Все данные финны записывали со слов».

Жители оккупированных районов не имеют права выехать за пределы населенных пунктов без специального на то разрешения местного начальника, а для переезда за пределы района необходим пропуск от Управления Восточной Карелии. Движение в населенных пунктах строго ограничено.

В городе Петрозаводске существует такой порядок, при котором хождение по городу после 10 часов вечера гражданскому населению воспрещено. Русскому населению разрешено проживать только в одном Зарецком районе без права передвижения в другие районы и пригород. [...]

Особый контроль за населением оккупанты установили в местностях Восточного и южного побережья Заонежского залива, населенных русскими жителями. В приказе районного штаба местным начальникам говорится по этому поводу следующее: «...Эвакуированная местность Заонежского района в восточном и южном побережье является запретным районом и населению категорически запрещается туда ходить. Объявить, что нарушители будут расстреляны».

С правилами передвижения в этом приказе говорится: «...Гражданское население не имеет права выехать без разрешения начальника района или управления штаба. Разрешается выезд финскому и карельскому населению на свои прежние места с выдачей особых пропусков, в которых заполняются анкетные данные на него, цель поездки и куда направляются...».

Для осуществления установленного режима на оккупированной территории Карело-Финской республики имеется гражданская и военная полиция. Работники полиции распознаются по нарукавным нашивкам: чины гражданской полиции носят на левом рукаве белый круг с черным государственным гербом, военные полицейские — белый треугольник с надписью «военная полиция».

На всех дорогах финны установили густую сеть контрольно-пропускных пунктов, занимающихся проверкой документов. Кроме них специальные патрульные отряды финских солдат постоянно бродят по лесу в поисках партизан.

Сельское хозяйство

Вскоре после оккупации ряда наших районов финны объявили колхозы распущенными, а колхозное имущество собственностью финского правительства. Как и в других вопросах, финны старались прикрывать это грабительское мероприятие различной демагогией и жульническими трюками. Вот как происходило это мероприятие по словам очевидцев в Ведлозерском районе: «...Весной 1942 г. местный начальник и землемер стали обмерять колхозные земли, а нам заявили: “Будем делить земли, пусть каждый берет сколько хочет”. В конце апреля 1942 г. начался раздел земли. Весь народ собрали к дому старосты. Землемер сказал: “Теперь вы получите землю”. Однако оказалось, что всем земли вокруг деревни Паннила не хватит. Землемер спросил, кто желает добровольно переселиться в другие деревни, где есть земли. Никто не согласился. Тогда землемер прочел список семейств, которых в принудительном порядке выселяли из родной деревни». Так же, как и землю, финны разделили колхозное имущество. Скот, который принадлежал колхозам, финны забрали и забили на мясо солдатам. Некоторые жители, у которых не было коров, обратились в районный штаб с просьбой дать им телят или коров из колхозного стада. Тогда оккупанты в интересах пропаганды устроили следующий трюк: они собрали лошадей и коров на колхозных дворах и заявили жителям: «Берите кто какую хочет». Вскоре, однако оказалось, что за каждую из выбранных коров и лошадей местное население должно выплачивать районному штабу деньги. Колхозный инвентарь оккупантами продавался с торгов. [...]

Многочисленные факты неслыханной и бессмысленной жестокости являются тяжелым обвинительным актом против маннергеймовских разбойников. В деревне Палахта Ведлозерского района белофинны зверски замучали комсомолку Анну Гумбарову, медицинскую сестру Палалахтинской больницы. Заподозрив девушку в сочувствии к партизанам, палачи бросили ее в тюрьму и долго морили голодом, всячески избивали, 20 дней держали вместе с трупами в мертвецкой, а когда это не помогло, вывезли на кладбище, заставили раздеться, вырыть себе могилу и расстреляли на глазах у всего населения, согнанного на эту страшную казнь. Умирая, гордая советская девушка крикнула: «Вы ничего от меня не добились и не добьетесь. Убейте меня, на мое место придут другие. Прощай, моя Родина, я умираю честно».

Зимой 1943 г. оккупанты захватили в запретной зоне несколько человек местных жителей. Заподозрив их в помощи партизанам, раздели догола и заморозили на льду Онежского озера.

В деревнях оккупированных районов финны ввели телесные наказания для местных жителей. Достаточно малейшего подозрения, чтобы быть избитым «братьями освободителями». Так в деревне Залесье Шелтозерского района 55-летний Дмитрий Максимович Четвериков получил 15 розог только за то, что на несколько дней опоздал уплатить налог.

Крестьянка деревни Гижозеро Ведлозерского района была избита до полусмерти по подозрению в хищении 300 марок. В деревне Шук-Наволоку оккупанты избили 60-летнюю старуху Печенкину Анастасию «за дерзкий ответ местному начальнику».

В деревне Сыссойла один колхозник сказал полицейскому: «Что ты все бьешь баб, ты попробуй ударить мужика, тогда узнаешь, что тебе будет». Полицейский вызвал двух солдат и вместе с ними избил этого колхозника до полусмерти.

Вся финская администрация вместе с солдатами грабит и мародерствует. Зафиксирован ряд фактов в Заонежском районе, когда солдаты, съев за 2 дня пайки, выданные им на неделю, самовольно вламываются в частные дома и забирают у жителей все продукты, вещи и т. д.

В Медвежьегорском районе финские солдаты, обнаружив в одном из поселков группу не успевших эвакуироваться женщин, сняли с них шубы, валенки, рукавицы и унесли с собой. В Толвуйском сельсовете Заонежского р[айо]на солдаты по приказу районного штаба забрали весь имеющийся у крестьян хлеб. Когда возмущенное население пришло с жалобой к местному начальнику, тот цинично ответил: «Вы русские, будете есть тогда, когда мы сочтем нужным вас кормить». В деревне Федоровская Шелтозерского района полицейские стали растаскивать мебель из домов, когда местные жители пытались ему помешать, полицейский избил всех. [...]

В одном из районов солдаты стали отнимать у крестьянки В. ситец, являющийся ее собственностью. Ситец этот был нужен местному начальнику на оконные занавески. Не желая отдавать свое добро, В. стала сопротивляться, тогда солдаты избили ее и оставили окровавленную лежать на полу. Когда В. пыталась пожаловаться коменданту, тот велел посадить ее в тюрьму на 3 дня. Через 3 дня В. привели к коменданту и тот спросил: «Ты и теперь еще просишь свой ситец обратно?». В. ответила утвердительно. Обозленный комендант приказал посадить В. в тюрьму еще на 7 суток и не давать ей пищи. Когда через 7 дней родственники пришли за ней, она лежала на полу и уже не могла встать. В поселке Шокша (близ Петрозаводска) несколько финских солдат схватили 18-летнюю Игнатову и, привязав ее к дереву, изнасиловали. Девушка пожаловалась местному начальнику. Выслушав ее, последний приказал солдатам посадить Игнатову в тюрьму за «клевету на финскую армию».

Белофинны отправляли большое количество молодежи на работу в Финляндию. Так, из Вокнаволоцкого сельсовета Калевальского района финны увезли группу молодежи численностью в 14 человек для работы в помещичьих хозяйствах где-то в районе города Куопио. В августе месяце 1943 г. финны отправили на работу в Финляндию большую группу молодежи Сегозерского района. Среди них жители села Паданы Тишкина Анна, Лебедева Анастасия, Громова Анастасия, Осипова Татьяна, Денисова Наталья и др.

Солдаты и офицеры финской армии глумятся над советскими женщинами и девушками. Финны ночью врываются в дом и пристают к женщинам. Так, зимой 1943 г. пьяный солдат ворвался в дом к жительнице деревни Залесье Зиновьевой Александре Ивановне, только с помощью подоспевших соседей удалось его выставить.

В той же деревне в дом крестьянки Четвериковой вечером осенью 1943 г. ворвались 3 солдата и изнасиловали ее. Особенно бесчинствуют солдаты бригады генерала Лагуса, стоящие зимой 1943–[19]44 гг. в Петрозаводске. Очевидцы рассказывают, что пьяные солдаты толпами ходят по городу, насиловуют женщин и, надругавшись над ними, выстригают им машинкой волосы крест-накрест. [...]

Секретарь ЦК КП(б) КФССР
Зав[едующий] орг[анизационно-]инструкторским отделом

Г. Куприянов
И. Власов

НА РК. Ф. П-2730. Оп. 1. Д. 212. Л. 1–2, 5–7, 43–46. Отпуск. Машинопись.

* Правильно: Куусела.

35. Из информационной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) Н. И. Кукелева первому секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову и заведующему сельскохоззяйственным отделом ЦК КП(б) КФССР Айдыняну о положении в Заонежском районе, освобожденном от оккупации

6 июля 1944 г.

[...] Населения, по предварительным данным, в районе 11–12 тысяч человек, включая и население, эвакуированное из других районов КФССР перед оккупацией финнами Заонежского района. Все население с территории Сенногубского и Кижского с/советов находится в лагерях, а также и часть молодежи из других сельсоветов района. Свыше 10 деревень снесены и сожжены полностью, жилые дома колхозников Сенногубского, Кижского, Кузарандского, Вырозерского, Толвуйского, Деригузовского, Паяницкого и других сельсоветов разрушены; нет стекол, дверей, разбиты печки, сняты крыши, потолки, полы и т. д. Школы, больницы, клубы, избы-читальни разбиты, не имеют стекол и требуют большого капитального ремонта.

До 1943 г. земля в районе обрабатывалась земельными обществами в границах прежних колхозов, осенью 1943 г. и весной 1944 г. землю финские власти раздали в единоличное пользование, не всему населению, а некоторой его части, наделив их лошадьми за плату, прикрепляя по несколько хозяйств к одной лошади для обработки земли, наряду с этим оставив несколько земельных обществ в районе с посевами и скотом.

Лошади сразу же по приходу финнов в район были ими изъяты, а коровы и другой скот, находящийся в личном пользовании колхозников, рабочих и служащих в марте, апреле 1942 г. были у всех отобраны и переданы в земельные общества или специальные хозяйства, от которых продуктами животноводства пользовались и распоряжались финские власти. После этого значительная часть коров была забита для нужд армии, а часть в начале 1944 г. продана населению за деньги, и весь остальной скот, оставшийся на день отступления финнов из района в земельных обществах или специальных хозяйствах, уведен в Финляндию. [...]

Управление населением проводилось в районе: один или несколько населенных пунктов, в которых назначался староста в границах прежних сельсоветов. Были местные комендатуры и в д. Космозеро районная полицейская комендатура. За невыполнение норм или хождение без пропусков население финскими извергами наказывалось розгами, избиванием резиновыми палками и заключением в «будку» (тюрьма при местных комендатурах) сроком на 5–10–15 и больше дней, в отдельных случаях до двух месяцев. Молодежи запрещалось танцевать, за это наказывали «будками» и все они работали на строительстве дорог за пределом района. Снабжали хлебом в 1941 и 1942 гг. плохо, 0,2 кг [выдавали] нерегулярно, много [людей] померло от голода, но с 1943 года и в 1944 г. не имеющим хлеба работающим давали 0,5 кг муки в день, 300 г иждивенцам по 500 г имеющим коров и по 750 г масла не имеющим скота, каждому на месяц, сахару по 0,500 г в месяц и т. д.

Таким образом, финны вели политику среди населения с одной стороны, заигрывая с народом путем улучшения снабжения, с другой, говоря населению «что Заонежье никогда больше не будет русским» и что по «истории в прошлом все финны, но забыли финский язык». [...]

Секретарь РК КП(б) КФССР

Н. Кукелев

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1174. Л. 2–5. Машинопись. Подлинник.

+ 2

Кукулев
10/11/44

СЕКРЕТАРЮ ЦК КП(б) ИВССР
ТОВ. КУПРИЯНОВУ

ЗАВ.С/ХОЗ. ОТДЕЛОМ ЦК КП(б)
ТОВ. АВДЕЯН

10/11/44

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАПИСКА

На территорию Заснежского района прибыли 27.11.1944г. в составе: 2-х секретарей РК КП(б) КУКЛЕВА, КУЗЬМИНА и председателя райсовета тов. РУГАЧЕВА.

Положение в районе на сегодня характеризуется следующим:

1. Население из прибрежных сельсоветов Сенногубского, Низского, Кузавандского, Вырозерского, Толвуйского, Типиницкого и части Деригузовского, Великогубского и Андозерского эвакуировано и размещено в Воймогубский, Великонивский, Асозерский, Карасозерский сельсоветы по 2-4 и больше семей в каждой квартире.
2. В Сенногубском, Низском, Типиницком, Кузавандском, Вырозерском, Толвуйском с/советах земля вовсе не обрабатывалась и не засеивалась с 1941 года, а также и в других сельсоветах % запустошенных земель составляет от 20-50.
3. Всего по району из 10900 га земли обрабатываемых до оккупации Заснежского района немецко-финскими захватчиками, по предварительным данным посеяно единоличными хозяйствами, земельными обществами и армейскими финскими частями 1650 га, кроме того поднято паров 423 га, следовательно всего в обработке 2073 га, а остальные 8827 га земли заброшены и не обрабатываются. Изгороди вокруг земли по всему району уничтожены.
4. Населения, по предварительным данным, в районе 11-12 тысяч человек, включая и население эвакуированное из других районов ИВССР перед оккупацией финнами Заснежского района. Все население с территории Сенногубского и Низского с/советов находится в лагерях, а также и часть молодежи из других сельсоветов района. Выше 10 деревень снесены и сожжены полностью, жилые дома колхозников Сенногубского, Низского, Кузавандского, Вырозерского, Толвуйского, Деригузовского, Пасиницкого и других сельсоветов разрушены: нет стекол, дверей, разбиты печки, сняты крыши, потолки, полы и т.д. Школы, больницы, клубы, избы читальни разбиты, не имеют стекол и требуют большого капитального ремонта.

4

4.

Следует отметить исключительно хорошую горячую встречу населения, выезжая по восстановлению колхозов в сельсоветы все население с окружающих деревень собиралось на митинги и не уходило до 4-3 часов утра, задавая сотни различных вопросов. Для быстрого восстановления района просим оказать помощь в следующем:

- 1) Направить на работу в РК КП(б) работников РК КП(б) согласно утверждению штаба, имея в виду, что мы пока работаем вдвоем с т. Кузьминим.
- 2) Дать указания наркоматам и ведомствам о направлении в район работников связи, кинофикации, торговли, суда, промсовета, банка, сберкассы, редакции и типографии и др. организаций, работа которых крайне необходима.
- 3) Направить трактора для организации работ по подьему паров, имея в виду, что земли заброшены и лошади их не вспашешь.
- 4) Выслать горючее: керосин, бензин, смазочные, имея в виду наличие 4-х исправных тракторов в районе оставленных финнами.
- 5) Выделить не менее 2-х мотоботов для внутренних перевозок, 5-6 автомашин можно в крайнем случае газогенераторные и одну легковую машину.
- 6) Выслать политическую литературу, журналы, газеты и в особенности послать работников райкома комсомола, типографии, редакции и кино.

По разрешению этих и многих других вопросов, связанных с восстановлением района, выезжает председатель райсовета РУГАЧЕВ.

Кукулев
СЕКРЕТАРЬ РК КП(б) ИВССР: (Кукулев)

6.11.44г.

36. **Протокол допроса обвиняемого Н. И. Павлова*, бывшего переводчика отдела надзора Главной ставки финской армии в Заонежском районе**

14 июля 1944 г.

Допрос начат в 12 часов.

Вопрос: Расскажите все, что Вам известно о зверствах финнов, которые были на территории Заонежского района.

Ответ: Из фактов зверства, учиняемых финнами в Заонежском районе, я могу привести следующее:

В конце 1941 г. была расстреляна без суда и следствия секретарь сельского совета Мухина Анастасия**, расстреляна она была по личному распоряжению полковника финской армии Ваалбек[а], обстоятельства расстрела я точно не знаю, по слухам известно, что Мухина была выведена из своего дома на улицу и здесь же расстреляна, конкретные лица, принимавшие участие в задержании и расстреле Мухиной А., я не знаю.

В начале 1942 года финскими солдатами был задержан красный партизан из отряда № 5 Крючкова – Кубачин Владимир, бывший тракторист Великогубской МТС, задержан он был вместе с другими партизанами, фамилии их я не помню. Кубачин Владимир после следствия в отделе надзора главной квартиры финской армии был передан финскому суду. Суд отказался судить Кубачина В. в связи с его несовершеннолетием. Через несколько часов после суда Кубачин В. был выведен из камеры командиром полицейского надзора лейтенантом Туоминен[ом] и расстрелян из автомата на улице около дома Нефедкиных в дер. Демидова.

Летом 1943 г. по гарнизонам и местным штабам была объявлена тревога в подозрении появления красных партизан или советских разведчиков. Сотрудник Яндомозерского местного штаба, фамилии не знаю, патрулировал дорогу, заметил местную женщину, которая шла с корзинкой по дороге, этот сотрудник окрикнул женщину, чтобы последняя остановилась, но так как женщина была глухая, на окрик не остановилась, сотрудник местного штаба без всякого дальнейшего предупреждения расстрелял ее из автомата.

В начале 1942 г. финским солдатом в д. Великая Нива была убита в очереди около магазина местная женщина, фамилии ее не знаю, а также неизвестны подробности убийства.

В начале 1943 г. в Толвуйском сельском совете была изнасилована местная женщина, которая после этого была убита, подробно обстоятельств этого случая я не помню, а также не знаю фамилии лиц, принимавших участие в изнасиловании и убийстве женщины, так как я слышал это из рассказов капитана Холло. Случаев беспощадных расправ и убийств над местными жителями было много в зоне расположения финских гарнизонов на побережье Онежского озера. Конкретно об этих фактах я рассказать ничего не могу, т. к. по долгу службы не касался. Избиения и расправы над местными жителями учинялись с начала оккупации до дня ухода финнов из Заонежского района и в большинстве случаев комендантами местных штабов, их помощниками начальниками земельных отделов. Известно, что зверски расправлялись и избивали коменданты местных штабов в д. Есино – Миеттинен, дер. Корятово – Ронконен^{3*}, дер. Великая Нива – Ройкко^{4*}, дер. Кажма – Лупасети, конкретных фактов привести не могу потому, что их было очень много и ежедневно.

Из фактов изнасилования местных женщин и девушек помню следующее: в начале 1944 года в местном штабе д. Корятово была изнасилована работниками штаба Лууконен[ом] и Райеки^{5*} секретный сотрудник отдела надзора, житель дер. Коря-

тово Лушина Анастасия. В том же году из д. Вигово была вызвана в местный штаб д. Великая Губа местная девушка по имени Клава, которая изнасилована мл[адшим] лейтенантом Ригверг (не точно). В 1943 г. в Толвуйском с[о]вете, деревни не знаю, была изнасилована пятнадцатилетняя девушка сержантом финской армии, фамилии не знаю. Подобных случаев было много и припомнить все я не могу. При допросах задержанных красных партизан и допросах местных жителей в полиции и местных штабах известны случаи избиения следующие:

В начале 1942 года в отделе надзора главной квартиры был избит задержанный красный партизан Островский за отказ дать показания, избивали его следователь Майсниemi Пааво и сыщик Исотало Феликс.

В начале 1942 года в отделе надзора при допросе был избит кулаками советский разведчик – Горшков Василий, избивал следователь Майсниemi Пааво и один раз ударил кулаком по челюсти я за то, что он назвал меня при допросе «Николай Иванович». Случаев избиения задержанных красных партизан и разведчиков при допросах в отделе надзора было много, и всех я припомнить не могу, а также забыл и фамилии задержанных, которые подвергались избиению. При допросах в отделе надзора из местных жителей были избитые. В начале 1943 года сыщик Исотало Феликс избил при допросе резиновой палкой Жданова Николая, который допрашивался о попытке перехода его на советскую сторону. Жданова Н. избивали до тех пор, пока последний не крикнул, что у него сифилис, в связи с чем от испуга этой болезни Исотало отскочил в сторону и побежал мыть руки.

В начале 1943 г. на допросе в отделе надзора был отец советского разведчика Гайдина – Гайдин Егор, от которого добивались признаний следователи Лайхо (он же сыщик) и переводчик Лустиг. Лайхо Гайдину Егору при допросе закручивал ворот верхней одежды, сжимая этим самым горло. Других случаев не помню, их так было много. Поддерживая режим, установленный в Заонежском районе КФСР, финны множество местных жителей сослали в лагеря и посадили в тюрьму, за малейшее преступление жители избивались и заключались в будки при местных штабах, а за связь с партизанами и высказан[ные] настроения против финнов жители в обязательном порядке выдворялись в тюрьмы или ссылались в лагеря. Больше всего подвергались наказанию молодые, конкретных фактов привести не могу.

Вопрос: Вы только что рассказали о фактах зверства и расправ финнов, учиняемых над жителями и задержанными красными партизанами. Какое Ваше участие в этом?

Ответ: Рассказывая о фактах расправ финнов над жителями и задержанными красными партизанами, с моей стороны были также случаи, когда я по приказанию вышестоящих начальников наносил удары лицам, допрашиваемым в отделе надзора, из конкретных фактов избиения, в которых я лично принимал участие, [я] привел случай с Горшковым, других случаев избиения при допросах сейчас я не припоминаю, но с моей стороны они были. Из местных жителей в начале 1942 г. я избил Изотова Константина за то, что он отказался привезти дров Нефедкиным, которые не могли расплатиться с Изотовым, также мною был побит бывш[ий] заключенный ББК, фамилии не помню, за обман жителей, может быть были и еще случаи, когда я наносил удары местным жителям, но сейчас этих фактов припомнить не могу.

Вопрос: Кого Вы знаете из предателей в Заонежском районе, по сообщениям которых были задержаны красные партизаны и допрашивались в отделе надзора?

Ответ: Всех, кого я вспомнил, я назвал на предыдущих допросах, других лиц сейчас не помню, за исключением случая предательства группы Орлова – Русаковой Таисией, которая в конце 1942 года установила связь с разведывательной группой Орлова, в составе которых находился ее муж Русаков Александр, Гайдин Степан и др., эта

связь стала известна женщине, жившей в одном доме с Русаковой Таисией, фамилии той женщины я не знаю, последняя получила награду продуктами. Эта женщина сообщила о факте связи Русаковой Т. с партизанами, после чего Русакова была допрошена комендантом местного д. Есино в присутствии командира взвода финских солдат, назначенных на поимку этой разведывательной группы. При допросе Русакова Т. изъявила согласие свести группу солдат на место встречи с советскими разведчиками, что ею и было сделано. С помощью Русаковой советские разведчики на месте встречи, назначенной Русаковой, солдатами были обнаружены.

Вопрос: Что еще можете дополнить по существу дела.

Ответ: Больше дополнить ничего не могу.

Допрос окончен в 17 час[ов] 00 мин[ут].

Протокол с моих слов записан верно и мною прочитан.

Архив УФСБ России по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 155. Л. 1а–3. [Копия]. Машинопись.

* Павлов Николай Иванович, 1912 г. рождения, русский, уроженец города Ленинграда, гражданин Финляндии. Переехал в Финляндию в 1922 г. В период с декабря 1941 по июнь 1944 г. являлся переводчиком, сотрудником финской контрразведки на территории Заонежского района КФССР. 26 июня 1944 г. добровольно сдался в плен. В ходе следствия было установлено, что Н. И. Павлов избивал на допросах пленных, и в 1945 г. по Указу Президиума Верховного совета СССР он был осужден сроком на 25 лет ИТЛ. В результате его показаний было выявлено и разоблачено несколько десятков изменников Родины и агентов финских контрразведывательных органов. В 1952 г. Н. И. Павлов подал ходатайство о помиловании в Президиум Верховного совета СССР, которое было удовлетворено. После освобождения проживал в городе Петрозаводске.

** Очевидно, имеется в виду Мухина Татьяна Андреевна, проживала в Кузарандском сельсовете, 1920 г. рождения, работала секретарем сельсовета, расстреляна.

3* В документе № 42 раздела 1 данного сборника фамилия указана как Ранконен.

4* В документе № 42 раздела 1 данного сборника фамилия указана как Райкко.

5* В документе № 42 раздела 1 данного сборника фамилии указаны как Луукоонен и Райски.

37. Из докладной записки инструктора организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б) КФССР Серышева в ЦК КП(б) КФССР «О ходе работ по восстановлению органов власти и хозяйства в Заонежском районе КФССР, освобожденном Красной армией от немецко-финских захватчиков»

2 августа 1944 г.

[...] До оккупации в школе насчитывалось 55 школ в том числе 1 средняя, 10 неполных средних и 44 начальных, в которых обучалось от 4500–4700 учащихся, в них работало 240–260 учителей. Для детей, нуждающихся в питании и общежитии, было создано 18 интернатов, которыми было охвачено 900 чел[овек].

В период оккупации примерно с осени 1942 г. финнами было открыто и работало 5 школ в местах и с количеством учащихся:

1. дер. Великая Губа с охватом учащихся	110 чел[овек],
2. дер. Терехово	73 чел[овека],
3. дер. Фоймогуба	100 чел[овек],
4. дер. Мироновская	25 чел[овек],
5. дер. Великая Нива	110 чел[овек].

Занятия проводились на финском языке, за исключением Тереховской школы, куда было привлечено 2 учителя.

Кроме обучения грамоте на финском языке обучали естествознанию, географии, истории, математике, пению, рисованию, физкультуре, рукоделию и Закону Божьему.

Не зная финского языка, учащиеся не получили знаний. На уроках применялось физическое наказание, особенно избиениям подвергались мальчики. [...]

В период оккупации в д. Космозеро существовал так называемый «детский приют», в котором находятся в настоящее время 32 чел[овека] из них:

1) школьного возраста – 22 чел[овека],

2) дошкольного возраста – 9 чел[овек],

3) ясельного возраста – 1 чел[овек].

После ухода финнов воспитанники оказались в трудном положении, нет белья, обуви и одежды. При уходе финны раздели с детей белье и одежду и забрали постельные принадлежности. Недостаточно обеспечены продуктами питания. Бывшее здание детдома в Космозере в 1942 г. сожжено финскими извергами, дети находятся в непригодном помещении. [...]

Полного учета разрушений жилого фонда в районе еще нет, по предварительным данным свыше 10 деревень финнами снесены и сожжены полностью. В одном Деригузовском с/совете полностью разрушено 146 домов. Жилые дома колхозников Сенногубского, Кижского, Кузарандского, Вырозерского, Толвуйского, Паяницкого с/советов полуразрушены – нет стекол, дверей, разрушены печи, сняты крыши, потолки и полы и т. д. [...]

На базе колхозов с наиболее компактно расположенными плодородными земельными массивами и с наибольшей их площадью, а также с наибольшим количеством трудоспособной силы, как местной, так и эвакуированной, были созданы «общины» – крупные хозяйства, в которых все орудия и средства производства с землей и получаемой хозяйством продукцией были объявлены собственностью финского государства.

Крестьянство, лишенное орудий и средств производства, было поставлено в необходимость батрачить в этих хозяйствах, управляемых финнами, ставленниками оккупационных властей. Никакого участия в распределении получаемой продукции «общинники» не принимали, получая определенную им норму довольствия через магазины.

Таких хозяйств на территории района имелось 5. Распорядок дня общин поддерживался побоями, заключением в «будку»-тюрьму, имеющуюся в большинстве населенных пунктов, и лишением работы.

Была по форме сохранена часть колхозов, где колхозники получали часть сельскохозяйственных продуктов за деньги, заработанные ими здесь же в колхозе.

Распределение этой части урожая производилось по едокам, а не в соответствии с затраченным трудом, причем хлеб колхозники получали необмолоченным, а урожай мошеннически определялся финскими властями обмолотом снопов с лучших полей, а в большинстве случаев определялся на глаз приблизительно, остальная наибольшая часть урожая безвозмездно забиралась финнами и увозилась.

Основной формой землепользования являлось индивидуальное крестьянское хозяйство. Наделение этих хозяйств землей рабочим и продуктивным скотом и сельхозмашинами производилось за деньги. Лошадь стоила 3500 и до 1100 марок, корова 2500–3000 марок, земля арендовалась по цене 200 марок гектар на год.

Выделившиеся индивидуальные хозяйства оказались в долгах за получаемый ими скот и землю. Долги в 1,5–2 раза превышали годовой доход хозяйства.

39. Из докладной записки инструктора организационно-инструкторского отдела ЦК КП(б) КФССР Кудрявцева заведующему организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власову «О состоянии организационной, партийно-массовой работы и восстановления народного хозяйства по Заонежскому району»

Не ранее 10 сентября 1944 г.

[...] В период оккупации в районе оставалось 20 коммунистов, в том числе: арестовано финнами и увезено – 5, убит – 1 [...].

На территории, оккупированной врагом, оставалось 132 комсомольца, причем большинство из них осталось по причине того, что не успели эвакуироваться родители. В период оккупации работали на лесозаготовках, дорожных работах, в общинах, а часть находилась в лагерях. [...]

После освобождения района прибыло население из неоккупированных районов до 500 чел[овек] и из районов, бывших под оккупацией, в частности, с Петрозаводска – 600 человек, причем все русские. До войны в районе было 15 сельсоветов, на 5 сентября 1944 г. все они восстановлены. В 15 сельских советах избраны исполкомы и утверждены райсоветы. В 2 сельсоветах, Кижский и Сенногубский, еще мало населения и там назначены райсоветом и работают и[сполняющие] о[бязанности] председателей с/советов.

Из 15 председателей с/советов 13 избраны из числа населения, находившегося на оккупированной территории, в лагерях или работавших на тяжелой физической работе. Например:

1. Председатель Толвуйского с/совета Лазарев Петр Иванович, б/п, инвалид, до оккупации работал счетоводом к[олхо]за им. Калинина. В момент оккупации, чтобы не досталось финнам, в колхозе было забито 30 телят и роздано колхозникам 8 тонн ржи. Колхозники всячески саботировали приказы финских властей, не сдавали хлеб, скот, за что в числе других Лазарев П. И. был избит плетьюми финской полицией. Он сохранил за годы оккупации Устав колхоза и «Акт о закреплении земли колхозу на вечное пользование».

2. Председатель Фоймогубского с/совета Матихина до оккупации состояла членом ВЛКСМ, бюро РК ВЛКСМ не рассматривало апелляций, в период оккупации была в лагерях, работала на дорожных работах. [...]

В период оккупации финские захватчики проводили массовые грабежи, издевательства, избиения и расстрелы мирных граждан. [...]

Расследованные факты красноречиво говорят:

1. В январе месяце 1942 г. были расстреляны в дер. Устьяндома Яндом[озер]ского сельсовета Заонежского района без следствия и суда военнопленные Бычков Василий Иванович, род. 1924 г., уроженец дер. Федосова Гора Вырозерского с/совета и второй военнопленный, личность не установлена. Расстрелял комендант местного штаба Меттонен.

2. 24 ноября 1942 г. в дер. Дем[е]ховская Вырозерского с/совета комендантом местного штаба Рейко при разгоне населения собравшейся очереди для получения продовольствия был расстрелян гр[аждани]н Фролов Александр Дмитриевич (48 лет)

3. В ноябре 1941 г. в дер. Мокровщина* финские изверги расстреляли гр[аждани]на Самылкина Федора Михайловича, труп которого с пробитым черепом был найден в лесу.

4. 9 декабря в дер. Устьяндома фашистским карательным отрядом был избит гр[аждани]н Талопин Михаил Васильевич и увезен в неизвестном направлении.

10 декабря 1941 г. расстреляли Кириллина Петра Тимофеевича и Ильину Надежду. Убийца Киннунен Якко.

5. В 1942–1943 гг. был неоднократно подвергнут избиению ни в чем не повинный гражданин Клинов Яков Афанасьевич, рождения 1886 г. в дер. Сафроновская Вырозерского с/совета. Вследствие зверских издевательств Клинов остался инвалидом.

6. 9 сентября 1942 г. [в] Космозере в местный штаб комендантом Куккола был вызван гр[ажданин] Июдин Иван Александрович, рождения 1896 г. с дер. Сафроновская Вырозерского с/совета и подвергнут всяческим избиениям, вследствие чего получил увечье (грыжу) и лишился трудоспособности.

7. 15 мая 1943 г. гр[аждани]ка Андреева Федосия Сергеевна, 65 лет, с д. Ивантиевская Вырозерского с/совета, обратилась к начальнику штаба в дер. Ламбасручей Пергонен[у] с просьбой предоставить ей работу полегче ввиду преклонного возраста. Финский бандит «удовлетворил» просьбу Андреевой тем, что вышвырнул ее по лестнице со 2 этажа пинками ног и избил розгами.

8. Весной 1943 года за выход из населенного пункта д. Пурчино** 14-летние подростки Андреев Михаил Петрович, Июдин Владимир Иванович комендантом Куккола были зверски избиты резиновой плеткой и высланы на лесные работы.

9. В д. Ваньки в декабре 1943 г. финский комендант Ховисто Вилье за танцы избил Никитина Александра Егоровича, Колпакова Николая Николаевича и Тарасова Анатолия Григорьевича.

10. В д. Есино комендант Меттонен со второго этажа сбросил гр[аждани]на Чуркина, после спустился вниз и избил его лежащего, в результате чего Чуркин скончался.

Этот же негодяй издевался над голодным стариком Пименовым М., когда последний приходил просить кусок хлеба, то он его заставлял маршировать под общий хохот финских солдат.

11. 20 ноября 1941 г. в д. Поршино** Кузарандского с/совета финскими бандитами была расстреляна Мухина Татьяна Андреевна, рождения 1920 г., за то, что она работала секретарем Кузарандского сельсовета. Председатель этого же сельсовета тов. Логинов Яков Иванович, рождения 1918 г. при допросе был избит и замучен до смерти. Скончался в городе Петрозаводске в больнице.

12. 20 февраля 1944 г. в д. Великая Нива Великоновского сельсовета в доме гр[аждани]ки Васильевой Анны Николаевны финским солдатом Няккиевым Федором, находившимся в пьяном виде, был убита из нагана гр[аждани]ка Котова Надежда Николаевна, рождения 1894 г., бывший председатель колхоза «Ленинская Красная Нива», активистка Великоновского с/совета. Убита она была на глазах у дочери Котовой Веры Егоровны, 1927 года рождения, и племянника Харитонова Юрия, 6 лет.

13. По распоряжению начальника земельного отдела финской власти Лакса Арни переводчиком Осиповым Василием Ивановичем, по нац[иональности] карел, в дер. Палтеги Великоновского с/совета 21 июля 1942 г. за невыход на работу был избит плетьюми Филин Григорий Ефимович, рождения 1928 г. В своем заявлении на имя районной комиссии Филин пишет, что «мать оккупантами была угнана в лагерь, а мы с братом были дома, хлеба у нас не было, а я поэтому не мог выйти на работу и за это меня избили до потери сознания». [...]

Инструктор оргинструкторского отдела ЦК КП(б) КФССР

Кудрявцев

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1174. Л. 59, 69, 73–76. Подлинник. Машинопись.

* Вероятно, имеется в виду деревня Марковщина.

** Возможно, деревня Пургино Космозерского сельсовета Заонежского района.

*** Вероятно в названии деревни допущена ошибка.

40. Из акта Кондопожской районной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Кондопожского района

15 сентября 1944 г.

[...] Со времен оккупации г. Кондопога и Кондопожского района в октябре 1941 г. финские фашисты в целях внедрения своего режима создали по району ряд комендатур, которые под руководством районного штаба, возглавлявшегося капитаном Салокангас, применяли по отношению к оккупированному населению зверские методы обращения: избиение, различные издевательства, пытки, истязания и убийства. Финские оккупанты и их пособники в своих зверствах не считались ни с полом, ни с возрастом людей и подвергали самым жестоким избиениям женщин, стариков и детей. В г. Кондопога рабочего Сондальской биржи Вахрушина по распоряжению финского капитана Литонена неизвестно за что били, истязали так, что он на другой день умер. Лукина Мишу, 11 лет, зверски избили за то, что он, будучи голодным, просил милостыню. Алюхину Люцию, Пахомова Сергея, 10 лет, Илемсельгский комендант Лилия избил за то, что они, будучи голодными, просили у финских солдат хлеба и бил он детей резиновой плеткой до потери сознания. Девушек работниц Софронову Александру, Котову Марию, Лу[ч]кину Антонину, Исакову Ирину заключили в исправительный лагерь за то, что они обратились к финскому администратору Сеппеля с просьбой облегчить их каторжный труд, перевести их на менее тяжелую работу.

Избиения и издевательства практиковались финнами в отношении русского населения по самым различным поводам и даже без каких-либо проступков или существенных причин. Гр[аждан]ка Попова Марфа Ефимовна, уроженка Заонежского района д. Толвуя, проживавшая на ст[анции] Новый поселок Кировской ж[елезной] д[ороги], была зверски избита за то, что ехала на ст[анцию] Кяппесельга навесить своего порезанного поездом сына. У гр[аждан]ки Поповой оказался просроченным пропуск, ее посадили с поезда, доставили в комендатуру г. Кондопога и здесь комендант Кавехеймо избил ее резиновой плеткой во время допроса до потери сознания. Свидетельница Хорошилова Татьяна Трофимовна, проживающая на ст[анции] Новый поселок Кировской ж[елезной] д[ороги] показала: «...Нас с Поповой направили в Кондопогу в штаб, в штабе нас допрашивали комендант города Кавехеймо, когда вызвали на допрос Попову, я слыхала, как Попова кричала от ударов, потом несколько минут не слышно было крика, а затем снова закричала и это повторялось три раза. Через несколько минут Попова вышла на улицу. Попова была в плохом состоянии, все тело ее почернело. Она не могла стоять на ногах...».

Гр[аждан]ку Никонову Матрену Федоровну, проживающую на ст[анции] Суна, кладовщик финн Лукконен избил кулаками за то, что она отказалась освободить для него свою комнату. Пока Никонова отлучалась, Лукконен вещи ее из комнаты все-таки выбросил, а комендант Онкури* за то, что Никонова пожаловалась на поведение Лукконена в г. Кондопогу, заставил Никонову бесплатно отработать 10 дней на разделке дров, отобрав у нее ряд вещей (обувь, мануфактуру и т. п.), а затем многократно допрашивал Никонову, сажал на 3–4 дня в будку отпускал на 2–3 дня и снова сажал в будку, где с помощью Ойла подвергал Никонову избиениям, причем он сам, Ункури бил палкой, а Ойла резиновой плеткой по голове, спине, всему телу или истязали до потери сознания. Ункури тыкал палкой в лицо, нажимал шейные мышцы, отчего было очень

больно, шумела и не поворачивалась голова. Ункури во время избиения приговаривал: «Вас, русских, надо убить». [...]

Гр[аждан]ку Логинову Анну Ивановну комендант Ункури избил резиновой плеткой за то, что она набрала в одном из оставленных жителями погребов мерзлого картофеля, чтобы хоть несколько смягчить муки своего голодного существования.

Гр[аждан]ку Киселеву Анисью Васильевну финн Бардиан побил палкой за то, что во время молотбы она отошла к соломе, чтобы взять нужные ей для работы грабли. Он, Бардиан, видимо подумал, что Киселева отошла, избегая работы.

Гр[аждан]ин Макаров Михаил Иванович, проживавший в дер. Тулгуба 66-летний старик, был неоднократно зверски избит финнами. В 1942 г. Макарова избил палкой по голове директор завода финн Лайно за то, что старик не мог перетаскивать непосильные тяжести – мешки с удобрениями. Комендант Ункури избил Макарова за уход на обед, хотя пойти обедать Макарову разрешил Лайно. Неизвестный финский солдат-автоматчик побил Макарова за то, что последний, не зная финского языка, не понял грубых окриков солдат.

Гр[аждан]ка Кирьянова Татьяна Максимовна была избита комендантом Ойла резиновой плеткой за то, что ее мальчики зимой 1942 г. собирали колоски, чтобы не умереть с голода, которым морили финны оставшееся население. Побои Кирьяновой чередовались с допросами, и эти издевательства продолжались около часа.

Гр[аждан]ка Монакова Евдокия Николаевна получила от финна Лайно удар кулаком в ухо за то, что стала возражать против отбора у нее последней меховой одежды, которой укрывались дети Монаковой [...].

Гр[аждан]ин Амбаров Николай Акимович из д. Кедрозеро Лижемского сельсовета Кондопожского района, сделавший попытку бежать из д. Огры** Толвуйского сельсовета Заонежского района, показал: «К побегу я был побужден голодом и невыносимо тяжелыми условиями работы на белофинском дорожном строительстве между пунктами Толвуя – Шуньга. Не успел я проехать и 4 км по Онежскому озеру, держа курс на Пудожский район, как был задержан и направлен в «будку» (род тюремной камеры) в Космозеро, где я пробыл в течение 1 месяца, получая в сутки из продуктов питания 2 литра ржаной баланды и 5 галет. Через месяц я был эпатирован в штрафной лагерь в Лососинку, где был заключен в одиночную камеру. Я в течение 3 суток не получал питания кроме 1 кружки сырой воды. На 4 сутки в камеру пришли 5 белофиннов, через переводчика спрашивали не красный ли я партизан. В ответ на мои отрицательные ответы избивали меня белофинны железной цепью до потери сознания. Методом молотбы урожая ручными цепями меня избивали двое белофиннов, а трое других держали за голову и ноги. Ноги мои, начиная от бедер и кончая ягодицами, были превращены в черную массу мяса, а сам я потерял сознание, через несколько дней эти финны заставили меня раздеться и в одном нижнем белье увели в лес. Здесь я снова подвергся истязаниям. Меня избивали по ногам сплетенной из тонкой проволоки веревкой в мизинец толщиной. Вместе с этим на меня натравливали собаку, но давали ей наносить только мелкие укусы и также только на ногах. Сколько времени продолжалась пытка, я не знаю, помню только, что по дороге в камеру один из белофиннов ударом палки рассек мне голову. Гр[аждан]ина Амбарова Николая Акимовича приговорили после всех истязаний к 2 годам 8 месяцам лишения свободы и направили в лагерь в Пряжу, где он находился до прихода Красной армии. Амбаров дополняет свои показания: «В настоящее время я являюсь совершенно больным человеком, могу лишь не более 2 часов работать сидя, а затем вынужден ложиться».

Так искалечили финские палачи колхозника лишь за то, что он хотел вырваться из созданного оккупантами невыносимого режима.

В августе 1942 года комендантом Илемсельской комендатуры Лилией был произведен обыск у населения якобы по случаю хищения зерна и такового у населения не обнаружили. Тем не менее двенадцать человек невинных советских граждан были доставлены в комендатуру, где над ними всячески издевались и избивали. В результате этого два советских гражданина – Викулина Татьяна и Семенов Федор умерли после этого [...].

Председатель Кондопожской районной Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков
Члены комиссии:
ст[арший] лейтенант гос[ударственной] безопасности
Присутствовали: прокурор Кондопожского р[айо]на
Депутат райсовета депутатов трудящихся
Председатель исполкома Кондопожского городского совета депутатов трудящихся
Уполномоченный республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков

Денисов А. В.
Смольков И. А.,
Кузин А. И.
Родзевич Г. А.,
Афанасьев Ф. В.,

Соколов Д. Г.

Александровский А. П.

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 64. Л. 28 об. – 30 об. Подлинник. Машинопись.

* Далее фамилия указывается как Ункури.

** Возможно, речь идет о деревне Огоровцы Толвуйского сельсовета.

41. **Из докладной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) КФССР Н. И. Кукелева заведующему организационно-инструкторским отделом ЦК КП(б) КФССР И. В. Власову о положении в Заонежском районе, освобожденном от оккупации**

18 сентября 1944 г.

[...] По предварительному учету, произведенному в сельсоветах после освобождения района от немецко-финских оккупантов, населения было 12500 человек. Из числа населения, проживающего на оккупированной территории, выехало с оккупантами 48 человек [...].

В период оккупации Заонежского района немецко-финскими [войсками] захватчики проводили массовые грабежи, избиения и издевательства над советскими гражданами. При жестоких избиениях и издевательствах отбирали у населения хлеб, скот, [в] личное пользование золотые и серебряные вещи и даже чайную посуду.

Жестоким избиениям были подвергнуты Манойлов, Иванов, Романов и ряд других. После издевательства и избиений были без суда расстреляны Исаков, Мошкин, Логинов.

В районе имеются многочисленные факты борьбы советских граждан с финскими захватчиками и оказание помощи подпольщикам и партизанам. [...]

Секретарь РК КП(б) КФССР

Н. Кукелев

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1174. Л. 33. Машинопись. Подлинник.

42. **Из «Справки о финских чиновниках-оккупантах, чинивших зверства над населением КФССР», составленной на основе показаний Н. И. Павлова*, бывшего переводчика отдела надзора Главной ставки финской армии в Заонежском районе**

14 октября 1944 г.

1. Подполковник Рольф Шильд. Один из наиболее видных работников финской контрразведки, которому поручались чистка и расследование дел, в которые был замешан командный состав армии. Он был назначен начальником отдела надзора при Военном управлении Восточной Карелии, в котором и работал до слияния последнего с отделом надзора Главной квартиры, а после этого он работал при Управлении концлагерей в г. Петрозаводске. До войны он работал в полицейском аппарате одним из руководящих работников (точно неизвестно кем).

Им проводилась «чистка» и расследование дела Заонежского штаба, районного начальника и Екатерины Власовой.

Причем было выяснено при участии лейтенантов Пессала Лаури и Майсниemi, что начальник Заонежского района капитан Евгений Аутере покровительствует бывшему активу и членам партии, оставшимся в районе, который, считая их дельными и способными людьми, невзирая на приказы и директивы сверху, не принял мер к изоляции этих лиц, а наоборот приблизил к себе одного члена партии, устроил работать в районный штаб, доверил цензуру почты гражданского населения. Аутере был снят с работы и отдан под суд, а Власова Екатерина была выслана из района и послана в лагерь для карел в Ребольском районе. Назначенный работать в лагеря г. Петрозаводска Шильд, по рассказам других работников отдела надзора, создал в последних строгий режим, им особенно проводилась и подчеркивалась та разница, которая существовала между русским и карельским населением.

Он лично при других работниках надзора говорил в д. Космозеро, что зря русских кормят, а надо мол их всех поставить под пулеметы и этим Финляндия избавится от лишних ртов и [в] будущем не будет существовать проблемы национального меньшинства.

2. Начальник Военного управления Восточной Карелии полковник Котилайнен. Был одним из наиболее активных работников, который имел власть, старался уничтожать и истреблять все, что в Карелии осталось от советской власти, он был вдохновителем людей, которые старались в 1942 году весной выселить русское коренное население из Заонежья на советскую сторону и поэтому снабжение района хлебом было приостановлено, этим хотели достичь того, чтобы народ сам захотел уйти, а если не уйти, то просто помер бы от истощения.

Котилайнен был близок к обществу «КАО»*. За проводимую им политику был очень непопулярен даже среди финнов.

3. Карпела (Карпов) Борис жил до учения в Юрьевском университете в мест[ности] Суоярви, будучи студентом в Эстонии, был близок к студенческим корпорациям немецкого толка и не состоял членом русской корпорации «Рутения», которая была одной из наиболее левых корпораций Юрьева.

4. Порвали работал комендантом в Кондопожском районе, член известной в Финляндии семьи, он вместе со своими братьями бывал в СССР до войны 1939 года нелегально. Он, как и другие его братья, служил в погранохране Финляндии. По рассказу Ескола, он подерживал в своей комендатуре суровый режим и подвергал людей телесным наказаниям.

5. Лейтенант Ряме – начальник полиц[ейского] взвода воен[ной] полиции, квартировавшей в Космозеро, в 1942 году принимал личное участие в расстрелах советских граждан Балаева и других. Ряме в гражданское время работал в полиции г. Куопио.

6. Мл[адший] лейтенант Туоминен – начальник взвода воен[ной] полиции, квартировавшей в Космозеро, в 1941–[19]42 гг. принимал личное участие в расстрелах советских граждан. Им лично был убит без приговора суда советский гражданин Владимир Кубачин, родом из села Великая Губа.

Туоминен ввел в селе Космозеро суровый режим, сажал людей в карцер за то только, что они приходили просить кусок хлеба или остатки пищи от солдатского котла. Он лично снял с военнопленного Иванова шубу и «подарил» за 1000 марок ее одному своему знакомому капитану. Иванова оставил буквально без одежды в одной гимнастерке, дело было зимой в мороз. Туоминен член «КАО». Последнее время он служил где-то на реке Свирь со своим взводом.

7. Старшина Меласниemi – кадровый военнослужащий в кавалерийской бригаде, член полевого суда в группировке ген[ерала] Ойнонен[а], был одним из злейших ненавистников русских, он всегда раньше других членов выносил решение «смерть». Своими решениями много повлиял на судьбу советских граждан, т. к. пользовался авторитетом среди других членов суда из-за своего большого стажа службы, последние не смели уже идти в разрез с ним. Он много издевался над мирным населением, избивал последних. Например, им был избит житель села Демидово Новак без всякой причины со стороны последнего.

По его приказанию солдаты разрушали также дома мирных жителей, ломая печи, окна и снимали крыши для отопления своих домов. Он не принял мер пресечения в деле заражения советской гражданки из дер. Пустыня венерической болезнью одним из своих солдат, а только сказал солдату «заплати за случку», затем эта женщина была по приказу из его же штаба выслана в лагерь со своими детьми.

8. Корнет Лиусканто – член суда, много выносил смертных приговоров советским гражданам. Им был осужден совместно с другими советскими гражданами Васильев, который затем был расстрелян в Петрозаводске.

Лиусканто, владея русским языком, часто ездил по деревням и скрывая знание языка, прислушивался к разговору мирного населения, выявляя среди них лиц, настроенных враждебно к финнам, которые потом уже ссылались по разным лагерям.

Принимал участие в боях и погоях за партизанскими отрядами в 1941–1942 годах. Имеет немецкие ордена.

9. Вуорио, капитан – начальник трофейной роты, в прошлом работник криминальной полиции в г. Хельсинки, где он был следователем, близок к финской охранке, т. к. по его рассказам и разговорам знает многих ее сотрудников и вообще был в курсе дела последней.

10. Риска, лейтенант – работник штаба группы «О», выступал на сессиях полевого суда прокурором и, не ознакомившись с делом, просто поговорив со следователем, требовал смертной казни обвиняемых, он выступал почти на всех заседаниях в период 1942–1943 годов до ухода кавалерийской бригады из района. Он временно заменял начальника адм[инистративного] отдела капитана Сильвигельма, в тот период им были [за]вербованы лица из гражданского населения, с некоторыми он впоследствии подерживал даже переписку до весны 1944 года, например Новак.

11. Хурри – начальник (комендант) деревни Ламбасручей после нападения группы Орлова. В прошлую войну^{3*} Хурри был работником отдела надзора Главной квартиры, но затем он был полицейским где-то в северных районах страны, а в эту войну он попал в Военное управление. Перед Ламбасручем он работал в карельских районах, где себя зарекомендовал как очень ярый и «строгий» комендант, он относился очень плохо к населению, бил за малейшее упущение и систематически оставляя все просьбы и даже официальные прошения без внимания

12. Комендант Миеттинен – полицейский до войны 1939–[19]40 гг., работал комендантом в деревне Яндомозеро, Ламбасручей, а затем некоторое время помощником районного полицейского офицера, он был переведен в Петрозаводск, где был назначен куда-то в лагерь охранником.

Во всех местах службы себя показал как истинный зверь, жестоко избивал и издевался над населением, он пинал беременных женщин ногой в животы, сбрасывал с лестниц своего помещения в Яндомозере людей вниз и часто бил в кровь лица мужчинам просто за то, что они приходили просить от него пропуск для того, чтобы сходить в районный центр к врачу или по делам в районный штаб. За его зверское отношение к населению он был даже ругаем работником отдела надзора Лайхо, о чем последнему было приказано Пессала.

13. Ранконен^{4*} – комендант дер. Сенная Губа, в 1941–[19]42 гг. и в дер. Кoryтово в 1943 г. Один из наиболее активных оккупантов, которые грабили район, прибирал к своим рукам частное имущество советских граждан, а также прибирал и скрывал от властей трофеи и исторические ценности. Ранконен вывез из церкви Клименицкого острова около 3 кг серебра, несколько ценных икон из Кижской церкви. При эвакуации населения с острова в лагерь, которую проводил сам лично, грабил население, отнимая от них одежду, меха, ценности, которые затем впоследствии продавал через своего переводчика Вилле русским в Заонежском районе.

Он сам говорил, что ему до старости хватит средств прожить, не работая. Исключительно зверски относился к гражданскому населению, избивая женщин и детей. На него были жалобы в районный штаб, но делу не давалось хода.

Он присваивал личное имущество как мануфактуру, патефоны, кожу и одежду лиц, высылаемых административно из района в лагерь за участие в истребительном отряде.

В 1944 г. весной Ранконен был переведен в район Ведлозеро распоряжением районного штаба за зверское и жестокое отношение к народу, т. к. финны в 1944 г. уже стали считаться с мнением и настроением жителей оккупированной области.

Ранконен особенно сильно избивал жителя деревни Ритселкя^{5*} Ставейкова, после избиения отнял от последнего всю обувь и кожу, которую затем оставил себе.

Он скрывал от районного штаба отнятый от населения скот, который затем передавал через своего переводчика Вилле в район Ребола, наживая на этом большие деньги.

14. Хаависто – комендант д. Яндомозеро в 1943–[19]44 гг., был в 1941–1942 гг. комендантом дер. Кажма и принимал активное руководящее участие в эвакуации населения Шуньского с/совета, грабя население и устраивал за взятки эвакуированным проезд на вольное жительство в г. Петрозаводск, им была убита в 1943 году одна женщина в д. Есино, которая не остановилась на его окрик, а шла в лес за грибами. Создал для населения своих деревень строгий режим, не давая жителям никаких свобод, ни даже свободы передвижения по району.

Выкачивал золото и меха для своих личных целей, на чем составил себе состояние. Он доставил много изделий и мебель карельской березы для капитана Сихвомаа Кости в районный штаб. Хаависто до войны работал полицейским г. Вааза^{6*}.

15. Фаста – комендант дер. Великая Губа, спекулировал на продовольственных карточках, имея знакомство в распределителях своей деревни, он сговорился осенью 1942 года с ними, и жителям не было дано ни грамма жиров и сахару, а он отобрал карточки, около 500–600 штук, вырезал купоны на эти товары, получил для себя лично 250 кг сахару, около 100 кг масла и 100 кг мяса, продукты он затем продавал знакомым финнам по т. н. коммерческим ценам. Занимался эвакуацией населения из Великой Губы в лагерь, откуда по его личному указанию в 1942 г. было выслано много людей в лагерь, он объяснил эту чистку желанием создать себе спокойный район.

16. Лааксонен Вилле – комендант д. Полей, создал у себя в деревне жестокий режим, избивал женщин и детей. Часто бил народ в пьяном виде, за что даже финнами был наказан – 2 раза арестован по 14 суток. Выселяя из лагеря в 1942 г., разъединял семьи, оставляя детей в деревне, родителей ссылал. Например, семейство Савинковых он оставил в деревне с кучей детей, а сестру Савинковой, работоспособную женщину, сослал в лагерь только потому, что Савинковой сестра ему что-то резко ответила. Он также сильно грабил народ, «покупал» за кусок хлеба, в буквальном смысле слова, золотые 5-рублевые и 10-рублевые монеты. Он вместе с работником снабжения Симола при ревизии хлеба в 1941 г. оставили себе несколько тонн хлеба в складах, на который затем тайком от властей весной 1942 г. в период голода меняли золото, меха, одежду, кожи и все, что представляло ценность, все эти вещи они затем переправляли в Финляндию, где переводил на деньги.

17. Симола – начальник снабжения в д. Поля, также создавал зверский режим, часто лишал жителей нормы хлеба, хотя последняя им полагалась по положению, из-за того только, что считал людей русскими коммунистами, он говорил, что их не стоит кормить, а надо просто заморить голодом, т. к. они мол не люди, а «звери».

18. Райкко* – комендант д. Великая Нива, создавал у себя полицейский режим в деревне, избивал людей за пустяки, сотрудниками его штаба была убита женщина только за то, что она не стояла в очереди, как они требовали, это случилось в 1942 г. весной.

Он также проводил массовую ссылку людей в лагеря в 1942 г. летом, 1943 г. весной, из его района было выслано им лично около 100 человек.

19. Куккола Лаури – комендант из д. Космозеро, избивал людей на допросах по мелким бытовым делам. Он проводил также ссылку людей в лагеря из своего с/совета весной 1942 г. и летом 1943 г. Лично назначал эвакуируемых людей, не считаясь с тем, что у последних было хозяйство и имущество.

20. Луукоонен – пом[ощник] коменданта в д. Корутово, он изнасиловал с одним охранником Райски* по фамилии, старосту деревни Лушину Анастасию и грозил последней смертью, если она не скроет это факт от властей. Наказания он не получил. Относился исключительно зверски к людям, избивал женщин и детей. Он избивал людей в д. Корутово, Космозеро и Яндомозеро. Принимал участие в массовой эвакуации населения в лагерях, лично назначал по своему желанию эвакуируемых.

21. Култалаhti – комендант в д. Патрово, относился очень сурово к населению, наказывал и избивал людей просто из-за личной антипатии, а не из-за дела, особенно сильно он «отличался» при массовой эвакуации района в 1942 г. весной и летом 1943 г. Он также сильно грабил народ, «скупая» за бесценность ценности, которые затем продавал в центральный штаб военного управления.

22. Переводчик Вилле (фамилия не установлена) – житель Ребольского р[айо]на (его фамилия известна, а также адрес, многим жителям д. Корутово), работал вместе с комендантом Ранконен, избивал и грабил население. Он сильно зверствовал в Сенной Губе при эвакуации населения в лагеря, он был даже известен шоферам автороты, квартировавшей в Петрозаводске, которые частично перевозили народ в лагеря, они говорили, что им не приходилось видеть нигде такой дикой ненависти к русским, как они видели в Сенной Губе во время «работы» Ранконен[а] и его переводчика (говорил это шофер Мерскю Калле весной 1942 года). Вилле работал затем в Корутово, также избивал детей и женщин и, будучи переводчиком, не желал даже выслушать просьбы или жалобы народа, а просто гнал их с помещеня. Осенью 1943 года он уехал жить к родителям в Реболы, где и должен теперь проживать.

Они вместе с Ранконен являлись поставщиками женщин офицерам, в секторе обороны Заонежья «Черной речке», созывая, а иногда просто давая приказания девушкам или молодым женщинам пойти туда, где затем последние часто насильовались офицерем.

23. Кильстрем – комендант д. Корутово в 1941–1942 гг. затем он работал в д. Вега рус^{9*} пом[ощником] коменданта, установил исключительно жестокий режим в своих деревнях, не давал жителям права отлучаться от дома, чем усугублял их тяжелое экономическое положение, на вопросы работников отдела надзора о причинах этого обстоятельства отвечал, что не хочет им давать пропусков и прав передвижения сознательно, потому, что он считает, что возиться с русскими по национальности не стоит, а надо их всех уничтожить. В прошлом он работал в финской погранохране на Карельском перешейке и бывал с заданиями на территории СССР (говорил лично мне летом 1942 года в Корутово).

Избивал жестоко женщин и детей, сажал в будку на несколько дней только за то, что, если житель какого-нибудь дома по хозяйственной надобности из своей квартиры выходит на двор к скоту или на улицу. Патрулируя по своей деревне, он после 19 часов вечера (зимой и осенью) стрелял без всякого предупреждения в людей, тем самым создавал невыносимый режим для народа.

Принимал деятельное участие при массовой эвакуации района в 1942–[19]43 гг. в лагеря по личным счетам и личной антипатии назначил массу людей в лагеря.

Им было ограблено очень много людей при временной эвакуации д. Царево, от которых он при малейшей возможности снимал одежду, ценности и даже хлеб. Также срывал работу почты, не принимая от людей писем и посылок для отправки адресатам, мотивируя отказ, что он не может специально для этого гонять лошадь в районный центр и при этом говорил, что должны быть довольны тем, что живы, а не думать о переписке с родными. Сильно избивал тех жителей, у которых останавливался сов[етский] разведчик Горшков Василий в дер. Масельской и Питоясельга^{10*} весной 1942 года.

Также преследовал сильно скотницу дер. Питоясельга, русскую по национальности за то, что у нее воспитывалась девочка, карелка по национальности, которую она, по мнению Кильстрема, избивала и преследовала за свое происхождение, дело было в отделе надзора и попытка Кильстрема угнать в лагерь скотницу не удалось, и она была оставлена жить под «наблюдением» Кильстрема. Народ открыто радовался и был очень доволен переводом от них Кильстрема в Вегоруксу осенью 1942 года.

24. Следователь Майниemi Пааво, лейтенант, работавший с декабря 1941 года по июнь 1944 года в Заонежье в отделе надзора Главной квартиры, за все время своей деятельности лично из-за своей дикой ненависти к русским и всему русскому способствовал усугублению режима и влиял в бесчисленных случаях на судьбу человека, им часто лично решался вопрос жизни и смерти обвиняемого.

Он за все время работы занимался беспощадным избиением людей, т. е. обвиняемых, их систематическим ограблением [...]. Он лично ограбил советского гр[аждани]на Тикка, отняв у него все его личное имущество, как белье и т. п., от сов[етского] гражданина Лебедева он отнял мыло, чулки, сер[ебряную] ложку, бритвенный набор, белье и т. п. [...]

25. Капитан Холло. Наш начальник относится к обвиняемым с исключительной жестокостью [...] За весь период своего пребывания на посту начальника отдела надзора в Заонежье, старался как можно только было усугубить тяжелый и жестокий режим, который царил в Заонежском районе [...] Он нарушал закон, который предусматривал то, что детей нельзя оставлять на произвол судьбы, если родители арестовываются,

например, в деревне Зародница при аресте Андреева осенью 1943 года оставил на произвол судьбы сына, маленького мальчика, и не отдал приказания о доставке последнего в приют. Судьба мальчика неизвестна.

26. Капитан Весисенахо Матти. За весь период своего пребывания на посту начальника отдела надзора в дер. Космозеро, систематически избивал при допросах советских граждан, им были избиты весной 1942 года бр[атя] Нуортева, Александр Калинин и многие другие, а также он зверски избивал осенью 1941 г. сов[етского] гр[ажданин]а Хевосенахо, расстрелянного финнами.

Лично много хлопотал о полной эвакуации района от мирного населения и поддерживал план высылки всех с Клименицкого острова. Этот план ему не удалось полностью осуществить. Личным распоряжением сослав в лагерь многих советских граждан, например, несколько жителей из д. Селецкое, а также Лазарева из д. Пургино.

Зверски избил на допросе гражданина Нестерова и вынудил от него «признание», по которому тот был сослан в тюрьму на 10 лет. Он оставил дело Кубачина, убитого без суда, без расследования, но затем в пьяном виде признался, что он «дал разрешение» убить своего заключенного. Систематически ограблял пленных и ссылаемых лиц гражданского населения, отнимал от последних советские деньги. Он сделал попытку убить ребенка в доме Горшкова весной 1942 года, но его остановили, за это он был арестован финнами и получил 2 дня ареста. Он жестоко избил в тот день советского гражданина Вавилина, стащил его с лошади и пинал ногами, ворвался сразу же после этого в дом Масляковой, д. Артово, где, разломав вещи, бросил самовар последний в печь. Им была сделана попытка изнасиловать работницу из деревни Селецкое Клаву Ларину, угрожая оружием, но она успела убежать. [...]

27. Лейтенант Пессала. Начальник отдела надзора с осени 1942 г. до лета 1943 г. был ярким ненавистником гражданского населения. [...] Он один из первых начал делать повальные обыски целых деревень, выгоняя жителей из домов по ночам, привлекая к исполнению части военной полиции, а также просто войсковые части, давал этим возможность солдатам и полицейским грабить во время обыска население.

Например: в деревне Вегорукса зимой 1942–[19]43 гг. солдатами во многих домах были взяты при обыске серебряные деньги и тому подобная мелочь, но на жалобы он не обратил внимание, говоря, что русским не надо иметь серебра. [...]

Его распоряжением был сломан дом (хутор) на берегу Святухи и перевезен длястройки бани в отдел надзора, невзирая на протест и слезы владелицы. Также брал и арестовывал людей, если только встречал без пропусков среди белого дня в той деревне, где жил. Систематически не давал хода жалобам русских на зверства и бесчинства местных комендантов.

28. Феликс Исотало – сыщик. Зверски избил на допросах советского гражданина Николая Жданова, пытавшегося зимой 1942–1943 гг. перейти на советскую сторону. Яркий ненавистник русских, при всяком удобном случае старался, даже не ведя сам допроса, побить допрашиваемого [...].

Он не позволял людям при их аресте брать с собой необходимую одежду, беря их в платьях без пальто, так например: при аресте Тамары Купцовой, он не позволил ей взять ее вещи и девушка была взята на следствие без белья в буквальном смысле слова, затем ее вещи, оставленные в пустом доме, были все разграблены финнами из местного отдела в д. Вегорукса. Все жалобы оставлены были без внимания несмотря на то, что она была больная.

29. Лустиг Владимир, переводчик-следователь. Лично создал дело Купцовой Тамары за отказ с ним сожительствовать. Зверствовал на допросах по делу Ржанского^{11*}, Булыгина и других. [...]

30. Ротмистр Вуори Оскар. Лично расстрелял двух советских танкистов в д. Кяппесельга около их танков [...]. Много способствовал также тому, чтобы в начале оккупации Заонежья был создан тяжелый и суровый режим для гражданского населения. Вывез много советской валюты домой [...].

31. Военный чиновник Куйтунен систематически грабил красноармейцев.

32. Петриляйнен – переводчик из Петрозаводска. Избивал людей на допросах вместе со следователем Ниссинен. [...] Он сдался в плен и предал группу, которая заминировала железную дорогу за два часа до прихода экспресса Хельсинки-Петрозаводск, в котором было около 1000 человек лиц генералитета и военных финской армии, за измену он был взят на работу в отдел надзора и ему дано финское гражданство.

33. Ниссинен, следователь Петрозаводска, сотрудник охраны до войны. Сильно бил допрашиваемых им советских граждан и говорил, что он того мнения, «что не надо делать разницы между русскими и карелами, а просто их уничтожить без всякой волокиты». Он избивал братьев Нуортева весной 1942 г., временно переданных в Петрозаводск из Заонежья ему для ведения следствия (разоблачения).

34. Турунен (Копылов), переводчик. Лично избивал многих лиц, допрашиваемых в полиции по криминальным делам, куда его «одалживали» за неимением переводчика. [...]

35. Ваармио (бывший Воробьев) работал следователем в лагере военнопленных в Выборге, зверски избивал и наказывал своей властью военнопленных за малейшие проступки. [...]

36. По рассказам и разговорам среди русской эмиграции г. Хельсинки самым зверским следователем был чиновник лейтенант Витте, он бил и давал самые свирепые наказания пленным. [...]

Справка составлена на основе показаний от 24/X-44 г. бывшего переводчика отдела надзора Главной квартиры финской армии в Заонежском районе КФССР чиновника, лейтенанта Павлова Николая Ивановича.

Указанные в справке лица проходят в списках лиц, причастных к зверствам, о них сообщено в НКГБ СССР. Данные сведения являются дополнительными.

Зам[еститель] начальника 4-го отдела НКГБ КФССР
майор гос[ударственной] безопасности

Павлов

Архив УФСБ России по РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 155. Л. 69–80. [Копия]. Машинопись.

* Информацию о Н. И. Павлове см. в документе № 38 раздела 1 данного сборника.

** Карельское академическое общество (КАО) – праворадикальная финская националистическая организация, действовавшая в 1922–1944 гг., добивалась создания Великой Финляндии.

3* Советской-финляндская война (30 ноября 1939 – 12 марта 1940).

4* В документе № 36 раздела 1 данного сборника фамилия указывается как Ронконен.

5* Очевидно, имеется в виду деревня Ридсельга.

6* Правильно: Вааса (Финляндия).

7* В документе № 36 раздела 1 фамилия указывается как Ройкко.

8* В документе № 36 раздела 1 фамилии указываются как Лууконен и Райеки.

9* Правильно: деревня Вегорукса Заонежского района.

10* Вероятно, имеются в виду деревни Масельгская Гора и Педасельга Заонежского района.

11* Вероятно, имеется в виду Ржанский Василий Иванович, расстрелян за сочувствие партизанам вместе со своим сыном.

43. Из докладной записки секретаря Заонежского райкома КП(б) Н. И. Кукелева и председателя исполкома Заонежского райсовета В. Ф. Ругачева секретарю ЦК КП(б) Г. Н. Куприянову и председателю СНК КФССР П. С. Прокконену о состоянии Заонежского района после освобождения от оккупации

1944 г.

Совершенно секретно

Население, проживающее на побережье Онежского озера, в сельсоветах Кузарандском, Вырозерском, Кижском, Сенногубском, Деригузовском, частью в Толвуйском и Типиницком сельсоветах, было выселено финскими оккупационными властями или за пределы района, или в западную часть Заонежского района.

После освобождения района от финских захватчиков население, вернувшись в свои места, встретило разбитые дома, требующие капитального ремонта и не обрабатываемые с 1941 года земли колхозников, поросшие бурьяном.

Из 102 восстановленных колхозов в районе 31 не имели вовсе посевов и 28 в небольших размерах. [...]

Медицинская комиссия в составе заведующей Райздравотделом тов. Богдановой, районного врача тов. Байдиковой провели медицинский осмотр населения всего сельсовета, причем установили: из 450 человек осмотренных 50 человек оказались истощенные и 20 человек дистрофиков, в том числе детей истощенных 46 человек и дистрофиков 12 человек. [...]

Секретарь РК КП(б) КФССР
Председатель исполкома Заонежского
райсовета депутатов трудящихся

Н. Кукелев

В. Ругачев

На РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1174. Л. 39-40. Подлинник. Машинопись.

2604 б/к.к. № 1039-2 №

Входящий	Выходящий
24 ОКТ 1944	

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КП(б) КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
Секретариат ЦК КП(б) Карело-Финской ССР

~~Секретно~~

Копия: Председателю СНК Карело-Финской ССР - тов. ПРОККОНЕН П.С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Население, проживающее на побережье Онежского озера, в сельсоветах Кузарандском, Вырозерском, Кижском, Сенногубском, Деригузовском, частью в Толвуйском и Типиницком сельсоветах было выселено финскими оккупационными властями или за пределы района, или в западную часть Заонежского района.

После освобождения района от финских захватчиков, население вернувшись в свои места встретило разбитые дома, требующие капитального ремонта и необрабатываемые с 1941 года земли колхозов, поросшие бурьяном.

Из 102-х восстановленных колхозов в районе, 31 не имели вовсе посевов и 28 - в небольших размерах.

В колхозах, не имеющих совершенно посевов, за это время вспахано залежей свыше тысячи гектар и посеяно озимых культур до 600 га, а семена для посева выделили колхозы, которые имели посевы озимых.

Население Кузарандского, Вырозерского, Деригузовского, Толвуйского и других сельсоветов неплохо работает сейчас над восстановлением колхозов, школ и других бытовых учреждений, деятельность которых связана с обслуживанием населения.

Но население живет в чрезвычайно тяжелых условиях, в особенности в продовольственных, они получают по 0,300 грамм ^{на} работающих и по 0,200 на иждивенцев и детей.

В связи с тем, что посевов картофеля в индивидуальном пользовании население не имело, или имело в незначительном количестве, сейчас, как показала проверка по Кузарандскому сельсовету, экономическое положение их довольно тяжелое.

44. «Список советских граждан Карело-Финской ССР, расстрелянных финско-фашистскими захватчиками» по Кондопожскому району КФССР*

1944 г.

№№ п. п.	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Специальность	Местожительство	Дата расстрела	№ книги	№ листов	Примечание
	Кондопожский р[айо]н							
1	Вахрушин	—	Рабочий	г. Кондопога	ос[ень]. [19]41 г.	3	34	Умер от побоев
2	Викулина Татьяна	—	Колхозница	д. Илемсельга	авг[уст] 1941 г.	3	5	—//—
3	Семенов Федор	—	Колхозник	—//—	—//—	3	5	—//—

Заместитель председателя
Республиканской комиссии
Ответственный секретарь
Республиканской комиссии

П. Прокконен

Г. Бояринов

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 92. Л. 10. Копия. Машинопись.

* Из материалов Чрезвычайной государственной комиссии.

45. «Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-финскими захватчиками и их сообщниками по Кондопожскому и Медвежьегорскому районам Карело-Финской ССР»*

1944 г.

№№ п. п.	Наименование городов и с/советов	Расстреляно	Повешено	Умерло после истязаний и пыток	Убито бомбами и снарядами	Погибло военнопленных	Всего погибло	Подвергались арестам, побоям и насилию	Колич[ество] угнан[ных] в финское рабство по акт[ам]	Количество угнанных в финское рабство по спискам
1	Кондопожский р[айо]н			5		884	889	62		

№№ п. п.	Наименование городов и с/советов	Расстреляно	Повешено	Умерло после истязаний и пыток	Убито бомбами и снарядами	Погибло военнопленных	Всего погибло	Подвергались арестам, побоям и насилию	Колич[ество] угнан[ных] в финское рабство по акт[ам]	Количество угнанных в финское рабство по спискам
2	Медвежьегорский р[айо]н			1		16		6		

Заместитель председателя
Республиканской комиссии
Ответственный секретарь
Республиканской комиссии

П. Прокконен

Г. Бояринов

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 92. Л. 2. Копия. Машинопись.

* Из материалов Чрезвычайной государственной комиссии.

46. «Обобщенные сведения об установленных злодеяниях, учиненных над гражданами СССР немецко-финскими преступниками и их сообщниками по Петровскому, Сегозерскому, Лоухскому и Олонецкому районам Карело-Финской ССР»*

1944 г.

№№ п. п.	Наименование городов и с/советов	Расстреляно	Повешено	Умерло после истязаний и пыток	Убито бомбами и снарядами	Погибло военнопленных	Всего погибло	Подвергались арестам, побоям и насилию	Количество угнан[ных] в финское рабство по акт[ам]	Количество угнанных в финское рабство по спискам
1	Петровский район	3		5	38		46	12		
2	Сегозерский [район]	1			5		6			
3	Лоухский [район]				46	17	63			
	Олонецкий р[айо]н									
4	Ильинский совхоз			100			100	100		
5	Ильинский с/совет	1		529			530	4		
6	Мегрецкий с/совет							16		
7	Ильинский с/совет д. Паалу			153			153	55		
8	Видлицкий с/совет			1			1	2		

№№ п. п.	Наименование городов и с/советов	Расстреляно	Повешено	Умерло после истязаний и пыток	Убито бомбами и снарядами	Погибло военнопленных	Всего погибло	Подвергались арестам, побоям и насилиям	Количество угнан[ных] в финское рабство по актам	Количество угнанных в финское рабство по спискам
9	Видлицкий* с/совет			1			1	2		
10	Обжанский с/совет							21		
11	Михайловский [с/совет]			1			1	25		
12	Куйтежский [с/совет]							6		
13	Колхоз им. Папанина							2		
	<i>Итого по району</i>	1		785			786	232		

Заместитель председателя
Республиканской комиссии
Ответственный секретарь
Республиканской комиссии

П. Прокконен

Г. Бояринов

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 92. Л. 8. Копия. Машинопись.

* Из материалов Чрезвычайной государственной комиссии.

** Повтор, так в документе.

47. Сведения о количестве жертв из числа военнопленных, мирных жителей и угнанных в Финляндию по КФССР*

1944 г.

№№ п. п.	Наименование районов	Количество актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военнопленных	Угнано в немецкое** рабство
1	Заонежский район КФССР	14	22	3	1
2	Шелтозерский район –”–	13	6	5	141
3	Кондопожский район –”–	1	5	884	–
4	Медвежьегорский район –”–	1	101	16	–
5	Петровский район –”–	1	46	–	–
6	Сегозерский район –”–	2	6	–	–
7	Лоухский район –”–	5	46	17	–
8	Олонецкий район –”–	9	786	–	–

№№ п. п.	Наименование районов	Количество актов	Убито, замучено мирных граждан	Убито, замучено военнопленных	Угнано в немецкое** рабство
	ИТОГО по республике	46	1018	925	142

Заместитель председателя
Республиканской комиссии
Ответственный секретарь
Республиканской комиссии

П. Прокконен

Г. Бояринов

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 92. Л. 6. Копия. Машинопись.

* Из материалов Чрезвычайной государственной комиссии.

** Так в документе.

48. Из «Сводного отчета о причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками ущербе гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Карело-Финской ССР»

Не ранее марта 1945 г.

Территория Карело-Финской ССР подверглась внезапному нападению с первого дня начала войны на всем фронте более тысячекилометровой ее границы. Хозяйство приграничных районов – Кестеньгского, Калевальского, Суоярвского, Питкярантского, Ругозерского, Паданского, Петровского и других стало объектом разрушений и захвата в первые же часы военных действий.

Из 26 районов (в т. ч. три городских) полностью подверглись оккупации 21 район, в т. ч. 3 городских.

Помимо этого, частично был оккупирован 1 район. Из 11 городов 8 подверглись оккупации, в том числе была оккупирована столица республики – город Петрозаводск.

Из 10 рабочих поселков оккупации подверглись 5 поселков.

Всего было эвакуировано 190 сельсоветов, из 276 общего числа и 1990 деревень из 2885 общего числа деревень.

На занятой территории проживало около 130 тысяч хозяйств. Охвачено учетом 13766 хозяйств [...].

Из общей площади в 161,5 км² врагом было оккупировано 128 т[ысяч] км² или 79,3%.

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 16 марта 1943 года № 299 для содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в июле 1943 года была создана Республиканская комиссия [...].

Для определения ущерба, причиненного колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям и гражданам, были организованы при этих организациях местные комиссии.

В помощь работе исполкомов районных и городских советов депутатов трудящихся по организации активирования ущерба, причиненного гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям, направлялись во все районы, освобожденные от временной оккупации немецко-финских захватчиков, уполномоченные Республиканской комиссии.

Для активирования ущерба по колхозам и колхозникам было создано 1034 местных комиссий, в работе которых принимало участие до 4000 человек и по промышленным предприятиям и гражданам до 1000 местных комиссий с участием в них до 4500 человек. [...]

Работа по определению ущерба в основном по республике была закончена в декабре 1944 года, а по районам, освобожденным по условиям перемирия с Финляндией, в марте 1945 года.

Общее количество актов:

Кому причинен ущерб:	Количество			Сумма ущерба в млн рублей	Удельный вес в % к суммарному итогу
	актов	семей	объектов		
1. Государственным предприятиям и учреждениям	803	—	—	930,32	22,5
2. Кооперативным, профсоюзным и др. общественным организациям	75	—	—	17,8	0,4
3. Колхозам	1034	—	1034	1015,87	24,6
4. Гражданам	13766	13766	—	2173,17	52,5
Итого	15678	—	—	4137,16	100

Временно занятая территория была наиболее промышленно развита и наиболее населена.

В указанных выше оккупированных районах до начала военных действий проживало 378 тыс[яч] чел[овека], или 68% от общего количества населения республики. В среднем на 1 км² площади в республике приходилось 4,1 чел[овека], в том числе по незанятым районам – Лоухи, Кемь, Тунгуда 1,6 чел[овека], а по оккупированным районам по центральным – 2,3 чел[овека], по южным – по 8,8 чел[овека]. Естественно, что густота населения объясняется как природными и климатическими условиями, так и сложившейся на этой территории экономикой [...].

[...] Из общего количества действовавших предприятий в 1940–1941 гг. 4099 (из них предприятий крупной промышленности – 417) на оккупированную территорию приходится абсолютное большинство предприятий. На не оккупированную территорию приходилось не более 100 предприятий, причем со значительной части их, в связи с угрозой воздушного нападения и других диверсий, было вывезено оборудование или они были законсервированы. [...]

Следует добавить, что на оккупированной территории было сосредоточено 142450 га пахотной земли, или 90,4% всех земель республики, 75980 голов крупного

рогатого скота из общего стада по республике 81998, 36622 лошади из общего поголовья лошадей 39102 [...].

Председатель Республиканской комиссии Карело-Финской ССР содействия в работе Чрезвычайной государственной комиссии
Ответственный секретарь Республиканской комиссии

Г. Куприянов

Г. Бояринов

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 3. Д. 40 а. Л. 1–5, 17. Подлинник. Машинопись.

Опубл. частично: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни. 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 124–125.

РАЗДЕЛ 2

ЖИЗНЬ
В ОККУПАЦИИ:
ЭКСПЛУАТАЦИЯ,
ЛИШЕНИЯ И ГОЛОД

49. Из заявления П. И. Андриановой в Чрезвычайную государственную комиссию об организации медицинской помощи в концлагерях города Петрозаводска

15 июля 1944 г.

Я, медицинская сестра Андрианова Парасковья Ивановна, окончила Ф.А.Ш.* г. Петрозаводска в 1941 г., получила месячный отпуск и сразу поступила на работу по специальности. В сентябре месяце по эвакуации я уехала в Заонежье к родным, где жила до оккупации. В октябре месяце того года мы попали в плен к финским захватчикам. С первого дня финны показали себя хозяевами на нашей родной земле. Ломали и жгли новые дома, разоряли население и морили голодом. Эвакуированное население не имело ни куска хлеба, а финнам было все равно, есть ли хлеб у людей или нет.

Если в Советской стране была широко развита забота о материнстве и младенчестве, здесь не приходилось и думать об этом. Мать, уходя за хлебом за 15 км в 3 часа ночи, оставляла детей на замке до позднего вечера и получала с большим трудом 250 г овса.

Финны нахальным образом отбирали последнюю каплю молока от детей, которые сидели на 250 г овса, не видя ничего другого.

Они отбирали у колхозников хлеб, заработанный честным трудом, и отдавали вепсам и карелам, которые жили здесь. Чувствуя, что положение крайне тяжелое, финны начали увозить людей.

Приказали собраться за 12 час[ов] и взять только необходимое, пообещав остальные вещи доставить в полной сохранности. Запуганное население не смело протестовать, боясь наказания, да и вполне понятно, если дают одну лошадь на две семьи, где 5–6 человек детей, тут, конечно, не до вещей, разве только увезти детей. Люди оставляли все, и, как позднее рассказывали жители, оставшиеся еще на месте, не успел народ уехать из домов, как финны растаскивали все вещи.

В январе месяце нас повезли на лошадях кругом. Приехав на станцию Ватнаволок, начальник эвакуации, не говоря никому ни слова, хотя хорошо говорил по-русски, схватывал детей с саней, бросая в снег, не давая взять ни одеяла, ни постели, ни хлеба, приказал размещаться в холодных, грязных домах, а вещи провезли на станцию Илем-Сельга. В таких условиях мы прожили 2½ недели без хлеба, ели гнилой картофель, толкли солому.

Затем подали холодные грязные телячьи вагоны и повезли до Петрозаводска 3 сут[ок] без воды. В Петрозаводск приехали в 7 час[ов] вечера, посадили всех в лагерь за проволоку.

Утром в 6 час[ов] комендант лагеря гонит на работу.

Если же в советской стране я сразу получила работу по специальности, у финнов же меня, мед[ицинскую] сестру со средним медицинским образованием, гнали чистить помойные ямы, уборные, мыть и подметать полы, со мной было еще много мед[ицинских] работников, как Сысоева Клавдия, Пядина Пелагея и др. Только позднее мне удалось получить работу по специальности.

18.02.1942 г. я поступила на работу в больницу, где с первого дня пришлось встретиться с большими трудностями. Амбулаторные приемы были большие, на дому лежало колоссальное количество больных, свирепствовала во всю цинга, отеки, больные были тяжелые и при такой большой заболеваемости больница была открыта только на 20 коек, без белья, больные поступали со своим бельем, а одиночные больные, не имеющие своего белья, лежали на голых досках.

Безусловно, все больные не могли находиться на стационарном лечении, да и бесполезно было лежать, т. к. медикаментов не было, больные цинготные и отечные дополнительного пайка не получали, витаминов никаких не было, о молоке не приходилось думать. Люди умирали на глазах, не получая никакой помощи, а финские врачи и глаз не показывали.

С наступлением весны открылась эпидемия дизентерии. Здесь нужна была не только лечебная помощь, но и профилактика, а наши медицинские работники, как например Феднеева Таисия, фельдшер по специальности, при всем желании, не могла поступить на работу и многие др[угие] до прихода советской власти.

Смертность была огромная. Мастерская не успевала делать гробов, покойники лежали 2–3 дня на земле в сарае. Особенно хорошо запомнился день 28.02., когда из одного 6-го лагеря увезли 28 гробов, можно себе представить смертность по всем лагерям. Можно было бы привести много подробных фактов, но финны, чувствуя вину за собой, сожгли всю регистрацию умерших.

Умирали женщины, оставляя 3–4 детей беспризорными. Детям финны не уделяли никакого внимания, дети жили одни, с чужими [людьми], раздетые и голодные.

Для престарелых был открыт дом № 88, где лежали они больные, холодные и голодные, в массе клопов, блох и вшей, без всякого присмотра.

Измученных, голодных людей финны гоняли в баню, в температуру 60–80° и выдерживали больше часа с детьми, загоняли мужчин вместе с женщинами. Люди сидели голодом**, и если дети пытались ходить в город под проволоку, то расплачивались жизнью.

Так, летом в [19]42 г. был застрелен мальчик Котмин. В сентябре месяце больница 6-го лагеря соединилась с больницей 1-го лагеря, здесь начали показываться финские врачи. Они смотрели только на чистоту палат, заправку кроватей, а на больных не обращали внимания. Приезжал врач Богоявленский, ходил всегда с палкой. Обход делал в шинели, смотрел больных в перчатках, в [за]разное отделение отделение входил без халата и после чего шел в род[ильное] отд[еление], когда наши советские врачи, зная, как скоро можно внести инфекцию в род[ильное] отд[еление], стояли в коридоре. Он всегда был злой, придирчив, всегда в лице больных старался изменить диагноз болезни, поставленный нашими врачами, не имея никаких данных на свой диагноз.

Зубного врача Сюкалину Веру Федоровну за то, что она твердо отвечала ему, что работать дальше невозможно без пломбировочного материала и бормашины, за то, что она по собственному желанию, не жалея сил, зимой ходила каждый день по другим лагерям, обслуживала население, «бог»^{3*} назвал ее зубадер и хотел направить в Кутижму. Труд мед[ицинских] работников они не оценивали.

Не только в больнице, но и в лагере «бог» проявлял себя. 28.1.1943 без всяких эпидемических заб[олеваний], был объявлен карантин, народ был снят с работ. За время карантина производилась поголовная стрижка волос, все вещи выносили на улицу в снег, в квартире оставались стены. Жгли по 4–5 раз серу в каждом доме со всеми вещами, а людей всех загоняли в 73-й барак, где было грязно, душно, люди валялись в ногах у друг друга. Была полная изоляция лагеря от города, люди сидели голодом и если пытались уходить из лагеря, то их жестоко наказывали, вплоть до расстрела. Дети карелки, жившие у проволоки лагеря, пошли в школу, и патруль застрелил их, думая, что они шли из лагеря.

В разваленном грязном бараке № 3, где были разбиты все стекла, развалены полы и потолки, были поселены битком люди, и «бог» всегда творил здесь чудеса. Этот дом для него был забавой. Он всячески издевался над людьми, заставлял выносить неделями вещи на улицу, и если люди не подчинялись, он бил их палкой. В этом доме у него произошла схватка с женщиной Черняевой Верой за то, что у нее был дым из плиты

в комнате, он ударил ее палкой, но тов. Черняева не растерлась, схватила кастрюлю с плиты и тоже замахнулась на него, но ее удержала дочь, за это она была наказана снятием волос везде, где имелась растительность. Было много случаев, когда люди, имея последние вещи, прятали их, и когда вещи находили, то хозяев вещей вызывали в штаб, раздевали догола и били розгами и плеткам. Так, например, была бита учительница Гагарина Мария Нестеровна, Терешкина Анна, и многие другие.

Люди, работая в городе, покупали на свои деньги хлеб, продукты и при входе в лагерь их обыскивали финны, отбирали все и садили в будку на 10 суток, день работая, а ночь сидеть в будке.

Немало крови выпила помощница Богоявленского роува^{4*} Joutsalmi – Еутсалми, она тоже жестоко издевалась над лагерниками, целиком и полностью взяла больницу в свои руки, совала везде и всюду свой нос, не давая отчета в своих действиях, всегда ставила противоречия нашим врачам и осмеивала их.

В мае месяце [19]44 г. по инициативе Богоявленского из 5-го лагеря была переведена Ольга Раутио на должность старшей мед[ицинской] сестры, человек, не имеющий медицинского образования. Она всю работу вела на сторону финнов, а при отступлении уехала в Финляндию. [...]

Андреанова П. И.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 166–169 об. Подлинник. Рукопись.

* Фельдшерско-акушерская школа.

** Так в документе. Имеется в виду: сидели голодными.

^{3*} Прозвище Богоявленского.

^{4*} Rouva – госпожа (фин.).

50. Из заявления Богдановой* в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

[Июль] 1944 г.

Жила в Подпорожье, Свирь-2. Муж, член ВКП(б), находился в рядах Кр[асной] армии. У меня семья состояла из 4 чел[овек]. 8 сентября началась эвакуация. Я получила эвакуационную справку, но транспорта не хватало, а жили мы в стороне и машины за нами не приходили. На баржу начальник моей организации взять нас не мог, так как нужно было увезти документы и заключенных, которые не подлежали освобождению. В Подпорожье мы досидели [до тех пор], что снаряды финнов стали рваться над головой. Кое-как, перебравшись в гараж, и там на ломаной машине сумели отъехать за 15 км [от] д. Шаменичи. Там как я ни искала транспорт, найти не могла. Придя в один вечер с поисков лошади, я нашла детей и мать в кустах под дождем, и бой начался, финны подошли, уходить было некуда. Ночь пролежали под перекрестным огнем, а на утро пришли финны. Забрали нас в деревню, потом отвезли в другую деревню и, продержав там м[есяц], снова повезли в Петрозаводск. Куда везли, мы не знали. Привезли сюда, сразу же закрыли во 2-й лагерь. Еще по дороге сюда у меня заболел мальчик, за которого я дрожала каждой своей жилкой. Питала и ухаживала за ним по всем правилам материнства. Организм его не привык к переживаниям, за все 3 года он не мог привыкнуть есть финскую пурю (кашу с муки), питался только хлебом. Мальчик сначала лежал [с] корью, лечения никакого дано не было. Среди нас были врачи,

но не было медикаментов. Сидела я над ним день и ночь и все же отходила, выздоровел, но есть было нечего, хлеба мало и мальчик был худенький, часто болел. Однажды осенью мальчик заболел воспалением надкостницы за ухом, получился нарыв. Меня гоняли на работу. Под разными хитростями иногда оставалась дома и лечила ребенка. На лагерь наложили карантин, нас никого никуда не выпускали, и никого близко к проволоке не пускали. Врачи были только наши с низкими специальностями, без инструментов и медикаментов. Наш мед[ицинский] фельдшер прорезал мальчику нарыв, но вычистить не мог без инструмента, промывал марганцовкой, рана заросла, но через год открылась, показались гнойные выделения и потекло из ушей. В это время положение немного улучшилось, в лагере открылась больница и иногда прямо брали больного к финским врачам без его согласия. Я знала, что моему ребенку нужна серьезная операция, не доверяла финским врачам и все тянула, все ждала, что придут же наши и выручат нас, тогда я спокойна, мой ребенок будет цел, но не дождалась немного. Прятали я, но при осмотре дома финка заметила ребенка и положила в больницу, а там увезли на операцию 14.III.1944. Меня, правда, взяли с ним, но я не умею говорить и не могла упросить врача, чтоб он учел, что я живу для ребенка, у меня единственный сын, в котором вся жизнь. Мальчика положили на операцию и стали делать без наркоза, я слышала его крики, но в ходе операции дали наркоз и не разбудили. Спустя три часа мне объявили о его смерти. Я никогда себе не прощу и считаю, что финский врач зарезал мне мальчика. В Советском Союзе мой мальчик был бы жив, я в этом уверена.

Теперь о себе. Первый год сидели полуголодные. К финнам под проволоку, как делали многие, я не могла, не хватало природы. [...]

Один раз люди уходили на поле собирать мороженые капустные листья. Я пошла просить пропуск за листьями. Придя в штаб, я свободно, как в Советском Союзе, подошла к коменданту. Мне сказали, что в городе нечего делать и надо меньше ходить под проволоку. Сказала, что нужно кормить людей, тогда никто не пойдет под проволоку. За эти слова меня сразу столкнули в будку и записали за грубое поведение. С тех пор я ушла в себя и старалась не говорить с финнами. Просидела сутки, кто-то приехал, и нас с будки выгнали, провозжая подзатыльниками. Потом это случилось летом, работали мы на бирже. Один мужчина, мы его даже не видели, потому что он работал в другой стороне, достал где-то кг 2 муки и положил на траву. Пришел комендант, увидел муку, к ней** никто не признался, и нас всех 33 чел[овека] посадили в будку. Сидели 15 дней летом в двух маленьких комнатах, задыхались от спертого воздуха, отсидели. Потом зимой пришел комендант проверить лагерь, я была уже старшиной, и не было разрешено нигде по лагерю держать дров, кроме как затопить на кухне. Люди принесли несколько полен[ьев] и положили недалеко от барака. Пришел комендант и сказал «пуйта куммене вороха будка» и все, это значит за дрова на десять суток в будку. Также было и в других домах. Всех нас вечером закрывали в будку. Морозы на 40°, помещение не топится, стекол нет, ветер кругом дует, и мы сидели, прижавшись друг к другу всю ночь, а утром нас выпускали на работу, вечером снова закрывали, и так 10 суток. Много можно бы рассказывать обид, нанесенных русским людям финнами, но это так тяжело вспоминать, да и не выразить словами то, что пережито, перечувствовано.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 111–112 об. Подлинник. Рукопись.

* Имя, отчество не указаны.

** Следует читать: в том, что это принадлежит ему.

51. Протоколы допросов К. И. Богдановича* о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

18 июля 1944 г.

При угрозе захвата г. Петрозаводска противником, я вместе с другими советскими гражданами пытался эвакуироваться в советский тыл, переехав на барже через Онежское озеро. Вследствие сильного шторма нашу баржу выкинуло на мель, где мы в количестве около 500 мирных советских жителей были захвачены финнами. Это было в конце сентября 1941 г. Почти с этого времени я из свободного советского человека был обращен в «лагерника», в «гражданского пленного». Нас всех, захваченных на барже, финны отправили в г. Петрозаводск. Прожив там несколько дней сравнительно свободно, нас стали постепенно рассортировывать по концентрационным лагерям, организованным финнами в черте города. Был издан приказ о том, что все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет обязаны явиться с зимними вещами к коменданту. Однако, не дожидаясь приказа полицейские хватили людей на улицах и направляли в лагерь. Так 20 октября был схвачен и я и помещен в концлагерь 2. Таким образом я являюсь одним из первых обитателей этого лагеря-тюрьмы. В начале нас было только 200 мужчин, потом количество населения лагеря увеличивалось за счет водворения туда русских людей из захваченных финнами районов Ленинградской области.

Единственным признаком, необходимым для водворения в концлагерь, была принадлежность к русской национальности. Причем в лагерь помещали не только взрослое трудоспособное население, но и глубоких стариков и грудных детей, и детишек, не имеющих родителей. Лишь бы было доказано, что они являются русскими. Случайно попавшие в лагерь несколько вепсов и карелов были впоследствии освобождены. К лету 1942 г. количество людей в лагере № 2 достигло 1500 человек.

Установленный в лагере режим был исключительно жестоким. Все «лагерники», как нас официально называли, получали по 300 г хлеба, состоящего больше чем на половину из несъедобных примесей, кроме того, иногда давали по несколько грамм порченной колбасы или других продуктов.

Рабочий день длился с 6 час[ов] утра и до 8 час[ов] вечера, причем вечерняя работа, производившаяся в зоне лагеря, носила часто издевательский характер. Нас заставляли производить совершенно бессмысленную работу. Мы перетаскивали с места на место тяжелые камни, переносили с места на место изгородь и т. п. Бесцельность этой работы была настолько очевидна, что люди шли на ее исполнение с ужасом.

От непосильной каторжной работы и голодного существования в лагере с начала 1942 г. началась повальная смертность. Диагноз был один и тот же — истощение.

За один год от истощения умерло свыше 300 человек, что составляет более 20 процентов населения от общего количества людей, находившихся в лагере. Если при этом учесть, что в течение 1942 г. около 500 человек было из лагеря взято в другие лагеря или освобождено, то процент смертности значительно возрастет.

Этот режим издевательств и истребления советских людей был введен палачом в роли коменданта лагеря, офицером финской армии лейтенантом Тимо Саловаара** и его заместителем сержантом Вейко Линдхольмом. Саловаара лично избивал советских людей за малейшие проступки, виновные избивались до полусмерти. Каждому финскому солдату из охраны лагеря разрешалось избивать людей по его усмотрению. Этим же Саловаара была организована «будка», т. е. карцер, представляющий из себя холодное, неотопляемое помещение, куда зимой проникал снег, и люди по «приговору» Саловаара заточались в этот карцер на срок от 3 до 60 дней.

В лагере имели место вопиющие случаи издевательств над советскими людьми. 31 декабря 1941 г. из лагеря было увезено около 40 человек мужчин, которые подзревались в том, что они являются советскими военнослужащими. Никаких документальных оснований, подкреплявших это подозрение, не было. Всех 40 человек поместили в лагерь военнопленных на улице Льва Толстого в г. Петрозаводске, чтобы добиться признания, их всех по очереди подвергали страшным истязаниям и пыткам. По истечении 2 недель часть людей направили обратно во второй лагерь, а часть бесследно исчезли.

На работы гнали всех без исключения, больных и здоровых, женщин и детей, тех, кто не подчинялись, жестоко избивали. Финскому солдату показалось, что рабочий Калкасов Георгий слишком медленно идет на утренний развод. Он набросился на него и избил рукояткой пистолета.

Все мы, содержащиеся в лагере, назывались «гражданским пленными». Когда я по просьбе одного гражданина написал ему на имя коменданта заявление и указал от гражданина такого-то, мне было сделано замечание, что следует писать не от гражданина, а от «гражданского пленного»

Это примерно все, что я могу рассказать о положении советских людей в период оккупации. Показания с моих слов записаны правильно и мною прочитаны.

* * *

Финские захватчики вели себя в оккупированном ими Петрозаводске как отпетые бандиты и головорезы, их злодеяниям не было конца. Характерный случай по своей жестокости произошел летом 1943 г. с гражданкой Ярковой Надеждой, 35 лет, материю 4 детей. Сама Яркова жила в городе. С группой женщин в 5 человек она проходила мимо проволочных заграждений у концлагеря № 4. Одна из женщин обронила ключ, начала его искать. Часовой, находившийся около колючей проволоки, окрикнул их и приказал отойти от заграждений. Женщины, бросив искать ключ, послушались часового, и пошли в направлении, которое он им указал. Пройдя около 100 м, вдруг раздался выстрел, и прямым попаданием в спину была убита наповал Яркова. Зверское и ничем не оправданное убийство этой женщины произвело огромное впечатление на всех жителей Петрозаводска, и ее похороны были похожи на демонстрацию.

Лично зная Яркову, я вместе с женой решили удочерить 4-летнюю девочку Галю, которая до сих пор живет у меня. Остальные дети Ярковой остались в концлагере. Как впоследствии узнал, над солдатом, учинившим эту дикую расправу, состоялась пародия суда. Он был осужден к 1 [оду] и 7 мес[яцам] тюремного заключения, но с отбытием наказания после окончания войны, а пока он был назначен охранником в концлагерь № 2. Фамилию этого солдата-бандита я не знаю.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 49–52. Копия. Машинопись.

* Богданович Кирилл Иванович, 1915 г. рождения. Родился в городе Ленинграде, русский. Член ВЛКСМ. По специальности учитель. На момент допроса работал инспектором горно, проживал в городе Петрозаводске.

** Также упоминается в документах как Саловаари, Сааловаара.

52. Протокол допроса И. А. Борисова* о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска

16 июля 1944 г.

В середине ноября 1941 г. при оккупации немецко-финскими войсками д. Кяргино Вознесенского района Ленинградской области вместе с семьей и другими гражданами, не успевшими эвакуироваться при отходе частей Красной армии, я был взят в плен белофиннами. 1 декабря того же года белофинские власти все русское население, в том числе и меня с семьей, водворили в концлагерь № 5 г. Петрозаводска.

В упомянутый лагерь фашистские изверги согнали более 7000 мирных советских граждан и творили над ними полный произвол. Лагерь был расположен в Железнодорожном поселке и обнесен колючей проволокой в два ряда высотой не менее двух метров. Обнесение проволокой лагеря производилось самими же заключенными в лагерь советскими гражданами по приказанию лагерной администрации. Начальник лагеря, лейтенант финской армии, фамилии ему не знаю, с первых же дней объявил, что все граждане, содержащиеся в лагере, являются военнопленными, и что нас будет охранять усиленный наряд и охрана с прожекторными установками на вышках. При этом объявил инструкцию фашистского режима по лагерю. Инструкция гласила, что содержащимся в лагере выходить за пределы лагеря без пропусков и подходить близко к проволочному заграждению строго и категорически запрещается. Хожение по лагерю ограничивалось с 6 часов утра до 9 часов вечера. Было объявлено, что за нарушение этих варварских правил виновные будут рассматриваться как пытавшиеся совершить побег из лагеря и к ним будут применяться наказания вплоть до расстрела. Жилищно-бытовые условия в концлагере были созданы исключительно скверные: бараки все переполнены, т. е. в небольшой комнате размещалось от 10 до 12 человек. И в результате такой скученности царил массовая вшивость, бани и прачечной не было, мыло совершенно не выдавалось. Нормы продуктов питания выдавались маленькие, был голодный паек. В 1942–[19]43 годах на одного человека в день выдавалось 300 г муки с древесной примесью, выдавали гнилой колбасы и селедки 50 г на три дня и сахару 10–15 г.

С такого белофинского пайка наши граждане истощали до неузнаваемости, еле-еле передвигали ноги, а работать лагерная администрация все равно выгоняла, а требовали, чтобы люди выполняли самую разнообразную работу. На работу выгоняли партиями до 100 человек. В 7 часов утра бригадир выстраивал всех во дворе, производил переключку по списку, а затем передавал конвоиру – вооруженному солдату из охраны лагеря, который конвоировал к месту работы и обратно. Рабочий день длился до 10 часов в сутки, люди выполняли самую трудоемкую работу, но белофинны за это ничего не платили. Стали платить за работу только во второй половине 1943 г. и то мизерную сумму: мужчинам 7 марок, а женщинам 5 марок в день.

В период 1943 года и 1942 года** в результате созданных белофинскими властями невыносимых нечеловеческих условий содержания пленных, жесточайшего лагерного режима, на почве истощения и заболеваний в лагере № 5 имел место большой процент смертности. Я сам был очевидцем, когда трупы умерших вывозили из лагеря на подводах два-три раза в неделю от 25 до 30 гробов за один раз. Кладбище находилось в Песках, что в 4–5 км от расположения лагеря. Мне пришлось быть один раз на могиле, где хоронил своего сына, умершего от истощения, и видел, что в этот раз привозили двадцать гробов, которые уложили в общую могилу-траншею в три ряда и засыпали землей. Родственников умерших допускали до похорон только под конвоем, и то не всех. Да, вспомнишь прожитое в лагере время, даже мороз по коже пройдет. Финские военные власти над нами творили, что хотели. Они в точности выполняли инструкции

своих правителей: мучали, истязали людей и глумились над ними как хотели. Администрация лагеря в лице офицера, его помощников, предателей и изменников родины Богомалинского, Люботынского и Кольцова, должны будут понести суровую кару за свои злодеяния. Они били пленных граждан, сажали в карцер и всячески издевались. В первый день моего пребывания в лагере комендант Кольцов целую ночь продержал мою семью на морозе, не давая никакого жилого помещения. Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 17–18. Копия. Машинопись.

* Борисов Иван Алексеевич, 1910 г. рождения, уроженец деревни Кяргино Вознесенского района Ленинградской области.

** Так в документе.

53. Из протоколов допросов А. С. Бороздова* о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

12 декабря 1942 г.

[...] *Вопрос:* Какие лагеря вы знаете для гражданского населения на временно оккупированной противником территории.

Ответ: Мне известны шесть лагерей для гражданского населения, созданных белофиннами во временно оккупированном городе Петрозаводске, Лагеря эти значатся под номерами. № 1 – расположен на Кукковке, № 2 – в домах Северной Точки, № 3 – в зданиях вузовского городка, № 4 – на улице Калинина, № 5 на ст[анции] Петрозаводск в домах нового железнодорожного поселка, и № 6 – на перевалочной бирже.

Вопрос: Кого вы знаете из администрации указанных лагерей?

Ответ: В личность** знаю только одного коменданта лагеря № 2. Приметы: возраст примерно 25 лет, по национальности финн, русским языком не владел, среднего роста, сухоощавый.

Больше из администрации лагерей никого не знал.

Вопрос: Каков распорядок был в лагерях?

Ответ: В лагере № 2, где я содержался, определенного распорядка не было. Однако к 7 часам утра все работоспособные лагерники, ходившие на общие работы, должны были выходить к воротам лагеря, где шло распределение на работу. Работали с одночасовым перерывом на обед до 16–17 часов вечера. После этого уже было свободное время до 23 часов. В 23 часа хождение по лагерю запрещалось. Что касается других лагерей, то я не знаю.

Вопрос: Какое было отношение администрации к лагерникам?

Ответ: Отношение было исключительно жестокое. Без всяких провинок^{3*} лагерников избивали. Устраивали пьяные оргии и стреляли в квартирах из автоматов и винтовок. Особенно это было зимой 1941 года, когда лагерники вследствие холода отказывались выходить на работы.

Вопрос: Ежедневная проверка личного состава лагеря проводилась?

Ответ: Да. Осуществлялась она через старост квартир, которые ежедневно в письменном виде доносили коменданту лагеря.

Вопрос: Расскажите о материальном обеспечении лагерников.

Ответ: Одежды для лагерников никакой не выдавалось. У кого что имелось, тот и носил. Столовая отсутствовала. Для неработающих на день выдавалось 3–3,5 ста-

кана ржаной муки, 4–5 кусочков рафинированного сахара и больше ничего. Для работающих дополнительно к указанному пайку давали на день: один стакан ржаной муки, 3–4 кусочка сахара рафинаду и 25 г мяса или 3–4 маленьких селедочки. Для тех, кто работал на тяжелых работах еще в дополнение выдавали талоны, по которым можно было ежедневно еще получить 60 г муки и 4–5 селедочек.

Труд лагерников вначале не оплачивался, и только лишь в последнее время стали выплачивать от 3 до 7 марок в день, в зависимости от тяжести выполняемой работы.

Вопрос: Продукты выдавались за плату?

Ответ: Нет.

Вопрос: А что можно было приобрести за три марки, заработанные за день?

Ответ: Можно было всего-навсего купить только лишь два коробка спичек.

Вопрос: В город по личным делам лагерников отпускали?

Ответ: Да. Кто желал, тот мог идти. При этом была установлена очередность старшего дома. Отпускались под выходной день и выходной день по несколько человек из дома.

Вопрос: Какой существовал порядок выхода из лагеря по личным делам?

Ответ: Старший дома подавал коменданту лагеря список на желающих идти в город. Комендант выдавал же пропуска на право выхода из лагеря на определенное время, по истечении которого лагерник должен был возвратиться обратно и сдать пропуск в проходной будке. Однако допускалось пропуск и не сдавать, если этого не требуют дежурные, стоящие в проходной. [...]

28 января 1943 г.

Вопрос: Расскажите подробно о расположении лагеря № 2.

Ответ: Лагерь № 2 в городе Петрозаводске расположен в домах Северной Точки, находящихся между линией Кировской железной дороги и железнодорожной веткой Онегзавода. Всего в лагере насчитывается до 10 двухэтажных жилых домов, в каждом из которых имеется по 8 квартир. Кроме этих домов, в лагере имеется одноэтажный дом барачного типа, который расположен вблизи железнодорожной ветки Онегзавода, слева от входных ворот в лагерь. В этом доме размещается администрация лагеря, казарма охраны лагеря, склад с продовольствием для лагерников и другие помещения. Здесь же в зоне с восточной стороны лагеря расположена кузница и отдельно от нее столярная мастерская, где производят изготовление гробов для умерших лагерников. Других помещений на территории лагеря нет. Весь лагерь огорожен проволочным забором, в котором имеется для лагерников один проход, расположенный с западной стороны лагеря. Есть еще ворота в проволочном ограждении с восточной стороны лагеря, которые используются для вывозки нечистот.

Вопрос: Из кого состоит администрация и охрана лагеря?

Ответ: Администрация лагеря № 2 состоит из военного коменданта и его помощника. [...] К администрации лагеря также относится комендант, который назначается военным комендантом из числа лагерников. За время моего пребывания в лагере такими комендантами были двое. Первый был Микс Валентин, около 30 лет, русский, в лагерь прибыл из Подпорожского района Ленинградской области. Вторым по имени Александр, около 25 лет, русский, по своему поведению и выходкам похоже, что до войны был в заключении.

Как Микс, так и этот Сашка очень жестоко относились к лагерникам. Было много случаев, когда они избивали лагерников за малейшие провинности. Когда в июле месяце 1942 года опился и умер Микс, все лагерники были довольны этим и говорили: «Одной собакой меньше стало» [...]

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: Все лагерники обязаны работать. Освобождаются от работы больные по справкам врача, которые получить довольно трудно. Сбор у ворот лагеря производится в 7 часов утра, где распределяют лагерников и группами в сопровождении конвоя отводят к месту работы. Работают лагерники до 16–17 часов, с 11 до 12 часов дня устраивается перерыв на обед. Возвращаются в лагерь люди также под конвоем. Весной и летом лагерники выгонялись вечерами на работы внутри лагеря, где производилась переноска дров, камней и т. д. Нередки случаи, когда финские солдаты выгоняли людей на работу плетками, с криками и стрельбой в помещениях. Выходить за проволочные заграждения лагеря запрещено даже малолетним детям. Наряду с мужчинами, на всех работах используются и женщины.

Вопрос: Какое количество населения заключено в лагере № 2?

Ответ: В лагере № 2 насчитывается до 1500 человек.

Вопрос: Расскажите о снабжении лагерников?

Ответ: На каждого человека в лагере выдается на день 3 стакана ржаной муки, 2 кусочка рафинированного сахара и соль. Дополнительно работающим дается 1 стакан муки, 1–2 кусочка сахара, 4–5 штук [маленьких] селедочек. Работающим на тяжелых и трудоемких работах дается дополнительно к пайку талон, по которому можно получить 60 г муки, мяса или селедки 50 г. Других продуктов никаких не дается.

Вопрос: Как организовано медицинское обслуживание лагерников?

Ответ: В лагере имеется медпункт. До мая месяца [19]42 года лекпомом^{4*} работал Квасников, который по личному заявлению из лагеря был освобожден и поселен в городе. До моего ухода из лагеря в медпункте работала женщина, фамилии которой я не помню. Последняя гораздо лучше относилась к больным, чем Квасников. Сама она из лагерников. Очень часто в медпункте не бывает нужных медикаментов, а потому больные настоящей медпомощи не получают.

Вопрос: Какова смертность среди лагерников?

Ответ: Смертность среди лагерников высокая. Люди умирают каждый день. За время моего пребывания в лагере умирало в среднем 1–2 человека в день [...]

Вопрос: На какой работе используются лагерники?

Ответ: Лагерники используются на различных работах. Отдельные группы работают на Онегзаводе, хлебозаводе, слюдяной фабрике, а также на погрузо-разгрузочных работах, по разборке строений, ремонте дорог, плотин и очистке улиц. Всюду, где нужна рабочая сила, находят себе применение лагерники [...]

Вопрос: Какое отношение администрации лагеря к людям?

Ответ: Очень плохо относится администрация лагеря к людям. За малейшие провинности люди подвергаются телесному наказанию в виде ударов резиновыми палками. В лагере осталось несколько человек, которые не испытали порки, остальные по разным причинам были пороты. Финские солдаты относятся к лагерникам с пренебрежением. Было много случаев, когда в порядке запугивания людей солдаты открывали в квартирах стрельбу, били женщин и детей плетками, наносили всевозможные оскорбления [...]

Вопрос: Расскажите об отличительных знаках лагерников.

Ответ: Каждый лагерник обязан на правом рукаве носить отличительный знак. Этот знак состоит из обрезка красной материи шириной в 4–5 см, длиной в 10–12 см. В последнее время на этой ленте стали отпечатывать черными чернилами № лагеря, вся надпись эта выглядела так: «Leri № 2»^{5*}. Лента эта пришивалась или прикалывалась к рукаву. Строгого соблюдения этого правила не было. Многие лагерники эти повязки снимают и ходят без них, несмотря на требования администра-

ции. Чтобы заставить носить повязки, были случаи, когда в воротах ставили солдата с красной краской, который делал сам на рукавах эти [знаки] краской. Чтобы не быть задержанными в городе, большинство лагерников при появлении в городе без пропуска повязки снимают.

Вопрос: Могут ли лагерники свободно ходить по городу?

Ответ: Если лагерник имеет пропуск, он свободно ходит по городу. В этом случае, если пропуска нет, лагерник должен избегать встречи с полицейским, так как последний, видя повязку на руке, обязательно спросит пропуск. В таких случаях лагерники снимают повязки и ходят по городу как свободные жители. Такие случаи бывали часто, когда лагерники посещали своих знакомых, оторвавшись от своей колонны, направляющейся по воскресеньям в кинотеатр [...]

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 243–250, 271–282 об. Подлинник. Рукопись.

* Бороздов Анатолий Сергеевич, 1923 г. рождения, уроженец города Петрозаводска, русский. До войны обучался в автодорожном техникуме, работал на автобазе. Бежал из оккупированного Петрозаводска.

** Имеется в виду: знал в лицо.

3* Имеется в виду: провинностей.

4* Помощник лекаря, врача, фельдшер.

5* Правильно: leiri – лагерь (фин.).

54. Из протокола допроса В. В. Гагариной* о нахождении в Киндасовском концлагере

18 июля 1944 г.

Я, находясь на временной оккупированной территории Лодейнопольского района, белофинскими захватчиками в октябре м[еся]це 1942 г. как «неблагонадежная» была водворена в Киндасовский концентрационный лагерь, где и находилась по день освобождения нас Красной армией. Лагерь был расположен в д. Киндасово в семи крестьянских домах, обнесенных забором из колючей проволоки. В лагере содержалось до 200 человек мирных советских граждан, в основном были «политически опасные люди и подозрительные». Пленные лагеря были размещены скученно и особенно мужчины, где в комнате 40–50 м² размещалось свыше 30 человек. В бараках всегда было грязно и страшные зловония, питание было скверное, суп варили из гнилой колбасы, содержащей в себе червей, а когда эта колбаса представляла из себя сплошную массу червей, то ее выбрасывали, а люди, заключенные в лагере, будучи голодными, выкапывали эту колбасу и ели, за что получали наказание от коменданта лагеря сержанта Вихула. Заключенные выполняли непосильную по этому питанию работу на лесозаготовках, кто не мог выполнить работу, того били и лишали и без того скудного пайка. В лагере был жесточайший режим, над советскими людьми издевались, били и расстреливали за малейшую «провинность». Когда в лагере появлялся начальник лагеря капитан Тойвонен, то все пленные смотрели за каждым его шагом, куда он идет и кого ведет на пункт избияния, каждый раз он наказывал, избивал от 5 до 10 чел[овек], стоны истязаемых людей, их крики были слышны по всему лагерю. Помнится такой случай, на поле работали пленные, туда приехал капитан Тойвонен на лошади, очевидно ему не понравилось, что плохо работают голодные и оборванные люди, тогда он снимает плетку, лошади дает шпоры и начинает на скаку бить без разбора голодных и из-

мученных людей. Голодный юноша Палагин, будучи голодным, зашел в [помещение, где хранили] репу, чтобы хотя бы съесть одну-две репы, это заметил комендант лагеря сержант Ковала, поставил Палагина к телефонному столбу, стрелял несколько раз мимо, а потом последним выстрелом убил наповал Палагина на глазах у всех пленных. Вот еще случай, пленный Осипов, будучи больным, не мог вернуться назад, лег на траву и уснул, сержант Ковала нашел его спящими, спокойно на месте расстрелял. Пленные Васильев и Иванов, которые пытались уйти, Ковала их обоих расстрелял без следствия и суда, это только немногие факты грубейшего произвола, а их в лагере было очень много, в лагере не было дня, чтобы кого-либо из пленных не били. Начальником лагеря был капитан Тойвонен, его помощники Вихула и Ковала, которые творили неслыханные зверства над советскими мирными, заключенными в Киндасовский лагерь.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 30–31. Копия. Машинопись.

* Гагарина Вера Васильевна, 1920 г. рождения, уроженка Лодейнопольского района Ленинградской области.

55. Из протокола допроса А. А. Галашевой* о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

18 июля 1944 г.

[...] Я, как и многие другие русские люди, когда враг оккупировал местность, где мы жили, вместе с двумя малолетними детьми была заключена в концлагерь № 2 в г. Петрозаводске.

Много лишений пришлось перетерпеть мне и моим детям от белофинских бандитов. Хочу рассказать об одном, наиболее ужасном случае, который произошел со мной в начале 1943 г. Для того, чтобы как-нибудь прокормиться, я брала у финских солдат стирать белье, т. к. за эту работу они мне оплачивали продуктами. Тем же занималась и моя подруга Богданова. В феврале мы закончили стирку партии белья, но отнести его не было никакой возможности, т. к. за проволочное ограждение лагеря никого не выпускали. Тогда мы, я и Богданова, решили полезть под проволоку. Нам это удалось, мы отнесли белье, за что получили по куску хлеба. В лагерь также пришли незамеченными. Однако нас кто-то выдал, и мы были посажены в «будку». «Будка» — это холодное помещение, которое никогда не топилося, и снег падал в разбитые окна.

Продержали нас в будке 15 суток, кормили, когда захотят, что случилось с детьми, мы не знали. Один раз расслышали, как ребенок Богдановой с истерическими воплями звал мать. По истечении 15 суток к нам зашел переводчик с тремя вооруженными солдатами и объявил, что мы обе осуждены к расстрелу и завтра ровно в 12 часов приговор будет приведен к исполнению. По лагерю было расклеено объявление, что Галашева и Богданова за самовольный уход из лагеря такого-то числа в столько-то часов будут расстреляны.

На другой день в «будку» пришла писарь Попова и предложила нам написать кассацию. Кассация была написана, потом ее несколько раз переписывали, наконец мы получили ответ, что приговор остается в силе.

В назначенный день расстрела нас в сопровождении конвоя повели к штабу. Пришел финский поп, чтобы отпевать нас. Так, помучав нас еще некоторое время, объ-

явили, что по указанию свыше, мне почему-то показалось Маннергейма, приговор отменяется и заменяется вечной каторгой.

После этой процедуры «расстрела» нас снова заперли в «будку», где мы в общей сложности просидели 60 дней. В качестве смертников мы были 40 дней, ожидая с минуты на минуту, что за нами могут явиться.

Виновником всего этого издевательства я считаю коменданта лагеря Саловаара**.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 33–34. Копия. Машинопись.

* Галашева Агафья Амосовна, 1905 г. рождения, уроженка деревни Пидьма Подпорожского района Ленинградской области, русская. На момент допроса работала инструктором по сельскому хозяйству в Петрозаводском горсовете.

** Также упоминается в документах как Саловаари, Сааловаара, Саловари (см. документы № 57, 79, 84).

56. Из протокола допроса В. А. Демидовича* о расстрелах и избиениях пленных в концлагере № 8

30 августа 1944 г.

[...] По существу заданных мне вопросов я поясню:

Будучи находясь в лагере № 8 в пос. Ильинском, мне приходилось самому лично видеть и слышать разговоры от других из сидящих со мною в одном лагере № 8, как финские власти лагеря № 8 (фамилии ихние и имена не знаю) издевались над мирными жителями лагеря № 8, они последних издевательским избиением калечили, а впоследствии там же в лагере № 8 расстреливали, а именно:

Зимой в конце 1941 или в конце 1942 года один из вольно-пленных** гр[ажда]н, фамилия, имя, отчество неизвестно, поехал с конвоем на автомашине за хлебом для лагеря № 8 и по приезду оттуда он только что успел войти в помещение лагеря, как вслед за ним зашли двое финских солдат и без разговоров (подозревая его в хищении булки хлеба) на глазах всех сидящих тут же в лагере стали его избивать и избивали до потери сознания. В момент избиения зашел в помещение лагеря третий финский солдат по прозвищу «палач лагеря № 8» и он тут же пристрелил избитого до потери сознания гр[аждани]на и приказал этим двум финским солдатам убрать из помещения лагеря убитого гр[аждани]на. [...]

Второй факт издевательства финских властей лагеря № 8 следующий. Весной в июне или в июле м[еся]це 1942 года из лагеря № 8 совершили побег два пленных гр[аждани]на — один из них военнопленный красноармеец из Новосибирска по фамилии Двадцатый Семен, а второй гр[аждани]н Елисеев Василий из-под Свири, член ВКП(б), но они были пойманы финскими властями и посажены в овощехранилище против окон лагеря № 8, а впоследствии расстреляны при следующих обстоятельствах. В один из дней числа и м[еся]ца не помню, вечером к овощехранилищу, в котором сидели двое задержанных за побег из лагеря, подъехали на велосипедах двое финских солдат с автоматами и взяли с собой, увели из зоны лагеря тех двух задержанных, почти вслед же за ними поехал на лошади пленный цыган, работал он переводчиком лагеря № 8, фамилии его не знаю, по имени Петька и этот Петька-цыган в тот же вечер на той же лошади привез в зону лагеря и сбросил в сарай (в покойницкую) два трупа мужчин с изломанными руками, ногами, с нанесенными ножевыми ранениями и след[ами] пулевых ранений. Эти два трупа оказались теми гр[ажда]нами, которых финны вечером увели из зоны лагеря, [пленный] по фамилии Елисеев Василий и красноармеец Двадцатый Семен.

О таком издевательствах и мучительной смерти видел не только я, а почти весь лагерь № 8, так как утром женщины лагеря № 8 по распоряжению коменданта хоронили умерших от голода и холода, в том числе они похоронили и этих двух мужчин, которые [были] мучительно расстреляны финскими властями накануне вечером за зоной лагеря. В нашем лагере № 8 от голода и холода гибло ежедневно [много людей], помирали дети, старики, матери и жены, до десяти человек и мы их хоронили вблизи лагеря, на кладбищах по десять и более трупов ложили в одну могилу.

Вопрос: Назовите фамилии, имена финских властей лагеря № 8, которые издевались над пленными?

Ответ: В лагере № 8 работал переводчиком по национальности карел из вольных гр[аждан] по имени «Яшка», часто в лагере избивал женщин. Старший лагеря № 8, по национальности русский, Соколов Викт[ор] Васил[евич] тоже самое, имел всегда при себе плет[ь], которой и избивал женщин. Двое финских солдат по имени Лавра и Куллюла, фамилии ихние не знаю, участвовали в зверском расстреле в[оенно]пленного красноармейца Двадцатого Семена и члена ВКП(б), вольного пленного** гр[аждани]на Елисеева Василия.

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1128. Л. 18–19 об. Подлинник. Рукопись.

* Демидович Василий Афанасьевич, 1898 г. рождения, уроженец деревни Кремок Житенского сельсовета Минской области. Перед войной проживал в деревне Рышкала Туксинского сельсовета Олонекского района, работал в колхозе бригадиром. 6 сентября 1941 г. попал в плен к финнам и до 18 февраля 1944 г. находился в лагере № 8 в поселке Ильинском Олонекского района. На момент допроса проживал в селе Пряжа, работал председателем колхоза «Красная Пряжа».

** Так в документе.

57. Заявление З. Ф. Демченко* в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Лососинном

20 июля 1944 г.

Будучи в плену у немецко-финских захватчиков, мне пришлось пережить очень много лишений, я не думала, что переживу все эти мучения.

Не выдержав непосильного голода и насмешек в лагере с т. Тепловой А. 26 мая 1942 года мы совершили побег из лагеря № 2, расположенного в г. Петрозаводске, м[естечко] Кукковка. Устроились жить в городе. Я поступила работать на слюдяную фабрику. 24 июня сотполиция** нас разыскала, спросила документы, но финских документов у нас не было. Привели в штаб 5-го лагеря, там составили акт, вызвали постового из 2-го лагеря, нас с ним направили туда. В штабе 2-го лагеря нас спросили: «Почему вы ушли из лагеря, что хотели идти к русским?». Я ответила «Да». Тогда командир лагеря Саловаари** отдал приказ отвезти в будку и выпороть плетью, «всыпать 100 плеток». Тогда три финна, повалив на стол Теплову, начали избивать плетью, а сам Саловаари держал ее голову. Мне пришлось наблюдать за муками подруги. Избив до потери сознания Теплову, сбросили на пол, очередь дошла до меня. На этом столе, положив вниз лицом меня, начали избивать 4 человека. 3 финна (фамилии их не знаю) и русский Антонов. Били по спине и ногам. Избили до потери сознания. Наши тела были черными от по-

боев. Без сознания нас бросили в будку. 3 дня мы не приходили в сознание. На второй день нас выбросили на улицу (рассказывали очевидцы). Отливал водой нас Никитин, работал в штабе лагеря № 2. Придя в себя в будке, мы просидели 24 дня. Сидя в будке, нас гоняли на работу, а давали кушать одну сухую галетину. На работу мы шли сами, а обратно нас приносили на носилках. Выйдя из будки, мы начали работать на бирже. Проработав две недели, нас отправили в Лососинский лагерь. И там, в результате этих побоев и непосильной работы, после них я заболела и 13 месяцев лежала в больнице. Из них 4 месяца совершенно не вставала с кровати, очень болели яичники и опухали ноги. За месяц до прихода Красной армии я выписалась из больницы. Но и теперь я никак не могу прийти в себя, очень сильные боли яичников и опухают ноги.

Живя в Лососинке, я была свидетелем самого варварского отношения к советским людям. Жило нас там 60 человек, 50 женщин и 10 человек мужчин. Питание было очень плохое – 300 г хлеба и 2 раза давали суп, одна вода, и несколько кусочков нечищенной картошки. Работать гоняли на тяжелые работы. За малейшие провинки** избивали до потери сознания.

Демченко

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 83–84. Подлинник. Машинопись.

* Демченко Зоя Федоровна, 1921 г. рождения, на момент написания заявления проживала на территории бывшего концлагеря № 3 города Петрозаводска.

** Видимо, имеется в виду sotapoliisi – военная полиция.

*** Также упоминается в документах как Сааловаара, Саловаара, Саловари (см. документы № 51, 55, 79, 84, 159).

**** Имеется в виду: провинности.

58. Из воспоминаний Н. И. Денисевича* о нахождении в концлагере № 8 Олонекского района

1941–1944 гг.**

[...] 23 сентября, то есть спустя 16 дней с того времени, как мы попали в плен, в поселке появились грузовики с вооруженными солдатами. Всем переселенцам было приказано срочно грузиться в машины. С собой разрешалось взять кое-что из одежды и домашней утвари. У нас уже и до этого почти ничего не было. Подгоняемые окриками солдат и прикладами винтовок, мы вскарабкались в кузовы и машины тронулись. Никто не знал, что с нами собираются сделать. В голову приходило всякое. Ничего хорошего никто не ждал. Нам уже было известно, что финны местное карельское население не трогают. Значит нас, думалось, везут на расстрел!

Но нас не расстреляли. Оказалось, нам была уготована другая судьба. За те 16 дней, когда мы были относительно свободны, были оборудованы концлагеря, в них финские власти решили загнать всех «русских», к которым относились все, кроме карелов, вепсов и финнов – так называемых националов. Все белорусские семьи из Туксы и других деревень Олонекского района попали в концлагерь, в который финны превратили бывший летний рабочий поселок лесозавода по изготовлению шпал. Поселок находился среди леса [в] 4 км северо-западнее Ильинского лесозавода Олонекского района. Но об этом мы узнали только спустя 50 лет, ознакомившись с архивными документами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧКГ) по расследованию чудовищных злодеяний финско-фашистских захватчиков на временно оккупированной террито-

рии Карело-Финской ССР, а также данными военного архива Финляндии (Хельсинки). Из указанных документов стало понятно, что на оккупированной территории Карело-Финской ССР финскими фашистами проводился по существу политический, беспрецедентный по своему замыслу, неслыханный по своей циничности и жестокости геноцид по отношению ко всему славянскому населению республики. Десятки тысяч ни в чем не повинных мирных граждан Великой державы СССР, главным образом женщин, стариков и детей, были обречены на истязания, издевательства, непосильный труд, на голодную смерть только потому, что не относились к финно-угорским этносам. В этом отношении финские националисты переплюнули даже своих наставников — гитлеровцев. Правда, крематориев не было. На то количество подлежащих уничтожению славян, которое попало в руки финским палачам, строить их было, очевидно, нецелесообразно. Их планировалось уничтожить голодом, высосав предварительно из них все жизненные силы непосильным трудом. Так и дешевле, какую-то пользу можно было извлечь, а главное сполна удовлетворить свои садистские потребности, изливая накопившуюся с годами ненависть к «рюся» каплю за каплей. По тем нечеловеческим условиям, в которых содержались пленные, как мирное население, так и военнопленные в 1941–1942 годах в финских концлагерях, это просматривалось со всей очевидностью. И конечной цели можно было достигнуть в течение максимум двух лет. Так бы оно и было, если бы осуществились планы немецко-финских фашистов по уничтожению СССР.

Что представлял собой наш лагерь? Это четыре двухэтажных барака, несколько хозяйственных построек и в небольшой березовой рощице одноэтажное деревянное здание комендатуры. Это был обнесено колючей проволокой со сторожевой вышкой у ворот. Вдоль ограды, за колючей проволокой по вереску была натянута и замаскирована в траве проволока с навешанными на ней пустыми жестянками. Зацепился беглец ногой за проволоку, банки загремели — и прощай свобода, а то и жизнь, так как часовые имели приказ открывать огонь на поражение по каждому, кто попытается выйти за пределы ограждения. Ходить по лагерю разрешалось только до 9 вечера. Два раза в сутки, утром и вечером проводились проверки. В бараках было тесно. В четырех зданиях находилось более 600 человек. Спали на чем попало, главным образом на нарах и железных кроватях, доставшихся нам в наследство от бывших рабочих Ильинского лесозавода. Стелили и накрывались только тем, что успели захватить с собой из дома при выселении. Выдача одежды, обуви, постельного белья и других вещей, необходимых для жизни заключенных, Военным управлением Восточной Карелии (ВУВК) не было предусмотрено (зачем тратиться на обреченных к уничтожению). Люди ходили в лохмотьях. Летом босиком, зимой спасались от холода, кто как мог: кто шил что-то подобное буркам, кто-то плел лапти, делал башмаки на деревяшках или просто укутывал ноги всяким тряпьем. К воспоминаниям бывших узников концлагерей исследователи относятся с некоторым недоверием, считая, что многое в них преувеличено. Возможно. Но это преувеличение на порядок меньше, чем попытки современных финских исследователей приукрасить, обелить поведение финских властей по отношению к «русскому» населению в концлагерях. Но даже в их исследованиях вольно или невольно проскальзывает горькая правда о положении узников. Вот что пишет, например, Хельге Сеппяля в своей статье «Концлагерь — лагерь для перемещенных лиц»: «Летом 1942 года я служил в 9-й отдельной роте, которая была под литерой 6208. Я был на Онежском заводе отметчиком и охранником заключенных. В задачу входило принять утром группу заключенных у ворот и вечером доставить обратно. То есть моих полномочий хватало только до ворот. Вид рабочих-заключенных был удручающим. В колонне по три стояли оборванные дети, женщины и старики. Позади

за рабочими каждое утро дежурила четырехколесная телега со свежеструганными гробами. По понедельникам их было особенно много. Размер их колебался от неполного метра до двух. Перед входом витал удушливый запах смерти. На территорию лагеря попасть могли не многие, я к ним не относился».

В бараках кишели полчища клопов. Таких крупных и прожорливых я не встречал ни до, ни после лагеря. Пробовали ставить ножки кровати в банки с водой. Так они, заразы, заползали на потолок и оттуда пикировали на постель и тут же впивались в тело.

Не заставляли себя долго ждать и вши: головные, платяные и прочие. Они заполняли все швы в нательном белье, ползали по телу, волосам. Запустишь, бывало, руку за шиворот, чтобы почесать, где чешется. А она, родимая, перекатывается под пальцами ребристая, упругая. Достанешь ее и к ногтю. От таких процедур ногти больших пальцев обеих рук были всегда в крови. Навсегда запомнился характерный треск лопающихся тел этих паразитов, когда поднесешь снятую себя сорочку близко к горячей «буржуйке».

Одолевали по ночам также тараканы, мыши и особенно крысы. Бегая по спящим людям, они нередко пытались отгрызть кусочек тела живого человека. И тогда среди ночи раздавался бешеный крик укушенного, и от того просыпались все вокруг. И таких, непредусмотренных фашистским режимом побудок, бывало по несколько за ночь. Поймать крысу было нелегко. Но ребята постарше сооружали какие-то крысоловки и иногда ловили этих хитрющих тварей. А, поймав, тут же сдирали с нее шкуру, варили и съедали.

Помнится, за все время существования лагеря дважды проводилась дезодорация. Всех заключенных выгоняли из бараков, заклеивались окна. Посреди помещения устанавливались специальные печки, в которых сжигались желтые куски серы. На полу после этого слоем лежали клопы, тараканы и прочая нечисть. Тяжелый, ядовитый запах жженой серы после таких процедур держался неделями. Но проходило какое-то время и нарушенное равновесие снова восстанавливалось.

На территории лагеря была баня. Мылись в ней все скопом. При воспоминании о ней перед моими глазами встает всегда толпа потемневших, безобразных скелетов, обтянутых морщинистой кожей с большими, свисающими порой до колен животами. Мылись без мыла. Запомнился лишь один случай, когда на семью мы получили кусочек какого-то черного вонючего мыла. Запомнилось именно из-за отвратительного запаха и вида этого так называемого мыла. Мать, тем не менее, берегла его, разрешая мыть им только голову. Но все это не помогало избавиться от завшивленности. Женщины пытались объяснить это тем, что вши, мол, образуются в коже от голода и тоски.

В лагере царил голод, особенно в первые два года. Питание, которое мы получали в лагере, было явно рассчитано на полное истощение и медленную голодную смерть. Вначале выдавали по черпаку жидкой баланды и 150–200 г в сутки галет, испеченных из овсяных и других отходов зерна. В дальнейшем продукты выдавали сухим пайком, который состоял из тех же галет, горстки мятой ржи или муки, небольшого количества овощей в виде полусгнившего картофеля, брюквы, репы, а зимой все это было еще и мерзлым. Готовили сами узники на железной печке. И только страшный голод заставлял есть это дурно пахнущее варево. Но и его не хватало.

Пару раз для узников привозили так называемую колбасу, сделанную из конских отбросов с примесью крупы, как правило, уже заплесневелую, ослизлую, с признаками начавшегося гниения, по которой ползали белые черви. Вываливали ее прямо на землю. И солдат в резиновых перчатках выдавал порции каждому заключенному согласно списку. Несмотря на голод, не все могли ее есть и выбрасывали на помойку. А мне, после того как мама отмыла ее, ошпарила кипятком, она казалась «райским наслаждением».

Голод, мучительный, постоянный голод занимал все наши мысли, не давал забыть о себе ни днем, ни ночью. Он заставлял придумывать самые невероятные планы добычи чего-нибудь съестного, рискуя жизнью лезть под колючую проволоку, подавляя самолюбие, протягивать руку за подающим. Ели все, что попадало под руку. Особенно тяжело приходилось пережить зиму с морозами и «голым» пайком. К весне многие уже едва ноги волочили, опухали от голода, умирали. Только случай спас нашу семью от голодной смерти в первую зиму. Старший брат помогал конюху по уходу за лошадьми на конюшне. Среди зимы околела от истощения и чесотки одна из лошадок. Ее закопали, но не очень глубоко. Стояли морозные дни, копать глубокую яму было трудно. Каким-то образом брату с приятелями удалось вырезать из дохлой лошади и принести незаметно домой по достаточно увесистому куску мяса. В глубокой тайне мясо было посолено и припрятано. Варить его боялись, так как запах мяса мог бы выдать нас, а это грозило жестоким наказанием. Ели по кусочку сырым, тайком, без хлеба (так как хлеба в лагере вообще никогда не давали, только сухие колючие галеты), но с огромным удовольствием. И что меня, как врача, больше всего поражает, что ни с кем из нас ничего не случилось. Не будь этой дополнительной подпитки, не дожить бы нам до весны 1942 года.

Летом было немного легче. Ели травы, плоды вереска, которые растирали, густо замешивали на воде и на голой сковородке пекли лепешки. Вкуса они не имели, и глотать их было трудно, царапали горло. Но была работа челюстям и чувство полноты в желудке. А уж какая пищевая ценность такого блюда, науке неизвестно до сих пор. Голод заставлял нас рисковать. Значительная часть проволочного ограждения проходила через лес. И это позволяло быстро укрыться от глаз охранников, нужно было только незаметно проползти под проволокой и не задеть натянутую в траве проволоку с навешанными пустыми консервными банками. Нам, плоским, истощенным, проявив определенную сноровку, удавалось проделать эту операцию без большого труда. А, вырвавшись на волю, и споров с рукава красную полоску ткани — метку узника, мы могли сойти за карельских мальчишек. Правда, нас могла выдать одежда и худоба. Поэтому приходилось быть крайне осторожными. Что мы могли! В зависимости от сезона года мы могли собрать ягод, клюквы, съедобные травы, грибы. На убранных полях осенью найти несколько необмолоченных колосков, а если совсем повезет, то и пару картофелин. И уж совсем осмелев, добирались до ближайшей деревни, в которую приехали из родной Белоруссии искать лучшую долю и пройти по домам с протянутой рукой. Но это был уже суперриск, что называется крайний случай, который часто заканчивался поркой на скамье экзекуций в «родной» комендатуре. Были случаи, когда карелы сдавали просящих финнам. Правда, лично мне везло, не попадался ни разу.

Недалеко от нашего лагеря находился железнодорожный полустанок. И мы, худосочные подростки время от времени наведывались туда, собирали окурки и затем меняли их на галеты у страдающих от отсутствия курева мужиков. Наркотическая зависимость от никотина мучила их сильнее голода. [...]

Был у нас, лагерных пацанов — «подпроволочников» и еще один «бизнес» с гуманитарным оттенком. Мы наладили подпольную связь с нашими военнопленными, лагерь которых находился недалеко от нашего. У них там были мастера «ювелиры», которые из консервных банок, алюминиевых ложек, расчесок, зубных щеток, мыльниц, монет, проволоки и другого подручного материала изготавливали браслеты, кольца, кулоны, подвески, а мы продавали их пассажирам у останавливающихся на уже известном полустанке поездов. Чаще всего это были финские солдаты, едущие в сторону Финляндии. Они охотно покупали нашу «бижутерию», очевидно в подарок своим невестам, женам, не подозревая о том, что тем самым они материально поддерживают своих

противников. Ну а мы были горды тем, что хоть немножко облегчаем печальную участь своих несчастных соотечественников. Разумеется, и нам кое-что перепадало за наш рискованный труд.

«Перепадало» нам и от родных, которые места себе не находили, ожидая нашего возвращения. В то же время все понимали, что иначе нельзя, иначе голодная смерть всей семье. Позже мы и сами кое-чему научились у наших мастеров военнопленных. Старались, конечно, и мои старшие брат и сестра. Старалась изо всех сил и наша любимая мамочка. Летом, когда нам удавалось что-то где-то добыть, она понемножку откладывала на черный день то горсточку зерна, добытую кем-нибудь из нас, то грибок посушит, то галетку припрячет и к зиме, глядишь, образуется какой-никакой НЗ. [...]

То, что я описываю — это лишь отдельные эпизоды моих походов за все пребывание в лагере. На самом деле такие вылазки были очень опасны, и совершались редко, когда было уж совсем невмоготу, и, в основном, на третьем году нашего пребывания в концлагере, когда финны уже почувствовали, что войну проиграли и несколько ослабили бдительность, заботясь больше о том, как спасти свои шкуры. Кроме того, мы все от мала до велика, должны были с утра до позднего вечера работать.

И чтобы поставить последнюю точку в вопросе о том, как мы питались в концлагере, я должен сообщить еще об одной любопытной детали. Будучи в Олонецком краеведческом музее в 1991 году, мы обнаружили сразивший нас наповал финский документ, в котором указывался набор и нормы продуктов питания для узников Ильинских концлагерей. Трудно было своим глазам поверить. В нем были перечислены более-менее нормальные по качеству и количеству продукты питания, которых мы не только в глаза не видели, но и слухом не слыхали. Например, ежедневная норма мяса на одного заключенного была около 100 г. А энергетическая ценность суточного рациона составляла 2145–2500 килокалорий. Беру на себя смелость заявить, что либо это ошибка, либо финские чиновники ВУВК того времени все до одного были воры и мошенники. Кошунственными выглядят утверждения некоторых современных финских исследователей о том, что условия у заключенных в финских концентрационных лагерях были даже лучше, чем у находившегося на свободе населения. Выражаясь языком Урхо Кекконена, только последний болван может поверить в эту ложь. Ложь и очковтирательство, заложенные в официальных документах ВУВК, издававшихся с учетом существующих международных соглашений и находящихся в вопиющем противоречии с действительностью, порождает другую ложь, основанную на доверии к этим лживым документам. И пока мы, бывшие жертвы финского фашизма живы, мы будем разоблачать ее, эту ложь. Срывать попытки обелить, отмыть кровавое лицо финского национализма, нечеловеческую жестокость шюцкоровских палачей по отношению к так называемым «ненационалам» на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР во время Второй мировой войны. Именно национализм, глубоко пустивший корни в сознание финнов, в основе которого лежит мнимое превосходство финской нации над другими, порождает презрение и ненависть и связанную с этим жестокость по отношению к другим народностям, и бумерангом заставляет страдать и сам финский народ.

Наше состояние усугублялось еще и тем, что мы были лишены какой-либо информации о том, что творится в мире. Что война продолжается, мы догадывались лишь по не прекращавшейся ни днем, ни ночью, доносившейся с востока орудийной канонаде... [...] За все время пребывания в неволе мы не видели ни книг, ни газет, ни журналов, ни какой-либо другой печатной продукции. Дети стали забывать, что такое школа.

Что есть на свете радио, кино, музыка, кроме пиликания губной гармоники, которой порой развлекались от скуки наши надсмотрщики. Ничего, кроме грязи, вшей, клопов и прочей нечисти, да грубых окриков, животного страха, унижений, голода, холода и работы, работы, работы...

Помнится, правда, в середине марта 1943 года произошло нечто из ряда вон выходящее. По лагерю было объявлено, что желающие могут написать письма на Родину. Удержаться от такого соблазна было невозможно. Посоветовавшись между собой, многие решили рискнуть. Главное, не писать ничего такого, что могло бы не понравиться финнам. Никто не сомневался в том, что эти письма будут прочитаны финской цензурой. Написала и наша мама. Ответа, разумеется, никто не получил, и это было неудивительно, никто и не ожидал иного. Скоро мы начисто забыли об этом случае. И каково же было мое удивление, когда в статье «Белорусы и белофинны», опубликованной в газете «Советская Белоруссия» за 27 ноября 1999 года я увидел отрывок из приведенного в статье письма, очень похожего на письмо моей матери. Не поверив своим глазам, я встретился с автором статьи. Им оказался старший научный сотрудник, историк Илья Николаевич Курков. Мы вместе подняли из хранилищ Национального архива Белоруссии папку с хранящимися в ней письмами узников из карельских концлагерей в Белоруссию. Это было действительно письмо, написанное моей матерью 15 марта 1943 года своему шурину Дмитрию, проживавшему в деревне Лекоровке Заславльского района Минской области. [...]

Работать должны были все. Наиболее трудоспособная часть узников использовалась на лесозаготовках, строительстве и ремонте дорог. На эти работы гоняли не только взрослых, но и детей 11–15 лет. Приведу лишь краткую выдержку из одного из многих актов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний финско-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Карело-Финской ССР: «Пленных изнуряли непосильной работой по 12–14 часов в сутки на лесоразработках. Финны заставляли работать детей. Четырнадцатилетние девочки: Анкудинова Зина, Старченко Ася, Дегтярева Лида — 15 лет и многие другие силой направлялись в лес и должны были ежедневно разделить по три кубометра на пару. В течение почти трех лет финские власти не дали ни одному заключенному пары сапог или какой-либо одежды, однако требовали, чтобы в любую погоду заключенные ежедневно выходили на работу. Это приводило к массовым случаям обморожения».

Не постоянно, но приходилось работать на лесозаготовках и мне, вместе с другими пацанами 11–12 лет. Зимы в Карелии суровые. Снег сыпучий, по пояс. Оттепелей до марта практически не бывает. Никогда не забуду этой мучительной борьбы с холодом, когда отмерзают то уши, то нос, то щеки. [...]

Единственное спасение — непрерывное движение, да кратковременные минуты у костра. А норма, как Дамоклов меч висит над тобой, ее надо выполнять. И вот хватаешь из последних сил полутораметровую чурку, порой толще и на попа ее, на попа и до кучи. Пилили, теребили, таскали с утра до вечера. Голодные, замершие, до смерти уставшие, едва волоча ноги, возвращались в лагерь пешком, уже в темноте и полуживые валились на нары. Ненадолго хватало нас, истощенных хроническим голодом. В ту суровую зиму 1942 года я уже был на грани жизни и смерти.

Выйти на работу я уже не мог. Не мог даже с постели подняться. С голодными отеками в полусознательном состоянии меня отнесли в лагерьный изолятор. Оттуда обычно не возвращались. Но мама, мои родные сестрички и брат не позволили мне умереть. Отрывая от себя понемножку, от все [более] скудной пайки, они подкармливали меня, и я выжил. Чуть позже точно так же мы спасли и нашу младшую сестричку Галю, когда

у нее начали появляться голодные отеки как признак полного истощения организма. До сих пор в памяти моей встает эта печальная картина: бледная, худенькая, похожая на живой скелет она прыгает от радости, бережно откусывая раз за разом по кусочку от нашего суточного семейного пайка — хлебного кренделька, висящего на ее худеньком плечике. А мы, не менее голодные, жадно глотали слюнки, довольствуясь сознанием, что спасаем жизнь родного нам человечка. И во главе этих спасательных операций стояла наша МАМА. Ей мы обязаны нашим спасением. В ту страшную зиму люди умирали, как мухи. И по одному и целыми семьями, а мы держались. Помогал, наверно, наш опыт нелегкой довоенной жизни.

Больше на лесозаготовки меня не гоняли. Но без работы я не остался. На лагере была организована мастерская по изготовлению корзин из лучины. В ней трудились подростки 11–14 лет, в том числе и я. [...]

Пожилые, непригодные для более тяжелой работы, мужчины и женщины были заняты изготовлением ковриков, циновок из разноцветных бумажных ниток, по толщине похожие на те, которыми в наших магазинах перевязывают купленный товар.

Были и другие работы. Осенью, например, отправляли женщин и детей под охраной собирать для финнов клюкву, которой на болотах Карелии было немерено. В общем, рабским, практически бесплатным трудом никто из заключенных не был обделен. Оставляли в покое только тех, кто после окрика и последующего удара плеткой не мог подняться с нар.

Дисциплина в прямом и переносном смысле была палочная. Все охранники, кроме табельного оружия имели при себе плетку. Складывалось впечатление, что судьба вернула нас в средневековье, господство инквизиции. Били за малейшее непослушание, за малейшее уклонение от установленного варварского распорядка. Мне, например, попало плетью за то, что не слишком быстро соскочил с нар, когда было приказано всем покинуть барак. Словом, с нами обращались хуже, чем со скотом, будто стремились выбить из нас все человеческое, что у нас еще было. Такое отношение к нам вызывало во мне внутренний протест, лютую ненависть и презрение к этим нелюдям.

В комендатуре имелось специальное помещение для приведения в исполнение приговоров коменданта лагеря. На стенах висел целый набор плетей [...]. Часто прибежали к использованию березовых или ивовых прутьев, заставляя наказуемых вырезать их для самих себя. Посреди комнаты стояла грубая деревянная скамья, предназначенная для экзекуций. В штабе комендатуры числилась должность палача. Наказуемого заставляли обнажить спину, укладывали на скамью вниз лицом, и палач наносил плетью столько ударов по голому телу, сколько было назначено комендантом лагеря. Жестокие порки проводились систематически. Чтобы не быть голословным, приведу лишь несколько примеров избиений заключенных, зафиксированных в актах ЧГК [...].

«Советская учительница Л. Г. Позик зимой 1943 года вместе с 19 заключенными была послана в лес для прокладки дороги. Никаких инструментов им не дали, и им пришлось протаптывать дорогу ногами. Позик обморозила руки и ноги и попросила разрешения на час раньше уйти с работы. Ее отпустили, и в этот же день вечером ее вызвали в комендатуру лагеря, раздели, повалили на пол и нанесли 24 удара резиновой дубинкой».

«Е. К. Зарецкая, 43-х лет, мать троих детей, получила 30 ударов плетью по приказу коменданта Матти за то, что ее дочь нашла на дороге хлеб, уроненный с финской машины. Пострадавшая рассказывает: «Меня положили на скамейку, подняли юбку и стали бить. Два солдата держали голову и ноги, а Матти бил».

Кроме индивидуальных, проводились и массовые порки. Так, в сентябре 1943 года были избиты 24 женщины за попытку найти остатки картофеля на перекопанном крестьянском поле. Среди них была и наша мама. По распоряжению младшего сержанта Касимьяки Токо им приказали снять одежду и по очереди лечь на скамейку вниз лицом. И в таком положении каждой из них было нанесено по 25 ударов по голому телу. По всему лагерю разносились душераздирающие крики. [...]

Я помню, как мужественно держалась мама, успокаивала нас, пряча искаженное от боли и слез лицо. Ей, мол, совсем не больно. А мы и не могли не плакать, видя ее черную от кровоподтеков спину, видя, как тяжело ей дается каждое движение в постели. Более недели она не могла повернуться на спину. И за что? Только за попытку найти пару картофелин для своих истощенных от голода детей. Жестокость палачей не ограничивалась только избиением. Все провинившиеся вдобавок были лишены половины недельного пайка. Подобных примеров индивидуальных и массовых издевательств над беспомощными женщинами, стариками, детьми можно было бы привести много. Особенно зверские избиения проводились в концлагере в Видлицах, где работала часть узников из нашего лагеря. Наказуемых подвешивали к дереву так, чтобы ноги не касались земли и в таком положении избивали. Складывалось впечатление, что изверги-палачи были рады любому поводу, дающему им возможность удовлетворять свои садистские потребности.

По распоряжению ВУВК в каждом лагере должны были вестись журналы регистрации всех проводимых экзекуций с указанием фамилий наказуемых, количества назначаемых ударов плетью. Но, желая скрыть свои преступления, финнами перед отступлением все эти документы были сожжены. Однако в памяти узников сохранились наиболее запомнившиеся имена палачей Ильинских концлагерей. Они зафиксированы в актах ЧГК, работавшей в июле 1944 года. Вот их имена: капитан Игман, лейтенант Торма Керри, младший лейтенант Орикойнен, капралы Ниргус, Конконен Тмель, Мьялепя, старший сержант Кайрекко, сержант Тусминен, младшие сержанты Матти Юли-Лома, Токо Косимьяки, Мямпя и Сараеки, фельдфебель Микко Лохик, солдаты Эдвард Юлиманнида, Лаури Лехтинен и Алекси Ипатти.

Хронический голод, тяжелый изнурительный труд, моральные страдания от постоянных унижений, избиений приводили к истощению, заболеваемости и высокой смертности заключенных. Вымирили семьями, особенно если в них не было ладу, взаимной поддержки. Трупы выносили в подвал, и по мере их накопления, грузили на повозку навалом, как дрова, вывозили за пределы лагеря и закапывали в общую яму, не оставляя даже положенного холмика над ней.

Денисевич Н. И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Вып. 5 / отв. ред. К. И. Козак. Минск, 2007. С. 81–94.

* Денисевич Николай Игнатьевич, 1931 г. рождения, белорус, кандидат медицинских наук. Являлся председателем Совета бывших малолетних узников финских концлагерей, живущих в Республике Беларусь.

** Дата событий. Воспоминания написаны в 2007 г.

59. Из протокола допроса Е. М. Дмитричевой* о нахождении в петрозаводском лагере № 6

17 июля 1944 г.

[...] В начале Отечественной войны я, Дмитричева, находилась на оборонных работах, откуда по окончании работ уехала в Заонежский район КФССР, где попала в плен к белофиннам.

Из Заонежского района в начале февраля м[еся]ца 1942 г. белофинны привезли нас в концлагерь № 6 г. Петрозаводска, а затем направили работать на ст[анцию] Орзег, а впоследствии в Деревянное и в Пески.

Находясь в Орзеге и Песках, мне часто приходилось видеть, как белофинны издевались над мирным советским населением, заключенным в специально ими созданные лагеря.

Так, например, в лагере Пески мальчик Петя от сильного голода, не спросив разрешения начальника лагеря, зашел в палатку финских солдат, чтобы попросить кусок хлеба, находившийся там в это время начальник лагеря выстрелом из пистолета убил мальчика.

Кроме того, финские мародеры избивали мужчин, ребят и девушек только за то, что они заходили друг к другу в барак или ходили в палатки финских солдат за подаванием, так счастливые советские люди белофинскими разбойниками были превращены в бесправных забитых нищих.

Всех фактов избиения и надругательств со стороны финнов по отношению к русскому пленному населению я сейчас не помню, т. к. их было очень много, и избиение советских граждан финнами вошло в систему.

Особенно отличался в жестокости начальник лагеря № 6 майор финской армии (фамилию которого не знаю). Этот изверг-майор бил народ, бил народ и за то, что к нему кто-то обращался с тем или иным вопросом.

Кроме того, население лагерей в 1942 г. сильно вымерло от голода. Финны покойников вывозили два раза в неделю, каждый день в лагере умирало до 10 человек.

Мой отец Дмитричев Михаил Федорович умер только лишь от голода, а мне, как дочери, финны не разрешили даже похоронить его. Знаю, что он зарыт в Песках на кладбище, где похоронены тысячи советских граждан.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 45–46. Копия. Машинопись.

Опубл.: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 85–87.

* Дмитричева Екатерина Михайловна, 1924 г. рождения, уроженка деревни Михайловка Телегинского района Пензенской области.

60. Из протокола допроса Е. П. Егорова* о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

8 мая 1942 г.

[...] *Вопрос:* Расскажите о режиме в концлагере.

Ответ: Концлагерь № 2 весь огражден колючей проволокой в шесть рядов, высотой до 2 м, в лагере имеется 10 домов, охраняется днем одним постом у ворот и второй пост по лагерю подвижной одним солдатом, ночью внутри лагеря подвижной пост из 5–6 солдат, у ворот пост, охраняемый одним солдатом. Подъем в лагере временем

не предусмотрен, встают произвольно к 7 ч[асов] утра. Хождение по лагерю разрешено до 21 часа, ранее разрешали ходить до 18 часов. В город не отпускают, за исключением редко по прошению и вообще случаев отпуска в город мало. Отпускают если, то дают пропуска. Питание установлено 300 г хлеба на день для работающих, сахару до 4 кусков, были случаи, давали мерзлую картофель, брюкву и очень редко конского мяса 50 г. Не работающим 250 г хлеба и сахар до 4 кусков, больше ничего. На работу вначале выгоняли принудительно, за невыход били резиновой палкой, железной тростью и кулаком, а также и последнее время бьют за невыход и другие провинности. В лагере живут семейные вместе, а одинокие мужчины отдельно от женщин. В лагере запрещается читать политическую литературу, в том числе и художественную, петь песни революционные, ходить из квартиры в квартиру, собираться группами, за нарушение бьют, по нашим подсчетам в лагере № 2 избито до 60% пленных, особенно последнее время увеличилась смертность, умирает в неделю до 40 человек, хоронят 2 раза в неделю в общую могилу, большинство умирает из-за плохого питания. Санитарной помощи никакой не оказывают.[...]

Вопрос: Вас в лагере наказывали?

Ответ: Один раз меня ударил финский солдат кулаком, за что я и сам не знаю, других наказаний я не получал.[...]

Архив УФСБ России по РК. ЛТД № 11. Л. 114–117. Подлинник. Машинопись.

* Егоров Егор Петрович, 1907 г. рождения, уроженец деревни Пахомово Бабаевского района Вологодской области, русский. Член ВКП(б). В начале войны участвовал в боях под Петрозаводском в составе маршевой роты, был политруком 2-го взвода. 12 октября 1941 г. приехал в Петрозаводск и проживал в доме своего знакомого, 20 октября 1941 г. был помещен в концлагерь № 2, работал в бригаде плотников по восстановлению цеха Онежского завода и других объектов, в бригаде по обслуживанию столовой авиачасти. Бежал из лагеря 28 апреля 1942 г. Также см. документ № 61.

61. Из протокола допроса Е. П. Егорова*, заключенного концлагеря № 2 города Петрозаводска

27 апреля 1943 г.

Допрос начат в 20 ч[асов] 10 м[инут].

Вопрос: – Вы в течение 6 месяцев находились в плену на территории Финляндии и содержались в лагерях для гражданского населения. Расскажите об условиях жизни населения в этих лагерях.

Ответ: – За этот промежуток времени я содержался только в Петрозаводском лагере № 2. Подобных лагерей для гражданского населения белофиннами создано семь. Как только белофинны заняли город Петрозаводск, все русское гражданское население, в том числе и малолетних детей поместили в эти лагеря. Петрозаводский лагерь № 2 размещен в помещениях быв[шей] Северной Точки. Кругом лагерь обнесен колючей проволокой и выставлена охрана. Население этого лагеря содержалось в жутких антисанитарных условиях. Спали на полу без всякой подстилки. В баню население водилось очень редко, вследствие чего было много вшей. Медицинской помощи не оказывалось. На работу выгоняли обессиленных и разутых людей под охраной. Население данного лагеря было обречено на голодное вымирание. На сутки выдавалось 250 г хлеба. С населением обращались как со скотом. Запрягали его в упряжки и возили тяжести. Ежедневно часть лиц подвергалась избиению. В лагере, пожалуй, нет ни одного

человека, который бы не испытывал на себе резиновую дубинку. Детей белофинны тоже не миловали и избивали как взрослых. От побоев, голода и изнурительного труда в неделю умирало до 20 человек, которых хоронили по средам и воскресеньям. О том, какие белофинны учиняли издевательства над населением лагеря, приведу ряд хорошо мне известных фактов и оставшихся до сего времени в моей памяти.

Осенью 1941 года советского гражданина по имени Иван избил финский солдат металлической частью ремня до такой степени, что тот не мог встать. Избиение его было осуществлено за то, что он якобы, не вышел на работу.

За опоздание на работу в декабре м[еся]це 1941 года сильно был подвергнут избиению гражданин Петушенков Егор Петрович.

В январе м[еся]це 1942 г. женщину Ширшеву Анастасию Ивановну избил резиной за то, что она выехала рано за водой. Побой ей были нанесены публично, при этом солдаты, посматривая друг на друга, сильно были довольны и усмехались. Один мальчик, примерно семи лет, в марте м[еся]це 1942 г. по своей, безусловно, глупости, полез под проволоку и пошел разыскивать в город мать. Финский солдат этого мальчика задержал и палкой избил так, что он не мог двигаться и его почти мертвым принесли в помещение барака.

В феврале 1942 г. одного гражданина, фамилии я его не знаю, по национальности украинец, финские солдаты за невыход на работу избил резиной так, что он долгое время лежал в бессознательном состоянии.

В апреле м[еся]це 1942 г. Наумов Леврентий Иванович пошел в больницу за получением медицинской помощи, так как был больной. Вместо помощи от финского солдата Пауля и начальника лагеря железной тростью получил столько побоев, что Наумов сошел с ума [...].

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 51–51 об. Заверенная копия. Машинопись.

* Егоров Егор Петрович, 1907 г. рождения, уроженец деревни Пахомово Бабаевского района Вологодской области. Подробнее см. документ № 60.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ЕГОРОВА Егора Петровича

ЕГОРОВ Егор Петрович, 1907 г. рожд., урож. дер. Пахомово, Важаевского р-на, Вологодской обл., русский, гр-н СССР, из крестьян, окончил 2 класса сельской школы, бывш. чл. ВКП/б/ с 1932г., в Красной Армии служил по мобилизации с 19 сентября 1941г. по 6 октября 1941 года. В данное время находится под следствием по ст. 58 п. 1-б УК РСФСР.

от 27-го апреля 1948 года.

Допрос начал в 20ч. 10м.

Вопрос: - Вы в течении 6 месяцев находились в плену на территории Финляндии и содержались в лагерях для гражданского населения. Расскажите об условиях жизни населения в этих лагерях.

Ответ: - За этот промежуток времени я содержался только в Петрозаводском лагере № 2. Подобных лагерей для гражданского населения в городе, белофиннами создано семь. Как только белофинны заняли город Петрозаводск, все русское гражданское население, в том числе и малолетних детей поместили в эти лагеря. Петрозаводский лагерь № 2 размещен в помещениях быв. Северной Точки. Кругом лагерь обнесен колючей проволокой и выставлена охрана. Население этого лагеря содержалось в шутких антисанитарных условиях. Спали на полу без всякой подстилки. В баню население водилось очень редко, вследствие чего было много вшей. Медицинской помощи не оказывалось. На работу выгоняли обессиленных и разутых людей под охраной. Население данного лагеря было обречено на голодное вымирание. На сутки выдавалось 250 грамм хлеба. С населением обращались, как со скотом. Запрягали его в упряжки и возили тяжести. Ежедневно часть лиц подвергалась избиению. В лагере пожалуй нет ни одного человека, который бы не испытывал на себе резиновую дубинку. Детей белофинны тоже немитовали и избивали как и взрослых. От побоев, голода и изнурительного труда в неделю умирало до 20 человек, которых хоронили по средам и воскресеньям. О том, какие белофинны учиняли издевательства над населением лагеря приведу ряд хорошо мне известных фактов и оставшихся до сего времени в моей памяти.

Осенью 1941 года советского гражданина по имени Иван избил финский солдат металлической частью ремня до такой степени, что тот не мог встать. Избиение его было осуществлено за то, что он якобы, не вышел на работу.

За опоздание на работу в декабре м-це 1941 года сильно был подвергнут избиению гражданин ПЕТУШЕНКОВ Егор Петрович.

В январе м-це 1942г. женщину ШИРШЕВУ Анастасию Ивановну избивали резиной за то, что она вышла рано за водой. Побой ей были

нанесены публично, при этом финские солдаты посматривая друг на друга сильно были хохотливы и усмехались. Один мальчик примерно семи лет в марте м-це 1942г. по своей безусловно глупости подлез под проволоку и повел разговаривать в город свою мать. Финский солдат этого мальчика задержал и палькой избил так, что он не мог двигаться и его почти мертвым принесли в помещение барака.

В феврале 1942 года одного гражданина, фамилия я его не знаю, по национальности украинец, финские солдаты за невход на работу избивали резиной так, что он долгое время лежал в бессознательном состоянии.

В апреле м-це 1942 года НАУМОВ Лаврентий Иванович пошел в больницу за получением медицинской помощи, так как был больной. Вместо помощи от финского солдата ПАУЛЬ я начальника лагеря железной тростью получил столько побоев, что НАУМОВ сошел с ума.

Вопрос: - Под чьим руководством осуществлялись указанные Вами избиения мирного населения?

Ответ: - Все это делалось с ведома и по распоряжению начальника лагеря.

Вопрос: - Какая была фамилия начальника лагеря?

Ответ: - Фамилия начальника лагеря мне не известна. По национальности он был финн, в возрасте 35 лет, выше среднего роста, толстый, волосы черные, отсутствует один глаз, хромает на правую ногу.

Вопрос: - Назовите фамилии непосредственных исполнителей?

Ответ: - Из финских солдат я знаю только по имени двоих, которые наносили побои мирному гражданскому населению, это были: Михаил и Пауль.

Приметы Михаила: по национальности финн, в возрасте 30 лет, среднего роста, волосы русые, владел русским языком.

Приметы Пауля: по национальности финн, в возрасте 27-28 лет, выше среднего роста, волосы русые, сухощавый, на одной из щек лица имеется шрам.

Вопрос: - Чем желаете дополнить свои показания?

Ответ: - Больше свои показания дополнить ничем не имею.

Допрос окончен в 22ч. 00м.

Показания с моих слов записаны правильно и мною прочитаны ЕГОРОВ.

ДОПРОСИЛ: КАЛАЗИНИ / *Калла*

АН-3.

62. Из протокола допроса А. И. Егоровой* о нахождении в тюрьме в деревне Киндасово

19 июля 1944 г.

[...] В 1941 году по сложившимся обстоятельствам я не могла эвакуироваться в тыловые районы и осталась на оккупированной белофиннами территории КФССР, примерно через год белофинские оккупанты бросили меня в тюрьму как «политически неблагонадежную личность» и, начиная с ноября 1942 г. по 24 июня 1944 г., держали меня в Киндасовской тюрьме. В Киндасовской тюрьме находилось в среднем до 300 человек, люди были размещены очень скученно, в камерах всегда была непролазная грязь, и стояла невыносимая зловония**, в камерах была масса клопов и вшивость, что считалось обычным явлением, кормили очень плохо, а работать заставляли по 10–12 часов на лесозаготовках, если даже человек серьезно болен, все равно его выгоняли на работу, а охранники Ковала, Сихвонен били таких людей палками, при этом кричали: «Вот вам здесь лекарство». Издевательства и избиения были любимым занятием всей охраны тюрьмы, били за малейшие проступки. Я была очевидцем, как за попытку совершить побег били заключенных советских людей Матвеева и Жданова до бессознания, обливали холодной водой и вновь били, после такого избиения Матвеев и Жданов в течение двух недель не могли подняться с коек. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными методами издевательства отличался начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержант Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 29. Копия. Машинопись.

* Егорова Александра Ивановна, 1918 г. рождения, уроженка Ведлозерского района КФССР. На момент проведения допроса проживала в городе Петрозаводске.

** Невыносимое зловоние.

63. Из воспоминаний Л. Г. Егоровой (Перхиной)* о нахождении в оккупации в Заонежском и Кондопожском районах

1941–1944 гг.**

[...] Очень хорошо помню, как пришли финны в деревню. Пришли зимой с озера. Выломали дверь на сарай и поставили своих лошадей в нашем хлеву. Всю нашу семью финны выселили в Кяппесельгу. Жили в доме на две семьи. Голодали. Толкли березу на опилки и из этих опилок пекли хлеб. Мы, будучи детьми, просили еду у людей. И даже дети падали в обморок от голода. Мимо Кяппесельги шли машины с продуктами для финнов. В горку машина притормаживала и старший брат Витя вместе с деревенскими ребятишками запрыгивал в кузов машины, и иногда им удавалось скинуть коробку галет. Однажды Витя ушел просить еду в Тамбицы и финский повар дал два ведра каши. Два дня мальчика не было дома, и мама очень волновалась. И когда Витя пришел домой, с двумя ведерками каши, вся семья была сыта в течение нескольких дней. Весной финны всех вернули в деревню. Нужно было обрабатывать поля. Жили в Задней деревне, а в Типиницы ходить было нельзя. Деревня была вся огорожена колючей проволокой, а вокруг все заминировано. За колючую проволоку заходить было

нельзя. И снова голод. Летом в деревне даже травы не было, всю люди съели. Кругом только черная земля. Женщины и дети обрабатывали поля, выращивали хлеб для финнов. Когда весь хлеб был убран, финны разрешили детям собрать с поля упавшие зернышки. А еще староста, Березкин Федор, посоветовал женщинам сшить пояса и, пока финны не видят, собирать в них зернышки. Жили все в одном доме. Спали на полу вповалку. А на зиму снова переселили. Теперь уже в Ридсельгу. И снова голод. Мой брат, Леня, так и умер с протянутой рукой. Все кушать просил. Однажды моя мама, Перхина Мария Захаровна, потеряла финский паспорт. Обычно за утерю документов финны пороли. И староста посоветовал надеть ватные штаны, чтобы не так больно было. Маму увезли в Корытово, и вечером она вернулась домой. В этот раз не пороли, а заставили пилить дрова. [...]

Волкова Л. А. *Моя семья в годы советско-финляндской и Великой Отечественной войн.* [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Юный архивист» 2018 г.).

* Егорова (Перхина) Людмила Григорьевна, 1936 г. рождения, жительница села Великая Губа Медвежьегорского района.

** Дата событий.

64. Из заявления А. А. Ильина, заведующего больницей концлагеря № 6 города Петрозаводска, в Чрезвычайную государственную комиссию

15 июля 1944 г.

[...] Когда мне исполнилось 15 лет, меня определили в Кронштадтскую морскую фельдшерскую школу, где я закончил четырехгодичный курс. По окончании школы я был выпущен на военную службу в город Гельсингфорс¹ на фрегат «князь Пожарский», где прослужил 8 лет. В 1917 г. возвратился в Ленинград и поступил в психиатрическую больницу имени Фореля. В 1922 г. поступил в Лодейнопольскую больницу и все последующие годы служил в этом районе. В 1933 г. поступил в водный транспорт, где и служил до 1941 г. 28 сентября в амбулатории Ровской судостроительной верфи, откуда и попал в плен.

В плен попали почти все служащие и рабочие судостроительной верфи в количестве 2500 человек ввиду того, что администрация не успела эвакуировать. [...]

5 декабря 1941 г. нас начали вывозить в город Петрозаводск. [...] Затем нас привезли на станцию Свирь и посадили в товарные вагоны и набили народом до отказа, таким образом мы добрались до Петрозаводска. Здесь нас привезли в 5[-й] лагерь, мороз был сильный и всех нас с детьми оставили на улице, не давая никакого помещения, где бы согреться. Затем немного сжалились и отвели покойницкую — холодное, грязное помещение. [...]

Словом нас в 5-м лагере оказалось 7½ тысяч. Народ так густо был населен, что по несколько семейств ютились в одной маленькой комнатухе. Первая моя работа в 5-м лагере направлена** чистить навоз в уборной и убирать двор. Работа мне эта не очень понравилась, и я стал искать другие работы. Здесь я узнал, что есть больница и амбулатория, и я устроился в последней. Здание амбулатории находилось около самой проволоки и у проходных ворот, и я ежедневно видел избиение граждан и маленьких детей, и это страшно действовало на мои нервы. Больных было очень много,

так что приходилось пропускать больных до 100 человек в день, а лекарств было мало, а подчас и не отпускалось из аптеки. Стали появляться случаи скорбута^{3*}, которые с каждым днем стали увеличиваться в тяжелой форме. Появилась завшивленность, так как в начале баня отсутствовала. Народ стал умирать целыми пачками, так что доходило до 20 подвод за пятидневку вывозили на кладбище. Нечистоты из уборных и выгребных ям вывозили на берег речки, из которой брали воду для питья населения. Появились кишечные заболевания. Финская медицина, в лице Эра Филькинштейна, несмотря на все заявления ходила и только улыбалась. Если его просили осмотреть больного, то он стоял почти на почтительном расстоянии, не подходя к больному, боялся заразы. Вот и весь был его осмотр. На операции и спецлечение больных не отправляли. А должны были вывертываться в лагере, так как боялись, чтобы зараза не попала в город. В довершение всего от грязи и [плохого] питания появилась эпидемия тифа и от населения 7½ тысяч осталось едва 5½ тысяч. Хоронили в одну большую яму в три ряда. [...]

В марте месяце 1942 г. я был переведен в 1-й лагерь заведовать больницей на 40 кроватей. Под охраной финского солдата был приведен в 1-й лагерь в больницу. Первое мое впечатление в больнице было удручающее. Больных было много, все истощенные, опухшие от голода. Постельные принадлежности были – бумажный матрац, бумажные подушки и свое рваное, грязное одеяло. Наволочки и простыни отсутствовали. Завшивленность была огромная, так что к больному было страшно подойти – это была сплошная вошь. Питание больных было мука и вода. Первая моя борьба была со вшивостью, и я довел ее до конца. В отношении питания я добился улучшения, приводя на кухню каждого посетившего больницу финского начальника, показывая пищу, прося улучшения, но получал ответ: «Это хорошо, в Финляндии и этого не кушают», но в конце концов мне стали отпускать на больницу немного молока. В один прекрасный день ждали какую-то комиссию и нам привезли на 40 кроватей одеяла, простыни, наволочки, полотенца, и наша больница стала показательной.

В августе месяце 1942 г. произошло соединение больниц 1-го, 4-го и 6-го лагерей, и [общая] больница была переведена в 6-й лагерь в 20-ю школу, а я был назначен заведующим этой больницей. Здесь питание больных после приезда комиссии улучшилось, а также и в отношении лекарств. Появились финские врачи, говорящие по-русски, с которыми можно было объясняться. Отношение к медперсоналу было удручающее, так как у них все медики шли под марку санитаров и на основании этого финская мед[ицинская] сестра Антикайнен заставляла целыми днями заправлять кровати и убирать, и мыть полы. Некоторых убирала из больницы на лесозаготовки. Мед[ицинская] сестра Малькова даже была наказана плетью и отправлена на лесозаготовки. Мед[ицинская] сестра Кюршина была тоже наказана плетью. Врач Богоявленский проявлял тоже временами свои «культурные выходки». На служащих рычал как зверь, и все дрожали, когда он появлялся. Был один случай в лагере – пошел он на осмотр квартир и нашел, что в комнате грязно, он схватил кочергу и ударил женщину по ягодице. Во второй квартире нашел грязь, он схватил полено и ударил женщину, а та в защиту себя схватила котелок и замахнулась на него, тогда он нажаловался в штаб на женщину, и ее наказали плеткой, обрили лобок и выстригли волосы.

Начальник лагеря майор Куринман^{4*} имел деспотическое отношение к лагерникам: бил плетью и взрослых, и детей, а вдобавок еще была резина толщиной в палец, так иногда и этой резиной. За освобождение больных от работ, а также и за то, что я ни с какими просьбами не обращался к майору, он все время искал случая отправить меня в тюремный лагерь Кино-Свари^{5*}, о чем он неоднократно говорил.

За последнее время врач Богоявленский перед приходом Красной армии в город Петрозаводск стал заметно мягче. В один прекрасный день он пришел в больницу и говорит: «Держите больницу как можно чище, так как мы, финны, скоро уйдем, а сюда в Петрозаводск придут немцы». Такое известие так поразило нас, служащих, точно на нас вылили ушат холодной воды.

Я еще хочу рассказать один случай про мед[ицинскую] сестру финку Антикайнен. Был такой случай, когда к нам в больницу была доставлена родильница с заворотом кишок в 11 часов ночи, и я хотел ее сразу отправить в финский госпиталь на операцию, и нужно было для этого получить от финской сестры препроводительную бумажку, но она таковой не дала, оставив ее до утра. Утром я вторично стал настаивать отправить больную. Тогда она вызвала финскую акушерку, которая велела держать больную в кровати и положить лед. Я стал просить вызвать финского врача Стукке, который действительно вскоре приехал и велел срочно отправить больную в госпиталь. Больная была отправлена и оперирована, и в результате умерла. Фамилия этой больной Карпина.

Зав[едующий] больницей 6-го поселка

Ильин А. А.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 65–68. Копия. Машинопись.

* Хельсинки.

** Следует читать: работа состояла в том, чтобы.

^{3*} Цинга.

^{4*} В документе № 126 значит как Куурема.

^{5*} Имеется в виду концлагерь в Киндасово.

65. Протокол допроса Н. П. Козыревой* о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

18 июля 1944 г.

В 1941 г. при оккупации г. Петрозаводска белофинскими войсками, я, Козырева, была взята в плен и водворена в концлагерь № 2, который был организован белофинскими захватчиками для мирных советских граждан.

Режим в лагере был установлен очень суровый, после 7 часов вечера воспрещалось ходить даже из комнаты в комнату. Виновных в нарушении этого приказа подвергали телесным наказаниям. Так, за то, что я однажды засиделась немного дольше 7 час[ов] у знакомой в другой комнате, комендант лагеря, финн по имени Павлик, избил меня до синяков резиновой плеткой с привязанной на конце гайкой.

Подобные случаи были не редким явлением, таким образом белофинские правители пытались сделать свободолюбивых советских людей бесправными забитыми скотами.

Населению, находившемуся в лагере, финны выдавали на день 200 г хлеба, да и то с различными примесями, и иногда немного мяса или порченных овощей, но в этом случае уменьшали норму выдачи хлеба.

До невозможности** истощения от недоедания я вынуждена была употреблять в пищу мясо собаки.

Белофинские вояки, чтобы скрыть факты голода среди населения лагерей, объявили мой поступок умышленным преступлением, направленным против порядка, уста-

новленного финскими властями, и я после избиения без всякого суда и следствия была брошена в 1942 г. в тюрьму.

В тюрьме я просидела 1 год 11 месяцев и была вынуждена^{3*} только тогда, когда еле держалась на ногах и вся опухла от голода.

Тюрьма, в которой я сидела, находилась в г. Петрозаводске на Лососинской улице, всего нас там сидело 58 женщин и 10 мужчин

Режим в тюрьме был более тяжелым, нежели в лагере. Кормили еще хуже, а работать заставляли больше и на тяжелых работах.

Заклученные в поисках пищи рылись по помойкам, ловили и ели лягушек и пр.

Некоторые заключенные, чтобы вырваться из этого ада, решались на самоувечья, но и это не помогало. Так, заключенная Хорошева Анастасия, 25 лет, желая как-нибудь уйти из тюрьмы, зарубила себе топором руку, но в больницу ее не направили, а сделав перевязку, опять направили на работу.

Одного пожилого лет 58–60 мужчину, который совершенно не мог из-за бессилия работать, финн-собаковод и финка – старшина тюрьмы в лесу избили палками и за-травили собаками до такой степени, что он на следующие сутки умер.

Протокол записан с моих слов правильно и мне прочитан.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 53–54. Копия. Машинопись.

* Козырева Наталья Петровна, 1911 г. рождения, уроженка деревни Сидорово Оленинского района Калининской области.

** Так в тексте.

3* Правильно: выпущена.

66. Заявление Н. Р. Комковой в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска

16 июля 1944 г.

75

В комиссию по расследованию злодеяний, творивших немецко-финскими захватчиками на оккупированной территории.

От гр-ки Комковой Надежды Романовны, проживающей в г. Петрозаводск, пос. № 3 (бывший конц. лагерь № 3).

Заявление

Работая в базе лагеря в десоканере по принципу и увеличению белья ^{модей} и обуви в лагере я была свидетелем издевательств и надругательств над мирными советскими людьми в нашем лагере. В лагере по распоряжению командования конц. лагерь города была введена ежедневная прогулка людей через десоканеры. Для всех домов лагеря устанавливались бани две. Три в неделю. В баню за-нимаю насильно всех мужчин, женщин и детей по 60–70 лет. Существование было ужасно трудным и рабским. В бане нагоняли на нас пар до 110–120°. Затем закрывали туда людей и держали там по 40–45 минут. Многие из закрывавших в баню теряли сознание и ^{их} приводились в чувство.

При обнаружении в голове перхоти или гнид
ногами вырезали волосы. Посещение бани
строго регистрировалось. За не посещение
бани, жители лагеря наказывались
(стрижка волос и запирали в будку)

Кроме этого людей заставляли привозить
с собой в баню все насильные вещи
вплоть до крепдешиновых и шерстяных
ценных вещей, которые жители лагеря по-
чти не одевали. Одежда в парилках очень
часто перегорала и люди оставались без
одежды. Исключительными зверствами в
организации бань-парилок занимался финн
Оскар Неменен и предатель врач Боголевский*,
которого боялись все жители города,
называя его врачом-богом. Пленные работницы
бани за малейшие признаки снижения
температуры, открытие бани раньше
положенного срока всячески избивались
финнами. Так один раз финка, обвинявшая
меня в занижении температуры, избилась
поленом ^{дров} и я долгое время
не могла поворачивать шею.

16/VII 1944г.

за Комкову Н.

Работая в бане лагеря в дезокамере по приему и развешиванию белья людей, живущих в лагере, я была свидетелем издевательств и насмешек, творимых фашистскими палачами над мирными советскими людьми в нашем лагере. В лагере по распоряжению командования концлагерей города был введен систематический пропуск людей через дезокамеры.

Для всех домов лагеря устанавливались банные дни 1 раз в неделю. В баню нагоняли насильно всех мужчин, женщин и детей по 60–70 чел[овек], скученность была такой, что трудно было разместиться. В бане нагоняли температуру до 110–120°.

Затем запирали туда людей и держали там по 40–45 мин[ут]. Многие из [людей] закрытых в баню, теряли сознание и их приходилось приводить в чувство.

При обнаружении в голове перхоти или гнид людям вырезали волосы. Посещение бани строго регистрировалось. За непосещение бани жители лагеря наказывались (стрижка волос и запирали в будку).

Кроме этого, людей заставляли привозить с собой в баню все насильные вещи вплоть до крепдешиновых и шерстяных ценных платьев, которые жители лагеря почти не одевали. Одежда в парилках очень часто перегорала и люди оставались без одежды. Исключительными зверствами в организации бань-парилок занимался финн Оскар Неменен и предатель врач Боголевский*, которого боялись все жители города, называя его врачом-богом. Пленные работницы бани за малейшие признаки снижения температуры, открытие бани раньше положенного срока всячески избивались финнами. Так, один раз финка, обвинявшая в занижении температуры, избилась [меня] поленом дров, и я долгое время не могла поворачивать шею.

За Комкову Н.**

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 80–80 об. Подлинник. Рукопись.

* Правильно: Богдавленский; также упоминается как Богомалинский, Богомалевский.

** Так в документе.

67. **Заявление И. Е. Коновалова и И. Е. Громова в Чрезвычайную государственную комиссию об организации концлагеря № 5 в городе Петрозаводске и нахождении в нем в годы оккупации**

19 июля 1944 г.

В ноябре м[еся]це 1941 года на территорию железнодорожного поселка ст[анции] Петрозаводск Кировской жел[езной] дороги привезли пленных русских, захваченных на территории Карело-Финской ССР, в количестве около 200 чел[овек], и после непрерывным потоком стали подвозить пленных. В январе 1942 г. в лагере насчитывалось 8403 человека, все жилые помещения были густо набиты людьми, дети и женщины валялись на полу и не только в комнатах, но и на кухнях, коридорах и лестницах.

Сразу же поселок был обнесен густо колючей проволокой, и пленным под страхом смерти было запрещено выходить за проволоку без разрешения начальства.

Во главе лагеря был штаб лагеря. Начальником лагеря был финн в чине лейтенанта держиморда Луккоринен Якко (исключител[ьный] развратник), его верные помощники: Салми, палач Ламберг Вейкко и впоследствии начальником лагеря с апреля 1943 года был Каллио – лейтенант.

Старшим лагеря со дня его организации был украинец — Люботинский Виктор Адамович. Этот проходимец только отбыл срок наказания по статье 58-й Уголовного кодекса, и в 1940 году освободился. Бандит Люботинский с 1940 по 1941 г. не работал, жил на иждивении своей жены, которая работала директором неполной средней школы в Остречинах Вознесенского района Ленинградской области. Там он перешел к финнам и был верным помощником финским бандитам. Все злодеяния, все репрессии с беззащитным народом, находящимся в лагере № 5, проходили через руки господ Луккоринен, Каллио и Люботинского.

С первого дня в лагере кормили по жестким нормам, все без исключения, ребенок или работающий мужчина, получали хлеба 350 г на день, как правило хлеб выдавался не взвешенный, а на глазок, мяса давалось по 50 г на неделю.

Трудоспособных мужчин отправляли в этапы на лесозаготовки в Кутижму и Вилгу, Орзегу и Деревянное и Ровское, где люди подвергались исключительным пыткам и находились в тяжелых условиях.

С начала организации лагеря начались гонения на пленных.

По приказу штаба было объявлено, что кто выйдет за черту лагеря, то весь дом будет лишен нормы на 4 дня. Мальчик 12 лет из дома № 4 подполз под проволоку, был замечен, мальчика посадили в будку, выпороли, а все женщины в 4-м доме 4 дня сидели без хлеба и продуктов и несмотря на слезы голодных детей закон выдерживался крепко-верно.

Жители 26-го, 42-го и 44-го домов тоже из-за желания ребят прошмыгнуть за проволоку жили без нормы по 4 дня.

Пороли людей за то, что не вовремя являлись на работу утром, бригадира Гришина Петра и Шебрякова Андрея пороли в холодной будке, дали им по 25 плетей.

Бандит Луккоринен не брезговал сам заниматься мордобитием и за невыполнение его распоряжения избил кулаком до крови Павлова Ивана.

Для расправы приезжала в лагерь городская полиция, за скрытие фамилии ребят, укравших на ст[анции] Петрозаводск ржи, финны из полиции избили Громова Ивана Ефимовича в коридоре своего* дома, ударили вначале палкой, а потом били по зубам до потери сознания.

Плетьми стегали всех, кто нарушал распоряжения не подходить к проволоке, и даже попавших не вовремя на глаза начальству.

До 25–30% жившего взрослого населения были наказаны и пороты по разным причинам.

Усилились репрессии после убийства ночью на посту финского часового 7 апреля 1944 года.

С апреля месяца совершенно запретили выход по пропускам из лагеря пленных, отобрали у всех финские ножи. Люботинский, желая выслужиться перед начальством, и дал команду отобрать ножи.

От плохих условий жизни, грязи, плохого питания, т. к. мука подмешивалась опилками и имелись в ней черви, мясо и колбаса были тоже с червями, в январе 1942 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, 8 месяцев был лагерь на карантине. 8 месяцев ни один человек, живущий в лагере № 5, не выходил из пределов колючей проволоки.

За время тифа вымерло 72 человека. За время существования лагеря с ноября 1941 года по июнь 1944 года в лагере вымерло около 3000 человек, и в основном по причине голода и непосильных условий труда.

Пугалом для живущих в лагере служил врач Богоявленский, по прозвищу «Бог». Этот «Бог» бил направо и налево как работников больницы в лагере, а также и больных. До прихода его в лагерь начиналась чистка во всех домах, т. к. если «Бог» обнаруживал в квартире грязь или вши — бил кто попадет под руку и давал приказ снять волосы немедленно.

Тяжелобольные еще больше простужались от того, что до прихода «Бога» на 1½ часа в палатах открывались окна и двери, чтобы не был спертый воздух, что очень не любил доктор.

Впоследствии сотрудники больницы, и живущие в лагере прятались от такого врача, во избежание быть избитым.

Счастливые те люди, кто остался жить, кто дождался прихода Красной армии. Мы, кого освободила Красная армия и Советская власть от тирании и издевательства финнов, приложим все силы к тому, чтобы на нашей земле не остался ни один финн, пытавшийся создать советских людей своими рабами.

Мы будем своим трудом помогать Кр[асной] армии скорей разбить нашего врага.

Коновалов Игнатий Ефимович

Громов Иван Ефимович

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 87–89. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград. 1945. С. 106–107.

* Следует читать: его дома.

68. Заявление З. А. Королевой и К. М. Субботиной в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска и организации в лагере медицинской помощи

[Июль] 1944 г.

28 июня 1944 г. кончились наши страдания, наступил светлый, радостный день, но и при оккупации мы твердо верили, что о нас думает родной Сталин и делает все, чтобы освободить нас. Злые захватчики, не успев вступить на нашу родную землю, согнали нас за колючую проволоку в концлагерь, где жили 2 года 9 м[еся]цев.

2 г[ода] 9 м[еся]цев работали под финским страхом, работать приходилось в кошмарных условиях. Возьмем первый год, 1941 г[од]. Больных было много, смертность была колоссальная, работать приходилось голыми руками, о медикаментах и думать не приходилось, так как больному не было что есть. Для больного не было выделено никаких норм, та же норма, которая шла на лагерь 350 г муки и все. Для питания не было никаких различий, общая, слабая, это все кругом одна баланда (так называли обеды) из расчета 350 г муки в хлеб, суп, второе, третье и т. д. Мы работали в лагере № 3. Больница сначала была рассчитана на 12 коек. Больных лежало по 20–25 чел[овек], работала одна мед[ицинская] сестра на всех больных кругом, день и ночь приходилось очень тяжело, больные все были очень тяжелые, сам медперсонал ходил еле живой, но работать приходилось из-за стакана муки. Белья почти не было, а посуды не было и до сих пор. Если б[оль]ной не принесет с собой чашки, ложки, то не в чем и покормить. Больные лежали кто в чем и кто на чем. Среди этих б[оль]ных и хирургия и терапия, и детские болезни и родилка. Больница организовалась, прожив 6 м[еся]цев в лагере. О стерильности материала мы и забыли, материала не было никакого, перевязки делали чем попало. Финский врач приезжал очень редко, по 3 м[еся]ца совсем не заглядывал в отделение. С тяжелыми приступами болезни со слезами на глазах мед[ицинский] персонал просил финских хозяев, чтобы отправить больного для врачебной помощи, но кругом был

отказ. Например, б[оль]ная Сеницына из лагеря № 3 умерла в приступе аппендицита на глазах финских властей, т. е. у ворот штаба на носилках, ее мы хотели отправить к хирургу, но не пришлось.

Теперь возьмем примеры частого и страшного посещения финского врача, это 1943 г., год карантина. Вспыхнула небольшая заболеваемость брюшного и сыпного тифа, «господин» доктор забеспокоился, начал приезжать ежедневно в лагерь. Людей закрыли еще строже в проволоку, в течение пяти м[еся]цев не был никто за воротами даже на пороге штаба. В течение пяти м[еся]цев людей гоняли из дома как собак. Постельные принадлежности и белье увозили в отдельный дом, где сваливали в одном месте и сразу с нескольких домов, где держали сутки, после чего не знаешь, как и собрать в место. Жилой дом закрывался, люди уходили кто куда и начиналась дегазация дома, т. е. в горшки налагали горючей серы и зажигали, делалось это неаккуратно, из-за чего были случаи пожаров.

Начинается рабочий день в б[ольни]це. С 7 часов утра ждем «господина» доктора, больница приведена в [ге]ниальную чистоту, один человек поставлен на пост за неожиданным появлением машины «господина» доктора. И так, показалась машина, проехавшая во 2-й лагерь, начинается беготня, забывая, что на койке больной, а не забывая про пол, который лизали чуть ли не языком. Больной лежит безшевелимо, безразлично, может ли он лежать на спине или не может и крепко натянуто одеяло, чтоб не было ни одной морщинки, чтоб койки стояли в одну линию, и чтоб все 20 коек были заправлены как одна.

И так финский изверг в нашем лагере, начинается беготня, плачь, ругань, крик финского доктора, что вы свиньи, неряхи.

Не рады были, что подходит день дежурства. В этот день можно было получить плетки, лишиться места, сесть в будку.

В один день дежурная стар[шая] мед[ицинская] сестра Королева З. А. чуть не получила палки за то, что не было света в уборной, так кричал и топал с палкой в руках, что дежурные санитарки убежали на чердак, а оказалось, что свету не было во всем городе, это было потому, что все было чисто и не к чему было больше придираться.

Финским властям не нужны были мед[ицинские] работники. Как, например, акушерка с десятилетним стажем Субботина Кл. Мих. пять месяцев возила воду финским лоттам*.

Спасибо нашей доблестной Красной армии и родному Сталину, не оставившим нас в час горя и беды.

Поселок № 3, работали
мед[ицинскими] сестрами лагеря № 3

К. М. Субботина, Королева З. А.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 84-85. Подлинник. Рукопись.

* Члены финской женской военизированной организации Лотта Свард.

В государственный чрезвычайный комитет
28 июля 1944г. кончили наши страдания, дадут
нам светлый радостный день но и при 'окупу-
ции нем. твердо верим, что о нас думают
родной Сталин и думает все чтобы вернуть
нас. Земле забавчики не чужь вету жить
на нашу родную землю собрали нас за
колхозную проволоку в конц. лагерь, где ни-
ме 2 года 9 м. чев.
2г. 9 м. чев работами под жестокими страданиями,
работами приходилось в концлагерных
условиях. Возвлекли первый год 1941г.
Больных было много, смертность было
колоссальная, работами приходилось ходить
на руках, о медицинскими и думали не
приходилось так как больному было что
есть. Для больного было видимо никаких нарч
такие нарч, которая шла на лагерь 350 гр.
муки и все. Для жить питались не было ни
каких разницы, булочки, слабый это все крупы
одна бабагда 1. там называли обедом. из рас-
чета 350 гр. муки, хлеб, суп, бульон, трезе
и т. д. Мы работами в лагере № 3. Валь-
ница сначала была развешана на 18 коек
больных лежало по 20-25 чел. работами
одно мед. сестра на всех больных крупоч
дель и ногь приходилось огеть таскание,
больные все были огеть таскание,
самы мед. персоналом ходили все пельки на
работами приходилось из-за еубокомы
муки. Велья почти не было а посуду не
было и до сих пор. Если б. был не приехал
с собой чайники, ложки, то не были и покар-
мить. Больные лежали это в чем и кто
на дни. Среди этих в чем и хирургия и
творожки и детские болели и таскание.
Больница организована в лагерь
в м. чев в лагере. о еубокомы ма-
терияла мы и забыли, материяла не было
ни какого, перевязки думали все пошло.

Финский врач приезжал очень редко по 3-м часам
совсем не заглядывая в отряды.
С тяжелейшей припухшей болезнью со сви-
щами на ногах мед. персонал просил оти-
хих козлов чтоб отвезти больного для
врачебной помощи, но криком были отпущены.
Например в лагерь Сиркискина ~~из лагеря~~
из лагеря № 5 умерла в припухшей анте-
ципота на ногах отпущены в лагерь
т.е. у ворот штаба на носилках ее
хотели отвезти к хирургу, но не
пришлось.
Теперь возведем пример частого и стра-
шого посещения финского врача это 1943
год Карлтинна. Вспыхнул небольшой за-
болеваемость брюшного и брюшного тифа,
воспаление доктор заблуждался, начал при-
езжать ежедневно в лагерь. Люди закрыли
еще строение в проволоку в тачанки на
ты и уез не был шквал за тачанками,
даже на дороге штаба. В тачанки тифи-
ческие люди выехали из дома как собак.
Постепенно принадлежность и белое у-
зники в отряды дома их сваливали в
огню мед. с разбу в нескольких домах
не держали сундуки, после чего все
знавшие как и собрать в мешки. Дом
дом закрывался, люди уходили кто ку-
да и начиналась дразнить дома, т.е.
в тачанки накатали горячей серы и
запахами, делалось это не аккуратно
из-за чего были случаи пожаров.
Начинается рабочий день в 8-м часе.
С 7 часов утра несли восходина до-
тора, больница привезена в штаб
шлю, шестому, одним человеком поехали
на пост за Клеопандиною появи-
лись машинными восходина доктор.
И так показав машинна, привезли
во 2-й лагерь, начинается белотня

81
забывая что на войне больной, а не забывая про
пол, который являлся чуть ли не взрывом.
Больной несет без илвммо без раз-
лично несет и илвммо на отряды
не несет и крепко натянуто одеяло,
чтоб не было ни одной сорочки, чтоб
ручки стояли в одну линию и чтоб все
до колен были заправлены как одна.
И так отпущены изверг в Намеи ла-
гере, начинается белотня, начался
крик отпущенного доктора, что все свали-
вается.
Не ради были, что подходит день дежур-
ства. В этот день можно было полу-
чить письма, пишется лета, всего
в будку.
В будку день дежурный стар. мед. сестра
Королева З.А. чуть не побужила
наши за то что не было света в
уборной так кричал и топал с на-
кал в руках, что дежурные сажают
ки убегали на фронт, а оказалось
что свету не было во всем лагере,
это было потому, что все было
чисто и не к чему было болеть.
придаться.
Финскими врачами не нужны были мед.
работники. Как например акушерка
в действительном станции Суботинна
К. Лих. пять м-цев возила воду оти-
хих лоттам.
Спасибо нашей доблестной Красной
армии и родному Сталину и
ветеранам и вое в час торж
беды.
Послание № 3
работами } К. Суботинна
мед. сестры } Королева З.А.
лагерь № 3

69. Заявление М. Ф. Крыловой* в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

19 июля 1944 г.

В 1941 г. 13 ноября пришли к нам в Заонежский район, Сенногубский с/с[овет], дер. Конда изверги-финны. С первого же дня прихода они начали свои злодеяния среди русского народа.

Лично моя семья состояла из 5 человек: мать 1886 г. рождения, сестра 1924 г., вторая сестра 1930 г. и дочь 19 октября 1941 г. рождения. Только отец сумел переправиться к своим, хотя, к сожалению, он умер в 1943 г. в Омской области, что узнали 17 июля сего года. Муж, мой, Крылов Семен Васильевич, конечно, в рядах Красной армии. Финны с первых же дней прихода начали производить обыск в домах жителей и отбирать хлеб. У нас несколько раз приходили по 8–10 человек вооруженных и в доме повертывали все кверху дном, ругались, грозили разными наказаниями, требуя хлеба. Проклятые изверги выбрасывали даже из люльки сонную малютку-дочь и рылись в [люльке] тоже.

Когда узнали, что я учительница, то несколько раз допрашивали, а потом с ехидством смеялись, что, мол, сейчас хорошо живете, получая по 200 г овса и то не каждый день.

16 января 1942 г. выгнали со своей деревни и увезли в лагерь № 6. Почти все вещи остались дома, так как не разрешили финны взять. Все, что наживали родители, деды и мы, ограблено злодеями-финнами. Они же, проклятые, позднее сожгли и дом наш.

Коварной была жизнь за колючей проволокой в лагере. Сестру сразу же отправили в лес, откуда вернулась сильно больной. Мне приходилось выполнять различную работу, хотя еле носила ноги по земле. Копала ямы под помойки и уборные, пилила дрова, копала ямы на кладбище, копала канавы, разделявала целину — основная моя работа в лагере.

Только 4 ноября 1943 г. приказали мне работать в русской школе при лагере № 6 за неимением учителей. Свины окаянные всячески старались увеличить смертность народа в лагере. Ярким [примером] служили ими выдуманные вшивобойки-парилки. В маленькую клетку загоняли по 20–30 человек, не считаясь с полом, возрастом и здоровьем, где нагоняли температуру до 100° С, а затем выгоняли в холод. Моя дочь, Крылова Гертруда Семеновна, несколько раз была при смерти в этих парилках. Один раз я отказалась нести ее в парилку, так как у нее была высокая температура, тогда пришли 3 финна и с палкой в руках загнали все же. После этой жарилки малютка болела 7 месяцев.

Теперь мы свободны. Большое спасибо Красной армии, вырвавшей нас из-под гнета оккупантов. Прошу от сердца отомстить проклятым иродам за наши ущербы и выискать с них убытки.

Крылова Мария Фед[оровна]

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 101–103. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 104–105; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград, 1945. С. 109–110.

* Крылова Мария Федоровна, уроженка деревни Конда Заонежского района.

70. Заявление А. Л. Кувылдина в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 4 города Петрозаводска и на лесозаготовках в Кутижме

[Июль] 1944 г.

Уроженец Лен[инградской] области Подпорожского района Усланского с/совета Кувылдин Александр Львович, год рождения 1899 год, в то время, когда попали в плен, семья была 11 человек, все малые да старые, это было 8 сентября 1941 года. Враг нагрянул неожиданно, и нам пришлось переехать через реку Свирь и уйти в лес. Но в лесу нас застала финская разведка, и вернули нас в деревню, а с деревни скомандовали о выезде, но не знали куда нас повезут, привезли на станц[ию] Свирь, сделали посадку в вагоны и передали, что повезут в калпунки, но мы не представляли, что за калпунки, и между прочим через сутки привезли в г. Петрозаводск. Разместили нас по разным лагерям, я с семьей попал в 4-й лагерь, в 5 часов вечера на второй день уже стали обносить колючей проволокой и сразу же поставили патрулей, за водой ходили по указанному часам. Некоторые ребята узнали, что в городе есть военные кухни и стали уходить под проволоку и попадали на патрулей. Патрули отбирали котелки с кашей и ребят садили в будку. Но мало этого, били плеткой. Ну фамилии этих палачей было трудно узнать.

Паек выдавался на два дня по 350 г сухих галет, сахару по 10 г, соль 15 г, изредка привозили мороженую картошку и турнепс. А в январе 1942 года стали отправлять на лесозаготовки по лесопунктам. И вот на нашу долю удался Кутижма. Прямо не на жизнь, а на верную смерть были люди загнаны в бараки до 150 человек и больше, в бараке окна были заколочены досками, свету совсем было мало, а вечером пользовались светом лучины. Сплошные нары, люди спали, не отделяясь человек от человека. Придя из леса, зачастую мокрые, высушить было негде, баней пользовались 1 раз в месяц, мыла не давали.

Норма выработки была 3 кубометра на пилу. Распил расколоть, сделать рамы, сложить в костер. Если не выполнишь нормы, снимали с пайки хлеба, давали только одну баланду и сажали на ночь в будку, раздевали ватную одежду. Хлеба давали 300 г в сутки в 6 часов утра и до следующего утра и в 5 часов вечера давали баланду, жиденькую со ржаной муки, сахару два кусочка на день и все.

Ну и вот, народ стал с каждым днем истощаться из-за питания и из-за бытовых условий жилых помещений. Даже жутко вспоминать, когда по человеку ползали вши в несметном количестве и также клопы, никаких мер со стороны медицины сделано не было, кроме насмешки.

Все это терпели от финского врача палача, который вместо того, чтобы дать больному помо[щь], так он, пока не сломает об больного палки, то не отойдет. Но от работы не ос[во]бождались до тех пор, пока человек не умрет. Например так заболел, со мной вместе жил в бараке Доршаков Василий Егоров [из] Лен[инградской] области Подпорожского р[айо]на дерев[ни] Мятусова, утром он не мог идти на работу и, боясь идти к врачу, все же через силу [пошел] в лес, не смог уже выполнить своего задания, его избил патруль прикладом, когда мы понесли его из леса, до барака было 4 км, и он у нас умер на плечах, и таких случаев было много. Вторым случаем на моих глазах мужчина с одной местности со мной Филатов Дмитрий Степанович был бригадиром и с его бригады сделали побег из леса в город, так его взяли прямо из бани, посадили в будку, избивали и с тех пор он заболел и умер в лагере.

Еще по национальности хохол Бабарика, забитый врачом, умер в бараке в Кутижме.

Салдатенко Семен тоже был уже на сплаве в мае м[еся]це 1942 г. избитый, пропал без вести.

Вот такие обращения были с нам[и]. Так пишу о себе. Тоже и со мной. Я заболел и не смог ходить, у меня распухли ноги и не влезали ни [в] какие сапоги, ну и как бы не обходил этого палача врача, но обратиться пришлось, так он мне так помог ударом своего кулака, что я без памяти лежал больше часа и в это время он уехал в отпуск в Финляндию, так меня направили с партией больных в Петрозаводск, в лагерь, где я пролежал два м[еся]ца в лагере. Русский врач Парфенов Василий Арсентьевич. Но вот, конечно, не могу описать фамилий заготовителей леса, а врача фамили[я] Ляхтонен.

Кувылдин А. Л.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 107–108 об. Подлинник. Рукопись.

71. **Протокол допроса А. П. Левкина* о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска**

18 июля 1944 г.

Я, Левкин Александр Петрович, до начала Отечественной войны Советского Союза против немецко-финских захватчиков проживал по месту своего рождения. С приходом в наш район немецко-финских захватчиков финнами был взят в плен и как военнопленный, хотя я никогда не был военнослужащим, направлен в концлагерь, которые финны называли лагерями «советских военнопленных», тогда как в них не было ни одного военнослужащего Красной армии, а только мирное советское население.

Лагерь, в который я был водворен, находился в г. Петрозаводске и значился под № 5. В этом лагере я пробыл с 23 ноября 1941 г. до 29 июня 1944 г., т. е. до того момента, когда Красная армия освободила г. Петрозаводск, а вместе с ними и всех советских граждан, заключенных белофиннами в лагерь.

Режим в лагере был очень тяжелым. Подъем в 6 час[ов] утра, в 7 час[ов] все должны быть на разводе у ворот лагеря, откуда пленных бригадами под конвоем направляли на различные работы. С работы возвращались в 5 час[ов]. И до 8 вечера занимались уборкой лагеря. В 9 час[ов] вечера всякое хождение по лагерю специальными приказами строго воспрещалось, и все должны были находиться на своих местах, воспрещалось даже переходить из одной комнаты в другую.

Запугивание, побои и расстрелы были излюбленными методами белофинских правителей для поддержания заведенного ими порядка в лагерях. Запугивали репрессиями, били и расстреливали по различным причинам. За опоздание на работу били. Не явишься вовремя в лагерь – побои и карцер, вздумаешь протестовать против произвола лагерного руководства – опять побои и карцер, за выход без разрешения за ограду лагеря – в лучшем случае побои и карцер, а чаще расстрел на месте.

В 1943 г. я был отпущен в город и не смог вовремя вернуться в лагерь, на следующий день я заболел и по разрешению врача не вышел на работу. Заведующая домом Лахина Екатерина Васильевна донесла финнам, что я опоздал явиться из города и, симулируя болезнь, не вышел на работу. За мной пришли два финна и без всякого разбора избили меня резиновыми палками и на 12 суток посадили в холодный карцер.

Гражданку Майорову Анну финны избили лишь за то, что она вздумала протестовать против произвола старшины лагеря – предателя Левкина Алексея Васильевича, систематически обворовывавшего население при выдаче им продовольственного пайка.

Белофинны прибегали и к другим, не менее драконовским, методам воздействия на население лагеря. За ту или иную «провинность» одного отвечали все жильцы барака, где жил «провинившийся». Когда заключенный в лагерь Кулаков Александр 14 лет, пытался выйти из лагеря в город для приобретения продуктов и был задержан, так за это все жильцы дома № 20 лагеря № 5 были оставлены на 4 дня без питания.

В лагере царил произвол и грабеж. Все лучшие вещи заключенных финнами и их пособниками-предателями Орловым Сергеем и уголовником Кольцовым Василием Васильевичем были отобраны, возражать против этого мародерства было невозможно. Ко всем прочим лишениям в лагере добавлялось полуголодное существование.

В лагере существовала мизерная норма продовольственного снабжения, состоящая из 300 г хлеба с примесью древесной муки, 15 г сахара в день и изредка на 2–3 дня 50 г конины. Но и эта «норма» не доходила до заключенного в лагерь, т. к. старшины бараков, которые ведали распределением продуктов, всячески обкрадывали заключенных. Доведенное до крайнего истощения население лагерей вынуждено было различными путями добывать себе дополнительное питание, в результате жестоко наказывалось белофиннами.

Однажды я, договорившись с тов. Демехиным Леонтием 13–14 лет, вышли из лагеря и в оставшемся после ухода Красной армии складе нашли немного продуктов, и принесли с собой. Наше отсутствие было замечено начальником лагеря, и нас вывезли в комендатуру на допрос. При допросе офицер Мойланен, чтобы вынудить меня на показания, периодически через каждые 5–10 минут избивал резиновой палкой, внутри которой находился железный прут. После допроса нас раздетых бросили в холодный карцер, где температура воздуха была 18–20 градусов холода. Пробыли в карцере 6 час[ов], к нам пришел финн Вейко Ламберен и, избив снова резиновой палкой, отпустил в барак. Всего мне за это время было нанесено 43 сильных удара.

Демехин Леонид при вторичной попытке выйти из лагеря с той же целью без всякого предупреждения был убит белофиннами.

Мне известен и такой случай, когда истощенные от недоедания и непосильной работы 5 человек заключенных из лагеря в п. Вилга решили бежать из финского плена, но были задержаны, доставлены обратно в лагерь и прогнаны через строй.

За экзекуцией наблюдал лейтенант финской армии, и тех, кто бил слабо, он приказывал своим солдатам пороть их розгами.

Один из пяти пытавшихся бежать, подросток лет 15, не выдержав избиения, укусил лейтенанта за палец, тогда последний, схватив его за горло, бросил в сторону, а один из солдат тут же пристрелил его из винтовки, лейтенант же заявил, что такая участь грозит и остальным четверем. Протокол с моих слов записан правильно и мне прочитан.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 11–13. Копия. Машинопись.

* Левкин Александр Петрович, 1925 г. рождения, уроженец деревни Павловская Подпорожского района Ленинградской области.

72. **Заявление А. И. Малюткиной* в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании на оккупированной территории Заонежского района и в концлагере № 6 города Петрозаводска**

19 июля 1944 г.

В плен попала 12 ноября 1941 г. в дер. Воев-Наволок Сенногубского сельсовета Заонежского района. С первого дня приходов финнов почувствовала унижение и оскорбление, как и все советские граждане, попавшие в плен.

В деревне жили три месяца. Никуда без пропуска не разрешали ездить, например за дровами, за сеном. Ежедневно приезжала полиция и допрашивала. С продовольствием у них дело обстояло плохо, поэтому они стали брать картофель у жителей деревни, брали мясо и молоко. Потом повезли нас в лагерь в г. Петрозаводск. Страшно вспомнить эту эвакуацию. За 2 часа велено было справиться. Подали на нашу семью 1 лошадь, а нас было 10 чел[овек]. Маленьких ребят посадили на лошадь, а вещи все выбросили на улицу. Полицейский шел от дома и не давал брать вещи. Он пинал наши чемоданы и толкал всех. Наконец настала минута прощания с домом, где все наши вещи и скот был оставлен. Все взрослые люди шли пешком 7 км до Сенной Губы. Туда привезли и приказали сойти ребятам с лошади, а помещения не было. Сотни людей ютились с малыми детьми на морозе на улице, потом кое-куда стали расходиться на ночлег. В первый день уже есть было нечего, потому что нельзя было взять из дому. Сутки жили тут на месте, потом в ночь в сильный мороз стали отвозить народ на автомашинах открытых через озеро в Петрозаводск. Женщины с ребятами садились на вещи и в открытой машине ехали 60 км. Привезли в лагерь № 6, лагерь весь окружен колючей проволокой. Поместили всех кучно в один дом. До утра были там, утром повели по квартирам. Давали комнаты тесные. Вещи ценные отбирали у штаба, хлеб и др. продукты у кого были, все отбирали. Так с первых дней сели на 300 г, и кусочек гнилой кобылятины давали на 4 дня. Ужасно вспомнить всю эту картину. Тысячи людей были посажены в концлагеря, строгость и все финские приказы были жестоки. Не разрешалось подходить к проволоке и разговаривать со своими. Разговор через проволоку грозил расстрелом.

С первых же дней я была направлена на очистку помоек. С профессией не считались ни с какой, они, наоборот старались дать образованным людям как можно хуже работу, самую черную. Этим они хотели унижить человека и смеялись над ним. В лагере прожили три недели, потом стали отправлять на лесозаготовки в Орзегу, в Кутижму и в Вилгу. Отправляли молодежь с 15 лет, не считались со здоровьем, одеждой и обувью. Отправили и меня и многих других учительниц в лес в Орзегу. В один день под вечер принесли повестку, что завтра надо ехать в лес, причем обещали «военный паек». 7 февраля 1942 г. рано утром я и многие девушки были в сборе, мы стояли с походными сумками и ждали начальство. Некоторые запаздывали, за ними были посланы финны, которые не считались ни с какими обстоятельствами, вели под конвоем и с дому всех, кто опаздывал. Наконец собрались все. Нас выстроили по 2 чел[овека]. И стали считать. Сотни молодых девушек были в этих колоннах. Около нас неподалеку стояли наши матери, которые пришли проводить нас. Их гнали палками дальше. Скоро нас повели на станцию под конвоем. Со стороны родителей раздавались рыдания, девушки плакали тихо, ибо можно было легко получить палки. Привели нас к 5-му лагерю, там была та же картина. Оттуда всех вместе привели до станции. Поместили нас в закрытые вагоны и наглухо закрыли. Был мороз, но греться негде было. Скоро повезли, а мы и не знаем куда. Поезд шел тихо, часто останавливался, мороз щипал ноги и пробирала дрожь по всему телу.

В вагонах было много слез и рыданий. Ехали недолго, слышим, поезд остановился, открылась дверь. Нас стали выпускать из вагонов. Все слезли. Потом нас повели вереницей под конвоем по колесу в снегу. Шли к баракам, еле трогались, так как было холодно. Довели до барака, поместили по 30–35 чел[овек] в одну комнату, которая не была отоплена. Там для нас были сделаны нары вместо коек вверху и внизу. Голодные и измученные, все мы легли на нары. Нас не выпускают из комнат, пока всех не разместят. До 4 час[ов] нам не давали есть. Потом в 4 час[а] вечера нас позвали в столовую за «пурой» (финская каша из ржаной муки, как клейстер). Поели, но в желудке не прибыло, хлеба не дали. На утро следующего дня нас всех выстроили по 2 чел[овека], сосчитали и повели в лес, снег был непроходимый. Сотни людей шли вереницей в лес, а патрули спереди, сбоку и сзади шли. Привели, заставили работать, пилить дрова. Дров не было видно, так как было много снега. Начали работать под палкой. Было холодно, у многих обувь была плохая, ноги мерзли, но огонь разводили не разрешали, от огня гнали палкой. Так работали до 11 час[ов] дня, потом повели на обед за пурой, шли туда и оттуда с патрулями. С 12 час[ов] дня шли опять на работу до 4 вечера, а потом вечером в барак под конвоем. Хлеба полагалось по 390 г, но нам на руки полностью не давали, не взвешивали, а резали пайками. Работа была тяжелая, питались плохо. Многие болели, но бюллетеней не давали. Вот один случай, который на всю жизнь останется в памяти. В канун 23 февраля дня Красной армии у меня в лесу была вывихнута правая кисть руки, бюллетень мне не дали. Я на работу не могла идти. Утром 23 февраля 1942 г. я на работу не вышла, т. к. не могла рукой действовать. Еще из нашей комнаты не пошли двое, Катя Демитричева, у нее были отморожены пальцы в ногах, но бюллетеня не дали, Рая Кузьмина, у нее болели зубы. До обеда мы были в бараке. После обеда нас выгнали всех больных под палкой в лес на работу. Нас на бирже выстроил переводчик финн и приказал работать до 6 вечера и выполнять дневную норму. Он нам сказал: «Сегодня какой день?». Мы ему ответили – день Красной армии 23 февраля. Он крикнул на нас звериным голосом и сказал: «Помните, что Вы находитесь на финской земле и должны работать на благо финнов». Быстро приказал 3 патрулям отвести нас на работу. Пришли на место работы, стали пилить, но никто не может. Патрули по очереди ходят от нас к другим девушкам, которые тоже были выгнаны на работу. Был сильный мороз, у нас мерзли ноги и руки. У Кати Демитричевой помороженные пальцы стали еще больше мерзнуть, она свалилась на снег и била ногами, жутко смотреть на эту картину. Но финны не сочувствовали нам и заставляли работать. Пришлось в таком состоянии здоровья работать с 12 час[ов] дня до 6 час[ов] вечера. Кончили в 6 час[ов] ровно и они сказали, что можно идти в барак. Мы ели-еле шли. Пришли в барак, там девушки все в слезах от наших мучений. Такие случаи были не редки. Вот как пришлось отмечать день Красной армии и многие другие праздники в плену.

Малюткина А.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 51–52. Копия. Машинопись.

* Малюткина Анна Ивановна, уроженка деревни Воев-Наволок Сенногубского сельсовета Заонежского района, учительница 7-й начальной школы.

73. Из воспоминаний Л. П. Макеевой* о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска

1941–1944 гг.**

[...] Когда началась война, отец уверял нас, что долго она не продлится, и отправил семью в его родную деревню Шангостров, где жила его мать, моя бабушка. Сам он оставался на брони как железнодорожник и занимался эвакуацией грузов промышленного характера. Деревня, куда мы приехали, находилась в Подпорожском районе Ленинградской области. Но война туда пришла быстрее, чем в Петрозаводск. Мы пытались уйти от наступавшего противника. Бабушка взяла на дорогу немного продуктов и даже повела корову. Мы направились в сторону Свири. Мне было пять с половиной лет, а братику Юре — три с половиной. Я вела его за руку. Мы ушли в лес. С нами шли и другие деревенские семьи. Кончилась еда. Некоторые из женщин пошли на брошенные колхозные поля накопать картошки. Но тут появились финские разведчики. Мы были вынуждены сказать, что обосновались неподалеку в лесу. Всех нас заставили вернуться в деревню. Там мы оказались в плену.

Мама была беременной уже на последнем месяце и в деревне родила двойню девочек. В ноябре финский комендант дал команду собраться в 24 часа и взять с собой только самое необходимое. Привезли нас на машинах на станцию Токари и там погрузили в теплушки и отправили в Петрозаводск. Поначалу вернулись в свою городскую квартиру. Мама пошла по делам в город, и ей кто-то из знакомых посоветовал получить финский или карельский паспорт, что помогло бы избежать неприятностей. Но никто не мог предвидеть всех страданий, через которые нам предстояло пройти, и мать категорически отказалась от получения таких документов, считая такой шаг предательством, тем более что наш отец был партийным.

А через некоторое время нас разместили в домах барачного типа, которые уже были обнесены колючей проволокой. Здесь был образован 5-й лагерь. Место это в дальнейшем получило название Пятого поселка. Там и сегодня еще стоят некоторые дома той поры, правда, [они] капитально отремонтированы и перепланированы. Семья наша выросла. Нас было уже пятеро, и с нами^{3*} из деревни приехали бабушка и дедушка. Поселили нас в комнате на 15 м², и было в ней пять семей. В общей сложности 21 человек. Но по мере того, как население лагеря до конца 1942 года и в дальнейшем стремительно вымирало, со временем нашей семье дали отдельную комнату на восемь квадратных метров. Тоже было очень тесно, но все же это была наша семья.

В условиях голода, холода, без медикаментов люди вымирали целыми семьями. Не обошло это горе и нас. Один за другим умерли бабушка и дедушка. Организм мамы тоже ослаб, и она заболела куриной слепотой и малокровием. Мои маленькие сестрички Галя и Нина, не получая даже материнского молока, тоже умерли. Мы с мамой остались вдвоем. И не знаю, что было бы с нами, если бы не девочка-подросток 14-летняя Римма Гуляева, ныне Иванова, родом из той же деревни Шангостров. Вместе со взрослыми она тоже выходила на работы в город. Благодаря своей сноровистости и не по годам находчивости, умела найти то у финнов, то среди местного населения что-нибудь из съестного. И непременно делилась с нами. Я очень признательна ей за это. И, может быть, благодаря ей мы сумели продержаться самое трудное время [...]

Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Карельский союз бывших малолетних узников / [сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева]. Петрозаводск, 2005. С. 20–22.

* Макеева Ленина Павловна, уроженка Петрозаводска, в 2000–2004 гг. — председатель Карельского союза бывших малолетних узников.

** Дата описываемых событий.

3* Так в тексте.

74. Воспоминания В. Михайлова* о нахождении в концлагере № 3 города Петрозаводска и о режиме содержания в концлагерях

1941–1944 гг.**

Летом 1944^{3*} года наступавшие войска Маннергейма подвергли интенсивным бомбежкам и артобстрелам железнодорожный мост через реку Свирь, в 3 км от которой стоял наш дом. Мы устремились в лес в юго-западном направлении от Подпорожья. Вырыли землянки. Ночью было хорошо видно зарево пылающего Подпорожья. Немцы нас заметили с самолетов по нашим кострам. Финские наступающие части вывели [нас] на дорогу и повели в сторону станции. Так начался наш плен, который продолжался до лета 1944 года. Поначалу нас разместили в деревне Усланка на берегу все той же Свири, где уже было немало таких беженцев, как и мы. А там уже распределяли по лагерям.

Так, гостившие у нас тетя Вера из Ленинграда и ее дочери Тамара шести лет и трехлетняя Лариса попали в Ведлозеро. А мой друг Боря Ромашов при живых родителях оказался усыновленным бездетной финкой. Мне все же повезло: оказался с родителями в петрозаводском лагере № 3. У меня имеется документ из военного архива Финляндии, в котором в графе «ближайшие родственники» стоит знак вопроса. Возможно, и я рассматривался лагерной администрацией в качестве кандидата на усыновление.

У отца открылся туберкулезный процесс, и нас троих отселили в деревушку Готнаволок, где мы спаслись от голодной смерти дарами природы. А отвары шиповника помогли организму отца окрепнуть. В лагере паек был очень скудным. Пища — несносного качества. Все ели, ничем не брезгуя, даже подножной травой. Помню, как мы с Колей Дьяконовым однажды пролезли под проволоку, чтобы выпросить у финских солдат хоть какие-либо объедки. Разные были финны среди солдат, некоторые делились своими, тоже, надо думать, небогатыми военными пайками.

Время от времени над лагерями появлялись наши самолеты и сбрасывали листовки. Несмотря на строжайшие запреты, некоторые из них мы подбирали. Одна — от 3 марта 1944 года — хранится у меня до сих пор.

После освобождения на месте своего дома мы нашли пепелище. Я был свидетелем следов многочисленных варварств оккупантов. Здание университета тогда было значительно меньше, и в нем находился кинотеатр. Все книги из университетской библиотеки были свалены во дворе и возвышались грудой. На месте нынешнего корпуса ПГУ в бурьяне лежала гряда глыб от памятника Ленину, который стоял на Круглой площади.

В июне 1944 года десант моряков во главе с капитаном И. С. Молчановым, это было 29 числа, несколько часов находился на противоположном берегу, выясняя, покинул ли противник город. Жители Зареки, собрав куски красной ткани, сшили большой флаг и водрузили его над зданием школы, стоящей возле церкви. Увидев его, десантники поняли, что противник оставил город.

Спустя много лет после всех этих событий я решил провести некоторое историческое исследование, чем обернулась оккупация для мирных жителей нашей республики, по злому року судьбы оказавшихся в концлагерях, тюрьмах и других местах принудительного содержания.

О лагерном режиме и его бессмысленной жестокости

В шести петрозаводских лагерях 1941–1942 годов содержалось до 35 тысяч советских граждан, проживавших на территории Карелии и Ленинградской области. Кроме того, подобные лагеря были и в районах Карелии – в Медвежьегорске, в пос. Ильинском Олонецкого района, в Кутижме и в Киндасово Пряжинского района, в Орзеге и в Вилге Прионежского, а также многие местные концентрационные пункты для содержания граждан перед отправкой их в лагерь.

Все взрослое население и дети с 12 лет привлекались к работе на различных объектах. В зоне лагерей оставались дети и беспомощные старики. Во многих семьях дети были предоставлены сами себе.

Вот лишь некоторые из составов семей:

1. 8 детей – в семье Карповых.
2. 7 детей – в семье Исаевых.
3. 6 детей – в семье Соболевых.
4. 5 детей – в семье Амосовых.
5. По четверо детей – в семьях Харченко, Чапуриных, Никитиных, Мелюченко, Поповых, Яскелайнен, Ятаниных, Костиных, Пессонен, Шевко, Бакуты, Силкиных, Фатеевых...

Возраст детей был разный. Дети с 15 лет отбирались у родителей и направлялись в трудовые лагеря, которых было немало на оккупированной территории Карелии.

Ущерб, нанесенный малолетним узникам оккупационным режимом, можно обозначить по таким категориям:

1. Смертность, которая преследовала бывших малолетних узников в результате голода и холода и различных заболеваний без медицинской помощи, что сказалось на их здоровье и в последующие годы.
2. Инвалидность и плохое состояние здоровья после освобождения.
3. Принудительный труд.
4. Разрушение семей.
5. Физические увечья.
6. Этническое неравноправие.

Смертность бывших малолетних узников в 1941–1944 гг.

Уровень смертности во всех шести петрозаводских концлагерях в этот период был необычайно высок. Он был даже выше, чем в немецких лагерях, где смертность достигала 10%, а в финских – 13,75%. Положение несколько улучшилось лишь к середине 1943 года и в 1944 году, когда исход войны становился ясен обеим сторонам. К этому времени уровень смертности снизился до 1,4%.

В первоначальный период лагерной жизни люди вымирали целыми семьями. Только за один первый год число узников в лагере № 5 сократилось на одну четверть. Если в 1941 году в этом лагере насчитывалось до 8000 человек, то к середине 1942 года было уже 6000 человек. За три года – наполовину. Ежедневно в каждом из лагерей в день умирало до 20–25 узников. Особенно высокая смертность была в Кутижемском лесном лагере.

В каждом лагере работала похоронная команда. Трупы складывались в сараях и отвозились на кладбище Пески. В каждую траншею укладывалось до 40 трупов. Грудные дети умирали один за другим. Голод косил детей в первую очередь. Но и питьевая вода отпускалась по норме. Основной рацион заключенных состоял из баланды серой ржаной муки. Вместо хлеба выдавали, как правило, подпорченные галеты. И только работа Красного Креста, когда дело уже шло к освобождению, положение с питанием несколько улучшила.

Режимные ограничения и наказания

Каждый из лагерей был обнесен забором из двойного ряда колючей проволоки. По периметру были установлены вышки. На щитах повторялась надпись: «Вход и выход из лагеря без специального разрешения и разговор через проволоку воспрещен под угрозой расстрела». Это требование распространялось и на детей. В целях охраны или разгона заключенных в местах наибольшего их скопления использовались овчарки. Заключенным присваивались номера и нашивались красные нарукавные знаки. Систематически, иногда и по ночам, в бараках производились проверки наличия заключенных. После 20 часов передвижение по лагерю запрещалось.

Старшие бараков назначались комендантом лагеря. Они следили за порядком и обо всех нарушениях режима обязаны были докладывать.

Из-за отсутствия мыла и моющих средств для помывки в банях и стирки белья проводилась в принудительном порядке «прожарка» как самих людей, так и их одежды. Эта «прожарка» для многих, ослабших физически, становилась похлеще многих наказаний. Процедура с паром и карболкой при высокой температуре длилась 30–40 минут. Многие ее не выдерживали и теряли сознание.

У заключенных проводился принудительно отбор крови. На этот счет имеется немало показаний. Случаи насилия и издевательств над узниками были явлением повседневным. Так, управляющий хлебозаводом некий Рачкала за малейшую провинность сажал заключенных в чаны с холодной водой. Финский врач Колехмайнен вместо лечения нередко занимался истязанием людей. Были случаи, когда в ответ на жалобы узников на изношенность одежды и обуви их выгоняли в одном белье на улицу на стылую землю.

Бездетным финкам, мужья которых погибли в войну 1939–[19]40 гг., разрешалось усыновлять (удочерять) русских пленных детей.

Чаще других следовали наказания за самовольный выход за пределы лагеря. И поскольку эти требования нарушали дети и подростки, которых голод гнал в город в поисках пропитания, их тоже наказывали по всей строгости. Сажали в холодную будку, били резиновыми палками, нередко даже стреляли по ним. Многие дети были ранены и даже убиты. Лагерные охранники как могли изощрялись в своих издевательствах. Так, лейтенант Салаваара во 2-м лагере выгонял больных людей на работу с помощью плетки. Сержант Вейкко заставлял детей хлестать друг друга плеткой.

Этническое неравноправие

Развивая идеологию Великой Суоми до Урала, оккупанты планировали выселение славянского населения за административные границы территории, которая будет принадлежать Финляндии. На каждого узника была заведена личная карточка. В ней наряду с другими данными учитывалась и этническая принадлежность.

Узники делились на две основные категории:

1. Карелы, финны, вепсы, ингерманландцы, эстонцы.
2. Русские, украинцы, белорусы...

Личные карточки на лиц первой категории практически не заводились. Как правило, в лагерях они не размещались, а просто находились на оккупированной территории, имея на руках соответствующие паспорта и карточки для повышенной нормы получения продуктов.

Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Карельский союз бывших малолетних узников / [сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева]. Петрозаводск, 2005. С. 34–38.

* Михайлов Владимир, перед войной переехал из Петрозаводска в Подпорожье. На момент записи воспоминаний проживал в городе Харькове. Историк по образованию.

** Дата описываемых событий.

3* Очевидно, опечатка. Правильно: 1941 г.

75. **Протокол допроса А. Ф. Неслухова* о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска**

16 июля 1944 г.

При оккупации финскими войсками нашей местности я вместе семьей и другими гражданами был взят в плен. В декабре 1941 г. нас привезли в г. Петрозаводск и водворили в концлагерь № 5 как военнопленных. Лагерь был обнесен колючей проволокой в два ряда, из жилых помещений были бараки. В конце 1941 г. в данный лагерь было водворено более 7000 человек мирных советских граждан. В период 1942–[19]43 годов в каждой небольшой комнате размещалось от 10 до 12 человек, и в результате большой скученности и непролазной грязи развилась массовая вшивость.

Пленное население подвергалось исключительно жесткому режиму содержания: администрация лагеря издала инструкцию, по которой запрещалось выходить за пределы лагеря без специальных на то пропусков, строго запрещалось также подходить к проволочному ограждению. Даже в зоне лагеря и то не разрешалось свободное хождение с 9 часов вечера. На работу выгоняли партиями до 100 человек, все делалось по команде и под оружием. В 7 часов утра бригадир выстраивал свою бригаду во дворе, затем после переключки сдавал конвоиру, который под оружием сопровождал на работу и обратно в лагерь. Работали на самых разнообразных тяжелых работах по 10 часов в сутки без выходных дней. В период 1942 г. никакой зарплатки мы не получали, а в последнее время стали платить, но самую мизерную сумму: мужчинам 7 финских марок, а женщинам 3–5 независимо от характера выполняемой работы. Труд был каторжным, а нормы выдачи продуктов питания настолько малы, что люди голодали и вынуждены были употреблять в пищу древесную кору и разную несъедобную траву. В 1942–[19]43 годах из продуктов выдавали: муку с древесной примесью и червями 300 г, сахару 10–15 г на человека на 3 дня, рыбы и тухлой колбасы 50 г на три дня.

В результате жестокого режима содержания, плохих жилищно-бытовых условий, от непосильной эксплуатации на тяжелых работах и от истощения в лагере царил невероятная смертность граждан. За период пребывания в лагере мне известно, что общее число умерших превышало 3000 человек. Это можно судить хотя бы по тому, что еженедельно умирало от 60 до 70 человек разных возрастов. У меня лично умерло две девочки и сын в возрасте от 4 до 3 лет**. Я был сам очевидцем, как трупы выво-

зили до трех раз в неделю, а похороны производили в общую траншею длиной более 100 м. Трупы закапывались по 3–4 ряда, родственников допускали на похороны только под конвоем.

У меня нет слов выразить ту злость и ненависть к проклятым врагам человечества, к немецко-финским извергам, которая накопилась за время их хозяйничанья на нашей земле. Их зверства мы не забудем и наш народ не простит этого. Враги должны понести заслуженную кару. Начальник лагеря лейтенант финской армии и его ближайшие помощники – враги советского народа, и изменники Родины – старший врач лагеря Богомалинский^{3*} и комендант Кольцов, издевавшиеся над пленным населением, должны нести ответственность за свои кровавые преступления. Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 21–22. Копия. Машинопись.

* Неслухов Алексей Федорович, 1908 г. рождения, уроженец деревни Петтой-гора Вознесенского района Ленинградской области. На момент проведения допроса проживал в городе Петрозаводске.

** Так в документе.

3* Правильно: Богоявленский; также упоминается как Боголевский, Богомалевский.

76. **Из протокола допроса П. С. Остроумова* о нахождении в концлагерях № 1 и 6 города Петрозаводска**

18 июля 1944 г.

[...] Я, Остроумов Петр Спиридонович, с 1 января 1942 г. до 29 июня 1944 г. находился в концлагерях № 6 и № 1, организованных белофинскими оккупантами для советских мирных граждан, попавших под иго финских захватчиков.

Проживая в лагерях, находившихся в г. Петрозаводске, я неоднократно подвергался со стороны финнов телесному наказанию и являлся очевидцем избивания других.

От повседневного недоедания я был сильно истощен, и чтобы не умереть с голода вынужден был при содействии кладовщиков лагеря Тютюнова Александра Андреевича и Ларюшкина Ефима продавать свои вещи с целью приобретения продуктов. Узнав про это, комендант лагеря майор финской армии приказал подвергнуть меня экзекуции.

1 декабря 1943 г. будочник-палач, капрал финской армии, и капрал Тойвала исполнили это приказание, нанеся мне 60 ударов резиновой палкой. Этот факт произошел в присутствии Амосова Дмитрия Петровича, Каликина Иосифа Федоровича и Федотова Алексея, проживавшего в пос[елке]** № 6.

Копосова Василия финские палачи избивали только за то, что передал за проволоку своим знакомым личные вещи для приобретения продуктов.

Заключенного в лагерь Сидорова Василия Алексеевича, ур[оженца] Ленинградской области Вознесенского района д. Остречины все те же, палач-будочник и капрал Тойвала, избивали за то, что он, катаясь с дочкой на велосипеде, немного заехал за территорию лагеря.

Садист капрал Тойвала после избивания Сидорова заявил населению лагеря: «Если кто отойдет от лагеря на 20 м, то я с того шуру сдеру или убью». И это были не [просто] слова. Белофинские изверги пороли розгами матерей, дети которых, играя, забе-

гали за лагерную ограду, били и самих детей. В 1942 г. имел место случай, когда один мальчик лет 10–12, возвращаясь из города, перелез через проволочную ограду и, будучи уже на территории лагеря, был убит часовым.

В начале 1943 г. за оградой лагеря № 6 были убиты двое детей, которые шли в школу по тропинке, идущей рядом с оградой лагеря.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 41–42. Копия. Машинопись.

* Остроумов Петр Спиридонович, 1922 г. рождения, уроженец города Великие Луки Калининской области. На момент проведения допроса проживал в городе Петрозаводске.

** Имеется в виду лагерь № 6.

77. **Заявление В. А. Парфенова* в Чрезвычайную государственную комиссию о работе фельдшером в концлагерях города Петрозаводска**

16 июля 1944 г.

До появления сыпного тифа русское население лагерей было сильно истощено голодом, охвачено почти 100% цингой, я, работая фельдшером, знаю, как наши советские люди умирали десятками от голода и цинги. Помощь оказать было нечем, медикаментов не было. Из всего населения лагерей (около 18–20 тыс[яч]) за период с декабря 1941 г. по декабрь 1942 г. умерло, я считаю, около 6–7 тысяч. Гробы из лагеря вывозились десятками и сваливались на кладбище в заранее приготовленные ямы друг на друга.

В 1942 г. в лагере № 4, где я в то время был назначен в амбулаторию в качестве фельдшера, среди детского населения свирепствовала корь, на неоднократные мои просьбы и заявления начальство лагеря не принимало никаких мер. Комендант лагеря в то время был некто финн Кеконен.

В октябре – ноябре 1942 г. в лагерь № 5 было завезено старое, грязное финское белье и роздано населению взамен ранее отобранного хорошего. Через некоторое время после этого в лагере стали появляться заболевания с кожными сыпями. Сначала никто не обратил серьезного внимания, заболевания были единичными. Затем заболевания приняли массовый характер, была отправлена кровь от больных на исследование в лабораторию и установлен сыпной тиф. 22 января на лагерь № 5 был наложен карантин, а 28 января 1943 г. меня перевели из лагеря № 5 работать в качестве фельдшера в сыпнотифозную больницу лагеря № 5.

В лагерь финскими властями были привезены стандартные бани пропускного типа вместимостью от 8–20 чел[овек]. В эти бани гоняли под винтовкой всех жителей лагеря вместе и детей, и женщин, и мужчин одновременно. В бане держали 1 час при температуре 80–100 градусов. Было много случаев, когда слабые люди не выносили такой температуры и падали в обморок, а сердечные больные умирали.

Руководил этими процедурами финский врач Богоявленский. Начальником лагеря был лейтенант Луккоринен. Гонял в бани и подстегивал палкой финн Лехтинен. Каждый житель лагеря должен был дважды в неделю пройти эту баню.

По лагерю Богоявленским была назначена группа людей по выявлению больных. Если у человека поднималась температура до 37,1, его было приказано забирать в тифозный барак-больницу. Вместе с тифозными в большом количестве попадали и люди

почти совершенно здоровые, и в больнице заражались сыпным тифом. Так, например, больная Косарева прибыла в больницу с субфебрильной температурой и через 14 дней заболела сыпным тифом.

По приказанию того же Богоявленского лечили сыпнотифозных больных акрихином** по 2 таблетки 3 раза в день в течении 5 дней. Кроме того, делали внутреннее вливание хлористого кальция и ...^{3*} по 10 г три раза в день.

Сердечным больным давали камфару и финский препарат стимулин. Другого лечения не было. Акрихин давала финская мед[ицинская] сестра, она же, Тойни Валкойнен, следила за тем, как точно выполняются все распоряжения Богоявленского. Были случаи, когда эта финка, найдя спертый воздух в помещении, била русских женщин рукавицей по щекам.

Было приказано Богоявленским, не знаю для каких целей, брать кровь у каждого больного по 5 г, каждые третьи сутки отправлять в лабораторию. Я раз попытался отказаться от этого, считая, что вполне достаточно взятие крови одного-двух раз для выяснения диагноза. Богоявленский за отказ пообещал посадить меня в будку на период эпидемии на каждую ночь, а днем [заставить] работать. Всего переболело сыпным тифом 321 человек, из них умерло 24 человека. Умерли наиболее истощенные люди. Под конец карантина эпидемии все носильное белье и постельные принадлежности от населения было отобрано и свезено в один барак. Там его очень много попортили крысы.

В то же время люди по очереди [из] бараков гоняли в баню и перемытые баракы отделялись от не прошедших баню колючей проволокой, на улице ставился патруль с винтовкой, и переход из барака в барак был запрещен под угрозой расстрела. Последние заболевания были в мае месяце. Карантин сняли в июне месяце.

Парфенов

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 57–58. Копия. Машинопись.

* Парфенов Василий Арсентьевич, 1918 г. рождения, также см. документ № 78..

** Правильно: акрихин.

^{3*} В тексте слово пропущено.

78. **Заявление В. А. Парфенова* в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в петрозаводских концлагерях № 2 и 4**

15 июля 1944 г.

В плен я попал 3 октября 1941 г. 12 дней спустя, т. е. 15 октября вечером в 9 ч[асов] в комнату, где я жил, ворвались трое вооруженных финских солдат. Не объясняя, куда и зачем, приказали следовать за ними. Отведя от дома, в темноте связали руки назад и, посадив в автомашину, отвезли в лагерь военнопленных, т. к. гражданские еще не были организованы. Пять дней спустя все русское население города (мужского пола) начали сгонять в подвальные помещения у здания Верховного совета. Вечером в темноте, под усиленным конвоем перевели во второй лагерь, куда попал и я. Здесь были все – от чернорабочего до педагога и т. д. Ни о чем не спрашивали. Прикажут – делай. Не сделал – палкой. Поместили по 25 чел[еловек] в квартиру. В помещении холодно. До утра просидели на корточках, друг около друга согреваясь.

Кормили впервые спустя 2 суток. Дали на сутки по 150 г галет, 5 г сахару, 25 г тюленьего мяса и 15 г крупы. Так продолжалось до организации общей кухни. С организацией кухни положение ухудшилось, т. к. на кухню поварами попали работать бывшие заключенные – преступники. Продукты расхищались, становилось голоднее.

Я жил во 2-м лагере 38 дней. За это время никто не был в бане, в виду скученности и грязи развелось очень много вшей. От истощения, простуды, грязи люди заболели. Помощи никто не оказывал, лагерное начальство не обращало никакого внимания, продолжая ежедневно с 7 ч[асов] утра выгонять на работу. За отказ – палка.

28 ноября меня перевели в лагерь № 4 работать в амбулатории. Больница тогда только открывалась при лагере № 1, одна на все лагеря г. Петрозаводска (т. е. 18–20 тыс[яч] населения).

Медикаментов не было. Присылали 1 раз в м[есяц]. Этого было достаточно для работы в течение 2–3 дней. Работал один. Для амбулатории была отведена 1 комната, здесь же и жил. В лагере было несколько среднего медперсонала, но их гоняли на общие работы. Так мед[ицинскую] сестру Павлову Е. К. (из Вознесенья) с 10-летним стажем работы, гоняли на ст[анцию] Голиковка грузить в вагоны железный лом. И т. д.

В лагере вшивость, голодные отеки, к весне 1942 г. почти 100% охват населения цингой, огромная смертность.

В марте м[есяце] 1942 г. в амбулаторию зашел начальник всех лагерей (фамилию не помню), в чине капитана, с плетью в руке. Я стал ему говорить об ужасном положении людей в лагере и просить о принятии мер. Он погрозил плеткой перед моим носом, постучал по столу и приказал замолчать, предварительно крепко выругавшись по моему адресу.

За малейший проступок – невыполнение приказаний начальников, людей избивали. Рядом за стеной у амбулатории находилась тюрьма. Неоднократно слышал я стоны, когда бывший тогда начальником лагеря сержант Карисола, собственно избивал детей за то, что они уходили просить милостыню в городе у карелов и солдат. А в мае 1942 г. поступивший новый комендант лагеря Салисмаа на площади среди лагеря устроил показательное (порку) – избивание детей за уход из лагеря просить милостыню. Были дети от 8 до 13 лет около 10 чел[овек]. Два солдата бросали ребенка на землю и Салисмаа (или его младший сержант) избивал. Одну девочку лет 9 избил до потери сознания. Девушку, Спиркову Анну, за то, что она зашла в магазин купить спичек, избивали так, что она лечила раны от побоев в течение 2 месяцев.

За работой мед[ицинских] учреждений лагерей «наблюдали» финские врачи. В 2–3 м[есяца] раз кто-либо из них являлся в амбулаторию. Но так как он не говорил по-русски, а мы не говорили по-фински, так он повернется, ругнется и уйдет из лагеря.

Были случаи, когда финские врачи избивали русских. Так врач-фашист Богоявленский Виктор избил русского врача Цуканова в марте 1943 г. за то, что Цуканов госпитализировал трех, переболевших сыпным тифом детей в общую б[ольни]цу, тогда как был приказ Богоявленского температурающих б[оль]ных направлять в тифозные бараки. Тот же Богоявленский, найдя вшей у одной из женщин в лагере № 5, дом 54, а вшей при таких условиях жизни найти было бы неудивительно, избил эту женщину так, что она до настоящего времени жалуется на боли в избитых ногах и недавно еще стала ходить.

Хождение по улицам было разрешено внутри лагеря до 8 часов (20 ч[асов]) вечера. Однажды я видел, как сержант Вейко Ламберг без 5 минут 8 ч[асов] зашел в ла-

герь и закричав собравшейся молодежи: «домой», ударил одного парня по уху так, что из второго уха потекла кровь, парень (около 16–17 лет) упал и его унесли на руках.

Таких случаев была масса.

Парфенов

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 14–15. Подлинник. Рукопись.

* Парфенов Василий Арсентьевич, также см. документ № 77.

79. Из протокола допроса А. П. Пашковой* о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: Я была взята во второй лагерь, который находился в Петрозаводске 8 августа 1942 года из Вознесенья. В лагере я работала на разных работах до 7 ноября 1943 г. и 7 ноября [угнали] в Святнаволоке, где и нахожусь по настоящее время, работала то же самое на разных черновых работах.

Вопрос: Кто из знакомых находился в лагере?

Ответ: Со мной здесь знакомых никого нет, но есть моя знакомая в лагере № 3 г. Петрозаводска Ивановская Лукерья Васильевна, с которой мы вместе жили в одном доме в Вознесенье. Во втором лагере были очень плохие условия жизни, работать заставляли сверхурочно, находились за колючей проволокой, кормили гнилой колбасой. Были случаи, многочисленные случаи заболеваний и смерти. Врач Богомалевский** бил [всегда].

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: За период моего нахождения в лагере № 2 финский лейтенант Саловари^{3*} все время бил людей и вызывал на ночлег себе женщин. И он же приказал постричь всех женщин за то, что две женщины Богданова Антонида, Галошова Агафия^{4*} самовольно сходили в город. Богданова и Галошова за это были приговорены к расстрелу, но после было заменено тюрьмой. В настоящее время Богданова находится здесь в Святнаволоке. Сейчас здесь есть девушка, зовут ее Татьяна, которая гуляла с финским переводчиком Сашка Хекенен. Записано в протоколе с моих слов все правильно и мною прочитано, в чем и подписываюсь.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 15–16 об. Подлинник. Рукопись.

* Пашкова Анна Петровна, 1904 г. рождения, родилась в селе Вознесенье Ленинградской области, русская. Работала в сельпо помощником повара, замужем.

** Правильно: Богоявленский; также упоминается как Богомалевский, Боголевский.

^{3*} Также упоминается в документах как Сааловаара, Саловаара (см. документы № 51, 55, 84, 159).

^{4*} В документах № 55, 84 фамилия указывается как Галашева.

80. Из воспоминаний Ф. В. Петлицкого* о нахождении в концлагере № 8 Олонцкого района

1941–1944 гг.**

[...] Я, Петлицкий Франусь Викторович, белорус, родился 7 ноября 1927 года в селе Новый Двор тогда еще Заславльского района Минской области. Жил в деревне Петришки [...].

Весной 1941 года отец завербовался на поселение в Карело-Финскую ССР, Олонцкий район, дер. Тукса. Грузили нас на ст[анции] Заславль в товарный эшелон и выгрузили в Лодейном Поле. [...] Привезли нас туда 1 мая. Поселились в карельских домах. Не прошло и месяца, как началась Великая Отечественная война. В тот же день отец был мобилизован Олонцким военкоматом в армию и отправлен в Лодейное Поле. А нас всех подростков собрали и отправили на сенокос. Кто же мог тогда предположить, что впоследствии заготовленное нами сено будет вывезено в Финляндию.

В сентябре 1941 года Олонцкий район был оккупирован немецко-финскими войсками, и мы оказались в плену. Все белорусы, которые были в Туксе, вскоре оказались в концлагерях в Ильинском, в 10 км от Туксы. Там находились два поселка. Один Ильинского лесозавода, от которого после пожара во время отсутствия наших войск осталось 5 двухэтажных бараков, бывший магазин сельмаг, амбулатория, хлебопекарня и дом, в котором находилась финская комендатура. Все это было огорожено высоким забором из колючей проволоки и превращено в концлагерь для «русских», под которыми подразумевались все, кто не относился к коренному населению. Я со своей семьей жил в первом бараке в небольшой комнате, куда поселили две семьи, всего 8 человек. Второй концлагерь был создан финнами в 3 км от нашего в поселке центральной фермы Ильинского совхоза. [...] Концлагерь круглосуточно охранялся вооруженными автоматами финскими солдатами. Ежедневно утром и вечером проводились поголовные проверки. Выходить за пределы лагеря строго запрещалось. За попытку проникнуть сквозь ограду применялись наказания поркой, карцером, вплоть до расстрела. Запрещалось появляться на территории лагеря после 9 часов вечера. Много было всяких запретов, всех теперь и не вспомнишь. За малейшее нарушение лагерного режима, неповиновение, нас били резиновыми плетками. Я трижды подвергался пыткам. Первый раз осенью 1942 года. Был страшный голод. Суточный паек можно было съесть за один раз и не утолить голод. Зимой 1941–1942 года нам выдавали мерзлый советский хлеб. Рубили его топором на пайки. Одно время выдавали по горстке цельного зерна. Вот и рисковали люди. Лезли под проволоку в поисках чего-нибудь съедобного. Это был единственный способ выжить. Их ловили, били, но голод снова заставлял людей рисковать, лезть под проволоку, альтернатива — смерть от голода. Попытались и мы с напарником Володей Колесниковым поискать какой-нибудь еды за оградой. Проползли под проволокой удачно. И у одного из карельских домов на выкопанном огороде копали землю, искали в ней оставшуюся картошку. Вышла хозяйка дома и подозвала нас к себе. Мы пошли за ней в дом в надежде, что она даст нам чего-нибудь поесть. А она сдала нас финским солдатам, которые жили у нее на квартире. Они отвели нас в лагерь. Там нас положили животом вниз на деревянную скамейку и били резиновыми плетками по голому телу. Второй раз нас с Васей Пядиным поймал охранник лагеря, когда мы возвращались из леса, куда ходили за грибами. Привел он нас в комендатуру. На этот раз на той же скамейке нас били березовыми прутьями. Лучше бы уж резиновой плеткой. Во-первых, прутьями больше, а во-вторых, рубцы потом воспалились и долго не заживали. А в третий раз нас было четверо подростков:

я, тот же Вася Пядин, Володя Колесников и Игорь Михайлов. Все они были из деревни Усланка Ленинградской области. Мы возвращались с болота, куда ходили за клюквой. Ну и попались. Нас опять же привели в комендатуру. Собранную клюкву отобрали. А потом один финский солдат вывел нас на улицу и повел за территорию лагеря. В руках у него был автомат. Мы по-настоящему перетрухнули. Думали — расстреляет. А он привел нас к кустам, вынул из чехла финский нож, дал его мне и приказал нарезать березовых прутьев. Я нарезал. Он привел нас обратно в комендатуру. Там, на той же скамейке и отстегали нарезанными мною прутьями всех четверых по очереди. Болела, огнем горела кожа. Но еще в большей степени болела душа от унижения, от того, что с нами обращались хуже, чем со скотиной. Изощрались в издевательствах, как только могли. Вот один из таких примеров. Меня и Володю Колесникова староста барака зимой заставлял возить на санках старосту лагеря в баню. Он жил в нашем бараке на втором этаже в отдельной квартире, здоровый такой бугай. Привезем его в баню и ждем, пока он моется, чтобы потом отвезти обратно.

Мой брат Янек, которому было 10 лет, носил где-то найденный буденовский шлем. Увидев его, финский солдат снял с головы Янека шлем и финкой срезал с него шишак. Так и ходил Янек в шлеме без шишака аж до освобождения.

Остался в моей памяти еще один пример жестокости финских палачей. На хлебопекарне, где пекли хлеб только для финской армии, работали два молодых парня, советские военнопленные. [...] Однажды они сделали попытку убежать из лагеря. Их поймали, жестоко избили и бросили в сарай, а дверь закрыли на замок. Сарай не охранялся. Мы подходили к нему, тихонечко звали их. Но никто не отзывался. Они оба умерли от побоев. Когда и куда их увезли потом, никто ничего не знает.

В 5 км от лагеря в Р[ы]пушкили[ц]ах стояли немецкие войска. У них были полевые хлебопекарни. Иногда там на свалку выбрасывали горелые хлебные корки. Мы подбирали их и заваривали кипятком. Это был наш чай. Пытались мы и рыбу ловить в Олонке. Снастей никаких не было. Мастерили крючки из жилок тонкого троса, а леску из любой нитки. Иногда ловился ерш и окунек.

Вылазки за проволоку не были частыми. Но они запомнились потому, что каждая из них сопровождалась смертельными рисками, невероятным стрессом, а часто и порками. Да и возможностей их совершать было немного. Нас, несовершеннолетних подростков, ставили в строй вместе со взрослыми и под охраной вооруженных финских солдат водили на лесобиржу. Там взрослые из реки Олонки вытаскивали на берег бревна. А нас, подростков, заставляли пилить их на метровку ручной поперечной пилой. Норма на двоих была 5 кубометров. Распиленные нами бревна грузили на финские автомашины и отправляли в Финляндию. Это был лесопиловочник, который до войны был заготовлен советскими леспромхозами и сплавом по реке Олонке был приплавлен на Ильинский лесозавод для распиловки на пиломатериал. Зимой мы эти бревна пилили из штабелей. Часто нас, подростков, поднимали ночью и заставляли ведрами из реки Олонки носить воду в лагерную баню.

В нашем лагере умерло больше семисот человек, в основном из-за голода. Умирили больше всего маленькие дети и старики. Дядя Вася, как мы его звали, разбирали дощатый сарай, делал ящики и в этих ящиках на лошадке возил умерших на кладбище.

Накануне освобождения финские солдаты нас всех из барака загнали в овощехранилище, где мы пробыли всю ночь. На второй день пришли советские войска со стороны Олонца, разломали ворота из колючей проволоки. Была жаркая, незабываемая встреча.

После освобождения из лагеря начали уезжать все по своим местам, кто где жил раньше. Мы в Туксу возвращаться не стали, а остались в Ильинске^{3*} и ждали возвращения с фронта отца. Но он не вернулся. В феврале 1945 года мы получили извещение, что он погиб на фронте в декабре 1944 года. Моя мама и я стали работать на Ильинском лесозаводе. [...]

Денисевич Н. И. В финском концлагере. Воспоминания и размышления. Вып. 5 / отв. ред. К. И. Козак. Минск, 2007. С. 154–158.

* Петлицкий Франусь Викторович, 1927 г. рождения, уроженец Минской области, белорус. После войны работал на Найстенъярвском лесозаводе, с 1965 г. — инженером в СМУ «Кареллесозспорт» в городе Петрозаводске. Прислал свои воспоминания Н. И. Денисевичу, который опубликовал их в работе «В финском концлагере. Воспоминания и размышления».

** Дата событий. Воспоминания написаны в 2007 г.

3* Скорее всего: Ильинский.

81. Из протокола допроса Е. Н. Петровой* о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоке

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: Находясь в Подпорожском р[айо]не Свирь-2 в конце 1941 г. попала ввиду оккупации района в плен. Переведена в лагерь г. Петрозаводска, где и была до 20 января 1944 г., откуда переведена и нахожусь по сей день в д. Святнаволоке.

Вопрос: Какие работы Вы выполняли, находясь в лагере?

Ответ: Работала в мастерской ткачихой все время.

Вопрос: Какой режим был в лагере?

Ответ: Питание плохое, никуда не выпускали, под конвоем водили на работу.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: В лагере № 2 в 1942 г. зимой Богданова Таисия вышла из лагеря за хлебом, об этом узнали и сняли всем женщинам волосы.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 49–50. Подлинник. Рукопись

* Петрова Екатерина Николаевна, 1908 г. рождения, уроженка деревни Бельково Пороховского района Ленинградской области, русская. Перед войной проживала в поселке Свирь-2 Подпорожского района, работала уборщицей в ФЗО.

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

49

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. 11 июля мес. 11 дня. Я Н. И. Денисевич Ильинск. обл.
должность, наименование органа, фамилия

ст. пр. Берштин допросил в качестве _____

1. Фамилия Петрова
2. Имя и отчество Екатерина Николаевна
3. Дата рождения 1908 г. 20/II
4. Место рождения Республика Карелия г. Бельково
5. Место жительства Подпорожского р-на Свирь №2
6. Нац. и гражд. (подданство) русская
7. Паспорт 1/II-41 Карелия РОМ НКВД II-МС №585469
когда и каким органом выдан, номер, категория и место прописки
г.г. Карельск. дом №41 ул. 12 мая
8. Род занятий Свирь 2 уборщица ФЗО
место службы и должность
9. Социальное происхождение из крестьян
род занятий родителей и их имущественное положение
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции крестьянство
  - б) после революции работал
11. Состав семьи муж Живиниц Ник Кузьмич Карелия г. Бельково
ближайшие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий
мать Живиница Мария Александровна 58 лет - крестьянство
брат Живиница Александр Ник. 1923 г. т.п.м.т.
сестра Живиница Мария Ник. 1902 г. Выборг
сестра Живиница Евф. Ник. 1910 г. Ленинград

Зак. 2946а

50

Показания обвиняемого (свидетеля) _____

194 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: Начальник и подпоручиком рота Свирь-2 в конце 1941 года пошла ввиду оккупации рота в плен. Переведена в лагерь гор. Петрозаводск где и была до 20 января 1944 года откуда переведена и находясь по сей день в. Свирь, Наволок.

Вопрос: Какие работы Вы выполняли находясь в лагере?

Ответ: работаю в мастерской ткацкой все время.

Вопрос: Какой режим был в лагере?

Ответ: Питание такое, откуда швыряли, что можно было вести на работу.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях врага?

Ответ: В лагере № 2 в 1942 году зимой Богданова Маняша вывели из лагеря за делом об этом узнали и были все женщины в лагере.

Занесено со слов у-ки Петровой в мушкетерский м. Эта женщина Машанова *Машанова*

Жур. Пустушенков Машев. Г. на ст. от: Вершинин

Подпись

82. Из протокола допроса А. И. Печуриной* о ее нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоцком лагере

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: В ноябре месяце 1941 года меня забрали финны и привезли в лагерь № 2 Петрозаводска, где я была около двух лет. Осенью 1943 года перевезли меня в лагерь Святнаволоцк.

Вопрос: Чем Вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работала на разных работах.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: Игнашова Любовь Антоновна, не работала ввиду болезни.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере.

Ответ: В Петрозаводском лагере было очень плохо. Работы были тяжелые, а питание плохое. В лагере Святнаволоцк жили немного лучше. Хлеба первый год выдавали очень мало. Работали все время под охраной, жили за колючей проволокой. Староста был русский, он относился очень плохо, особенно к мужчинам, заставлял работать много и тяжелые работы. Больше я ничего не знаю.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях пр[отивни]ка?

Ответ: О злодеяниях противника мне ничего неизвестно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 2-30. Подлинник. Рукопись.

* Печурина Анастасия Ивановна, 1903 г. рождения, уроженка деревни Воронье Подпорожского района Ленинградской области, русская.

83. Из протокола допроса П. Г. Пирожкиной* о пребывании в концлагере № 2 города Петрозаводска

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда попали в лагерь?

Ответ: Я попала в финский лагерь № 2 в октябре месяце 1941 года.

Вопрос: Чем занимались в лагере?

Ответ: В лагере мне приходилось работать на разных работах в качестве черно-рабочей.

Вопрос: Кто из близких знакомых находится в лагере?

Ответ: В лагере находятся мои близкие знакомые из Подпорожского р[айо]на Ленинградской обл[асти], а именно (Пирожкина) Бодрякова Елена Петровна, Бодрякова Федосия Николаевна.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: В 1941 году в Петрозаводске в лагере № 2 поставили одну гражданку, звать Тосей, к стене и хотели ее расстреливать за самовольную отлучку из концлагеря в г. Петрозаводск, после чего расстрел был отменен и ее направили в лагерь под названием «Кино-свар»**, и в 1944 году ее направили из лагеря «Кино-свара» в Свят-

наволок, [где] последняя проживает до настоящего времени. [Сообщить] больше ничего не могу, записаны показания верно.

Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8299. Л. 23–24. Подлинник. Рукопись.

* Пирожкина Пелагея Георгиевна, 1905 г. рождения, уроженка деревни Кезоручей Подпорожского района Ленинградской области, русская.

** Имеется в виду концлагерь в Киндасово.

84. **Протокол допроса Т. В. Поповой* о нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска**

17 июля 1944 г.

Почти с первых дней оккупации я была заключена в концлагерь № 2. По-видимому, потому что я знаю хорошо финский язык, я была назначена писарем в штабе. Не буду останавливаться на кошмарных условиях жизни советских людей в лагере, расскажу о том, как сказывались эти условия на здоровье и самой жизни людей, взрослых и детей, заключенных в лагерь.

С самого начала организации лагеря количество выдаваемой пищи было настолько незначительно, что его даже не хватало на полугодовое существование. Выдавали 300 г хлеба с какой-то несъедобной примесью и больше ничего, если не считать крохи вонючей колбасы, которую даже голодные люди не могли есть.

Вскоре началась смертность на почве истощения. Причем финские лекари неизменно ставили при этом диагноз – водянка. Люди, оставшиеся в живых, ходили как скелеты с неимоверно большими раздутыми животами и отекавшими ногами.

Почти никакой врачебной помощи не было, да она и не помогла бы, т. к. единственно, что требовалась людям, это улучшить питание.

Люди, которые уже не могли передвигаться, оставались лежать тут же в бараке и умирать на глазах своих родственников. Затем приходил возчик, который отвозил труп на кладбище. Сопровождать труп родственникам запрещалось. Кладбище, если так можно назвать огромную яму, находилось где-то в районе пригорода Пески.

Я, как писарь штаба, могу назвать точную сравнительно цифру людей, умерших в лагере № 2 в течение одного года существования лагеря. Из 1500 человек, содержащихся в лагере, умерло 300 человек, т. е. около 20 процентов всего состава, причем следует иметь в виду, что к маю 1942 г. количество людей в лагере было около 1000 человек.

Высокий процент смертности являлся результатом не только полугодового существования, но и непосильной работы. Заставляли работать всех: маленьких детей от 7 лет и старше, беременных женщин, глубоких стариков и больных.

За малейший проступок оккупанты жестоко наказывали. Для того, чтобы пожизненно упрятать человека в тюрьму, достаточно было одной резолюции нач[альника] штаба Военного управления Восточной Карелии генерал-майора Араюри. Так, например, за его подписью была направлена в лагерь № 2 бумажка о заключении в тюрьму невинных советских женщин, матерей Галашеву и Богданову. Араюри также знал и потворствовал применению в лагерях розг, пыток и т. п.

Его непосредственным подручным по злодеяниям по лагерю № 2 являлся комендант лагеря лейтенант Сааловаара**, который с особым садизмом расправлялся с советскими людьми и не гнушался избивать лично маленьких детей.

*Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8292. Л. 35–36. Копия. Машинопись.
Опубл.: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 87–89.*

* Попова Татьяна Васильевна, 1920 г. рождения, уроженка деревни Вирма Беломорского района. На момент проведения допроса работала в Петрозаводском горкоме ВЛКСМ.

** Также упоминается в документах как Саловаара, Саловаари, Саловари.

85. **Из протокола допроса М. П. Птицына* о его нахождении в концлагере города Петрозаводска**

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в лагерь?

Ответ: В лагерь я попал 11 октября 1941 года.

Вопрос: При каких обстоятельствах Вы попали в лагерь?

Ответ: Я из Петрозаводска эвакуировался на барже, которую тянул пароход.

По дороге попали под обстрел, баржа оторвалась от парохода. И была захвачена. Финские власти с народом нас забрали в плен, в итоге нас направили обратно в Петрозаводск в лагерь.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работал на разных работах.

Вопрос: Каков порядок был в лагере?

Ответ: Лагерь был огорожен проволокой и охранялся. Выход из лагеря не разрешался. Кормили очень плохо. Давали 350 г муки, и все работали по 8 часов.

Вопрос: Что Вам известно о зверствах противника?

Ответ: Было очень часто, когда избивали за разную мелочь.

Вопрос: Кто занимался избивением?

Ответ: Избивал очень часто лейтенант, фамилии я не знаю, потом помощник[и] лейтенанта Вейко и Армас.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере?

Ответ: Со мной в лагере находится Семиголов Александр Филиппович, Кошелев Димитрий Иванович, Антонов Егор Иванович.

Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8299. Л. 38–37. Подлинник. Рукопись.

* Птицын Максим Петрович, 1893 г. рождения, уроженец Пудожского района, русский, работал в пожарной команде города Петрозаводска; номер лагеря в документе не указан.

86. Воспоминания В. Н. Пядиной (Прохоровой)* о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

Октябрь 1941–1944 гг.**

В начале октября 1941 года финские войска оккупировали часть территории Карелии и г. Петрозаводск.

На момент оккупации в Петрозаводске проживало около 5 тысяч человек, и еще свыше 14 тысяч жителей близлежащих районов было в дальнейшем помещено в концлагеря для мирного населения. Их было 7, и располагались они в черте города.

Жестокий режим содержания, наказания, голод, высокая смертность... И все эти тяготы и лишения пришлось на плечи девятилетней девочки Валентины Прохоровой.

Родилась она 29 декабря 1931 года в деревне Курьеницы в 3 км от острова Кижы. Семья была большая: папа – Николай Егорович, часовой мастер. Мама – Екатерина Николаевна, заведовала детским садом, и 9 детей.

По радио объявили о начале войны, и в деревню стали приезжать беженцы из Петрозаводска. В начале октября через деревню в Пудож отступали партизаны. Отец Валентины помогал им как мог: дал еды, свою лодку.

А уже в конце октября в деревне появились финны-разведчики, и через неделю пришли финские военные – 600 человек, расселились по домам.

В январе 1942 года стали собирать жителей д. Курьеницы для отправки в лагерь. На семью давали телегу, с собой можно было взять всего 20 кг на человека – это вещи и еда.

В деревне появились партизаны, был бой, погибло 11 человек. Остался один раненый, молодой 17-летний партизан. За ним тайно ухаживала Лиза Орехова, родственница семьи Валентины. Но от лечения партизан отказывался и вскоре ушел из жизни.

Для отправки в лагерь жителей собирали в деревне Гарницы. Здесь семья Прохоровых прожила три недели. Финны разрешили съездить в свою деревню за провизией.

Старшая сестра оставалась в деревне, но финны боялись, что молодежь уйдет к партизанам, поэтому их тоже собрали и привезли в Гарницы. А затем уже всех на машинах увезли в лагерь города Петрозаводска.

В Петрозаводск семью Прохоровых привезли в лагерь № 6 на улице Островского (теперь КВД).

Народу было очень много, комнат не хватало, люди ютились, где придется: в коридорах, сидели на полу. Если кто-то умирал, освобождалось помещение, его тут же заселяли. Так на семью Валентины дали комнату 9 м², в которой жили мама, папа и 7 детей. Самой маленькой девочке был 1 год 2 месяца.

Папа работал в городе на разборке завалов, там же и дети постарше. Получал 1250 г муки. Мама работала рядом, чтобы можно было забегать домой к детям. Занималась чисткой помоек, туалетов, убирала мусор на улице. Валентина Николаевна сидела в нянках при младших детях, убиралась дома. Финны очень любили порядок и чистоту, постоянно проверяли состояние комнат. Валя все содержала в идеальном состоянии, замечаний не было никогда. Обязательно была баня, одежда прожигалась от вшей. Еды было немного, очень голодали. Мама из муки пекла соленики – лепешки с солью. Чай пили травяной.

За нарушение лагерного режима финны строго наказывали. А дети все равно выходили – подкормиться, что-то где-то раздобыть.

Брата Валентины, который вышел однажды под проволокой в город, строго наказали. Выпороли так, что он не мог сидеть и болел два месяца. Наказывали непросто – сначала дали плетку отцу, чтобы он порол. Но финнам удары отца показались слабыми, его оттолкнули и дальше наносил удары солдат финн.

Младшего брата – семи лет за провинность ударили прикладом по голове так, что мальчик потерял сознание.

Валентина Николаевна однажды очень испугалась, что распаялся самовар – кормилец семьи. Подумала, что оставила его без воды и от страха упала в обморок, и два дня была без сознания. Староста вызвал доктора. Врач сделал укол, и Валентина пришла в себя.

В 1942–1943 гг. семья жила в лагере. Много людей умирали в лагере. Из 7 лагерей финны сделали 4. В начале 1943 года Красный Крест позаботился об увеличении нормы питания, усилили питание и детям до 7 лет – добавили пачку маргарина и 0,5 л молока.

В конце 1943 года финны набрали рабочую силу для восстановления города и наведения порядка. Валентина (13 лет) ходила в финские казармы в поисках еды, мыла там полы, посуду, котлы. За это ей часто перепало то, что оставалось от еды финских солдат – галеты, картошка, каша. Мама специально сшила мешочек, и все это приносилось в семью. И не только: Вале удавалось подкормить работающих на улице советских военнопленных, передать незаметно то картофелину, то кусочек хлебушка. Их лагерь находился на Зареке. За это наши военнопленные сделали из алюминиевых ложек два колечка и подарили Валентине.

Так и жили вплоть до освобождения Петрозаводска до 28 июня 1944 года. Вся семья Прохоровых осталась жить в Петрозаводске на ул. Урицкого. После освобождения Валентина Николаевна ходила в госпиталь (теперь школа № 9) к нашим раненым, помогала медицинскому персоналу. Поддерживала раненых то шуткой, то добрым словом. Время шло, Валентина закончила школу, затем получила специальность полиграфиста. Общий стаж 38 лет. Имеет много грамот и поощрений, которые говорят о том, что работала отлично. Закалка характера в трудные годы, ум, житейская смекалка помогают Валентине Николаевне и теперь! Не стареют душой ветераны!

Пядина В. Н. Детство за колючей проволокой (проект «Жизнь, наполненная смыслом. Новые возможности для жителей Карелии, пострадавших от национал-социализма»). [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Семейный архив» 2020 г.).

* Валентина Николаевна Пядина (Прохорова), 1931 г. рождения, проживает в городе Петрозаводске.

** Дата событий.

87. Заявление Н. Редниковой в Чрезвычайную государственную комиссию о фактах избиений узников концлагерей города Петрозаводска и Кутижмы

Июль 1944 г.

В 5-м лагере

В 1942 г. в феврале месяце, в результате жалобы старшины барака № 23 Левкиной Капитолины, Августина Беседина была жестоко избита финнами. А. Беседина поспорила со старшиной барака при разделе нормы, требуя разделить все остатки. Левкина сообщила в штаб. Вскоре явился один финн на квартиру и хотел увести Беседину в штаб, та отказалась, тогда он снял с себя ремень и стал избивать ее пружкой

до крови, затем вытолкнул на улицу и стал валить ее на санки, пытаясь привязать ее. Березина* встала, чтобы идти, тогда он повел ее и всю дорогу продолжал бить ремнем. В штабе ей было дано 10 суток заключения в холодной будке.

За то, что ребята подростки ходили без разрешения в город, было придумано следующее наказание. Два патруля ставились на большом расстоянии друг от друга. Провинившиеся подростки должны были бегать взад-вперед от одного патруля к другому. Причем каждый, когда они подбегали, бил их плеткой.

Доктор Богоявленский по прозвищу «Бог» являлся настоящей грозой для всего лагеря. Он ходил, не выпуская железной тростки с рук и когда был не в настроении, бил всех, кого попало. Женщины при одном появлении Богоявленского прятались на чердаки домов и сарайчики, оставляя в комнатах одних маленьких детей. Однажды он жестоко избил врача больницы т. Цуканова за то, что он принял в больницу больных детей без его разрешения.

В 4-м лагере

На бирже работала женская бригада на распиловке дров. Когда к ним во время отдыха подошел начальник и спросил, почему они сидят, одна женщина, Наташа, ответила: «Как кормят, так и работаем». За это всю бригаду заставили работать по две смены в течение недели. Эта же женщина Наташа при разводе бригад в 4-м лагере сказала, что на хорошую работу здесь можно попасть только по блату. Эти слова слышал сержант лагеря Айримо, узнав суть ее слов, он схватил ее за горло и начал душировать. У Наташи был ребенок на руках, финны вырвали ребенка, завязали ей рот, чтобы не слышно было, как она кричит, и стали избивать ее плетками. Затем она была посажена в будку, где опять ей дали плетей.

На городской лесобирже работал переводчиком Ванька-карел. Он зверски обращался с рабочими и неоднократно избивал женщин. Так, однажды, он перевел женскую бригаду с полдня с укладки на распиловку и назначил норму 6 кубометров на пилу, тогда как дневная норма была установлена 5 кубометров. Мы решили больше 5 кубометров не пилить. Тогда «Ванька», проверив работу, не дал нам талонов на дополнительное питание. Одна женщина сказала, что он вообще талоны дает неправильно. Он услышал это, подозвал ее к себе и стал бить ее по щекам книжкой с талонами, приговаривая «вот тебе талоны», затем закричал «беги бегом к воротам», но она не побежала, а пошла и еще раз выругала его паразитом. Его издевательства настолько были сильны, что бригада из 5-го лагеря отказалась выходить на работу на биржу, если не будет улучшено обращение. Он узнал об этом, собрал всех и стал нам угрожать, говоря: «Что больше я об вас руки мараить не стану, а заставлю работать так, что вы и во время обеда у меня не присядете, а будете стоять и сухой коркой давиться».

В Кутижме на лесозаготовках к бригаде в 60 человек были приставлены финны патрули. Двое из них не выпускали палок с рук и били всех за малейшую провинность. Они выгоняли на работу даже больных с криками «большой лодырь».

Старшина лагеря № 5 Виктор Адамович Люботинский часто занимался рукоприкладством, особенно когда был пьян, что было очень часто. Однажды он избил при всех девушку за то, что та при разводе встала не в свою бригаду.

*Н. Редникова,
поселок № 1 — Куковка, дом инвалидов*

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 40–40 об. Подлинник. Рукопись.

* Правильно: Беседина.

88. Из протокола допроса А. А. Рогачевой-Луканичевой* о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска и на лесозаготовках

18 июля 1944 г.

[...] Я, Рогачева-Луканичева, до начала Отечественной войны против немецко-финских захватчиков проживала и работала в Заонежском районе КФСР.

В ноябре 1941 г. во время оккупации нашей местности белофинскими войсками я была захвачена в плен и вместе с другими мирными гражданами водворена в концлагерь № 6 на Перевалочной бирже г. Петрозаводска.

В этом лагере для пленных граждан белофинские прислужники Гитлера создали невыносимые условия, жесточайший нечеловеческий режим, голод, каторжный труд, массовое издевательство и избиения, жуткие жилищно-бытовые условия, на почве чего царил массовая смертность.

В феврале 1942 г. в числе большой группы пленных белофинские изверги направили меня по этапу на ст[анции] Орзег, а в июне того же года перевезли в Пески. В этих местах всех пленных, без исключения, мужчин, женщин, стариков и подростков, финская лагерная администрация по указке своих правителей заставляла выполнять принудительный труд на лесозаготовках и лесоразработках, а за работу ничего не платили и кормили голодным пайком: 300 г хлеба или муки в день и 50 г гнилой колбасы. Люди были истощены до того, что не могли даже ходить и выполнять какую-либо работу, но белофинские палачи этого признавать не хотели. Они жестоко избивали и сажали в карцер до 15 суток тех, кто заявлял, что он не может работать и что он голоден.

Избиения до потери сознания были массовым явлением, и мне хорошо памятли случаи, когда избивали граждан Скворцова, Бусарева и др. фамилии, которых сейчас не помню, когда их крики от боли разносились на всю окрестность.

Белофинские кровожадные хищники не считали за позор глумиться над своими жертвами, они не брезговали даже расстрелом беззащитных несовершеннолетних подростков.

В 1942 г. в Песках начальник охраны пленных Сеппеля выстрелом из пистолета убил мальчика Петю и убил только за то, что последний от невыносимого голода вынужден был зайти в палатку финских солдат просить кусок хлеба.

В 1943 г., работая воспитательницей детского дома в лагерях № 6 и № 1, мне часто приходилось наблюдать зверское обращение с детьми и взрослыми со стороны финских солдат-палачей из охраны лагерей. За малейшую провинность они жестоко наказывали детей плеткой, палками и бросали в карцер.

В 1943 г. в лагере № 6 воспитанники детского дома Лукачев Слава и Медведев Александр на почве голода достали где-то немного продуктов. Об этом узнал начальник лагеря (фамилии которого не знаю) и избил их обоих до бесчувствия с нанесением телесных повреждений.

Гражданку Гагарину Анну Петровну начальник лагеря избил только за то, что она пожалела свое хорошее платье сдать в жарилку, боясь, что его сожгут, так как многие граждане остались без одежды, ее действительно сжигали в этих жарилках.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 43–44. Копия. Машинопись.

* Рогачева-Луканичева Александра Алексеевна, 1921 г. рождения, уроженка деревни Голодяево Пришекснинского района Вологодской области.

89. Заявление И. И. Русанова в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в оккупации

17 июля 1944 г.

За время нахождения в плену у финнов мне пришлось испытать на себе, видеть и слышать от других людей факты обращения с русским населением:

Из дер. Вехручей, куда я был направлен с баржи № 463, попавшей в плен у Шелтозерского маяка, меня перевезли в Петрозаводск и сунули в подвальное помещение при полиции.

Помещение не отапливалось, и температура все время была [от] -5 до -10 градусов.

Хлеба в течение 45 [суток] не выдавалось совершенно – питание состояло из болтушки (25% рж[аной] муки, 25% овс[яной] и ячм[енной] и 50% бумаги) два раза в день = 200 г на человека.

Такая жизнь тянулась до 17–20 декабря [19]41 г., когда я был переведен в другое подвальное помещение, имеющее печи, но людей натискали из расчета 1,0 м² на человека, выпускали из камеры в уборную один раз в сутки на 15–20 минут, в это же время выносились ведра и боченки – параши, остальное время сидели, вернее полулежали на голом полу.

От голода, духоты и вшей, которых расплодилось бесчисленное количество, началось опухание и поваральные болезни. Врачебной помощи не полагалось. Кроме того, многих вызывали на допросы, после которых допрошенный приводился в камеру без нескольких зубов и с кровоподтеками.

Остальное русское население было посажено в лагеря за проволоку, где обращение было еще хуже, что подтверждается тем, что из лагерей ежедневно десятками вывозили покойников на кладбище.

В отношении разграбления имущества, разрушения и порчи зданий подтверждаю, что растащено из Гос[ударственного] к[арело]-ф[инского] университета 2 пианино, рояль, громадные библиотеки научной и художественной литературы, полное оборудование лабораторий и кабинетов, звуковая киноустановка и т. п.

Из дома профессоров все личное имущество профессорско-преподавательского персонала: 9 шт. пианино, громадной ценности библиотеки, трюмо, зеркальные шкафы и пр.

Прекрасное учебное здание Г[осударственного] к[арело]-ф[инского] университета сожгли и разобрали, а кирпич и железо вывезли частью в Финляндию, частью на р. Свирь для оборонительных укреплений.

Нередкие случаи, что пьяные солдаты ночью вламывались в частные квартиры к женщинам, срывая запоры, – Древянская, д. № 2.

За невыход на работу выгоняли в нижнем белье на улицу в январе 1943 г. в д. Пидьме часть 1635 КПК1, и т. п.

Бывш[ий] зав[едующий] студенческими общежитиями
Г[осударственного] к[арело]-ф[инского] университета
и Уч[ительского] института

И. Русанов

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 20–21 об. Подлинник. Рукопись.

В Государственную Комиссию по расследованию зверств над Немцами-Ориентальцами в г. Петрозаводске

От бывш. Заведующими общежитиями Г. Карелии сержанта и Уч. Института Русанова И. И.

За время нахождения в плену у финнов мне пришлось испытать на себе, видеть и слышать от других людей факты обращения с русским населением:

Из дер. Вехручей, куда я был направлен с баржи № 463, попавшей в плен у Шелтозерского маяка, меня перевезли в Петрозаводск и сунули в подвальное помещение при полиции.

Помещение не отапливалось и температура все время была -5 до -10 градусов.

Хлеба с тертые 45 не выдвигают со-
вершенно — питание состояло из бол-
тушки (25% рж. муки, 25% овс. и ячм. и 50
булгар) два раза в день = 200 гр на чело-
в.

Такая жизнь продолжалась до 17-20. XII
Когда я был переведен в другое под-
вальное помещение, измерил ее периметр
но людей матиенками из расчета
1.0 м² на человека, выпускали из камер
в уборную один раз в сутки на 15-20
минут, в это же время выносили
ведра и бачки — параша, остальное
время сидели, вернее полумлевали
голом попу.

От голода, дуроты и вшей, кото-
рая распространялась бесчисленное коли-
чество, началось отупение и новы-
е болезни. — Врачебной помощи

не оказывалось. Кроме того постоянно вы-
зывали на допрос, после которого
допрошенной приводили в камеру без
несколько зубов и с кровоподтеками.

Остальное Русское население было
посажено в камеру за проволоку, где
обращение было еще хуже, что
подтверждается тем, что из лаге-
рей ежедневно дежурными возили по-
койников на кладбище.

В отношении разграбления науч-
ной части, разрушения и порчи зна-
мый подтверждают, что растащено
из Гос. К-р Ун-верситета 2 книжки, редкие,
громадные библиотеки научной и фу-
нкционной литературы, полное
оборудование лабораторий и кабин-
етов, звуковая Киноустановка и т.п.

Из дома профессоров все лучшее
имущество профессорско-препода-
вательского персонала: 9 шт. та-
мбто, громадной ценности библио-
теки, трико, зеркальные шкафы и т.д.
Прекрасное учебное здание Т.К.Ф.У.
верситета со всеми удобствами, а кир-
ки и железо вывезли часть в Фин-
ляндию, часть в р. Свирь для оборо-
ны укреплений.

Нередкие случаи, что бывшие
сосланные могли властвовать в ка-
кие-то квартиры к немцам, сра-
вляя заборы — Архивная часть 7-12.

За не вывоз на работу вывозили
в мезенск белбе на улицу в Январе
1943 г. в д. Пудбине часть 1635 КЛК
и т.п.

17. VII. 44. И. Русанов.

90. Протокол допроса Д. В. Савиной* о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

17 июля 1944 г.

С декабря 1941 г. по июнь 1944 г. я томила в концлагере № 6, организованном белофинскими властями в поселке Перевалочная биржа. Спасибо тов. Сталину за освобождение нас, мирных советских граждан, из фашистского плена. За время пребывания в лагере мне пришлось пережить суровый фашистский режим, голод и холод. Содержавшихся в лагере белофинны объявили военнопленными и в течение почти трех лет содержали за колючей проволокой. Свободное хождение было ограничено даже в зоне лагеря, не говоря уже о выходе за пределы его. Охрана была усиленная, и были изданы строгие инструкции, запрещающие даже подходить на близкое расстояние к проволочному ограждению, за что угрожали расстрелом как за попытку к бегству или, в лучшем случае, [грозило] избиение до потери сознания.

В 1943 г. фашистский палач Тойвала из охраны лагеря избивал моего сына Захарьева Сергея Яковлевича и только за то, что его жена без пропуска ходила в город за покупкой хлеба. От сильных побоев мой сын лишился частично слуха и несколько дней болел, не мог двинуться с места. Тот же палач Тойвала избил подростка, сына Савельевой Татьяны — Евгения, за то, что тот измучался на работе и шел отдыхать. Избиение мужчин и подростков было массовым явлением. Первоначально сажали в «будку» (карцер), а затем избивали. Пленные граждане жили в самых плохих жилищно-бытовых условиях и получали нищенский паек продуктов для существования. В период 1942–[19]43 годов нам выдавали 300 г хлеба мукой с древесной примесью на человека в день и 50 г гнилой колбасы на три дня. Люди истощали до того, что не могли ног передвигать, а белофинны работать все равно заставляли, причем самую трудоемкую работу. В этот период за работу ничего не платили кроме побоев плеткой и палкой. В результате голода и изнурительного труда, и жесточайшего фашистского режима в лагере царила массовая смертность. Люди не выносили всех ужасов лагерной жизни. О количестве умерших можно даже судить по тому, что согласно инструкции вывоз трупов на кладбище производился два раза в неделю, умирало очень много. Вывозили по 20–25 гробов за один раз и хоронили в общую могилу-траншею по 3–4 гроба один за одним. Родственников для похорон умерших допускали только под конвоем. Показания с моих слов записаны верно и мне прочитаны.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 37–38. Копия. Машинопись.

* Савина Дарья Васильевна, 1888 г. рождения, уроженка деревни Сельги Заонежского района.

91. Из протокола допроса М. П. Савина* о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

17 июля 1944 г.

[...] В поселке на Перевалочной бирже был расположен концлагерь № 6, обнесенный колючей проволокой с усиленной охраной. В этом лагере я находился с декабря 1941 г. до июня 1944 г. до освобождения нас из фашистского плена частями Красной армии Карельского фронта. Мне лично и всем заключенным пришлось пережить жестокий, нечеловеческий режим, голод, издевательства и избиения. В лагере

за проволочным ограждением содержалось не менее 5000 человек: женщин, мужчин, стариков и детей.

Жилищно-бытовые условия для граждан были исключительно плохие: бараки были все переполнены, бани и прачечной не было, мыла не выдавали, и вот в результате этого царил массовая вшивость. В лагере выдавали голодный паек: 300 г муки с древесной примесью и 50 г гнилой колбасы, а работать заставляли самую трудоемкую работу. От изнурительного труда и голода люди истощали до неузнаваемости и, в результате, умирали в большом количестве. Это даже можно судить по тому, что трупы умерших охрана лагеря под конвоем заставляла вывозить два раза в неделю по 20–25 гробов за один раз. Похороны умерших производили в Песках в общую траншею по 3–4 гроба в ряд штабелем. У меня лично умерла жена от голода, и я на могилу для похорон вместе с другими ходил под конвоем. В лагере № 6, как и в душегубках, планомерно истребляли советских людей. Белофинские негодяи рядом с объявлением о часах выхода на работу вывешивал[и] для обозрения дни погребения** покойников. Режим в лагере был исключительно суровый, и администрация в точности выполняла все семь инструкций, говорящие об издевательствах к людям^{3*}. Наряд и охрана лагеря были усиленные, начальником являлся майор финской армии, фамилии его не знаю, который объяснял, что лица, вышедшие за проволоку или приблизившиеся к ней без пропусков, рассматривались как пытавшиеся бежать из лагеря и подлежали телесному наказанию. В 1943 г. белофинский палач Тойвала до потери сознания избил гражданина Захарова Сергея Яковлевича, и только за то, что его жена сходила в город за покупкой хлеба без пропуска. Подобные избиения были массовым явлением. Белофинские мясники избивали за малейшее нарушение их кровавого режима. Били особенно много детей, которые пытались пролезть за проволоку для сбора грибов и ягод на пропитание. В лагере была построена специальная будка (карцер), где содержались заключенные и избивались.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 39–40. Копия. Машинопись.

* Савин Матвей Петрович, 1879 г. рождения, уроженец д. Кузнецы Заонежского района.

** Следует читать: погребения.

^{3*} Следует читать: над людьми.

92. Из воспоминаний А. В. Семенов^{*} о пребывании в концлагере № 5 города Петрозаводска

Октябрь 1941–1944 гг.**

[...] Примерно в октябре м[еся]це 1941 г. наш Оштинский р[айон]он д. Симанова Ленинградской области (ныне Вологодской) оккупировали финны. Прекрасно помню, как в нашу деревню пришли 2 финских разведчика. Зашли в дом тети (у нее было 7 месяцев беременности) и ее дети, я с братом, при виде их нас трясло, боялись, но они нас не тронули, сказав, что «хлебушка будет много». В доме стали искать, трясти, бросать. Нам предложили уйти в баню. Наша мама угоняла скот (колхозный) в сторону, чтобы финнам не достался, поэтому она попала в плен на 2-й день в лесу. Представьте наше тогда состояние, тревогу за маму, ее за нас!

Здоровое население местными властями было эвакуировано в лес, жили в срочно сделанных шалашах (примерно 2 недели), а было ведь уже холодно!

После чего наехало много финских солдат, наши отступали и ушли за речку, здесь же и осталась до конца войны линия фронта, дальше финнов наши не пустили.

Было очень страшно жить на линии фронта. Когда была перестрелка, мы прятались за печку, убегали в баню, видела убитых, человеческую кровь, раненых наших солдат, финских и однополчан, сбивали самолеты наши, финны радовались и молились.

По истечении 2-х недель нас эвакуировали до п. Вознесенье, пробирались лесом, кто как мог. Поэтому взяли с собой только фотографии, документы, одежда, что была на себе, и корову, остальное закопали в яму, остался добротный 2-этажный дом и все остальное хоз[яйст]во. С п. Вознесенье нас довели на лошадях до д. Каскесручей, люди нас встретили, приняли доброжелательно. После чего у нас отобрали скот и привезли в г. Петрозаводск в концлагерь № 5. Здесь произошла сортировка людей, нас разлучили с родными. Поселили нас в большую комнату, где каждая семья имела свой «угол». Спали на полу на каком-то тряпье, не помню. Был общий стол, здесь же люди болели, голодали, умирали, стонали от боли. Очень большая смертность была в первые годы оккупации, но народ был дружный, я не разу не слышала брани, оскорблений, как сейчас, все помогали друг другу, страдали, если кого настигла беда.

Как я уже писала, моя любимая тетя Александра Федоровна Терехова с семьей попала в 3-й концлагерь, она была беременная, 03.01.1942 г. появилась на свет моя сестричка. Я очень тосковала, не передать словами это желание увидеть новорожденную сестричку, всех их. Мы написали заявление о разрешении повидаться с родными в 3-м лагере, в чем был получен отказ. Я тогда договорилась с подружкой Леной Кондрашовой, и мы в час «пик» (тогда называлось так время, когда люди ходили за водой на речку) взяли ведра, как бы за водой, после бросили ведра в кусты и побежали, куда сами не знаем. В городе никогда не были. К полудню мы добрались до 3-го лагеря [...].

Когда мы пришли к ним, увидели то же, что и у нас, тоже жили в большой комнате по «углам», также спали на полу. Стоял один большой стол, лавки, немного железных кроватей, но не у всех. Кто болел, также стонал, умирал, тут же и рожали. Умирал и мой двоюродный братик (16 лет было) от голода, лежал на полу весь опухший, надутый как шарик. Маленькая сестричка качалась в бельевой корзине со сделанной из тряпочки соской, набитой хлебом.

Тетя нас угостила хлебным чаем из сожженной хлебной корочки. И снова в обратный путь. Встреча была короткой, начинало темнеть. Они очень переживали, как мы доберемся до своего лагеря, это значит, надо пролезть через 2 проволоки. На обратном пути мы попались. Подруга зацепилась за проволоку. С вышки увидели патрули, мы побежали, и они бежали за нами, браня по-фински. Бежали мы по ул. Болотной (ныне Ригачина). Забежали в дом, где хозяйка нас спрятала и дала кусочек хлеба, а немного спустя прибегает соседка и говорит, что ищут партизанок. Хозяйка нам предложила уйти из дома, спрятаться за сугроб в огороде. Долго не просидишь, зима была холодная, лютая. Решили бежать, нас уже ждали патрули на всех перекрестках, стреляли вверх. Привели нас за шкурку с бранью в штаб 3-го лагеря и определили нам по 25 розог, в холодную, а в вышку нас не посадили, как садили других. Предупредили, что еще попадете в своем 5-м лагере, еще получите столько же розог, но этого не случилось, все обошлось благополучно, помогли лагерники. Бил нас свой русский «Ванька палач», тогда так его называли в лагере, а держал руки, голову финский солдат. Когда избивали нас, не было живого места на спине, искусаы губы, все покрылось кровяными, багрово-синими полосами. Поднялась высокая температура, не лечь, не повернуться, коростой все тело стянуло. Подруга Лена вскоре скончалась, не выдержала, а я проболела около полугода. Организм ослабленный, плохо боролся с болезнью. Нельзя было

ходить в баню, привязались еще болезни: воспаление легких, экзема, очень болели ноги. Помню, как моя мама «жарила» мои ноги в круглой печке, после тепло закрывала, парила в крапиве. Снова была попытка перебраться к родным в 3-й концлагерь, что нам было разрешено.

Когда я выздоровела, меня направили на работу. [...].

НА РК. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 286. Л. 3–8. Подлинник. Рукопись.

Опубл. с изъятием: Петрозаводск. 300 лет истории: документы и материалы: в 3 кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2001. С. 281.

* Воспоминания написаны в 1994 г. жительницей Петрозаводска Семеновой Алимпиадой Васильевной, 1924 г. рождения.

** Дата событий.

93. Из протокола допроса А. М. Сидоркова* о пребывании в Кутижемском лагере

27 августа 1944 г.

[...] *Вопрос:* – Расскажите какие факты Вам известны за время проживания на стороне белофиннов зверств немецко-финских захватчиков над мирным советскими гражданами и военнопленными служащими Красной армии?

Ответ: С 1 января 1942 года до 11 июня 1942 года я находился в концлагере № 561 или 563, расположенном на месте бывшего Кутижемского лесопункта. К моменту моего приезда в Кутижемский лагерь в нем находилось около 500 человек мужчин, привезенных из Петрозаводских концлагерей. Для советских людей в этом лагере был установлен строгий режим и созданы нечеловеческие условия, которые выражались в плохом питании, непосильном труде и зверском обращении администрации и обслуживающего лагерь конвойного часового к советским людям.

В течение пятимесячного пребывания в Кутижемском лагере, созданном белофиннами для советских людей, осталось из 500 чел[овек] советских граждан 220–230 человек. Остальные же советские граждане в количестве 270–280 человек были белофиннами расстреляны, часть померла сов[етских] граждан голодной смертью и от телесных избиений, и незначительная часть отправлена обратно в г. Петрозаводск в лагерь, как обессиленные и опухшие от недостатка питания, которые впоследствии также в своем большинстве умерли. За время моего пребывания в Кутижемском лагере приходилось наблюдать ежедневные похороны от 3 до 12 человек, умерших голодной смертью или же от избиений. Всех людей белофинны закапывали в одном месте в 150 м от лагеря. Место, где закапывали белофинны советских людей, я знаю. По моим предположениям в этой могиле закопано от 100 до 150 советских граждан.

Виновниками зверств над советскими гражданами являются:

1. Начальник Кутижемского лагеря белофиннов лейтенант Мьяенпяя – 35 лет, финн. По его указаниям проводилось избиение и умерщвление советских людей благодаря установленному им голодному пайку.

2. Производителем работ Кутижемского лагеря был финн – Суйхконен 40 лет, военного звания не имеет. Суйхконен заставлял непосильно работать на заготовке дров обессиленных людей и за недоброкачественную работу применял избиение, от [Суйхконена] учились этому и его подчиненный конвой.

3. Лекарь Кутижемского лагеря был ст[арший] сержант (фамилии я не помню), 35 лет, финн, который вместо оказания медицинской помощи обессиленным советским гражданам избивал из-за то[го], что они обращаются к нему за помощью и бил по тем больным местам, на которые жаловались ему больные.

Чтобы не быть голословным, я перейду к изложению конкретных фактов зверств над советскими гражданами, чинимыми белофинскими солдатами из охраны Кутижемского лагеря, а именно:

В марте м[еся]це 1942 г. советский гражданин – Софронов Василий, 22 лет, ур[оженец] Ленинградской обл[асти] Вознесенского [района] с. Остречье, русский, привезен был в Кутижемский лагерь из Петрозаводского лагеря № 6 в декабре 1941 года. За попытку к бегству был вначале посажен в будку, где Софронов просидел трое суток и на четвертый разобрал в будке пол и сделал вторичный побег, но в момент побега он был замечен финским патрулем лагеря солдатом Хейнонен[ом] 35 лет, финн, последний в эту же ночь с 150 м от проволочного ограждения лагеря привязал Софронова к сосне и лично его расстрелял. Об этом мне говорил утром переводчик Кутижемского лагеря Кайкконен.

В марте м[еся]це 1942 г. советский гражданин Устинов Сергей 40 лет, ур[оженец] Ленинградской обл[асти] Вознесенского р[айо]на Косельгского с/с[овета] д. Устиново, русский, привезенный в Кутижму из Петрозаводского лагеря № 5 за попытку к совершению побега, был посажен в будку на 7 суток, где Устинова начальник караульной охраны Кутижемского лагеря мл[адший] сержант Эйно 30 лет, финн, выше среднего роста, сильно избивал Устинова** резиновой плеткой с проволокой. Я был сам очевидцем, когда Устинов выходил из будки за водой или на обед, то у него кровь просачивалась от побоев через рубаху. На восьмые сутки Устинов был отправлен в г. Петрозаводск в лагерь № 5, где через два дня умер.

О других фактах зверства я точных данных не помню.

А. Сидорков

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1128. Л. 13–15. Подлинник. Рукопись.

* Сидорков Александр Макарович, 1924 г. рождения, уроженец села Косельга Вознесенского района Ленинградской области, русский. На момент допроса работал техником-нормировщиком в ДЭУ № 90 в Пряже.

** Повтор фамилии. Так в документе.

94. Из протокола допроса А. А. Симонова* о нахождении в концлагере № 5 города Петрозаводска

17 июля 1944 г.

[...] Я вместе с семьей содержался в лагере № 5 г. Петрозаводска КФССР с декабря 1941 г. и до момента освобождения нас из плена Красной армией. В лагере со стороны администрации и подчиненной ей охраны царил полный произвол над пленными людьми. Люди содержались в антисанитарных условиях ввиду неимоверной скученности, имелась массовая вшивость, морили голодом, били палками и плетками и чинили разные издевательства. Начальник лагеря, лейтенант финской армии, сам издавал инструкции с преступными указаниями, избивал людей, а также всячески способствовал проводить зверства над людьми своим подчиненным. Его первыми помощниками по разбою были: главный врач лагеря Богомалевский** и изменник

родины, финский ставленник Люботынский – староста лагеря. Эти два бандита причинили немало горя и зла пленным гражданам. В апреле 1943 г. враг Богомалевский избил меня палкой за то, что я обратился к нему с просьбой взять немного извести для побелки печки в бараке. В мае месяце того же года староста лагеря Люботынский избил меня до потери сознания за то, что я обозвал финнов «чухной». Был очевидцем факта, когда финский солдат, палач Лехтинен, избил абсолютно ни за что одного старика, фамилии которого я не помню. Лехтинен избивал его палкой, и даже палка сломалась от тяжелых ударов.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 14. Копия. Машинопись

* Симонов Александр Алексеевич, 1884 г. рождения, уроженец деревни Киссиево Подпорожского района Ленинградской области.

** Правильно: Богоявленский; также упоминается как Богомалинский, Боголевский.

95. Из воспоминаний Л. Н. Спиридоновой (Максимовой)* о нахождении в концлагерях № 1 и 3 города Петрозаводска

1941–1944 гг.**

[...] Вечером все взрослое население наших деревень собрали в деревне Боярщина, где и был объявлен приказ новой оккупационной администрации с ограничениями и запретами для местного населения. В декабре жителей из окружающих деревень собрали в деревне Клименицы, лед на Онежском озере стоял в то время уже крепкий, и нас под дулами автоматов погрузили на сани, запряженные лошадьми, и повезли в Петрозаводск. Нас привезли в концлагерь № 1 на Кукковке. Мама держала новорожденного ребенка на руках, а меня, как самую маленькую, забросали вещами в сани. Когда всех пересчитали, не хватило одного человека, а потом меня нашли под вещами в сани, маму сильно ругали, могли и расстрелять. В этом лагере мы пробыли недолго, 2 месяца. Затем нас перевели в концлагерь № 3, самый строгий в Петрозаводске. В нем заставляли работать и взрослых, и детей с 10-летнего возраста. За малейшую провинность финны наказывали: били плетками и палками. Взрослых под конвоем выводили на работу: они работали на разгрузке дров, стирали финнам белье, строили дороги. Перед тем, как вывезти нас в лагерь, финны отобрали у населения все: хлеб, скот, одежду. Наша семья жила в комнате 12 м², если в ней было грязно, при проверке били хозяйку, никакой мебели не было, спали на голом полу, укрывшись своей рваной одеждой. Нас кормили гнилыми галетами, иногда давали чуть-чуть баланды. От такой еды умерла моя младшая сестра, а мне все время хотелось есть. [...] От болезней, от голода умирали дети и старики. Ежедневно из лагеря повозки с умершими отправлялись в Пески, а там трупы бросали в ров и засыпали землей. Волосы стригли наголо, долго мы ходили в старой одежде, что взяли с собой, она превратилась в лохмотья. Тогда финны выдали нам длинные рубахи. Каждую неделю всех заключенных загоняли в баню на прожарку, после нее металлические пуговицы жгли кожу. От такой процедуры многие теряли сознание, но все равно никого не выпускали раньше отведенного времени. Наши лохмотья выкидывались на улицу, где каждый после бани искал свое. В каждом лагере был свой палач, который исполнял приказы коменданта. Многие люди получали розги резиновыми плетками. Я тоже получила такой удар только за то, что хотела сорвать травинку, которая росла за колючей проволокой. Ручка опухла, был кровавый рубец.

Однажды мама была на уборке картофеля, волосы у нее были длинные, и она спрятала картофелину в прическу. При обыске ее нашли, маму жестоко избили, кровавые рубцы на спине долго не заживали. Мы очень жалели маму, понимали, что от нее зависит и наша жизнь. Труднее всего было привыкнуть к тому, что все время хотелось есть. Мизерный паек (150 г) муки или несколько сухих галет, пакетик сахара на одного члена семьи явно не могли обеспечить потребность в еде. Мы попрошайничали у финских солдат, живших в казармах недалеко от лагеря, лазали по помойкам, подбирая картофельные очистки и отбросы еды. Часто финны бросали нам порченные продукты. Воду ограничивали, чтобы не было болезни – водянки. Поэтому весной вся появившаяся зеленая трава на территории лагеря была съедена. От голода сохли руки, ноги, люди умирали. Старших детей выводили за колючую проволоку в школу, их сопровождал конвой. [...]

Чечендаева Н., Гришкина Е. Узницы Заонежья (воспоминания Спиридоновой Л. Н.). [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Юный архивист» 2018 г.).

* Спиридонова (Максимова) Лидия Николаевна, 1938 г. рождения, уроженка деревни Ерсново Заонежского района.

** Дата событий.

96. Из заявления Н. А. Старцева* в Чрезвычайную государственную комиссию о пребывании в концлагере № 6 города Петрозаводска

[Июль] 1944 г.

В 1941 г. в начале октября белофинны захватили неожиданно в плен почти все население с. Косельга Вознесенского района и граждан, эвакуированных из других мест и не успевших уйти с частями Красной армии. В том числе попал и я вместе со своей престарелой матерью, больной сестрой, оказался в плену. Как инвалид от воинской обязанности я был освобожден. Началась серия издевательств и притеснений со свойственным только извергам цинизмом. [...]

Все население села было выгнано, и предложено ехать в г. Петрозаводск. Те, кто не желал покинуть своего насиженного крова, пристреливались на месте, и трупы убитых долгое время лежали в канавах. На утеху пьяных солдат и офицеров оставили несколько молодых девушек под видом работы в прачечных.

У меня белофинны одну корову отобрали на месте, другую, когда сестра привела в Петрозаводск, отобрали у нее с рук здесь. После этого сестра в припадке горя заболела и после непродолжительной болезни умерла в концентрационном лагере. Через неделю мучительной голодной смертью скончалась моя мать. Нужно сказать, что финны, заключив население в концентрационные лагеря, под двойную колючую проволоку, отобрали у него все продовольственные продукты, хлеб, скот. В этом им много и с усердием помогали предатели советского государства, обычно из среды уголовных и хулиганствующих элементов. Эти господа под покровительством финнов чинили над населением произвол и насилие. Ежедневно у всех приезжающих производили обыск, отбирали все продовольствие и ценное имущество. При этом никакая мольба населения о пощаде (оставить хотя бы для голодных детей несколько фунтов крупы) не принималась во внимание. Матерей, которые были настойчивы, они

били, отгоняли прочь от своих котомок. В результате такого произвола и грабежа у этих лиц оказалось десятки пудов продовольствия, много мануфактуры и других товаров. [...]

Итак, население сразу было поставлено на голодный паек. 350–390 г муки или галет и все. Начался голод и связанные с ним последствия. Женщины, малые и старые, с опухшими голыми ногами, ходили с корзинами, шатались от ветра, рвали крапиву и траву, в надежде хоть этим утолить жажду голода. Когда травы уже не было, искали в помойках прогнившие кости, перемальвали на муку и ели. Более ловкие приноравливались бить из рогаток ворон. Крысы, кошки и собаки – все были съедены. Как следствие всего этого, начались эпидемии (среди населения, живущего в тесноте) и массовая смертность. Гробовщики не успевали делать гробы. В наскоро сколоченных ящиках трупы умерших сваливались в сарай, откуда по 30–40 гробов (два раза в неделю, и для покойников был запрет наложен) вывозилось на так называемые Пески. В таком порядке я похоронил свою мать и сестру, замученных в горе и лишениях. Половина населения 3-го лагеря в течение 6–7 месяцев умерла. Это примерно 2,5 тыс[ячи] человек. Таковы, коротко, последствия голода.

Нельзя выделить личные обиды и притеснения от общего страдания народа в концентрационных лагерях. Вот почему остановимся еще на системе пыток и издевательств, практикуемых финнами. Всякое общение с лагерниками было запрещено под страхом расстрела. В городе были вывешены объявления, запрещающие населению лагеря входить в магазин. Были сделаны так называемые «голубятни». Это вышки, куда «провинившегося» запирали на высоте 8–10 м. Они были устроены так, что человека насквозь промораживало сквозящим, морозным ветром. Люди, которые выходили оттуда, навсегда теряли здоровье, заболели и умирали от простуды. Пороли и запирали в «будку» по самым незначительным проступкам. Маленький 3–4-летний ребенок случайно вышел за проволоку. Финн приводит ребенка к матери и тут же бьет и ребенка, и мать кулаками и плеткой. После таких побоев мать, если навсегда не становится калекой, то уже теряет здоровье. Старуха-мать ушла через проволоку в другой лагерь, чтобы увидеть своих детей, которых финны поместили в другой лагерь. Ее поймали, раздели догола, не считаясь с возрастом, избili до полусмерти. Эта старушка так и не увидела своих детей, она умерла. Беременная женщина вышла в город, изверги узнали об этом, пришли в комнату и тут же избili ее кулаками и лягушками**. В результате легкие были отбиты, и она после непродолжительного времени умерла. К сожалению, фамилий этих мучеников я не запоминаю.

Что происходило в командировках – страшно вспоминать. Обессиливших и больных людей финский врач бил до бессознания. Если, например, больной жаловался на боль зубов, то он с силой ударял по зубам. Избивали здесь особым способом. Накладывали соленую тряпку, и палач методически, точно бил в одно место. Один гражданин принес откуда-то две буханки хлеба и каши. Как бы в насмешку финны предложили ему съесть это, выпить два ведра воды, после чего выпороли и т. д.

Больше всего издевались над нашими детьми. Редкий мальчик и девушка не пороты. Их пороли и в одиночку и группами по 20–30 человек. Стоны истязуемых были слышны далеко за пределы лагеря. После такой пытки человек не мог ни лечь, ни сесть в течение ряда дней. Ученика Гераськина Ж., лагерь [№] 6, изверг избил палкой, после чего бросил на расстояние 5 м, свез в штаб, там дали еще 15 плеток.

У меня на родине финны сожгли дом. Я сейчас совершенно раздет – нет ни одежды, ни обуви. Она сожжена в парилках и жарилках.

Старцев Н. А.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 64–65 об. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград, 1945. С. 85–87.

* Старцев Николай Александрович, 1910 г. рождения, уроженец села Косельга Вознесенского района Ленинградской области, работал учителем.

** Избить ногами (волог.).

97. Воспоминания А. О. Тарасовой* о пребывании в концлагерях в Олонце и Колвасозере

13 июля 1948 г.**

Когда началась война, я работала в райкоме партии машинисткой в с. Паданы. Молодежь из Падан была мобилизована на оборонные работы в Лосиную Гору. Только успела оттуда приехать домой, пробыла дома два дня, как финны заняли Паданы. Только некоторые семьи ответственных работников ночью сумели выехать. Молодежь, которая выезжала агитбригадой в воинские части, тоже не попала в плен. Мы видели, что некоторые семьи эвакуировались на пароходе в Великую Губу и сами подготовились, собирали вещи. В воскресенье меня вызвали в райком. Там были одни мужчины, когда я стала спрашивать, где же наши женщины, мне сказали, что они уехали. Я попросила, чтобы меня отпустили на пароход, но мне сказали, что райкомовские поедут вместе. Потом все-таки мне сказали, чтобы ехала на пароходе до Великой Губы и там ждала остальных.

Дома у меня была мама и сестричка 10 лет. Одна из машин с людьми поехала по дороге на Терманы, но там встретила финскую разведку и вернулась обратно. Народу в Паданах было очень много, они пришли из соседних деревень. Когда машина вернулась и проезжала по улице, с машины нам кричали, чтобы бежали куда-нибудь, потому что финны уже в Терманах (всего в 2 км от нас). Тут началась паника, люди побежали, кто на Сондалы, кто в лес. Я захватила маленький чемоданчик, в котором было 2 хороших платья, туфли, фотокарточки и мы побежали по дороге на Сондалы. Мама и сестренка отстали от нас, тогда мы взяли у них хлеба и пошли дальше. Нас было 7 девушек. Бойцы, которые попадались на дороге, кричали нам, чтобы мы скрывались в лес, иначе всех перестреляют с самолетов. Если бы мы шли по большой дороге, мы бы успели добраться до Сондал. А тут нам попала лесная дорожка и мы свернули на нее. Шли лесом, дорожка стала отклоняться в сторону. Через некоторое время мы догнали двух мужчин и пошли все вместе. Они нам сказали, что недалеко есть лесная избушка, и мы пошли туда. На большой дороге слышалось движение машин и мы думали, что это финны. Мест этих никто из нас хорошо не знал, и мы не знали, куда нам идти. Решили переночевать в избушке. Принесли сена, уснуть не могли, все плакали.

Оказывается по дороге курсировали наши воинские машины, а не финны, если бы мы это знали, то вышли бы на дорогу. Под утро слышали, кто-то в лесу кричит. Прислушались, оказалось, что кричат одну из девушек, бывшую с нами, кричит отец, чтобы вернуть домой. Мы ушам своим не верим. Вот голос все ближе. Затем подходит отец этой девушки. Мы все обрадовались и бросились к нему, спрашиваем: «В Паданах наши?». Но он нам ответил, что в деревне финны, что они заняли Сондалы и теперь ни-

куда не уйти. Пошли мы в Паданы, идем и плачем. Думали, что только мы одни в плен попали, а все остальные убежали. Подходим к деревне, вижу мама ходит на горе, собирает вещи свои. Мы когда из дому побежали, она захватила с собой узел и чемодан, но тащить не могла и бросила. Так вот теперь ходит и ищет. Финны в деревне сказали, что всех, кто побежал на Сондалы, убили по дороге, и мама не думала, что я жива.

Вернулись домой. Я боялась подойти к окну. По дороге проходили финские солдаты, ехали на велосипедах. Солдаты стали ходить по домам. Мы как услышим, что к нам идут, я спрячусь в комнату, и мама им скажет, что она живет одна, никого больше нет. Потом финны узнали, что я дома. Предлагали стирать белье, но я отказалась. Они еще раз предложили стирать, но я ответила, что дома никогда не стирала, а финского белья и подавно не буду.

Однажды меня вызвали к финскому коменданту. Я очень испугалась. Пришла. Там уже знали, что я работала в райкоме партии. Они меня стали спрашивать, кто был первым секретарем райкома, вторым и т. д. Увидели на мне плюшевое пальто и спросили сколько стоит. Я ответила, что 270 рублей. Они не поверили и сказали, что наверно 2 тысячи. Потом говорят, что хорошо одеваюсь потому только, что в райкоме работаю. Они также говорили, что в райкоме был буфет, тогда как ни в какой другой организации его не было. После таких разговоров меня отпустили домой. А через два дня я увидела, что этот же полицейский, который меня вызывал к себе, идет к нам. Я не успела из своей комнаты выйти в большую комнату, как он вошел и заставил меня уйти обратно в свою комнату. Там он сказал, что я арестована и через 2 часа еду в Финляндию. Я бросилась на кровать и заплакала. Со мной вместе должна была ехать зав[едующая] учетом Барсукова. Я собралась, и нас на легковой машине повезли через Сельгу. Мы всю дорогу плакали. Доехали до гос[ударственной] границы и финн предложил нам посмотреть границу, говорит «ведь вы еще не видели». Но мы из машины так и не вышли. Потом нас везли по железной дороге в товарных вагонах. Привезли в тюрьму. Нас посадили в комнату без окон, четыре голых стены. На стенах было много надписей, которые сделали люди, сидевшие здесь до нас. Некоторые писали, на какой срок их осудили, некоторые были осуждены навечно. Мы решили, что нас тоже будут судить. Пищу нам принесла финка и мы у нее спросили, что с нами будет, но она не знала. А потом она пришла и сказала, что мы сидим здесь напрасно. Мы обрадовались, думали, что нас повезут обратно в Паданы, но нас повезли в Олонец и посадили там в концлагерь. Здесь мы были 5 месяцев. Здесь были и русские, и карелы, и военнопленные. Отсюда в мае 1942 г. нас перевезли в лагерь для карелов в Колвасозере Ребольского района. В лагере было больше 100 человек, а сначала, когда мы приехали – 25 человек. Летом мы косили сено. Занимались сельскохозяйственными работами. Зимой пилили дрова. Кормили 3 раза в день. Хлеб 250 г в день, сахар и грамм 40 сыру. В обед каша, вечером суп. Картошка гнилая, мясо конина с червями. Сидели в темный угол, чтобы не видно было червей. Пока были в Олонецком концлагере, нам давали только 200 г хлеба и кусок сахара. В этом лагере нам совсем не разрешалось разговаривать с мужчинами и особенно с русскими. За это били палками.

Вставали в 7 утра, работали до 11 дня. Затем перерыв, летом с 11 до 12, зимой с 11 до часу. Работали до 7 вечера, летом работали больше. В олонецком лагере очень много людей умерло с голоду. Связи с родными совсем не было, дома 2 месяца обо мне ничего не знали, но потом мне удалось переслать письмо. Барак был очень холодный, спали в валенках, в платках. Русских били часто. Кто не выполнял норму на работе – их били. Двое однажды убежали, у одного была девочка семи лет. Их поймали, вернули в лагерь и били до крови, все рубашки были в крови.

Сколько мы горя там видели. Плакали столько, что думали, слез больше не будет. Когда мы были в Колвасозере, нам разрешали посылать 1 письмо в неделю и только на финском языке. Все русские слова вычеркивали. Один раз получила письмо «Здравствуй... и прощай». Все остальное было вычеркнуто.

Освободили нас осенью 1944 г. (сентябрь м[есяц]). Освободила Красная армия. Нас до этого перевели финны из Колвасозера в Лужму. Когда ходили на работу, видели, что финны собираются уезжать. Последнее время хорошо была слышна стрельба. Иногда мы доставали финские газеты и знали, что финны отступали. Одному старику и девушке удалось услышать по радио, что военные действия с финнами прекращены. Мы с нетерпением ждали освобождения. Тихонько сделали флаг, выкрасив сатин в красную краску и нарисовали серп и молот. Написали лозунги, собирали цветы. Разучивали песни, но новых мы не знали. Готовились встретить своих. Каждый вечер ложились спать с надеждой утром увидеть своих.

Однажды мы шили флаг, пришили к палке, в это время входят 2 финских солдата. Мы бросили флаг на пол. Финны спрашивают: «Почему вы свой флаг держите на полу и топчете»? Мы не показали им флага, сказали, что покажем, когда будет готово. Финны ушли. Мы боялись, что они донесут на нас, но все обошлось благополучно.

Один старик Марков Павел Михайлович пошел топить баню, говорит, может наши придут, так помогут. Вдруг старик закричал: «Наши идут!». Я думала, что он сошел с ума. Смотрю, идут, с погонами, просто не верю, что наши. Мы все со слезами бросились навстречу, обнимаем бойцов и командиров. Многие бежали и падали. Мы сказали, что финны в лагере. Мы пели песни, старики и старухи показывали финнам кулаки. Финны нам раньше говорили, что тех, кто встречает Красную армию, красноармейцы убивают, или отправляют в Сибирь. Но мы встретили своих с флагами, цветами и лозунгами. Этого дня не забыть никогда.

Тарасова

НА РК. Ф. П-5425. Оп. 1. Д. 9/295. Л. 6–10. Копия. Машинопись.

* Тарасова Анна Осиповна, 1919 г. рождения, уроженка деревни Сельга Сегозерского района КФССР, карелка. Накануне войны работала машинисткой РК КП(б) в селе Паданы. На момент записи воспоминаний в 1948 г. нигде не работала, проживала в селе Паданы Сегозерского района.

** Дата записи воспоминаний.

98. Из протокола допроса Е. В. Тарасовой* о нахождении в тюрьме в деревне Киндасово

18 июля 1944 г.

Я, находясь на временной оккупированной территории Прионежского района КФССР, как «подозрительная и неблагонадежная» личность была арестована белофинскими властями и брошена в Петрозаводскую тюрьму, а затем в Киндасовскую тюрьму, где и находилась 10 месяцев, до дня освобождения нас Красной армией. Мне хочется рассказать о тех невыносимых условиях и произволе, царившем в Киндасовской тюрьме. Киндасовская тюрьма была разделена на мужскую и женскую, в которых находилось в среднем 300 человек заключенных советских граждан. Заключенные были размещены очень скученно, в камерах 15–18 м помещалось 10–12 человек, а иногда и более. Рабочий день длился 10–12 часов, причем белофинская

администрация тюрьмы выгоняла всех на различные работы, в том числе и больных, а если заключенный обращался за медицинской помощью к тюремному санитару (т. к. врача в тюрьме не было) Пораярви, который вместо оказания помощи выгонял больных из кабинета, а иногда даже избивал и «лечил» палкой и кулаками. Питание заключенных было очень скверно, суп варили из нечищенной картошки и гнилой колбасы, мучную ржаную кашу и кипяток, 300 г хлеба, вот и весь рацион, большинство заключенных были настолько истощены, что не могли двигаться. В Киндасовской тюрьме над заключенными издевались, били за каждый проступок, например, во время полевых работ истощенные заключенные брали что-либо из овощей, и их подвергали избиениям до бессознания, так были избиты заключенные Гагарин, Фокин, Жданов, женщины Егорова и Артемьева. Редко можно найти человека, которого бы не били из тех, кто побывал в Киндасовской тюрьме. Начальник тюрьмы был капитан Тойвонен и капитан Юлстало, по приказаниям и распоряжениям которых производились все расправы, пытки и издевательства над советскими гражданами, заключенными в тюрьму.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8292. Л. 32. Копия. Машинопись.

* Тарасова Евдокия Васильевна, 1924 г. рождения, уроженка Петровского района.

99. **Заявление И. М. Тришина в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска**

17 июля 1944 г.

Сам довожу до сведения, что моя семья, состоящая из 6 человек, когда заняли финны с. Гакручей 19.09.41 г. По приходе в село Гакручей скот, как колхозный, а также и единоличных [финны отобрали], что касается моего скота, то [пристрелили] теленка и двух овец, а когда прогнали в лес в виду боев больших, отняли мой дом, и мы пробыли в лесу 8 ночей. Кое-чего из одежды и съестного съели и разграбили, после чего мне пришлось жить на чужих квартирах, проживши [так] до 29 ноября. Объявили эвакуацию и 10 дек[абря] [19]41 г. прогнали из дому против ночи, после чего прибыли в Ивину, где пришлось ожидать жену и дочку с коровой. Но дожидать[ся] не пришлось, получив две пощечины, пришлось уехать в с. Ладва. Когда жена пригнала корову в Ивину, то финны встретили на дороге. Со старостой, ими выбранным, Прочкиным Васильем, и корову отобрали, выдав справку от руки и без печати, и корову к ряду погнали в Матвееву Сельгу. По прибытии в Ладву замужняя дочка, работавшая в магазине сельпо Муромля, была в положении и заболела к ребенку* 20.12.41 г. Мы доложили сельской акушерке, а та финской, и которая прибыла к больной, прогнав нас от кровати, приказала везти извозчику на станцию 16 км и далее в Петрозаводск. Несмотря, что был мороз 38° холода, больную увезли, по прибытии в город финские больницы нигде не приняли и [ее] поместили в русскую больницу, ребенок был снят мертвым, и у больной порваны обе проходы, после чего лежала в больнице одиннадцать месяцев, т. к. дать помощь было некому и нечем. После этого срока больную мы выхлопотали в лагерь в больницу, т. к. нас как родителей в город к больной никак не пускали, а когда была перевезена в лагерь мы могли ее видеть чаще и, пролежав в лагере еще 6 месяцев, стала терять зрение и потерялось владение левой ногой, тогда мы стали просить боль-

ную на квартиру, и ее выписали, где [она] еще [про]жила девять месяцев и 30 декабря [19]43 года померла.

Мы после отъезда из Ладвы прибыли в лагерь [№] 6, где были пересмотрены все вещи, а хлеб отнят и к ряду положены на норму 300 г, а получали и того менее и приварка около 15 г над[бавки] на чел[овека], где люди болели и умирали от голода и цинги, где после была приурочена чистота, где жарили чуть ли не 2 раза в неделю на 70–80° жару и держа [людей] определенное ими время, вынос одежда** и всего имущества каждую неделю жарить и на улицу, за малейший проступок или же найдена вошь или гнида или перхоть стригли волосы, не считаясь с возрастом. Хотя было бы 100 л[ет] — так, что [люди] друг друга не узнавали. Кроме того, был некто Тойволо, как сыщик, многим нанес даже побои, как даже и мне лично сунул под левую лопатку, что я болел дыханием несколько недель, еще того достоин начальник лагеря [Маер], фамилии не знаю, но эти два лица достойны [наказания] по заслугам.

В чем подписуюсь

Тришин

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 81–82 об. Подлинник. Рукопись.

* Так в документе.

** Следует читать: одежды.

100. **Заявление учительницы В. В. Феопентовой в Чрезвычайную государственную комиссию об оккупационном режиме в городе Петрозаводске и работе школы в концлагере**

[Июль] 1944 г.

Осенью в 1941 г. в г. Петрозаводск было привезено несколько тысяч русских людей. Из этой массы было создано 7 концентрационных лагерей.

Вепсам, карелам и прочим национальностям, исключая русских, была дана свобода. Они жили в городе и им были предоставлены лучшие условия. Этим они старались разжечь ненависть между советскими людьми. Только отсталая часть населения поддалась этой ловушке.

Из лагерей люди ходили на работу группами, под конвоем. Эти группы среди народа получили название «партий». Из этих так называемых «партий» выделялись русские люди, в некоторой степени заслуживающие доверие финнов. Таких людей освобождали из лагеря. Начальство данной организации как бы поручалось за них, обеспечивая работой. Правда, Петрозаводских местных жителей тоже освобождали в город.

Особенно тяжела была жизнь в первом году. На воле люди могли хоть прикупить у финнов по повышенным ценам. Но зато в лагере был страшный кошмар. Мизерный хлебный паек урезывался старшинами домов, находящимся в содружестве с финским начальством, поэтому население лагеря не имело возможности обжаловать это. Из-за недостатка пищи люди вымирали целыми семьями. Везде свирепствовал тиф и цинга. Люди ели собак, кошек, гнилой картофель и всякие отбросы в финских помойках. Каждый день несколько повозок, наполненных гробами, увозили в Пески.

За выход из лагеря, за малейший проступок наказывали плеткой, сажали в будку, не считаясь, ребенок ли это, или 60-летняя старуха. Были случаи расстрела ребят, женщин за выход из лагеря без разрешения.

7146

Жизнь в оккупации.
Осенью в 1941 г. в Петрозаводске было истреблено несколько тысяч русских людей. Из этой массы было создано 7 концетранзитных лагерей.

Венками, картами и прочими национальными знаками, исключая русских, была дана свобода. Они жили в городе и им были предоставлены лучшие условия. Этим они старались разжечь ненависть между советскими людьми. Только отсталая часть населения поддавалась этой ловушке.

Из лагерей люди ходили на работу группами, под конвоем. Эти группы среди народа получили название "партий". Из этих так называемых "партий" выделялись русские люди в некоторой степени заслуживающие доверия финнов. Таких людей освобождали из лагеря. Начальство данной организации как бы поручалось за них, обеспечивая работой. Правда, Петрозаводских местных жителей тоже освобождали в город.

Особенно тяжела была жизнь в первом году. На валу люди могли хоть прикупить у финнов, по повышенным ценам. Но за то в лагере был самый лучший коммун.

Мизерный хлебный паек урезывался стариками, детьми, находившимися в содружестве с финскими начальством, поэтому население лагеря не имело возможности объяснить это. Из-за недостатка пищи люди выжили чужими силами. Рядом свирепствовали тиф и чума. Люди ели собак, кошек, мышь, корпорель и всякие отбросы в финских помойках. Каждый день несколько повозок, нагруженных пробами, увозили в Пески.

За выход из лагеря, за малейший проступок наказывали плеткой, садили в будку,

не считаясь, ребенок ли это, или 60-летняя старуха. Были случаи расстрела ребят, женщин за выход без из лагеря без разрешения. В будке ~~не~~ избивали до полусмерти, а то и до смерти и все это нужно было терпеть молча.

В таких условиях нищеты и рабского оскорбленного и униженного свободолюбивого русского народа ^{но 3, 8, 9} открылась школа. Внутри лагеря в ^{ноябре} 1942 года. Старт. Лось в первых классах Дети обучались грамоте. Воспитательная работа с детьми ограничивалась беседами о советских праздниках, воспоминаниями о светлых днях, проведенных на своей родине. Строгого контроля за обучением и воспитанием со стороны финской власти не было. За 1943-44. на моих уроках только дважды был директор всех русских школ Серасте.

В школе преподавался Закон Божий. Вела учителя Силурович, т.е. учителя всех лагерей категорически от этого предмета в силу своих анти-религиозных убеждений отказались.

Советские дети не первостепенными, об этом же свидетельствовали наворачивающиеся слезы на детских ресницах, даже рыдания, когда заговорили с ними о родине, об отцах и братьях, сражающихся на фронте.

В феврале месяце школа была закрыта, но лагерь был наложен карантин ввиду распространения тифа.

Вновь свою работу школу начала 1 октября 1943., на этот раз лучше оборудованная. Открылись I, II, III, IV классы. Школа работала в две смены. Было организовано посещение уроков, которые расценивались с методической точки зрения. Директор М.В. Котов и завуч С.Н. Устюжанин, неоднократно посещавшие уроки учителей, призвали

учителям работать с удвоенной энергией,
учитывая, что наши ребята находятся
в особых условиях, что они существуют на
год-на два в будущем при условиях нор-
мальной жизни. И надо сказать, что
учителя относились к порученному делу
серьезно, каждый был заинтересован в сво-
ем классе.

В мае месяце 1944 г. кончился учебный год,
и дети получили отдых, работали на во-
доемах и садах. Но всему чувствовалось,
с 25 июня, что финны оставляют город,
и по инициативе учителей в 3-м лагере
велась подготовка к встрече Красной
Армии — шились флажки, готовились
букеты цветов, украшались портреты вожд-
ей.

29 июня. Долгожданный день

Настал.

К сему уч[ительни]ца Феопентова В. В.

В будке избивали до полусмерти, а то и до смерти и все это нужно было терпеть молча.

В таких условиях нищеты и рабства оскорбленного и униженного свободолюбивого русского народа открылась школа внутри лагеря в ноябре 1942 года. Открывалось 6 первых классов. Дети обучались грамоте. Воспитательная работа с детьми ограничивалась беседами о советских праздниках, воспоминаниями о светлых днях, проведенных на своей родине. Строгого контроля за обучением и воспитанием со стороны финских властей не было. За 1943–[19]44 гг. на моих уроках только дважды был директор всех русских школ Серасте.

В школе преподавался Закон Божий. Велся учителем Силуковым, т. к. учителя всех лагерей категорически от этого предмета в силу своих антирелигиозных убеждений отказались.

Советские дети не перевоспитались, об этом же свидетельствовали навертывающиеся слезы на детских ресницах, даже рыдания, когда заговоришь с ними о родине, об отцах и братьях, сражающихся на фронте.

В феврале месяце школа была закрыта, на лагерь был наложен карантин ввиду распространения тифа.

Вновь свою работу школа начала 1 октября 1943 г., на этот раз лучше оборудованная. Открылись I, II, III, IV классы. Школа работала в две смены. Было организовано посещение уроков, которые расценивались с методической точки зрения. Директор М. В. Котов и завуч С. Н. Чистюнин, неоднократно посещавшие уроки учителей, призывали учителей работать с удвоенной энергией, учитывая, что наши ребята находятся в особых условиях, что они отстали на год — на два в обучении при условиях нормальной жизни. И надо сказать, что учителя относились к порученному делу серьезно, каждый был заинтересован в своем классе.

В мае месяце 1944 г. кончился учебный год, и дети получили отдых, работали на огородах школьных. По всему чувствовалось с 25 июня, что финны оставляют город, и по инициативе учителей в 3-м лагере велась подготовка к встрече Красной армии — шились флажки, готовились букеты цветов, украшались портреты вождей.

29 июня долгожданный день настал.

К сему уч[ительни]ца

Феопентова В. В.

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 76–77. Подлинник. Рукопись.

101. Из протокола допроса М. И. Цыбанова* о его нахождении в лагерях

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда были водворены в финский лагерь?

Ответ: 5 сентября 1941 г. я был мобилизован на оборонные работы Борским РВК г. Горький, 11 сентября 1941 г. я прибыл на оборонное строительство участ[ок] № 2 д. Сельги Сегозерского района КФССР, где проработали до 19 октября 1941 г.; в селе Паданы попали в плен к финским войскам, где нам произвели допрос по следующим вопросам: где работал, кем работал, о частях Кр[асной] армии; на что мной были даны отрицательные ответы, за что Вапель (старшина) ударил два раза плетью и после допроса [меня] направили в военный лагерь [в] К[а]нг[о]созеро** Суоярвского района КФССР, где пробыл 1,5 м[есяца]. В декабре

1941 г. перевели в Святнаволоцкий лагерь № 7. 6 января 1942 г. направили в лагерь № 72, где пробыл 3 месяца. В июне 1942 г. обратно перевели в Святнаволоцкий лагерь № 7, и в сентябре был переведен в Поросозеро в [воинскую] час[ть] 5862. Декабрь 1943 г. — снова в Святнаволоцкий лагерь № 7. В 1944 г. был переведен в г. М[едвежье]горск, пункт [Алуа-Секунты]*, где пробыл до 17 июня 1944 г., 17.06. эвакуировали в деревню Святнаволоку.

Вопрос: Чем Вы занимались в финском лагере?

Ответ: Все время в финском лагере работал я сапожником для лагеря и воинских частей.

Вопрос: Кто из ваших близких знакомых находится в финском лагере?

Ответ: Близких знакомых, которых ранее я знал на гражданке до войны, никого нет. За период нахождения в лагере познакомился с гражданином Балясовым Николаем Лаврентьевичем, возраст 32 года. Уроженец не знаю откуда. Смирнов Михаил, отчество не знаю, возраст около 26–27 л[ет], по национальности еврей, чл[ен] ВЛКСМ, комсомольский билет бросил в период допроса финским офицером (мл[адшим] сержантом), находился вместе со мной на оборонных работах в н[астоящее] время в лагере дер. Святнаволоку.

Вопрос: Расскажите об условиях в лагере.

Ответ: Условия в лагере были очень тяжелые, кормили плохо: давали один хлеб по 150 г и 150 г крупы на 3 дня, украдкой ходили за кониной убитых лошадей на фронте, ели собак, работать заставляли 8 часов.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Часто подвергались избиениям начальником лагеря № 7, по званию капрал, Сергеев Павел Антонович, возраст 30 лет, по национальности ингерманландец, с его слов был судим в Советском Союзе, [приговорен] к расстрелу, но в 1937 г. бежал в Финляндию, который избивал меня вместе с Сариным, Камрас. Сарина и Камрас — звать [по имени] не знаю как. Эти же Сергеев, Сарин, Камрас Антропова Михаила избили до полусмерти и после чего отправил в Петрозаводск в штрафной лагерь.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 305–306 об. Подлинник. Рукопись.

* Цыбанов Михаил Иванович, 1911 г. рождения, уроженец села Бутурлино Бутурлинского района Горьковской области, русский.

** Вероятно, имеется в виду деревня Кангозеро Суоярвского района

*** Очевидно, имеется в виду «военный округ» (фин.).

102. Статья «Белофинская инквизиция в Петрозаводске»*

2 июля 1942 г.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ. Окраины Петрозаводска. До оккупации города это были оживленные, уютные уголки. Теперь здесь размещены фашистские застенки. В двухэтажных деревянных домах, обнесенных колючей проволокой, маннергеймовские прихвостни Гитлера устроили лагеря для русских людей. В этих лагерях собрано почти все русское население, не успевшее эвакуироваться из временно захваченных районов Карелии. Только небольшое число стариков оставлено вне лагерей, но и они обязаны носить розовые повязки на рукавах — отличительный знак для русских людей. С такими повязками на центральных улицах города появляться строго запрещено.

БЕЛОФИНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ. Окраины Петрозаводска. До оккупации города это были оживленные, уютные уголки. Теперь здесь размещены фашистские застенки. В двухэтажных деревянных домах, обнесенных колючей проволокой, маннергеймовские прихвостни Гитлера устроили лагеря для русских людей. В этих лагерях собрано почти все русское население, не успевшее эвакуироваться из временно захваченных районов Карелии. Только небольшое число стариков оставлено вне лагерей, но и они обязаны носить розовые повязки на рукавах — отличительный знак для русских людей. С такими повязками на центральных улицах города появляться строго запрещено.

На днях нам пришлось говорить с людьми, которым удалось выжить из фашистского плена, — то живые скелеты. Голод и пытки сделали их на всю жизнь влеками. Вот что рассказывают советские граждане о белофинской инквизиции в Петрозаводске.

Захватив Петрозаводск, финны первым делом учинили повальный грабёж мирных граждан. Каждый, кто подозревался в какой-либо общественной деятельности, — был казнен. В одном из оккупированных районов финские гитлеровцы расстреляли колхозницу-карелку только потому, что она была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

После того, как прошла полоса грабежей, началась «регистрация населения». Жители поочередно вызывались в полицейские участки, и всех, кто принадле-

жал к русской национальности, немедленно заключали в концентрационные лагеря. В этих лагерях финны установили такой зверский порядок, который обрекает людей на медленное вымирание. Заключенные содержатся в жуткой тесноте — по 40–50 человек в одной комнате, — мужчины, женщины и дети, все вместе. Спят они на голых койках. Рано утром охранники врываются в комнаты и поднимают плетками обесиленных, полусонных людей. Затем их группами водят на работы. Одни идут копать землю, другие — на разборку домов. Детей заставляют убирать улицы.

Разборка домов — самая распространенная работа в Петрозаводске. Финны вывозили уже все ценное, что было у населения. Теперь очередь дошла до построек, которые разбираются, а материалы вывозятся в Финляндию. На улицах Урицкого, Льва Толстого, Кирова и других разобрано свыше ста домов. Ломать дома финны заставляют заключенных. Специальные погонялы вынуждают несчастных работать, не выпрямляя спины. Стоит кому-либо хоть минуту отдохнуть — его избивают до полусмерти. Так продолжается до позднего вечера.

Дневной рацион заключенных — 100 граммов муки. Только один раз в неделю выдается несколько ложек горячей бурды из гнилой картошки, но и та достается не всем. От голода и истощения многие заболевают. Однако жаловаться на болезнь строго запрещено. Как-то заключенный Бритков заболел и попросился было к врачу. Его

куда-то вызвали, но обратно принесли без сознания. Вместо медицинской помощи его жестоко избили. Почти ежедневно в лагере умирает несколько человек. Но группы продолжают подолгу оставаться в камерах.

Самый страшный день в лагере — это воскресенье. В этот день палачи устраивают пьяные оргии. Они врываются в камеры, набрасываются на несчастных людей, избивают их. Возглавляет эти оргии лично начальник лагеря палач Пауль. Дикие крики палачей, стоны истязуемых разносятся в это время далеко за пределы лагеря. И в городе уже знают — это «потошуются» фашистские бандиты.

Несмотря на все старания, оккупантам не удалось посеять рознь между карелами и русскими. Издевательства над русскими вызывают у карел большое возмущение. Рука об руку с русскими они дерутся в партизанских отрядах. Сотни оккупантов уже истреблены народными мстителями Карелии.

Начальник управления восточных районов Карелии Котилайнен издал недавно секретный приказ, повелевший в наши руки. Котилайнен запрещает чиновникам давать какие-либо сведения о положении в оккупированных районах даже финским журналистам. Палач боится гласности своих преступлений, но их не скрыть. Карело-финский народ хорошо осведомлен обо всех делах палача Котилайнена, равно как и делах других маннергеймовских голоуев Гитлера. Народ знает и в скором времени сторицей отплатит.

Л.З. от 2/7-42г.
(«Красная Звезда»).

На днях нам пришлось говорить с людьми, которым удалось бежать из фашистского плена, — это живые скелеты. Голод и пытки сделали их на всю жизнь калеками. Вот что рассказывают советские граждане о белофинской инквизиции в Петрозаводске.

Захватив Петрозаводск, финны первым делом учинили повальный грабёж мирных граждан. Каждый, кто подозревался в какой-либо общественной деятельности, — был казнен. В одном из оккупированных районов финские гитлеровцы расстреляли колхозницу-карелку только потому, что она была участницей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

После того, как прошла полоса грабежей, началась «регистрация населения». Жители поочередно вызывались в полицейские участки и всех, кто принадлежал к русской национальности, немедленно заключали в концентрационные лагеря. В этих лагерях финны установили такой зверский порядок, который обрекает людей на медленное вымирание. Заключенные содержатся в жуткой тесноте — по 40–50 человек в одной комнате, — мужчины, женщины и дети, все вместе. Спят они на голых койках. Рано утром охранники врываются в комнаты и поднимают плетками обессиленных, полуголодных людей. Затем их группами водят на работы. Одни идут копать землю, другие — на разборку домов. Детей заставляют убирать улицы.

Разборка домов — самая распространенная работа в Петрозаводске. Финны вывезли уже все ценное, что было у населения. Теперь очередь дошла до построек, которые разбираются, а материалы вывозятся в Финляндию. На улицах Урицкого, Льва Толстого, Кирова и других разобрано свыше ста домов. Ломать дома финны заставляют заключенных. Специальные погонялы вынуждают несчастных работать, не выпрямляя спины. Стоит кому-либо хоть минуту отдохнуть — его избивают до полусмерти. Так продолжается до позднего вечера.

Дневной рацион заключенных — 100 г муки. Только один раз в неделю выдается несколько ложек горячей бурды из гнилой картошки, но и та достается не всем. От голода и истощения многие заболевают. Однако жаловаться на болезнь строжайше запрещено. Как-то заключенный Бритков заболел и попросился было к врачу. Его куда-то вызвали, но обратно принесли без сознания. Вместо медицинской помощи его жестоко избили. Почти ежедневно в лагере умирает несколько человек. Но трупы продолжают подолгу оставаться в камерах.

Самый страшный день в лагере — это воскресенье. В этот день палачи устраивают пьяные оргии. Они врываются в камеры, набрасываются на несчастных людей, избивают их. Возглавляет эти оргии лично начальник лагеря палач Пауль. Дикие крики палачей, стоны истязуемых разносятся в это время далеко за пределы лагеря. И в городе уже знают — это «потешаются» фашистские бандиты.

Несмотря на все старания, оккупантам не удалось посеять рознь между карелами и русскими. Издевательства над русскими вызывают у карел большое возмущение. Рука об руку с русскими они дерутся в партизанских отрядах. Сотни оккупантов уже истреблены народными мстителями Карелии.

Начальник управления восточных районов Карелии Котилайнен издал недавно секретный приказ, попавший в наши руки. Котилайнен запрещает чиновникам давать какие-либо сведения о положении в оккупированных районах даже финским журналистам. Палач боится гласности своих преступлений, но их не скрыть. Карело-финский народ хорошо осведомлен обо всех делах палача Котилайнена, равно как

и делах других маннергеймовских холуев Гитлера. Народ знает и в скором времени сторицей отплатит.

НА РК. Ленинское Знамя. 1942. № 155 (2 июля). С. 2.

* Статья перепечатана из газеты «Красная Звезда». Автор статьи не указан.

103. Результаты обследования кладбища по Соломенскому шоссе города Петрозаводска*

18 июля 1944 г.

Новое Петрозаводское кладбище расположено в 5 км от города по Соломенскому шоссе. Для характеристики этого кладбища в период с конца 1941 года по 28 июня 1944 года, т. е. с момента оккупации г. Петрозаводска финнами и его освобождения Красной армией приведем следующую таблицу:

Общее количество крестов	Возраст						№№ лагерей						Откуда родом					муж.	жен.	дети				
	от 0 до 5	от 5 до 15	от 15 до 25	от 25 до 40	от 40 до 60	от 60 и выше	1	2	3	4	5	6	Вознесенье	Свирь	Подпорожье	Заонжье	Прионежье				Винница			
1128	158	70	52	45	207	127	2	2	39	4	132	15	84	13	69	10	1	3	322	400	248			
	325			334																		970		

Эти данные далеко не полные, так как не на всех могилах поставлены кресты, да и трудно было ставить их, ибо в одну траншею обычно сваливали до 100 и более гробов; не на всех крестах сохранились надписи.

Следует отметить, что наибольшая смертность падает на 1942 г. В этом году, по данным не точным, умерло, главным образом от голода, 360 человек.

Процесс погребения, по словам очевидцев, был следующий: официальные дни погребения — вторник, четверг, суббота. К этим дням обычно скапливалось до 70 гробов и рылась длинная траншея. Гробы укладывались следующим образом: вначале — большие гробы, потом — поменьше и так до четырех рядов. Гробы с детьми от младенческого возраста укладывались как попало, в свободные от больших гробов места — в головы, в ноги, по бокам.

На крестах могил сохранились многочисленные надписи, свидетельствующие о страшных мучениях, пережитых пленными советскими людьми в дни оккупации г. Петрозаводска. Приведем полностью несколько надписей:

«Умерший от раны в груди Александр Иванович Демехин 11 лет, род[ился в] 1930 г., убит 1942 г. 21/X в 5 лагере ст[анции] Петрозаводск» (квадрат 5)

«Здесь похоронены дети Спиридоновы: дочь Нина, род[илась в] 1935 г. в г. Подпорожье Лен[инградской] обл[асти] река Свирь, скончалась 11/X 1943 г., сын Лёня, род[ился в] 1937, скончался 11/X 1943 г., сын Толя, род[ился в] 1940 г., ск[ончался] 8/IX 1943 г. в г. Петрозаводске».

«Здесь погребена девица Татьяна Петровна Комарова 19 лет от роду, скончалась 17 ноября 1942 г. в 5-м лагере пленных. Мир праху твоему, дорогая соседка (родные, ищите могилу мою)».

«Здесь погребена Любовь Захаровна Щанная. Веку ей было 41 год. Скончалась 13 июня 1942 г., 5-й лагерь плененных. Кто сирот нас приголубит, милая наша мама».

«Здесь погребена раба Божия Анна Гавриловна Сафронова 45 лет от роду, скончалась 29 сентября 1943 г. (река Свирь, с. Хевроньино), 5-й лагерь пленных. Твоя скорая смертушка опечалила всех нас, детки стали сиротинушками, муж не знает, что находится у врага мы в лагерях. Спи сестрица наша маменька во С. Песках».

«Евдокимова Ирина Григорьевна, родилась в 1942 г., скончалась в 1943 г.

Спи моя милая крошка/ Крепкий, спокойный твой сон,/ Но спать уложили навеки/ Голод, неволя и плен».

«Здесь погребен младенец Галина Ивановна Богданова, рож[денная] в 1940 г., скон[чалась] 1942 г. 1 июня в 5-м лагере пл[енных] (река Свирь, пос. Вознесенье).

Спи во гробе дорогая, /Знать судьба твоя такая. /Мама плачет по тебе, /Папа бьется на войне».

А. Шварев
ред[актор] газ[еты] «Ленинское знамя»

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 10–12. Подлинник.

Опубл. частично: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 103–104.

* Собственное название документа.

104. Из акта эксгумации трупов при вскрытии захоронений военнопленных и заключенных петрозаводских концлагерей — о захоронениях на кладбище Пески

г. Петрозаводск

20–22 июля 1944 г.

Комиссия под председательством депутата Верховного Совета СССР тов. Дильденкина Н. А. и членов: представителя городского совета тов. Степанова Г. Г., профессора Петрозаводского университета тов. Базанова и представителя Чрезвычайной государственной комиссии тов. Макарова В. Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, майора медицинской службы Петропавловского В. Н., главного патолога Карельского фронта, подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариель М. Б., судебно-медицинского эксперта н-ской* армии, майора медицинской службы Яковлева В. В., армейского патологоанатома, капитана медицинской службы Виленсон Б. А., помощника главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, старшего лейтенанта медицинской службы Борисова И. Н. и лейтенанта медицинской службы Комаровой В. Г., произвели исследование эксгумированных трупов на кладбищах советских военнопленных и советских гражданских лиц, заключенных финско-фашистскими оккупационными властями в концентрационные лагеря. Кладбище Пески на 6-м км шоссе Петрозаводск — Соломенное. Большинство могил представляют из себя сплошные холмы шириною до 3 м и длиною в несколько десятков метров. На могильных холмах имеется большое количество беспорядочно расставленных крестов с надписями на русском языке. [Н]а многих надписях указано, что умерший погиб в финском плену. Та-

кого же характера надписи имеются на детских могилах, [дети] возраста от 1 до 5 лет. При раскопке могил установлено, что трупы хоронились в деревянных гробах. Гробы расставлены в могилах параллельно и располагаются друг за другом в 3–4 ряда. На площади могильного холма размерами 2,5 на 9,5 м зарыто 35 гробов. Глубина погребения от поверхности 1 гроба не более 30–40 см. Количество крестов и надписей не соответствует количеству гробов. Так, в 5-м ряду от восточной стороны под двумя крестами и тремя дощечками с указанием фамилий похороненных обнаружено 18 гробов, из которых 5 детских и 13 взрослых. В западном конце кладбища обнаружен ров размерами 2,5 на 9,5 м и глубиной 1,2 м. В одном конце ров заполнен гробами и засыпан тонким слоем земли. Всего на кладбище Пески эксгумировано 137 трупов. Трупные изменения указывают, что погребение производилось около 2 лет назад, кроме одного умершего от эмпиемы плевры в мае 1944 г. Из общего количества эксгумированных трупов: мужчин — 41, женщин — 55, пол не установлен — 6, детей — 35. По возрастному составу группы эксгумированных распределяются следующим образом: детей от 1 года — 22, от 5 до 20 лет — 12, от 20 до 50 лет — 62, свыше 50 лет — 37, возраст не установлен в 4 случаях. Посмертные изменения трупов шли по типу образования жировоска. Хорошо выраженный жировоск был обнаружен в 7 случаях. Плохо выражен в 32 и отсутствие жировоска в 98 случаях. Травматических повреждений костей на трупах, эксгумированных на кладбище Пески не обнаружено. [...]**

Заключение: На основании произведенного судебно-медицинского исследования эксгумированных трупов приходим к следующему заключению.

На кладбище Пески гробы зарывались в общую, заранее подготовленную могилу, которая заполнялась постепенно по мере накопления умерших. Гробы располагались в 3–4 ряда. Большинство умерших относится к молодому и среднему возрасту. Судя по тому, что трупы находились в одинаковых почвенных условиях, способствующих образованию жировоска, а явления жировоска выражены лишь в небольшом количестве трупов и то в слабой степени, считаем, что причиной смерти абсолютного большинства погребенных являлось истощение. Примерно одинаковый характер изменения и способ погребения указывает на массовую смертность, имевшую место среди пленных советских граждан. Количество крестов и других отметок на могилах не соответствует количеству погребенных, а именно количество трупов значительно больше. [...]

Таким образом, комиссия устанавливает: 1. Массовую смертность среди советских военнопленных и гражданского населения, заключенных финскими оккупационными властями в концентрационные лагеря и лагеря военнопленных. 2. Причиной смерти военнопленных и гражданского населения в огромном большинстве случаев являлось истощение. 3. В лагерях имели место побои и случаи убийств военнопленных огнестрельным и холодным оружием. 4. Погребение производилось беспорядочно, а военнопленные хоронились без гробов и без одежды.

Депутат Верховного Совета СССР

Дильденкин^{3*}

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 1–4. Подлинник. Машинопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград. 1945. С. 114–118.

* Так в документе.

** Опущены фрагменты документа о вскрытии захоронений военнопленных в Томицах и на кладбище Соломенского кирпичного завода.

^{3*} Далее следуют подписи всех членов комиссии.

А К Т.

Город Петрозаволск.

20-21-22 июля 1944 г.

Комиссия под председательством Депутата Верховного Совета СССР тов. Дильденкина Н.А. и членов Председателя Городского Совета тов. Степанова Г.Г., профессора Петрозаводского университета тов. Вазанова и представителя чрезвычайной государственной комиссии тов. Макарова В.Н. с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта - майора медицинской службы Петропавловского В.Н., главного патолога Карельского фронта подполковника медицинской службы, доктора медицинских наук Ариель И.Э., судебно-медицинского эксперта и-ской армии - майора медицинской службы Яковлева В.З., армейского патолога-анатома капитана медицинской службы Вилевсон В.А., помощника главного судебно-медицинского эксперта Карельского фронта, старшего лейтенанта медицинской службы Воробьева И.И. и лейтенанта медицинской службы Комаровой В.Р. произвели исследование эксгумированных трупов на кладбищах советских военнопленных и советских гражданских лиц, заключенных в финско-фашистскими оккупационными властями в концентрационные лагеря. Кладбище "Пески" на 6 километре юго-востока от Петрозаводск-Соломенное. Большинство могил представляют из себя сплошные холмы шириной до 3-х метров и длиной в несколько десятков метров. На могильных холмах имеется большое количество беспорядочно расставленных крестов с надписями на русском языке. Во многих надписях указано что умерший погиб в финском плену. Такого же характера надписи имеются на детских могилах возраста от 1 до 5 лет. При раскопке могил установлено, что трупы хоронились в деревянных гробах. Гробы расставлены в могилах параллельно и располагаются друг над другом в 3-4 ряда. На площади могильного холма размерами 2,5 на 9,5 метра зарыто 35 гробов. Глубина погребения от поверхности 1 гроба не более 30-40 сантиметров. Количество крестов и надписей не соответствует количеству гробов. Так в 5 ряду от восточной стороны под двумя крестами и 3 дощечками, с указанием фамилий похороненных, обнаружено 18 гробов, из которых 5 детских и 13 взрослых. В западном конце кладбища обнаружен ров размерами 2,5 на 9 м. и глубиной 1,2 м. В одном конце ров заполнен гробами и засыпан тонким слоем земли. Всего на кладбище "Пески" эксгумировано 137 трупов. Трупные изменения указывают, что погребение производилось около 2-х лет тому назад, кроме одного, умершего от эмфиземы плевры в мае 1944 г. Из общего количества эксгумированных трупов мужчин - 41, женщин - 55, пол не установлен - 6 и детей - 35. По возрастному составу группа эксгумированных распределяется следующим образом: детей до 1 года - 22, от 5 до 20 лет - 12, от 20 до 50 лет - 62, свыше 50 лет - 37, возраст не установлен в 4 случаях. Посмертные изменения трупов шло по типу образования жировоска. Хорошо выраженный жировоск был обнаружен в 7 случаях. Плохо выражен в 32 и отсутствие жировоска в 98 случаях. Травматических повреждений костей на трупах эксгумированных на кладбище "Пески" не обнаружено.

Кладбище военнопленных лагеря "Томпир", расположено в 300 м. от барачков, в лесу. На кладбище имеется 3 параллельных ряда крестов общим количеством 335. На крестах имеются надписи латинским шрифтом указывающие на имя, отчество и фамилию погребенного и № военнопленного. На некоторых крестах имеется лишь только №. Грунт кладбища крупно-каменистый, подпочвенная вода обнаружена на глубине 50-55 с/м. На глубине 25-30 с/м. обнаружены кости человеческих скелетов, частично покрытые черной маркой, легтеобразной массой. Кости расположены беспорядочно; так местами у черепов обнаружены кости бедра. Местами кости покрыты слоем грязной соломы. Остатков гробов и одежды не обнаружено. При осмотре черепов в одном случае обнаружены два дефекта, один расположенный на 2 с/м вправо от затылочного бугра имеет округлую форму размерами 0,8 на 1,1 с/м. От этого дефекта расходятся трещины в теменных костях илуще в стороны по направлению к височным костям. В чешуе левой височной кости имеется дефект неправильной звездчатой формы размерами 2 на 2 с/м. Край костных дефектов желтовато-серого цвета, покрыты землей. Кладбище Соломенского кирпичного завода расположено вправо от дороги ведущей на этот завод из Города Петрозаволск в полтора километрах от заводского поселка Могила, в которой производились раскопки указана гр. Когачевым С.Д., который рассказал, что зимой 1942 года, когда он приезжал сюда для похорон трупов, умерших в лагрях, он видел, что советские военнопленные под конвоем финских солдат, хоронили умерших в лагерях военнопленных. По словам Когачева военнопленные были резко истощены. Имели место случаи, когда военнопленные рывали могилы падали и закапывались вместе с трупами. При вскрытии могилы обнаружены, что на глубине 40 с/м. от поверхности находятся в беспорядке кости человеческих скелетов. Каких либо остатков гробов или одежды в могиле не обнаружено. Один труп лежал лицом кверху с раскинутыми руками и ногами и был одет в красноармейскую шинель и одежду летнего военного образца и красноармейских ботинок. В карманах шинели обнаружены полустертые документы, перочинный нож и два запала от ручных гранат. При осмотре этого трупа в левой височной области обнаружен перелом костей черепа, отломки костей вдавлены внутрь. От этого участка отходит трещина в направлении к орбите, затылочной и теменной костям. На двух черепках, в которых отсутствовали резцы, имеется отлом альвеолярных отростков. Край надломы на челюсти грязно-зеленого цвета покрыты землей. На одной из обнаруженных лопаток краевой перелом полудугой формы у клювовидного отростка. Размер дефекта на внутренней поверхности 0,9 с/м., на наружной 0,8 с/м. Отломки костей по краям дефекта зеленовато-желтого цвета покрыты землей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: На основании произведенного судебно-медицинского исследования эксгумированных трупов приходим к следующему заключению:

На кладбище "Пески" гробы зарывались в обшук за ранее приготовленную могилу, которая заполнялась постепенно по мере накопления умерших. Гробы располагались в 3-4 ряда. Большинство умерших относятся к молодому и среднему возрасту. Судя потому, что трупы находились в одинаковых почвенных условиях способствующих образованию жировоска, а явления жировоска выражены лишь в небольшом количестве трупов и то в слабой степени,

считаем, что причины смерти абсолютного большинства погребенных являлось истощение. Примерно одинаковый характер изменений и способ погребения указывают на массовую смертность, имевшую место среди пленных советских граждан. Количество крестов и других отметок на могилах не соответствует количеству погребенных; а именно, количество трупов значительно больше.

На кладбище "Томщи" погребение производилось беспорядочно на глубину 0,5 метра до дна могилы. В некоторых могилах, помеченных крестами вовсе не обнаружено остатков трупов, между тем как в других местах количество обнаруженных трупов превышает количество крестов. Массовость погребения, относящаяся примерно к одному и тому же времени указывает на большую смертность среди советских военно-пленных, заключенных в лагеря финско-фашистскими оккупационными властями. Отмеченное выше сквозное повреждение черепа является огнестрельным. Входное отверстие расположено в затылочной области, выходное в левой височной. Повреждение относится к разряду безусловно смертельных и нанесено оно, судя по размерам входного отверстия из оружия калибра 9 мм.

Погребение советских военнопленных на кладбище Соломенского кирпичного завода производилось также беспорядочно. Трупы хоронились без гробов и без верхней и нижней одежды, кроме одного находившегося во верх костей в верхней части могилы. Повреждение черепа, обнаруженное у трупа одетого в шинель является следствием удара тупым предметом в область левого виска. Этот удар сопровождавшийся значительным повреждением костей черепной коробки является безусловно смертельным. Краевой перелом лопатки является следствием огнестрельного ранения, при чем, пуля вошла со стороны задней поверхности лопатки. Ход пулевого канала ввиду полного разрыва мягких тканей и расчленения костей скелета установить невозможно. Обнаруженные на двух черепах перелом альвеолярных отростков верхних челюстей соответственно отсутствующим передним зубам указывает на то, что они (переломы) явились следствием сильных ударов тупым предметом в эту область.

Таким образом комиссия устанавливает: 1) массовую смертность среди советских военно-пленных и гражданского населения заключенных финскими оккупационными властями в концентрационные лагеря и лагеря военнопленных. 2) Причины смерти военнопленных и гражданского населения в огромном большинстве случаев явилось истощение. 3) В лагерях имели место побои и случаи убийств военнопленных огнестрельным и холодным оружием. 4) Погребение производилось беспорядочно, а военнопленные хоронились без гробов и без одежды.

ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР - (ДЫЛЬДЕРСКИЙ) - *Дильдерский*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА (СТЕПАНОВ) - *Степанов*

ПРОФЕССОР ПЕТРОЗАВОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (БАЗАНОВ) - *Базанов*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ (МАКАРОВ) - *Макаров*

ГЛАВНЫЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА МАЮР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ (ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ) - *Петропавловский*

ГЛАВНЫЙ ПАТОЛОГ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА ПОДПОЛКОВНИК МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК (АРИЕЛЬ) - *Ариель*

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ Н-СКОГО АРМИИ МАЮР МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ (ЯКОВЛЕВ) - *Яковлев*

АРМИЙСКИЙ ПАТОЛОГО-АНАТОМ КАПИТАН МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ (ВИЛЕНСОН) - *Виленсон*

ПОМОЩНИК ГЛАВНОГО СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ (БОРИСОВ) - *Борисов*

ЛЕЙТЕНАНТ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ (КОМАРОВА) - *Комарова*

105. Из справки о работе Петрозаводского горкома КП(б) в июле 1944 г. об оккупационном режиме в городе

Не ранее 28 июля — не позднее 1 августа 1944 г.

[...] После проведения бесед, разъясняющих итоги трех лет войны, были проведены беседы агитаторами на тему «О зверствах немецко-финских захватчиков». Эти беседы агитаторов вызвали оживленный обмен мнениями среди присутствующих. Например: на беседе у агитатора т. Яковлева (парторганизация Управления полиграфии), где присутствовало 135 человек, присутствующие на беседе зачитали песни, которые бытовали в концлагере и отражали нечеловеческие страдания, которым подвергались наши советские люди. После беседы агитатора выступила т. Парфенова, 68 лет, жившая в лагере № 3, она сказала следующее: «Мне 68 лет, три моих сына и три зятя защищают нашу Родину. Финны не считались с моим возрастом и гоняли меня на работу, платили по три марки в день, работали [мы] по 12 часов без отдыха, хлеба первые два года выдавали мало, получали сахар на детей, и мы променивали на хлеб, умирало в лагере ежедневно по 80–100 человек. Украдкой уходили за колючую проволоку собирать по помойкам мерзлую гнилую картошку и капусту. Если кто был замечен, избивали до полусмерти. [...]

Тов. Басарина рассказала, как ее избил финский офицер: «Подошла к проволоке, а он увидел и подзывает. Ударил кулаком в зуб, выбил мне 3 зуба и начал терзать. Кровь хлынула изо рта. Если бы не убежала, избивали бы до смерти».

«Молодая девушка, 16 лет, собиралась убежать из лагеря в город без разрешения, это заметил часовой — ее посадили в будку, совершенно раздетую в холодную зимнюю морозную ночь. Хлеба не давали, принесли ведро холодной воды».

Присутствующие на беседе в один голос заявили, что в церковь лагерников гоняли с патрулями, на кладбище хоронить родных не пускали, еще много фактов издевательств финнов над беззащитными советскими людьми рассказывали присутствующие. [...]

При проведении бесед на указанную тему среди населения, живущего в центре города, было меньше выступлений, так как эта часть населения находилась в привилегированном положении и не испытывала всех ужасов рабства. Среди отдельных из них проскальзывала мысль, что финны били в лагерях тех, кто заслуживал наказания, а без дела не били. Как, например, в беседе с агитатором т. Лялиным (парторганизация Гос[ударственного] контроля) гр[ажданка] Ткаченко, проживающая в доме № 28-а по ул. Калинина, при финнах жившая с офицерами финской армии, на вопрос агитатора, какие случаи ей известны издевательств финнов, ответила «били тех, кто этого заслуживает», на вопрос как она жила при финнах, ответила «неплохо». Но были и такие семьи в городе, которых финны частично притесняли, например у гр[ажданки] Пядиной Татьяны Егоровны, по национальности вепса, отобрали принадлежащую ей корову и держали ее целый год и только лишь после того, как Пядина привезла из прежнего места жительства свидетельствующие данные, что корова принадлежит ей, корова была возвращена.

В результате тонко проводимой финнами политики натравливания карельской части населения (карел, вепсы) на русских и сейчас чувствуется некоторое недоверие, которое главным образом проявляется в суждениях об условиях жизни населения г. Петрозаводска во время оккупации его финскими захватчиками, например: при беседе агитатора т. Боровенкова по Красноармейской улице, одна русская женщина, жившая раньше в концлагере, рассказала как тяжело ей жилось при финнах, как жили там люди в постоянном страхе за свою жизнь, как били их плетками за малейшее ослуша-

ние, сажали в карцер, морили голодом. Она рассказала, как обидно было ей, честной советской женщине, ходить по городу под конвоем и слушать, как жившие на свободе в городе смеялись над ними и кричали «лагерников ведут» [...].

Секретарь Петрозаводского горкома КП(б)

Дильденкин

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1169. Л. 6–8. Подлинник. Машинопись.

106. Из докладной записки секретаря Петрозаводского городского комитета КП(б) КФССР Н. А. Дильденкина первому секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянову «О хозяйничаньи финско-фашистских захватчиков в городе Петрозаводске»

5 августа 1944 г.

[...] Оккупировав часть территории республики, финские разбойники начали собирать народ по районам и насильно отвозить его в Петрозаводск. Привозилось население не только с оккупированной территории КФССР, но и с Ленинградской области. Привезенный народ размещали на окраине города за колючей проволокой. Таким путем было создано на территории Петрозаводска 6 лагерей с количеством населения 18–20 тыс[яч] чел[овек], в том числе более 60% стариков, женщин и детей.

В лагеря свозили людей зимой при 40-градусном морозе, вместе со всем населением были дети и престарелые. Кто оказывал сопротивление и не хотел подчиниться финским властям, был расстрелян. При отправке в лагеря финны разграбили все имущество и продовольствие граждан, выдав на руки фальшивые квитанции. Так гр[аждан]ка Федосьева рассказывает: «6 декабря 1941 года население начали эвакуировать, т. е. свозить в лагеря, в то время все наше имущество разграблялось. Белофинны врываются по 3–4 человека в квартиры в пьяном виде, разрывали вещи и лучшие уносили. 2 декабря 1941 г. 3 белофинна ворвались в мою квартиру и унесли 3 пары валенок. 4 декабря они снова забрали мужское белье и избивали мою сестру. 14 декабря нас выгнали из квартир и избивали мою мать 66-летнюю старуху, а 15 декабря от нас отобрали все».

Такие факты грабежа были не единичны. Если что и удавалось населению довести до города, то все их имущество отбиралось при поступлении в лагерь. Финны заставляли все складывать к штабу и объявили, что [это] имущество штаба.

Центр города занимали господа финны и их подручные, на Кукковке — южные окраины города Петрозаводска, — здесь содержалось свыше 1000 чел[овек] заключенных советских граждан.

Лагерь № 2 — находился в местечке Северная Точка. Под штаб и жилые помещения занималось 10 двухэтажных домов и ряд мелких жилых домов. Второй лагерь являлся лагерем штрафным, поэтому режим был наиболее строгий и направлялись сюда «провинившиеся» советские граждане, в этом лагере было размещено более 3000 чел[овек].

Лагерь № 3 — расположен был в вузовском городке и домах лыжной фабрики. С общим количеством домов 52, из них 26 больших двухэтажных и 26 маленьких домов, здесь содержалось около 3000 человек советских граждан.

Лагерь № 4 — расположен был на территории рабочего поселка Онегзавода по ул. Калинина, здесь содержалось тоже более 3000 чел[овек] советских граждан.

Лагерь № 5 — находился на территории железнодорожного поселка, занимали 24 двухэтажных дома и около 40 маленьких одноэтажных домов. Это был наиболее крупный лагерь в городе, здесь содержалось 7–8 тыс[яч] чел[овек] советских граждан.

Лагерь № 6 – расположен на территории поселка «перевалочная биржа» и занимал 13 домов, где содержалось до 3000 советских граждан. В каждом лагере была устроена «будка» – тесное холодное темное помещение, куда сажали за малейшие проступки тюремного лагеря, независимо от возраста.

Территория всех лагерей была густо обнесена колючей проволокой в несколько рядов, на углах лагерей были выстроены наблюдательные вышки (в каждом лагере по 4), где круглые сутки стояли вооруженные финские патрули. Кроме этого, вдоль колючей проволоки все расстояние патрулировалось, а у входа находился часовой, вооружившийся автоматом.

Таким образом город был превращен в концентрационный лагерь, в котором было сосредоточено русское население от малых детей до стариков.

В этих лагерях имелись дети и взрослые люди, все считались пленными и никаких прав не имели. [...]

Население лагерей жило под вечным страхом расстрела, избиения или голодной смерти, при самовольном выходе за проволоку часовые стреляли без предупреждения.

Пытки и издевательства были обычным явлением в жизни лагеря. К ним установлены специальные виды наказания для провинившихся – плети, голодный паек, будка холодная, тюрьма и расстрел. [...] При наказании не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Так зимой 1943 г. финскими патрулями были застрелены мальчик и девочка 8 и 11 лет якобы за то, что они вышли за проволоку. Порка за этот вид проступка была обычным явлением. Жители лагеря № 6 (ниже – поселка № 6) Бокова, Воронова, Худяшева заявляют: «Кроме взрослых были избиты все дети, очень мало осталось таких счастливых, которые не испробовали резиновые плетки с железными наконечниками». [...]

Финны не щадили детей и в других мерах наказания, они сажали их также как взрослых в «будку» и заключали в тюрьму.

Тоже жители лагеря № 6 Боронцева, Быкова и Федорова рассказывают: «В мае месяце 1944 года все дети школьники были посажены в будку и их водили туда в течение целой недели за то, что кто-то из ребят бросил камнем в финского патруля. По неизвестным причинам были посажены в тюрьму Безмеков Анатолий, Каменев Владимир, Богданова Таисия и Пешков Николай и многие другие».

[...] Николаев Иван Петрович, проживающий в поселке № 5 (ранее – лагерь № 5) рассказывает: «Первый раз меня били в июне 1943 г. за то, что финнам стало известно о нашем намерении бежать и после этого нас, как беглецов, били почти ежедневно, начиная от охранника, кончая бригадиром. Однажды меня избили за то, что в костре оказалось одно полено длиннее других на 1 см, а вообще сколько меня били, я потерял даже счет».

Гр[аждани]н Анисимов рассказывает: «К ним я попал 28 ноября 1941 г и был заключен в лагерь № 4, за отлучку из лагеря я был заключен в тюрьму, где нас избивали. Сразу же при водворении нас с товарищем в тюрьму мы получили 20 ударов плеткой по голове. Брата моего, Анисимова Ивана, избили ночью на допросе [так сильно], что утром он умер».

В своей дикой злобе к русскому народу финны дошли до такого садизма, что устраивали показательные порки.

Гр[аждани]н Парфенов, заключенный во 2-м лагере, рассказывает: «В мае 1942 г. поступил новый комендант лагеря Салисмаа. Он на площади среди лагеря устроил показательное избиение детей за уход из лагеря просить милостыню. Были дети от 8 до 12 лет, около 10 человек. Два солдата бросали ребенка на землю, и он собственноручно избивал их плеткой. Одну девочку лет 9 избил до потери сознания, а девушку Спинову Анну, за то, что зашла в магазин купить спичек, избил так, что она лечила раны от побоев 2 месяца».

Железнодорожник – рабочий Музыкаченко П. [Т] рассказывает: «Финны долго спрашивали меня и требовали показать, где спрятано оружие, так как считали меня военнопленным. Не добившись нужного ответа, финский офицер заставил снять с ног валенки, носки, лечь на койку. Когда я все это сделал, он вытащил из плиты прут накалированного железа и начал жечь пятки, после чего отвел к накаленной плите и низко нагнул [мое] лицо над ней, требуя признаться, где спрятано оружие». [...]

Особо тяжелые были условия на лесозаготовках в местечке Кутижма и Вилга, куда направлялись из лагерей города «провинившиеся», по мнению финнов. Здесь условия были еще хуже, порядки строже, народ попадал в полную власть лесопромышленников. [...]

За попытку уйти с заготовок или отклониться от работы избивали до смерти перед глазами всех работающих на лесозаготовках с тем, чтобы другие, как выражались финны, учились.

Кауров П. Т., высланный в лагерь на лесопункте Вилга, рассказывает: «В этом лесопункте нас, лагерников, собралось человек 300 мужчин и женщин. Лесопункт был обтянут колючей проволокой в 10 рядов, охрана военная, дисциплина также (весь распорядок по звону колокола). Я не буду рассказывать о [обо] всех избиениях, о пытках заключенных, а приведу два примера, которые навсегда останутся в памяти – это зверское убийство 2 ребят, полудетей, которое было продемонстрировано бандитами на глазах всего населения лагеря лесопункта. Мальчик – Петр Пелипенко (из 2-го лагеря гор. Петрозаводска), лет 15–16, задумал повидаться с родными и ушел в город, где и был пойман и привезен в Вилгу. Построив всех заключенных в шеренги, мальчика вывели перед строем и офицер – лейтенант, начальник лесопункта Арви Мальмиваара после соответствующей речи о недопустимости побегов собственноручно набросился на мальчика и начал его избивать. После избиения схватил за горло и душил до тех пор, пока Петр не потерял сознание и упал на землю. Тогда офицер-убийца приказал конвоиру солдату застрелить мальчика на глазах у всех, солдат дважды выстрелил из винтовки.

Второе убийство было учинено над 16–17-летним Петром Пустоваловым, который, не перенося бесчеловеческих условий жизни, из лесопункта сбежал, но финскими солдатами был возвращен обратно. Избитого до полусмерти подростка провели на площадь перед народом, сбили с ног и после этого одним выстрелом в голову убили его». [...]

Финские правители посадили население лагерей на голодный паек. Установленной нормы хватало на то, чтобы умереть медленной голодной смертью. Хлеба давалось очень мало, а другие продукты питания совершенно отсутствовали.

Русанов И. И. рассказывает – при взятии меня в плен в течение 45 дней хлеба нам совершенно не давали, кормили болтушкой из ржаной муки и бумаги, ее давали два раза в день по 200 г на человека.

Гр[ажданка] Сенина А. рассказывает, что хлеб давали по 300 г, 30–35 г мяса в неделю и все, что мы получали. Маленькие дети, нуждающиеся в молоке, его совершенно не видали, а довольствовались тем же скудным пайком. [...]

Гр[аждан]ка Фирсова Пелагея Ивановна рассказывает, что от голода, болезней она потеряла в течение 1941 года и 1942 года 9 человек своих родных. [...]

Финские изверги организовали, как будто заботясь о сиротах, детский дом, но установили там палочный режим. Вот что пишут дети: «[В] 1941 году в сентябре месяце мы попали в плен к финским фашистам. Нас из Ленинградской области привезли в Петрозаводск, посадили в лагерь. Отцы наши служат в Красной армии, а матери умерли в концлагерях в городе Петрозаводске. После смерти матери нас всех поместили в детский дом для русских детей в городе Петрозаводске. Заведующая детским домом и воспитательницы были финками. Они над нами издевались. Заведующая детским домом Сейма Кангас и воспитательницы детдома Вера Калио и Анна Лукконен

систематически нас избивали. Белова Александра и Киселева Виктора избивали более [30] раз. А иногда несколько раз в день. Избивали до крови так, что они не могли сидеть. Серову Нину, Арефьева Николая били за то, что они не умели читать по-фински. Били нас вицами*, палками. Мы учились в финской школе на финском языке. Нам было трудно учиться по-фински и тех, кто не успевал в школе, били палкой, линейкой по рукам, били по щекам, таскали за волосы. Часто детей закрывали в комнату с грязным бельем и по целым дням не давали есть. [...]

Секретарь Петрозаводского ГК КП(б) КФССР

Дильденкин

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1169. Л. 30–36. Подлинник. Машинопись.

* Прут, розга.

107. Из «Спецзаписки о зверствах и издевательствах немецко-финских захватчиков в городе Петрозаводске за период оккупации (октябрь 1941 – июнь 1944 г.)», составленной наркомом государственной безопасности КФССР А. М. Кузнецовым

11 июля 1944 г.

Совершенно секретно

Столица Карело-Финской ССР город Петрозаводск был захвачен оккупантами 2 октября 1941 года и освобожден Красной армией 28 июня 1944 года. Ворвавшись в город, немецко-финские захватчики превратили отдельные кварталы этого цветущего города в пепелища и развалины.

С первых дней своего хозяйничанья белофинны все оставшееся население города согнали в концлагеря, а их имущество разграбила, разворовала белофинская армия. [...]

Немецко-финские захватчики создали на окраинах города Петрозаводска шесть концентрационных лагерей, заключив в них около 25 тысяч мирного советского населения, в том числе более 60 процентов стариков, женщин и детей.

Первый – концлагерь находился на южной окраине города Петрозаводска (Кукковка), где содержалось свыше 1000 чел[овек] заключенных советских граждан, размещенных в бараках этого поселка.

Второй – это был штрафной концентрационный лагерь, находился в рабочем поселке Северная Точка, где содержалось более 3000 человек наиболее «провинившихся» советских граждан, размещенных в сохранившихся зданиях этого поселка.

Третий – концлагерь находился в рабочем поселке лыжной фабрики, где содержалось также более 3000 человек советских граждан.

Четвертый – концлагерь находился на территории рабочего поселка Онег-завода по улице Калинина, где содержалось около 3000 человек советских граждан.

Пятый – концлагерь находился на территории рабочего поселка Кировской железной дороги, где содержалось 7000–8000 человек советских граждан, это был один из крупнейших концлагерей, расположенных в городе.

Шестой – концлагерь находился на территории поселка «Перевалочной биржи», где содержалось до 3000 чел[овек] советских граждан.

Все вышеперечисленные концлагеря, которые были созданы немецко-финскими захватчиками в городе Петрозаводске, были о[б]несены высокими заборами из колючей проволоки, и никто из зоны концлагеря не мог куда-нибудь уйти.

В концлагерях установлен был жесточайший режим, на работу и с работы заключенных выводили только под конвоем, все «трудоспособное» население лагеря мужчины, женщины, старики и дети в 7 час[ов] утра выгонялось на различные черновые работы. Администрация концлагерей абсолютно не считалась ни с какими жалобами больных, престарелых и детей, которые не в состоянии были выходить на работы, и всех силой заставляли работать. Рабочий день длился 12–14 часов, причем за выполняемую работу заключенное в концлагеря население в течение 1941 и 1942 гг. не получало никакой оплаты. Допрошенный по этому вопросу свидетель* Борисов Иван Алексеевич, 1910 года рождения, русский, находившийся в 5-м концлагере с 8 ноября 1941 года по день освобождения показал: «Режим в лагере был установлен такой: на работу выводили в 7 часов утра и кончали работать в 16–18 час[ов]. Первый год нам за работу ничего не платили, а потом стали платить по 7 финских марок в день. Ходить свободно мы могли только в черте лагеря, обнесенного колючей проволокой, выходить в город нам не разрешалось, а если пойдешь самовольно, то патрули, охранявшие лагерь, прямо стреляли из винтовок. Иногда в выходной день на весь лагерь давали 5–10 пропусков на выход в город, но их получали угодные люди начальству».

Заключенное в концлагеря население было размещено настолько скученно, что в одной комнате 15–20 м² находилось от 20 до 25 человек т. е. на одного человека приходился один квадратный метр жилплощади, в результате такой скученности и созданных невыносимых нечеловеческих условий жизни в концлагерях быстро распространились различные заразные болезни (дизентерия, сыпной тиф, цинга и т. д.).

О невыносимых, нечеловеческих условиях, которые были созданы белофинскими властями в концлагерях, свидетель Лахина Екатерина Васильевна, 1900 года рождения, которая находилась в концлагере № 5 с декабря 1941 г. по 11 апреля 1944 г. и с 11 апреля 1944 г. по 28 июня 1944 г. в 1-м концлагере, показала: «Жилищно-бытовые условия в концлагере № 5 были невыносимые, в комнатах от 15 до 20 м² проживало по 6–7 семей, что составляло от 20 до 25 чел[овек], т. е. на одного человека приходился один квадратный метр жилплощади. Бани в лагере не было, прачечной не было, воду брали из непротечного ручья, в котором валялись человеческие трупы, оставшиеся после боев. Мыла совершенно не выдавали. У всех без исключения пленных была массовая вшивость. В результате невыносимых нечеловеческих условий в лагере болезни приняли массовый характер, как-то: цинга, дизентерия, сыпной тиф и т. д.»

В результате жесточайшего режима, невыносимых нечеловеческих условий, издевательств и зверства, голода и массовых эпидемических заболеваний во всех концлагерях, находившихся в городе Петрозаводске, шло массовое истребление мирных советских граждан. Во всех концлагерях ежедневно умирали десятки людей, трупы умерших свозили на кладбище Пески по два-три раза в неделю, из каждого лагеря причем вывозилось от 25–50 гробов.

Очевидец Коломенский Алексей Прокофьевич, находившийся в 5-м концлагере с 1 декабря 1941 г. по 28 июня 1944 г., работавший бригадиром возчиков, заявил: «Выполняя основную работу по привозу дров в концлагерь, я в то же время вывозил из данного лагеря умерших людей на кладбище Пески, расположенное в 5 км от города Петрозаводска. Каждый свой выезд и количество отвезенных мною умерших людей я записывал в отдельном блокноте и суммировал за каждый прошедший месяц. Умерших вывозили во вторник, четверг и субботу каждой недели. Количество умерших по моим точным записям в личном блокноте и подсчетам в мае 1942 г. было 170 человек, в июне – 171 человек, [в] июле – 164 человека, в августе – 152 человека, в сентябре – 129 человек, в октябре – 83 [человека], в ноябре – 80 [человек], в декабре – 65 человек. Итого с мая 1942 по 31 декабря 1942 г. всего умерло в нашем лагере

1014 человек, не считая апреля месяца того же года, в котором по моим грубым подсчетам умерло около 200 человек». И дальше Коломенский показал: «В конце 1941 года и начале 1942 г. было в 5 концлагерях около семи с половиной тысяч человек. В конце 1942 г. после большой смертности населения и отправки людей по этапам осталось около четырех с половиной тысяч человек».

По этому же вопросу свидетель Лахина Екатерина Васильевна, находившаяся в 5-м концлагере, показала: «Я лично была очевидцем того, как еженедельно три раза увозили на кладбище в каждый раз от 20 до 35 покойников, что составляло в среднем до 100 человек в неделю. Медицинской помощи заболевшим совершенно не оказывалось. Если в момент организации лагеря примерно в нем содержалось около 9000 человек, к концу 1942 г. в результате смертности пленных убавилось не менее как на 2000 человек».

Находившийся в 3-м концлагере с 25 октября 1941 г. по 28 июня 1944 г. Проскуряков Илья Александрович, 1884 года рождения, заявил: «С 1 июня 1942 г. по день освобождения нас от белофиннов Красной армией я делал гробы. От других обязанностей я был совершенно освобожден. Вместе со мной делали гробы 4 человека: Власков, Сытов, других фамилий не помню. Учета сделанных гробов никто из нас не вел, но мы все четверо человек работали без всякого отдыха. В штабе лагеря в апреле месяце 1943 г. я слышал, что со времени организации лагеря, т. е. с 25 октября 1941 г. по апрель 1943 г. умерло 1214 человек. Эту цифру называл переводчик штаба Михаил Федорович (фамилию не знаю). Похороны проходили три раза в неделю: вторник, четверг и субботу. Примерно в среднем каждый раз увозили от 12 до 16 гробов, еженедельно в лагере в среднем умирало от 40 до 50 человек. Особо большая смертность была в 1942 г. во второй половине».

Немецко-финские бандиты, чтобы замести следы своих гнусных преступлений, на кладбище Пески вырывали огромные сплошные ямы от 50 до 100 м в длину, ложили гробы в 3–5 рядов вверх и сверху засыпали землей, в результате под каждым поставленным крестом находится от 3 до 5 трупов умерших советских людей в концлагерях.

Очевидец Борисов Иван Алексеевич, находившийся в 5-м концлагере, 8 июля 1944 г. заявил: «Мне пришлось быть один раз на кладбище Пески. Я хоронил своего умершего от истощения сына. В этот раз на кладбище привезли 20 гробов, уложили их всех в общую могилу в три ряда и засыпали землей. На кладбище пускали только родственников умершего и то только под конвоем, другое население лагеря не пускали». [...]

В сентябре месяце 1943 г. десятилетний мальчик Зуев Леонид Иванович, содержащийся в концлагере № 2, будучи голодным, хотел перелезть проволоку, сходить в лес и набрать кружку ягод. Белофинский охранник заметил Зуева, без всякого предупреждения произвел выстрел из винтовки, прострелил левую ногу Зуева, когда Зуев свалился, белофинн второй раз выстрелил в Зуева, пуля пролетела мимо головы. Зуев обратно ползком уполз в зону лагеря.

В концлагере № 2 содержался 18-летний комсомолец Пименов Алексей, родившийся в городе Петрозаводске, где проживали его родители. В ноябре м[еся]це 1941 г. Пименов зашел к себе на квартиру к своим родителям, тут же он был обнаружен администрацией лагеря и был расстрелян. [...]

Царила разнузданность финской администрации и в концлагере № 6, здесь финские плачи без всяких причин стреляли в мирных советских граждан и детей, по этому вопросу свидетель Гюбиев Федор Иванович показывает: «29 февраля 1943 года мои дети Гюбиева Наталья, 1934 года рождения и сын Гюбиев Егор, 1933 года рожд[ения]. в 9 час[ов] утра пошли в школу, когда от дома по дороге отошли 300 м, финский часовой лагеря № 6 открыл по детям огонь из винтовки, из двух выстрелов обоих детей убил наповал. Было много случаев, когда дети, выйдя из лагеря собрать ягод, по ним

часовые открывали без всякого предупреждения стрельбу из винтовок. Были случаи ранения детей [...]».

Нарком гос[ударственной] безопасности КФСР,
полковник гос[ударственной] безопасности

Кузнецов

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 29–37. Подлинник. Машинопись.

* Указанные в документе протоколы допросов свидетелей были составлены 7–9 июля 1944 г., в деле отсутствуют.

108. Из «Акта о зверствах финско-фашистских захватчиков на территории Пряжинского района КФСР»

20 сентября 1944 г.

[...] В районе была создана густая сеть концентрационных лагерей, тюрем и так называемых «будок», которые по существу представляли из себя сельскую тюрьму и были созданы почти в каждой деревне. В лагерях, тюрьмах, «будках» белофинны творили гнусные преступления: избивали советских людей и советских военнопленных, морили их голодом. Всячески надругались над ними, убивали и расстреливали без всяких на то причин.

Советский гражданин Сидорков Александр Макарьевич, уроженец Ленинградской области Вознесенского р[айо]на из села Косельга, свидетель каторжного режима и жуткого произвола над советскими людьми, который творили белофинны в лагерях № 561, расположенном на месте бывшего Кутижемского лесопункта, рассказал: «К моменту моего приезда в Кутижемский лагерь в нем насчитывалось около 500 мужчин, привезенных из Петрозаводских лагерей. Для советского человека был установлен строгий режим и созданы нечеловеческие условия, которые выражались в плохом питании, непосильном труде и зверском обращении администрации и конвоиров. За пять месяцев из 500 человек советских граждан в этом лагере осталось 220–230 человек. Остальные 270–280 человек были расстреляны; иные умерли голодной смертью или от жестоких телесных истязаний, и только незначительная часть была вывезена обратно в Петрозаводск. Ну и там от голодного пайка и жестокого режима значительная часть их умерла. За время моего пребывания в Кутижемском лагере я видел ежедневно похороны от 3 до 12 человек советских граждан, умерших голодной смертью или от избиений. Замученных и убитых советских людей хоронили в одном месте – в 150 м от лагеря. В марте 1942 г. советский гражданин Сафронов Василий 22 лет, уроженец Ленинградской области Вознесенского р[айо]на из с. Остречины, попытался совершить побег из лагеря, но был схвачен финской охраной. После долгих пыток и истязаний финский солдат Реононин ночью вывел его в лес, привязал к сосне и застрелил. Труп Сафронова долгое время оставался привязанным к сосне. Тогда же другой советский гражданин Устинов Сергей, уроженец Ленинградской области Вознесенского района д. Устиново, также попытался совершить побег из лагеря, но был захвачен охраной и на 7 суток посажен в «будку», где белофинский охранник Эйно безжалостно избивал его резиновой палкой с проволокой на конце. Я сам видел, как сквозь рубашку просачивалась кровь у избитого советского гражданина Устинова. На восьмые сутки его отправили в Петрозаводск в лагерь № 5, где через два дня он скончался» [...].

Но белофинны зверски издевались не только над советскими гражданами, содержащимися в лагерях и в тюрьмах, они проводили надругательства [над] советскими людьми, не находящимися за колючей проволокой. Советскую гражданку Фокину Александру, уроженку д. Алекка Сямозерского с/совета, белофинны вместе с другими гражданами заставляли сооружать оборонительные рубежи. Труд был непосильно тяжелый, питание плохое. Гражданка Фокина день ото дня теряла силы и наконец не стала выполнять нормы. Белофинны ее за это избивали [...]. В результате избиений и пыток она сошла с ума.

Пятнадцатилетний подросток из Вешкелиц Пряжинского р[айо]на рассказал: «Осенью 1942 года белофинны ночью заставляли одного меня поехать в другую деревню свезти какой-то груз. Ночь была темная и дождливая. Дул сильный ветер. Я страшно боялся и не поехал. Утром пришли финские солдаты и стали бить меня розгами, топтать и бить пинками. Я потерял сознание. От этих побоев я потерял слух и получил увечье».

Не щадили белофинские палачи и советских детей. В школах их [били] за малейшие шалости, разговор на уроках на русском языке. В Пряжинской школе мальчика Загоскина Витю, семилетнего возраста, проживающего в с. Пряжа, учительница финка Кенне била по щекам за то, что он во время урока нагнулся под парту за карандашом. Чупаева Николая, 12 лет, проживающего в Пряже, и других его товарищей в школе за малейший проступок били розгами, таскали за уши, волосы, били по щекам. [...]

Председатель комиссии*
Члены [комиссии]:

[И]. М. Анхимов
В. С. Нечаева, П. З. Семенов,
А. П. Ганниева, Батраков

НА РК. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 64. Л. 59–63. Подлинник. Рукопись.

* Имеется в виду Пряжинская районная Чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям.

39

Доп. -1-

О зверствах германско-финских захватчиков на территории Пряжинского района Карело-Финской ССР.

Составлен комиссией под председательством тов. Анхимова И. М. в составе членов-председателя Уполномоченного тов. Семенова П. З., уполномоченных Ганниевой А. П., Катининой Байраковой и заведующей районным отделом здравоохранения т. Нечаевой В. С. в с. Пряжа 20 сентября 1944 года.

Белофинские полки Гитлера осенью 1941 года в районе захватывали территорию Пряжинского района сразу же ввели здесь казенный режим для населения и мобилизовали советских военнопленных и мирных советских граждан. В районе была создана густая сеть концентрационных лагерей, тюрем и так называемых «будок», которые по существу представляли собой сырьевую тюрьму и были созданы, почти, в каждой деревне.

В лагерях, тюрьмах «будках» белофинны творили чудовищные преступления: избивали советских людей и советских военнопленных, морили их голодом, всячески надругались над ними, убивали и расстреливали без всякой на то причины.

Советский гражданин Сидорков Александр Макарович уроженец Ленинградской области Вознесенского р-на из села Косыга свидетелем каверзных приемов и жестокого произвола над советскими людьми, которые творили белофинны в лагерях и в в.б.б. расположенных на месте бывшего Нутненского местечка рассказывал.

И мамонта моего приезда в Кутюшевский лагерь
в нем побегший валою около 500 человек, привезенный
из Петрозаводских лагерей. Для советских людей в
этом лагере были ужасные, строгий режим и
созданы нечеловеческие условия, которые выра-
жались в плохом питании, непосильном труде
и зверском обращении административной и конвоев
За пять месяцев по 500 человек советских граждан
в этом лагере обитало 220-230 человек. Остальных
около 270 человек были расстреляны; иные умерли голодной
смертью или от оксеевских талесных потязаний и
только незначительная часть была вывезена обратно
в Петрозаводск. Но и там от голодного пайка и
жесточайшего режима значительная часть их умерла.
За время моего пребывания в Кутюшевском
лагере я видел ежедневные похороны от 3 до 10
человек советских граждан умерших голодной смертью
или от издеваний. Заключенных и убитых советских
людей вывозили хоронили в одном месте - в
150 метрах от лагеря.

В марте 1942 г. советский гражданин Сагоров
Василий - 22 лет, уроженец Ленинградской
области Вознесенского р-на, по с. Осиповичи, попы-
тался совершить побег из лагеря, но был схвачен
финской охраной. После долгих пыток и потязаний
финский солдат Федотов ночью вывел его в лес,
привязал к дереву и застрелил. Круп Сагурова
долгое время считался привязанным к дереву.

Позднее другой советский гражданин -
Устинов Сергей, уроженец Ленинградской области
Вознесенского района д. Устинов также
попытался совершить побег из лагеря, но был
задержан охраной и на 7 суток помещен в
"будку", где вымогательски охранник Эмиль
безжалостно пытал его резиновой палкой

с проволокой на кончике. Я сам видел как сквозь
раубашку просачивалась кровь у побитого советского
гражданина Устинова. На восьмые сутки его
отправили в Петрозаводск в лагерь и из-за
два дня он скончался.

Советский гражданин Владимир Иванович
Александров уроженец Митинской области, Стародомово
с района, из деревни Кривое, рассказывал о
дверях в лагерь в пленников в
рогоенды: - Финские власти содержали советских
людей в лагере в вайкорских условиях, изби-
вали их, камили и в поведении их расстреливали.

В конце 1942 г. двое финских солдат в помеще-
нии лагеря на глазах у всех пленников, мамонта
на советского военнопленного и убивали
его до потери сознания. Присидевший в отвореш
третий солдат по прозвищу пайка, тут же
застрелил убитого.

В июне 1942 г. два советских военнопленных
- Владимир Семенов из Новосибирска и Владимир
Василий - со Свири попытались совершить побег
из лагеря, но были задержаны финской охраной.
После долгих и мучительных потязаний они были
расстреляны за лагерь. Трупы их привезены
обратно в лагерь были изуродованы до неузнавае-
мости: руки и ноги переломаны
на глазах и других частях тела - и все это финские
люди.

Почти ежедневно в этом лагере нас зашива-
ли хоронили от 1 до 10 трупов советских граждан.

Но менее ужасные условия, пытки, потяз-
заний и убийства творились над советскими
людьми в Кингосовской тюрьме, Корсиканской,
Братинской, Краснозерской лагерях для
советских военнопленных, и в так называемых
"будках" которые имелись почти в каждой деревне.
Но выжившими зверски издевались и

-4-

только над советскими гражданами, содержа-
лись в лагерях и тюрьмах, они проводили
материальную часть советских людей не находящуюся
за помощью проволокой

Советскую гражданку - Рокину Александру
уроженку д. Алекса. Виозерского с/р-на, Бело-
рини. Вместе с другими гражданами держали
свертывая обернувшись рублен. Бруд был те-
плым тяжёлым, питались мочко. Гражданка
Рокина, день от дня теряла силы и наконец
не стала вставать с койки. Вследствие ее за это
убивали и несколько раз

и расстреливали
В результате избиений и голода она скончалась.

Пятидесятый летний подросток
из Вилкино Третьяковского р-на рассказывает:

"- Осенью 1941 года владимир ночью заставили
одного меша поехать в другую деревню свести ка-
кой-то груз. Ночь была темная и дождливая.
Два сильнейших вейера. А впридачу дождя, и не поехали
Утром пришли финские солдаты и стали бить
меша розгами, топтали и били палками. А по-
терли сознание.. От этого побоев я потерял слух
и получил увечье.

Между тем владимирские палачи, и советские
дети. В школах их за малейшим шалостью; разговор
на уроках /русской языке

В Третьяковской школе мальчика Загоскина Дмитрия
семилетнего возраста, проживающего в с. Третьяка
учительница финка Кенне была пощечина
за то что он не слушал урока математики под партой
за караулом.

Мундеева Фрида - 12 лет проживающего
в Третьяке и друзей его товарищей в школе.

за малейшим проступком - 5 били розгами, тапками
за уши, волосы, били по щекам.

Особенно безжалостно относились к детям учи-
тельница финка, Алеккари Мирья и директор
Третьяковской школы финка Ассела Роберт.

В Святогорской школе финские учителя за
малейшим проступком советских детей заставляли
идти на одну ногу до 30 и более раз на
одной ноге.

Во всех этих и многих других злодеяниях
владимирских лагерей Титлера над советскими
гражданами, как военными виновниками являлись
Начальник Вутишского лагеря советских воен-
ных летчиков финской армии Мясной,
Производитель работ Вутишского лагеря
Суйхконен финка, Лекарь Вутишского лагеря
Сертайт.

Солдаты финки Кейнонен,
младший сержант финка - Эйно, Начальник
киргосовской торговли капитан Тойвонен, его
помощники Ковала и Сивонен, Командант
Клидровского лагеря сержант Вилхур, замес-
тил команданта сержант Линдрельм Вейкко
и другие финские солдаты и административные.

Все они должны предстать перед судом
советского народа и понести суровую кару
за совершенные злодеяния.

Комиссия Председатель комиссии. К. Аннин
Печать
Д. Сивонен
В. Сивонен

109. Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения, располагавшийся в годы оккупации на улице Фабричной (ныне улица Перттунена) в городе Петрозаводске*

1944 г.

НА РК. 0-526.

* Автор съемки Г. А. Анкудинов.

110. Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в районе улиц Пробной и Болотной (ныне улица Ригачина) в городе Петрозаводске*

1944 г.

НА РК. 0-530.

* Автор съемки Г. А. Анкудинов.

111. Концентрационный (переселенческий) лагерь № 5 в городе Петрозаводске. Репродукция*

[1941–1944 гг.]

НА РК. 0–6482.

* Автор съемки не установлен.

112. Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске*

1944 г.

НА РК. 0–524.

* Автор съемки Г. А. Анкудинов.

113. Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске*

1944 г.

НА РК. II-4518.

* Автор съемки не установлен.

114. Концентрационный (переселенческий) лагерь для гражданского населения в городе Петрозаводске*

1944 г.

НА РК. 0–530.

* Автор съемки Г. А. Анкудинов.

119. Учетная карточка Е. А. Бибиковой, заключенной
концентрационного лагеря № 8 (Олонецкий район)

[1941–1943 гг.]

Noo 536. Sukunimi: Bibikova 23-15
Keskitysleiri: Paalu Korttiin merkittyjen luku: 1

Keskitysleirissä olevan henkilökortti.

Suku- ym. nimi: Bibikova etunimet: Helena Aleksandrovna
Kansallisuus:*) 1. karjal./suomal./finland./vepsäl./cestit./muu-suomensukuinen:
2. venäl./ukrainal./muuta-kansallisuutta:

Sukupuoli: miesp. naisp. 1 Perhesuhde:*) naimisissa/naimaton/perheellinen/leski/eromut
Syntymäpaikka: Podporozhje alue Kironvitshi ja -aika: 11 7 1968
Kotipaikka: Ulanaka Ulanak post
Ammatti: Kolhoosilainen Koulusivistys: itse oppinut
Lähin omainen (perhe) ja hänen olinpaikkansa: tytär Muishnikova Anna
samalla leirillä.

Sukulaisia Suomessa, (keitä, missä?):
Keskitysleirissä olevat alle 15-v. lapset (merkitään isän korttiin; jos isä ei ole leirillä, äidin korttiin; ellei kumpikaan ole, tehdään kustakin lapsesta eri kortti):

1. _____	synt. _____	kuoll. _____	rok. _____	2. _____	synt. _____	kuoll. _____	rok. _____
3. _____	synt. _____	kuoll. _____	"	4. _____	synt. _____	kuoll. _____	"
5. _____	synt. _____	kuoll. _____	"	6. _____	synt. _____	kuoll. _____	"
7. _____	synt. _____	kuoll. _____	"	8. _____	synt. _____	kuoll. _____	"

Puoliso kortti n:o _____, muualla: _____
*) Tarkoitettu määrittäminen allekirjoitettuna, tarpeeton ylilyönti.
Itä Kar. SE Viestölehti n:o 4.

РАЗДЕЛ 3

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ДЕТСТВА

На РК. Ф. Р-805, учетная карточка.

120. Из воспоминаний Л. Агейко* о пребывании в петрозаводском концлагере

1941–1944 гг.**

Узницей финского концлагеря я оказалась в четырехлетнем возрасте. Не успела глаза на мир раскрыть, как увидела перед собой ряды колючей проволоки. Наша семья, мама с тремя детьми, оказалась в петрозаводском концлагере. Оказались мы в нем потому, что нас не успели эвакуировать в глубокий тыл. Все дороги от Ленинграда на север были забиты беженцами. Наступавшие немецкие войска перекрывали все пути отступления. А в Петрозаводске уже начали создаваться лагеря для размещения мирных военнопленных. И нас повезли на машинах в один из таких лагерей. Сидений в кузовах не было, и мы ехали стоя, тесно прижавшись друг к другу. Одеревеневших от долгого стояния на ветру, нас привезли к Онежскому озеру. Посадили в трюм баржи и повезли в лагерь. Ехали голодные и немые, изнуренные вконец. Думали, что мукам нашим не будет конца. А они только еще начались.

В лагере свирепствовали голод, антисанитария, скученность, в одной комнате жило по восемь и более семей. Каждый день люди умирали десятками. Помню, однажды летом брату удалось выбраться через колючую проволоку и набрать в лесу немного ягод. Для нас это был какой-то праздничный день.

Но все когда-нибудь кончается. Наступил день освобождения. [...]

Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Карельский союз бывших малолетних узников / [сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева]. Петрозаводск, 2005. С. 56.

* Агейко Людмила, после войны переехала в поселок Кяппесельгу, работала токарем на лесопункте.

** Дата описываемых событий.

121. Из воспоминаний М. Н. Багровой* о жизни в оккупации в Заонежском районе

1941–1944 гг.**

[...] О начале войны узнали из сообщения нарочного, который приехал из города. Все взрослые плакали. Нас стали эвакуировать, повезли в деревню Диановы Горы в Медвежьегорском районе. По дороге ехали, и шли отступающие солдаты. Вся дорога была заполнена ими. Они были грязные, худые, в обмотках. Налетали самолеты, бомбили. Мы увидели, что горит деревня Уница, и повернули назад. Наша деревня была оккупирована финнами. Маму финские солдаты отправили на работу в лес. Девушек и парней отправили строить мостовую, создали рыбацкую бригаду. Мы очень боялись финнов, на улицу не выходили. Был объявлен комендантский час. Часто финские солдаты врываются в дома, искали партизан. Мы, дети, сидели голодные на печке. Одежду донашивали довоенную, летом бегали босиком, не было обуви. Пили кипяток с солью, по три дня иногда ничего не ели. Мы научились просить по-фински у солдат хлеб. От голода многие пухли. Летом было легче, потому что бегали в лес, собирали грибы и ягоды, с пристани ловили рыбу. Играли в самодельные игрушки: делали тряпичные куклы и кукол из лучины. Болели простудами, лечились

народными средствами. Затем финны увезли нас в деревню Черкасы. А когда они отступили, мы вернулись домой. [...]

Чечендаева Н., Гришкина Е. Узницы Заонежья (воспоминания Багровой М. Н.) [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Юный архивист» 2018 г.)

* Багрова Мария Николаевна, 1932 г. рождения, уроженка деревни Ладмозеро Заонежского района.

** Дата событий.

122. Воспоминания В. Гаврилиной (Бугай) о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

1941–1944 гг.*

Есть в Заонежье остров, который называется Олений. На острове был поселок, где рабочие добывали известь. После оккупации Заонежья мы вскоре оказались в 6-м петрозаводском лагере. Наш барак был крайним. За колючей проволокой начиналось болото. Нас мучил голод. И вот однажды я на пригорке увидела крупные листья щавеля. Было мне 10 лет. Небольшого ростика, худенькая, я без труда пролезла под колючей проволокой. Нарвала целую шапочку щавеля. Но вдруг услышала крик патруля. Побежала и увидела, что возле моих ног пули поднимали комочки земли. Я остановилась, и выстрелы прекратились. Снова побежала. Снова выстрелы. Опять остановилась. Думала в эти минуты о матери. Она и без того ночами плачет о моей 16-летней сестре, угнанной в трудовой лагерь, от которой давным-давно нет никакой весточки. А теперь, если меня часовой пристрелит, будет убиваться и обо мне. Я застыла на месте. Ко мне подошел патрульный и отвел к бараку.

Там он приказал всем выйти из помещения. Собрал всех у крыльца и устроил мне «показательный суд». Поставил меня на крыльце рядом с собой. Бросил себе под ноги мою шапочку со щавелем и стал неистово топтать сапогами. Потом снял со своего мундира ремень и стал им хлестать по перилу крыльца. И при этом произносил угрожающие слова. Что-то его все же удержало от того, чтобы избить меня ремнем. Видимо, мой вид настоящего дистрофика был настолько жалок, что он на это не решился. А может, вспомнил своих детей. Был он уже немолодым.

Хотя нужно сказать, что в лагере за малейшее нарушение режима не было никаких скидок и детям. Поблизости от нашего барака находился сарай, в котором всегда хранились березовые прутья. Резиновых плеток им было мало, так лагерные палачи изобретали все новые наказания. От порки березовыми прутьями возникала неимоверная боль. А когда почки березы попадали в тело, они вызывали нарывы.

Не смогли смирить свою жестокость наши истязатели и перед своим бегством в Финляндию, словно мы, ни в чем не повинные дети и беспомощные старики, были причиной их поражения. Вспоминается такой случай. Перед высадкой нашего десанта Онежской флотилии охрана лагеря была снята. Хотя какие-то отряды вооруженных частей (скорее всего саперные, чтобы взорвать мосты и обеспечить своим войскам отступление) еще в городе оставались. И дети первыми побежали за пределы колючей проволоки. И тут раздалась автоматная очередь. Упал мальчик Вова. Он был старше меня на несколько лет. К сожалению, забыла его фамилию. Он был тяжело ранен и через два-три дня умер.

Иногда меня молодые люди спрашивают, в какие игры вы там играли? И я неизменно отвечаю, что в лагере у нас не было детства. Мы были маленькими старичками и старушками, и у нас была единственная «игра» – прятки от охранников и надзирателей. Жили надеждой на освобождение. Эту надежду в нас поддерживали и наши храбрые летчики, которые, невзирая на обстрелы, сбрасывали на наши лагеря листовки с рассказами, что происходит на фронтах, и умели уходить от вражеских снарядов. Некоторые из этих листовок люди прятали и хранили до самого дня освобождения. И он наступил для нас 28 июня 1944 года. А о том, как складывались судьбы моих родных и знакомых, нужно писать особое повествование. Сейчас я живу в Харькове на Украине. Очень тоскую по Заонежью, по Карелии.

Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Карельский союз бывших малолетних узников / [сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева]. Петрозаводск, 2005. С. 40–41.

* Дата описываемых событий.

123. Из заявления М. М. и П. И. Демехиных в Чрезвычайную государственную комиссию о тяжелом положении детей в концлагерях города Петрозаводска

19 июля 1944 г.

Финны не щадили даже детей.

Финны в лагерях советских пленных кормили плохо, хлеба давали по 350 г на день и 50 г мяса-конины на 4 дня, детишки умирали от голода. В то время хоронили пленных из лагеря 3 раза в неделю, в понедельник, среду и пятницу, и в каждую неделю на кладбище вывозили по 40 гробов, в сарае костром* наваливались умершие советские люди.

Из желаний помочь плачущим сестренкам и братишкам от голода и убивающейся от горя матери Саша Демехин 12 лет вместе с другими ребятами Ваней Коноваловым и Леней Кутоевым потихоньку уходили из лагеря в город, где в столовых находили работающих на кухне советских людей и выпрашивали остатки от стола финнов каши или кусочки хлеба и приносили домой.

В октябре 1942 года 22-го числа Саша вместе с ребятами ушел в город, когда они возвращались домой в лагерь, для того, чтобы не быть замеченными они проползли под колючую проволоку, финны их заметили и подняли в детей стрельбу. Ребята с криком о спасении бегали около колючей проволоки.

Палачам удалось пристрелить одного смельчака, решившегося выйти за проволоку, тяжело ранив, прострелив правое легкое мальчику Саше Демехину, остальные ребята были на 5 суток закрыты в холодную будку.

Увидев, что мальчик ранен и стонет, финские гады отправили его в больницу, но было уже поздно.

В больнице перед смертью Саша матери рассказал, что выпрошенные им для братишек и сестреноч галеты находятся в кармане.

В страшных мучениях в ту же ночь Саша скончался. [...]

Рассказали:

*Демехина Меланья Михайловна
Демехин Павел Иванович, 15 лет*

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 44–44 об. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград. 1945. С. 97–98.

* Как дрова для разведения костра.

124. Заявление П. Т. Паурова в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в Вилговском лагере

15 июля 1944 г.

Весной 1942 года из 4-го концлагеря в гор. Петрозаводске я в числе 25 человек был выслан в концлагерь лесопункт Вилга.

В этом лесопункте нас, лагерников из разных лагерей, собралось около 300 человек мужчин и женщин. Лесопункт обтянут проволокой в 10 рядов – охрана военная, дисциплина также (весь распорядок дня – по звону колокола).

Не описывая зверских расправ финских бандитов над заключенными, как, например, избивание нас тростью «на ходу» отдельными солдатами и избивание «официально» (ремнем и резиновыми палками) – перед всеми заключенными, которых выстраивали на площадке среди поселка, в памяти встает зверское убийство 2 ребят, полудетей, которое было продемонстрировано бандитами на глазах у всего населения лесопункта (лагеря).

1-е убийство произошло так.

Мальчик Петр Пелепенко (из 2-го лагеря г. Петрозаводска) лет 15–16 задумал повидаться с родными и сбежал из Вилги в город, где и был в лагере пойман и привезен в Вилгу.

Построив всех заключенных в 2 шеренги, мальчика вывели перед строем и офицер-лейтенант (нач[альник] лесопункта) Арви Мальмиваара после соответствующей речи о недопустимости побегов, собственноручно набросился на мальчика и начал его избивать, потом схватил за горло и душил до тех пор, пока Петр не потерял сознание и упал на землю.

Тогда офицер-убийца приказал конвоиру-солдату застрелить мальчика, который и был убит лежачим* 2 выстрелами из винтовки.

2-е убийство было учинено таким же порядком над юношей лет 16–17 Петром Пустоваловым, который сбежал с лесопункта в лес и в течение недели скрывался вблизи лагеря в старом доте.

Пустовалова привели на площадку, избитого до полусмерти, и после речи бандита Мальмиваара (через переводчика) сбили с ног и застрелили одним выстрелом в голову.

Все эти зверские расправы с ребятами произошли на глазах всего населения пункта Вилга, большинство которого сейчас находится в пределах Прионежского района, т. к. лесопункт лагерь Вилга был финнами ликвидирован (примерно) к осени 1943 года.

Освобожденный от финского плена гр[ажданин] *Пауров П. Т.*

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 96/32. Л. 16–17 об. Подлинник. Рукопись.

* Так в документе.

125. Заявление уроженцев деревни Пегрема Заонежского района О. и П. Политовых в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении на оккупированной территории Заонежского района

27 июля 1944 г.

Мы, Политовы Оля и Петя, жили в д. Пегрема Заонежского района Карело-Финской ССР, в семье были отец и мать, работали в колхозе им. Калинина, мать телятницей на ферме, а отец ловил для колхоза рыбу.

Осенью 1941 г. к нам в деревню пришли финны и начали отбирать хлеб у колхозников, хлеб у нас был закопан в землю и так замаскирован, что финны не могли бы скоро найти. Наш хлеб не нашли, хотя искали вооруженные финские солдаты.

На допросе одна из колхозниц не выдержала испытаний и издевательства финнов, рассказала, где у нас зарыт хлеб.

Снова второй раз пришли отыскивать хлеб с собакой и с оружием, грозя пристрелить отца, они потребовали отдать им хлеб. Начали копать, и нашли весь хлеб, при попытке оказать сопротивление финны несколько раз ударили отца по лицу.

Хлеб финны вывезли, отобрали с помощью собаки еще у многих колхозников.

Женщины со слезами просили отдать хлеб для детей, финны не дали и начали бить плетью кто подходил близко к сваленному в кучу хлебу.

Население получало от финнов муку по 200 г на человека, но мука с примесью бумажных опилок. Мы из этой муки варили кашу и, хоть невкусно, но ели.

В октябре мы с мамой пошли в другую деревню, в Ламбасручей, получать норму. Стояли в очереди, подошел финн, начальник по лесному делу, и стал ругаться «зачем стоят в очереди» и ударял женщин на две стороны. Потом схватил нашу маму под руки и с лестницы выбросил на мерзлую землю. Без сознания мать лежала на земле, я начала плакать, а он наставил на меня револьвер. До лодки мать несли на носилках, а в барак она еле-еле дотащилась и заболела, у нее болела грудь, и она обижалась, что колет в легких, она ушиблась при падении на мерзлую землю. Врачей не было близко, и поэтому матери помощи оказано не было. Когда мы пошли к начальнику-финну просить свезти мать в больницу в Великую Губу, за 50 км, он закричал, что «русской собаке нет у нас лошадей, умрет – так и надо». Через две недели мама умерла, мы ее схоронили.

Когда мать умерла, отец у нас уже умер. Умер он от того, что сильно голодал, так как кроме 200 г хлеба ничего финны не давали. Получать норму было трудно, надо было переезжать через 2 озера, перетаскивая лодку через гору. Мы ослабли от голода и не могли ходить за нормой и по 2 недели жили без кусочка хлеба.

За 5 км от нашей деревни была финская столовая; мы с отцом, изнемогая от голода, пошли в столовую, стали умолять накормить нас. Отец, имея 72 года от роду, с палочкой в руках, обессиленный, едва припелся, по-видимому, имел очень жалкий вид, что его позволили накормить. Он с жадностью съел 3 порции супа-баланды и 3 комочка хлеба. Финн посмеивался, что отец съел так много. После обеда мы пошли обратно; отец прошел половину дороги, упал на снег. Я побежала домой сказать матери, с помощью других колхозников его довели до дома. Пролежав на печи 3 дня, отец умер.

Сейчас мы остались без отца и матери.

Мы видали, как финны издевались над советским народом.

Когда отбирали хлеб у Федоровой Марии Федоровны, то ее и мужа так порол плетью, что муж на второй день умер. Когда один финн держал, другой порол на снегу лежащего Федорова, он так кричал, мы все разбежались по домам.

В состав артиллерийского Горюховского комиссариата

56
56

от Коммунистической Юстиции - 15 чел

Коммунистической Юстиции - 14 чел. и

от Организации Работы 12-ти чел

Исполняющим в Организации Работы № 7, Див. партизан № 7,
Управления Пензенского района.

Заявление.

Коммунистической Юстиции

Мне Жуков в д. Керемля, Заволжского района
Кар.-Ф. ССР, в семье двух отцов и матери работавших
в колхозе "И. Калитина", мать вспомогательной на ферме
отца получил два колхоза работы.

Осенью 1941г. в наш дер. принимали армию, и пошли туда
как хлеб у колхозника, хлеб у нас законоп. в землю и
нам замаскировано было было армию не могли бы своего
милит. нам хлеб не получили, хотели и искали вооружен-
ные армию создавать.

На другое огня из колхозника не выдержав паника
и испугавшись армию, распознали уже у нас
барский хлеб.

Судно 1-й раз принимали отпущивать хлеб с собой
и вооруженные, прося прислуживать туда, они потребовали
мне дать нам хлеб. Магист конать и получили хлеб
хлеб, при получили область сопротивления. армию несколько
раз ударил туда по пути.

Хлеб армию выбегали, отобравши с помощью со-
бакам еще у многих колхозников.

Милит. со слезами просили выдать хлеба
два дней, армию не дали, и пошли дальше по
пути по пути быстро к своим родным в конец
хлеба.

57

Косенные пошли от армии туда по пути
на рубли, но туда с улицы была ошибкой
мы из этой туда барским хлебом и хотели не быть
но, еще.

В октябре мы с матерью пошли в деревню
в Ламбас-ручей по пути поручили сидеть в деревне
по пути армию поработать по пути земли, он сидел
разработав там сидеть в деревне и ударил мат-
рью на в сторону. Потом схватили матерью ма-
терью за руку и с матерью вышли на
мерзлую землю, без сознания мать летела
по земле, и пошла туда, а он встал
на мне руку. До пути мать мне на посы-
ла, а в барском, она едва-едва дождалась, и
заболела, у не было ухода и она обитала
было конец в печке, она умирала при наших
на мерзлую землю. Потом не было быстро и
потому матери потом оказано не было. Когда
мы пошли к Кайманову армию просить помощи
сидеть мать в больнице в Вашинском пути, за 50 км.
он запретил было "русской сады не в нас
помощи, ухода, и мать. Через 2 недели
мать умерла, мы ее хоронили.

Когда мать умерла, отца у нас был уже
умерший.

Умер он от того было сильно попало, т.к.
кроме хлеба ничего армию не дали, по пути
туда было трудно, по пути перезабыл уже
2 озера, переплыть туда через воду. Мы
ослабли от попало и не могли хотеть за
помощи и мать умерла было без ухода хлеба.

За 5 км. от нашей деревни была граница
сидеть мы с отцом используя от попало

пошли в амурского, своим умолением покориться
 нас, оны имея 72 года от роду, с панской бр-
 как обещав, себя пришед, подлинному или
 очень планкий вид, что его пошломим пакаримъ
 Он с мажоретом сден 3 порция сугу-данакен
 и 3 камога хлеба, гримим посменваеме что
 оны с мажоретом сден так много. После обеда
 мы пошли обратно, оны проши пошвины горюи
 унаи на снес, и подетана гримив сугаръ ма-
 жори, с помощью гримив каппозинков его оде-
 ми до дома, мыметав на вери - 3 гно, оны
 унегр.

Сейчас мы обранись без ойна и без мафе-
 ри.

Мы вудам как гримив исрбавиме по, со-
 лидским парогам.

Когда отбирали хлеб фрегоровой Марии фе-
 доровной, мыта так пошломим темью что мы
 на второй день унегр, когда оны гримив герман
 гримив пошлом на снес немашено фрегонда, ой
 криган, мы все раздетаме по домам.

Мыта.ны пошломим Обвинника Михаила Егоро-
 вича, его вышогиме на озеро, в морозном по-
 гу, приказавам раздется и пошломим, пока не
 унарей, пошломим велики одерся и через пошломим
 пошломимаме пошка, пока Обвинников не на-
 рти сознаниа и паримам кригов не хенди-
 кладим зисом.

Когда у нас умерли папа и мама мы
 пошли в фрегитно деревню просить хлеба, по го-
 лове панского и погам сиренды везти, мы
 пошломиме и обранились, все задержали и

за то что в самолетном пошломим по грег-
 ке, судим с мена пугмак и корпий, погам
 пошеф, гаме име 14 месей. Через нечмо 3 судо
 пошломим подирае хлеба, для маленького дра-
 тинна который рекар, и проши сего, мена
 судо задержали и судо гаме 14 месей.

Мы вудам 3 и драмимим пошломим в фрегитно
 деревню расидебавъ хлеба, нас гримив унегр
 в великого пугу, пошломим в пошломим драгит,
 пошломимам по 2 месей и отбравим в
 Кетинозлоген, в 7-й пошеф, где 3 прошима 90
 браного красной армии.

Нас гримив сденом сиротамим, но мы
 будам унегр, растим и ситатим пошломим
 в Селефаном расудрание пошломим.

Памимова Ольга Савельвна 15 лет

Пугожсваго поселок 17

Памитов Петр 12 лет

21/11.44.

Тут же пороли Овчинникова Михаила Егоровича. Его вывели на озеро, в морозную погоду, приказали раздеться и пороли, пока не упадет, потом велели одеться и через полчаса продолжалась порка, пока Овчинников не потерял сознания и начал кричать нечеловеческим голосом.

Когда у нас умерли мать и отец, мы пошли в деревню просить хлеба, на дороге патрули и стали стрелять вслед, мы испугались и остановились, нас задержали и за то, что я самовольно пошла в деревню, сняли с меня пиджак и кофту, начали пороть, дали мне 14 плетей. Через неделю я снова пошла просить хлеба для братишки, меня снова задержали и снова дали 14 плетей.

Мы втроем, я и братишки, пошли в другую деревню раздобыть хлеба, нас финны увезли в Великую Губу, посадили в холодную «будку», продержали 2 недели и отправили в Петрозаводск в 7-й лагерь, где мы и прожили до прихода Красной армии. Нас финны сделали сиротами, но мы будем учиться расти и станем полезными в Советском государстве людьми.

*Политова Ольга Савельевна,
15 лет, проживаю – поселок № 7
Политов Петя, 12 лет*

*НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 56–59. Подлинник. Рукопись.
Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории
Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград, 1945. С. 36–38.*

126. Из воспоминаний бывшей узницы петрозаводских концлагерей В. А. Семко* о жизни в оккупированном городе Петрозаводске

Июнь 1941–1944 гг.**

[...] Я жила с семьей на реке Свирь. Были у меня родители, были братья и сестры. Впереди было прекрасное лето с его радостями. Но... небо покрылось черными тучами. В деревне рыдания и стоны. Забирали на войну отцов и старших братьев. Мы, дети, увидели войну уже воочию. Шли через деревню беженцы, говорили о том, как зверства уже чинят фашисты на нашей земле. Увидела первый самолет со свастикой, который так спокойно и равнодушно сбросил бомбы на баржи, на которых плыли люди, совсем ни в чем не виновные ни перед кем. Это были женщины, дети и старики. Баржи горели, кренились и уходили в водную пучину вместе с людьми, крепко вцепившимися друг в друга.

А самолет еще раз пролетел над баржами, т. е. людьми, и послал свои зловещие пули вслед тонувшим женщинам и детям. Река Свирь была глубокая, но не очень широкая. Много людей и оказалось на берегу. Раскаты орудий все громче и громче доносились до нас. И вот первый отряд финнов с автоматами наперевес, на мотоциклах с грохотом молниеносно пронеслись по деревне. Все люди из деревни ушли в лес, в заранее приготовленные землянки. А там в деревне был бой. Мы, дети, быстро могли переключиться со страшных событий на мирные игры. Мы играли, бегали по поляне и вдруг [оказались] лицом к лицу с фашистами. Они стояли с автоматами, широко расставив ноги. Они выгнали нас из леса. Нас пригнали в деревню. Дом наш был расположен на возвышении и около дома лежали убитые наши солдаты. [...] наших матерей заставили рыть ямы и закопать погибших солдат. Через некоторое время пришли финны и приказали собираться. Мама очень плакала, одела на нас по несколько платьев, собрала узелки, сама взяла на руки нашего маленького братика (ему было 7 ме[с]я[ц]ев)

и нас погнали. С боков шли солдаты с автоматами. Пидьма. Мятусово и там привал. Там наши самолеты и фашистские самолеты в небе, снова гул. Горят дома, казармы. Снова в дороге. Деревня Усланка. Остановка, разместили в дома с огромной дырой в потолке. Было очень тесно, прилечь негде. И вот здесь я увидела наших пленных солдат. Они еле стояли на ногах, голодные. Стояли в загоне за колючей проволокой, как для скота, под открытым небом. Конвой разрешал нам подходить ближе и бросать им еду. Солдаты бросали[сь на] еду, падали, топтали друг друга, а конвоиры-финны громко хохотали. Мы, ребята и женщины, горько плакали. На другой день уже никого не было.

Затем Важины. Посадили нас в вагоны-телятники и повези дальше. И вот г. Петрозаводск! Город в руинах, очень сильно разрушен. Мы наверно прибыли первыми в г. Петрозаводск. Нам приказали размещаться в домах на Голиковке. Колючей проволоки еще не было. Через несколько дней обнесли наши бараки колючей проволокой, со сторожевыми вышками. Это был лагерь № 4. На территории лагеря не было воды. Нас выпускали в определенное время.

Раскрывались ворота, по обе стороны стояли солдаты, у колодца тоже стояли солдаты. У каждого пленного должна быть на рукаве красная нашивка, если не было, то они красной краской делали сами. Народу в лагере было очень много, большая скученность. Весной 1942 г. весь лагерь переболел цингой, а дети корью, свирепствовала дизентерия [...]. Голод, лишения, болезни. Люди пухли от голода. Ежедневно умирало 10–15 человек. Кормили плохо очень. Выдавали хлеба с какой-то примесью немного и граммов 50 гнилой колбасы на 3 дня. Есть постоянно хотелось, и вот во время смены караула мы убегали под проволоку в город. Лазейку готовили с вечера и сами готовились тоже. Бегали по казармам, домам, кухням, просили отходы от столов, приготовленных для свиней. Научились говорить: «Сета анна пуурро^{3*}», «Сета анна перуны^{4*}». В бараках были старосты. Они проверяли, замечали отсутствие детей. Затем делали обход, находили наши лазейки и высаживали засаду. Вечером, когда мы возвращались в лагерь, только пролезали через лазейку, нас хватали и приводили в комендатуру. В каждой комендатуре были палачи и постоянная мера наказания – это розги. Бил палач, бил и сам начальник лагеря заключенных плеткой, он хорошо говорил по-русски, и после избияния ходил довольный и всегда улыбался, и говорил: «Немного руки болят, русских наказывал» (лагерь № 6, нач[альн]ик лагеря майор Куурема).

В лагерях была массовая смертность. Люди истощали так, что не могли передвигать ноги, а работать все равно заставляли. О количестве умерших можно судить даже по тому, что согласно инструкции, вывоз на кладбище Пески умерших производился два раза в неделю. Вывозили по 20–25 гробов за один раз и хоронили в общую траншею по много гробов. Умирало и много детей. [...].

Весной 1942 г. от тяжелой болезни (дизентерия, кровавый понос) умерла моя мама. Большинство заключенных отправили на лесозаготовки. Лагерь расформировали. Меня перевели в лагерь № 7. Здесь у двух русских женщин я нянчила их маленьких детей. Жизнь стала совсем невыносима. То, что было положено по норме в лагере, полностью из этого скудного пайка мне не доставалось. Самое страшное было кормить ребенка. Манная каша была сварена на воде, но, кажется, и сейчас я ничего вкуснее не ела. Великий соблазн кормить ребенка и не занести себе в рот несколько ложечек. И если так случалось, то они вообще выгоняли меня из барака, и тогда я спала под лестницей, в туалете, а то и на улице где-нибудь, спрятавшись в угол. Утром раздавался их властный голос, находили меня, и снова прежние истязания. Если все обходилось хорошо, они приходили от финских солдат веселые, то оставляли меня в бараке. Место мое было на кухне около умывальника и ведра с отходами. С ведра я выуживала корки брюквы, репы, вытирала тряпочкой и ела. Но люди, которые находились ря-

дом, пожалели меня, пожаловались в комендатуру и сдали меня в детский приемник. И так, я в детском бараке-лагере № 6 (ул. Олонецкая, Перевалка). Жизнь моя немного улучшилась. Кушать очень хотелось. Выходили на промысел. Делали из железа длинные крючки и садились в засаду. Солдаты возили картофель в овощехранилище. Мы выходили из укрытия, подбегали к подводе ближе, другие отвлекали возчиков. Мы ударяли железным крючком по картошке, и там нанизывалось 1–2 картошины и так повторялось снова. Колбасу давали гнилую, по ней ползали толстые короткие черви. Из нее варили баланду, и это было в те времена деликатес. В лагере ели собак, кошек. Рвали крапиву, с чем-то толкли, варили кашу или делали из крапивы лепешки, которые пекли на листьях из жести, смазанных солидолом.

В лагере свирепствовали заразные болезни – тиф, дизентерия. По баракам ходили солдаты, выгоняли на улицу, выносили все из комнат, а в комнате жили 12–20 человек. Пускали какой-то газ, что у многих наступали обмороки, и кровь шла носом. Людей водили в камеры-парилки. Заводили с первую дверь, там был солдат, и стригли волосы, потом запускали в парилку всех вместе детей, женщин и стариков. Одежду в другую камеру и потом выпускали, и мы одевали в прямом смысле поджаренную одежду.

Режим в лагере был зверским. Подъем в лагере в 6 час[ов]. В 7 час[ов] все должны были быть у ворот лагеря на разводе, откуда пленных бригадами, под конвоем отправляли на различные работы. Возвращались в 5–6 час[ов] и до 8 вечера занимались уборкой лагеря. За малейшую провинность побои и карцер. В лагере № 6 сохранилось и по сей день здание (ул. Островского д. 3), где была комендатура. В этой комендатуре и били нас розгами. Если наказуемых было много и палач сам не мог всех бить, то вызывали мам, давали им плеть в руки и заставляли бить. [...]

Наступило четвертое лето, как мы в лагере. Голодные, ободранные, нет никакой одежды. Зимой нам выдавали на 5 человек лапти или сшитые с солдатской шинели чуни [...].

За 3 года в фашистской неволе мне довелось побывать во всех лагерях. Сначала лагерь № 4 на Голиковке у железной дороги. Затем лагерь № 7, № 6, № 5 и, наконец, лагерь № 1 (Кукковка). В этом лагере были бараки одноэтажные, в них жили престарелые люди. Около ворот в двухэтажном жили мы – дети, лишённые счастья, радости, детства [...].

НА РК. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 277. Л. 3–8. Подлинник. Машинопись.

Опубл. с изъятием: Петрозаводск. 300 лет истории: Документы и материалы: в 3 кн. Кн. 3. Петрозаводск, 2001. С. 282–283.

* Семко Валентина Александровна, проживавшая в 1990 г. в городе Братске Иркутской области, прислала свои воспоминания в редакцию газеты «Ленинская правда». По ее желанию воспоминания были переданы на хранение в НА РК.

** Дата событий. Воспоминания написаны в 1990 г.

3* Дядя, дай каши. (искаж. фин.).

4* Дядя, дай кортошки. (искаж. фин.).

127. Из воспоминаний Н. М. Скиндер* о проживании на территории оккупированного Заонежского района

1941–1944 гг.**

Родилась в большой семье в Заонежье, в деревне Сибово.

Финские завоеватели оккупировали родное Заонежье в 1941 году. Согнали женщин и детей во временный концентрационный лагерь, который располагался среди дремучего леса и болот Заонежья. Мне было всего шесть лет. И еще сестры и братья. Они, фашисты, бросили больных женщин и детей выживать в этом лесном лагере, состоящем из нескольких барачков, обнесенных «колочкой». Бараки продувались, крыша текла, а зимой был страшный холод. Хорошо помню, как голодали и ели хлеб с большим добавлением травы и коры, ловили ондатр. А мать и старшие сестры ежедневно с утра до поздней ночи, истощенные от недоедания, в лохмотьях работали на лесозаготовках, рыли окопы. Мы все переболели брюшным тифом и чудом спаслись. В лагере находилось больше двадцати семей – это были матери с малолетними детьми.

Это были самые страшные годы моей семьи и моего детства. Финны изредка привозили узникам немного мороженой, а летом гнилой картошки, свеклы, серой и протухшей муки. Ходили с автоматами, кричали, смеялись над нами, бросая, как собакам объедки со своего стола. В их глазах ничего человеческого не было. Они радовались, что мы их боимся, радовались нашей беспомощности, нашим слезам и худющим фигурам.

Как-то мама неправильно по-фински сказала одному финну (перепутала слова), которые он понял как: «Вам тут смерть будет». Финн маму бил, приставил к стенке и хотел расстрелять. Но я прибежала, закричала и обняла маму за ноги. Так я спасла свою маму.

И вот Победа! Финны быстро и тихо убрались восвояси. Мы выжили, вернулись в свою родную деревню и были счастливы. [...]

Скиндер Н. М. Мои детские воспоминания (проект «Жизнь, наполненная смыслом. Новые возможности для жителей Карелии, пострадавших от национал-социализма»). [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия (работы, представленные на конкурс «Семейный архив» 2020 г.).

* Скиндер Нина Михайловна, 1935 г. рождения, уроженка деревни Сибово Заонежского района. С 1959 г. проживает в поселке Мелиоративный Прионежского района.

** Дата событий.

128. Воспоминания Р. Филипповой (Рузовой)* о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска

1941–1944 гг.**

Когда мне исполнилось 11 лет, я с семьей оказалась в 6-м петрозаводском лагере на Перевалке. Чтобы не умереть с голода, приходилось проникать в город. У кухонь или солдатских казарм нам, детям, иногда что-либо перепадало. А в город проникали разными путями. Иногда пролезали через проволоку, а когда у ворот стоял добрый охранник – пропуская.

Невдалеке от леса находился финский госпиталь. Подойдем к нему и начнем просить хлебушка. Иногда солдаты бросали, а бывали случаи, когда над нами смеялись и вместо куска галеты бросали бог знает что.

Однажды мы возвращались из города в лагерь. Выпустил нас через ворота охранник, который особых препятствий не чинил. А вот когда мы вернулись обратно, на вахте стоял уже другой охранник, и он сдал нас в комендатуру. Нас отвели в сарай, где стояли длинные скамейки, положили на них и резиновыми плетками нанесли кому по 15, кому по 25 ударов. После такой порки матери нас на руках относили в бараки.

Не выдержав голода и жестокостей лагерной жизни, некоторые из моих братьев и сестер умерли. Другие – уже спустя годы. Не так давно не стало и брата Николая (долгие годы проработал в г. Петрозаводске директором 9-й вечерней школы), написавшего повесть о нашей лагерной жизни.

Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников. Карельский союз бывших малолетних узников / [сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева]. Петрозаводск, 2005. С. 27–28.

* Филиппова (Рузова) Раиса, на момент записи воспоминаний проживала в поселке Элисенваара.

** Дата событий.

129. За колючей проволокой концентрационного (переселенческого) лагеря города Петрозаводска*

Лето 1944 г.

НА РК. 0-10996.

* Автор съемки Г. З. Санько.

130. В концентрационном (переселенческом) лагере № 5 города Петрозаводска. Репродукция*

[1941–1944 гг.]

НА РК. 0-6482 (2).

* Автор съёмки не установлен.

131. Дети, в период оккупации находившиеся в концентрационном (переселенческом) лагере города Петрозаводска*

Лето 1944 г.

НА РК. 0-12560.

* Автор съёмки Г. З. Санько.

132. Советские дети, освобожденные из концентрационного (переселенческого) лагеря города Петрозаводска*

Лето 1944 г.

НА РК. 0-4104.

* Автор съемки Г. З. Санько.

РАЗДЕЛ 4

УГОН НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

133. **Заявление А. В. Воронцовой* в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении в концлагере № 6 города Петрозаводска**

19 июля 1944 г.

Я попала в плен в Заонежском районе 12/XI-41 г. 17 января 1942 г. нас привезли в концентрационный лагерь № 6. Мои все вещи остались на озере в Сенной Губе Заонежского района, а нас привезли на машинах без вещей. Через 3 дня меня отправили на лесозаготовки, отправляли русские коменданты лагеря Собакин Иван Иванович и Силин Федор. Они не захотели даже выслушать, что им говорят. Я раздела мать, оставила сидеть зимой без пальто и валенок в лагере, а сама в ее одежде поехала на лесозаготовки. В лесу я всего пробыла 12 месяцев. 4 месяца я работала бригадиром. Бригада моя была из 60 девушек, я каждый день должна была приносить на биржу топоры, пилы, сдавать точить инструменты, записывала, кто сколько выполнил кубометров и табель работы нужно было отдавать финскому начальнику. Был такой случай. В ноябре 1942 г. наша бригада пилила дрова с корня. Место попало в болоте, погода была холодная, был тонкий ледок на болоте. У меня не было сапог, целый день ходила от одной партии к другой, чтобы принимать нормы, ноги совсем замерзли, и я прошла из леса сразу домой, а не зашла в контору и не занесла табеля. Пришел сразу финн – Хирвонен и закричал на меня, почему не занесла табеля и сказал мне, что отправит пилить. Хирвонен говорил по-русски. Я отдала ему все табеля, все инструменты и сказал, что пойду пилить. Все девушки нашей комнаты были свидетелям, что я гордо бросила ему инструменты и пошла пилить. С этого дня он стал издеваться надо мной. Посылал нарочно всегда пилить в болото, в такие места, где одиночные деревья, чтобы потом их разделить на дрова и стаскивать в костер метров за 50–60. Он подсматривал из-за деревьев, как работаем, выполняю ли я норму, не давал разводить костра, чтобы согреться. Потом перевел на работу еще хуже. Нужно было сортировать и размельчать уголь. На угле я проработала месяц, от сажи у меня болели глаза, и меня по болезни оставили в лагере.

Живя в лагере, мне пришлось видеть, как часто избивали финны за малейшие проступки. Помню такой случай. Я работала в бане. Для бани заготавливали дрова 7 человек молодых ребят. 13 февраля 1943 г. ребята кончили пилить дрова, заготовили даже на 2 дня дров и ушли домой, не спросив у сержанта. Пришла машина с дровами. Сержант просил девушек созвать снова всех ребят выгружать машину (дрова были метровые). Когда пришли ребята, он заставил их бегом носить дрова от машины в сарай и каждый раз бил их палкой. Пока не выгрузили машины, все время он бил их, по 15–20 раз попало палками Семенову, Иштонкову Владимиру и остальным (фамилии не помню). Не проходило дня, чтобы не избивали кого-нибудь из жителей лагеря.

Воронцова

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 48. Подлинник. Рукопись.

* Воронцова А. В., 1919 г. рождения, перед войной работала учителем.

134. Заявление М. М. Егорьевой* в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников о нахождении в концлагерях города Петрозаводска и Кутижмы

17 июля 1944 г.

По прибытии в лагерь 1942 г. 8 августа я проживала в лагере № 2 два месяца и в то же самое время находилась на этапе Вилга 35 дней на сенокосе, откуда и переехала в лагерь № 6, где проживали мать и брат. Прожив 2 дня вместе с родными, меня направили на этап Кутижму в 1942–29/XII, который был очень страшным и худым местом жительства и условиями жизни. И не знали, когда и возвратимся обратно к родным и встретим или же нет. Где я находилась 10 месяцев и перенесла много трудностей, которые были не по силе детям. Даже брали 14-летних детей, которые не смогли делать норму, данную выполнить – дров 2 кубометра на пару. А к этому требовалась ловкость и сила, чтобы выполнить норму. Нужно было сронить с корня, обкарзать**, распилить, колоть до 30 см сухие дрова, а которые были сырые, требовали, чтобы кололи 10 см. Питание было худое, выдавали в день [от] 350 г до 400 г хлеба и 3 кусочка сахара и варили так называемую пурю из муки. И все это приводило [к] утомлению и [вызывало] болезнь человека. Очень много болело, даже был наложен карантин на рабочий лагерь, где обращалось начальство по-зверски; за малейшее преступление давали розги через соленую тряпку. Так, например, врач Колыхмайнен, он избил не одного ребенка. Чтобы рабочему оказать помощь, он набьет его палкой и говорит, у меня первое лекарство это палка. Из некоторых случаев помню один явный случай. Владимир Коневалов, который болел брюшным тифом, и после болезни сделалось помешательство. Врач Колыхмайнен заставлял работать, но не смог работать Владимир, и он [врач] бил его, не считая, куда только ни попадет. Идя по коридору, он стучал Владимира головой об стенку и снова направлял работать. Этаких случаев было очень много. Впоследствии, проработав в лесу 10 и 11 месяцев, люди одичали, они не видели прочего народа, кроме финнов. И все рабочие ждали с нетерпением освобождения из-под финского гнета, Красную армию. И, наконец, пришел день освобождения 28/VI-44 г. Этот день был очень счастливым за 2 года 8 месяцев. И [его] будет помнить весь народ, который находился в плену у белофиннов.

Егорьева М. М.

Мой адрес: КАССР. Петрозаводск. Поселок № 6,
ул. Олонцкая, дом № 66 Егорьева Мелания Мих[айловна]

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 64. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945. Петрозаводск, 2010. С. 101–102.

* Егорьева Мелания Михайловна, 1925 г. рождения.

** Обрубить сучья.

64
В Чрезвычайную государственную комиссию.
От Егорьевой Мелании Михайловны, родившейся в
1925 году проживавшая в поселке № 6. Петрозаводск
ул. Олонцкая дом № 66.
17/07-44 г.

Заявление

По прибытию в лагерь 1942 г. 8 августа я проживала
в лагере № 2 два месяца и в то же самое время
находилась на этапе Вилга 35 дней на сенокосе
откуда и переехала в лагерь № 6 где проживала
мать и брат. Прожив 2 дня вместе с родными
меня направили на этап в Кутижму в 1942–29/XII.
который был очень страшным и худым
местом жительства и условиями жизни. И не знали
когда и возвратимся обратно к родным, и встретим
или же нет. Где и я находилась 10 месяцев
и перенесла много трудностей которые бы-
ли не по силе детям даже брали 14 летних
детей. Даже брали 14 летних детей которые не смогли
делать норму дров 2 кубометра на пару. А к это-
му требовалась ловкость и сила чтобы выполнить
норму. Нужно было сронить с корня, обкарзать, рас-
пилить, колоть до 30 сантиметров сухие дрова, а
которые были сырые требовали чтобы кололи
10 сантиметров. Питание было худое выдавали в
день 350 гр. до 400 грамм хлеба и 3 кусочка сахара и
варили так называемую пурю из муки. И все
это приводило утомление и болезнь человека очень
много болело даже был наложен карантин
на рабочий лагерь. Где обращалось начальство
по-зверски за малейшее преступление
давали розги через соленую тряпку. Так напри-
мер врач Колыхмайнен он избил не одного рабочего
чтобы рабочему оказать помощь он набьет
его палкой и говорит у меня первое лекар-
ство это палка. Из некоторых случаев
помню один явный случай. Владимир Коневалов
в котором болел брюшным тифом и
после болезни сделалось помешательство.
Врач Колыхмайнен заставлял работать но
не смог работать Владимир и он бил

его не считая куда только не попадет,
идя по камням он стучал Владимиром гайкой
об стены и снова направляли работать. Эти
таких случаев было очень много. Впоследствии
проработав в лесу 10 и 10 месяцев люди оди-
нми они не видят ^{нигде} ^{просто} народа краем Финляндии
и все рабочие ждали освобождения из Кюг
финского гнета Крайнюю Армию и наконец
пришел день освобождения 28/12-44г. Этот день
был очень счастливым за 2 года 8 месяцев. И
будут пашить весь народ который находился
в плену у Бело-офицеров.

1944 г.

Мой адрес.
КССР. Петрозаводск.
Поселок № 6.
ул. Олонская
дом № 60.
Егорова Мелания Елис.

Егорова М. М.

135. Из протокола допроса В. В. Калугиной* о ее нахождении
в трудовых лагерях № 8010 и 8047 Медвежьегорского района

10 июля 1944 г.

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

15

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. Мая мес. 13 дня, Я. Пол. Ком. отряда ЧМ Школы
Корсар-Дробаха допросил в качестве _____
должности, имени, органа, фамилии

1. Фамилия Калугина
2. Имя и отчество Валентина Васильевна
3. Дата рождения 28/11 1925
4. Место рождения д. Савинкава, Матвеевского с/с, Заонегского р. на
Карель
5. Место жительства д. Шумга, - Детюшино, Заонегского р. на Карель
6. Нац. и гражд. (подданство) Русская
7. Паспорт Армский С-012488 выданный в 1943 г.
когда и каким органом выдан, номер, категор. и место выдачи
8. Род занятий Училась в 8 классе ЧМШ с. д. Детюшино, Шумгатского
с/с, Заонегского р. на.
место службы и должность
9. Социальное происхождение из аутсайдов
род занятий родителей и их имущественное положение
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
а) до революции _____
б) после революции Учащаясь
11. Состав семьи 1) Отец - Калугин Василий Васильевич лет 50-ти, репре-
сентант в 1937 г. 2) Мать - Калугина Мария Николаевна лет 45, проживает
в д. Белье, Заонегского р. на, Вилкомовский с/с, работала на фирменном экот-
ном ферме. 3) Брат - Николай 1921 г. направлен в Крайнюю Армию в 1941 г.
4) Брат - Александр 1928 г. проживает вместе с матерью. 5) Сестра - Зоя, 1931 г.
проживает вместе с матерью. Калугина Валентина

Зак. 2046*

Вопрос: Когда вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: 9/11 1941 г. д. Детомина, Шумягского е.с. была оккупирована немцами, а 19/11 1942 г. я была отправлена финнами в лагерь № 8010 около 13-го разъезда. В этом лагере я работала уборщицей в бараках лагеря, где проживали финские лагерники. 14/7 1943 г. меня направили в лагерь № 8047 в 3 км от г. М[едвежье]горска. В лагере № 8047 я работала рабочей на подсобном хозяйстве по выращиванию овощей. 20/11 1944 г. меня из лагеря № 8047 направили в лагерь при д. Святнаволоке Петровского района, где нахожусь и в данное время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в Свято-наволоцком лагере?

Ответ: Здесь находится моя подруга Гурова Екатерина Алексеевна, 1924 года рождения, б/п, русская. С Гуровой я познакомилась в 1942 г. в лагере № 8010, где я с ней жила в одной комнате.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях финских оккупантов?

Ответ: Летом 1943 года в лагере № 8010, который впоследствии стал называться под № 9605, я видела когда финские дорожные мастера, фамилий я их не знаю, избивали до полусмерти Кокорина Клавдия, русский, лет 18-ти, б/п, за то, что он якобы самовольно ушел из лагеря за хлебом. После избивания Кокорин два полтора суток не ел и помер. *Калугина Валентина*

Вопросы: Как вы узнали что Кокорин помер?
или кто-то из финнов? (Гурова)

Подпись

Вопрос: Когда вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: 9 ноября 1941 г. д. [И]стомина Шумягского [ельского] с[овета] была оккупирована финнами, 19 марта 1942 г. я была отправлена финнами в лагерь № 8010 около 13-го разъезда. В этом лагере я работала уборщицей в бараках лагеря, где проживали девушки-лагерницы. 14 октября 1943 г. меня направили в лагерь № 8047 в 3 км от г. М[едвежье]горска. В лагере № 8047 я работала рабочей на подсобном хозяйстве по выращиванию овощей. 20 июня 1944 г. меня из лагеря № 8047 направили в лагерь при д. Святнаволоке Петровского района, где нахожусь и в данное время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в Святонаволоцком лагере?

Ответ: Здесь находится моя подруга Гурова Екатерина Алексеевна, 1924 года рождения, б/п, русская. С Гуровой я познакомилась в 1942 г. в лагере № 8010, где с ней я жила в одной комнате.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях финских оккупантов?

Ответ: Летом 1943 г. в лагере № 8010, который впоследствии стал числиться под № 9605, я видела, когда финские дорожные мастера, фамилий я их не знаю, избивали до полусмерти Кокорина Клавдия, русский, лет 18, б/п (беспартийный), за то, что он якобы самовольно ушел из лагеря за хлебом. После избивания Кокорин месяца полтора болел и помер.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 45–46. Подлинник. Рукопись.

Калугина Валентина Васильевна, 1925 г. рождения, уроженка деревни Савинская Толвуйского сельсовета Заонежского района, русская.

136. Из протокола допроса А. Е. Кароля* о его нахождении в Святонаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: Первое время войны работал на лесосплаве в Паданах, после чего работал на оборонных работах. После оборонных работ не успел эвакуироваться, так как пароход был обстрелян, и нас захватили финны. Через месяц нас привезли в лагерь Святонаволоку, где и находился все время.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работал дневальным, так как у меня болели ноги, и я не мог ходить далеко работать. Помимо этого, я работал в сельском хозяйстве, заготавливал дрова и пр[очие] работы.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере.

Ответ: Во время работы, особенно в лесу, нас охраняли солдаты. Кто не выходил на работу, снимали паек, не давали деньги заработанные, а также крепко били.

Питание было плохое, и не хватало. Много приходилось голодать.

Вопрос: Что вы знаете о зверствах противника?

Ответ: Я знаю, что за малейший поступок людей жестоко избивали. Расстрелов не было. Больше мне ничего неизвестно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 119–120. Подлинник. Рукопись.

Кароль Андрей Ефимович, 1892 г. рождения, уроженец деревни Волосовичи Волосовицкого сельсовета Полесской области Белорусской ССР, белорус.

137. Из протокола допроса Л. Н. Косовой* о ее нахождении в трудовых лагерях

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в лагерь?

Ответ: В сентябре 1941 г. я переехала из Сегежи на родину к своим родным в Заонежский р[айон]. В ноябре туда пришли финны. 16 марта 1942 г. меня забрали и отправили в лагерь на ст[анцию] Малая Киро[вской] жел[езной] дор[оги] на дорожное строительство. В августе м[есяце] 1942 г. меня перевели в другой лагерь недалеко от деревни Медвежья Гора на дорожные работы. В марте месяце 1944 г. перевели в другой лагерь – Семсваара**, где мы жгли уголь, а 18 июня 1944 г. перевезли в лагерь [в] Святнаволоке.

Вопрос: Кто из ваших близких родных и знакомых находится здесь в лагере?

Ответ: Родных в лагере у меня никого нет, а знакомые есть: Давыдков Владимир Иванович, Максимов Леонид Андреевич, которые вместе со мной с одной деревни.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Когда финны пришли в нашу деревню, то прежде всего отобрали у населения весь скот и весь хлеб. В лагерях, в которых я была, везде били людей и пороли прутьями или резиновыми плетками. В этом лагере в Святнаволоке я при финнах была только 12 дней, так что сказать, какие порядки здесь существовали, я не знаю.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 43–44. Подлинник. Рукопись.

* Косова Лидия Николаевна, 1923 г. рождения, уроженка деревни Бор Толвуйского сельсовета Заонежского района, русская. Перед войной работала в Сегежской школе.

** Деревня Семчегора.

138. Из протокола допроса А. А. Костиной* о ее нахождении в Медвежьегорском лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в финский лагерь?

Ответ: 20 марта 1942 г. вызвали в финскую комендатуру, а 21 марта 1942 г. отправили меня в Медвежьегорский лагерь. 17 июня 1944 г. перевели в Святнаволоцкий лагерь.

Вопрос: Что Вы делали в финском лагере?

Ответ: С самого начала и до освобождения войсками Кр[асной] армии в лагере я работала уборщицей по уборке квартир и общежитий у финских рабочих, находящихся на оборонных работах.

Вопрос: Кто из ваших родных и близких знакомых находится или находился в лагере?

Ответ: Вместе со мной в лагере д. Святнаволоке находится сестра Костина Мария Алексеевна 1918 г. рож[дения], урож[енка] одной местности со мной.

Вопрос: Расскажите об условиях в финском лагере?

Ответ: В лагере распорядок дня был: подъем в 6.00 часов, выходили на работу [в] 7.00 утра и работа до 4 часов вечера с перерывом один час на обед. Кормили очень плохо. Хлеба давали очень мало, в обед давали кашу, на ужин суп с гнилой колбасой или гнилого мяса

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: В лагере, где я находилась, избивать девушек не избивали, но дисциплину требовали очень грубо.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 93–94. Подлинник. Рукопись.

139. Заявление Ф. И. Кулешова* в Пряжинскую Чрезвычайную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Пряжинского района

3 сентября 1944 г.

Финско-фашистские захватчики, временно захватившие территорию Пряжинского района, творили гнусные преступления над мирными советскими гражданами и советскими военнопленными. В дополнении к имеющимся у Вас фактам гнусных злодеяний белофиннов заявляю Вам еще об одном их преступлении.

В д. Сямозеро вместе с другими советскими гражданами белофинны мобилизовали на строительство оборонительных сооружений гр[аждан]ку Фокину Александру. Труд был непосильно тяжелым, питание плохое, отчего гр[аждан]ка Фокина день ото дня теряла силы и наконец не стала выполнять нормы, за что белофинские изверги стали ее подвергать жестоким телесным истязаниям и несколько раз инсценировали ее расстрел. В результате всех этих попыток гр[аждан]ка Фокина сошла с ума.

Это гнусное преступление белофинских холопов Гитлера широко известно всем гражданам деревни Сямозеро.

Гр[аждан]ка Фокина уроженка Пряжинского района Сямозерского сельсовета из деревни Алежка.

Кулешов

НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1128. Л. 21. Подлинник. Рукопись.

* Кулешов Федор Иванович – житель поселка Пряжа.

В Президиум районного Комитета по делу
уничтожения и злодеяний финско-фашистских захватчи-
ков на территории Президиумского района.
от гр-ки с. Президиум, дом № 64
Керешова Федора Ивановича.
Заявление.

Финско-фашистские захватчики в течение зах-
вата территории Президиумского района, то-
гда широко преступили к нападению на
советскими гражданами и советскими воен-
нослужащими. В отношении к имеющимся у вас
фактам истребления злодеяний белорусских захватчи-
ков еще об одном их преступлении.

В дер. Сямозеро вместе с другими советскими
гражданами белорусами мобилизованы на стро-
ительные оборонительные сооружения гр-ки
Фрокина Александры. Труд был особенно изматыва-
ющим и тяжелым, отсюда гр-ка Фрокина даже отозвал
первую семью и ввиду неимения выживания
Корнеев за это белорусские захватчики с
подвергая жестокой пытке и мучениям и
несколько раз инсценировали ее расстрел. В резуль-
тате все так и обрела гр-ка Фрокина со своей семьей.

Это измученное преступление белорусских колоний
Керешова широко известное всем гражданам дер.
Сямозеро.

Гр-ка Фрокина уроженка Президиумского района
Сямозеро с семьей, из деревни Александровка.

3 сентября 1944 г. Керешова

140. Из протокола допроса В. И. Куревиной* о ее нахождении
в трудовом лагере

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда были водворены в лагерь?

Ответ: В плен я была взята в апреле [меся]це 1942 г. в Заонежском районе Пая-
ницкого [сельского] [совета]. С момента нахождения в плену я работала на общих
работах на дорожном строительстве, в лесозаготовках и по заготовке угля. Близ-
ких родственников в данном лагере нет. В Заонежском районе в деревне [Селеску]**
находится мой брат Коробов Николай Иванович в дорожном строительстве, в ла-
герь был взят в феврале – марте [меся]це 1942 года, где находится в данное время
сказать не могу.

Вопрос: Что Вам известно о зверствах противника?

Ответ: Начальник лагеря Хенио, как его называли «ротный», совместно с фельд-
фебелем Вяппеля избивали пленных за уход с лагеря после работы; за самовольный
уход из лагеря избивали резиновыми плетками и ремнями.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 67–68. Подлинник. Рукопись.

* Куревина Валентина Ивановна, 1919 г. рождения, уроженка деревни Падмозеро Паяницкого
сельсовета Заонежского района, русская. Перед войной работала телефонисткой в городе Кон-
допога.

** Так в документе, скорее всего деревня Селецкое.

141. Из заявления Н. В. Кюршевой* в Чрезвычайную
государственную комиссию о пребывании
на лесозаготовках в Кутижме

16 августа 1944 г.

Кюршева Надежда Васильевна, год рождения 1918, 26.11., русская, мед[ицинская]
сестра. Находясь в плену, я очень многое видела, а также пришлось и самой испытать,
вот о чем я хочу здесь описать. В плен я попала 25 сентября 1941 г. в Ленинградской
области, Вознесенский район д. Ровское; отсюда нас эвакуировали финны в петрозав-
одские лагеря. Из лагеря нас увезли на этап в Кутижму на лесные разработки, где
я прожила 22 месяца. В это период мне пришлось видеть, как избивают ни за что на-
ших советских граждан.

В Кутижму мы приехали, там до нас был лагерь военнопленных, и первые 5 ча-
сов мы были вместе с военнопленными. Конечно, они находились в очень плохих
условиях, оборванные, голодные, грязные, жили в сырых темных и холодных поме-
щениях. На моих глазах избили одного военнопленного плетками до бессознатель-
ного состояния и выбросили на улицу, на снег возле барака, отлежавшись на сне-
гу, пришел в сознание, его посадили в «будку», а после через 5 часов увезли всех
военнопленных в Кондопогу. Оставшись в Кутижме, [нас] распределили на работу
кого куда.

Нас было в первый год в Кутижемском лагере 580 человек одиноких, из них
26 женщин, а остальные мужчины. Конечно, женщины работали на хозяйственных
работах. Я работала в столовой поваром, несмотря на то, что являюсь медицин-
ским работником, но все использовались не по назначению. Кормили нас так: ут-

ром (7 ч[асов]) давали кипятка, хлеба 150 г и три кусочка сахара, т. е. 15 г. В обед суп с гнилой картошкой и турнепсом без хлеба. Нас заставляли суп варить с неочищенного картофеля. Этот грязный, невымытый картофель варили, раздавали. Получая такой грязный суп, люди голодные не разбирали, еще к этому в суп прибавляли крапиву и соль, покушавши такого супа, многие страдали желудочными заболеваниями, но медицинская помощь им не оказывалась. Был финский врач Колыхмайнен, он вместо оказания медицинской помощи избивал больных, приходивших к нему на осмотр.

Рабочие, работая в лесу, должны были выполнять норму – ежедневно три кубометра. Кто был слабый, им никакой пощады не было; был приказ такой: кто не выполнит норму 3 куб[ометра] – тот получал хлеба не 150 г, а только лишь 75. Люди от недоедания стали еще больше слабеть, не имели возможность ходить, обращаясь к финскому врачу за помощью, он их избивал палкой и кулаками. Однажды, находилась я в больнице вместе с врачом – финским варваром, пришел больной, жалуется на головную боль и общую слабость. Доктор берет его за волосы и начал его бить о печку головой, выбил до бессознания и вытолкнул его за дверь в коридор, из коридора окровавленного мужчину унесли товарищи в свою секцию. Приходит другой больной, молодой парень лет 20, тоже жалуется на общую слабость и отказывается в этот день идти на работу. Доктор Колыхмайнен подает ему 20 таблеток разного сорта и заставил тут же принять сразу все и через 15–20 минут больной умер, доктор был восхищен своей помощью. Вообще он не лечил никого, избивал без жалости, без исключения всех – как мужчин, так и женщин. Он ненавидел, презирал русских людей, на каждом шагу бил и называл «рюсся сатана». Это его любимые слова.

Работая в столовой, мне было очень тяжело смотреть на людей, умирающих от голода и от побоев, но помощи им оказать я не могла никакой. В один прекрасный день я обожгла руку, мне пришлось идти на перевязку [...]. Подходя к зоне лагеря, подала пропуск патрулю и его обругала (назвала чухной, бандитом и т. д. и т. п.), не видя, что недалеко находился переводчик [...]. Прихожу в амбулаторию, сделала перевязку, после перевязки мне предлагает переводчик зайти к нему. Я захожу, он спрашивает мою фамилию, и где я работаю. Конечно, я ему сказала фамилию и еще сказала, что тебе нужно от меня, продажная шкура [...], через полчаса приходит к нам в барак начальник, вызывает меня, спросил, как было дело. Он отметил, что надо посадить в будку и ушел. В этот день меня не посадили, т. к. была температура 40 градусов и сильные боли [в] руках, а через 9 дней посадили в будку несмотря на то, что температура была 38,2 градуса («будка» представляла собой грязное, темное, холодное помещение). Сидела я трое суток, вечером выпустили из будки, и начальник лагеря приказал мне дать 15 плеток (плетка – это длинная, толстая резина, внутри нее находилась проволока, в конце эта проволока скручена). Пришли два палача, Арола и Аалто, которые лишь только избивали людей, они больше ничем не занимались. Присутствовали еще начальник лагеря Мьямпя и переводчик. Приказали мне раздеться совсем, подали табуретку, и я легла через табуретку и меня начали бить. Били через минуту, сделают один удар, пройдет одна минута, последует другой, и так я получила 15 плеток. Я встала, оделась, и у меня на это невольно вырвалось слово «спасибо» и за это «спасибо» мне еще 10 плеток дали, я с трудом дошла до барака и трое суток пролежала в постели. Второй случай, читая газету «Северное слово» сказала, что здесь не написано ни одного процента правды, все ложь и пропаганда, а лишь только с ней можно сходить в уборную. [...] Приходит начальник лагеря [...], говорит «извинись передо мной, тебе ничего не будет». Но я не изволи-

ла, вернее не посчитала нужным извиниться перед идиотом, извергом, тогда он мне приказал дать 8 плеток.

Третий случай. Один солдат меня назвал политруком, я ему ответила, что советские люди все политруки, я никогда не буду финской поданной, при первой же возможности вернусь в Россию, где нас ожидает радостная, светлая и счастливая жизнь, где мы будем работать сами для себя, а на ваших господ мы не намерены работать. За это меня посадили в будку на сутки вместе с пьяным финским солдатом Уккой, я с ним сидела вместе два часа, но потом командир Алотало заставил меня посадить в другое помещение.

Однажды лейтенант лагеря Кутижмы швед Лундел избил Костю Федорова через мокрую соленую тряпку. Костя Федоров был раздет, положен на стол, на тело положили мокрую, соленую тряпку, всех лагерников выстроили вокруг стола для того, чтоб посмотрели, как будут избивать. Начали бить толстыми березовыми прутами, через минуту и с зверской насмешкой лейтенант бил, в бессознании его [Федорова] унесли в барак. В общем, очень много примеров издевательства было на моих глазах.

В лагере начала свирепствовать эпидемия головного тифа, много умирало, так как помощи медицинской не было. Наложили карантин на 4 месяца, на работу не ходили. Сняли волосы повсюду, как у мужчин, так и у женщин несмотря на то, что не было вшей и гнид. Стали в баню нас гонять через день, температуру нагоняли до 120 градусов и держали по 45 минут, несмотря ни на что, хотя человек с температурой, был и сердечный больной, но он должен ходить в баню. Да, когда кончился карантин, нас стали отправлять обратно в Петрозаводск работать на биржу на летний период, поместили в третьем лагере, но из 580 человек приехали обратно 150 чел[овек]. Остальные 30 человек записались карелами и уехали на волю, а 400 человек умерли в Кутижме от голода и побоев. Проработав 5 месяцев в третьем лагере, мне пришлось обратно вернуться в Кутижму, и условия немножко улучшились, стали давать хлеба по 450 г. Утром чай, 150 г хлеба, три куска сахара и 40 г сыру или селедок по три и по две штуки. В обед мучная баланда, 150 г хлеба, небольшой кусочек колбасы. Вечером суп с картошкой, 150 г хлеба и 40 г мар...**. Жизнь шла темная, незавидная, мучительная. Издевательство продолжало свою силу^{3*}. Девушки сбежали из Кутижмы, Клава Храпова и Маруся Остова, их поймали в Петрозаводске. Клаву Храпову привезли обратно в Кутижму раздетую и босиком осенью, заставляли работать с 7 час[ов] утра до 4 ч[асов] вечера и после ужина заставляли еще работать, когда что, иногда копали канавы, пилили дрова, корчевали пни, задавали задание, вернее норму, некоторые работали до полуночи. Побегов было много. В связи с побегом Сохромова Василья застрелил патруль Хейнонен. И так отбыла [я] 22 м[еся]ца в Кутижме, прибыла в Петрозаводск, месяц не работала нигде, болела, после потребовались мед[ицинские] работники в больницу 6-го лагеря, и я устроилась здесь – вот уже 9 м[еся]цев работаю по своей специальности. Спасибо нашей доблестной Красной армии, что она нас сумела вырвать из рук варваров. И спасибо тов. Сталину И. В. за его заботу о нас.

Кюришева Н. В.

г. Петрозаводск, поселок 6
Олонецкая улица дом 54

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 48–51 об. Подлинник. Рукопись.
Опубл. с изъятиями: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград. 1945. С. 133–136.

* Кюршева Надежда Васильевна, 1918 г. рождения, уроженка деревни Ровское Ленинградской области, русская.

** Окончание слова неразборчиво.

* Следует читать: издательства продолжались в полную силу.

142. Из протокола допроса З. П. Лариной* о ее нахождении в трудовых лагерях

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вас заключили в лагерь?

Ответ: 19 октября 1942 г. меня с Заонежского района финны направили в лагерь г. Кондопога, где я работала на распиловке дров до 20 марта 1943 года, откуда меня в числе слабых здоровьем перевели в совхоз «Вичка» М[едвежье]горского района, где я работала на огородах до июня м[еся]ца с. г., откуда нас финны эвакуировали в лагерь при деревне Святнаволок, где я и находилась до прихода Кр[асной] ар[мии].

Вопрос: Чем Вы занимались в последнем лагере?

Ответ: При финнах совершенно не работали, так как финны отступали.

Вопрос: Что Вам известно о зверствах со стороны финнов?

Ответ: Меня лично били финны много раз, а также издевались, заставляли смеяться, идти, вставать и т. д., бросались в меня топором, угрожали с пистолета и т. д., они меня насмешливо называли «политруком», других также избивали. Избиения производили в лагере при совхозе «Вичка». Начальник Блунквист-сержант и садоводы Эклун и Лингрен, они по национальности шведы. Среди нашего состава никакой связи с финнами не было. Но в лагере военнопленных русских знаю, были такие люди, которые служили финнам, как например в лагере М[едвежье]горска старшина лагеря Курзин Федор избивал в[оенно]пленных, о чем рассказывали в[оенно]пленные. Больше показать ничего не могу.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 139–140. Подлинник. Рукопись.

* Ларина Зинаида Петровна, 1925 г. рождения, уроженка деревни Русиново (Русиновская) Толвуйского сельсовета Заонежского района, русская. Перед войной работала учетчицей.

143. Из протокола допроса А. Н. Лебедева* о его нахождении в трудовых лагерях

12 июля 1944 г.

Вопрос: Скажите, когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: В 1941 году я был мобилизован на оборонные работы, работу производили в районе д. Малая Уница, где и были захвачены финнами. 28 октября 1941 г. я совместно с другими был направлен в лагерь, расположенный в д. Святнаволок,

в этом лагере я пробыл до 7 апреля 1942 г. и был направлен в лагерь № 72, расположенный в 80–85 км от Юстозера, где пробыл 3 м[еся]ца и был направлен в Святнаволок, осенью 1942 г. я был направлен на лесозаготовки в район Поросозера, где проработал под 4 м[еся]ца и был отправлен в Святнаволок, где и нахожусь по настоящее время.

Вопрос: Скажите, кто из ваших знакомых находится здесь в лагере?

Ответ: Из знакомых у меня здесь имеются только знакомые по работе в Поросозере: Цыбанов Михаил Иванович, Князев Геннадий Петрович, Трофименко Федор Петрович.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков?

Ответ: Находясь в лагере № 72, финны очень издевались над русскими за невыполнение положенной нормы в работе, невыполнившего заставляли стоять на морозе по команде «Смирно!» по несколько часов или заставляли копать себе могилу в 2 м длина и 2 м глубина, за неисполнение грозили расстрелом. В отношении других лагерей ничего сказать не могу, больше показать ничего не могу, записано с моих слов верно и мне зачитано вслух.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 147–148. Подлинник. Рукопись.

* Лебедев Андрей Никифорович, 1910 г. рождения, уроженец деревни Поповка Дюртилинского района Башкирской АССР, русский. Перед войной работал на лесозаготовках, проживал в городе Петрозаводске.

144. Из протокола допроса Н. Г. Лебедева* о его нахождении в Святнаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Скажите, когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: До осени 1941 года я находился в заключении в городе М[едвежье] Гора, когда финны подходили к городу, наш лагерь, где я находился в заключении, распустили, т. е. освободили, в том числе и меня; из лагеря я пошел в город. Город вскоре был занят финнами, где я был ими захвачен в плен, и как невоенный был направлен в лагерь в Святнаволок, где и нахожусь по настоящее время.

Вопрос: Скажите, кто из ваших знакомых находится с вами в лагере?

Ответ: Из знакомых со мной в лагере проживают: Пушков, работающий парикмахером в лагере, Островский, работающий при финнах в бане, с которым я познакомился здесь в лагере, проживают они со мной в одном доме № 54.

Вопрос: Как относились финны к русским?

Ответ: Финны по отношению к русским были очень жестоки, за невыход на работу без уважительной причины, т. е. без справки от врача, что болен, которую было трудно получить, финны били резиновыми палками; находясь на работе, отдыхать было нельзя ни одной минуты; если заметит надсмотрщик, бьют палками. Лично меня было несколько раз били за то, что я хотел убежать в Советский Союз, но вблизи Петрозаводска был задержан, за что меня били целую неделю. В избиении принимали участие и русские Попов Михаил, Воробьев, имя его не знаю; первый из них ушел с финнами, а Воробьев при подходе Кр[асной] армии ушел на сторону Кр[асной] армии.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков?

Ответ: Что известно было мне, я сказал вам, больше пояснить ничего не могу. Записано с моих слов верно и мне прочитано вслух.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 143–144. Подлинник. Рукопись.

* Лебедев Николай Григорьевич, 1900 г. рождения, уроженец деревни Евес-Наволок Кижского сельсовета Заонежского района КФСР, русский.

145. Из протокола допроса А. В. Леонтьева* о его нахождении в трудовых лагерях в деревнях Чебино и Юстозеро

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: До прихода финской армии я работал председателем колхоза «имени Крупской» Заонежского района. В связи с окончанием сельхозработ в колхозе меня не пустили эвакуироваться с отходом Красной армии, а 9 ноября 1941 г. наш колхоз захватили финны. 25 декабря 1941 г. наш колхоз эвакуировали в другой [сельский] совет за 25 км. 16 марта 1942 года [меня] отправили в лагерь № 9607, около Чебино 13 км, проработал там до 24 марта 1944 г. После этого дали отпуск на 2 недели, после чего направили в лагерь № 8839 около Юстозера, где обжигал уголь. 17 июня 1944 г. привезли в Святнаволок.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: Коргополов Николай Александрович, 1918 года рождения, работал на строительстве дорог.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: В лагере режим был очень жестокий, часто избивали. Причиной избиения было то, что люди пытались найти кусок хлеба, потому что питание в лагере было очень плохое. В 1943 году люди были очень слабые, не могли выработать положенных норм, а кто не выработывал, того порол розгами и палками. Начальство в лагере было очень плохое. Одеждой и обувью не обеспечивали, поэтому приходилось покупать у финских солдат нелегально, чтобы не знало начальство.

Вопрос: Что Вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: О злодеяниях противника мне ничего неизвестно, так как в нашем лагере больше всего находилось женщин, и с ними обращались лучше, чем с мужчинами.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 169–170. Подлинник. Рукопись.

* Леонтьев Александр Васильевич, 1888 г. рождения, уроженец деревни Тарутинская Толвуйского сельсовета Заонежского района, русский.

146. Из заявления К. Е. Лукиной* в Чрезвычайную государственную комиссию о нахождении на лесозаготовках в поселке Орзегу

19 июля 1944 г.

В 1941 году 18 сентября в с. Остречины Ленинградской обл[асти] Вознесенского района пришли фашистские изверги-финны. С первого дня прихода они начали издеваться над мирными советскими людьми. Скоро жителей Остречин эвакуировали в г. Петрозаводск и посадили их в концентрационные лагеря, которые были обнесены колючей проволокой.

Условия жизни в лагерях были ужасные. Хлеба давали только 350–390 г или же мукой или же сухими финскими галетами. Но мне в лагере пришлось недолго жить. Скоро всю молодежь угнали на лесозаготовки, вместе со всеми уехала и я в Орзегу (место по железной дороге). Они увезли нас от родителей, сказав, что только на 3 недели. Нехорошие показали нам эти три недели. Мы прожила там не 3 недели, а 3 года. Сообщения с родными не было никакого. Условия были еще ужаснее, даже хуже, чем в концлагерях. Многие люди болели от голода и тяжелой принудительной работы. Больных увозили в лагерь, где они и умирали. Было также немало случаев, когда рабочие оставались калеками. Вот один пример: одна девушка Маруся (не помню фамилии) она осталась без левой руки, которую она потеряла на бирже у проклятых палачей. Очень много было и других примеров, что оставались без ног или же совсем непригодными для работы. Таких людей они увозили в концлагерь, как ненужный уже им элемент.

Был также и такой случай, что один финский патруль, который караулил рабочих на бирже, выстрелил из винтовки прямо в девушку, которая тут же упала. Он ее застрелил. Ее мертвую привезли в 5-й лагерь. Да, нелегко было матери видеть труп дочери, убитой финским палачом (звать девушку тоже Маруся. Фамилии не помню, а также не помню имени и фамилии этого палача).

За невыход на работу сажали в будку и били плетками через соленую тряпку. За невыполнение нормы не давали хлеба. Как 4 девушкам из бригады, в которой работала и я, они не выполнили норму. Им на второй день не дали нисколько хлеба. Как жалко было смотреть на них. Конечно, мы поделились с ними несмотря на то, что у нас тоже почти не было. Одна из них была Катя Рабачева, Надя и Шура (фамилий не помню). Да есть еще много таких характерных случаев издевательства [со] стороны финских захватчиков.

Несмотря на все издевательства и запугивания со стороны финнов, рабочие лесозаготовок не боялись их. Они через проволоку тайно уходили в лагерь, чтобы проведать свою больную мать. Этот случай был и со мной. В лагере у меня осталась мать и 13-летний брат. Мать в скором времени заболела, и эта весть дошла до меня. Я, конечно, не страшаюсь финских патрулей, тайно пошла в лагерь через проволоку, чтобы проведать ее. Я пришла поздно вечером и ушла рано утром. Виделась с ней только одну ночь. Мать болела от голода. Брат мой Юра пожалел свою мать, он пошел в город из лагеря через проволоку для того, чтобы найти кусок хлеба и спасти свою мать от голодной мучительной смерти. Его конечно поймали финские патрули, которые просили у него или сигарет или же большое количество денег, только за это они обещали его отпустить, не доложив в финский штаб. Ну, где у него были деньги за выкуп? Не получив от него ничего, они свели его в штаб. Отобрали у него последний кусок хлеба, посадили в холодную «будку» на 4 суток. Стояли трескучие морозы, когда маленькие дети сидели в холодных будках и притом же еще голодные. Но это так не окончилось. Ему к тому же дали 15 розг. Но, несмотря на все это, он все равно ходил

в город и, таким образом, спас свою родную мать от голода. В «будке» сидел не один раз, и плетками били его тоже нередко.

Как-то один раз тоже приходит к нам финн Петтери Вийнанен для того, чтобы взять моего родного брата в «будку» в ту же холодную. Все мои попытки освободить его от мучений были напрасны, также напрасны были горячие слезы матери. Его посадили на 15 суток за тот же несчастный кусок хлеба. [...]

Лукина

НА РК. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 32. Л. 98–100 об. Подлинник. Рукопись.

Опубл.: Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Ленинград, 1945. С. 101–102.

* Лукина Капитолина Ефимовна, 1922 г. рождения.

147. Из протокола допроса В. Я. Малой* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: В 1941 году я работала в г. Петрозаводске КФСР счетоводом РайОНО, и как только началась война, меня уволили по сокращению штатов и направили в детсад № 32 там же в Петрозаводске. Проработала я одну неделю, и мне дали справку на эвакуацию в Заонежский район, где жили мои бабушка и дедушка. По прибытию в колхоз меня назначили на оборонные работы, но я заболела и лежала в больнице 3 дня. После этого меня пред[седатель] с[ельского]совета отпустил домой в Кузарандский с[ельский] совет. Дома я была всего три дня, после чего нашу деревню захватили финны. 4 декабря 1941 года нас финны эвакуировали за 19 км в д. Масельга, 15 марта 1942 года отправили в лагерь № 1 на станции Малая. Там я была 5 м[еся]цев, после чего отправили в лагерь в 2 км от д. Медвежка на строительство дорог. В марте 1944 года меня отпустили домой на 10 дней, после чего привезли в лагерь около Юостозера. 18 июня 1944 года меня привезли в лагерь [в] Святнаволок.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работала на строительстве дорог и на обжигании углей.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: Знакомые девушки с одной деревни – Корнилова Анна Михайловна, 1924 г. рождения и Рогаткина Анна Ивановна 1923 года рождения. Работали на этих же работах.

Вопрос: Расскажите о режиме лагеря.

Ответ: Всех лагерников содержали в зоне, обнесенной высоким деревянным забором. Выходить из лагеря свободно никуда не пускали. На работу водили под конвоем фин[ских] солдат. На работе также охраняли патрули. Питание было плохое. Выдавали по 300 г галет и два раза в день редкий** суп и кашу. Давали по 3 кусочка в день сахару. Оплачивали в день по 2 марки, а последнее время по 4 марки в час. За питание высчитывали по 300 марок за полмесяца. Обувь и одежду не выдавали. Последнее время мне дали резиновые сапоги, за что я заплатила 260 марок. За невыполнение нормы выработки оставляли без оплаты. Заставляли работать после установленных часов. Выполняли работы, непосильные для женщин, как копка канав, заготовка дров,

обжигание углей. За невыполнение нормы удерживали зарплату, а мужчин часто избивали финские мастера. В нашем бараке были дневальными русские девушки, которые смотрели за порядками, относились к нам хорошо. За бараками следило финское начальство. Часто заходили в бараки, смотрели, как мы живем. Спали мы на нарах, постельных принадлежностей не выдавалось. Сожительство русских женщин с финскими солдатами я не видела.

Вопрос: Что вы знаете о зверствах противника

Ответ: Я слышала, что некоторых девушек и ребят избивали финские солдаты, а за что, я не знаю. Больше мне ничего не известно о злодеяниях противника.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 205–206. Подлинник. Рукопись.

* Малая Валентина Яковлевна, 1923 г. рождения, уроженка деревни Мишалево Кузарандского сельсовета Заонежского района, русская.

** Жидкий.

148. Из воспоминаний В. П. Минкина* о пребывании в трудовом лагере в деревне Вегорукса Заонежского района

28 июля 1946 г.**

До войны я работал на теплоходе Беломорско-Онежского пароходства. В 14 лет в виду тяжелого материального положения после окончания семилетки вынужден был пойти на работу. Надо было помогать матери растить ребят.

Для населения война началась неожиданно, все были удивлены вероломным нападением Германии на нашу страну. Население сразу не знало, что может случиться такая грандиозная война, которая дойдет и до наших мест.

Когда началось финское наступление, то население было охвачено некоторым паническим настроением, однако оно было уверено, что финны и немцы не дойдут до нас.

С приближением финнов все ближе и ближе к району были приняты меры для своевременной эвакуации населения. Но эвакуация не была проведена до конца, т. к. не хватало транспорта. Население готовилось к отъезду, но транспорт не был подан, и целиком оно осталось почти в оккупации.

Я лично три дня не показывался финнам, когда они явились. Деться было некуда и пришлось вернуться к семье.

Население встречало финнов по-разному. Большинство было недовольно оккупацией и были в плохом, подавленном настроении.

Финны сразу же начали применять свой режим, свою дисциплину. Стали грабить, отбирать вещи ценные, скот. Все население было взято на учет. Рабочую силу, главным образом молодежь, стали отправлять в лагеря, которые устраивались повсюду в районе.

В лагерях кормили, безусловно, плохо: давали по 3 кг муки на десять дней и то не в каждую декаду. Иных продуктов нам никаких не выдавали. Приходилось кушать крыс, мышат и всякую отраву, чтобы не умереть с голоду. Положение в лагерях было очень тяжелое. Находились в обнесенных проволокой казармах. Выходить на волю не было никакой возможности и не могли иметь связей с партизанами.

Наш лагерь, где я находился, помещался в деревне Вегорукса. Работали в лесу на лесозаготовках. Народу в лагере было много, они были собраны со всего района.

На работу ходили оборванные и босиком в летнее время. Многие из нас, молодежи, имели замыслы уйти к партизанам, в том числе и я, но не было никакой возможности, так как кругом была охрана.

С нами обращались жестоко, за малейшие поступки наказывали, пороли. Я сам за невыход на работу получал часто побои. Один раз по голому телу 10 раз дернули.

Приходилось выполнять различные работы, но в основном, один и тот же лагерь производил одну работу. Так были лагерь лесозаготовительные, дорожные и другие.

Работы были нормированы, оплата труда была мизерная. В первое время, примерно, зарабатывали по 3 марки в день, потом стали платить уже больше, некоторые стали зарабатывать до 20 марок в день. На деньги ничего нельзя было купить, никуда не отпускали. Деньги уходили лишь на продовольствие, т. е. на муку, которую нам выдавали. Мука, которую получали, была плохого качества, часто со смесью бумаги. Сваришь было в кружке 300 г муки – получается жиденькая похлебка. Обычно продовольствие выдаваемое съедали за три дня, а остальные 7 дней просидели голодными.

Финны в лагере вели свою агитацию, особенно, когда они и немцы подходили к Ленинграду. Говорили, что возьмем Ленинград, потом Москву и будет конец войне, будете хорошо жить. Мы, конечно, не верили этому и надеялись на победу Красной армии и скорое наше освобождение.

Мы знали, что некоторые люди из лагеря получают кое-какие сведения и листовки от партизан. Узнавали друг от друга новости о Красной армии. Самому мне листовок получать не приходилось. Радио слушать тоже не было возможности.

Когда финны стали чувствовать, что им придется уйти с нашей земли, нам ничего не говорили, стали увозить имущество и нашу молодежь. Мне с несколькими товарищами удалось уйти в лес, где двое суток ожидали прихода наших войск. Когда они пришли, нас сразу же взяли в армию. [...]

На РК. Ф. П-5425. Оп. 1. Д. 9/294. Л. 1–3. Копия. Машинопись.

* Минкин Владимир Петрович, 1923 г. рождения. До войны работал на пароходе «Работница» Беломорско-Онежского пароходства. Находился в оккупации, после освобождения служил в Красной армии. На момент записи воспоминаний работал в торговом отделе Заонежского района, проживал в деревне Великая Губа (Погост) Заонежского района КФСР.

** Дата записи воспоминаний.

149. Из протокола допроса А. П. Могилевой* о ее нахождении в трудовых лагерях в деревнях Пергуба и Семчегора

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда были водворены в лагерь?

Ответ: 29 марта 1943 года меня вызвали в комендатуру, после чего на автомашине доставили в лагерь Пергуба, где сжигали дрова на уголь для финских машин. Прожила я там около года, после чего перевезли на заготовку угля в [Семсвару]**. В лагере Святоволоок я была только три недели перед отступлением финской армии.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: Из знакомых в лагере никого нет.

Вопрос: Расскажите о режиме лагеря.

Ответ: Работали с 7 час[ов] утра до 11 час[ов] и [с] 12 до 16.00 часов. Во время работы нас охранял финский солдат. Платили за работу в среднем 5–6 марок в час. Хлеба, которого выдавали на сутки, не хватало, приходилось покупать у финских солдат, особенно шоферов. Свободное движение по улицам было до 9 час[ов], выходить из дома не разрешалось. Радио слушать не разрешали.

Вопрос: Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Был один случай, когда мужчин выстраивали в шеренгу, вывели трех человек, ударили палкой, а одному выстрелили в ногу. Больше я ничего не знаю, так как я жила в отдельном доме с женщинами, и мы нигде не были вместе с мужчинами.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 187–188. Подлинник. Рукопись.

* Могилева Анастасия Павловна, 1910 г. рождения, уроженка деревни Шелехово Кажемского сельсовета Заонежского района, русская.

** Деревня Семчегора.

187

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1947 г. Январь мес. 9 дня Я Иванов, Евгений Осип Иванович должность, воинск. орган, орган, фамилия
Лейтенант Коршунов В.А. допросил в качестве _____

1. Фамилия Машева
2. Имя и отчество Анастасия Ивановна
3. Дата рождения 28 декабря 1910 года
4. Место рождения д. Шелтово Котвинский волостной Заоничский район Карело-Финской ССР
5. Место жительства д. Ладожское Котвинского уезда Заоничский р-он Карел
6. Нап. и гражд. (подданство) русская, гражданка Союза Советских Социалистических Республик
7. Паспорт 43627 сфинским оргинором посетов баг котвин.
когда и какин органом выдан, номер, категор. и место прописки
8. Род занятий колхозница - Ладожское котвинского уезда Заоничский р-он Карело-Финской ССР
место служб и должность
9. Социальное происхождение из крестьян. Заработала само по себе занимаясь
род занятий родителей и их имущественное положение
в колхоз среднечное
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции _____
  - б) после революции колхозница с 1934 года
11. Состав семьи Братья - Шелтово Андрей Павлович, Михаил Ан-др
близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий
Павлович, Михаил Анисей Павлович - в Красной армии
Сестра - Кондина Мария Павловна прожив. в д. Паликозеро Заоничского района Карел.

Машева

Зак. 2948а.

12. Образование (общее, специальное) 3 класса нач. школы
13. Партийность (в прошлом и настоящем) беспартийная
14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, какин органом и за что)
  - а) до революции _____
  - б) после революции не подвергалась
15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти не имеет
16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете не состоит
17. Служба в Красной Армии (Красн. гвардии, в партизанских отрядах) когда и в качестве кого не служила
18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого) не служила
19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях не участвовала
20. Сведения об общественно-политической деятельности _____

Примечание: Каждая страница протокола должна быть заверена подписью допрашиваемого, а после нее — и допрашивающего.

Машева.

Показания обвиняемого (свидетеля) 188

9 июля 1947 г.

1. Когда были водворены в лагерь?
29 марта 1943 года меня вместе с командой утр, по приказу по обстановке доставили в лагерь Лордуба где сжигали дрова на уголь для финской машины. Протима я там около года, после чего перевели на заготовку угля в Селсваду. В лагере Свят-~~наволо~~кой я была только три недели перед выдворением финской армией.

2. Кто из знакомых находится в лагере?
Из знакомых в лагере только мой.

3. Расскажите о ратных походах?
Работало с 7 час. утра до 11 час. и 12 до 16 часов. В работе работю нас охранял финский солдат. Заставлял за работу в сумки 5-6 морков в час. Давали какой-то водовоз по сумки и привелись поучать в финские солдат, особенно шедеть. Своими походами по улицам было до 9 час. вечера, после 9 час. вылетать из дома на работу. Радио слушать не разрешали.

4. Что вам известно о злодеяниях противника?
Был один случай когда мучили вестричало в сумку, вывели трех человек, убили полком, одному выстрелили в ногу. Больше я ничего не знаю, так я была с отлученной дома с милиционером и мы ни с кем не были с милиционером.

Машкина.

А. И. Прокопьевич

150. Из протокола допроса П. П. Мосиенко* о его нахождении в лагере в деревне Святнаволоке

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы водворены были в финский лагерь?

Ответ: 28 октября 1941 года я вместе с товарищами находился в стро[ительном] батальоне на оборонных работах в д. Уницы, стро[ительный] батальон попал в окружение, после чего нас финны забрали в плен и водворили в лагерь, из которого перевели в лагерь, расположенный в Святнаволоке, где находился с 1941 года по 1944 год, по 29 июня, после отступления финских войск я нахожусь в Святнаволоке.

Вопрос: Чем занимались в лагере?

Ответ: Работал на хозяйственных работах.

Вопрос: Что Вы можете сказать о зверствах противника?

Ответ: Финские патрули над нами издевались, избивали нагайками резиновыми, меня один раз финский патруль[ный] солдат бил за то, что я сорвал несколько колосков ржи. А также, если идешь тихо** на работу, бьют прикладами. [...]

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 203–204. Подлинник. Рукопись.

* Мосиенко Павел Прокопьевич, 1888 г. рождения, уроженец станицы Апшеронская Краснодарского края, русский. Перед войной проживал в городе Петрозаводске, работал рабочим в Горстройтресте.

** Медленно.

151. Из протокола допроса М. П. Павловой* о ее нахождении в трудовых лагерях

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были взяты в финский лагерь.

Ответ: В финский лагерь меня взяли 15 марта 1942 г. в Фоймогубском сельсовете д. Харлово. В лагерь мы попали в момент эвакуации из д. Абалково**, т. к. войска противника стали подходить к нашей деревне, нас стали эвакуировать вглубь в тыл. С момента нахождения в лагере я работала на дорожном строительстве в лагере [№] 9605, который находился на 13-м разъезде. В данном лагере я работала с 1942 г. по 1944 г. В марте 1944 г. меня вместе с другими рабочими отправили в отпуск на 15 дней, после чего мы приехали с отпуска в лагерь между д. Юштозеро³ и Святнаволоке. В данном лагере мы работали на заготовке угля. 17 июня 1944 г. нас в количестве 105 человек отправили в Святнаволоке, где мы находились до прихода Красной армии.

Вопрос: Кто из ваших родственников находится в финском лагере?

Ответ: В лагере вместе со мной находятся две сестры моей мамы Амелина Анна Андреевна, Репина Валентина Андреевна, год рождения я их не знаю.

Выход на работу с 7 ч[асов] утра до 16 ч[асов] вечера, с перерывом на обед 1 час, кормили два раза, давали в обед кашу, на ужин суп, хлеба давали 350 г галет, а впоследствии – 425 г галет. Были ли зверства к рабочим, я пояснить не могу, так я об этом не слышала, и сама не испытывала.

* Павлова Мария Петровна, 1919 г. рождения, уроженка деревни Харлово Фоймогубского сельсовета Заонежского района, русская. До войны работала в портновской мастерской поселка Соломенное.

** Очевидно, имеется в виду деревня Обалковская Толвуйского сельсовета Заонежского района.

3* Деревня Юстозеро.

152. Из протокола допроса Ф. И. Павловой* о ее нахождении в лагере**

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: В лагерь я попала 3 ноября 1941 года.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы попали?

Ответ: Я работала на оборонных работах в Унице, там нас захватили финны в плен и отправили в лагерь, где я и нахожусь сейчас.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работала на разных работах

Вопрос: Какой порядок был в лагере, где вы были.

Ответ: Работали 8 часов. Сначала кормили очень плохо, потом кормить стали лучше. Лагерь охраняли, выход из лагеря воспрещался. Вообще хождение разрешалось до 8 часов вечера.

Вопрос: Что вам известно о зверствах.

Ответ: Были случаи, избивали. Меня лично никогда не били.

Вопрос: Кто из ваших близких знакомых находится с вами в лагере?

Ответ: Со мной близких знакомых нет.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 77–78. Подлинник. Рукопись.

* Павлова Фаина Ивановна, 1919 г. рождения, уроженка Калининской области. Перед войной проживала в городе Петрозаводске.

** Место нахождения лагеря в протоколе не указывается, возможно, Святнаволоцкий лагерь.

153. Из протокола допроса А. П. Пахомовой* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: До оккупации территории Заонежского района финнами я проживала в д. Пустоша Толвуйского с/с[овета] Заонежского р[айо]на при матери, с приходом финнов 19.11.1941 г. мы были эвакуированы в д. Тявзию Заонежского р[айо]на. В марте м[еся]це 1942 г. я была направлена финнами в лагерь при д. Лижма Кондопожского р[айо]на, а в сентябре м[еся]це 1942 г. меня финны отправили из лагеря домой в д. Тявзия Заонежского района, где я проработала 2 месяца в сельском хозяйстве финнов на общих работах, а в ноябре 1942 г. финны меня направили в д. Русиново** в финский штаб уборщицей. Этот штаб находился в 8 км от д. Тявзия. В Русиново при штабе уборщицей я проработала 8 месяцев, а в июне 1943 г. я была направлена в д. Бело-

хино Заонежского района Толвуйского сельсовета, где я работала уборщицей в доме начальника сельского хозяйства в этой деревне Vuorенина, которому я также и обеды готовила. 17.05.1944 г. меня направили из д. Белохино в лагерь при г. Медвежьегорске, где я находилась по 16.06.1944 г., и 17.06.1944 г. была направлена в Святнаволоцкий лагерь Петровского района.

Вопрос: Чем вы занимались в лагерях?

Ответ: В Кондопожском лагере работала на дорожном строительстве, в Медвежьегорском лагере сушила белье, которое мыли специальной машиной, а в Святнаволоцком лагере работала на сельскохозяйственных работах.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находился в Святнаволоцком лагере?

Ответ: Из моих знакомых в указанном лагере находится Назарова Мария Никитична 1926 года, русская. Знаю я Назарову еще с детства, так как вместе проживали в д. Пустоши Толвуйского с/с[овета] Заонежского р[айо]на.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях финских властей?

Ответ: О злодеяниях финских властей мне известно, что, когда финнами была оккупирована д. Тявзия Фоймогубского с/с[овета] Заонежского р[айо]на, последними производились повальные обыски у населения деревни и изымался хлеб и другие продукты бесплатно, а тех, кто говорил, что хлеба нет, их финские солдаты избивали палками, прикладами и т. д. Эти обыски в д. Тявзия производились финнами в ноябре и декабре м[еся]цах 1941 года. Фамилии граждан, которых избивали финские солдаты при обысках, я не помню, а также не помню и фамилии солдат, которые избивали население.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 47–48. Подлинник. Рукопись.

* Пахомова Анна Петровна, 1926 г. рождения, уроженка деревни Пустоша Толвуйского сельсовета Заонежского района.

** Деревня Русиновская.

154. Из протокола допроса М. И. Пахомовой* о ее нахождении в трудовых лагерях города Кондопоги и № 9839

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в финский лагерь?

Ответ: В финский лагерь я попала в феврале месяце 1942 г. из дома от родных, в начале войны при занятии территорий финнами я проживала с родными, и после чего меня финны взяли в лагерь, и также других девушек, и также моя родственница двоюродная сестренница Дорохова Анна Ивановна с одного сельсовета.

Вопрос: Где попали в лагерь в первый раз и где находились?

Ответ: В лагере я находилась в г. Кондопоге с февраля месяца 1942 г. до октября месяца 1942 г., я работала на различных работах: лес сплавляли, заготовливали. После чего лагерь был распущен, и я была отпущена, как и все, домой. Дома проживала у родных до марта месяца 1944 г., а в марте 1944 г. финские власти взяли нас опять в лагеря на трудовые работы. Они отправили меня в лагерь № 9839, в котором я была до 29.06.1944 г.

Вопрос: Кто из знакомых находится вместе с вами в лагере?

Ответ: Из знакомых в лагере были девушки и находятся сейчас из одной деревни Лазарева Екатерина Константиновна, 1924 года рождения, дер. Коровниково Паяниц-

кого сельсовета, а также еще из одной деревни есть другие девушки: Берегова Александра Андреевна, Пахомова Анна Николаевна, Чивакова Мария Алексеевна.

Вопрос: Что вам известно о зверствах финских варваров?

Ответ: Финские солдаты и патрули издевались над русскими и ненавидели русских, особенно мужчин. Меня лично не избивали, а детей и мужчин я слышала, что побивали и заключали в карцеры.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 75–76 об. Подлинник. Рукопись.

* Пахомова Мария Ивановна, 1922 г. рождения, уроженка деревни Коровниково Паяницкого сельсовета Заонежского района, русская. До войны работала в вышивальной мастерской деревни Батова Заонежского района.

155. Из протокола допроса И. К. Перцова* о его нахождении в Святнаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: Из заключения нас под надзором направили на оборонные работы в д. Кяппесельгу, 28.10.1941 г. мы попали в плен, где я был водворен в лагерь финский в Уницы, и с Уницы нас перевезли в Святнаволоцком лагерь № 7 30.10.1941 г., и до 29.06.1944 г. находились в Святнаволоке.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: У финнов в лагере я работал на общих работах, конюхом работал и на сельскохозяйственных работах.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Да финские солдаты, напившись пьяные, ходили по домам без разбора, кого найдут, и избивали русских, больше мужчин, и избивали женщин и детей. Меня лично финский солдат-переводчик бил по щекам, по голове за то, что у меня болела рука и одеть нечего было. Они не разбирались и избивали.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 21–22. Подлинник. Рукопись.

* Перцов Иван Кириллович, 1899 г. рождения, уроженец Орловской области, русский. Был осужден за недостачу хлеба в 1937 г., и в начале войны находился в лагере в поселке Повенце.

156. Из протокола допроса А. Г. Петрова* о пребывании в Святнаволоцком лагере

4 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: В лагерь я попал 25 октября 1941 года.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы [туда] попали?

Ответ: Я переезжал из деревни Шайд[омы] в деревню Кяппесельгу, по дороге меня поймали финские солдаты и взяли в плен, а потом я был направлен в лагерь.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работал истопником бани.

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. 10 июля мес. 10 дня. Я Оперуполномоченный
Л. К. Перцова допросил в качестве
должности, имени, органа, фамилия

1. Фамилия Петров

2. Имя и отчество Александр Георгиевич

3. Дата рождения 1910 Марта 1907 года

4. Место рождения Малышевская ст. Каролюцкий р-н
Евразовский с/п. д. Петрово

5. Местожительства д. Шайдоланца

6. Нац. и гражд. (подданство) Русский из СССР

7. Паспорт Нет
когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки

8. Род занятий Историк в БКА
место службы и должность

9. Социальное происхождение из крестьян
отца Зайкина и матери Ивановой
род занятий родителей и их имущественное положение
в колхозе с 1930 года

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции _____

б) после революции _____

11. Состав семьи Мать Петрова Анна Семеновна
браты Петров Иван Георгиевич 1897 год
Тригорин Георгий 1900
сестра Вера Ивановна Семеновна
живут в Каролюцкий р-н
Александр Петров, Ольга Александровна
находятся в плену в лагере

Зак. 2046а.

1941 г.

Вопрос. Когда вы попали в лагерь?
 Ответ. В лагерь я попал 25 октября 1941 года.

Вопрос. Три недели до этого вы были в плену?
 Ответ. Я перевезена из деревни Майдново в деревню Кзымиско под городом Мухомово. Мы работали принудительно с октября и в зен в плен я попал 15 ноября на направлении в лагерь.

Вопрос. Вы бы захватились в лагере?
 Ответ. В лагере я работала бетонщиком в саду.

Вопрос. Какой порядок был в лагере?
 Ответ. Работали неограниченное время платили только последнее время 180 марок в месяц. Кормили сначала очень плохо в 1944 году кормить стали лучше.

Вопрос. Кто занимался избиением?
 Ответ. Меня бил мл[адший] сержант, фам[илии] не знаю, второй раз бил мастер Сойта.

Вопрос. Кто из ваших знакомых находился с вами в лагере?
 Ответ. Со мной еще один подросток Маренкин Михаил Иванович, больше никого нет.

Вопрос. Кто занимался избиением?
 Ответ. Меня бил мл[адший] сержант, фам[илии] не знаю, второй раз бил мастер Сойта.

Вопрос. Кто из ваших знакомых находился с вами в лагере?
 Ответ. Со мной еще один подросток Маренкин Михаил Иванович, больше никого нет.

Вопрос. Когда вы попали в лагерь?
 Ответ. В лагерь я попала со всей семьей в ноябре месяце 1941 года, финны нас взяли всей семьей и заключили в лагерь, во 2-й Свири и взяли.

Вопрос. Что вы делали в лагере?
 Ответ. Я работала в лагере, пилила дрова и на разных работах.

Вопрос. Кто есть знакомые в лагере?
 Ответ. В лагере есть знакомая одна женщина с одной деревни, где мы жили, она меня хорошо знает, и я ее также хорошо знаю, Неелова Агриппина Михайловна.

Вопрос. Что вам известно о злодеяниях противника?
 Ответ. Да, финны над русскими издевались, особенно избивали мужчин и молодых ребят.

Действ.

Вопросы следственной комиссии Л. П. Козлов

Подпись

Вопрос: Какой порядок был в лагере?
 Ответ: Работал неограниченное время, платили только в последнее время 180 марок в м[есяц]. Кормили сначала очень плохо. В 1944 году кормить стали лучше.

Вопрос: Что Вам известно о зверствах?
 Ответ: Обращались очень плохо в лагере, где я был. Недалеко от реки Шуя были случаи расстрела, а били каждый день. Меня тоже били 3 раза.

Вопрос: Кто занимался избиением?
 Ответ: Меня бил мл[адший] сержант, фам[илии] не знаю, второй раз бил мастер Сойта.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находился с вами в лагере.
 Ответ: Со мной еще один подросток Маренкин Михаил Иванович, больше никого нет.

Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8299. Л. 27-28. Подлинник. Рукопись.

* Петров Александр Георгиевич, 1907 г. рождения, уроженец Калининской области, русский. С 1936 г. отбывал наказание в Беломорско-Балтийском комбинате.

157. Из протокола допроса Е. Ф. Петровой* о нахождении в Святнаволоцком лагере

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в лагерь?
 Ответ: В лагерь я попала со всей семьей в ноябре месяце 1941 года, финны нас взяли всей семьей и заключили в лагерь, во 2-й Свири и взяли.

Вопрос: Что Вы делали в лагере?
 Ответ: Я работала в лагере, пилила дрова и на разных работах.

Вопрос: Кто есть знакомые в лагере?
 Ответ: В лагере есть знакомая одна женщина с одной деревни, где мы жили, она меня хорошо знает, и я ее также хорошо знаю, Неелова Агриппина Михайловна.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?
 Ответ: Да, финны над русскими издевались, особенно избивали мужчин и молодых ребят.

Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8299. Л. 31-32. Подлинник. Рукопись.

* Петрова Елена Федоровна, 1898 г. рождения, уроженка деревни Демидовская Подпорожского района Ленинградской области, русская. Перед войной проживала на железнодорожной станции Свири 2-я Подпорожского района. Находилась в лагере с детьми и мужем Федором Дмитриевичем (умер в лагере).

158. Из протокола допроса Е. А. Петровой* о ее нахождении в трудовых лагерях № 8010 и 9839 и в Святнаволоцком лагере

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: В виду отсутствия транспорта мне эвакуироваться до прихода финнов вглубь своей страны не представилась возможность. 10.11.1941 г. финнами была оккупирована д. Таровская, где я проживала. В конце 1941 года я была эвакуирована финнами в деревню Харлово Фоймогубского сельсовета Заонежского района, а 15.03.1942 г. я была направлена финнами в лагерь № 8010, находившийся в 10 км от ст[анции] Масельской. В этом лагере я проработала на дорожном строительстве по март месяц 1944 г. и была направлена в лагерь № 9839, где я работала рабочей по изготовлению древесного угля. В июне месяце 1944 г. меня направили в лагерь при деревне Святнаволоке Петровского района, где я нахожусь и по настоящее время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в Святнаволоцком лагере?

Ответ: Здесь находится моя знакомая Павлова Ма[рия] Петровна 1919 год рождения, б/п. С Павловой я познакомилась в 1942 г. в момент нахождения вместе в лагере № 8010.

Вопрос: Расскажите о режиме в финских лагерях, где Вы находились?

Ответ: Работали мы 8 часов в сутки. Работали под наблюдением финских дорожных мастеров, так как работала на строительстве дорог, и под охраной финских патрулей. После работы нас патрули уводили в бараки, которые также охранялись патрулями. Самостоятельно из лагеря отлучаться строго запрещалось. К нам никого в барак, где проживали только одни девушки, из мужчин не пропускали. Питание было плохое почти все время, так как улучшили питание только в начале 1944 г. А тогда выдавали 350 г хлеба на день, селедки грамм 20, сыру грамм 20 и жидкого супу 1 литр на день, кроме этого давали еще небольшую порцию каши из ржаной муки без масла. Финские мастера часто избивали девушек за разные пустяки. Фамилии мастеров, которые избивали девушек, я не помню.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 33–34. Подлинник. Рукопись.

* Петрова Евдокия Андреевна, 1916 г. рождения, уроженка деревни Таровская Толвуйского сельсовета Заонежского района, русская. Перед войной работала заведующей детскими яслями колхоза имени Кирова.

33

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. Июль мес. 12 дня. Я Нач. отд. следств. чина МВД
Карело-Финской ССР допросил в качестве _____
должность, наименование, органа, фамилия

1. Фамилия Петрова

2. Имя и отчество Евдокия Андреевна

3. Дата рождения 9/II 1916 г.

4. Место рождения д. Таровская, Толвуйского с/с, Заонежского р-на КФССР

5. Место жительства д. Таровская, Толвуйского с/с, Заонежского р-на.

6. Нац. и гражд. (подданство) Русская

7. Паспорт Финский № С 012623 выданный в 1943 г.
когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки

8. Род занятий Работала в к/х им. Кирова, Толвуйского с/с, зав. дет. яслями
место службы и должность

9. Социальное происхождение Из крестьян-бедняков
род занятий родителей и их имущественное положение

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции —

б) после революции Бедняки

11. Состав семьи Миря-Оттамонов Михаил Фомич 1907 г. в Военной
банке родственники, их имена, фамилии, адреса и род. занятий
Воинский список с 1941 г. Завед. Миря-Оттамонов Фомич Евгеньевич
лет 65-ти, проживает в д. Зорчино, Толвуйского с/с, Заонежского р-на.
— Петрова Е

Защ. 2946а.

34

Вопрос: Когда вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: Ввиду отсутствия транспорта мне эвакуироваться до начала июня в шведской стороне не представлялось возможным. 10/VI 1941 г. финнами была оккупирована г. Морозовка, где я проживала. В июне 1941 г. я была эвакуирована финнами в г. Хельсинки, Фрейгофенского ул., Заставинского в-ла, а 15/VI 1942 г. я была направлена финнами в лагерь № 8010 находящийся в 10 км. от ст. Масловской. В этом лагере я проработала на дорожном строительстве по марту 1944 года и была направлена в лагерь № 9838, где я работала по изготовлению древесного угля. В июне 1944 г. меня направили в лагерь при г. Свети-Наволока, Петровского ул., где я нахожусь и по настоящее время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в Свети-Наволоцком лагере?

Ответ: Здесь находится моя подруга Наталья Ивановна Петрова 1919 г. рождения в/м. с Павловой я познакомилась в 1942 г. в момент нахождения в лагере № 8010.

Вопрос: Расскажите о жизни в финских лагерях, где вы находились?

Ответ: Работали мы врасе в сумки. Работали под наблюдением финских дорожных мастеров, так как работали на строительные работы по охране финских панцирей. После работы нас панцири чистили в бараке, которые также охранялись панцирями. Самостоятельно из лагеря отлучались строго запрещалось. Еды много в бараке, но получали только одну порцию, из которой не поступали. Питание было плохое почти все время так как приносили питание только в начале 1944 г. А тогда выдавали 350 г. хлеба на день, сметаны 200 г., сыр 200 г. и пятикопейку 1 литр на день, кроме этого давали еще небольшую порцию каши из рисовой муки без масла. Отнимали материю за то привели девушек за разные ценности. Финский мастер, который избивал девушек я не помню.

Петрова

Фотоснимки: Нам. Мат. Фотоснимки Чувств. Криво
ул. 1-й этаж ИФРМТЗ + Дробазар

Подпись

159. Из протокола допроса Я. П. Петрова* о его нахождении в концлагеря № 2 города Петрозаводска и в Кутижме

11 июля 1944 г.

Вопрос: Скажите, когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: В 1941 году я был мобилизован на оборонные работы, работу мы производили на берегу Свири в Вознесенском районе Лен[инградской] области. С конца сентября нас всех, находящихся на оборонных работах, захватили финны и направили в д. Усланку Подпорожского р[айо]на, где я пробыл 4 недели и был направлен в лагерь № 2 г. Петрозаводска, где пробыл 4 м[еся]ца, после чего был направлен на лесозаготовки на ст[анции] Кутижма. Кир[овской железной дороги], где проработал 11 месяцев на лесозаготовках, я заболел и был направлен в лагерь № 2 г. Петрозаводска, где пробыл до апреля м[еся]ца 1944 г., после чего был направлен в лагерь Святнаволоц, где я нахожусь в настоящее время.

Вопрос: Скажите, кто из ваших знакомых находится с вами в лагере?

Ответ: Из знакомых у меня здесь находятся следующие граждане: Артюхин Александр Александрович, Чернева Мария, которых я знаю по жительству в г. Петрозаводске.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях финских захватчиков?

Ответ: Находясь на лесозаготовках на ст[анции] Кутижма, я был очевидцем таких фактов: на лесозаготовках нам выдавали хлеба по 250 г и тарелку баланды, а работать приходилось по целым дням, хлеба не хватало и некоторые ходили просить хлеба на станцию, кого заметят на станции — приводили его в лагерь, выстраивали всех в шеренгу, провинившегося раздевали, клали на скамейку, покрывали мокрой простыней, осыпанной солью, били розгами 25–30 раз, через каждую минуту по удару, избивали лейтенанты Саловаара** и Богомолевский*.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 7–8. Подлинник. Рукопись.

* Петров Яков Петрович, 1911 г. рождения, уроженец деревни Бельково Порховского района Ленинградской области, русский. До войны работал бетонщиком в поселке Свирь-2.

** Также упоминается в документах как Саловаари, Сааловаара.

* Правильно: Богоявленский; также упоминается как Богомалинский, Боголевский.

160. Из протокола допроса Т. П. Петрушиной* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были направлены в лагерь?

Ответ: В период оккупации финнами проживала [в] д. Медведево Заонежского района, нигде не работала. 13.03.1942 года вызвали [в] финскую комендатуру, откуда на машинах отправили в лагерь около 13-го разъезда Медвежьегорского р[айо]на, где работала на стройке новой железной дороги. 11.03.44 года направили Семсварский** лагерь № 9838, где работала на заготовке угля для газогенераторов. 18.06.44 года перевели [в] Святнаволоцкий в лагерь Петровского района КФССР.

Вопрос: Кто из ваших родных или близких знакомых находится в лагере?

Ответ: Со мной в лагере находится Васильева Елена Васильевна, 1925 года рождения], уроженка дер. Нестерова Заонежского р[айо]на.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Когда в лагере кормили плохо, я ходила за хлебом в д. Кяппесельгу, за что меня избил вяпель [старшина] Риниця Александр, финн, палкой до того, что я не могла два дня работать и также избивали Кашина, Парфенова, Клюкина палками перед строем лагеря.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 11–12. Подлинник. Рукопись.

* Петрушина Таисия Петровна, 1926 г. рождения, уроженка деревни Педасельга Деревянского сельсовета Прионежского района, русская. До войны – ученица-вышивальщица Хашезерской артели Заонежского района.

** Очевидно, имеется в виду деревня Семчегора.

161. Из протокола допроса А. П. Пичугиной* о пребывании в трудовом лагере № 9838 и в Святнаволоцком лагере

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в финский лагерь?

Ответ: Я жила в дер. Есино Кажемского с/с[овета] Заонежского района с родными, и финны собирали девушек и детей, кому было 15 лет, забирали в лагерь, и меня взяли от родных в июне 1942 г. в лагерь [№] 9838, из этого лагеря перевели в Святнаволоцком лагерь № 7 18 июня 1944 г.

Вопрос: Что вы делали в лагере?

Ответ: Я в лагере работала, возила дрова, пилила дрова, работала на разных работах.

Вопрос: Кто с вами есть в лагере знакомые?

Ответ: Есть знакомые трое девушек из одного села Шуньги, где я проживала. Их взяли еще раньше меня в лагерь. Пономарева Александра Ивановна, ее сестра Пономарева Клавдия Ивановна и ее же сестра Пономарева Мария Ивановна, они были вместе в лагере [№] 9838, там я их встретила.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Мне рассказывали наши девушки, которые были в лагере на работе, дорогу ремонтировали в Медгоре** и их избивали палками.

Когда мы приехали в лагерь № 7 в Святнаволоцком, видели, как солдаты финские избивали двух мужчин палками, и одному прострелили ногу, фамилии я его не знаю, но он живет в нашем лагере.

Архив УФСБ России по РК. ФТМД № 8299. Л. 25–26. Подлинник. Рукопись.

* Пичугина Александра Павловна, 1928 г. рождения, уроженка деревни Вороний Остров Типицкого сельсовета Заонежского района, до войны проживала в селе Шуньга, русская.

** Медвежьегорске.

162. Из протокола допроса И. А. Плешачева* о его нахождении в концлагере № 2 города Петрозаводска и в Святнаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в лагерь?

Ответ: В лагерь я попал с мамой, двумя сестрами. Мы находились, жили на 2-й Свири в лесу, и когда финны оккупировали нашу территорию и нас взяли в плен, заключили в лагерь в г. Петрозаводске, в лагерь № 2 29 октября 1941 года. И после чего нас перевели в деревню Святнаволоцком и здесь [мы] проживали 7 месяцев с 1943 г. с декабря месяца.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: Я на работу ходил в лагере, пилил дрова на бирже, на разных работах.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Меня финские солдаты били плетями 2 раза 55 плеток за то, что я ходил в город искать хлеба, т. к. в лагере нормы не хватало. Они не обращали внимания ни на что, избивали детей и особенно мужчин, били ни за что. А также били плетями в лагере г. Петрозаводске девушек за то, что они ходили в город.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 43–44. Подлинник. Рукопись.

* Плешачев Иван Андреевич, 1926 г. рождения, уроженец деревни Плотишно Пидемского сельсовета Подпорожского района Ленинградской области, русский.

163. Из протокола допроса Н. И. Подгорского* о его нахождении в Святнаволоцком лагере

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы водворены в лагерь?

Ответ: Я был отправлен из Петрозаводска на оборонные работы и 20 октября 1941 г. около Униц я вместе с другими попал в плен к финнам. Меня финны сразу отправили в лагерь в Святнаволоцком, где и нахожусь по настоящее время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере?

Ответ: Мне здесь знакомы Белаковский Николай, Савинков Петр Арсентьевич.

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: Первые 2 года здесь, в лагере, мы очень голодали. Финны издевались над нами и били очень часто. Мне самому не раз попадало, а 2 раза особенно сильно, когда меня стегали резиновой плеткой, внутри которой вставлена металлическая проволока.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 55–56. Подлинник. Рукопись.

* Подгорский Николай Иванович, 1909 г. рождения, уроженец города Вытегры, русский. Перед войной проживал в городе Петрозаводске, работал кладовщиком Наркомата пищевой промышленности.

12 июля 1944 г.

НКВД СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Карело-Финской ССР

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1944 г. Июля мес. 12 дня. Я Наи. Маг. Ойгела Чимкель Корея должность, измен. организ. фамилия

Корея-Дробава допросил в качестве _____

1. Фамилия Подгорная
2. Имя и отчество Александра Степановна
3. Дата рождения 5/III 1920 г.
4. Место рождения д. Задрья, Митинишского еп. Засненского р-на, Корея
5. Местожительство д. Задрья, Митинишского еп. Засненского р-на
6. Нац. и гражд. (подданство) Русская
7. Паспорт Финский № 0 - 012 496 выданной в 1943 г.
когда и каким органом выдан, номер, категор. и место прописки
8. Род занятия Работала библиотекарем при епископской библиотеке в д. Митинишья Горы, Засненского р-на.
место службы и должность
9. Социальное происхождение Из крестьян-бедняков.
род занятий родителей и их имущественное положение
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
  - а) до революции _____
  - б) после революции Служебная.
11. Состав семьи

1) Отец Подгорный Степан Яковлевич лет 58, в браке родственник, их имена, фамилия, адреса и род занятий
1937 г. репрессирован органами НКВД в лагерь Подгорная Анна Николаевна лет 54, проживает в д. Задрья, Митинишского еп. работала в епископстве Финляндии. Подгорный Михаил Степанович 1917 г. призван в 1941 г. в Красную Армию. Успенков Подгорная Надежда Степановна с 1924 г. проживала до войны в Петрозаводске, работала швейцаркой в трамбазе и была вывезена в финскую организацию. в 1941 г. эвакуировалась в швейцарский город. Подгорный Михаил Степан. 1927 г. братья Подгорный Василий Степан. 1929 г. оба они проживают в Финляндии в Задрья, также проживают братья Леонид. 1931 года - Подгорная А. С.

Показания обвиняемого (свидетеля) _____ 194 г. _____ 6

Вопрос: Когда вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: Ввиду отсутствия транспорта мне не предоставляли возможности эвакуироваться в лагерь своей епархии и поэтому проживать в своей деревне - Задрья, Митинишского еп. которая 10/III 1941 г. была оккупирована финнами. До 26/III 1942 года я работала в епархии в дачной деревне, а 26/III 1942 г. меня финны направлены в лагерь № 8010, находившийся около 13го разреза. В этом лагере я работала швейцаркой на дорожном строительстве по 16/III 1942 г. и была переведена в лагерь № 9605 около д. Медвенейо. В лагере № 9605 я работала ткачихой на швейцарском станке до марта м.ч. 1944 г. и была переведена в лагерь № 9838 в 18-ти км. севернее от д. Свет. Наваики, Петровского р-на. В лагере № 9838 я работала швейцаркой по изготовлению деревянных стульев. 17/III 1944 г. была направлена в лагерь при в.д. Наваики, Петровского р-на, где находилась и в финское время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых проживает в Свет. Наваикином лагере?

Ответ: В указанном лагере находились моя подруга Валентина Эдгартовна Вилгорссена, с 1919 г. родилась в д. Русская, проживает в д. № 26.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях финских властей?

Ответ: Об этом мне известно только то, что финны за малейшие провинности, особенно заглазно избивали и применяли пытки наказывая в лагерях, например, 13/III 1943 г. Я и мои подруги в бараке тайком таяли без музыки из-за это нас заб. хозяйствен Юртонен Ваино, фин, лет 35-ти, среднего роста, заставлял работать вокруг дачи по 5 раз и когда мы обдепали по 5 раз вокруг дачи, он еще заставлял обдепать дачи 5 раз и мы вынуждены были это делать, так как за неподчинение мы могли быть вывезены по епархии наказание.

Подгорная А.
Допросил: Наи. Маг. Ойгела Чимкель Корея
мл. ст. инж. Ирттиля / Дробава

Подпись

Вопрос: Когда Вы были направлены финнами в лагерь?

Ответ: В виду отсутствия транспорта, мне не представилась возможность эвакуироваться в глубь своей страны и [я] осталась проживать в своей деревне Задняя Типиницкого сельсовета, которая 10.11.1941 г. была оккупирована финнами. До 26.03.1942 г. я работала в сельском хозяйстве в данной деревне, а 26.03.1942 г. меня финны направили в лагерь № 8010, находившийся около 13-го разъезда. В этом лагере я работала чернорабочей на дорожном строительстве по 16.08.1942 г. и была переведена в лагерь № 9605 около д. Медвежка. В лагере № 9605 я работала также на строительстве дорог до марта месяца 1944 г. и была переведена в лагерь № 9838 в 18 км севернее от д. Святнаволока Петровского р[айона]. В лагере № 9839 я работала чернорабочей по изготовлению древесного угля. 17.06.1944 г. была направлена в лагерь при Святнаволоке Петровского р[айона], где нахожусь и в данное время.

Вопрос: Кто из ваших знакомых проживает в Святнаволоцком лагере?

Ответ: В указанном лагере находится моя подруга Галашкина Екатерина Григорьевна, с 1919 г. рожд[ения], б/п, русская, проживает в д. № 26.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях финских властей?

Ответ: Об этом мне известно только то, что финны за малейшие пустяки, невинно зачастую избивали и применяли другие наказания к лагерникам, например, 13.12.1943 г. я и мои подруги в бараке тайком танцевали без музыки и за это нас зав[едующий] хозяйством Партонен Вяйно, финн, лет 35, среднего роста, заставил пробежать вокруг дома по 5 раз, и когда мы обежали по 5 раз вокруг дома, он еще заставил обежать дом 5 раз, и мы вынуждены были это делать, так как за неподчинение он мог бы дать нам другое, построже наказание.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 5–6. Подлинник. Рукопись.

* Подгорная Александра Степановна, 1920 г. рождения, уроженка деревни Задняя Типиницкого сельсовета Заонежского района, русская. До войны работала библиотекарем.

165. Из протокола допроса А. В. Политовой* о ее нахождении в трудовом лагере № 9838

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в финский лагерь?

Ответ: 9.11.1941 г. была оккупирована финнами территория Заонежского района КФССР, где я и находилась до 16.02.1942 г., затем была эвакуирована финскими властями в д. Цилопол[е] Заонежского р[айона], где работала на заготовке дров и в [сельском] хозяйстве. 27.04.1943 г. мне объявил староста Зацепин Александр об отправке на работу в Пергубу (Перлахта № 9838), где [я] пробыла до 9.01.1944 г. Затем была направлена в Семсвару** от этого же лагеря. 18.6.1944 перевели в Святнаволоцкий лагерь Петровского района.

Вопрос: Чем вы занимались в финском лагере?

Ответ: Все время я работала на заготовке дров.

Вопрос: Расскажите об условиях в лагере.

Ответ: Работать заставляли с 7.00 часов до 4.00 часов вечера, кормили очень плохо, давали на обед кашу (жидкую как клейстер) на ужин давали суп с гнилой колбасой. Хлеба давали 300 г на день.

Вопрос: Кто из ваших родных и близких знакомых находится или находился в финском лагере?

Ответ: Со мной вместе в финском лагере находилась Демчук Анна Александровна, 1918 г. рожд[ения], урож[енка] д. Пустоши Заонежского р[айона] КФССР, больше других знакомых никого нет в финском лагере.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 71–72. Подлинник. Рукопись.

* Политова Александра Васильевна, 1916 г. рождения, уроженка деревни Лазарево Заонежского района, русская. До войны работала счетоводом районной сберкассы села Шуньга.

** Деревня Семчегора.

166. Из протокола допроса А. И. Поляковой* о ее нахождении в трудовых лагерях № 9604, 8010, 9839

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: 27 сент[ября] 1941 года меня эвакуировали из гор. Петрозаводска, после чего я приехала к родным в дер. Бавинская** Заонежского р[айона]. После этого меня отправили на оборонные работы в Шуньгу, где я проработала 2 недели. Я была освобождена от работ по болезни и приехала домой, после чего нас захватили финны. 17 марта 1942 года меня отправили вместе с семьей в лагерь г. Медвежьегорск, где мы работали 2 м[есяца], после этого отправили в лагерь № 9604 (около Чебино). Там я работала больше года и была направлена в лагерь № 8010 (около Чебино). 26.04.1944 г. меня отпустили в отпуск на 3 недели, после чего направили в лагерь № 9839 в 5 км от Юстозера. 18.06.1944 г. я прибыла в лагерь Святнаволока.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работала на строительстве дорог.

Вопрос: Кто из знакомых находился в лагере?

Ответ: Из знакомых в лагере находится: Федорова Мария Александровна 1922 года рождения, работала вместе на строительстве дорог.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: На работу водили под охраной финских солдат. Заставляли много работать, питание было плохое. Кто не мог работать, того заставляли. Тяжелобольных отправляли в больницу. Настроение у людей было плохое.

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: О злодеяниях противника мне ничего не известно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 69–70. Подлинник. Рукопись.

* Полякова Анна Ивановна, 1923 г. рождения, уроженка Вырозерского сельсовета Заонежского района, русская. Перед войной работала мотористом на Северной точке в городе Петрозаводске.

** В списках населенных мест данное наименование деревни в составе Заонежского района не значится, вероятно имеется в виду деревня Бавинская Вырозерского сельсовета.

167. Из протокола допроса Е. И. Поляковой* о ее нахождении в трудовом лагере**

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: В марте м[еся]це 1942 г. я попала в лагерь, меня взяли от родных из дома.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: Я работала в лагере [на] разн[ых] работах, [делали] дороги.

Вопрос: Кто есть знакомые в лагере?

Ответ: Есть знакомая девушка с одного [со мной] колхоза — Жаркова Анастасия Ильинична, из дер. Широкие поля Вырозерского сельсовета Заонежского района

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: В лагере финны сильно избивали людей плетками за то, что [те] ходили искали хлеб, да иногда ни за что били.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 67–68.

* Полякова Екатерина Ивановна, 1925 г. рождения, уроженка деревни Бабинская (Бабино, Вырозеро) Вырозерского сельсовета Заонежского района, русская.

** Очевидно, находилась в трудовом лагере в деревне Пегрема Ламбасручейского сельсовета Заонежского района.

168. Из протокола допроса М. М. Помазовой* о ее нахождении в трудовых лагерях

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда попали в финский лагерь?

Ответ: До оккупации Заонежского района противником я проживала в д. Самсоново. 4.12.1941 г. была эвакуирована финнами вместе с родителями в д. Поля Типиницкого сельсовета Заонежского района, где работала на заготовке дров по мобилизации финнами. 16.03.1942 г. вызвали [в] Полевский финский штаб, откуда направили в лагерь на 13-й разъезд М[едвежье]горский район, где работала на строительстве новой дороги. 14.08.1942 г. перевели на строительство дороги на Кяппесельгу М[едвежье]горского района. 10.03.1944 г. перевели в лагерь Семсвара** № 9838, работала, жгла уголь для генераторных автомашин. 17.06.1944 г. перевели в Святнаволоцкий лагерь.

Вопрос: Кто из ваших родных и близких знакомых находится в лагере?

Ответ: Вместе со мной в одном лагере находится двоюродная сестра Корнилова Анна Михайловна, 1924 года рождения, уроженка дер. Мишалево Кузарандского сельсовета Заонежского района, нац[иональность] русская, б/п, образование н[еполное] среднее, в лагере работала на тех же работах, что и я.

Вопрос: Расскажите об условиях в лагере?

Ответ: В лагере жили очень плохо, рабочий день 8 час[ов]. Кормили кашей из ржаной муки, похожей на клейстер, на ужин давали суп из отбросов, хлеба давали около 280 г на день.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: В лагере часто избивали палками, летом 1943 г. мальчика Федотова Леонида избили палками мастера, фамилии их не знаю, за то, что он сходил из лагеря

за хлебом. Часто давали норму заготовленных дров [в] выходные дни и после окончания рабочего дня.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 63–64.

* Помазова Мария Михайловна, 1923 г. рождения, уроженка деревни Самсоново Кузарандского сельсовета Заонежского района, русская.

** Имеется в виду деревня Семчегора.

169. Из протокола допроса А. И. Пономаревой* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: 9 ноября 1941 года живя в Заонежском районе с. Шуньга, попала в плен. 13 марта 1942 года направили в лагерь у 13-го разъезда. 15 августа перевели в другой лагерь у д. Медгора. 12 апреля 1944 г. переведена работать на уголь в лесу и 18 июня перевели в д. Святнаволоц.

Вопрос: Кто из знакомых находился в лагере?

Ответ: Две сестры Пономарева Мария и Пономарева Клавдия, Мария была все время со мной, а Клавдия во 2-м лагере.

Вопрос: О режиме в лагере?

Ответ: В первом лагере [все] огорожено было забором и выходить воспрещали. Во втором хотя и не было заборов, но выходить из поселка воспрещали. Сначала кормили очень плохо, потом питание улучшили.

Вопрос: Знали ли финны, что вы комсомолка?

Ответ: Не знали, и из лагерников никто не говорил.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Летом 1943 г. на моих глазах финн Юлий Павло бил Кашина и Парфенова за то, что при разгрузке машины утаили продукты.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 3–4. Подлинник. Рукопись.

* Пономарева Александра Ивановна, 1922 г. рождения, уроженка села Шуньга Заонежского района, русская.

170. Из протокола допроса М. И. Пономаревой* о ее нахождении в трудовых лагерях в деревнях Медвежья Гора и Юстозеро

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда попали в лагерь?

Ответ: Я попала в лагерь 9 ноября 1941 года.

Вопрос: Где попали в лагерь?

Ответ: Попала в селе Шуньга, Заонежский район

Вопрос: В каких лагерях Вы находились?

Ответ: Я находилась в лагере № 9604, д. Медвежья Гора и лагере № 9838, Юстозеро.

Вопрос: Чем занимались в лагере?

Ответ: Я с начала водворения в лагерь все время занималась на строительстве в районе [д.] Масельгская и д. Шайдома.

Вопрос: В качестве кого Вы работали в лагере?

Ответ: Я работала в лагере в качестве чернорабочей.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере?

Ответ: Я лично знаю из села Шуньги Заонежского района [Щипи]ну Елизавету Павловну

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Осенью 1942 г. в лагере № 9604 под названием «Хейко» вывели всех граждан на улицу, поставили перед нами 3 человека гражд[анских] лиц, раздели и начали пороть резиновыми палками, били до потери сознания, как то Кашина и Парфенова.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 51–52. Подлинник. Рукопись.

* Пономарева Мария Ивановна, 1920 г. рождения, уроженка села Шуньга Заонежского района, русская. Перед войной работала в конторе связи села Шуньга.

171. Из протокола допроса К. С. Прошковой* о ее нахождении в трудовом лагере № 9838

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в финский лагерь?

Ответ: 2 сентября 1941 года вместе с матерью я была эвакуирована из г. Петрозаводска в Заонежский район в д. Вороний Остров. При оккупации Заонежского р[айо]на противником, финскими войсками были мы эвакуированы [в] Сибово, а затем в д. Пурдега Заонежского района, где [я] работала в обществе на сельском хозяйстве и лесозаготовках. 25 марта 1943 г. повесткой вызвали в финскую комендатуру, д. Кокорино, оттуда конвоировали в лагерь № 9838 Пергубы, [там я] работала на заготовке древесного угля для газогенераторных автомашин. Лагерь № 9838 эвакуировался в д. Семчегора Петровского района, [там] также работала на заготовке угля и 17.06.1941 г. перевели в Святнаволоцкий лагерь Петровского района.

Вопрос: Кто из ваших близких знакомых находится в финском лагере?

Ответ: Вместе в одном лагере со мной находится Прошкова Ефимия Федоровна урож[енка] дер. Типиницы Заонежского района и ее дочь Пелагея Ивановна, 1928 года рождения. Ефимия работала уборщицей в бараках лагеря, а Пелагея на общих работах.

Вопрос: Расскажите об условиях в лагере?

Ответ: Условия в лагере были тяжелые, кормили очень плохо, на обед давали жидкую кашу, на ужин суп, сготовленный из разных отбросов, гнилой колбасы с червями и конины. Работу давали тяжелую.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Когда финские войска оккупировали Заонежский район, часто занимались грабежами, у населения отбирали последний хлеб и скот.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 45–46. Подлинник. Рукопись.

* Прошкова Клавдия Степановна, 1925 г. рождения, уроженка деревни Вороний Остров Типиницкого сельсовета Заонежского района, русская.

172. Из протокола допроса Г. Л. Пушко* о его нахождении в Святнаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы были водворены в лагерь?

Ответ: 28 октября 1941 года работая на оборонительных работах [в] м[естности] Уница, был ранен финнами в ногу и взят в плен и направлен в лагерь Святнаволоц, и был по существу по сей день здесь.

Вопрос: Кто из знакомых был с вами в лагере.

Ответ: Хомяков Алексей и Ко[щакин], которые также находились все время в лагере.

Вопрос: Какой режим был в лагере?

Ответ: Питание было плохое, кормились первые два года лебедой, крапивой.

Вопрос: Кем вы работали?

Ответ: Работал парикмахером, обслуживал лагерников и иногда стриг финнов, брить не давали.

Вопрос: Оплачивали ли вам финны за стрижку?

Ответ: Платить не платили, паек не прибавляли, получал как все, иногда давали закурить папиросы.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Три раза били меня; 1-й раз работал в штабе. [Камрас] который и бил за то, что я не снял себе бороду. 2-й раз бил Сергеев Павел Антонович, русский, был нач[альником] лагеря в 1942 г., считая, что я второй раз получаю продукты, и 3-й раз бил Сарин, финн, за то, что я пришел узнавать, можно ли мне получить по талонам добавочные продукты.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 1–2. Подлинник. Рукопись.

* Пушко Герасим Леонтьевич, 1898 г. рождения, уроженец Екатеринославской губернии, украинец. Перед войной проживал в городе Петрозаводске, работал комендантом учебного здания Петрозаводского государственного университета.

173. Из протокола допроса А. И. Пушковой* о ее нахождении в Святнаволоцком лагере

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: Находилась я на оборонных работах в д. Уница, где нас финны взяли в плен и заключили в лагерь в первых числах ноября 1941 года. И после чего из лагеря Уницы перевезли в Святнаволоц, в этом же месяце 1941 года и [с тех пор] нахожусь в лагере. В лагере я вышла замуж за одного из мужчин, который тоже был взят в лагерь финнами на оборонных работах, попавший в плен.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: Вначале работала, а позднее, когда стал** ребенок, я не работала, работала на разных хозяйственных работах.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Да мужчин финские солдаты избивали и пороли плетками за всякую мелочь.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 53–54. Подлинник. Рукопись.

* Пушкова Александра Ивановна, 1921 г. рождения, уроженка Грязовецкого района Вологодской области, русская. Перед войной проживала в деревне Эссыла Пряжинского района, работала на строительстве железной дороги.

** Родился.

174. Из протокола допроса Е. Ф. Пьяных* о ее нахождении в Святнаволоцком лагере

12 июля 1944 г.

Вопрос: Скажите, когда вы попали в лагерь?

Ответ: В 1941 году я была мобилизована на оборонные работы, во время работы вблизи деревни Малые Уницы нас окружили финны и всех направили в лагерь, расположенный в деревне Святнаволоцком, где я и нахожусь по настоящее время.

Вопрос: Скажите, кто из ваших знакомых находится с вами в лагере?

Ответ: Из знакомых у меня здесь находится гр[ажданка] Юртина Анна, которую я знаю хорошо по совместной работе в районе Малые Уницы, проживает в доме № 6.

Вопрос: Скажите, что вам известно о злодеяниях финских захватчиков?

Ответ: Мне известно, что в Святнаволоцком лагере финны часто избивали русских мужчин и женщин, лично меня били за то, что один пьяный финн потерял несколько марок, и он со злости нас, нескольких женщин, избил резиновой палкой, в избиваниях принимал участие финн по фамилии Сойта Сулас, также избивали и мужчин, фамилии их я не знаю. Больше пояснить ничего не могу, записано с моих слов верно и мне прочитано вслух.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 17–18. Подлинник. Рукопись.

* Пьяных Евдокия Федотовна, 1913 г. рождения, уроженка Воронежской области, русская. Перед войной проживала в городе Пудоже, замужем.

175. Из протокола допроса А. Е. Пяттоевой* о ее нахождении в трудовом лагере около деревни Чебино

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в лагерь?

Ответ: Меня забрали в Заонежском районе 17 марта 1942 года и направили в лагерь в Медвежьегорском р[айо]не, недалеко от деревни Чебино. А оттуда 19 июля переехали в лагерь в Святнаволоцком.

Вопрос: Кто из ваших близких знакомых находится в лагере?

Ответ: Ни родных, ни знакомых здесь в лагере у меня нет.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Когда финны пришли в Заонежский р[айо]н, они сразу же отобрали у колхозников скот. В Чебинском лагере финны били русских чем попало за всякие про-

ступки. Лагерь был обнесен колючей проволокой, нас никуда не пускали и к нам тоже никого не пускали, а по здешнему лагерю я ничего не знаю, так как я привезена сюда только 19 июня 1944 г., и при финнах жила здесь только 12 дней.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 36. Подлинник. Рукопись.

* Пяттоева Анна Евсеевна, 1922 г. рождения, уроженка Кестеньгского района, карелка, перед войной проживала в деревне Кажма Заонежского района.

176. Из протокола допроса В. А. Репиной* о ее работе на лесозаготовках

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были направлены в лагерь?

Ответ: 11.11.1941 г. д. Царево Типиницкого района Заонежского района, где я проживала, была оккупирована финнами, а д. Угольская Кузарандского сельсовета была оккупирована 10.11.1941 г. До прихода финнов я проживала в д. Угольская, откуда нашу семью, в том числе и меня, финны эвакуировали в д. Царево Типиницкого района 4.12.1941 г. В лагерь я была направлена финнами 12.03.1944 г., который находился при д. Святнаволоцком Петровского района, где я проживаю и в данное время. До лагеря я все время, как мне только исполнилось 15 лет, работала на лесозаготовках при д. Селецкой Великогубского района. До лесозаготовок я проживала вместе с мамой в д. Царево Типиницкого сельсовета, нигде не работала.

Вопрос: Расскажите об условиях работы на лесозаготовках при финнах в д. Селецкой?

Ответ: На лесозаготовках я работала с 18.09.1943 и до 13.03.1944 г. Работа была для нас, т. е. юношей**, в том числе и для меня, очень трудной и непосильной. Всего на этих лесозаготовках было 22 человека, из них было 10 женщин взрослых, а остальные 12 человек были 15-летние девушки. Работали мы 8 часов в сутки, а иногда 9 и 10 часов, но меньше 8 часов мы не работали. Работу нам давали такую, которую должны были выполнять взрослые мужчины. Кормили плохо, давали на сутки 300 г ржаной муки, 20–25 г масла и 15 г сахара, больше ничего не давали. Много девушек, в том числе и я, от непосильной работы и недоедания болели. За малейшие какие-либо нарушения финских порядков девушек закрывали в холодные камеры на 1–2 суток. Фамилий девушек, которые неоднократно сидели в этих будках, я не помню.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере при дер. Святнаволоцком?

Ответ: В указанном лагере проживает моя знакомая Павлова Ма[р]ия Петровна, 25 лет, русская, б/п. С Павловой я познакомилась в марте месяце 1944 г. в период моего прихода в лагерь, так как все время в одном доме проживали.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 123–124. Подлинник. Рукопись.

* Репина Валентина Андреевна, 1928 г. рождения, уроженка деревни Угольская Кузарандского сельсовета Заонежского района, русская.

** Молодых людей, молодежь.

177. Из протокола допроса А. И. Рогендиной* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: 15 марта 1942 года меня отправили в лагерь № 8010 на ст[анции] Ма[сель]-га, где я была 4 месяца. Мои отец и мать были отправлены в лагерь № 2, куда и меня затребовали. Меня туда направили, где я была до 15 декабря 1942 года. После меня отправили в лагерь в 2 км от д. Медвежка**, где я и была все время до отправки в Святнаволок. В Святнаволок я прибыла в июне месяце 1944 года.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: Разные работы выполняла, на строительстве дорог, обжигали уголь.

Вопрос: Кто находился из знакомых в лагере?

Ответ: Рогендина Ксения Ивановна. Чем она занималась, я не знаю, так как она была в др[угом] лагере.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: Выходили на работу в 7 часов утра и работали до 16 часов. На работу ходили под охраной финских патрулей. На работе нас также охраняли. Первый год питание было плохое, а потом улучшилось. Хлеба выдавали 425 г в сутки, масло 25 г, сахар 4 кусочка в день. В день давали 2 раза горячую пищу, в обед и вечером. Свободного хождения не было. Обувью и одеждой не обеспечивали.

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: Я слышала, что мужчин избивали, если последние пытались пойти из лагеря получить хлеба. Больше я ничего не знаю.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 117–118. Подлинник. Рукопись.

* Рогендина Анна Ивановна, 1922 г. рождения, родилась в деревне Бережное Заонежского района КФССР, русская. Перед войной проживала с родителями в деревне Погост Великогубского сельсовета, работала пионервожатой.

** Деревня Медвежья Гора.

178. Из протокола допроса П. А. Родионовой* о ее работе на лесозаготовках

11 июля 1944 г.

Вопрос: Скажите, когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: В лагерь Святнаволок я была направлена в июне месяце 1944 года, до этого я в лагере не содержалась, а работала на общих работах по ремонту дорог и на лесозаготовках на территории, захваченной финнами п. т.** с. Великая Губа Заонежского района, д. Леликозеро, д. Выроззеро, д. Комлево, с. Матросы, д. Вигово, д. Ламбасручей, д. Пегрема, г. М[едве]жьегорск.

Вопрос: Скажите, кто из ваших знакомых проживает здесь в лагере?

Ответ: Из знакомых здесь одна старушка Рулева Татьяна, проживающая совместно со мной в одном доме.

Вопрос: Скажите, что вам известно о злодеяниях немецко-финских захватчиков?

Ответ: Когда я находилась на работах в с. Матросы, я была очевидцем таких злодеяний финнов: ребят, находящихся на работах, не выполнявших на лесоза-

готовках нормы, всех выстраивали в шеренгу в один ряд, теплое белье снимали и в одном нижнем белье заставляли стоять по несколько часов на морозе, были такие факты. Также я была очевидцем: всех ребят в возрасте 16–19 лет, не выполнивших нормы, привели в школу, оставили в одном нижнем белье, привязали каждого за шею на цепь, цепь была прибита к стене и держали в таком виде по целым суткам, помещение было не топлено, окна разбиты, в помещении было очень холодно. Больше по делу показать ничего не могу, записано с моих слов верно и мне прочитано вслух.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 139–140. Подлинник. Рукопись.

* Родионова Прасковья Андреевна, 1895 г. рождения, родилась в деревне Керака Заонежского района, русская. Перед войной проживала в селе Великая Губа, работала сторожем в пекарне.

** Так в документе.

179. Из протокола допроса В. Г. Савиновой* о ее нахождении в трудовых лагерях № 8061, 9838

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: Я из своей деревни была взята 7 марта 1942 г. в лагерь № 8061 в д. Кяп-песельга, где работала на дорожных работах до 7 октября 1943 г., а 7 октября 1943 г. ввиду болезни матери была отпущена домой, где прожила 5 месяцев и 29 марта 1944 г. обратно была взята в лагерь № 9838 Пергуба, где работала на заготовке угля из дерева. И 19 июня сего года привезли в Святнаволок.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находился в лагере?

Ответ: Со мной в этом лагере находится из нашей деревни моя знакомая подруга, с которой мы вместе росли, Козлова Екатерина Степановна.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: За период нахождения меня в лагерях я не замечала расстрелов, повешения, изнасилование женщин, но были применены массовые побои, плетями, руками, кольями. Меня лично саму 12 раз ударил плеткой финский офицер кулаком за то, что мы сходили домой за продуктами, ему в этом помогал офицер Ваиро.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 149–150. Подлинник. Рукопись.

* Савинова Валентина Григорьевна, 1926 г. рождения, уроженка в деревни Щепино Деригузовского сельсовета Заонежского района, русская.

180. Из протокола допроса А. В. Сахарова* о его нахождении в концлагерях

12 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: В 1941 г. я учился. Когда осенью 1941 г. в нашу деревню пришли финны, то нам приказали эвакуироваться в Михайловский сельсовет, после чего отправили в лагерь № 2 г. Петрозаводска, где [мы] и жили всей семьей около года. После того

семья осталась в лагере № 2, а меня отправили в лагерь Киндасвары**, где я пробыл около года и был отправлен в лагерь Святнаволок.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В Петрозаводском лагере я работал на Онегзаводе уборщиком столярной мастерской. В лагере Киндасвары я работал на разных работах, пилил дрова, обжигал уголь и прочее. В лагере Святнаволок я работал на обжигании углей.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: В лагере находится мать, две сестры и три брата. По лагерю я знаю многих, а знакомых, которых я знал до прихода финнов, [никого] не знаю.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: Условия в лагере были очень тяжелые. За уход из лагеря крепко били. В Петрозаводском лагере, когда я ушел под проволоку, чтобы достать себе чего-либо покушать, меня задержали финские солдаты, привели в полицию, посадили в будку (карцер), избивали, а через 7 дней отправили в штрафной лагерь Видлицы. В Видлицах мы жили за высоким забором, в плохих зданиях, всегда мокрые. Работали на сплаве, хлеба получали по 300 г в сутки и два раза в день давали суп (баланду) по 1–2 литра. Там же был переводчик из русских военнопленных, звали его Васькой, фамилии я не знаю, очень крепко избивал людей. Он же, Васька, был и за старосту лагеря. В лагере Киндасвары режим был непосильно тяжелый. Все начальство было финское, русских не допускали. Кто пытался выйти из лагеря, чтобы достать питания, очень крепко избивали. Были случаи, когда всех выстраивали в полукруге, а одного ложили^{3*} в середине и били палками, а финский офицер смотрел на часы и заставлял больше бить. На работу выводили под конвоем финских солдат. На работе также охраняли солдаты. Люди работали из-под палки. Когда кто-либо уставал от работы, того заставляли работать, причем били палками. Платили за работы по 150–200 марок в месяц. За питание высчитывали. Обувью и одеждой не обеспечивали. Были случаи, когда зимой выгоняли на работу босых и раздетых. На развод выводили в одном нательном белье. Было много случаев обмороживания. Был такой случай, когда один из лагерников Васильев Иван ввиду того, что не было в чем выходить на работу, а его выгоняли — разрезал себе живот, но и это не помогло, его выгоняли на работу. Тогда он совершил побег из лагеря Киндасвары и добежал до Пряжи, где его задержали и расстреляли. Полагина Сергея расстреляли за то, что он вырвал брюквину из огорода.

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: Мне известно, что в лагере финны расстреливали советских людей. Был случай в лагере Видлицы, когда одного мужчину в возрасте 18 лет застрелил начальник лагеря за то, что тот пытался прорваться за пределы лагеря в поиске питания. Случаев избиения советских людей было много, почти на каждом шагу. Больше мне ничего не известно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 193–194. Подлинник. Рукопись.

* Сахаров Алексей Васильевич, 1926 г. рождения, уроженец Горьковской области, русский. Перед войной проживал на лесопункте Шожма Подпорожского района Ленинградской области.

** Имеется в виду деревня Киндасово.

^{3*} Следует читать: клали.

181. Из протокола допроса Т. С. Темневой* о ее нахождении в трудовом лагере № 1

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: Я была взята в лагерь вместе с мамой 11 сентября 1942 г. из Заонежского района и направлена в лагерь № 1, который находился в 6 км от д. Чебино. Выполняла работу уборщицей у финских рабочих, где я работала до 16 июня 1944 г. и 16 июня сего года была отправлена с матерью в лагерь деревни Святнаволок, где [мы] находились по настоящее время.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: Из знакомых в лагере никого нет, кроме сестры отца Овчинниковой Александры Яковлевны.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Я работала уборщицей, неоднократно видела, когда старшина лагеря финн Хейно избивал лагерников и особенно ребят. Однажды я видела, как он одного парня ударил три раза колом по спине, [парень] упал от ударов, и его после рабочие подняли и отправили на автомашине в больницу, где он умер.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 211–212. Подлинник. Рукопись.

* Темнева Татьяна Степановна, 1928 г. рождения, родилась в деревне Трушево Заонежского района, русская. Перед войной проживала с родителями, работала в колхозе.

182. Из протокола допроса П. П. Терпугова* о его нахождении в трудовых лагерях в городе Кондопоге, № 8010, 9838.

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: До прихода финнов я работал в колхозе. 9 ноября 1941 г. нашу деревню захватили финны, после чего я работал в колхозе до 15 февраля 1942 г. 15 февраля 1942 г. я был отправлен в лагерь, в г. Кондопогу, где и пробыл 1,5 месяца. После этого меня отпустили домой по болезни, где я пробыл 6 месяцев. После меня отправили обратно в лагерь № 8010 около д. Медвежка** и работал до 26 марта 1944 г. В марте 1944 г. был переброшен в лагерь № 9838 в районе Юостозеро. 18 июня 1944 г. был перевезен в Святнаволок.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работал на разных работах.

Вопрос: Кто знакомый находится в лагере?

Ответ: Маслякова Ольга Александровна, 1922 года рождения, работала на разных работах. Лукинский Сергей Дмитриевич, 1926 года рождения, работал на разных работах.

Вопрос: Расскажите о режиме в лагере?

Ответ: До осени 1943 г. питание было очень плохое. На работу выводили под охраной финских солдат, на работе также охраняли. С лагеря никуда не отпускали. Были случаи, когда избивали.

Вопрос: Скажите, за что больше избивали?

Ответ: Больше всего избивали за самовольный уход из лагеря, за воровство, а также били на работе. Были случаи, когда за некачественную работу русские доносили финнам, за что последние вызывали в финский штаб.

Вопрос: Что вы знаете о зверствах противника?

Ответ: О зверствах противника мне ничего не известно.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 237–238. Подлинник. Рукопись.

* Терпугов Павел Павлович, 1928 г. рождения, уроженец деревни Падмозеро Заонежского района, русский. Перед войной работал в колхозе, проживал с родителями.

** Деревня Медвежья Гора.

183. Из протокола допроса М. Н. Ульяновой* о ее нахождении в трудовых лагерях

11 июля 1944 г.

Вопрос: Когда были взяты в лагерь?

Ответ: В лагерь меня взяли 7 марта 1942 г. Первое время находилась в Уницком лагере до 16 ноября 1942 г., а затем отправили в режимные лагеря – село Матр[о]сы в сторону Пряжи в 35 км от г. Петрозаводска. 6 сентября 1943 г. лагерь в селе Матр[о]сы распустили, и я вернулась к матери, а вторично меня взяли 2 января 1944 г., отправили в д. Семсвары**, работала там до 18 июня 1944 г., а 18 числа отправили в лагерь, который находился в Святнаволоке.

Вопрос: Кто из ваших близких знакомых или родственников находится в лагере?

Ответ: Из близких знакомых здесь в Святнаволоке вместе со мной находится Пудогина Мария Андреевна, 1924 г. р., уроженка той же деревни, в которой родилась и я, одного района и республики. Из родственников в лагере никого нет.

Вопрос: Что Вам известно о злодеяниях противника?

Ответ: Меня и мою подругу Пудогину били резиновыми плетками за то, что мы убежали из лагеря домой к родителям. Кроме этого, избивали и других девушек, но их сейчас здесь нет, они выбыли в другие лагеря. Побои наносили тогда, когда я была в Уницком лагере, бил офицер Вуорела. Больше дополнить ничего не могу, записано в протокол с моих слов правильно и мне вслух зачитано.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 311–312. Подлинник. Рукопись.

* Ульянова Мария Николаевна, 1926 г. рождения, уроженка деревни Крестная Гора Деригузовского сельсовета Заонежского района, русская.

** Деревня Семчегора.

184. Из протокола допроса Е. М. Федосеевой* о ее нахождении в трудовых лагерях

10 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: В 1941 г. после того, как я была оставлена на оккупированной финнами территории, меня привезли в лагерь Святнаволоку. Проработав около 4 месяцев, меня

забрали и отвезли в Медвежьегорск в прачечную, где я стирала белье финской армии. В прачечной я проработала около 4 месяцев и была отправлена в совхоз «Вичка» на сельхозработы, где проработала около двух лет. В конце 1943 г. меня перевезли в лагерь Святнаволоку. В Святнаволоке я работала на обжигании углей и ремонте дорог, а также ходили заготавливать дрова.

Вопрос: Кто из знакомых находится в лагере?

Ответ: В лагере из знакомых никого нет.

Вопрос: Расскажите о режиме лагеря?

Ответ: В лагере мы находились за колючей проволокой. Охраняли нас финские солдаты. Работали там же внутри ограждения, на волю никого не выпускали. За исключением случаев заболевания, и то сопровождали под конвоем. Столовая была внутри зоны. Два раза выдавали пищу в сутки и 300 г галет. Были случаи, когда солдаты заходили в бараки к женщинам, но охрана выгоняла из бараков их. Газеты давали читать, но очень мало. Газета была одна – «Северное слово». Когда начали платить за работу, то многие отдавали деньги финским солдатам для покупки обуви и одежды, которые покупали, когда ездили в отпуск в Финляндию. Некоторые покупали у солдат на месте. Я тоже, когда была в Медвежьегорске, то покупала себе у солдата туфли бумажные на деревянной подошве за 170 марок. Работали по 9 часов в сутки. За работу платили по-разному. В лагере Святнаволоку почти всем женщинам и мужчинам выдавали по 200 марок в месяц. Хлеба, а также и питания не хватало. Почти все покупали галеты у финских солдат. За коробку финских галет мы платили 300–350 марок. В коробке примерно было до 10 кг (точно я не знаю т. к. мы их не весили).

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: В лагерях г. Медвежьегорск и «Вичка» были случаи, когда финны расстреливали, избивали. Староста лагеря был русский, но я его фамилии не знаю, который очень издевался над жителями лагеря. В лагере Святнаволоку старостой был тоже какой-то русский, но я его фамилию тоже не знаю. При отступлении финнов он уехал вместе с ними, забрав с собой жену, сына и всех остальных. Кто жил хорошо с финнами, оказывал им услуги, тот уехал с финнами при их отступлении. Уехало много мужчин и девушек. [...] В 1941–1942 гг. за отказ от работы, за плохую работу избивали. За последнее время за отказ от работы удерживали из зарплаты. Чтобы вступить в брак русскому парню с русской девушкой нужно было подавать прошение финскому командованию, и с разрешения последних можно было вступить в брак. Финнам было разрешено жениться на русской девушке, но незамужней. Собраний и бесед с нами не проводили. Русское радио слушать запрещали. При отступлении финны угнали коров и лошадей, а малых телят продали жителям Святнаволоку[а]. Хуже всего над нами издевались русские, которые продались финнам и уехали с ними. Вот что я знаю о злодеяниях противника – финских захватчиков.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 279–280 об. Подлинник. Рукопись.

* Федосеева Евдокия Михайловна, 1914 г. рождения, родилась в деревне Кармачин Татарской АССР, русская. Перед войной проживала с мужем в городе Петрозаводске, работала на Онегзаводе.

185. Из протокола допроса К. А. Фепоновой* о ее нахождении в трудовых лагерях

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были направлены в лагерь?

Ответ: 16.03.1942 г. я была направлена финнами в 1-й лагерь, который находился в лесу в М[едвежье]горском районе, 38 км от Пиндуши, где я была пять месяцев, а 18.08.1942 г. этот лагерь перебазировался в деревню Медвежка** М[едвежье]горского района. 18.02.1943 г. лагерь, который находился в Медвежке, частично был переброшен в другое место, т. е. в лес за 18 км от д. Медвежки, куда и я попала. В марте месяце 1944 г. лагерь № 1 временно был распущен, и всех, в том числе и меня, отпустили по домам. 16.04.1944 г. меня мобилизовали и направили в лагерь № 9839, который находился от д. Святнаволок на север 18 км в лесу, где я находилась по 17.06.1944 г., а 17.06.1944 г. меня перевели в лагерь при д. Святнаволок.

Вопрос: Чем вы занимались в лагере?

Ответ: В лагере я работала на строительстве дорог, мостов, пилила лес, рубила дрова и изготовляла древесный уголь.

Вопрос: Кто находится и находился из ваших близких знакомых или родственников в лагерях?

Ответ: Из родственников в лагерях никто не находился и не находится в данное время, а из близких знакомых находилась в Кокоринском лагере при д. Уницы Заонежского района подруга Тихонова Клавдия Ивановна.

Вопрос: Расскажите, что вам известно о режиме существования в лагере?

Ответ: С момента водворения меня в лагерь, примерно месяцев 5, в лагере не разрешали петь, танцевать, строго запрещалось пение «Интернационала», а потом некоторые советские песни разрешали петь, но танцы были вообще запрещены. Работали мы в лагере 8 часов в сутки. В день я зарабатывала 48 марок, из которых 20 марок удерживали на питание. За месяц в среднем я получала чистыми 300–350 марок. В начале давали 300 г хлеба-галет и 2 раза горячую пищу, т. е. в обед кашу, а вечером суп. С августа 1943 г. всех лагерников лагеря № 1 перевели на военный поек и выдавали 425 г галет, 30 г масла, 20 г сахара, сыра 20 г, а также 1 раз кашу в обед и один раз вечером суп — это все выдавали на день, но кроме этого, каждую субботу выдавали по 1-й пачке папирос или по одной пачке белых галет. Иногда финны избивали девушек за самовольный уход за хлебом или еще куда-либо, меня ни разу никто из финнов не бил. Девушек за волосы таскали, мальчиков били палками. В лагере всегда находились патрули, и лагерников никуда не отпускали. На работу водили под конвоем.

Вопрос: Что вам известно о злодеяниях финских властей?

Ответ: Об этом мне ничего не известно, известно только то, что у нас в лагере № 1–8061 были мастера финны Хейно, Вяпель^{3*} и Партонен, которые издевались больше всех остальных финнов над лагерниками, часто избивали лагерников. Однажды избили одного мальчика лет шестнадцати, фамилии не помню, который болел две недели, болел и затем умер. Этого мальчика избивали Вяпель и Партонен.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 313–314 об. Подлинник. Рукопись.

* Фепонова Клавдия Александровна, 1926 г. рождения, родилась в деревне Загорье Толвуйского сельсовета Заонежского района, русская.

** Деревня Медвежья Гора.

^{3*} Вероятно, означает не фамилию. Vääperi в переводе с фин. яз. — фельдфебель.

186. Из протокола допроса В. И. Шлыковой* о ее нахождении в трудовых лагерях

9 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы попали в лагерь?

Ответ: 17 марта 1942 г. меня забрали в Заонежском районе и направили в лагерь на 14-й разъезд Кировской железной дороги на дорожные работы. 15 августа 1942 г. нас перевезли в другой лагерь между Медвежьегорском и станцией Кяппесельгской тоже на дорожные работы. 15 декабря 1943 г. перевели в лагерь — бывший совхоз «Вичка» Медвежьегорского района на огородные работы. 17 июня 1944 г. нас привезли сюда в лагерь в Святнаволок.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере?

Ответ: Родных у меня здесь в лагере нет. А знакомые есть: Агафонов Степан Яковлевич, его дочь — Агафонова Валентина Степановна, Иванова Нина Николаевна — все они с Заонежского района и недалеко от нас жили.

Вопрос: Что вы знаете о злодеяниях противника?

Ответ: По приходе в Заонежский район финны сразу же отобрали у всех колхозников весь скот, кроме тех, кого они назначили старостами или бригадирами. В лагерях, в которых [мы] находились, мы очень голодали, а финны за всякий проступок и по всякому случаю побивали нас, главным образом, мужчин. А здесь в лагере я при финнах была только 12 дней.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8299. Л. 251–252. Подлинник. Рукопись.

* Шлыкова Вера Ивановна, 1925 г. рождения, родилась в деревне Тамбицы Типиницкого сельсовета Заонежского района, русская. До войны училась, проживала с мамой.

187. Из протокола допроса М. П. Яковлевой* о ее нахождении в трудовых лагерях

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда Вы попали в финский лагерь?

Ответ: 9 ноября 1941 г. Заонежский р[айон] д. П[о]бережье была оккупирована финскими войсками. В январе 1942 г. я была эвакуирована финскими властями в Есино Кажемского сельского с[овета] Заонежского района, работала в общине на с[ельском] хозяйстве, где старостой был Леонтьев Михаил Александрович, 40 лет, русский, ур[оженец] д. Есино Кажемского с[ельского] с[овета] Заонежского района, роста среднего, смуглый. В период коллективизации хозяйство которого было раскулачено. 27 июня 1943 г. меня вызвали в комендатуру и направили в лагерь № 9838 (Пергуба), а после [я] была переведена в Семчвара**, работала на общих работах, 18 июня 1944 г. перевезли в Святнаволоцкий лагерь.

Вопрос: Кто из ваших знакомых находится в лагере?

Ответ: Вместе со мной в одном лагере находится соседка Дерибина Валентина Федоровна дер. Побережье Заонежского района.

Вопрос: Расскажите об условиях в лагере.

Ответ: Условия в лагере были тяжелые. Кормили плохо. Хлеба давали 1,5 галетины на день, в обед давали жидкую кашу из ржаной муки, на ужин давали суп (баланду) из разных отбросов. Работать заставляли от темна до темна.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 319–320. Подлинник. Рукопись.

- * Яковлева Мария Петровна, 1893 г. рождения, уроженка деревни Медведево Кажемского сельсовета Заонежского района КФССР, русская. Перед войной работала бригадиром в колхозе имени Ворошилова, деревня Побережье.
- ** Деревня Семчегора.

188. Из протокола допроса В. Д. Яровициной* о нахождении в трудовых лагерях и в Святнаволоцком лагере

13 июля 1944 г.

Вопрос: Когда вы были водворены в лагерь?

Ответ: В лагерь я была взята 11 ноября 1941 года в Заонежском районе Фоймогубского сельского совета дер. Северная в виду того, что не было водного транспорта, поэтому мы эвакуироваться не успели, т. к. эвакуацию производили в первую очередь семей с малыми детьми. С момента нахождения в лагере мы строили дороги в деревне Ювмаки**, в данной деревне мы находились два месяца, в виду болезни нас отправили домой, где я находилась до одного года, 1942 г. Вторично меня отправили на сенокос для заготовки сена, с сеноуборочной компании нас вторично отпустили домой на две недели, после отпуска нас отправили в Кузаранду для погрузки сена в баржу, в 1943 г. нас отправили в Толвую для рытья ям под телефонные столбы, на указанной работе я работала две недели, после чего меня опять отпустили домой на 4 дня, после отпуска нас 11 августа 1943 года отправили в лес на заготовку бревен, в лесозаготовке мы работали до 14 апреля 1944 г., а 17 мая 1944 года нас отправили в дер. Святнаволоц Петровского р[айо]на, где я работаю по настоящее время.

Вопрос: Кто из знакомых находился в лагере?

Ответ: В данном лагере находится наша соседка Федотова Мария.

С момента нахождения в лагере нам давали муки на месяц 7 кг, в виду недостатка пищи рабочие были сильно истощены. Несовершеннолетних подростков заставляли работать непосильный труд, как лесозаготовки, на [пог]рузке бревен на дровни.

Архив УФСБ России по РК. ФТДМ № 8298. Л. 323–324 об. Подлинник. Рукопись.

- * Яровицина Валентина Дмитриевна, 1928 г. рождения, уроженка деревни Северная Фоймогубского сельсовета Заонежского района, русская.
- ** Скорее всего, имеется в виду деревня Юлмаки Великоновского сельсовета Заонежского района.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень мест принудительного содержания гражданского населения, созданных в период Великой Отечественной войны на территории КФССР

Наименование	Место дислокации
1. Концентрационные, переселенческие лагеря	
Концентрационный лагерь № 1 (расформирован в период с 18.08. по 16.09.1942 г.)	южная окраина г. Петрозаводска
Концентрационный (с ноября 1943 г. переселенческий) лагерь № 2	г. Петрозаводск, жилые дома строительства Северная Точка
Концентрационный (с ноября 1943 г. переселенческий) лагерь № 3	г. Петрозаводск, дома рабочего поселка лыжной фабрики
Концентрационный лагерь № 4 (расформирован в период с 18.08. по 16.09.1942 г.)	г. Петрозаводск, жилые дома Онегзавода по ул. Калинина
Концентрационный (с ноября 1943 г. переселенческий) лагерь № 5	г. Петрозаводск, территория рабочего поселка Кировской железной дороги
Концентрационный (с ноября 1943 г. переселенческий) лагерь № 6	г. Петрозаводск, территория поселка Перевалочная биржа
Концентрационный лагерь № 7 (расформирован в 1943 г.)	г. Петрозаводск, жилые кварталы около Перевалочной биржи
Концентрационный (с ноября 1943 г. переселенческий) лагерь № 8	территория Ильинского сельского совета, (Олонецкий район); отделения лагеря: Алавойнен Паалу Хепосуо, совхоз
Концентрационный лагерь (закрыт в период с 15.08 по 26.10.1942 г.)	с. Видлица (Видлицкий с\совет) Олонецкий район
Концентрационный (трудовой) лагерь № 7	д. Святнаволок (Святнаволоцкий с\совет) Петровский район
Концентрационный лагерь для неблагонадежного т. н. «ненационального» населения	д. Киндасово (Пряжинский с\совет) Пряжинский район
Концентрационный лагерь для граждан т. н. «западных национальностей» (действовал с 25.06.42 по 29.09.1942 г.)	д. Коропа (Короппи-озеро) (Туливаарский с\совет) Ребольский район
Концентрационный лагерь для украинцев (действовал с 25.06.42 по 29.09.1942 г.)	д. Лужма (Туливаарский с\совет) Ребольский район
Концентрационный лагерь для неблагонадежных представителей родственных финнам народов	д. Колвасозеро (Ребольский с\совет) Ребольский район
2. Тюрмы и иные исправительные учреждения	
Центральная тюрьма	д. Киндасово, (Пряжинский с\совет) Пряжинский район
Ведлозерская районная тюрьма	предположительно с. Ведлозеро (Ведлозерский с\совет) Пряжинский район
Великогубская районная тюрьма	с. Великая Губа (Великогубский с\совет) Заонежский район
Вокнаволоцкая районная тюрьма	д. Вокнаволок (Вокнаволоцкий с\совет) Калевальский район (район Калевалы)

Наименование	Место дислокации
Кестеньгская районная тюрьма	предположительно с. Кестеньга (Кестеньгский с/совет) Кестеньгский район
Медвежьегорская районная тюрьма	предположительно г. Медвежьегорск
Олонецкая районная тюрьма	предположительно г. Олонец
Петрозаводская районная тюрьма	г. Петрозаводск
Паданская районная тюрьма	предположительно с. Паданы (Паданский с/совет) Сегозерский район
Районная тюрьма в Суванто	д. Суванто (Кушевандский с/совет) Кестеньгский район
Ухтинская районная тюрьма	Калевальский район (район Калевалы), точных данных о месте дислокации нет
Шелтозерская районная тюрьма	предположительно с. Бережное Шелтозеро (Шелтозерский-Бережной с/совет) Шелтозерский район
Космозерская тюрьма	д. Космозеро (Космозерский с/совет) Заонежский район
Штрафной лагерь	д. Лососинное (Машезерский с/совет) Прионежский район
Воспитательное учреждение (колония) для трудных подростков (для малолетних правонарушителей)	в разное время дислоцировалось в населенных пунктах: м. Бараний Берег (г. Петрозаводск) д. Лососинное (Прионежский район) с. Шуя (Прионежский район)
3. Трудовые лагеря и аналогичные им трудовые подразделения	
3.1 Трудовые лагеря	
Трудовой лагерь № 51 (ТуöК. L-51, Туö.os. L-51) полевая почта 8061 дорожные работы	имеются данные о наличии участков: Заонежский район предположительно д. Пигмозеро (Кажемский с/совет) д. Федотово (Кажемский с/совет) Кондопожский район д. Кяппесельга (Кяппесельгский с/совет) д. Уница (Уницкий с/совет)
Трудовой лагерь № 53 (ТуöК. L-53, Туö.os. L-53) полевая почта 8063 лесозаготовки	участки: Прионежский район д. Вилга (Матросский с/совет) д. (п.) Матросы (Матросский с/совет) с. Деревянное (Деревянский с/совет) Пряжинский район ст. Виллагора (Виданский с/совет)
Трудовой лагерь № 54 (ТуöК. L-54, Туö.os. L-54) полевая почта 8064 лесозаготовки	участки: Прионежский район дд. Орзегга, Тервасоя (Деревянский с/совет)

Наименование	Место дислокации
Трудовой лагерь № 55 (Туö.К L-55, Туö.os. L-55) полевая почта 8065 дорожные работы	имеются данные о наличии участков: Заонежский район д. Вегорукса (Великогубский с/совет) д. Великая Губа (Великогубский с/совет) д. Верховье (Великогубский с/совет) д. Комлево (Космозерский с/совет) д. Красная Сельга (Карасозерский с/совет) д. Ламбасручей (Великогубский с/совет) д. Леликозеро (Карасозерский с/совет) д. Палтега (Великонивский с/совет) д. Пегрема (Великогубский с/совет) д. Терехово (Космозерский с/совет) д. Толвуя (Толвуйский с/совет) Кондопожский район д. Янишполе (Сунский с/совет)
Трудовой лагерь № 56 (ТуöК. L-56, Туö.os. L-56) полевая почта предположительно 8066 лесозаготовки	участки: Пряжинский район п. Кутижма (Сямозерский с/совет) Прионежский район (предположительно с. Шуя Шуйского с/совета)
3.2 Трудовые подразделения (лагеря), номера отсутствуют, указан номер полевой почты	
Трудовое подразделение (лагерь) 8010 (Туö.os. Heino/8010) дорожные работы	имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского района: 13-й разъезд (Лумбушский с/совет) д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) Покровского с/совета] д. Чебино (Чебинский с/совет) ст. Масельга (Масельгский с/совет)
Трудовой лагерь 8047 сельскохозяйственные работы (подсобное хозяйство)	г. Медвежьегорск, территория совхоза «Вичка»
Трудовое подразделение (лагерь) 9604 (Туöos. T/9604) предположительно в составе подразделения находились рабочие участки №№ 1, 2, 3 (туömaa, Linnoitustyömaa, työleirit n.n. 1, 2, 3) дорожные работы	имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского района: г. Медвежьегорск д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) Покровского с/совета] д. Чебино (Чебинский с/совет)
Трудовое подразделение (лагерь) 9605 (Туöos., Heino/9605) дорожные работы	имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Медвежьегорского района г. Медвежьегорск д. Медвежка (Малая Медвежка, Медвежья Гора) Покровского с/совета] д. Чебино (Чебинский с/совет) 13-й разъезд (Лумбушский с/совет)

Наименование	Место дислокации
Трудовой лагерь 9838 обжиг угля	имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов: Петровский район д.д. Семчегора, Юостозеро (Юостозерский с/совет) Медвежьегорский район д. Пергуба (Лумбушский с/совет)
Трудовой лагерь 9839 обжиг угля	имеются данные о дислокации участков в районе населенных пунктов Петровского района д.д. Семчегора, Юостозеро (Юостозерский с/совет)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУФСБ России по РК	– архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республики Карелия
б.	– бывший
ББК	– Беломорско-Балтийский комбинат
в/часть	– воинская часть
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВУВК	– Военное управление Восточной Карелии
г.	– город
г., гг.	– год, годы
г.р.	– год рождения
Гестапо	– (нем. Gestapo – Geheime Staatspolizei) – Тайная государственная полиция
ГК	– горком, городской комитет
горОНО	– городской отдел народного образования
ГФП	– (нем. GFP – Geheime Feldpolizei Geheime Feldpolizei) – «Гехайме фельдполицай» – Тайная полевая полиция
д., дер.	– деревня
жел.	– железнодорожный
им.	– имени
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
Каравантюра	– Карельская авантюра
карельск. яз.	– карельский язык
КФ	– Карельский фронт
КФССР	– Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
мл.	– младший
МТС	– машинно-тракторная станция
НАРК	– Национальный архив Республики Карелия
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
о/уполн.	– оперуполномоченный
ПУ	– Петрозаводский государственный университет
пос.	– поселок
РО	– районное отделение
руб.	– рубль

с.	– село
с. г.	– сего года
с/с, с/совет	– сельский совет
сб.	– сборник
СД	– (нем. SD – Der Sicherheitsdienst des Reichsführers-SS) – Служба безопасности рейхсфюрера СС
СМЕРШ	– «Смерть шпионам» – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время Второй мировой войны
СМУ	– строительно-монтажное управление
СС	– (нем. SS, аббр. от Schutzstaffeln, «отряды охраны») – военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ст.	– станция
т.	– тысяч
т., тов., тт.	– товарищ, товарищи
фин. яз	– финский язык
Ф. КРО	– фонд контрразведывательного отдела
ФТДМ	– фонд трофейно-документальных материалов
ЦК	– Центральный Комитет
ЧГК	– Чрезвычайная государственная комиссия
чел.	– человек

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

- Аалто, 141
Агафонов Степан Яковлевич, 186
Агафонова Валентина Степановна, 186
Агейко Людмила, 120
Айдынян, 35
Айримо, 87
Акимова Мария И., 13
Аласаари, 12
Александр, 53
Александра, 146
Александровский А. П., 40
Алотало, 141
Алюхина Люция, 40
Амбаров Николай Акимович, 40
Амелина Анна Андреевна, 151
Амелькина Анастасия Константиновна, 9
Амелькина Парасковья, 9
Амосов Дмитрий Петрович, 76
Амосовы, 74
Андреев Михаил Иванович, 30
Андреев Михаил Петрович, 39
Андреев, 42
Андреева Федосия Сергеевна, 39
Андрианова Прасковья Ивановна, 49
Анисимов Иван, 106
Анисимов, 106
Анкудинов Гавриил Алексеевич, 109, 110, 112
Анкудинова Зина, 58
Антикайнен, 64
Антонов Егор Иванович, 85

* Указатель содержит отсылки к номерам, присвоенным документам в настоящем сборнике.

- Антонов, 57
Антропов Михаил, 101
Анхимов [Н].М., 108
Араюри Йохан Виктор, 34, 84
Арбузова Зинаида Алексеевна, 14
Арефьев Николай, 106
Ариель М. Б., 104
Армас, 85
Арола, 141
Артемяева, 98
Артюхин Александр Александрович, 159
Аутере Евгений, 42
Афанасьев Ф. В., 40
Ахпоева Татьяна, 8

Б

- Б. Анна Максимовна, 24
Бабарика, жертва оккупационного режима, 70
Бабушкин Дмитрий Васильевич, 117
Бабушкина Елена Архиповна, 117
Бабушкина Ольга Васильевна, 117
Бабушкины, 30, 117
Багрова Мария Николаевна, 121
Базанов Василий Григорьевич, 104
Байдикова, 43
Бакуты, 74
Балаев, жертва оккупационного режима, 42
Балясов Николай Лаврентьевич, 101
Бардиан, 40
Басарина, 105
Батраков, 108
Безмеков Анатолий, 106
Белаковский Николай, 163

Белова Александра, 106
Берегова Александра Андреевна, 154
Березина Ольга, 9
Березкин Федор, 63
Беседина Августина, 87
Бибикина Елена Александровна, 119
Бладыко Евдокия Филипповна, 118
Блунквист, 142
Бобкун, 25
Бобкун, жертва оккупационного режима, 25
Богданова Антонида, 79
Богданова Галина Ивановна, жертва оккупационного режима, 103
Богданова Таисия, 106
Богданова Таисия, 81
Богданова, 43
Богданова, 50
Богданова, 55
Богданова, 84
Богданович Кирилл Иванович, 51
Богоявленский Виктор (Боголевский, Богомалевский, Богомалинский), 49, 52, 64, 66, 67, 75, 77–79, 87, 94, 159
Бодрякова (Пирожкина) Елена Петровна, 83
Бодрякова Федосия Николаевна, 83
Божен Иван, жертва оккупационного режима, 25
Бокова, 106
Борисов И. Н., 104
Борисов Иван Алексеевич, 52, 107
Боровенков, 105
Бороздов Анатолий Сергеевич, 53
Боронцева, 106
Бошаков Иван, жертва оккупационного режима, 31
Бояринов Г., 44–48
Бриткин, жертва оккупационного режима, 30
Бритков, 102
Булыгин, 42
Бусарев, 88
Быкова Наталья, 8
Быкова, 106
Бычков Василий Иванович, жертва оккупационного режима, 39

Бычков, жертва оккупационного режима, 24

В

Ваалбек, 36
Ваармио (Воробьев), 42
Вавилин, 42
Ваиро, 179
Валанне Якко, 8
Валкойнен Тойни, 77
Василий, 180
Васильев Иван Степанович, жертва оккупационного режима, 18
Васильев Иван, жертва оккупационного режима, 180
Васильев, жертва оккупационного режима, 42
Васильев, жертва оккупационного режима, 54
Васильева Анна Николаевна, 39
Васильева Елена Васильевна, 160
Вахрушин, жертва оккупационного режима, 40, 44
Вейкко (Вейко), 74, 85
Вержбитский Иван Викентьевич, жертва оккупационного режима, 25
Вершинин Сергей Яковлевич, 29
Весисенахо Матти, 42
Вийнанен Петтери, 146
Викулина Татьяна, жертва оккупационного режима, 40, 44
Виленсон Б. А., 104
Вилле, 42
Витте, 42
Вихула, 54
Власков, 107
Власов И. В., 27, 28, 31, 33, 34, 39, 41
Власов Иван, 15
Власова Екатерина Николаевна, 15, 42
Воробьев, 144
Воробьев, см. *Ваармио (Воробьев)*
Воронова, 106
Воронцова А. В., 133
Вуорела, 183
Вуоренен, 153
Вуори Оскар, 42
Вуорио, 42
Вьюнков, 38

Г

Гаврилина (Бугай) Вера, 122
Гаврилов Михаил, 31
Гагарин, 98
Гагарина Анна Петровна, 88
Гагарина Вера Васильевна, 54
Гагарина Мария Нестеровна, 49
Гагарина Надежда Петровна, 18
Гайдин Егор, 36
Гайдин Степан, 36
Галанин, 17
Галашева (Галошова) Агафья Амосовна, 55, 79, 84
Галашкина Екатерина Григорьевна, 164
Ганниева А. П., 108
Гераськин Ж., 96
Гневышев, 32
Горшков Василий, 36, 42
Горшков Фил[ипп], 21
Горшков, 42
Горшкова Ульяна, 21
Гришин Петр, 67
Гром Ф., жертва оккупационного режима, 25
Громов Иван Ефимович, 67
Громова Анастасия, 34
Гуляева (Иванова) Римма, 73
Гумбарова Анна, жертва оккупационного режима, 31, 34
Гурова Екатерина Алексеевна, 135
Гюбиев Егор, жертва оккупационного режима, 107
Гюбиев Федор Иванович, 107
Гюбиева Наталья, жертва оккупационного режима, 107

Д

Давыдков Владимир Иванович, 137
Двадцатый Семен, жертва оккупационного режима, 56
Дегтярева Лида, 58
Демехин Александр Иванович, жертва оккупационного режима, 103, 123
Демехин Леонтий (Леонид), жертва оккупационного режима, 71

Демехин Павел Иванович, 123
Демехина Меланья Михайловна, 123

Демидов Николай, 8
Демидова Екатерина, 8
Демидович Василий Афанасьевич, 56
Демитричева Екатерина, 72
Демоева Елизавета Петровна, 18
Демченко Зоя Федоровна, 57
Демчук Анна Александровна, 165
Денисевич Николай Игнатьевич, 58
Денисов А. В., 40
Денисов Петр Григорьевич, 22
Денисова Наталья, 34
Дерибина Валентина Федоровна, 187
Дильденкин Николай Александрович, 104–106
Дмитричев Михаил Федорович, жертва оккупационного режима, 59
Дмитричева Екатерина Михайловна, 59
Дорохова Анна Ивановна, 154
Доршаков Василий Егорович, жертва оккупационного режима, 70
Дьяконов Николай, 74

Е

Евдокимова Ирина Григорьевна, жертва оккупационного режима, 103
Егоров Егор Петрович, 30, 60, 61
Егоров, 20
Егорова (Перхина) Людмила Григорьевна, 63
Егорова Александра Ивановна, 62
Егорова, 98
Егорьева Мелания Михайловна, 134
Елисеев Василий, жертва оккупационного режима, 56
Ескола, 42
Еутсалми, 49

Ж

Жалкуева Мария, 8
Жаркова Анастасия Ильинична, 167
Жданов Николай, 36, 42
Жданов, 62, 98

З., 24
 Загоскин Витя, 108
 Зарецкая Е. К., 58
 Захаров (Захарьев) Сергей Яковлевич, 90, 91
 Зацепин Александр, 165
 Зиновьева Александра Ивановна, 34
 Зуев Леонид Иванович, 107

Иван, 61
 Иванов Иван, 30
 Иванов, 41
 Иванов, 42
 Иванов, жертва оккупационного режима, 54
 Иванова Нина Николаевна, 186
 Ивановская Лукерья Васильевна, 79
 Игман, 58
 Игнатова, 34
 Игнашова Любовь Антоновна, 82
 Изотов Константин, 36
 Ильин А. А., 64
 Ильина Надежда, жертва оккупационного режима, 39
 Импи, 14
 Импонен Эйно, 12
 Ипатти Алекс, 58
 Исаевы, 74
 Исаков Василий, 131
 Исаков, жертва оккупационного режима, 15
 Исаков, жертва оккупационного режима, 41
 Исакова Ирина, 40
 Исотало Феликс, 36, 42
 Истомина Ольга, 9
 Июдин Владимир Иванович, 39
 Июдин Иван Александрович, 39

К

К. Нюра, 24
 К. Ульяна, 24
 К., 24
 Кавехеймо, 40
 Кайкконен, 93
 Кайрекко, 58

[К]айтера Карло, 2
 Каликин Иосиф Федорович, 76
 Калинин Александр, жертва оккупационного режима, 42
 Калио (Каллио?) Вера, 106
 Калкасов Георгий, 51
 Каллио, 12
 Каллио, 67
 Калугина Валентина Васильевна, 135
 Каменев Владимир, 106
 Камрас, 101, 172
 Кангас Сейма, 106
 Канту (Конту) Микко, 8
 Карисола, 78
 Кароль Андрей Ефимович, 136
 Карпела (Карпов) Борис, 42
 Карпина, жертва оккупационного режима, 64
 Карповы, 74
 Катала, 12
 Кауров П. Т., 106
 Кашин, 160, 169, 170
 Квасников, 53
 Кекконен Урхо Калева, 58
 Кекконен, 77
 Кённё, 108
 Кеттунен Хельми Андреевна, 18
 Кильстрем, 42
 Киннунен Якко, 39
 Кириллин Петр Тимофеевич, жертва оккупационного режима, 39
 Кириллин, жертва оккупационного режима, 24
 Кирьянова Татьяна Максимовна, 40
 Киселев Виктор, 106
 Киселева Анисья Васильевна, 40
 Клавдия, 36
 Клинов Яков Афанасьевич, 39
 Клюкин, 160
 Князев Геннадий Петрович, 143
 Ко[щакин], 172
 Ковала, 54, 62
 Коверо Иван, 32
 Козлова Екатерина Степановна, 179
 Козырев Василий Андреевич, 30
 Козырева Наталья Петровна, 65
 Кокорин Клавдий, жертва оккупационного режима, 135

Колбасовский, жертва оккупационного режима, 25
 Колесников Владимир, 80
 Колахмайнен (Колыхмайнен), 74, 134, 141
 Коломенский Алексей Прокофьевич, 107
 Колпаков Николай Николаевич, 39
 Кольцов Василий Васильевич, 71
 Кольцов, 52, 75
 Комарова В. Г., 104
 Комарова Татьяна Петровна, жертва оккупационного режима, 103
 Комкова Н. Р., 66
 Кондрашова Елена, 92
 Коневалов Владимир, 134
 Конконен Тмель, 58
 Коновалов Иван, 123
 Коновалов Игнатий Ефимович, 67
 Коновалов П. И., 17
 Кононов Игнатий Яковлевич, 16
 Кононов Юрий Игнатьевич, 16
 Константинов Василий, 8
 Копонен Эмели, 11
 Копосов Василий, 76
 Коргополов Николай Александрович, 145
 Корнилова Анна Михайловна, 147, 168
 Коробов Николай Иванович, 140
 Королева З. А., 68
 Косимьяки (Касимьяки) Токо, 58
 Косова Лидия Николаевна, 137
 Костина Анастасия Алексеевна, 138
 Костина Мария Алексеевна, 138
 Костины, 74
 Котилайнен Вяйне Александр, 3–5, 7, 30, 42, 102
 Котмин, жертва оккупационного режима, 49
 Котов М. В., 100
 Котова Вера Егоровна, 39
 Котова Мария, 40
 Котова Надежда Николаевна, жертва оккупационного режима, 39
 Кочанов Степан Иванович, 32
 Кочергин Алексей, жертва оккупационного режима, 30
 Кошелев Димитрий Иванович, 85
 Крылов Семен Васильевич, 69
 Крылова Гертруда Семеновна, 69
 Крылова Мария Федоровна, 69

Крючков, 36
 Кубачин Владимир, жертва оккупационного режима, 36, 42
 Кувылдин Александр Львович, 70
 Кудрявцев, 39
 Кузин А. И., 40
 Кузнецов А. М., 30, 107
 Кузьмина Раиса, 72
 Куйтунен, 42
 Кукелев (Кукелов) Н. И., 35, 41, 43
 Куккола Лаури, 39, 42
 Кулаков Александр, 71
 Кулешов Федор Иванович, 139
 Куллюла, 56
 Кулалахти, 42
 Куприянов Геннадий Николаевич, 26–28, 31, 34, 35, 43, 48, 106
 Купцова Тамара, 42
 Курганов Василий Николаевич, 30
 Курганов Ефим Николаевич, 26
 Куревина Валентина Ивановна, 140
 Курзин Федор, 142
 Курков Илья Николаевич, 58
 Кутоев Леонид, 123
 Куурема (Курунман), 64, 126
 Куусела Эйно, 3–7, 34
 Кюршева Надежда Васильевна, 141
 Кюршина, 64

Л

Л., 30
 Лавра, 56
 Лагус Рубен, 34
 Лазарев, 42
 Лазарев Петр Иванович, 39
 Лазарева Екатерина Константиновна, 154
 Лайно, 40
 Лайхо, 36, 42
 Лакса Арни, 39
 Ламберг (Ламберен) Вейкко (Вейко), 67, 71, 78
 Ларина Зинаида Петровна, 142
 Ларина Клавдия, 42
 Ларионов Василий Григорьевич, 28
 Ларюшкин Ефим, 76
 Лахина Екатерина Васильевна, 71, 107
 Лебедев Андрей Никифорович, 143

Лебедев Николай Григорьевич, 144
Лебедев, 31
Лебедев, 42
Лебедева Анастасия, 34
Левкин Александр Петрович, 71
Левкин Алексей Васильевич, 71
Левкина Капитолина, 87
Леонтьев Александр Васильевич, 145
Леонтьев Михаил Александрович, 187
Лесонен Василий, 12
Лесонен Ипат, 12
Лесонен Ольга, 12
Лесонен Ольга, 12
Лехтинен Лаури, 58
Лехтинен, 77, 94
Лилия, 40
Лингрэн, 142
Линдхольм Вейко, 51
Литонен, 40
Лиусканто, 42
Лобус Василий Иосифович, жертва оккупационного режима, 25
Логинов Яков Иванович, жертва оккупационного режима, 39
Логинов, жертва оккупационного режима, 41
Логинова Анна Ивановна, 40
Лохик Микко, 58
Лу[ч]кина Антонина, 40
Лукачев Слава, 88
Лукин Миша, 40
Лукина Капитолина Ефимовна, 146
Лукинский Сергей Дмитриевич, 182
Лукконен Анна, 106
Лукконен, 40
Луккоринен Якко, 67, 77
Лундел, 141
Луома-Кууутти Лаури, 8
Лупасети, 36
Лустиг Владимир, 36, 42
Лууконен (Луукоонен), 36, 42
Лушина Анастасия, 36, 42
Люботинский (Люботынский) Виктор Адамович, 52, 67, 87, 94
Лялин, 105
Ляхтонен, 70

М

Майорова Анна, 71
Майсниemi Пааво, 36, 42
Макаров В. Н., 104
Макаров Михаил Иванович, 40
Макеева Ленина Павловна, 73
Маккоев, 31
Максимов Леонид Андреевич, 137
Максимова, 28
Малая Валентина Яковлевна, 147
Мальгина Анна, 12
Малькова, 64
Мальмиваара Арви, 106, 124
Малюткина Анна Ивановна, 72
Маннергейм Карл Густав, 1, 30, 55, 74
Манойлов, 41
Маренкин Михаил Иванович, 156
Мария, 146
Мария, жертва оккупационного режима, 146
Маслякова Ольга Александровна, 182
Маслякова, 42
Матвеев, 62
Матихина, 39
Матти, 58
Медведев Александр, 88
Медведев Сергей, жертва оккупационного режима, 31
Меласниemi, 42
Мелюченко, 74
Мерскю Калле, 42
Меттонен (Миеггинен), 36, 39, 42
Микс Валентин, 30, 53
Минкин Владимир Петрович, 148
Михаил Федорович, 107
Михайлов Владимир, 74
Михайлов Игорь, 80
Могилева Анастасия Павловна, 149
Мойланен, 71
Молчанов Иван Сергеевич, 74
Монакова Евдокия Николаевна, 40
Мосиенко Павел Прокопьевич, 150
Мошкин, жертва оккупационного режима, 41
Мугачев Павел Иванович, 32
Музыченко П.[Т], 106
Муйлу, 12
Мустонен, 8

Мухина Анастасия (Татьяна Андреевна ?), жертва оккупационного режима, 36, 39
Мяенпя (Мьямпя), 93, 141
Мьямпя, 58
Мьялепя, 58

Н

Надежда, 146
Назарова Мария Никитична, 153
Наумов Лаврентий Иванович, 30, 61
Неелова Агриппина Михайловна, 157
Неменен Оскар, 66
Неслухов Алексей Федорович, 75
Нестеров, 15
Нестеров, 42
Нестерова, 13
Нефедкины, 36
Нечаева В. С., 108
Ниемеля, 12
Никитин А. А., 17
Никитин Александр Егорович, 39
Никитин Андрей, 8
Никитин, 57
Никитины, 74
Николаев Иван Петрович, 106
Николаев Николай, 8
Никонова Матрена Федоровна, 40
Никутьева Иринья Федоровна, 18
Ниргус, 58
Ниссинен, 42
Нифантьев, 8
Новак, 42
Нордстрем Густав, 34
Нуортева Матти, жертва оккупационного режима, 42
Нуортева Пентти, жертва оккупационного режима, 42
Няккиев Федор, 39

О

Овчинников Михаил Егорович, 125
Овчинникова Александра Яковлевна, 181
Ойла, 40
Ойнонен, 42
Орехова Елизавета, 86
Орикойнен, 58

Орлов Сергей, 71
Орлов, 36, 42
Осипов Василий Иванович, 39
Осипов, жертва оккупационного режима, 54
Осипова Татьяна, жертва оккупационного режима, 34
Остава Анна Селиверстовна, 9
Остова Маруся, 141
Островский, 144
Островский, 36
Остроумов Петр Спиридонович, 76

П

Паананен Марта Осиповна, 18
Павлов Василий, 8
Павлов Иван, 67
Павлов Николай Иванович, 36, 42
Павлов, 42
Павлова Е. К., 78
Павлова Мария Петровна, 151
Павлова Мария Петровна, 158, 176
Павлова Фаина Ивановна, 152
Палагин, жертва оккупационного режима, 54
Палохеймо Олли, 11
Партанен Мария Николаевна, 19
Партонен Вяйно, 164
Партонен, 185
Парфенов Василий Арсентьевич, 70, 77, 78
Парфенов, 106
Парфенов, 160, 169, 170
Парфенова, 105
Пастухов Василий, 22
Патракеев Иван, 19
Паули, 30
Пауль, 102
Пауров П. Т., 124
Пахомов Сергей, 40
Пахомова Анна Николаевна, 154
Пахомова Анна Петровна, 153
Пахомова Мария Ивановна, 154
Пашкова Анна Петровна, 79
Пелипенко Петр, жертва оккупационного режима, 106, 124

Пернанен (Пергонен) Александр, 17, 32, 39
Пертгунен Ольга, 12
Пертунен Алексей, 12
Перхин Витя, 63
Перхин Леня, жертва оккупационного режима, 63
Перхина Валентина, 15
Перхина Мария Захаровна, 63
Перцов Иван Кириллович, 155
Пессала Лаури, 42
Пессонен, 74
Петлицкий Франусь Викторович, 80
Петр, 56
Петр, жертва оккупационного режима, 59, 88
Петраков Николай Николаевич, 20
Петрилайнен, 42
Петров Александр Георгиевич, 156
Петров Федор Дмитриевич, 157
Петров Яков Петрович, 159
Петрова Евдокия Андреевна, 158
Петрова Екатерина Николаевна, 81
Петрова Елена Федоровна, 157
Петропавловский В. Н., 104
Петрушина Таисия Петровна, 160
Петушенков Егор Петрович, 61
Печенкина Анастасия, 34
Печурина Анастасия Ивановна, 82
Пешков Николай, 106
Пим Валентин, 22
Пименов Алексей, жертва оккупационного режима, 107
Пименов М., 39
Пирожкина Пелагея Георгиевна, 83
Пичугин, 15
Пичугина Александра Павловна, 161
Плещачев Иван Андреевич, 162
Погожильская Антонина Яковлевна, 25
Подгорная Александра Степановна, 164
Подгорский Николай Иванович, 163
Позик Л. Г., 58
Полагин Сергей, жертва оккупационного режима, 180
Политов Петя, 125
Политова Александра Васильевна, 165
Политова Оля, 125
Полякова Анна Ивановна, 166
Полякова Екатерина Ивановна, 167

Помазова Мария Михайловна, 168
Пономарева Александра Ивановна, 161, 169
Пономарева Клавдия Ивановна, 161, 169
Пономарева Мария Ивановна, 161, 169
Пономарева Мария Ивановна, 170
Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич, 29
Попов Михаил, 144
Попова Марфа Ефимовна, 40
Попова Татьяна Васильевна, 84
Попова, 55
Поповы, 74
Пораярви, 98
Порвали, 42
Прокконен Павел Степанович, 43–47
Проскураков Илья Александрович, 107
Прохоров Николай Егорович, 86
Прохорова Екатерина Николаевна, 86
Прочкин Василий, 99
Прошкова Ефимия Федоровна, 171
Прошкова Клавдия Степановна, 171
Прошкова Пелагея Ивановна, 171
Птицын Максим Петрович, 85
Пудогина Мария Андреевна, 183
Пустовалов Петр, жертва оккупационного режима, 106, 124
Пухакка Август, 32
Пушко Герасим Леонтьевич, 172
Пушков, 144
Пушкова Александра Ивановна, 173
Пьяных Евдокия Федотовна, 174
Пядин Василий, 80
Пядина (Прохорова) Валентина Николаевна, 86
Пядина Пелагея, 49
Пядина Татьяна Егоровна, 105
Пяттоева Анна Евсеевна, 175

Р

Рабачева Екатерина, 146
Райеки (Райски), 36, 42
Ранконен (Ронконен, Ронгонен), 28, 30, 36, 42
Рауман, 12
Раутио Ольга, 49
Рачкала, 74
Редникова Н., 87

Редькин Федор Андреевич, жертва оккупационного режима, 30
Рейко, 39
Реононин, 108
Репина Валентина Андреевна, 151, 176
Ржанский (Василий Иванович?), жертва оккупационного режима, 32, 42
Ржанский Александр Васильевич, жертва оккупационного режима, 32
Ригверг, 36
Риккола, 8
Риникя Александр, 160
Риска, 42
Рогаткина Анна Ивановна, 147
Рогачева-Луканичева Александра Алексеевна, 88
Рогендина Анна Ивановна, 177
Рогендина Ксения Ивановна, 177
Родзевич Г. А., 40
Родионова Прасковья Андреевна, 178
Ройкко (Райкко), 36, 42
Романов, 41
Ромашов Борис, 74
Росси Хилья, 9
Ругачев В. Ф., 43
Рулева Татьяна, 178
Русанов И. И., 89, 106
Ряме, 42

С

С., 30
Савельев Евгений, 90
Савельева Татьяна, 90
Савин Матвей Петрович, 91
Савина Дарья Васильевна, 90
Савинков Петр Арсентьевич, 163
Савинковы, 42
Савинова Валентина Григорьевна, 179
Салаваара, 74
Салдатенко Семен, жертва оккупационного режима, 70
Салисмаа, 78, 106
Салми, 67
Саловаара (Саловаари, Сааловаара, Саловари) Тимо, 51, 55, 57, 79, 84, 159

Салокангас, 40
Самылкин Федор Михайлович, жертва оккупационного режима, 39
Санько Галина Захаровна, 129, 131, 132
Сараеки, 58
Сарин, 101, 172
Сафронов Василий, жертва оккупационного режима, 108
Сафронова Анна Гавриловна, жертва оккупационного режима, 103
Сахаров Алексей Васильевич, 180
Севастьянов Федор, жертва оккупационного режима, 31
Севериков Филипп Петрович, 28, 30
Семенов П. З., 108
Семенов Федор, жертва оккупационного режима, 40, 44
Семенова Алимпида Васильевна, 92
Семиголов Александр Филиппович, 85
Семко Валентина Александровна, 126
Сенина А., 106
Сеппеля, 40
Сеппеля, 88
Сеппяля Хельге, 58
Серасте, 100
Сергеев Павел Антонович, 101, 172
Сергин Николай Степанович, 32
Серова Нина, 106
Серышев, 37
Сидорков Александр Макарович (Макарьевич), 93, 108
Сидоров Василий Алексеевич, 76
Сииласвуо, 2
Силин Федор, 133
Силкины, 74
Силуков, 100
Сильвигельм, 42
Симонов Александр Алексеевич, 94
Синицына, 68
Сипиля, 12
Сихвомаа Кости, 42
Сихвонен, 62
Скворцов, 88
Скиндер Нина Михайловна, 127
Скрит, 25
Смирнов Михаил, 101
Смольков И. А., 40
Собакин Иван Иванович, 133

Соболевы, 74
Сойта Сулас, 156, 174
Соколов Викт[ор] Васил[евич], 56
Соколов Д. Г., 40
Соловьев Петр, 30
Сонников Иван, 30
Софронов (Сохромов) Василий, жертва
окупационного режима, 93, 141
Софронова Александра, 40
Спиридонов Анатолий, жертва
окупационного режима, 103
Спиридонов Леонид, жертва
окупационного режима, 103
Спиридонова (Максимова) Лидия
Николаевна, 95
Спиридонова Нина, жертва
окупационного режима, 103
Спиркова (Спирова) Анна, 78, 106
Ставейков, 42
Старцев Николай Александрович, 96
Старченко Ася, 58
Степанов Г. Г., 104
Столяров, 29
Стригина (Гуляева) Надежда Алексеевна,
21
Стукке, 64
Субботина Кл. Мих., 68
Суйхконен, 93
Сысоева Клавдия, 49
Сытов, 107
Сюкалина Вера Федоровна, 49

Т

Талопин Михаил Васильевич, 39
Тарасов Анатолий Григорьевич, 39
Тарасова Анна Осиповна, 97
Тарасова Дора, 15, 18
Тарасова Евдокия Васильевна, 98
Татьяна, 79
Темнева Татьяна Степановна, 181
Тенхунен Клара, 9
Теплова А., 57
Терехова Александра Федоровна, 92
Терешкина Анна, 49
Терпугов Павел Павлович, 182
Тикка, 42
Тиккоева Наталья, жертва
окупационного режима, 14

Тимофеев Степан, 15
Титова Таисия Павловна, 9
Тихонова Клавдия Ивановна, 185
Тишкина Анна, 34
Ткаченко, 105
Тойвала (Тойволо), 76, 90, 91, 99
Тойвонен, 54, 62, 98
Торма Керри, 58
Тося, 83
Третьяк Петр, жертва окупационного
режима, 25
Тришин И. М., 99
Трофименко Федор Петрович, 143
Трофимов Павел, 29, 31
Тубина Елизавета, 9
Туоминен, 36, 42
Тупицын Константин, 31
Турунен (Копылов), 42
Тусминен, 58
Тучин Дмитрий Егорович, 33
Тютюнов Александр Андреевич, 76

У

У., 32
Укка, 142
Ульянова Мария Николаевна, 183
Ульянова Парасковья, 15
Ункури (Онкури), 40
Устинов Сергей, жертва окупационного
режима, 93, 108

Ф

Фаста, 42
Фатеевы, 74
Феднеева Таисия, 49
Федоров, 125
Федоров Константин, 141
Федорова Мария Александровна, 166
Федорова Мария Федоровна, 125
Федорова, 106
Федосеева Евдокия Михайловна, 184
Федосьева, 106
Федотов Алексей, 76
Федотов Иван, 8
Федотов Леонид, 168
Федотова Мария Петровна, 21
Федотова Мария, 188

Федотова Паша, 8
Феопентова В. В., 100
Фепонова Клавдия Александровна,
185
Ферапонтова Паула, 9
Филатов Дмитрий Степанович, жертва
окупационного режима, 70
Филин Григорий Ефимович, 39
Филиппова (Рузова) Раиса, 128
Филькинштейн Эр, 64
Фирсова Пелагея Ивановна, 106
Фокин Федор Петрович, 22
Фокин, 98
Фокина Александра, 108, 140
Фокина Марфа Григорьевна, 9
Фомин Андрей, 8
Фролов Александр Дмитриевич, жертва
окупационного режима, 39
Фукалов, 20

Х

Хаависто, 42
Хаккарайнен Август, 9
Хаккарайнен Юрье, 9
Харитонов Петр Филиппович, 30
Харитонов Юрий, 39
Харченко, 74
Хевосенахо, жертва окупационного
режима, 42
Хеймо Хейкки, 33
Хейно, 181, 185
Хейнонен, 93, 141
Хекенен Александр, 79
Хеломаа И., 6, 7
Хенио, 140
Хирвонен, 133
Ховисто Вилье, 39
Холло, 36, 42
Хомяков Алексей, 172
Хормио, 31
Хорошева Анастасия, 65
Хорошилова Татьяна Трофимовна,
40
Храпова Клавдия, 141
Хроболова Анна, 14
Худяшева, 106
Хурри, 42
Хювялусма, 12

Ц

Цуканов, 78, 87
Цыбанов Михаил Иванович, 101, 143

Ч

Чапурини, 74
Чернева Мария, 159
Чернигов, 20
Черняева Вера, 49
Четвериков Дмитрий Максимович, 34
Четверикова, 34
Чивакова Мария Алексеевна, 154
Чистюнин С. Н., 100
Чупаев Николай, 108
Чуркин, жертва окупационного
режима, 39

Ш

Шамберг М. А., 26–28, 34
Шварев А., 103
Шебряков Андрей, 67
Шевко, 74
Шильд Рольф, 42
Ширшева Анастасия Ивановна, 61
Шитов Н., 24, 25
Шлыкорова Вера Ивановна, 186

Щ

[Щипи]на Елизавета Павловна, 170
Щанная Любовь Захаровна, жертва
окупационного режима, 103

Э

Эйно, 93, 108
Эклун, 142

Ю

Юлий Павло, 169
Юли-Лома Матти, 58
Юлиманнида Эдвард, 58
Юлстало, 98
Юрий (Лукин?), 146
Юртина Анна, 174

Я

Якимец Павел Филиппович, 23, 30
Яков, 56
Яковлев В. В., 104
Яковлева Ева, 8
Яковлева Мария Петровна, 187
Яковлева, 105
Яркоева Галина, 51
Яркоева Надежда, жертва
окупационного режима, 51
Яровицина Валентина Дмитриевна, 188
Яскелайнен, 74
Ятанины, 74

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

Алекка (Аллека) д., Пряжинский район,
КФССР, 108, 139
Апшеронская ст., Апшеронский район,
Краснодарский край, 150
Артово д., Заонежский район, КФССР,
21, 42

Б

Бабинская (Бабино, Вырозеро) д.,
Заонежский район, КФССР, 167
Батова д., Заонежский район, КФССР,
154
Беломорск г., Беломорский район,
КФССР, 26, 29, 30, 32, 34
Белохино д., Заонежский район, КФССР,
17, 153
Бельково д., Порховский район,
Ленинградская область, 81, 159
Бережное д., Заонежский район, КФССР,
177
Бесовец д., Прионежский район, КФССР,
22
Бор г., Горьковская (ныне
Нижегородская) область, 101
Бор д., Заонежский район, КФССР, 137
Боярщина д., Заонежский район,
КФССР, 95
Бутурлино с., Бутурлинского район,
Горьковская (ныне Нижегородская)
область, 101

В

Вааса г., Финляндия, 42
Важины с., Подпорожский район,
Ленинградская область, 6, 126
Ватнаволок д., Кондопожский район,
КФССР, 49
Вегорукса д., Заонежский район, КФССР,
42, 148
Ведлозеро с., Ведлозерский район,
КФССР, 42, 74
Ведлозерский район, КФССР, 18, 31, 34,
38, 62
Великая Губа (Погост) с., Заонежский
район, КФССР, 15, 17, 28, 32, 36, 37, 42,
63, 97, 125, 142, 148, 178
Великие Луки г., Великолукский район,
Калининская область (в настоящее
время – Псковская область), 76
Великая Нива д., Заонежский район,
КФССР, 36, 37, 42
Вертилово д., Заонежский район,
КФССР, 28, 30
Верхняя д. Видлица, Олонецкий район,
КФССР, 8
Верхняя Свирь (оккупированная
территория в районе Верхней Свири
в Ленинградской области), 3
Вехручей д., Шелтозерский район,
КФССР, 20, 89
Вешкелицы с., Пряжинский район,
КФССР, 108
Вигово д., Заонежский район, КФССР,
36, 178
Видлицкий сельсовет, Олонецкий район,
КФССР, 46

* Указатель содержит отсылки к номерам, присвоенным документам в настоящем сборнике.

Видлица с., Олонецкий район, КФССР, 18, 58, 180
Вилга д. (лесопункт), Прионежский район, КФССР, 71, 72, 74, 106, 124, 134
Винницкий район, Ленинградская область, 20
Винницы с., Подпорожский район, Ленинградская область, 103
Вирма с., Беломорский район, КФССР, 84
Власовка д., Полтавская область, Украинская ССР, 23
Воев-наволок д., Заонежский район, КФССР, 72
Вознесенье (оккупированная территория в районе с. Вознесенье Ленинградской области), 3
Вознесенье с., Вознесенский район, Ленинградская область, 20, 23, 78, 79, 92, 103
Вознесенский район, Ленинградская область, 20, 159
Вокнаволок д., район Калевалы (Калевальский район), КФССР, 12
Вокнаволоцкий сельсовет, район Калевалы (Калевальский район), КФССР, 34
Волосовичи д., Полесская область, Белорусская ССР, 136
Воронежская область, 174
Вороний остров д., Заонежский район, КФССР, 161, 171
Воронье д., Подпорожский район, Ленинградская область, 82
Восточная Карелия (оккупированная территория КФССР), 3–8, 10–12, 30, 34, 42, 58, 84
Выборг г., Выборгский район, КФССР (ныне Ленинградская область), 34, 42
Выборгский район, КФССР (ныне Ленинградская область), 34, 38
Вырозеро д., Заонежский район, КФССР, 142, 178
Вырозерский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 35, 37, 43, 166
Высокая Нива д., Заонежский район, КФССР, 32
Вытегра г., Вытегорский район, Вологодская область, 20, 163

Г

Габнаволок д., Заонежский район, КФССР, 28
Габсельга д., Медвежьегорский район, КФССР, 25
Гакручей д., Вознесенский район, Ленинградская область, 99
Гарницы д., Заонежский район, КФССР, 28, 30, 86
Гиттойла д., Олонецкий район, КФССР, 18
Голодяево д., Пришекснинский район, Вологодская область, 88
Горное Шелтозеро д., Шелтозерский район, КФССР, 33
Горьковская область, 180
Готнаволок д., Петровский район, КФССР, 74
Грязовецкий район, Вологодская область, 173

Д

Демеховская д., Заонежский район, КФССР, 39
Демидово д., Заонежский район, КФССР, 36, 42
Демидовская д., Подпорожский район, Ленинградская область, 157
Деревянное д., Прионежский район, КФССР, 59, 67
Деригузовский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 32, 35, 37, 43
Диановы д. горы, Заонежский район, КФССР, 121
Другая река д., Шелтозерский район, КФССР, 30

Е

Евес-наволок д., Заонежский район, КФССР, 144
Екатеринославская губерния, Российская империя, 172
Ерснево д., Заонежский район, КФССР, 95
Есино д., Заонежский район, КФССР, 36, 39, 42, 161, 187

З

Загорье д., Заонежский район, КФССР, 185
Задняя д., Заонежский район, КФССР, 63, 164
Залесье д., Шелтозерский район, КФССР, 34
Заозерье д., Подпорожский район, Ленинградская область, 6
Заонежский район, КФССР, 15, 17, 20, 21, 26–28, 32, 34–37, 39–43, 47, 49, 59, 88, 103, 127, 133, 137, 143, 145, 147, 153, 160, 165, 168, 171, 175, 181, 186
Зародницы д., Заонежский район, КФССР, 42
Заславль ст., Заславльский район, Минская область, Белорусская ССР, 80

И

Ивантиевская д., Заонежский район, КФССР, 39
Ивино с., Вознесенский район, Ленинградская область, 99
Илемсельга д., Кондопожский район, КФССР, 40, 44
Илемсельга ст., Кондопожский район, КФССР, 49
Ильинское п., Олонецкий район, КФССР, 38, 56, 58, 74, 80
Ильинский сельсовет, Олонецкий район, КФССР, 19, 46
Истомино д., Заонежский район, КФССР, 135

Й

Йоэнсуу г., Финляндия, 34

К

Кажемский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 32
Кажма д., Заонежский район, КФССР, 36, 42, 175
Калевальский район (район Калевалы), 48
Калининская (ныне Тверская) область, 152, 156

Каменное озеро д., район Калевалы (Калевальский район), КФССР, 12
Кангозеро д., Суоярвский район, КФССР, 101
Кармачин д., Татарская АССР, 184
Каскесручей д., Шелтозерский район, КФССР, 92
Кедрозеро д., Кондопожский район, КФССР, 40
Кезоручей д., Подпорожский район, Ленинградская область, 83
Кексгольм г., Кексгольмский район, КФССР (ныне г. Приозерск Ленинградской области), 34
Кексгольмский район, КФССР (ныне Приозерский район, Ленинградская область), 34
Керака д., Заонежский район, КФССР, 178
Кестеньга (оккупированная территория в районе с. Кестеньга, КФССР), 3
Кестеньгский район, КФССР, 29, 48, 175
Кижы (Кижский остров) д., Заонежский район, КФССР, 26, 42, 86
Кижский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 35, 37, 39, 43
Киндасово д., Пряжинский район, КФССР, 15, 18, 19, 38, 54, 62, 64, 74, 83, 98, 116, 180
Кинелахта д., Ведлозерский район, КФССР, 31
Кинерма д., Ведлозерский район, КФССР, 31
Киновичи д., Подпорожский район, Ленинградская область, 119
Кировская область, 34
Киссиево д., Подпорожский район, Ленинградская область, 94
Клименицы д., Заонежский район, КФССР, 95
Кокино д., Подпорожский район, Ленинградская область, 6
Коккосалми (Коккосалма) д., Кестеньгский район, КФССР, 18
Кокорина (Кокорино) д., Кондопожский район, КФССР, 171, 185
Колвасозеро д., Ребольский район, КФССР, 15, 18, 19, 97

Комлево д., Заонежский район, КФССР, 178
Конда д., Заонежский район, КФССР, 26, 69
Кондопога г., Кондопожский район, КФССР, 21, 30, 40, 44, 140, 141, 143, 154, 182
Кондопога (оккупированная территория в районе г. Кондопога, КФССР), 3
Кондопожский район (оккупированная территория Кондопожского района КФССР), 4
Кондопожский район, КФССР, 34, 38, 40, 42, 44, 45, 47
Коровниково д., Заонежский район, КФССР, 154
Корытово д., Заонежский район, КФССР, 36, 42, 63
Косельга с., Вознесенский район, Ленинградская область, 93, 96, 108
Косозеро д., Заонежский район, КФССР, 15, 21, 30, 35, 37, 39, 40, 42
Косозерский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 32
Красная Сельга д., Заонежский район, КФССР, 32
Кремь д., Минская область, Белорусская ССР, 56
Крестная гора д., Заонежский район, КФССР, 183
Кузаранда д., Заонежский район, КФССР, 188
Кузарандский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 35–37, 43, 147
Кузнецы д., Заонежский район, КФССР, 91
Куйтежа (Куйтежи) д., Олонецкий район, КФССР, 18
Куйтежский сельсовет, Олонецкий район, КФССР, 46
Куопио г., Финляндия, 9, 34, 42
Курьеницы (Кургеницы) д., Заонежский район, КФССР, 86
Кутижма п., Пряжинский район, КФССР, 30, 38, 49, 67, 70, 72, 74, 87, 93, 106, 108, 134, 141, 159
Куусамо г., Финляндия, 34
Кушеванда д., Кестеньгский район, КФССР, 29, 31

Кяппесельга д., Кондопожский район, КФССР, 42, 63, 120, 155, 156, 160, 168, 179
Кяппесельга ст., Кондопожский район, КФССР, 40, 186
Кяргино д., Вознесенский район, Ленинградская область, 52

Л

Ладва с., Прионежский район, КФССР, 99
Ладвозеро д., район Калевалы (Калевальский район), КФССР, 12
Ладмозеро д., Заонежский район, КФССР, 121
Лазарево д., Заонежский район, КФССР, 42, 165
Ламбасручей д., Заонежский район, КФССР, 17, 32, 39, 42, 125, 178
Лекоровка д., Заславльский район, Минская область, 58
Леликозеро д., Заонежский район, КФССР, 32, 178
Ленинград г., 26, 36, 51, 64, 74, 120, 148
Ленинградская область, 27, 51, 74, 106
лесопункт Шожма, Подпорожский район, Ленинградская область, 180
Лижма д., Кондопожский район, КФССР, 153
Липовицы д., Заонежский район, КФССР, 32
Логморучей д., Прионежский район, КФССР, 20
Лодейнопольский район, Ленинградская область, 16, 54
Лодейное Поле г., Лодейнопольский район, Ленинградская область, 64, 80
Лонгасы д., Заонежский район, КФССР, 28, 30
Лосиная гора д., Сегозерский район, КФССР, 97
Лоухский район, КФССР, 47, 46
Лужма д., Ребольский район, КФССР, 19, 97
Лучкина Гора д., Шелтозерский район, КФССР, 29, 30

М

Малая Уница (Уница?) д., Кондопожский район, КФССР, 143
Марковщина д., Заонежский район, КФССР, 39
Масельга (Масельгская) ст., Медвежьегорский район, КФССР, 158, 170, 177
Масельга д., Заонежский район, КФССР, 147
Масельгская гора д., Заонежский район, КФССР, 42
Масельгский округ (центральная часть оккупированной территории КФССР в районе с. Ругозеро, г. Медвежьегорска, с. Поросозеро, д. Паданы), 3
Матвеева сельга д., Шелтозерский район, КФССР, 99
Матросы п., Прионежский район, КФССР, 16, 178, 183
Мегрегский сельсовет, Олонецкий район, КФССР, 46
Медведево (Медведева) д., Заонежский район, КФССР, 160, 187
Медвежьегорск г., Медвежьегорский район, КФССР, 25, 26, 74, 101, 135, 138, 142, 144, 153, 161, 166, 178, 184, 186
Медвежьегорский район, КФССР, 34, 38, 45, 47, 160, 168, 175, 178, 185
Медвежья гора д., Медвежьегорский район, КФССР, 137, 164, 169, 170, 177, 182, 185
Медгора (оккупированная территория в районе г. Медвежьегорска, КФССР), 3, 4
Мелиоративный п., Прионежский район, РК, 127
Миеслахти н.п., Финляндия, 18
Мироновская д., Заонежский район, КФССР, 37
Михайловка д., Пензенская область, 59
Михайловский сельсовет, Олонецкий район, КФССР, 46, 180
Мишалево д., Заонежский район, КФССР, 147, 168
Москва г., 26, 148

Мунозеро (оккупированная территория в районе д. Мунозеро, КФССР), 3
Мунозеро д., Заонежский район, КФССР, 32
Муромля с., Вознесенский район, Ленинградская область, 99
Мяньсельга (Мяньсельга) д., Кондопожский район, КФССР, 14
Мятусово д., Подпорожский район, Ленинградская область, 70, 126

Н

Нестерово (Нестерова) д., Заонежский район, КФССР, 160
Нижняя Свирь (оккупированная территория в районе Нижней Свири в Ленинградской области), 3
Низово (Низова) д., Шелтозерский район, КФССР, 31
Новосибирск г., Новосибирская область, 56
Новый Двор с., Заславльский район, Минская область, Белорусская ССР, 80

О

Обалковская д., Заонежский район, КФССР, 151
Обжа д., Олонецкий район, КФССР, 19, 31
Обжанский сельсовет, Олонецкий район, КФССР, 19, 46
Округ Беломорья (северная часть оккупированной территории КФССР в районе Калевалы и Кестеньгского района), 3
Олонец с. (г.), Олонецкий район, КФССР, 34, 97
Олонец (оккупированная территория в районе г. Олонца, КФССР), 3
Олонецкий округ (южная часть оккупированной территории КФССР в районе г. Петрозаводска, Олонецкого, Шелтозерского, Заонежского и других районов, а также части территории Ленинградской области), 3, 6, 11, 34
Олонецкий район, КФССР, 26, 28, 31, 34, 38, 46, 47, 58, 80, 118, 119

Орзег п., Прионежский район, КФССР, 59, 67, 72, 74, 88, 146
Орловская область, 155
Остречины с., Вознесенский район, Ленинградская область, 67, 76, 146

П

Паалу д. (отделение концлагеря № 8), Олонецкий район, КФССР, 46
Паданский район, КФССР, 48
Паданы с., Сегозерский район, КФССР, 18, 28, 30, 34, 97, 101
Паданы (оккупированная территория в районе д. Паданы, КФССР), 3
Падмозеро д., Заонежский район, КФССР, 140, 182
Палалахта д., Ведлозерский район, КФССР, 31, 34
Палтега д., Заонежский район, КФССР, 39
Паннила д., Ведлозерский район, КФССР, 31, 34
Патрово д., Заонежский район, КФССР, 42
Пахомова гора д., район Калевалы (Калевальский район), КФССР, 12
Пахомово д., Бабаевский район, Вологодская область, 60, 61
Паяницкий сельсовет, Заонежский район, КФССР, 35, 37
Пегрема д., Заонежский район, КФССР, 125, 167, 178
Педасельга д., Заонежский район, КФССР, 42
Педасельга д., Прионежский район, КФССР, 160
Пергуба д., Медвежьегорский район, КФССР, 149, 165, 171, 179, 187
Пески д., Заонежский район, КФССР, 32
Пески м., Прионежский район, КФССР, 52, 59, 74, 84, 88, 91, 95, 96, 100, 103, 104, 107, 126
Песчаное д., Пудожский район, КФССР, 20
Петришки д., Заславльский район, Минская область, Белорусская ССР, 80
Петровский район, КФССР, 34, 46–48, 98

Петрозаводск г., КФССР, 3, 9, 13, 14, 16, 18, 20, 22, 23, 26–28, 30, 31, 34, 36, 38, 39, 42, 48–53, 55, 57, 59–62, 64–96, 98–115, 117, 120, 122–126, 128–134, 141, 143, 144, 146–147, 150, 152, 159, 162, 163, 166, 172, 180, 183, 184
Петтой-гора д., Вознесенский район, Ленинградская область, 75
Пидьма д., Подпорожский район, Ленинградская область, 55, 89, 126
Пиндуши п., Медвежьегорский район, КФССР, 25, 185
Питкьярантский район, КФССР, 34, 48
Плотично д., Подпорожский район, Ленинградская область, 162
Побережье д., Заонежский район, КФССР, 187
Повенец п., Медвежьегорский район, КФССР, 25, 155
Погост д., Заонежский район, КФССР, 177
Погра ст., Подпорожский район, Ленинградская область, 16
Подпорожский район, Ленинградская область, 27, 53, 73
Подпорожье р.п., Подпорожский район, Ленинградская область, 16, 50, 74, 83, 103
Поля д., Заонежский район, КФССР, 42, 168
Поповка д., Дюртюлинский район, Башкирская АССР, 143
Поросозеро с., Петровский район, КФССР, 101, 143
Поросозеро (оккупированная территория в районе с. Поросозеро, КФССР), 3
поселок Ильинского лесозавода, Олонецкий район, КФССР, 58, 80
Прионежье (оккупированная территория Прионежского района КФССР), 3
Прионежский район, КФССР, 26, 27, 98, 103, 124
Пряжа (оккупированная территория в районе с. Пряжа, КФССР), 3
Пряжа п. (с.), Пряжинский район, КФССР, 40, 56, 93, 108, 139, 180, 183

Пряжинский район, КФССР, 34, 108, 139
Пудож г., Пудожский район, КФССР, 20, 86, 174
Пудожский район, КФССР, 40, 85
Пургино д., Заонежский район, КФССР, 39, 42
Пурдега д., Заонежский район, КФССР, 171
Пустоша д., Заонежский район, КФССР, 153, 165
Пустыня д., Заонежский район, КФССР, 42

Р

Рабала д., Олонецкий район, КФССР, 19
Реболы с., Ребольский район, КФССР, 12, 34, 42
Ребольский район, КФССР, 38, 42
Республика Беларусь, 58
Ридсельга д., Заонежский район, КФССР, 42, 63
Римское д., Медвежьегорский район, КФССР, 20
Ровское д., Подпорожский район, Ленинградская область, 64, 67, 141
Розмега д., Шелтозерский район, КФССР, 31
Ругозерский район, КФССР, 48
Ругозеро (оккупированная территория в районе с. Ругозеро, КФССР), 3
Русиново (Русиновская) д., Заонежский район, КФССР, 142, 153
Рыбинск г., Ярославская область, 20
Рыпушкалицы д., Олонецкий район, КФССР, 80
Рышкала д., Олонецкий район, КФССР, 56

С

Савинская д., Заонежский район, КФССР, 135
Самсоново д., Заонежский район, КФССР, 168
Саригора д., Ведлозерский район, КФССР, 31
Сафроновская д., Заонежский район, КФССР, 39

Свирь-2 п., Подпорожский район, Ленинградская область, 6, 81, 103, 157, 159, 162
Свирь ст., Подпорожский район, Ленинградская область, 16, 50, 64, 70
Святнаволок с., Петровский район, КФССР, 15, 38, 79, 81–83, 101, 135–138, 142–145, 147, 149–153, 155–166, 168, 169, 171–180
Северная д., Заонежский район, КФССР, 188
Сегежа г., Медвежьегорский район, КФССР, 137
Сегозерский район, КФССР, 26, 28, 34, 38, 46, 47
Селецкое д., Заонежский район, КФССР, 42, 140, 176
Сельга (Сельги) д., Сегозерский район, КФССР, 97, 101
Сельга д., Заонежский район, КФССР, 90
Сенная губа д., Заонежский район, КФССР, 42, 72, 133
Сенногубский сельсовет, Заонежский район, КФССР, 35, 37, 39, 43
Семчегора д., Петровский район, КФССР, 137, 149, 160, 165, 168, 171, 183, 187
Сибово д., Заонежский район, КФССР, 32, 127, 171
Сидорово д., Оленинский район, Калининская (ныне Тверская) область, 65
Симанниemi (Симан-наволок, Симон-наволок, Верхняя Видлица) д., Олонецкий район, КФССР, 8
Симанова д., Оштинский район, Ленинградская область, 92
совхоз Ильинский, Олонецкий район, КФССР, 46, 80
Соломенное п., г. Петрозаводск, КФССР, 20, 104, 151
Сона д., Ведлозерский район, КФССР, 31
Сондалы д., Сегозерский район, КФССР, 40, 97
Сортавала г., Сортавальский район, КФССР, 34
Сортавальский район, КФССР, 34

Сталинград г., Сталинградская область, 16
Суна д., Кондопожский район, КФССР, 9
Суна ст., Кондопожский район, КФССР, 40
Суоярвский район, КФССР, 34, 48
Сыссойла д., Ведлозерский район,
КФССР, 34
Сямозеро (оккупированная территория
в районе с. Сямозеро, КФССР), 3
Сямозеро д., Пряжинский район,
КФССР, 139

Т

Тавойгора д., Кондопожский район,
КФССР, 14
Тамбицы (Тамбицы речка) д.,
Заонежский район, КФССР,
63, 186
Таровская д., Заонежский район,
КФССР, 158
Тарутинская д., Заонежский район,
КФССР, 145
Терехово д., Заонежский район, КФССР, 37
Терманы (Термана) д., Сегозерский
район, КФССР, 97
Тикша д., Ругозерский район, КФССР, 18
Типиницы д., Заонежский район,
КФССР, 13, 15, 171
Типиницкий сельсовет, КФССР, 43
Токари ст., Подпорожский район,
Ленинградская область, 73
Толвуйский сельсовет,
Заонежский район, КФССР, 34–37,
39, 43
Толвуйа с., Заонежский район, КФССР,
40, 188
Томицы м., Прионежский район, КФССР,
13, 104
Топозеро (?) д., Кестеньгский район,
КФССР, 29
Трушево д., Заонежский район, КФССР,
181
Тукса д., Олонецкий район, КФССР, 58,
80
Тулокса с., Олонецкий район, КФССР,
19
Тявзия д., Заонежский район, КФССР,
153

У

Угольская д., Заонежский район,
КФССР, 176
Уница д., Кондопожский район, КФССР,
121, 150, 152, 155, 163, 172–174, 183, 185
Усланка д., Подпорожский район,
Ленинградская область, 6, 16, 74, 80,
126, 159
Устиново д., Вознесенский район,
Ленинградская область, 93
Устьрека (Усть-Река) д., Заонежский
район, КФССР, 30
Устьяндомы (Усть-Яндомы) д.,
Заонежский район, КФССР, 32, 39
Ухта (оккупированная территория
в районе Калевалы, КФССР), 3

Ф

Федоровская д., Шелтозерский район,
КФССР, 34
Федосова Гора д., Заонежский район,
КФССР, 39
Финляндия, 2, 4, 12, 14, 15, 17–19,
22, 25–30, 32, 34–36, 42, 47–49,
58, 61, 64, 70, 74, 80, 89, 97, 101, 102,
122, 184
Фоймогубский сельсовет, Заонежский
район, КФССР, 39
Фоймогуба д., Заонежский район,
КФССР, 37

Х

Харлово д., Заонежский район, КФССР,
151, 158
Хевроньино с., Подпорожский район,
Ленинградская область, 103
Хельсинки г., Финляндия, 20, 34, 42, 58,
64

Ц

Царево д., Заонежский район, КФССР,
42, 176
Цилополе д., Заонежский район, КФССР,
165

Ч

Чебино д., Медвежьегорский район,
КФССР, 145, 166, 175, 181
Челмужи д., Медвежьегорский район,
КФССР, 20
Челябинская область, 34
Черкасы д., Заонежский район, КФССР,
121

Ш

Шайдома д., Кондопожский район,
КФССР, 156, 170
Шала с., Пудожский район, КФССР, 20
Шаменичи д., Подпорожский район,
Ленинградская область, 50
Шангостров д., Подпорожский район,
Ленинградская область, 73
Шелехово (Шелехова) д., Заонежский
район, КФССР, 149
Шелтозеро (оккупированная
территория в районе с. Шелтозеро
КФССР), 3
Шелтозерский район, КФССР, 20, 26–31, 47
Шелтозеро с. (Бережное Шелтозеро),
Шелтозерский район, КФССР, 23, 26,
31, 33, 89
Широкие поля д., Заонежский район,
КФССР, 167
Шокша с., Шелтозерский район,
КФССР, 31, 32, 34
Шунгский сельсовет, Заонежский район,
42
Шуньга с., Заонежский район, КФССР,
40, 161, 165, 166, 169, 170
Шуньга, Шуньгский район
(оккупированная территория
Заонежского района КФССР), 3, 4, 30

Щ

Щеккила д., Ведлозерский район,
КФССР, 31
Щепино д., Заонежский район, КФССР,
179
Щукнаволок д., Ведлозерский район,
КФССР, 34

Э

Эссойла д., Пряжинский район,
КФССР, 173

Ю

Юлмаки д., Заонежский район,
КФССР, 188
Юргилицы д., Ведлозерский район,
КФССР, 31
Юрьев г. (Тарту), Эстонская Республика,
42
Юостозеро д., Петровский район, КФССР,
143, 145, 147, 151, 166, 170, 182

Я

Яндомозеро д., Заонежский район,
КФССР, 30, 31, 42
Яндомозерский сельсовет, Заонежский
район, КФССР, 30, 36
Яскинский район, КФССР (ныне
в составе Выборгского района,
Ленинградская область), 34

Научное издание

**БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ:
ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ

Сборник архивных документов

Оригинал-макет подготовлен

Фондом «Связь Эпох»

Координатор проекта: *А. А. Евдокимова*

Выпускающий редактор: *Л. А. Катренко*

Художественное оформление: *М. А. Миллер*

Верстка: *В. В. Забкова*

Подготовка изображений: *С. В. Панфилов*

Подготовка к печати: *М. А. Рогова, С. В. Панфилов*

Редактор, корректор: *Е. Р. Секачева*

Фонд «Связь Эпох»

123376, Москва, ул. Красная Пресня, 28, стр. 2, оф. 305

Тел.: +7 499 253 90 01

fond@svyazepoh.ru

<https://svyazepoh.ru/>

ООО «Издательство «Кучково поле»

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, ком. 2–11

info@kpole.ru

Подписано в печать 28.10.2020

Формат 70×100/16

Усл. печ. л. 33,5

Тираж 500 экз.

Заказ №

ISBN 978-5-907171-26-8

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «ИПК Парето-Принт»

170546, Тверская область, Промышленная зона

Боровлево-1, комплекс № 3А,

www.pareto-print.ru

